

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ (к 1000-летию города Бреста)

Электронный сборник материалов
Международной студенческой научной конференции

17–18 мая 2019 года

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента **О. А. Фелькиной**

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2019

ISBN 978-985-22-0022-6

Об издании – 1, 2

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2019

Содержание

Вперед

Страница 1
из 378

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.2 Рус

Редколлегия:

О. А. Фелькина (гл. ред.), Г. А. Веремеюк, Л. А. Годуйко, С. А. Королевич,
Т. М. Лянцевич, О. Б. Переход, Г. В. Писарук, А. Ю. Яницкая

Рецензенты:

заведующий кафедрой белорусской филологии УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», кандидат филологических наук, доцент **Л. В. Леванцевич**

доцент кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент **Е. И. Абрамова**

Слово в языке, речи, тексте (к 1000-летию города Бреста) [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов Междунар. студен. науч. конф., Брест, 17–18 мая 2019 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. А. Фелькина [и др.] ; под общ. ред. О. А. Фелькиной. – Брест : БрГУ, 2019. – 378 с. – Режим доступа: <http://lib.brsu.by/node/1629>.

ISBN 978-985-22-0022-6.

В сборник вошли материалы докладов Международной студенческой научной конференции «Слово в языке, речи, тексте» (17–18 мая 2019 г.), посвящённые вопросам функционирования слова в языковой системе, в речевой практике, в научных, публицистических и художественных текстах. Статьи представлены в авторской редакции на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу читателей – студентам, аспирантам, преподавателям, учителям, научным работникам. Разработано в PDF-формате.

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.2 Рус

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:

тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

Начало

Содержание

Вперед

Страница 2
из 378

2 – сведения об издании

- Использованное ПО: Windows 8, Microsoft Office Word 2013;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор О. А. Фелькина, компьютерный набор и верстка О. А. Фелькина;
- дата размещения на сайте: 26.09.2019;
- объем издания: 3,24 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Страница 3
из 378](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья!

Для начинающих исследователей 17–18 мая 2019 года, в рамках ежегодных Дней славянской письменности и культуры, кафедрой общего и русского языкознания на филологическом факультете Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина была организована международная студенческая научно-практическая конференция «Слово в языке, речи, тексте».

Конференция была приурочена к 1000-летию города Бреста.

В данный сборник включены работы участников конференции, по-разному и с разных сторон освещающие закономерности появления и употребления слов, их роль в различных типах текстов и в процессе обучения родному или иностранному языку.

Редколлегия

Начало

Содержание

Вперед

Страница 4
из 378

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А. А. КУНШТЕЛЬ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, кандидат филологических наук, доцент

АДЪЕКТИВНАЯ ПАЛИТРА ЛИРИКИ А. АХМАТОВОЙ

Произведения поэтов серебряного века всегда вызывали заинтересованность лингвистов как богатый материал для исследования. Это объясняется тем, что авторы в своих произведениях использовали все ресурсы языка, экспериментировали и придавали словам новое значение. К творчеству А. Ахматовой мы обратились и в связи с тем, что в июне нынешнего года будет отмечаться 130-летие со дня ее рождения.

Для поэзии серебряного века, с одной стороны, характерна многозначность и неоднозначность образов, композиционная размытость, а с другой стороны, – ясность мысли и конкретность образов. Эти противоположные тенденции, которые находим и в лирике А. Ахматовой, отразились в адъективной палитре ее стихотворений.

Имена прилагательные занимают важное место в творческом методе А. Ахматовой, активно используются в ее лирике. В поэтических текстах автора представлены адъективы всех трех разрядов: качественные, относительные и притяжательные.

В ряду качественных выделяются адъективы, связанные с **сенсорным** восприятием. Это лексемы, обозначающие:

– **вкус**: *солёный, сладкий, пресный, горький. Не будем пить из одного стакана / Ни воду мы, ни сладкое вино...* [1, с. 34] (далее примеры из этого издания приводятся в круглых скобках с указанием страницы);

– **запах**: *смрадный, душистый, зловонный, пахучий, пряный, душисто-снежный, мятный, сладко-ладанный. Перед ним самый смрадный грешник...* (с. 401); *Душистым, сухим дождем...* (с. 268). Прилагательные этого ряда можно разбить на описывающие приятные (*душистый, пахучий, пряный*) и неприятные запахи (*смрадный, зловонный*). Адъективы *сладко-ладанный* и *душисто-снежный* являются окказионализмами А. Ахматовой.

Звуковая характеристика представлена суперлативом *самый громкий. А в ночи над ухом смерть пророчит, / Заглушая самый громкий звук...* (с. 256).

Нередко А. Ахматова использует адъективы, обозначающие:

– **параметрические характеристики предмета**: *высокий, низкий, узкий, широкий. И в коридорах узких те обои / Которыми мы любовались в детстве* (с. 228);

– **направление**: *косой, прямой. Один идет прямым путем, / Другой идет по кругу* (с. 102).

В лирике Анны Андреевны присутствуют имена прилагательные, имеющие **темпоральную** семантику и характеризующие:

– **возраст предмета**: *ветхий, древний, вечный, старый. Как старый зазубренный нож* (с. 259).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 5
из 378

– **возраст человека:** *детский, младенческий, старый. Ты не та ли, кого я повсюду ищу, / О которой с младенческих лет, / Как о милой сестре, веселюсь и грущу?* (с. 356); *Вот эта синяя тетрадь / С моими детскими стихами* (с. 475).

Говоря о качественных адъективах, нельзя оставить без внимания оценочную лексику. Оценка предполагает наличие альтернатив и шкалы градаций, а это значит, что выражение оценки опирается на соотнесение с нормой [2, с. 225]. Такие прилагательные принято разделять на лексемы, выражающие положительную и отрицательную оценку. Типичными примерами которых являются лексемы *хороший* и *плохой*. Оценочные прилагательные можно объединить в группы, компоненты которых объединяются в антонимические пары и выражают:

– **сенсорную характеристику:** *пахучий/душистый – зловонный* (оценка запаха); *прекрасный – безобразный, красивый – страшный* (визуальная оценка); *сладкий – горький* (оценка вкуса). И *ту, что красивой* тряхнув головой (с. 29); *В этом страшном, дымном лице* (с. 225);

– **интеллектуальную характеристику:** *интересный – скучный; умный, остроумный, мудрый – глупый, полоумный, сумасшедший. Порешили люди умные* (с. 328); *Глупый мальчик: он выбрал эту* (с. 41);

– **эмоциональную характеристику:** *веселый – грустный; радостный – печальный, скорбный; спокойный – яростный, дикий; послушный – капризный. Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему* (с. 23); *Как промчался «афганец» дикий* (с. 299); *Вот и dospорился, яростный спорщик* (с. 14);

– **внутренние качества:** *нежный, ласковый – грозный; смиренный – гордый; добрый – злой, сердитый; честный – лукавый; смелый, доблестный – робкий. Тем, кто нежен и любит светло...* (с. 119); *И вечную юность скрывала / Под грозной своей сединой* (с. 229);

– **морально-этическую характеристику:** *хороший – нехороший, плохой, худой, лихой. Ни плохих, ни хороших, ни средних* (с. 40); *Что нам разлука? – Лихая забава* (с. 350).

Группа оценочных представительна и является одной из часто используемых в лирике А. Ахматовой. Каждая лексема может характеризовать как человека, так и предмет. Так, например, адъектив *радостный* поэтессой употребляется для оценки явлений: *Плыву, и радостна прохлада* (с. 271); *Ваш благостный, ваш радостный союз* (с. 302); но для характеристики человека данное прилагательное не используется. Гораздо чаще, в том числе и для оценки состояния человека, употребляется прилагательное-антипод *печальный*. Это связано и с особенностями творчества поэтессы, для которой именно печаль становилась источником вдохновения. Поэтому лирические герои стихотворений Ахматовой чаще всего испытывают именно это чувство: *Я недаром печальной слыву / С той поры, как привиделся ты* (с. 63). Или: *О, пленительный город загадок, / Я печальна, тебя полюбив* (с. 50).

Широко представлены в поэзии А. Ахматовой прилагательные из разряда относительных. Это лексемы, обозначающие признак по отношению к различным материалам:

– **ткани:** *атласный, кружевной. Расстояние, как от Луги / До страны атласных баут* (с. 403); *Кружевную шаль не снимая* (с. 407);

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 6
из 378

– **природным материалам:** *костяной, фарфоровый, восковый, паутинный, глиняный, песочный. А в ответ в паутинном углу...* (с. 390);

– **металлам:** *золотой, серебряный, бронзовый, свинцовый, железный, медный, чугунный. Он слетел на дно долины / С пышных бронзовых ворот* (с. 519); *В серебряной вазочке драже* (с. 372);

– **камням и минералам:** *хрустальный, алмазный, мраморный, гранитный, каменный, сапфировый. А там мой мраморный двойник* (с. 205); *От вазы гранитной до двери дворца...* (с. 381).

Следует отметить, что относительные прилагательные представляют особый интерес для изучения, так как часто одну и ту же лексему А. Ахматова употребляет и в прямом, и в переносном значении. Причиной перехода относительных прилагательных в качественные становится сама природа относительного адъектива и его способность употребляться в переносном значении. На это обращал внимание В. В. Виноградов: «Во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качества, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений» [3, с. 205]. По мнению исследователей данного вопроса, переход прилагательных из одного разряда в другой происходит по причине смены круга денотатов, что непосредственно связано с контекстом. Об этом говорит и А. Н. Шрамм: «Семантика прилагательных отличается сильной контекстуальной обусловленностью, новое значение формируется в новом контексте» [4, с. 132].

В произведениях А. Ахматовой наблюдается переход относительных прилагательных в качественные на основе внешнего сходства (чаще всего по цвету):

– **с минералом, камнем:** *янтарный* (сияние), *изумрудный* (цвет). *И в каких сияньях янтарных* (с. 233);

– **с металлом:** *золотой* (листопад), *серебряный* (месяц, туман, ива), *бронзовый* (веки), *железный* (закон, ночь, объятия). *И пусть с неподвижных и бронзовых век* (с. 332); *Неведомо объятье рук железных* (с. 40). Один из излюбленных образов лирики Анны Ахматовой – *серебряная ива* – также служит примером перехода относительного прилагательного в качественное;

– **с другими веществами:** *стеклянный* (крыльцо), *ледяной* (сад), *дымный* (лицо, сень). *Здесь дом был почти что белый, стеклянное крыльцо* (с. 485).

Менее распространен переход на основе звукового сходства: *серебряный* (голос, смех, звон), *чугунный* (голос), *стеклянный* (звон), *каменный* (слово). *И упало каменное слово* (с. 495).

Анна Андреевна, будучи поэтом, не оставляет без внимания адъективы, которые имеют отношение к литературе. Это группы слов, образованных от наименований:

– **родов литературы:** *лирический. Увы! Лирический поэт / Обязан быть мужчиной* (с. 529);

– **жанров, конкретных произведений:** *библейский, эгегический, одический, сказочный, евангельский, песенный. Мне ни к чему одические рати и прелесть эгегических затей* (с. 394);

– **авторов:** *шекспировский, пушкинский, крыловский. Гуляют пушкинских красавиц внучки* (с. 559); *И вот идет шекспировская драма* (с. 470);

– **литературных персонажей:** *каренинский, виевый. Каренинскою красою изумленных* (с. 382).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 7
из 378

По мнению Андрея Белого, «словарь поэта – ключ к тайнам его духа». Таким образом, адъективная лексика помогает расширить представление о языковой картине мира автора, установить языковые приоритеты и индивидуальные образно-словесные возможности художника слова.

Список использованной литературы

1. Ахматова, А. А. Лирика / А. А. Ахматова. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 544 с.
2. Современный русский язык: Морфология : учеб. для студентов филол. фак. вузов / С. И. Богданов [и др.]. – СПб. : СПбГУ, 2007. – 664 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
4. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 132 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 8
из 378](#)

А. С. ПОПОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. С. Клундук, кандидат филологических наук, доцент

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ СОЛДАТА ВО ВРЕМЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В МАТЕРИАЛАХ АВТОРСКОГО ПРОЕКТА В. САРЫЧЕВА

Исследование тематического поля авторских проектов, позволяет выявить, во-первых, журналистские приоритеты публициста, во-вторых, его позицию как автора, в-третьих, направленность его творческого поиска. Авторский проект В. Сарычева «В поисках утраченного времени» касается комплекса тем, связанных с историей города Бреста на протяжении большого временного отрезка (на данный момент журналистом освещено более 900 лет). Четыре из шести вышедших книг посвящены событиям 1939–1945 гг. И одной из важных тем, поднятых публицистом, является тема поведения человека на войне, изменения его личности под действием внешних факторов. В произведениях В. Сарычева она раскрывается с двух сторон: со стороны восприятия войны советскими солдатами и командирами и со стороны немецких военнослужащих, а также бойцов различных союзных Германии формирований и подразделений, созданных под эгидой вермахта или СС.

Наибольшая концентрация воссозданных образов советских солдат и командиров содержится в третьей книге, под названием «1941. Война на Брестском направлении». Объясняется это тем, что первая книга посвящена истории Бреста с 1019 года; во второй, описывающей Освободительный поход РККА и польскую кампанию вермахта, показ советских военнослужащих занимает слишком мало места, чтобы можно было провести полноценный анализ. Остальные же книги затрагивают период с 1941 по начало 1944 года, когда Брест находился на оккупированной территории и Красная армия как воинское формирование, участвующее в боевых действиях, в нем не находилась.

Тема поведения советского военнослужащего раскрывается В. Сарычевым в очерках, посвященных обороне Брестской крепости, и носит обобщающий характер, например: *Немцы выпытывали у пленных, кто командиры, но бойцы не донесли; Старшину расстреляли и некоторых других [1, с. 241]; В день отбивали по 10–12 атак, часто врукопашную. Друг друга не узнавали – истерзанные, измученные. Если кто поднимал разговор о сдаче в плен, стреляли сами бойцы [1, с. 232]*. Автор подчеркивает, используя воспоминания самих участников обороны, наиболее яркие качества советских бойцов и командиров: смелость в бою, презрение к смерти, чувство ответственности, воинский коллективизм. Немаловажную роль в раскрытии темы поведения советского солдата на войне играют также приведенные в конце третьей книги воспоминания пастора 45-й дивизии вермахта Гшёпфа, например: *Майор и комиссар, которые, по словам пленных, руководили этим последним сопротивлением, покончили с собой, чтобы избежать плена [1, с. 305]*. Признание со стороны врага положительных качеств бойцов и командиров РККА является важным свидетельством действительности наличия данных характеристик, а использование подобных документов – подтверждением стремления автора к объективности изложения фактической стороны происшедших событий.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 9
из 378

Вторая составляющая указанной нами темы – представление о немецких военнослужащих в период боевых действий и оккупации. Так же, как и информация о советских бойцах и командирах, она подается с двух точек зрения: самих немцев через воспоминания некоторых бойцов 45-й пехотной дивизии вермахта и жителей Бреста, наблюдавших за ними. Важно отметить, что, согласно выбранному В. Сарычевым методу работы, оценка тех или иных сведений практически не проводится.

Представления о немецких военнослужащих можно разделить, в свою очередь, на общие (о родах войск или об уроженцах определенных регионов) и на частные (о конкретных представителях, часто вне зависимости от подразделений). Общие впечатления подтверждаются, например, следующей цитатой: *Психология поведения солдата в немецкой форме во многом зависела от того, к каким войскам он относился. Местные со временем поняли: от конвойных, жандармов, эсэсовцев всех мастей держись подальше, у штурмовиков мозги тоже набекрень могли оказаться сдвинуты. Обычные же полевые части («полевики», как говорили брестчане) с населением не воевали, их враг на передовой [2, с. 59].* Приведенный нами отрывок иллюстрирует восприятие немецких войск горожанами. Однако нам не вполне понятно, что имеет в виду автор, указывая среди видов немецких войск неких «штурмовиков». Подобного понятия применительно к частям, действующим на постоянной основе, ни в вермахте, ни в СС не существовало (кроме специально обученных подразделений штурмпионеров – саперных частей, предназначенных для разминирования участков местности, уничтожения заградительных противопехотных сооружений и наведения переправ).

Впечатление о солдатах вермахта, которое мы обозначаем как частное, проявляется как в негативном ракурсе (фактически в разных вариациях повторяется то же, что мы рассмотрели выше), так и в нейтральном, например: *Немец взял на руки младенца Ваню, родившегося за несколько месяцев до войны, а того некстати проносило – уделал оккупанту рукав. Мать перепугалась, сейчас швырнет на землю, а немец аккуратно отдал дите и полез в китель за фотографией: у самого дома осталось пятеро [2, с. 177].* Как можно заметить, автором применяется хорошо известный прием «они тоже люди»: немецкий солдат проявляет по отношению к детям человеческие качества по причине того, что на Родине у него также остались дети.

Отдельно стоит отметить и наличие четко выраженных негативных воспоминаний о действиях немецких военнослужащих, например: *Соседи кумовьев прятались в схроне – зигзагообразном окопчике, какие рекомендации прорыть в огородах еще польские власти во время войны 1939 года. Хозяйку с больными ногами сюда буквально заволокли, младшие дети сидели в середине, а с краю – очень красивая старшая дочь. Немцы-штурмовики, увидев такую красавицу, вытащили ее и на глазах у всех надругались по очереди [2, с. 107].*

Эмпирический материал показывает, что В. Сарычев в освещении образов немецких военнослужащих времен Великой Отечественной войны старается придерживаться нейтральной позиции, подавая лишь подтвержденные свидетелями факты и воздерживаясь от оценок.

Таким образом, тематическое поле авторского проекта В. Сарычева «В поисках утраченного времени» очень широко. В данном материале мы рассмотрели репрезентацию лишь одной темы – поведения солдата во время боевых действий. Разработка ее характеризуется скрупулезностью, рассмотрением предмета с разных

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 10
из 378](#)

сторон, опорой не только на мнение интервьюируемых, но и на документы. В качестве изъянов в разработке данной темы можно выделить недостаточные знания автора в вопросах военной организации армий противоборствующих сторон и некоторую претенциозность в выражении своих собственных измышлений относительно исторических событий.

Список использованной литературы

1. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени : в 6 кн. / В. В. Сарычев. – Брест : Брест. тип., 2006–2017. – Кн. 3 : 1941. Война на брестском направлении. – 2009. – 312 с.
2. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени : в 6 кн. / В. В. Сарычев. – Брест : Брест. тип., 2006–2017. – Кн. 4 : История Европы в зеркале одного города. – 2011. – 300 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 11
из 378

А. А. ЦЮШКЕВІЧ (г. Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – Ю. М. Лук’янюк, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

МОЛАДЗЕВЫ СЛЭНГ У СУЧАСНАЙ ЛІНГВІСТЫЦЫ

У апошні час назіраецца масавае выкарыстанне слэнгу ўсімі слямі насельніцтва. Слэнг – гэта эмацыйна афарбаваная лексіка, якая ўжываецца перш за ўсё ў вусным маўленні. У літаратуру ён пранікае як сродак характарыстыкі асаблівасцей вуснага маўлення пэўнага асяроддзя. Слэнг дазваляе хутка і эмацыйна перадаць рэчаіснасць. Ён выдзяляе чалавека з той ці іншай сацыяльнай групы, фарміруе яго моўную культуру. Для слэнгу характэрна гіперэмацыйнасць, экспрэсіўнасць, метафарычнасць і розныя канатацыі. Ён з’яўляецца невычэрпнай крыніцай новых лексічных сродкаў, якія папаўняюць мову сучаснай моладзі.

Выкарыстоўваючы слэнг, моладзь стварае сваю ўнікальную мову, якая зразумела толькі пэўнаму колу людзей. Гэта дае магчымасць «шыфраваць» і скарачаць словы, робіць іх больш запамінальнымі і яркімі.

Найбольш актыўныя карыстальнікі слэнгу – моладзь сталіцы і абласных гарадоў. Маладыя людзі з перыферыі яго выкарыстоўваюць радзей. Але сітуацыя змяняецца, калі яны пераязджаюць ў горад. Гэта звязана з жаданнем быць «сваім» і імкненнем да маўленчай экспрэсіўнасці і метафарычнасці.

Вучоныя разглядаюць тэрмін «слэнг» у якасці сіноніма да тэрмінаў «жаргон» і «сацыяльны дыялект». Лічыцца, што «жаргон», «сацыяльны дыялект» і «слэнг» – гэта перш за ўсё разнавіднасць мовы, якой карыстаюцца прафесійныя групы і сацыяльныя праслойкі людзей, аб’яднаныя агульнасцю інтарэсаў, звычак, заняткаў, сацыяльнага становішча і інш. [1, с. 103]. В. Бойка піша: «Сёння слэнг не мае выразнай сацыяльна-прафесійнай арыентацыі, ім могуць карыстацца прадстаўнікі рознага сацыяльнага і адукацыйнага статусу, розных прафесій і г. д. Таму можна адзначыць такую асаблівасць слэнгу, як агульнавядомасць і шырокую ўжывальнасць» [2, с. 188].

Слэнг з’явіўся нядаўна. Амаль да пачатку ХХ ст. існавалі асобныя словы, уласцівыя пэўнаму колу маладых людзей, напрыклад, семінарыстам. Больш актыўна слэнг пачынае развівацца з канца 50-х гг., калі пачынаюць з’яўляцца першыя жарганізмы, якія адлюстроўвалі спецыфіку жыцця маладых людзей [1, с. 104].

Прычыны ўзнікнення слэнгу розныя. Да іх можна аднесці: субкультуры, камп’ютарныя гульні, замежныя мовы, захапленні маладых людзей. Часцей за ўсё слэнг узнікае ў выніку імкнення да маўленчай экспрэсіі, выказвання асаблівых (іранічных, лёгкадумных, пагардлівых) адносін да жыцця, жадання скараціць словы.

Для моладзевага слэнгу характэрны ў асноўным запазычанні з англійскай мовы. Яны могуць быць граматычна не засвоенымі. Да граматычна не засвоеных адносяцца словы тыпу *бай – пака; дэнс – танцы*. Прыкладам граматычна засвоеных слоў могуць служыць наступныя: *даун* – ‘неразумны чалавек, дурань’; *піплы* – ‘сябры’ і інш.

Дзякуючы камп’ютарным тэхналогіям узніклі словы тыпу *комп* – ‘камп’ютар’; *глючыць* – ‘працаваць з перабоямі’; *завісаць* – ‘пераставаць выдаваць вынікі і рэагаваць на запыты званку’.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 12
из 378

Некаторыя даследчыкі вылучаюць слэнг школьнікаў і студэнтаў. Ф. П. Філін піша: «Большасць слоў, якія належаць да нефармальнага групіровак, звязаны з гэтым відам слэнгу, бо школьнікі і студэнты з'яўляюцца часткай моладзевых груп. Такі слэнг уяўляе сабой спалучэнне жарганізмаў і камп'ютарнай лексікі» [3, с. 82]. Сёння ад вучняў школ можна пачуць наступныя словы: *адстой* – 'дрэнна'; *аблом* – 'няўдача'; *клёвы* – 'вясёлы і добры'; *тормаз* – 'чалавек, які доўга думае'; *рэальна* – 'сапраўды'; *грузіць* – 'даваць шмат інфармацыі'.

У моладзевым слэнгу распаўсюджаны запазычаныя з іншых сацыяльных жаргонаў, пераважна з аргона злучэнцаў. Такія запазычаныя могуць набываць новыя значэнні. Напрыклад, *тусаванца* (у аргона – 'збірацца натоўпам для вырашэння якіх-небудзь пытанняў', у жаргоне моладзі – 'збірацца кампаніяй, праводзіць вольны час разам'). Некаторыя лексемы, пераходзячы з аргона злучэнцаў, захоўваюць сваё значэнне. Напрыклад, *змыцца* – 'уцячы'; *мент* – 'міліцыянер'; *стучаць* – 'данасіць'.

Такім чынам, слэнг – гэта эмацыянальна афарбаваная лексіка, якая ўжываецца перш за ўсё ў вусным маўленні. Ён выкарыстоўваецца ў якасці сіноніма да слова «жаргон» і «сацыяльны дыялект». Слэнгам карыстаецца перш за ўсё моладзь сталіцы і абласных цэнтраў. Слэнг дапамагае яскрава і эмацыянальна выражаць свае адносіны да прадметаў і з'яў. Ён узнікае пад уплывам запазычанняў, камп'ютарных тэхналогій, субкультур, захапленняў маладых людзей.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 462 с.
2. Бойка, В. Структура і семантыка тэксту. Слэнгавая лексіка ў беларускамоўным інтэрнэт-дыскурсе / В. Бойка // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі : матэрыялы Рэсп. навук. канф. да 70-годдзя з дня нараджэння праф. Г. М. Малажай. – Брэст : БрДУ, 2008. – С. 188–190.
3. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Совет. энцикл., 1979. – 432 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 13
из 378](#)

А. Н. ЮНАШ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. Б. Переход, кандидат филологических наук, доцент

ЛЕКСЕМА ДОМ В ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАХ

Концепт *дом* занимает особое место в русской языковой картине мира, относится к числу архетипических образов. Он имеет большую значимость в системе ценностных ориентиров русских людей с древних времен и представлен большим числом вербализаторов, основным из которых считается лексема *дом* и производные от данной лексемы. Тема дома является одной из ключевых во многих произведениях устного народного творчества, в пословицах, поговорках, в художественной литературе, поскольку тесно связана с разными сторонами человеческой жизни [1, с. 5–6]. Именно *дом* выступает одним из ориентиров в обыденной жизни, *дом* – это основа основ, прочный фундамент человеческого существования. Дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, внутреннее – внешнему, организованное – неорганизованному, свое – чужому.

Языковая объективация и культурологическая наполненность понятийной сферы *дома* в русском языке настолько велика, что практически является неисчерпаемой. Семантическое поле основного вербализатора концепта – лексемы *дом* отличается большим набором составляющих и многообразием отношений между ними. Семантическое поле основного вербализатора концепта – лексемы *дом* отличается большим набором составляющих и многообразием отношений между ними. В центре поля лексемы находятся такие компоненты, как 1) здание, строение; 2) жилье; 3) род, поколение; 4) семья; 5) хозяйство; 6) родина (большая и малая); 7) учреждение, предприятие и др. Широким является также паремиологическое и ассоциативное поля лексемы *дом*.

В докладе мы представим репрезентацию лексемы *дом* и производных от нее (*домик, дома, домой, домашний*) в интернет-ресурсах. Источником материала исследования послужили следующие интернет-ресурсы: «Кино-театр.ру», «Национальный корпус русского языка», «Электронная библиотека RoyalLib.com.», «Яндекс.ru», «Gallerix. Картины и художники», «z1fm».

Мы рассмотрели количество документов и вхождений, содержащих лексему *дом* в разных сферах, по данным «Национального корпуса русского языка» и отметили, что в основном корпусе найдено 13 414 документов и 68 888 вхождений. Это свидетельствует о высокой степени употребительности лексемы *дом*. Слово *дом* встречается в каждом из корпусов и представлено в них широко. Больше всего документов и вхождений с лексемой *дом* обнаружено в газетном корпусе, подкорпусе СМИ (26 904 документа, 42 332 вхождения). Меньше всего встретилось в историческом корпусе, церковнославянском подкорпусе (приблизительно) 1 документ, 1 вхождение [2].

В поисковой системе Яндекс отобраны материалы, имеющие в названии слово *дом*. При вводе слова *дом* в Яндекс-поиск появляются результаты, связанные:

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 14
из 378

1) с **недвижимостью, строительством**: «*Дома из бруса Москва – Дом вашей мечты*» (каталог домов, прайс-лист, отзывы) на сайте terem-pro.ru, «*52 загородных дома – выгодные цены без комиссий!*» (надежное бронирование) на сайте booking.com, «*Дом проект – финская технология «двойной брус»*» на сайте woods.by, «*Дом у нас! – Доска объявлений*» на сайте prostomesto.ru;

2) с **доставкой еды**: «*Доставка еды «Как дома»*» на сайте relax.by;

3) с **телевизионными фильмами**: «*Смотри фильм «Дом» на ivi*» на сайте ivi.ru;

4) с **популярным шоу на ГНТ «Дом 2»**: «*Дом-2 смотреть онлайн!*» на сайте nash-dom2.su, «*Дом 2 свежие серии*» на сайте dom2-hd.su, «*Дом 2 смотреть онлайн*» на сайте dom2-tv.com. «*Дом-2 свежие серии*» на сайте ClubDom2.com, «*Дом2 онлайн свежие серии смотрите бесплатно*» на сайте video-dom2.ru, «*Дом-2 – официальный сайт реалити-шоу на ГНТ*» на сайте dom2.ru, «*Дом-2 свежие серии!*» на сайте dom2.fans, «*Дом2 свежие серии!*» на сайте dom2.tw, «*Дом 2 – неофициальный сайт реалити-шоу*» life-dom2.su [3].

Таким образом, при вводе лексемы *дом* в интернет-поиск появляются результаты различной направленности.

Обратимся к «Электронной библиотеке RoyalLib.com.» и рассмотрим функционирование лексемы *дом* в названиях произведений русской литературы. Выявлено 97 стихотворений, содержащих в своих названиях лексемы *дом (домик)*, наречие *дома*. Лексема в названиях данных стихотворений относительно авторов и временных рамок представлена следующим образом:

1) поэты **XVIII в.**: И. А. Крылов «*Убогий этот дом Василий Климыч Злов...*»;

2) поэты первой половины **XIX в.**: А. С. Пушкин «*Домик в Коломне*», М. Ю. Лермонтов «*Мой дом*»;

3) поэты второй половины **XIX в.**: Н. А. Некрасов «*У людей-то в дому – чистота, лепота...*», А. В. Кольцов «*Дом лесника*»;

4) поэты **серебряного века**: А. Блок «*Дома растут, как желанья...*», В. Маяковский «*Дом Герцена*», Н. Гумилев «*По стенам опустевшего дома...*», О. Мандельштам «*Из-за домов, из-за лесов...*», С. Есенин «*Низкий дом с голубыми ставнями*», «*Не вернусь я в отчий дом*», «*Где ты, где ты, отчий дом*», «*Я покинул родимый дом...*»;

5) поэты **второй половины XX в.**: А. Галич «*Песня об Отчем Доме*», «*Отчий дом*», Б. Окуджава «*Строитель, возведи мне дом...*», В. Высоцкий «*Чужой дом*», «*Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате*», «*Дом хрустальный*», Е. Евтушенко «*Качался старый дом...*», И. Бродский «*Все чуждо в доме новому жильцу...*», «*Всегда остается возможность выйти из дому на...*»;

6) поэты **Великой Отечественной войны**: А. Твардовский «*Дом бойца*», К. Симонов «*Дом друзей*», «*Если дорог тебе твой дом*»;

7) **детские поэты**: А. Барто «*Дом переехал*», «*Было утром тихо в доме*», С. Михалков «*Дом книг*», С. Я. Маршак «*Кошкин дом*», «*Как хорошо проснуться утром дома*», «*Детский дом*» [4].

Выявлено 8 прозаических произведений, содержащих в своих названиях лексему *доми* наречие *дома*: А. П. Чехов «*Дом с мезонином*», «*Дома*», А. П. Гайдар «*Угловой дом*», Ю. М. Нагибин «*Дом № 7*», Ф. М. Достоевский «*Записки из мертвого дома*», Ф. Абрамов «*Дом*», М. Петросян «*Дом, в котором*»,

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 15
из 378

Ю. Трифонов «*Дом на набережной*» [4]. Таким образом, в названиях поэтических и прозаических произведений русских поэтов и писателей регулярно используется лексема *дом*. Обратим внимание на то, что лексема *дом* чаще присутствует в названиях стихотворений поэтов XX в., чем в названиях стихотворений поэтов другого времени, что можно связывать с трагическими историческими событиями XX в. (революции, гражданская война, Великая Отечественная война), с тем, что поэтов беспокоила судьба страны, родины, народа, родных.

По данным сайта «Кино-театр.ру» рассмотрены названия советских и российских художественных фильмов и сериалов, содержащих в своих названиях слово *дом* и производные *домик*, *домой*, *домашний*. Найдено 13 кинофильмов: «*Дом*» реж. О. Погодина, «*Дом без адреса*» реж. А. Холенко, «*Дом дураков*» реж. А. Кончаловский, «*Дом на Трубной*» реж. Б. Барнета, «*Дом с мезонином*» реж. Я. Базелян, «*Дом свиданий*» реж. В. Дербенев, «*Дом Солнца*» реж. Г. Сукачев, «*Дом, в котором я живу*» реж. Л. Кулиджанов, Я. Сегель, «*Домик в дюнах*» реж. А. Кольцатый, А. Маркелов, «*Домик в Коломне*» реж. П. Чардынин, «*Домой!*» реж. Г. Егиазаров, «*Дом с лилиями*» реж. В. Краснопольский, В. Усков, «*Домашний арест*» сцен. С. Слепаков, М. Туханин [5].

По запросу на сайте «z1fm» получено 18 результатов – песен, включающих в свои названия исследуемую лексему. Это следующие номинации: М. Круг и И. Круг «*Приходите в мой дом*», группа «Лесоповал» «*Я куплю тебе дом*», А. Розенбаум «*Нарисуй мне дом*», группа «Бутырка» «*Зеленый дом 67*», А. Кобяков «*Мой дом на небе*», Д. Кудайбергенов «*Дом мой*», Т. Буланова и М. Боярский «*Единственный дом*», группа «Ласковый май» «*Детский дом*», группы «А Studio», «Виа Гра», «Винтаж», Н. Басков, Валерия, Ф. Киркоров, А. Лорак, Т. Овсиенко «*Счастье в каждый дом*», В. Цой и группа «Кино» «*Я объявляю свой дом*», Т. Повалий «*Сердце – дом для любви*», Скриптонит «*Дома*», Л. Лещенко «*Родительский дом*» и др. [6].

По данным сайта «Gallerix. Картины и художники» получены названия 6 произведений живописи, содержащих слова *дом/домик/домой*: В. Перов «*Приезд гувернантки в купеческий дом*», А. Васнецов «*Старый дом*», Б. Кустодиев «*Голубой домик*», В. Якоби «*Ледяной дом*», П. Грузинский «*Домой*», М. Шагал «*Синий дом*» [7].

Таким образом, количество документов и вхождений в «Национальном корпусе русского языка», данные других интернет-ресурсов свидетельствуют об активном функционировании лексемы *дом* и производных от нее в рекламе, названиях стихотворений, прозаических произведений, кинофильмов и сериалов, произведений живописи, песен, телевизионного шоу, что является подтверждением значимости этого понятия в жизни человека. За счет активного употребления лексема *дом* получает дополнительные расширительные значения, «обрастает» новыми когнитивными признаками (например, *Дом-2* – «место, где строятся отношения»). Будучи вербально организованной и воплощенной в производных языковых единицах, лексема *дом* несет отпечаток культурного сознания носителей русского языка.

Список использованной литературы

1. Ланская, О. В. Концепт «дом» в языковой картине мира [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Ланская ; Липецкий гос. пед. ун-т. – Липецк, 2005. – 24 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/126123/d#?page=1>. – Дата доступа: 31.10.2018.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 16
из 378

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2003–2019. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 12.04.2019.

3. Яндекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.by>. – Дата доступа: 14.04.2019.

4. Электронная библиотека RoyalLib.com. – Режим доступа: <https://royallib.com>. – Дата доступа: 15.04.2019.

5. Кино-театр.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru>. – Дата доступа: 15.04.2019.

6. z1fm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://z1.fm>. – Дата доступа: 15.04.2019.

7. Gallerix. Картины и художники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gallerix.ru>. – Дата доступа: 15.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 16
из 378

СЕКЦІЯ 1. БРЕСТ И БРЕСТЧИНА В ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ

П. А. БАРЗДЫКА (г. Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – П. П. Жаўняровіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ВОБРАЗ БЕЛАВЕЖСКОЙ ПУШЧЫ Ў ПУБЛІЦЫСТЫЦЫ У. КАРАТКЕВІЧА

Публіцыстыка У. Караткевіча – адметная старонка не толькі беларускай літаратуры, але і журналістыкі. Захоплены любоўю да прыроды Беларусі, пісьменнік не мог пакінуць па-за ўвагай такую адметную для нашай краіны мясціну, як Белавежская пушча.

У зборы твораў У. Караткевіча ў 25 тамах, які выходзіць у выдавецтве «Мастацкая літаратура», 12-ы том прысвечаны публіцыстыцы. Са шматлікіх эсэ-нарысаў тома вобраз Белавежскай пушчы раскрываецца ў чатырох. Як адзначае П. Жаўняровіч, «дапамагчы чытачу ўбачыць тое, што ўбачыў сам, зразумець тое, што хаваецца за ўбачаным, захапіцца ім – вось тая звышзадача, якую ставіў У. Караткевіч перад сабой» [1, с. 150]. Для эсэ-нарыса галоўнае – праз аўтарскую ўзрушанасць перадаць імпульс даверу рэцыпіенту і прымусіць яго стаць аднадумцам.

Часцей за ўсё пісьменнік паказвае пушчу ўнікальным найстаражытнейшым лесам Еўропы і перадае гэтую думку праз эпітэты са значэннем даўніны: *Гэта адзін з апошніх астравоў таго першабытнага лесу, які пакрываў у старадаўнія часы ўсю Еўропу* [2, с. 97] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі); *Первобытний лес – чого вы хочите?* (с. 107); *Чорнае і зялёнае. Вечны сонечны цень Белавежскай пушчы, самага старажытнага і ледзь не самага цікавага лесу на зямлі* (с. 200); *...самы стары і цікавы бастыён – Белавежа* (с. 251); *Хочется в самый древний лес Европы...* (с. 107) і праз параўнанні: *Адвечная цішыня. Таксама як і ў каменным веку* (с. 97); *Птицы дерутся за право на любовь, как и тысячи лет назад* (с. 105); *Цяпер той, хто хоча на свае вочы бачыць, які быў Шэрвудскі лес у часы Робін Гуда, Ардэнскі лес у часы рыцараў Круглага Стала і казачых волатаў, Тэўтабургскі лес у часы Армінія, не павінен шукаць такога ў сябе, у Англіі, Францыі, Германіі, а павінен ехаць сюды, у спрадвечны лясны аплот* (с. 251).

Разгорнутае параўнанне Белавежскай пушчы са старажытнымі мясцінамі, знакавымі для сусветнай гісторыі і культуры, выконвае фатычную функцыю: апошні прыклад узяты з тэксту, які рыхтаваўся як прадмова да фотаальбома «Белавежская пушча» (с. 748), разлічанага і на замежнага чытача. Заўважаецца, што, ацэньваючы аўтэнтычнасць Белавежскага лесу, У. Караткевіч ставіць яго не проста ў адзін шэраг са знакамітымі замежнымі лясамі, а на першае месца. Гэта сведчыць пра стаўленне аўтара і да пушчы, і да беларускіх «скарбаў» увогуле: пісьменнік належыць да той часткі беларусаў, якія шануюць роднае, ганарацца ім і не саромеюцца, не баяцца гаварыць пра гэта «на свет цэлы».

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 18
из 378](#)

Увогуле эсэ-нарысы пра Белавежскую пушчу багатыя на маляўнічае, эмацыйна афарбаванае апісанне флары і фаўны, агульнай атмасферы пушчы: ...зубр, **первобытний бык, тяжёлый танк европейской фауны** (с. 104); **Рыбой кипят воды** (с. 105); ...бары, **надобныя на гатычныя храмы** (с. 261) і інш. Каб перадаць сваё адчуванне выбітнасці, асаблівасці Белавежскага краю і не здавацца галаслоўным, пісьменнік часам спасылаецца на аўтарытэтныя крыніцы: **Вучоныя абмеркавалі і вырашылі, што белавежскія салаўі самыя галасістыя і багатыя на спевы ў цэлым свеце. Самыя-самыя!** (с. 202); **Цяпер усе арнітолагі свету лічаць (аб гэтым нядаўна пісаў «Огонёк»), што лепшыя па спевах салаўі – на Беларусі, а лепшыя сярод іх – белавежскія** (с. 261).

Варта адзначыць, што ў творах для дзяцей прыёмаў наладжвання сувязі з аўдыторыяй выкарыстоўваецца заканамерна больш. Напрыклад, сустракаюцца звароты да чытачоў: **Даруй мне, алень, і вы, мае чытачы і сябры, за аўтацытату** (с. 262); **...я рад, што на хвіліну завёў вас у Пушчу...** (с. 262); **І таму, дзеці, мы і любім так усё жывое ў Пушчы** (с. 202). Часам звароты ўключаюцца ў рэплікі персанажаў, у ролі якіх выступаюць жывёлы, што ўзмацняе эфект уздзеяння: **А мы, дзяўчаткі і хлопчыкі, не хто-небудзь, а дзікі** (с. 201). Акрамя таго, аўтар ускосна звяртаецца да фантазіі чытача, запрашае да сутворчасці: **Уяўляеце, што такое веснавы белавежскі канцэрт?!** (с. 202).

Для наладжвання ўмоўнага дыялогу выкарыстоўваюцца сродкі маркіроўкі аўтара і чытача – займеннікі 1-й асобы множнага ліку і прыналежныя займеннікі: **Мы ўсё ж настараемся зберагчы цябе. Мы зберажам. І зуброў, і чалавечнасць, і старыя вежы, і ўсплёскі бабра, <...> і святую гучную цішыню Пушчы** (с. 262); **Галоўнае тое, што мы звязаны з чацвераногімі і перыстымі братамі нашымі адзінай повяззю еднасці ўсяго жывога на зямлі** (с. 259). Пачуццём адказнасці за ахову прыроды, уласцівым У. Караткевічу, напаўняецца і рэцыпіент. Ён падсвядома далучаецца да аўтарскага разумення, прапусціўшы яго праз сябе.

Іншае напаўненне вобраза звязана са складанымі гістарычнымі падзеямі, якія адбываліся на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Для перадачы задуманага пісьменнік падбірае трапныя яскравыя метафары, выкарыстоўвае прыёмы параўнання і персаніфікацыі: **З даўніх, вельмі даўніх часоў Пушча была аплотам нашых продкаў, надзейным прытулкам у цяжкія гады. Яна карміла і пайла, гартавала мужнасць і сілу людзей** (с. 200); **...Пушча заўсёды была крэпасцю на мяжы** (с. 201); **Кожнай вайне яна плаціла даніну, кормячы беларуска-літоўскае войска** (с. 252); **Пушча аглухла ад стрэлаў. <...> Пушча змоўкла і сцішылася перад тым, як зрабіцца нямой Пушчай** (с. 252); **Пушча заўсёды хавала сваіх сыноў (між іншым, і партызан у Айчынную вайну), сыноў свабоды** (с. 252). Ствараецца непарыўнае адзінства гістарычнага лёсу народа і пушчы, яны – неаддзельныя адно ад аднаго, жывуць разам і ўзаемадзейнічаюць. Частае напісанне слова *Пушча* з вялікай літары таксама мае значную моц уплыву.

У творы «Зеленая и золотая песня Беловежи» У. Караткевіч звяртаецца да глабальных экалагічных праблем і ў якасці ўзору належных адносін чалавека да прыроды прапаноўвае ўсяму свету Белавежскую пушчу: **...всё это показывает, какой должна быть земля, когда человек перестаёт издеваться над ней потоками сточных вод, дымом из труб, порубками и мусором... Прекрасна тогда земля!** (с. 105). Выказаную думку аўтар эмацыйна ўзмацняе ў далейшых абзацах анафарыстычным пачаткам: **Прекрасна весной...; Прекрасна летом...;**

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 19
из 378

И прекрасна пора осеннего увядания... (с. 105–106). Пісьменнік разумее, што не было б магчымасці захапляцца прыгажосцю гэтага краю, калі б не праца прафесіяналаў і валанцёраў, таму ў яго творах важнае месца займаюць людзі, якія завіхаюцца ў пушчы: *Чорнае, зялёнае, сіняе, карычневае. Але яшчэ і залатое – сэрцы найлепшых людзей, што, насуперак усяму, стагоддзямі бераглі Белавежу...* (с. 200), а іх працу называе *сляды далікатнага, любоўнага ўмяшання чалавека* (с. 97). Адсюль вынікае трэці бок вобраза: *Белавежская пушча як фарпост чалавечнасці, літасці чалавека да прыроды, сястры нашай* (с. 97); самае бяспечнае месца для жывёл: *Заснеженные плюшевые зубры, бархатные олени, спящие в своих хатках бобры и всё иное зверьё – живите спокойно* (с. 107).

Такім чынам, Белавежская пушча ў эсэ-нарысах У. Караткевіча паказана шматбакова. Пісьменнік не забываецца браць пад увагу чытацкі адрас і знаходзіць адметныя спосабы ўсталявання кантакту з рознымі групамі чытачоў, што вельмі важна для стварэння публіцыстычнага вобраза. Па-майстэрску выкарыстаныя У. Караткевічам сродкі мастацкай выразнасці дазваляюць аўдыторыі максімальна наблізіцца да аўтарскага бачання Белавежскага краю: *Когда я представляю, какое море горячего света раскинется над Пущей – мне снова, как каждый год, хочется туда. Дышать, любить всё вокруг. Просто жить и жить* (с. 107).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Жаўняровіч, П. П. Публіцыстычны дыскурс Уладзіміра Караткевіча / П. П. Жаўняровіч ; навук. рэд. В. І. Іўчанкаў. – Мінск : РІВШ, 2011. – 244 с.
2. Караткевіч, У. Збор твораў : у 25 т. / У. Караткевіч ; падрыхт. тэкстаў і камент. П. Жаўняровіча. – Мінск : Маст. літ., 2016. – Т. 12 : Публіцыстыка. Эсэ-нарысы: 1952–1982 / рэд. тома В. Іўчанкаў. – 782 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 20
из 378](#)

Д. В. БЕЛОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. М. Скибицкая, кандидат филологических наук, доцент

ТЕМАТИКО-ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ АВТОРСКИХ ПРОЕКТОВ ГАЗЕТЫ «КОБРЫНСКІ ВЕСНІК»

Одним из форматов авторской журналистики, обеспечивающих эффективное взаимодействие с аудиторией, является авторский проект – цикл материалов, созданных одним автором, посвящённых сходным или близким проблемам острой социальной направленности. Популярность авторских проектов, публикуемых на страницах СМИ Брестской области, свидетельствует о живом читательском интересе к данному формату.

В контенте газеты «Кобрынскі веснік» авторская журналистика представлена проектами Дмитрия Белова, которые публикуются в формате лонгрида: «Дойти до края», «Дорога к Богу», «Наша Победа», «Журналистское расследование с Дмитрием Беловым», «Про зверей и про людей», «Приближая Эру Милосердия», «Дыхание бездны».

История проекта «Дойти до края», посвящённого острым социальным проблемам, началась с рядовой информационной заметки об открытии в Кобрине группы движения «АА» (анонимных алкоголиков) – людей, которые, используя собственный опыт, помогают таким же людям бороться с алкогольной зависимостью. Название проекта берет своё начало из житейской истории «15 лет жизни пополам с алкоголем», опубликованной в газете «Кобрынскі веснік» 7 февраля 2015 г. Идея автора состояла в том, чтобы пройти жизненные истории вместе с их героями «до самого края», чтобы дать возможность другим людям избежать печального опыта, не доводя ситуацию «до последней черты». Как отмечали участники группы, после публикации первых выпусков проекта движение переживало небывалый подъём – новые люди приходили в группу потому, что прочитали газетный текст.

Со временем спектр проблем, нашедших отражение в текстах проекта, расширился: кроме проблемы алкогольной зависимости, автор обратился к исследованию проблем наркомании («К свету из бездны», «Война на уничтожение»), семейного насилия («Родная кровь»), подростковой преступности («Молодость. Стакан. Протокол»), жестокого обращения с животными («Наказуемая жестокость» и «Лишь за добро добром воздастся»).

Знакомство с кобринской группой волонтеров-зоозащитников стало основой появления проекта «Про зверей и про людей», посвящённого проблеме бездомных животных (в 2017–2018 гг. опубликовано 3 выпуска).

Примерно в это же время на страницах газеты стартовал проект «Наша Победа», посвящённый событиям Великой Отечественной войны на территории Кобринщины. В качестве эмпирических источников для проекта послужили как воспоминания свидетелей военных событий, так и исторические документы, о которых скажем отдельно. Как правило, в небольшом городе журналист, обращающийся к теме войны, сталкивается с ситуацией, когда преимущественное большинство тем и событий, которые происходили в данном населённом пункте, уже разработаны, персоналии «на слуху» и найти по-настоящему эксклюзивный материал достаточно сложно. В связи

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 21
из 378](#)

с этим автор проекта «Наша Победа» обратился к малоизвестным источникам. В результате сотрудничества с руководителем краеведческого музея Новосёлковской школы Вячеславом Дронцом, который собрал целую летопись, посвящённую участию жителей деревни Новосёлки в событиях Великой Отечественной войны, автор проекта получил ранее неизвестные читательской аудитории материалы. Так, в музее были обнаружены копии дневника 310-го полицейского батальона, которые послужили основой для выпуска проекта «Война на уничтожение».

Еще одним нетипичным источником стали пенсионные дела минувших лет, обнаруженные в архиве отдела пенсий и пособий управления по труду, занятости и социальной защите Кобринского райисполкома. На основании данных материалов и сведений из музея Новосёлковской школы был написан текст «Забвению вопреки», раскрывающий неизвестные страницы военной истории Кобринщины.

Попытка осмыслить христианские ценности кобринчан, избравших православие в качестве жизненного пути, привела к созданию проекта «Дорога к Богу», который продолжает функционировать в газете и в настоящее время. Работа над проектом ведётся в тесном сотрудничестве с Кобринским благочинием и духовенством Свято-Алекса́ндро-Невского кафедрального собора, в том числе со священником Николаем Кочурко. В то же время героями проекта становятся не только представители духовенства, но и простые кобринчане, в чьей судьбе православие сыграло значимую роль.

Несколько особняком среди перечисленных стоят материалы «Журналистские расследования с Дмитрием Беловым». Это еще во многом ученические попытки автора, стремящегося найти адекватную форму для выражения своего замысла. Среди рассматриваемых автором проблем игровая зависимость, профилактика правонарушений, ночная продажа алкоголя, кредитные «ловушки», в которые попадают искатели «лёгких денег» и др. Главную задачу «Расследований» автор видел в оказании читателям помощи в сложных жизненных ситуациях, в профилактике преступлений, вредных привычек.

Последним начинанием является проект «Дыхание бездны», посвященный актуальным вопросам информационной безопасности. Он стартовал в 2019 году в сотрудничестве с Кобринским районным отделом Следственного комитета Республики Беларусь. Проект содержит уникальные сведения из уголовных дел, которые ранее не публиковались и практически неизвестны широкой аудитории. Причиной тому является характер информации (так, текст «Причеши меня...» рассказывает о действиях педофилов в интернете, основан на реальных событиях, которые имели место в Кобринском районе). Вместе с начальником Кобринского РОСК Петром Зарецким автор шаг за шагом раскрывает перед читателем механизмы длительной «обработки» преступником своей жертвы. Читатель же, в свою очередь, учится выявлять признаки таких «знакомств» у своих детей и противодействовать подобным явлениям.

Второй выпуск проекта («Знаки беды»), в котором исследуются истоки пропаганды суицидального поведения в социальных сетях и других интернет-ресурсах, в настоящее время готовится в печать. Третий выпуск («Тени Третьего Рейха»), раскрывающий механизмы влияния на подростков и молодёжь экстремистского

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 22
из 378](#)

контента в интернете, в частности сайтов неонацистов, неоязычников и других радикалов различного толка, находится в стадии разработки и сбора эмпирического материала.

Авторская журналистика в газете также представлена колонкой главного редактора (функционирует с 2018 г.), в которой излагается мнение автора по резонансным вопросам государственной политики, международных отношений и макроэкономических вопросов.

Таким образом, тематико-проблемное поле авторских проектов газеты «Кобрынскі веснік» формируют явления, отражающие дефицит духовности современного общества (алкоголизм, наркомания, социальное сиротство, семейное насилие, внутренние духовные поиски человека на пути самосовершенствования), а также история Кобринского района в период Великой Отечественной войны, рассказанная через призму судеб конкретных кобринчан. Данная проблематика органично соответствует формату авторского проекта и может использоваться в районной газете, поскольку обладает социальной универсальностью и неизменной актуальностью вне зависимости от конкретного региона.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 23
из 378](#)

А. В. БУРШТЫН (г. Брэст, БДТУ)

Навуковы кіраўнік – Я. Р. Самуйлік, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

АСАБЛІВАСЦІ ГАВОРКІ ВЁСКІ ЛЯХАЎЦЫ МАЛАРЫЦКАГА РАЁНА

Вёска Ляхаўцы размешчана ў межах Макранскага сельсавета на рацэ Рыта, за 8 км на ўсход ад раённага цэнтра г. Маларыты. Археалагічныя помнікі ў ваколіцах вёскі не зафіксаваны. Звесткі пра Ляхаўцы занатаваны ў шматлікіх пісьмовых крыніцах XVI–XVIII стст. Першая згадка пра паселішча адносіцца да 1546 г. [1, с. 62–64]. Паводле рэвізіі Берасцейскага староства 1566 г., сяло з’яўлялася цэнтрам Ляхавіцкага войтаўства Палескай воласці. У склад войтаўства ўваходзіла амаль палова тэрыторыі сучаснага Маларыцкага раёна [2, с. 301–303]. Пазней яго цэнтр быў перанесены ў Велікарыту (Рыту Вялікую). У 1575 г. у Ляхаўцах была заснавана царква. Значым, што ў рэвізіі 1566 г. пра існаванне царквы нічога не паведамлялася. У 1713 г. у Ляхаўцах як уніяцкая пабудавана новая драўляная царква нараджэння Божай Маці.

У выніку трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай (1795 г.) паселішча далучана да Расійскай імперыі. У 1835 г. на вясковых могілках пабудавана капліца Святога Мікалая. Пасля скасавання ўніяцтва ў сярэдзіне XIX ст. царква была пераўтворана ў праваслаўную. У другой палове XIX – пачатку XX ст. Ляхаўцы – гэта сяло ў складзе Маларыцкай воласці Брэсцкага павета Гродзенскай губерні. У 1921–1939 гг. вёска ў складзе Маларыцкай гміны Брэсцкага павета Палескага ваяводства Польшчы. З верасня 1939 г. Ляхаўцы ў складзе БССР. З 12 кастрычніка 1940 г. вёска – цэнтр Ляхавіцкага сельсавета Маларыцкага раёна Брэсцкай вобласці. У час Вялікай Айчыннай вайны з канца чэрвеня 1941 г. па 20 ліпеня 1944 г. вёска акупавана нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Напачатку ваенных дзеянняў у ваколіцах Ляхаўцаў вялі жорсткія абарончыя баі воіны 75-й стралковай дывізіі. На франтах загінулі і прапалі без вестак 92 вяскоўцы. У цэнтры вёскі знаходзіцца магіла савецкіх воінаў і партызан. У 1956 г. тут устаноўлены помнік – скульптура салдата. З 16 ліпеня 1954 г. Ляхаўцы ў складзе Макранскага сельсавета. У 1962–1965 гг. вёска ў складзе Брэсцкага раёна. У канцы красавіка 2019 г. у Ляхаўцах налічвалася 760 жыхароў і 340 гаспадарак (апошнія статыстычныя даныя па гэтым населеным пункце атрыманы ад супрацоўніка Макранскага сельсавета Самасюка Барыса Раманавіча) [3, с. 437; 4, с. 20, 28; 5; 6, т. 1, с. 95–99, 143, 221; т. 2, с. 39, 67–71, 116; т. 3, с. 18, 80–81, 157–159, 189, 277; 7, с. 345–346; 8, с. 18–19, 521–522; 9, с. 301].

Дыялектны матэрыял у вёсцы Ляхаўцы (мясц. назва: *Л’аховц’і*; жыхары: *л’аховч’ан’е*, *л’аховэцк’ііе*; *л’аховч’ан’ін*; *л’аховч’анка*) быў запісаны ў розныя перыяды: у жніўні 2000 г. студэнткай другога курса філалагічнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна Панчук Ірынай Васільеўнай ад мясцовых жыхарак Троц Вікторыі Адамаўны, 1943 года нараджэння, Гапанюк Ганны Іванаўны, 1943 года нараджэння; у лістападзе 2018 г. і студзені 2019 г. студэнтам другога курса машынабудаўнічага факультэта Бурштынам Аляксандрам Вітальевічам ад мясцовай жыхаркі Бурштын Веры Якімаўны, 1958 года нараджэння. Для запісу дыялектнага матэрыялу намі была выкарыстана праграма «Атласа гаворак Выганаўскага Палесся.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 24
из 378

Фанетыка. Марфалогія. Лексіка» (дапрацаваны варыянт) [10, с. 32–35], а таксама т. зв. вялікая (новая) праграма: «Як у вас гавораць?» (рукапіс).

Разгледзім асноўныя фанетычныя і марфалагічныя асаблівасці гаворкі в. Ляхаўцы Маларыцкага раёна.

Даследаванай гаворцы характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [ы], [e], [a], [o], [y]. У першую чаргу адзначым такую адметную рысу гаворкі, як захаванне гістарычнага *o ў ненаціскных складах пасля цвёрдых зычных, г. зн. **оканне**: *водá, дорóна, корóна, голоvá, молоко́, по́ночы, hóлод, с'íно, жытó, сады́ты, травá*.

Адной з найбольш яркіх і спецыфічных фанетычных асаблівасцей гаворкі з'яўляецца рэалізацыя галоснага [e] на месцы націскных этымалагічных *a, *b, *e пасля мяккіх зычных: *ш'эпка* 'шапка', *йэблыко* 'яблык', *йёмка* 'ямка', *пор'эдок* 'парадак', *ж'эба* 'жаба', *ж'ер* 'жар', *мн'эсо* 'мяса', *мн'эта* 'мята', *помн'эв* 'памяў' і інш.

Наступная выразная і значная адметнасць гаворкі – гэта вымаўленне гука [i] (т. зв. **ікавізм**) у адпаведнасці з націскным гістарычным *b, а таксама на месцы этымалагічнага *o ў новых закрытых складах пад націскам: *л'іс, с'іно, сн'іх, в'ім'ор, хл'ів, л'іто, з'іл'л'е, д'ід, hp'іх, ц'іп* і інш.; *б'іл'ш, в'із, в'ін, в'іл, п'ідеш, м'іст, к'ін', к'іт*, але *н'іс, ст'іл і нис, стил* і інш. Галосны [u] (сярэдні паміж гукамі, што абазначаюцца літарамі і і ы) верхняга пад'ёму сярэдняга рада. Ён прыкметна больш пярэдні за галосны [ы] ў гаворках асноўнага беларускага віду, больш блізкі да яго варыянта [i] пасля мяккіх зычных. Пазіцыйнае супрацьпастаўленне варыянтаў гука [u] ў гаворцы з'яўляецца вельмі абмежаваным і невыразным пасля мяккіх і цвёрдых зычных. Пераважная большасць зычных перад гэтым галосным амаль заўсёды цвёрдыя [11, с. 32, 151–152].

Вельмі адрознай і паказальнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца таксама наяўнасць галоснага [e^{bt}] (сярэдні паміж гукамі [e] і [ы]) у першым пераднаціскным складзе ў наступных пазіцыях: на месцы гістарычных *e, *b пасля губных: *ve^{bt}сна́, be^{bt}да́, ve^{bt}дро́, me^{bt}шо́к, ne^{bt}со́к*; на месцы этымалагічных *e (*b) пасля гістарычных *z, *n, *c, *t, *d: *ze^{bt}мн'э́* 'зямля', *ne^{bt}ма́, се^{bt}ло́, те^{bt}пéр, де^{bt}н'о́к*.

Істотная і характэрная адметнасць гаворкі – гэта рэалізацыя галоснага [a] на месцы этымалагічнага *e ў пераднаціскных і паслянаціскных складах у словах тыпу *вз'ала́, hl'ад'ів, зл'акáвс'а, зл'акáтыс'а, пáмн'ат',* але *зáйец'.*

І нарэшце, значнай і адрознай асаблівасцю гаворкі ў галіне вакалізму з'яўляецца вымаўленне гукаў [y] і [e], [o] на месцы паслянацісканога гістарычнага *e адпаведна ў лексемах *véчур; бéрех, бéроh*. Аднак у націскным становішчы гэты этымалагічны галосны захоўваецца ў словах *далéко, овéс*, але *мед і м'ід*.

Найбольш яркая і выразная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта наяўнасць толькі цвёрдых зычных у наступных пазіцыях: губныя цвёрдыя перад гістарычнымі *e (ва ўсіх пазіцыях), *b (у ненаціскных складах), *i, этымалагічныя *z, *n, *c, *t, *d, *л – перад гістарычнымі *e (*b), *i: *ve^{bt}сна́, бéрех, бéроh, до мэне, пéрший, бе^{bt}да́, ve^{bt}дро́, ме^{bt}шо́к, ne^{bt}со́к; забыра́ты, ловы́ты, мы́ска, пыса́ты, робы́ты; ze^{bt}мн'э́, ne^{bt}ма́, се^{bt}ло́, те^{bt}пéр, де^{bt}н'о́к, але́, лед', по́ле; зыма́, ны́вка, косы́ты, ходы́ты, колы́, лы́па, ходы́лы, але л'іты.*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 25
из 378

Значнай адметнасцю гаворкі з’яўляецца таксама ацвярдзенне этымалагічных паўмяккіх *д, *т перад *е, *і: *ден’, те^впёр; тыхо, ходыты*. Гістарычныя ж мяккія *д, *т захаваліся перад націскным *Ѣ і на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *д’ід, т’ін’; в’ін носьт’, ходыт’, вонь нос’ат’, ход’ат’*.

Паказальная асаблівасць гаворкі – гэта рэалізацыя мяккіх і цвёрдых зычных у этымалагічных спалучэннях *гы, *кы, *хы, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў: *дóвн’ій, корóтк’ій, тóнкий, тыхий*. Аднак у пазіцыі перад галосным [е] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку зычныя [h], [к], [х] захаваліся цвёрдымі: *дóвнe, корóткe, тыхe*.

Адрознай адметнасцю гаворкі з’яўляецца вымаўленне як мяккіх, так і цвёрдых гістарычных *р, *ж, *ч, *ш, *ц у пэўных пазіцыях: *пор’эдок, пор’ізав, р’іч’ка, hr’ix, на двор’і, ж’эба, ж’ер, на меж’і, ш’эпка, ш’ірышый* ‘шырэшы’, *кош’іл’* ‘кашэль (вялікая кашолка, звычайна з лучыны)’, *лохач’і* ‘буякі’, *хор’ішч’ій, молодьц’а, кўрыц’а, ц’іўка, ц’ін, на конц’і, халодэц’* ‘халадзец, квашаніна’ і інш. і *рабына, орабына, óроб* ‘рабіна, арабіна’, *б’ільый hрыб* ‘баравік’, *жыто, вóчы, хорóший, ширóк’ій, цацка, хлóпцы* і інш.

Істотная асаблівасць гаворкі – гэта зычны *в, што паходзіць з *в, *л. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-зубнога [v]: *váta, vodá, vól’ный, v’ít’ор, лáвка, прáвда, дóвн’ій, купьív* і інш. Сустракаецца губна-зубны [v] і ў пачатковым становішчы перад зычнымі: *vз’алá, всадéте, vt’ahnúты* (нйтку в хólку) ‘уцягнуць (нітку ў іголку)’, *v л’ісы* ‘у лесе’, *v хáты* ‘у хаце’ і інш.

Вельмі яркай адметнасцю гаворкі з’яўляецца наяўнасць фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h]: *хустый, hóрод, хорóд* ‘агарод’, *had’ука, дорóна, hl’ад’ів, hr’ix, дóвн’ій, бéрeн* і інш. Зрэдку ўжываецца тут і выбухны [g]: *gez* ‘здрок (куслівая муха, якой баяцца коні, конскі авадзень)’.

Значная асаблівасць гаворкі – гэта даволі выразнае вымаўленне звонкіх зычных у канцавым становішчы і ў сярэдзіне слова перад глухімі: *v’із, дуб, н’іж, hóлод* і інш.; *hубка, zahádка, káзка, нiжска* і інш., але *рад’ушка* ‘палатняная коўдра’.

Істотнай адметнасцю гаворкі з’яўляецца таксама рэалізацыя на месцы этымалагічнага спалучэння «мяккі зычны + Ѣ» у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *з’іл’л’е, нас’ін’н’е*.

І апошняя паказальная і адрозная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта адсутнасць або наяўнасць пратэтычных зычных [v], [h] перад галоснымі [o], [y] у наступных словах: *онўча, óсе^вн’, ныодноhó, вóчы, вўлыц’а, hóстрый, хорáты*, але *óзе^вро і вóзе^вро*.

Значнымі адметнасцямі характарызуецца гэтая гаворка і ў галіне марфалогіі.

Назоўнікі мужчынскага і ніякага роду другога скланення з асновай на мяккі і зацвярдзелы зычны ў творным склоне адзначаны з канчаткам -ем: *конéм, рублém, ножém, ійцém, іійцém*.

Назоўнікам жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на зацвярдзелы зычны ў месным склоне характэрны канчатак -і: *на меж’і, на двор’і, на конц’і*.

Назоўнікі жаночага, мужчынскага і ніякага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на цвёрды і мяккі зычны ў месным склоне ўжываюцца з канчаткамі -ы (-у): *v хáты, v л’ісы, v пóлы, v носў*.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 26
из 378

Формы клічнага склону агульных назоўнікаў і ўласных імёнаў жаночага роду адзіночнага ліку пашыраны з канчаткам *-o*: *ба́бо, ма́мо; Váľ'o, Háď'o, Mán'o* і інш.

Назоўнікам жаночага роду множнага ліку першага скланення ў родным склоне ўласцівы нулявы канчатак: *ба́б, холóв, дo'рóh* ([o^y] – галосны гук, сярэдні паміж [o] і [y]), *стр'ix, хат*.

Назоўнікі мужчынскага роду множнага ліку другога скланення ў давальным склоне зафіксаваны з ненаціскным канчаткам *-ум*: *кóн'ум* ‘коням’, *л'уд'ум* ‘людзям’.

Прыметнікі мужчынскага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне адзначаны з націскным і ненаціскным канчаткам *-ый*: *молод'ый, стар'ый, мал'ый, нов'ый* ‘новы’, *дóбрый, хорóший, б'ільый хрыб* ‘баравік’, *дeрeвл'эный* ‘драўляны’ і інш.

Ярка і паказальная асаблівасць гаворкі – гэта т. зв. «сцягнутыя» аднаскладовыя ненаціскныя канчаткі *-а, -е* ў назоўным склоне адзіночнага ліку адпаведна жаночага і ніякага роду: *дóбра, sóчна* (*травá*) ‘сакавітая (трава)’; *солóдке, хорóше*. Аднак пад націскам прыметнікі ў падобных умовах маюць тут поўныя двухскладовыя канчаткі *-аа, -оіе*: *молод'аа, стар'аа, нов'аа* ‘новая’; *молод'оіе, стар'оіе, нов'оіе* ‘новае’.

Яшчэ адной выразнай адметнасцю прыметнікаў гаворкі з'яўляюцца суфіксы *-ч-, -ш-* прастай формы вышэйшай ступені параўнання: *хор'ішч'ій, дўжч'ій*, ‘дужэйшы’, *ш'іришій* і інш. [12, с. 96–97].

Інфінітыў дзеясловаў з асновай на галосны пашыраны з фанематычным варыянтам старажытнага суфікса *-ц'і (-ты)*: *ход'ыты, роб'ыты, сп'аты*.

Дзеясловам першага і другога спражэння ў трэцяй асобе адзіночнага і множнага ліку характэрны канчаткі *-е, -ыт', -ут', -ат'*: *v'ín iйдé, несé, хóдыт', нóсыт', вон'ы iйдут', несут', хóд'ат', нóс'ат'*.

Зваротныя дзеясловы ў гаворцы ўжываюцца с постфіксамі *-с'а (-с')*: *брáтыс'а, брáтыс', звáтыс'а, м'ытыс'а, умывáтыс'а, умывáтыс', роб'ытыс'а, бой'ус'а, купáйус'а, бой'эвс'а, купáвс'а, шóс'а зрóbылос'а*.

Адрозная і істотная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне ў дзеясловах з асновай на [к] старажытнай формы інфінітыва на *-чы* з націскам на канчатку: *печ'ы, сеч'ы*. Аднак дзеясловы з асновай на [h] аднаўляюць у інфінітыве гэты зычны: *стр'ыhчы*. Да таго ж і ў форме трэцяй асобы множнага ліку цяперашняга часу падобныя дзеясловы захоўваюць названія зычныя: *пек'ут', сек'ут', стр'ыhут'* [13, с. 316–318; 14, с. 64, 116, 184–185].

Такім чынам, гаворка в. Ляхаўцы Маларыцкага раёна характарызуецца комплексам фанетычных і марфалагічных адметнасцей і адносіцца да паўднёвазагародскіх гаворак, адной з чатырох асобных разнавіднасцяў заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [15, с. 133–135, 136; 16, с. 27–28, 38–39; 11, с. 150–157, 201–202, 204–206, 211–212; 8, с. 490–493].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Границы между Великим Княжеством Литовским и Короною Польскою в конце первой половины XVI века // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при упр. Вилен. учеб. окр. – Вильна : Печатня Губерн. правления, 1867. – Т. 1. – С. 46–126.

2. Описание Берестейского староства 1566 г. // Документы Московского архива министерства юстиции. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. – Т. 1. – С. 205–448.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 27
из 378

3. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 9 : Кулібін – Малаіта. – 1999. – 560 с.
4. Брестская область [Карты] : общегеогр. атлас / сост. и подгот. к печати РУП «Белкартография»; ред. Н. И. Шлык. – Минск : Белкартография, 2003. – 33 с.
5. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 20.04.2019.
6. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009–2016. – 3 т.
7. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. Т. 4, кн. II : Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – 608 с. : іл.
8. Памяць : Маларыцкі р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэд.-уклад. В. Р. Феранц ; рэдкал.: Я. В. Малашэвіч [і інш.]. – Мінск : Ураджай, 1998. – 535 с.
9. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / Акад. наук БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. совет. энцикл. ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 417 с.
10. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.
11. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.
12. Блінава, Э. Д. Беларуская дыялекталогія : вучэб. дапам. / Э. Д. Блінава, Е. С. Мяцельская. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 303 с.
13. Булыка, А. М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.
14. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. пед. ін-таў / Ф. М. Янкоўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1983. – 271 с.
15. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // Gdzie bije źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Żygalova. – Lublin ; Wisznice, 2015. – S. 129–143.
16. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; [рэд. М. І. Талстой] ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 28
из 378

ПАНЯЦЦЕ ЧАСУ Ё ПАЭЗІІ М. КУПРЭЕВА (НА МАТЭРЫЯЛЕ ЗБОРНІКА «ПРАВІНЦЫЙНЫЯ ФАНТАЗІІ»)

Адным з асноўных сродкаў, з дапамогай якога пісьменнік дасягае індывідуальнасці ў выяўленні жыцця, з’яўляецца мова мастацкага твора. Вызначым узаемазалежнасць паміж моўнымі сродкамі і асаблівасцямі творчай манеры беларускага паэта М. Купрэева.

Для мастака слова, які выдае свае паэтычныя зборнікі раз у 30 гадоў («Непазбежнасць» – 1967 г., «Правінцыйныя фантазіі» – 1995 г.), паняцце часу з’яўляецца актуальным. Паміж гэтымі дзвюма кропкамі (1967–1995) – час, або хронас. Час як аб’ектыўная з’ява прысутнічае ў вершах М. Купрэева на розных узроўнях моўнай сістэмы. Аднак найбольш шырока паняцце часу прадстаўлена на лексічным узроўні:

1) назвы прамежкаў часу: *беларусы брыдуць дзвесце дваццаць расійскіх гадоў*. Верш «Вяртанне аблудных сыноў» – найбольш яркавы прыклад такога адлюстравання значэння часу. М. Купрэў узгадвае 1772–1992 гг., калі Беларусь знаходзілася ў ярме дэспатызму суседніх краін. Аўтар апісвае цяжкі шлях «аблудных сыноў» да сваёй краіны [1, с. 9] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі).

2) назвы пары года (агульная колькасць – 11): *уздыхнула далёкай вясною калючая груша; чаму ж толькі восенню яснай, а не вясною юначай; верасы спаліла восень; восенню ў сорок пятым; гэта была канапа, на якой ляжаў вясною; чаму ж з майго коміна восенню дым пацягнула на ўсход; разгорнем веце ў нашае лета і інш.* Верш «Вясна» – найбольш цікавы прыклад увасаблення такога паняцця часу. У гэтым творы М. Купрэў дае замалёўку веснавага дня на вёсцы: *куры млеюць на сонцы, нехта варочае ў хляве гною пласты, вераб’і заходзяцца, ідзе ўчастковы інспектар, трактар ракоча ў полі, коні ржуць ля аўтастрады...* (с. 81).

3) назвы часу сутак (агульная колькасць – 42): *чуў усю ноч праз сон; ноч; світае; акно вечарэ; трэці над мостам стаіць давідна; якая зорная ноч; ноччу на былую Брагінку пайшоў; у ноч прыйшоў я чысты і багаты; на чорнай ночы скача белы конь; у варотах чорнай ночы; на зары ў сукенку найблялейшую адзенься; прыходзіць вечар на полі; а раніцай ты вецеюзмахнеш; ганяла Зёлкіна ўсю ноч і інш.* У гэтую групу ўваходзіць лексема *ноч*, якая ў зборніку «Правінцыйныя фантазіі» сустракаецца 22 разы (колькасць славаформ у зборніку каля 8000). Верш «Мілая бярозка, не бядуй...» з’яўляецца адным з тых вершаў, у якіх аўтар найбольш поўна ўжывае назвы часу сутак. Сёння кожны ведае, што прырода патрабуе абароны. А абараніць прыроду – значыць абараніць жыццё. І асэнсоўваючы праблему жыцця, М. Купрэў падыходзіць да яе ў вершы аптымістычна, жыццесцвярдзальна: *Мілая бярозка, не бядуй: / Мы яшчэ з табою ўстрапянемся* (с. 3).

4) слова *час* (агульная колькасць – 2): *час загаіў на іх кару; калі настае час свабоды кароткі*. Суб’ектыўны рух часу залежыць ад суб’екта, які яго ацэньвае, таму ў М. Купрэева свае стаўленне да паняцця «час». Час – лепшы лекар для паэта.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 29
из 378

5) рух часу ў адваротным кірунку (ад сённышняга да мінулага): *дык хоць з мура Белай Вежы скокнеш праз кардон у Паспаліту*. Найбольш удалым творам, у якім адлюстроўваецца такое паняцце часу, з'яўляецца верш «Дзвянтае мая». М. Купрэў, як ніхто з іншых паэтаў, асмеліўся на такую рамантычную жорсткую чуласць, як вызваць з брацкіх магіл трох франтавікоў (з-пад Курска, Варшавы, Берліна), прывесці ў родныя хаты, даць ім выказацца і адправіць назад, у трагедыйную несмяротнасць.

6) рух часу ў глыбіню (агульная колькасць – 2): *пад вечар абшарпаны ля яго спыніўся чаравік мясцовага гісторыка; глыбокай ноччу пойдзеш верасамі*. Глыбокая ноч – той момант часу, калі няма яшчэ ніякай сувязі паміж вечарам і ноччу, ноччу і раніцай. Прыметнік *глыбокі* паказвае, што гэта самы глухі, цёмны прамежак начнога часу.

7) рух часу па крузе: *нехта дыхае ў спіну і ў ночы і ў дзень*.

8) прамалінейны рух часу (агульная колькасць – 4): *хлопчыкам быў, юнаком, мужчынам; ля акна, нападўрашчыненага ўранні, стаіць дзяўчына; ля акна, удзень расчыненага насцеж, стаіць жанчына; ля акна, нападўрашчыненага ўвечар, стаіць Яна, сівец ціха ля ракі; за вокнамі расце ранне, узыходзіць дзень*. Найбольш змястоўным прыкладам выкарыстання паняцця часу ў гэтым сэнсе з'яўляецца верш, у якім аўтар разважае аб непрадказальнасці ўсяго на зямлі:

Сёння – веце лісцямі багата,

Заўтра – голы, голы ствол.

Сёння – стол пад веснавое свята,

Заўтра – памінальны стол (с. 40).

9) назвы нефіксаваных адрэзкаў часу (агульная колькасць – 25): *занясі мяне, кося, у далёкія дні; ён даўно не есць, не п'е; у глыбінях зямлі, дзе некалі бегаў; тысячы гадоў маліў; даўно ўжо не чую Ганны; прасіў перад смерцю бадзяга; жыць я да сотні мерыўся; маці блукае сотні гадоў ля ракі і інш.* Найбольш выразным прыкладам такога адлюстравання паняцця часу з'яўляецца выраз *тысячы гадоў маліў*. Лірычны герой, нападўра, марыў аб нечым недасягальным, маліў аб яго здзяйсненні, і таму кожная хвіліна яго малітвы здавалася годам. Іншымі словамі, усё жыццё лірычнага героя прайшло пад знакам чакання.

10) назвы фіксаваных адрэзкаў часу (агульная колькасць – 8): *2086 г.; летам 86-га; 1864 г.; восенню ў сорак пятым; у 53-ім альховы лісцік; сустрэча з К. Крапівой у 1993 годзе; няўжо яна кліча зноў з сорак другога*. Найбольш цікавы твор, дзе аўтар адлюстроўвае такое паняцце часу – «2086 г.». Гэты верш прысвечаны жахлівай трагедыі на Чарнобыльскай АЭС. Аўтар як бы зазірае за заслону будучыні і апісвае тое, што станецца роўна праз сотню гадоў пасля аварыі: *навокал ні лісціка, ні травінкі, з чорных комінаў Калыбані белы чарнобыльскі палын у жоўтае неба віецца, і толькі званы беларускіх цэркваў жывыя* (с. 11).

11) назвы месяцаў года (агульная колькасць – 4): *колькі жніўняў не было чаго там жаць; усю красавіцкую ноч плыў туман; плакаў ля акна ў красавіцкі свет; чаму вярнуўся ў сон хлопчык з маю*.

12) лексіка-фразеалагічныя адзінкі, якія маюць значэнне тэмпаральнасці (агульная колькасць – 2): *чаму ж толькі восенню яснай, а не вясною юначай плывём мы ў Начу; раслі вярбіны з поля гадоў Іванавых; стаіць перад*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 30
из 378

Летаю мая запыленая калясніца. Вясною юначай – метафара, якая найбольш поўна перадае пераноснае значэнне тэмпаральнасці. Вясна – час росквіту прыроды. А прырода і чалавек для М. Купрэева – гэта адно гарманічнае цэлае. Таму для паэта юнацтва – час росквіту жыцця чалавека.

Такім чынам, можна заўважыць, што на працягу ўсяго творчага шляху М. Купрэёў востра ўздымае праблему часу. Для яго час – праблема творчага чалавека. Яму як паэту, мастаку хочацца больш часу, каб ажыццявіць, рэалізаваць тое, што задумаў, што намеціў. Паэт асэнсоўвае паняцце часу і як гістарычнае, філасофскае, рамантычнае, суб’ектыўнае, лёсавызначальнае. Час – гэта і лепшы лекар, з якім знікае боль, смутак, забываецца ўсё дрэннае, зажываюць як цялесныя, так і душэўныя раны.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Купрэёў, М. С. Правінцыйныя фантазіі : вершы, паэма / М. С. Купрэёў. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 94 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 31
из 378

ПУНКЦЫРЫ А. РАЗАНАВА: АДМЕТНАСЦІ ЛЕКСІКІ

Адным з самых вядомых пісьменнікаў – ураджэнцаў Брэстчыны – можна з поўным правам назваць Алеся Разанава. У ягонай асобе паядноўваюцца глыбокі паэт-філосаф, адметны перакладчык і крытык. Адпаведна, айчыннае літаратуразнаўства актыўна займаецца вывучэннем змястоўных і жанрава-фармальных асаблівасцей тэкстаў А. Разанава, звяртаецца да асэнсавання яго светапогляду, параўноўвае творы А. Разанава з творамі іншых пісьменнікаў і г. д. На жаль, моўная спецыфіка тэкстаў А. Разанава даследуецца не так актыўна. У асноўным разглядаюцца сінтаксічныя фігуры, гукапіс, некаторыя аўтарскія неалагізмы. Уласна адметнасці лексікі, частотнасць пэўных слоў і іх тэматычны падзел пакуль падрабязна не ахарактарызаваныя. Такая сітуацыя абумоўлена, магчыма, адсутнасцю поўнага збору твораў А. Разанава. Мы вырашылі звярнуцца да вывучэння моўнай спецыфікі жанру пункціраў, паколькі ў 2018 годзе ў пісьменніка выйшла кніга «Такая і гэтакі: талакуе з маланкай дождж» [1], куды якраз былі змешчаны ўсе пункціры, створаныя А. Разанавым за перыяд 1966–2017 гг. Разгледзім ніжэй пэўныя асаблівасці іх лексікі.

Намі быў складзены частотны спіс лексікі пункціраў пры дапамозе камп'ютарных праграм Microsoft Word і Microsoft Excel. Спачатку тэксты былі надрукаваны ў электронным дакуменце, з іх выдалены лічбы, знакі прыпынку і інш., то бок засталіся толькі словы (кожная адзінка змяшчалася на асобным радку). Выявілася, што агульная колькасць слоў налічвае 8 523, прычым некаторыя словаформы ўжываюцца па некалькі разоў. Далей атрыманыя звесткі былі змешчаны ў зводную табліцу на лісце Excel. Аднолькавыя словаформы цяпер знаходзіліся не ў некалькіх ячэйках адразу, а ў адной з указаннем разоў ужывання пэўнай адзінкі; нам стала бачнай ужо колькасць выкарыстаных словаформ – 4195. Аказалася, што самымі распаўсюджанымі з'яўляюцца службовыя словы: *у/ў* (425 ужыванняў), *і* (272), *з* (194), *на* (141). Калі палічыць усе злучнікі, часціцы і прыназоўнікі, то яны складаюць прыкладна 18 % ад усёй лексікі пункціраў. Нас больш цікавяць самастойныя часціны мовы, найперш назоўнікі. Лідарамі сярод іх з'яўляюцца **дождж** (калі палічыць усе словаформы, то атрымаецца 55 ужыванняў), **сонца** і **снег** (па 36 разоў).

Далей паспрабуем размеркаваць назоўнікі па пэўных тэматычных групах. Безумоўна, груп можна вылучыць нашмат больш, але мы імкнуліся не перавышаць абмежаваны аб'ём артыкула і адначасова паказаць разнастайнасць лексікі даследуемага жанру. Калі слова выкарыстана ў пункцірах больш, чым адзін раз, то ў дужках пазначаецца колькасць ужыванняў: **з'явы прыроды**: *аблачына* (4), *адліга* (10), *бліскаўка* (3), *вецер* (28), *воблака* (4), *гром* (12) і інш.; **прыродныя аб'екты**: *валун* (7), *возера* (15), *балота* (6), *бераг* (15), *камень* (12) і інш.; **астранамічныя аб'екты**: *ветах* (4), *зорка* (4), *маладзік* (4), *неба* (31), *поўня* (3) і інш.; **часавыя прамежкі**: *адвечарак* (7), *будучыня* (4), *век* (5), *вечар* (9), *вечнасць* (4), *восень* (10), *вясна* (10), *зіма* (16), *лета* (15), *міжчасе* (2); **назвы месцаў і будынкаў**: *агарод* (2), *атэльэ*, *бажніца* (2), *бальніца* (2), *бальшак*, *брук* (7), *вёска* (2),

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 32
из 378](#)

вуліца (20), выган, кірха (6), млын, мост (9), фантан, цвінтар і інш.; **часткі пабудоў:** акно (19), дах (7), дзверы (7), мур (5), чараніца і інш.; **прадметы і рэчы:** арган (2), бляшанка (2), бутэлька (2), валізка, вітрына (6), катрынка, куфэрак, ліхтар (10), падкова, парасон (4), светлафор, труба, цыгарэта (2), шуфель і інш.; **транспарт:** аўтамабіль, аўтамашына (3), аўтобус (2), маршрутка (2), самалёт, таксоўка (2), тралейбус, цягнік (8) і інш.; **рэчывы:** азон, вада (15), лёд (10), пясок (2) і інш.; **расліны:** аер, асака, асот (3), бадзяк, бульнік (3), бэз (5), крапіва (5), лебядка (2), трыпутнік (3), чаромха, чарот (4), ядловец, язмін, і інш.; **дрэвы:** альха, арабіна, бяроза (9), бярэзіна (7), вярба (7), дрэва (30), дуб (6), каліна, клён (3), сасна (12), таполя (3), яблыня (6), яліна (12) і інш.; **кветкі:** васілёк (2), гарлачык, дзьмухавец (11), кветка (4), ліляя, мальва, рамонак (3), ружа (4), сланечнік (3), цюльпан (2); **грыбы:** апенька, баравік, грыб (3), казляк, чырвонагаловік; **жывёлы:** авечка, баран, вавёрка, воўк, вуж, жаба (3), кацяня, конь (3), яшчарка і інш.; **птушкі:** арол, бацян (3), бусел (5), варона (11), голуб (3), грак (12), гусь (6), дзяцел (2), дрозд (2), качка (13), крумкач (5), лебедзь (3), певень (3), салавей (1), сарока (2), чайка (3) і інш.; **насякомыя:** авадзень, аса (2), казюрка, камар, матыль (2), мураш (4), муха (2), пчала (8), страказа, цвыркун, чмель (6); **назвы людзей:** армянін, бабуля (3), воін, гарманіст, гаспадар (7), жанчына (7), знахар, манах (2), местачковец, неслух, нябожчык, паштавік, разносчык, сейбіт і інш.; **часткі цела:** вочы (19), галава (10), грудзі (6), далонь (8), палец (2), рука (25), твар (8) і інш.; **адзенне:** абноўка, апранаха (2), апратка, вэлюм, капуцын, кашуля (3), пальчатка, фата, хусціна (2) і інш.; **ежа:** аладка, бохан, булка (3), віно, кава, квас, малако (4), марозіва, піца, сырадой, хлеб (5), яйка і інш.; **гародніна і садавіна:** агурок, гарбуз, бульба (5), груша (2), кавун, хурма (2), яблык (6), ягада і інш.; **уласныя назвы і імёны:** Брэмен, Вільня (2), Вісла, Ганна (2), Лейпцыг, Лімэригасэ, Марткірха (2), Менск, Сялец, Шпрэвю, Эвэліна; **адцягненыя паняцці:** бяссонне, вайна, вырай (4), гук (9), думка (9), душа (6), жах, клопат (2), маладосць (4), напаселле (2), няведанне, памяць (3), сусвет (3), увага (5) і інш.; **рэлігійныя тэрміны:** бог (3), Гасподзь (2), імша, крыж, малітва (2), псалом, ружанец (2), споведзь і інш.; **святы:** Вялікдзень (2), вяселле, Каляды, свята (6), фэст.

Як бачым, лексіка пункціраў А. Разанава вельмі разнастайная. Пісьменнік выкарыстоўвае запазычаныя словы (напрыклад, *амбасада, андэрграўнд, аўтадафэ, ашрам, батут, дэвальвацыя, ізагласа, ікэбана, камікадзэ, піца, юрта*), размоўную і прастамоўную лексіку (*бадыль, апранаха, галаснік, зяпа, маршрутка, морак, нямашака, одум, пісяг, пхацца, разявіць, сяўня, таксоўка, ходнік*). Адзначым яшчэ дыялектызмы (*залева, копашка, чырвонагаловік*), устарэлыя словы (*каморнік*), а таксама аўтарскія неалагізмы і новыя формы слоў (*азярá* – Р. скл., адз. л. ‘возера’, *блізіня, няўежлівы* ‘неядомы’, *сіваграк, сквар* ‘спэка’, *срабрысцець, урэчаіснівацца, ускуранець, цемрыня, швэдра* ‘швэдар’ і інш.). Пункціры ствараюцца на аснове ўражаньняў аб акаляючай рэчаіснасці, таму ў тэкстах шырока прадстаўлены словы, што характарызуюць з’явы прыроды, поры года, раслінны свет, месцы, рэчы і інш. Асноўным вобразам пункціраў А. Разанава можна назваць дождж: сама назва жанру – пункціры – нагадвае нам пра перарывістую пункцірную лінію, да якой падобны кроплі дажджу (успомнім яшчэ назвы зборнікаў «Дождж: возера ў акупунктуры» і «Такая і гэтакі: талакуе з маланкай дождж»). Наяўнасць лексем *Брэмен, кірха, гановерскі, Лімэригасэ* і, пэўна, *кнайпа* звязана з тым, што некаторы час пісьменнік жыве ў Германіі, Аўстрыі і Швейцарыі, асэнсоўвае тамтэйшую рэчаіснасць, вынікам чаго сталі кнігі-білінгвы

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 33
из 378

«Гановерскія пункціры» і «Трэцяе вока». *Сялец* – назва вёскі ў Бярозаўскім раёне, дзе нарадзіўся паэт. Шмат цікавай інфармацыі адлюстроўвае семантыка слоў і іх марфемная будова. Так, словам *хата* А. Разанаў найперш называе вясковы драўляны дом, а ўласна лексема *дом* часцей характарызуе гарадскі мураваны будынак. Слова *бяроза* з’яўляецца нейтральным ці характарызуецца станоўча, а *бярэзіна*, наадварот, ужываецца для наймення ссохлага альбо пажоўклага дрэва і інш. Зразумела, падчас працы з лексікай меліся і пэўныя цяжкасці, асабліва пры адрозненні некаторых амонімаў. Напрыклад, словаформа *маладою* нагадвае прыметнік, але насамрэч выступае ў ролі назоўніка: «*З фатою?! – / Фантан / фатаграфуецца з маладою*» [1, с. 246]. Ёсць нават прыклад, калі пункцір цалкам пабудаваны на з’яве аманіміі: «*Падаю – / падаю / руку то сасне, / то дубу*» [Тамсама, с. 167].

Такім чынам, лексіка з’яўляецца вельмі важным і цікавым сродкам інфармацыі як пра творы, так і пра асобу аўтара. Адпаведна, пытанне аб адметнасці мовы пункціраў і іншых жанраў А. Разанава патрабуе далейшага актыўнага вывучэння.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Разанаў, А. С. Такая і гэтакі: талакуе з маланкай дождж : пункціры / А. С. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 2018. – 278 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 34
из 378](#)

Я. В. КАПУЗА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. С. Клундук, кандидат филологических наук, доцент

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МАРКЕРА ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «ЗАРЯ»)

Первым элементом публикации, главной частью любого газетного материала является заголовок, способный оказывать сильное влияние на аудиторию и отражать идеологию конкретной эпохи. По определению И. Н. Борисовой, заголовок на страницах печатного издания представляет собой «коммуникативную единицу в позиции перед текстом, являющуюся его названием, имеющую синтаксическое оформление, прямо или косвенно указывающее на содержание текста и отграничивающее одно речевое высказывание от другого» [1, с. 124]. Особенно активно идеологическая функция заголовка проявлялась в 1960–1970 гг., т. к. именно в этот период региональная пресса ярко отражала процессы, происходящие в стране.

Нам представляется интересным изучение синтаксического построения газетного заголовка 1960–1970 гг., выполняющего и стилеобразующую, и идеологическую функции. В структуре заголовков областной газеты «Заря» [2] 1960–1970 гг. встречаются простые и сложные предложения различных видов. Они, как правило, имеют информативный характер, а это значит, что в них используются конкретные маркеры определенного периода развития общества.

Самой распространенной структурой в заголовках «Зари» является простое предложение, которое концентрирует внимание читателя на отдельных деталях, событиях, явлениях эпохи: *Модибо Кейта прибыл в Москву* (05.10.1965, с. 1); *Автоматическая станция «Венера-б» завершила полет* (16.12.1970, с. 3); *Мир скорбит о гибели героев космоса* (27.12.1970, с. 3). Как правило, односоставные предложения в заголовках «Зари» являются именными. В таких заглавиях используются имена лидеров стран, что указывает на определенную эпоху: *Беседа Н. С. Хрущева с советскими и иностранными журналистами* (13.05.1960, с. 1); *Визит Фиделя Кастро Н. С. Хрущеву* (14.01.1964, с. 1); *Встреча тов. Л. И. Брежнева с тов. Хеусом Фариа* (23.03.1966, с. 1). Заголовки такого типа чаще всего применяются в текстах информационных жанров и выполняют функцию информирования и констатации факта.

В заголовочных простых предложениях отражались события, происходящие в СССР и за рубежом, проявлялась идеология государства, например: *Химическая прополка посевов кукурузы и льна* (18.03.1960, с. 3); *Пленум Цэнтральнага камітэта КПСС* (20.01.1961, с. 3); *Шлях да Венеры* (15.02.1961, с. 1). Односоставные предложения в заголовках конкретно излагали факт, часто показывали действия руководителей разных стран, при этом данные синтаксические виды заголовков нередко являлись номинативными: *Письмо представителя СССР в ООН Хаммаршельду* (06.01.1960, с. 3); *Беседа Н. С. Хрущева с советскими и иностранными журналистами* (13.05.1960, с. 1).

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 35
из 378](#)

Газетный заголовок 1960–1970 гг. часто реализуется в форме двусоставного предложения, выполняя при этом номинативную функцию, т. е. представляя некоторую ситуацию действительности. В номинативном аспекте двусоставное предложение представляет тему текста как некое событие, а в коммуникативном аспекте указывает на отношение представляемого события к времени и результату: *Индонезийская общественность приветствует предстоящий приезд Н. С. Хрущева в Индонезию* (06.01.1960, с. 3); *Кукуруза – культура вялікіх магчымасцей* (26.03.1961, с. 3); *Крепнет дружба между СССР и Цейлоном* (23.10.1963, с. 1).

Отдельно следует отметить «космическую» тематику, которая в период 1960–1970 гг. активно отражалась в газетных заголовках. С помощью двусоставных предложений рассказывалось о триумфах космонавтики: полет первого человека в космос, затем – групповой полёт, выход человека в космос, создание орбитальных станций «Салют», «Мир»: *«Электрон-1» и «Электрон-2» продолжают полет* (02.02.1964, с. 1); *«Маринер-4» передал первый снимок Марса* (17.07.1965, с. 3); *«Зонд-3» – универсальный разведчик вселенной* (24.08.1965, с. 3); *Программа исследования Луны с помощью автоматической станции «Луна-9» успешно завершена* (08.02.1966, с. 1).

В заголовках «Зари» практически не встречались, за исключением отдельных случаев, сложные предложения, структура которых позволяла избежать двусмысленности: *Сумели вырастить, да не спешат убрать* (28.08.1970, с. 1). Чаще применялись заголовки, состоящие из двух простых предложений. Они позволяли повысить информативность и показать, что заглавия могут выступать в качестве автономной единицы. Так, тематическая полоса, посвященная Ленину, всегда называлась с помощью двух предложений: *Великий, человечный, простой. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина* (12.02.1960, с. 2); *Мастер революционной пропаганды. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина* (18.03.1960, с. 2). Заголовки, состоящие из двух простых предложений, обязательно использовались, когда речь в материале шла о различных докладах, прениях, решениях сессии Верховного совета, постановлениях, выступлениях лиц, занимающих важные должности: *Прения по отчетным докладам Центрального Комитета ревизионной комиссии КП Белоруссии. Речь тов. Ф. А. Сурганова, речь тов. Д. Ф. Филимонова* (23.02.1960, с. 2–3); *Урачыстасці на грузінскай зямлі. Даклад таварыша В. П. Мжаванадзе* (13.05.1961, с. 1); *Развитие химии – наше общее дело. Третья сессия Верховного совета СССР* (17.12.1963, с. 3). Также в заголовках с использованием двух простых предложений отражалась информация о различных парадах и приемах, прибытии лидеров, представлялись идеи партийного руководства: *Под знаменем ленинизма. Парад и демонстрация трудящихся на Красной площади* (05.05.1964, с. 1); *Родина чествует героев космоса. Прием в Большом Кремлевском дворце* (04.07.1970, с. 1).

Встречались и расчлененные конструкции, когда заголовки структурно распадаются на две части и разделяются двоеточием. В данных конструкциях часто употреблялись конкретные идеологические маркеры эпохи, например, наименования серии пилотируемых советских орбитальных научных станций, осуществлявших полеты в околоземном космическом пространстве с космонавтами и в автоматическом режиме: *«Салют-3»: программа выполняется успешно* (04.07.1974, с. 1); *«Салют-4»: с невесомостью освоились* (16.01.1975, с. 1). Космическая тематика отражалась и в иных названиях: *«Луна-16»: оценка, перспективы...* (05.11.1970, с. 1); *«Союз» – «Аполлон»: подготовка к полету продолжается* (06.09.1974, с. 3). Как уже отмечалось, «космическая»

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 36
из 378](#)

тематика была одной из важных в повестке дня изданий исследуемого периода. В описании событий, не связанных с космосом, подобные заголовки применялись не так часто: *Внимание: фитотрофоз* (01.07.1971, с. 3); *Боевая задача дня: накопление кормов, подготовка к жатве* (19.06.1975, с. 1).

Таким образом, газетные заголовки 1960–1970 гг. были разнообразны по своей структуре. Наиболее употребительными оказались односоставные именованные и двусоставные предложения. Практически не встречались в заголовках «Зари» сложные предложения. В большинстве заголовков журналистами используются идеологические маркеры эпохи в виде имен известных политиков, названий событий, явлений, предметов, которые указывают на особенности периода.

Список использованной литературы

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : Либроком, 2009. – 320 с.
2. Заря [Электронный ресурс] : офиц. сайт Брест. обл. газ. – Режим доступа: <http://www.zarya.by>. – Дата доступа: 04.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 37
из 378

А. Л. КЕПИН (г. Могилев, МИ МВД РБ)

Научный руководитель – О. А. Лукина, кандидат филологических наук, доцент

НОМИНАЦИЯ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БРЕСТА И МОГИЛЁВА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

С момента принятия в X в. христианства на белорусских землях огромное влияние имела православная церковь, которая и сегодня объединяет значительное число верующих. Четыре столетия спустя в Великом княжестве Литовском, основными землями которого были белорусские, появилась католическая церковь, в дальнейшем она внесла значимый вклад в культуру и историю Беларуси. Европейская Реформация в XVI в. привела к возникновению протестантских направлений.

На сегодняшний день Беларусь является страной с богатым религиозным прошлым, которое в полной мере дошло до наших дней. Несмотря на век высоких технологий, число верующих людей постоянно растёт и влияние религии на современное общество постепенно увеличивается. В Беларуси насчитывается огромное количество церквей, монастырей, храмов, костёлов и других сооружений различного вероисповедания.

Целью данного исследования является сравнительно-сопоставительный анализ экклезионимов двух городов: Могилева и Бреста.

На экклезионимной карте Могилёва выявлены следующие наименования религиозных объектов.

1. Православные: *Онуфриевская церковь, Спасо-Преображенский собор, Иосифовский собор, Храм в честь Святых Богоотец Иоакима и Анны, Храм Святых Царственных мучеников, Свято-Крестовоздвиженский собор, Церковь в честь иконы Божией Матери «Всецарица», Собор Трёх Святителей, Церковь Казанской иконы Божией Матери, Храм Серафима Саровского, Свято-Никольский храм, Церковь Георгия Конисского.*

2. Католические: *Костёл Святого Станислава, Костёл Святого Казимира.*

3. Греко-католические: *Униатская часовня Белыничской иконы Богородицы.*

4. Протестантские: *Церковь веры евангельской «Благодать», Церковь веры евангельской «Мир с Богом», Церковь веры евангельской «Новая жизнь» [1].*

На экклезионимной карте Бреста находим следующие названия культовых сооружений.

1. Православные: *Симеоновский кафедральный собор, Свято-Троицкий храм, Свято-Христо-Рождественский храм, Свято-Воскресенский собор, Свято-Покровская Церковь, Храм в честь святителя Спиридона Тримифунтского, Церковь святого праведного Иоанна Русского, Храм иконы Божией Матери «Всецарица», Храм в честь святых преподобных Александра Пересвета и Андрея Осляби, Храм Петра и Февронии Муромских, Рождество-Богородичный храм, Георгиевская церковь, Серафимовский храм, Свято-Николаевский храм, Храм Тихвинской иконы Божией Матери, Николаевская братская церковь, Афанасьевская церковь.*

2. Католические: *Костел Воздвижения Святого Креста, Костел Святого Иосифа.*

3. Греко-католические: *Церковь святых братьев-апостолов Петра и Андрея.*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 38
из 378

4. Протестантские: *Церковь веры евангельской «Вефиль»*, *Церковь христиан веры евангельской*, *Церковь веры евангельской «Великое поручение»* [1].

Названия православных культовых сооружений условно можно разделить на три группы: 1) название в честь святых; 2) название в честь праздников; 3) названия в честь икон. Рассмотрим каждую категорию подробнее [2, с. 56].

1. Названия в честь святых. Называть храмы в честь святых – это давняя традиция в православии. В Могилёве примерами таких храмов служат *Онуфриевская церковь*, *Иосифовский собор*, *Храм в честь Святых Богоотца Иоакима и Анны*, *Храм Святых Царственных мучеников*, *Собор Трёх Святителей*, *Храм Серафима Саровского*, *Свято-Никольский храм*, *Церковь Георгия Конисского*. В Бресте – *Симеоновский кафедральный собор*, *Храм в честь святителя Спиридона Тримифунтского*, *Церковь святого праведного Иоанна Русского*, *Храм в честь святых преподобных Александра Пересвета и Андрея Осляби*, *Храм Петра и Февронии Муромских*, *Георгиевская церковь*, *Серафимовский храм*, *Свято-Николаевский храм*, *Николаевская братская церковь*, *Афанасьевская церковь*. Общими для обоих городов являются номинации в честь святого Николая.

2. Названия в честь праздников. В Могилёве это *Спасо-Преображенский собор*, *Свято-Крестовоздвиженский собор*. В Бресте – *Свято-Троицкий храм*, *Свято-Христо-Рождественский храм*, *Свято-Воскресенский собор*, *Свято-Покровская Церковь*, *Рождество-Богородичный храм*.

3. Названия в честь икон. В жизни верующих людей иконы всегда имели особое значение. И поэтому в честь них также называют храмы. В Могилёве примером таких храмов могут быть *Храм иконы Божией Матери «Всецарица»*, *Церковь Казанской иконы Божией Матери*. В Бресте – *Храм иконы Божией Матери «Всецарица»*, *Храм Тихвинской иконы Божией Матери*. Общими для обоих городов являются номинации в честь иконы Божией Матери «Всецарица».

Католические костёлы принято называть в честь святых, в честь праздников, в честь Девы Марии, в честь монашеских орденов [2, с. 73]. В Могилёве в честь святых названы *Костёл Святого Станислава*, *Костёл Святого Казимира*. В Бресте это *Костел Святого Иосифа*. В городе есть также костёл, названный в честь праздника – *Костел Воздвижения Святого Креста*.

Греко-католическая экклезионимия делится на следующие группы: 1) наименования в честь святых (в Бресте к данной категории относится *Церковь святых братьев-апостолов Петра и Андрея*); 2) наименования в честь праздников; 3) наименования в честь Девы Марии (в Могилёве – *Униатская часовня Белыничской иконы Богородицы*) [2, с. 79].

В Бресте и Могилёве протестантские религиозные сооружения представлены следующими названиями: в Бресте – *Церковь веры евангельской «Вефиль»*, *Церковь христиан веры евангельской*, *Церковь веры евангельской «Великое поручение»*; в Могилёве – *Церковь веры евангельской «Благодать»*, *Церковь веры евангельской «Мир с Богом»*, *Церковь веры евангельской «Новая жизнь»*.

Таким образом, в Бресте православных храмов значительно больше, чем в Могилёве: это вызвано особенностями географического положения данных городов. Католических костёлов в Бресте также несколько

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 39
из 378

больше, чем в Могилёве. Греко-католических сооружений в обоих городах немного, разница в том, что в Бресте им даны названия в честь святых, а в Могилёве – в честь иконы Девы Марии. Количество протестантских церквей в этих городах одинаковое.

Сравнительно-сопоставительный анализ номинаций культовых сооружений Бреста и Могилева выявил как ряд общих черт в именовании культовых объектов, так и существующие различия в количественном составе и номинативном плане экклезионимов. Мы можем констатировать, что в обоих городах существует большое количество религиозных сооружений (православных, католических и протестантских) с разнообразными названиями и богатой древней историей, чтобы каждый человек, независимо от его вероисповедания, мог удовлетворить свои религиозные потребности.

Список использованной литературы

1. Белорусский справочник ритуальных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ritorg.by/cerkvi-i-hramy>. – Дата доступа: 29.04.2019.
2. Лукина, О. А. Экклезионимное пространство Беларуси : монография / О. А. Лукина. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – 110 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 40
из 378

В. Р. КУЛІЧЫК (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНАЯ СПЕЦЫФІКА АНТРАПАНІМІКОНУ АПОВЕСЦІ А. БЕНЗЕРУКА «МЯЧЫ ГРУНВАЛЬДА, АЛЬБО ДВАНАЦЦАЦЬ АБАРОНЦАЎ КАРАЛЯ»

У аповесці «Мячы Грунвальда, альбо Дванаццаць абаронцаў караля» Анатоль Бензярук вядзе займальны аповед пра знакамітую Грунвальдскую бітву, у якой сышліся магутныя рыцары Крыжацкага войска, што вёў у бой вялікі магістр Ульрых Юнгінген, з палякамі і літвінамі, якімі кіравалі кароль Уладзіслаў Ягайла і вялікі князь Аляксандр Вітатаўт. Па-мастацку ўваскрашаючы карціны гэтай знакавай для айчыннай гісторыі падзеі, пісьменнік умела выкарыстоўвае вобразна-выяўленчыя магчымасці ўласных імёнаў, якія з’яўляюцца каштоўным помнікам матэрыяльнай і духоўнай культуры славян: «іменем і імёнамі пранізана ўся культура і ўсё чалавечае быццё. У слове і асабліва ў імені – усё наша культурнае багацце, накопленое на працягу стагоддзяў» [1, с. 28]. Імя ўласнае – факт культуры, які ў многім вызначаецца духоўным вопытам народа, гістарычнымі ўмовамі фарміравання этнасу. У кантэксце гістарычнай прозы Анатоля Бензерака раскрываецца багатая нацыянальна-культурная інфармацыя ўласных імёнаў розных народаў.

Ядром анамастыкону аповесці з’яўляюцца *антрапонімы* – імёны, прозвішчы, мянушкі людзей. Аўтар раскрывае чытачу старонкі гісторыі Радзімы. Таму ў творы не раз называюцца імёны рэальных гістарычных дзеячаў. Гэта найменні валадароў дзяржаў XV ст., асноўнага часу дзеяння аповесці – *онімы-сучаснікі*: імёны польскага караля *Уладзіслава Ягайлы*, літоўскага князя *Аляксандра Вітаўта*, сына хана Залатой Арды *Джаладзіна*, чэшскага караля *Вацлава*, венгерскага караля *Сігізмунда*; імёны палкаводцаў: магістра Тэўтонскага ордэна *Ульрыха Юнгінгена*, камандора *Ліхтэнштайна*, маршала *Валенрода*. Аўтар аповесці прыгадвае старонкі гісторыі Вялікага княства Літоўскага, таму ў творы ўжываюцца *онімы-рэтраспекцыі* – імёны вялікіх князёў *Гедзіміна* і *Альгерда*. Некаторыя вядомыя ў сусветнай гісторыі валадары мелі не толькі імёны, але і характарыстычныя празванні-мянушкі, што адлюстравана ў аповесці: *Шкадуе рыцар сваю шэрую торбу: у ёй хаваў грамату ад былога гаспадара – караля неапітанскага ды іерусалімскага Ланселота Велікадушнага, напісаную каралю Ягайле* [2, с. 46] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі); *Жыў-княжыў у Пінску слаўны гаспадар Юрый, на мянушцы Нос* (с. 35); *Комтур быў са старажытнага роду. Усе мужчыны ў сям’і насілі аднолькавае імя, Генрыхі – бацька, дзед, прадзед і гэтак ажно да Генрыха Чэшскага і Генрыха Рускага, заснавальнікаў роду. Яны атрымалі мянушкі не за тое, што адзін быў чэхам, а другі русінам. Зусім наадварот: адчайна і смела змагаліся продкі Плаўэна супраць славян, прыхоплівалі чужыя землі, на іх замкі свае будавалі, таму і стаў забойца чэхаў звацца Чэшскім, а забойца русаў Рускім* (с. 74).

Адлюстраваны ў аповесці і даўні звычай надання дзіцяці імені таго святога заступніка, у дзень памяці якога нарадзілася дзіця. Так, пінская князеўна атрымала імя *Яна*, бо нарадзілася на дзень *Святога Яна: Янка* – купальская дачка... *Нарадзілася Яна ў Купальскую ноч, калі палалі кастры, плылі песні над жытнімі палямі*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 41
из 378

і водамі, калі шукалі цудоўную кветку (с. 40). Адаптуючыся да славянскіх моў, хрысціянскія імёны сталі ўтвараць размоўна-бытавыя і ацэначныя формы. Так, памяншальныя формы (дэмініватывы) сталі выкарыстоўвацца для наймення дзяцей, што знайшло адлюстраванне ў аповесці: *Пасля кніжных навук чакае Янку вайсковы настаўнік. У ваяра цяжкі тугі лук, у Яны лягчэйшы: «Ну, Яська, і ты спрабуй»* (с. 36).

Ужаваецца на старонках гістарычнай аповесці і даўняя граматычная форма клічнага склону імені: *«Глянь, Вітаўце, як на поўначы, на захадзе ўзняліся жалезнагаловыя пачвары»* (с. 11).

Што да імёнаў персанажаў, створаных фантазіяй пісьменніка, то яны адлюстроўваюць мадэлі іменавання, якія існавалі ў XV ст. Так, некаторыя героі носяць язычніцкія імёны: рыцары *Дабяслаў, Келбаса, Збігнеў, Земавіт*, майстар *Яраслаў*. Частка герояў, якія прынялі хрысціянскую веру, носяць праваслаўныя або каталіцкія імёны: каралеўскі духоўнік *Барташ*, святар *Мікалай*. Некаторыя персанажы ідэнтыфікуюцца праз пасрэдніцтва хрысціянскага імені і язычніцкага празвання-мянушкі: майстар *Данілка Русін*, стараста ў Быдгашчы *Януш Бярозавая Галава*, палкаводцы *Ян Сокал, Ян Жыжка* і інш.

З XII ст. на нашых землях стаў ужывацца такі кампанент антрапанімічнай лексікі, як *патранімічнае іменаванне*, утворанае ад імені ці мянушкі бацькі або продкаў па бацькаўскай лініі. Такія формы наймення маюць прадстаўнікі вышэйшых саслоўяў: *Прыставіў князь да дачкі выхавацеля – даўгавусага Кіршу Данілавіча, вопытнага ваяра* (с. 35).

З пункту гледжання літаратурна-мастацкай анамастыкі, многія з імёнаў персанажаў рамана з'яўляюцца *гаваркімі онімамі*. Сэнс такіх празванняў раскрываецца праз глыбокае спасціжэнне мастацкіх характараў, створаных пісьменнікам. Імя хуткага, імклівага, смелага каралеўскага пасланца, які пераадольвае ўсе перашкоды на сваім шляху, – *Збігнеў Чайка*. Унутраная форма імені раскрываецца праз характарыстыку носбіта наймення, якая гучыць з вуснаў падканцлера Каралеўства Польскага: *Чайка – самы адважны і надзейны, хто і на крылах бурана данясе добрую вестку* (с. 12). Мастацкі эффект ва ўжыванні антрапоніма ствараецца за кошт аманімічнага каламбура. Аўтар абыгрывае семантыку этымона язычніцкага імені, ужытага ў складзе адмоўнага параўнання: *Не над морам ляціць чайка. Мільгаюць над высокімі снягамі капыты гарачых коней. Удзень сонца асвятляе доўгую дарогу, рагаты месяц уначы. Нясуцца коні, коўзаюцца крытыя сані. Услед прыспяшаецца невялічкі атрад вершнікаў. Меладычна звіняць бомы, бы з заснежаным лесам гамоняць. Важны чалавек едзе: каралеўскі пасланец вязе грамату Вітаўту* (с. 12).

Адлюстраваны ў аповесці і стары звычай змены імені, звязаны са зменай статусу асобы. Так, комтур Тэцінген пасля Грунвальдскай бітвы атрымаў новае імя, што трапна акрэслівала паводзіны палахлівага рыцара, які збег з поля бітвы: *А вось Тэцінгена адолеў не чужы рыцар, а страх за сваю скуру. Меў комтур зычны голас. Калі набачыў, што справа – швах, тады крычаў сваім воям: «Хэрум! Хэрум!»* (што значыць «Назад! Назад!») *Комтур Тэцінген, хвалько і задзіра, наперадзе ўсіх даваў драпака. (З тае пары яго звалі Рэйтэр-Хэрум – Рыцар-Назад.) За ім кулём каціліся рэшткі крыжовага воінства* (с. 12).

Характарыстычнае празванне *Рыцар Чорны Язык* атрымаў комтур Марквард за тое, што зняважыў князя Вітаўта і яго бацькоў. Унутраная форма празвання-мянушкі комтура раскрываецца ў маналогу Вітаўта: *«Хіба*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 42
из 378

з рукі высакароднаму рыцару змагацца з сынам вядзьмаркі і паганца? Я дараваў бы табе, каб ты абразіў толькі мяне. Я даў бы табе меч, калі б ты зняважыў майго мёртвага бацьку. Але год таму ў Коўне твой чорны язык запэчкаў чыстае імя маёй маці. За гэта няма, Марквардзе, табе даравання» (с. 111).

Як бачым, у аповесці А. Бензерука сродкам мастацкага адлюстравання фактаў і постацяў далекага мінулага з'яўляюцца насычаныя нацыянальна-культурнай інфармацыяй уласныя імёны, якія становяцца адным з найважнейшых спосабаў перадачы падзей мінуўшчыны, абмалёўкі літаратурных персанажаў, выражэння светапогляду чалавека далёкага XV ст.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лосев, А. Ф. Логос – Имя – Космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1997. – 790 с.
2. Бензярук, А. Мячы Грунвальда, альбо Дванаццаць абаронцаў караля / А. Бензярук. – Мінск : Маст. літ., 2012. – 130 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 43
из 378

А. М. НАЗРАНКА (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ГАВАРКІЯ ПРОЗВІШЧЫ Ё КАНАТЭКСЦЕ АПОВЕСЦІ УЛАДЗІМІРА ДАМАШЭВІЧА «КОЖНЫ ЧАЦВЁРТЫ»

Трагічныя старонкі жыцця беларусаў у часы Вялікай Айчыннай вайны ўзнаўляе Уладзімір Дамашэвіч ў аповесці «Кожны чацвёрты». Прозвішчы герояў твора – адзін са сродкаў стварэння жывых, паўнакроўных, пераканальных вобразаў.

Гаваркім паэтонімам з’яўляецца прозвішча персанажаў аповесці – **Ваўчэцкіх**. Паводзіны членаў **воўчай зграі** – узор згуртаванасці ў свеце жывёл. Такімі ж, як ваўкі, – моцнымі, згуртаванымі, небяспечнымі – з’яўляюцца **Ваўчэцкія**. Апісанне характару і знешнасці «важака» сям’і **Ваўчэцкіх** – Восіпа – абгрунтаванне матывацыя гаваркога антрапоніма: *Восіп глядзеў на ўсё другімі вачыма: кожны павінен мець сваё! Не любіў ён кланяцца людзям, ісці што прасіць, пазычаць, не любіў, як і ў яго пазычалі. Такі ўжо ў чалавека характар, нават прозвішча яму падыходзіла: **Ваўчэцкі**, а мянушка была – **Воўк**, і ніхто яго за вочы іначай не называў. Мо якраз за гэтую яго звераватасць, за маўклівасць, за нелюдзімасць, якая відаць была ў поглядзе, яго цёмных вачэй, у выразе зарослага чорным шчаціннем рабога з воспы твару [1, с. 6–7]* (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі). Жонка Восіпа Алена, як ваўчыца, абараняла сям’ю, калі ў дом прыйшлі паліцаі: *Твар яе, даволі прывабны і лагодны, калі быў спакойны, цяпер стаў страшны, і акругліліся, сталі шалёныя вочы, рот ашчэрыўся ў дзікай грывасе, нібы яна гатова была кінуцца на паліцаю зубамі* (с. 10). У ваенным агні выжыў толькі адзін «воўк-адзіночка» – Алесь. У. Дамашэвіч выдзяляе звераватасць, агрэсіўнасць, жорсткасць у паводзінах і знешнасці маладога «**ваўка**»: *Гэты **Воўк** гарачы, як неаб’езджаны конь. У бацьку ўдаўся... (с. 58); І вось гэтае чужое, акупанцкае, на **Ваўчэцкім** нібы злілося з яго сваім, звераватым, воўчым: трохі прыўзнятая верхняя губа і белыя зубы, з якіх вырываліся з роўнага паўкола два разцы, як іклы, рабілі на яго твары падабенства звярынага аскалу (с. 130–131); ...*Даўно няголены, звераваты твар чалавека, знерваванага і ў нечым зацятага, упартага, глядзеў на яго. Сапраўдны **Воўк**, як яго называюць хлопцы* (с. 241); *Не азіраючыся, як **воўк**, ён прабіраўся па лесе, трушчачы ламачча...* (с. 181). Герой бязлітасна забівае сям’ю чалавека, якога абвінавачвалі ў даносе на сям’ю Ваўчэцкіх, што была знішчана акупантамі. У славянскай міфалогіі **воўк** – сімвал мудрасці, празорлівасці. Такія якасці ў выніку напружанага і балючага роздуму пасля здзейсненага злачынства фарміруюцца і ў героя твора. З цягам часу **Ваўчэцкі** пачынае разумець, што дабро і зло – катэгорыі адносныя, і тое, што ён лічыць справядлівасцю, з пункту гледжання Божых законаў, – зло, злачынства. У выніку напружаных маральна-духоўных пошукаў герой прыходзіць да мудрай высновы: зло нараджае зло, і злом яго ніколі не выкараніш.*

Прозвішча **Паланейчык** належыць падрыўніку, сыну ворага народа – Петрусю. Асацыятыўна прозвішча звязваецца са словам *палон*, што ТСБЛІМ тлумачыць гэтак: ‘няволя, у якой знаходзіцца чалавек’ [2, с. 430]. Герой

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 44
из 378

аповесці ў цяжкія ваенныя часы трапіў у палон пачуцця абавязку перад сябрам-суайчыннікам. Пятрусь пайшоў на спецзаданне з Алесем Ваўчэцкім, які намерыўся адпомсціць за смерць сям’і. Паланейчык да апошняга спадзяваўся, што усё зменіцца: Ваўчэцкі не зробіць гэтага, не будзе забіваць. Пятрусь разумеў: Ваўчэцкі ў распачы, жаданне адпомсціць, мабыць, ужо яго не пакіне. Падпарадкаваўшыся пачуццю сяброўскага абавязку, Пятрусь усё ж удзельнічае ў забойстве: *У Паланейчыка было жаданне кінуцца ўцякаць, але нешта спыніла яго: як сам не свой, ён пераступіў парог на кухню і навёў аўтамат на дзіця, зажмурыўся і даў кароткую чаргу. Выйшаў у сені вобмацкам – вочы засціў нейкі туман ці дым* (с. 130). Платай за ўдзел у злачынстве становіцца жыццё самога **Паланейчыка**.

Прозвішча **Казак** аўтар даў сямнаццацігадовай дзяўчыне Юлі. Метафарычна слова **казак** выкарыстоўваецца як найменне безразважна смелага, дзёрзкага чалавека, рызыканта. Апелятыўная семантыка прозвішча адпавядае характару кожнага члена сям’і **Казак**: *Ці ўзяць Казакоў: усе да адной душы ў партызанах!* (с. 108). Унутраная форма паэтоніма раскрываецца шляхам апісання жыцця, характару, учынкаў персанажаў. Бацька быў матросам у Петраградзе, падчас ягонай службы было нямала выпадкаў, *«калі ўсю справу вырашала яго адвага, вырашалі секунды. У баі ёсць нейкая няўлоўная хвіліна, калі шалі вагі гатовы пераважыць у любы бок, варта кінуць на адну з іх хоць крупінку»* (с. 108). Разведчыкам-рызыкантам быў і Лёнька **Казак**, які загінуў праз сваю па-юнацку безразважную смеласць. Адважнай дзяўчынай з’яўляецца і Юля **Казак**, якая здолела вырвацца з занятай акупантамі вёскі, дабрацца да партызанаў і стаць байцом атрада разведчыкаў: *А цяпер у атрадзе будзе службыць Юля Казак. Думаю, што яна апраўдае сваё прозвішча... Ужо, мне здаецца, апраўдала...* (с. 108). Неверагодна моцным і мужным чалавекам была гэтая дзяўчынка, якая пасля страшэнных страт захавала жаданне **жыць**: *Самых дарагіх людзей страціла яна за апошнія паўгода: маці, брата, Паланейчыка... Ледзь жывая, з абмарожанымі нагамі, яна нібы то нараджалася на свет, то нібы памірала. Аднак яна не паказвала людзям свайго болю, старалася затушыць яго, не даць вырвацца наверх, як таму агню, што тлее ў глыбіні і не можа прабіцца на паверхню, ды так можа і затхнуцца* (с. 262–263).

Вобразна-выяўленчыя ўласцівасці прозвішчаў-паэтонімаў абумоўлены іх багатым лексічным фонам, які актуалізуецца ў кантэксце мастацкага твора, што дазваляе гаваркім антрапонімам выражаць аўтарскую характарыстыку і ацэнку людскога жыцця.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дамашэвіч, У. Кожны чацвёрты : аповесць / У. Дамашэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 324 с.
2. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 тысяч слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 45
из 378

ПИНСК И ПИНЧУКИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ

Пинск – один из древнейших городов Беларуси. Расположенный в самом сердце Полесья, он таит в своих чертогах множество загадок. Совсем небольшой, с тихими уютными улочками и всегда приветливыми людьми, на слиянии рек Припяти и Пины, где в древности проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки», наш город за 921 год накопил немало интересных историй.

Когда впервые попадаешь на улицы города, взгляду сложно остановиться на чем-то одном и составить первое впечатление об увиденном. Тут наблюдаешь сочетание разных стилей: от барокко и классицизма до модерна, проявляющихся в местном, полесском варианте. Монастырский дворик, узкие еврейские улочки, гравировка на старых зданиях – кажется, в городе переплетены все возможные культуры. Этому можно дать вполне логическое объяснение: находясь на стыке территорий нескольких стран, Пинск успел побывать в составе каждой из них. Самобытная полесская культура не раз становилась объектом изучения публицистов из разных стран. О Пинске и пинчуках писали белорусские, польские и русские поэты и писатели.

Одним из первых литераторов, посетивших Пинск, был писатель-декабрист Федор Николаевич Глинка. Его пребывание на Пинщине связано с Отечественной войной 1812 года. В 1814 году Ф. Глинка, возвращаясь домой из заграничного похода, остановился в Пинске. О своих впечатлениях об этом времени он рассказывает в книге «Письма русского офицера». Автор высоко оценил самобытность, оригинальность, богатую культуру полешуков. В собрании сочинений поэта есть и несколько стихотворений о Пинске.

Чудесный Пинск! Твои раздолья
Достойны лучших мастеров.
Нигде не видел я привольней
Твоих раскидистых лесов.
Здесь Припять волны гонит в дали
У древних стен, вдоль берегов.
Чего они здесь ни видали
Во глубине седых веков! [1].

В 1862 году Пинск посетил Николай Семёнович Лесков – известный русский писатель-этнограф, драматург и публицист. Результатом его поездки стал ряд публицистических очерков, среди которых путевые записки «Из одного дорожного дневника». О пинчуках он пишет как о терпеливом и добросердечном народе, способном и трудолюбивом. «Обитатели Пинска интересны еще едва ли не более, чем самый Пинск. Впрочем, они именно как бы сотворены друг для друга: и Пинск без пинчуков, и пинчуки без Пинска просто, кажется, даже

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 46
из 378

немыслимы. Они сами это как будто чувствуют. Пинчук-простолюдин не хочет, чтобы его считали малороссом, литвином или поляком; его не кличьте «человиче!», он пресерьезно отвечает: «Я не человек, я пынчук» [2, с. 82].

Не будучи исследователем-этнографом, Лесков не останавливается на описании только пинчуков-простолюдинов, а рассказывает и об остальных жителях Пинска, большую часть которых составляют евреи. Знакомство с географическим положением Пинска позволило путешественнику назвать город «литовской Москвой» [2, с. 73]. Писателя заинтересовали древние пинские монастыри, руины когда-то величественного замка Вешневцевских, паровая мельница, свечная фабрика. Лесков не скрывал восторга от архитектуры, от услышанных историй, от пейзажей, которые радовали глаз. Он пытался максимально разгадать полесское мировоззрение, поэтому каждый проведенный в Пинске день «упивался» рассказами, беседами и знакомствами с пинчуками.

В 1868 году выходят «Очерки белорусского Полесья» Ивана Эремича, православного богослова, философа и этнографа. В своей работе он описывает быт и занятия полешуков, их верования и обычаи, обращает внимание на особенность языка, отмечает сохранившийся с древних времен традиционный уклад жизни, объясняя это обособленностью полешуков. «Прежде всего внимание наблюдателя поражает та, так сказать, плесень древности, которою окаймлен весь бытовой склад полешуков-белорусов. Века пролетели над ними, почти не задев их своим разрушительным крылом. И в ведении домашнего хозяйства, и в постройке изб, и в языке, и даже в правах и обычаях – все обстоит так, как обстояло во времена дохристианские, прибавилось несколько верований христианства, не совсем вытеснившего остатки язычества, – несколько слов и акцента в говоре, – вот и все, что пристало к старине полешука-белоруса; все прочее, словно в окаменелом виде, сбережено доселе неприкосновенно, в течение тысячелетия. Причины этого мимовольного консерватизма – чисто местные. Большинство тех обитателей Белоруси, о которых говорю я, живет вне всякого почти общения с соседями. Селитьбы полешуков заброшены в бесконечные леса, затеряны между непроходимыми болотами и тундрами. Многие туземцы умирали, не побывав в ближайшем даже местечке. Об уездном, особенно губернском их городе и говорить нечего: об них они имеют нередко самое баснословное понятие» [3].

Как православный богослов, Эремич упрекает полешуков в сохранении языческих традиций, обращает внимание на невежество жителей, их лукавство и двоедушие, «подличание перед всеми, кто выше его», но, вместе с тем, отмечает их честность в отношениях между односельчанами: «Разбои, святотатства, поджоги, грабежи, воровства, столь распространившиеся в последнее время по другим местам, небывалые почти явления по селам полесским. В рабочее время, в селе не запираются ни избы, ни сараи, несмотря на то, что село в это время остается совершенно безлюдным» [3].

Полесский след присутствует и в биографии Николая Гумилева, русского поэта, одного из ведущих представителей акмеизма. В начале осени 1915 года эскадрон, в котором служил Гумилёв, был оставлен для прикрытия дороги Пинск – Ивацевичи. Об этом времени поэт пишет в дневнике «Записки кавалериста» [4]. Там же он оставил неповторимые образы пинского края.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 47
из 378](#)

В 1916 году Александр Блок, зачисленный табельщиком 13-й инженерно-строительной дружины, покинул Петербург и отправился на Полесье. Александр Блок по делам службы бывал в разных населённых пунктах Пинщины: Камень, Парохонск, Селище, Лопатино, Новый Двор, Молодельчицы, Вылазы, Сошно, Погост-Загородский. Писатель в эпистолярном жанре воспел белорусский край, создал неповторимые картины нетронутой столетиями природы. «С поля виднеется Пинск, вроде града Китежа, приподнятый над туманом белый собор, красный костел, а посередине – поменьше – семинария» [5, с. 218]. Его воспоминания о времени, проведенном на Пинщине, как ненаписанная поэма, воплотившая в себе важную и дорогую для поэта часть жизни. Именно на Полесье накопился тот огромный материал, который был использован А. Блоком при написании поэм «Скифы», «Двенадцать».

На Полесье не забыли о великом русском поэте Александре Блоке, о его службе в этих местах. Накануне 100-летнего юбилея поэта, 2 ноября 1980 года, в деревне Лопатино Пинского района был открыт музей – первый литературный музей Александра Блока в Советском Союзе.

В январе 1917 года русский писатель Алексей Толстой был с инспекцией в Парохонске. Здесь состоялась его встреча с Александром Блоком. Вот как свидетельствует он о полесских днях поэта в статье «Падший ангел»: «Все, что угодно, но я никак не мог ожидать, что этот заведующий окопными работами – Александр Блок. Он весело поздоровался и сейчас же раскрыл конторские книги. Когда сведения были отосланы генералу, мы пошли гулять. Блок рассказывал мне о том, как здесь славно жить, как он из десятников дослужился до заведующего, сколько времени в сутки он проводит верхом на лошади. Также говорили о войне, прекрасной зиме» [6].

Древний Пинск в стихах, дневниках и письмах русских авторов представлен «чудесным» городом, достойным сравнения с величавой Москвой или мифическим градом Китежем. Полесские впечатления нашли своё отражение в произведениях публицистического характера (очерках, дневниковых записях, путевых записках, воспоминаниях). Русские писатели и публицисты отмечают особый характер полешуков, описывают их обычаи и верования, сохранившиеся с языческих времен, объясняя это обособленным существованием жителей среди непроходимых болот, куда не добралась ещё цивилизация, выделяют уникальный полесский говор, обращают внимание на нетронутую природу Полесья.

Список использованной литературы

1. История Пинска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pinsk-history.ru>. – Дата доступа: 20.03.2019.
2. Лесков, Н. С. Из одного дорожного дневника [Электронный ресурс] / Н. С. Лесков. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/140239-nikolay-leskov-iz-odnogo-dorozhnogo-dnevnika.html>. – Дата доступа: 20.03.2019.
3. Очерки белорусского Полесья / сост. Иван Эрмич. – Вильна : Тип. М. Ромма, 1868. – 89 с.
4. Гумилев, Н. С. Записки кавалериста [Электронный ресурс] / Н. С. Гумилев. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/prose/37>. – Дата доступа: 20.03.2019.
5. Блок, А. А. Полное собр. сочинений и писем : в 20 т. / А. А. Блок. – М. : Наука, 2010. – Т. 8 : Письма 1898–1921 гг. – 587 с.
6. Толстой, А. Н. Падший ангел [Электронный ресурс] / А. Н. Толстой. – Режим доступа: <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/padshij-angel.htm>. – Дата доступа: 20.03.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 48
из 378

В. Н. ШПАРЛО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. С. Клундук, кандидат филологических наук, доцент

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНТЕНТА ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «ЗАРЯ»

Каждое периодическое издание имеет определённую направленность. С. И. Ожегов считает, что «направленность – это целеустремлённая сосредоточенность на чём-нибудь мыслей, интересов» [1]. Из направленности издания на ту или иную аудиторию вытекает и его тематика.

Большинство учёных одинаково понимают сущность тематики. С. И. Ожегов [1] определяет её как совокупность, круг тем. Примерно так же объясняет тематику и С. А. Кузнецов [2], при этом он выделяет определённые виды тематики. Для СМИ под тематикой понимается круг тем, создаваемых журналистами. Данные темы являются основой публикаций, и все вместе представляют единую концепцию издания, влияют на его направленность. Благодаря этому формируется и соответствующая аудитория.

Свою направленность имеет и ведущее печатное издание Брестской области – газета «Заря», позиционирующее себя как общественно-политическая газета. Она ориентирована на освещение всех сфер жизни общества – политической, культурной, образовательной, спортивной и т. д. Материалы «Зари» за период с 2000-х годов по сегодняшнее время и послужили эмпирической базой данного исследования.

«Заря» советского периода и «Заря» 2000-х годов, несмотря на сохранение общественно-политической направленности, всё же разные газеты. Если в советское время на первый план выходила политическая тематика, которая довольно часто занимала первую полосу издания, то современная т. н. «передовица» – ведущая тема выпуска – далеко не всегда представляет собой политическую информацию. Это может быть репортаж с культурного мероприятия, портретный очерк или зарисовка и даже небольшая заметка с информацией, актуальной непосредственно для жителей Бреста и области. Тем не менее, политическая тематика остаётся на страницах областной газеты. События, явления, актуальные не только для Брестской области, но и для республики представляются в определённых рубриках. Например, в начале 2000-х годов заседания областного и городского исполкомов, другие события в жизни органов местного управления отражались в ежемесячном спецвыпуске областного Совета депутатов «Компас».

Актуальными для жителей области остаются и мировые новости. В 2000-е годы в газете появляется рубрика «За рубежом. Интернет-вести». В ней представляется обзор наиболее значимых мировых новостей, сформированный по сообщениям интернет-сайтов.

Популярна на страницах «Зари» сельскохозяйственная тематика. В издании публикуются репортажи с сельхозпредприятий, отчёты о посевной, рассматривается тема подготовки и проведения жатвы, размещается информация о заготовках сельхозпродукции. Затрагивается также тема модернизации сельхозпредприятий, корреспонденты ежегодно участвуют в освещении фестиваля тружеников села «Дожинки».

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 49
из 378

Не менее значимое место занимает экономическая тема. Она реализуется посредством сообщения читателю об открытии новых предприятий, их развитии, экономическом положении региона и страны. Материалы на такую тему часто публикуются в рубрике «Доска подсчёта».

Представлена в газете и правоохрательная тематика. Основная цель таких публикаций – через негативный пример разъяснить читателю, как не нужно поступать в той или иной ситуации, чтобы не попасть под административную либо уголовную ответственность. Материалы на такую тему размещаются в рубрике «Мы и закон».

Одной из интересных тенденций развития современной принт-журналистики является появление в газетах тематических страниц. «Заря» отличается многообразием подобных страниц, которые отражают её проблемно-тематическое направление. Так, например, в выпуске за 23 апреля 2011 г. находим страницу «Семейный очаг». Её ведущая – Ольга Ролич даёт советы родителям о том, как выработать у ребёнка правильный режим сна, рассказывает о лекарственных растениях, публикуются рецепты читателей.

Автомобильная тематика затрагивается в специальном выпуске для автолюбителей «Автодром». Ведущий страницы – Сергей Магдысюк. В центре внимания журналиста – новости автомобильной сферы (печатаются под рубрикой «Багажник новостей»), новые автомобили (рубрики «Авторынок» и «Эх, прокачусь!») и др. Выходит страница для автомобилистов дважды в месяц – во вторую и четвёртую субботу.

Жилищно-бытовая и коммунальная тематика отражается в специальном ежемесячном проекте «Живи как хозяин» с Брестским областным УП «Управление ЖКХ». Здесь размещаются материалы о проделанной сотрудниками коммунальных служб работе, актуальные интервью, даются ответы на бытовые вопросы читателей. В названии данного проекта – «Живи как хозяин» – необычно расшифровывается известная всем аббревиатура ЖКХ.

Интересуются читатели областной газеты и спортивными событиями региона. Подтверждение тому – страница «Спорт-тайм». Спортивные репортажи и анонсы, таблицы матчей, информация о лигах и выдающихся спортсменах – всё это в поле зрения авторов страницы.

Откликается «Заря» и на экологические проблемы современности. В 2008 г. в газете существовала специальная страница «Родник», на которой журналисты разъясняли, например, неоднозначные моменты законодательства в области экологии и охраны окружающей среды. С уходом данной страницы экологическая тематика не потеряла своей актуальности и по-прежнему активно репрезентируется в виде отдельных материалов.

Внимания заслуживает спецпроект «Регион», представляющий новости районов области, показывающий их проблемы и предлагающий пути их решения. Эта страница – пример региональной тематики.

Газета учитывает интересы даже самого узкого круга читателей. Пример тому – рубрика «Шахматный клуб “Е2–Е4”», ведущим которой выступает Сергей Жуков. Авторы стихов могут найти себя на литературной странице «Заранца». Кроме того, существует тематическое белорусскоязычное приложение «Берасцейскія

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 50
из 378](#)

далягляды», которое посвящено творчеству деятелей науки и искусства и знакомит аудиторию с народными обрядами и традициями.

Молодёжная проблематика в 2000-х годах реализовывалась в специальном выпуске для молодёжи «Время для нас». На смену этой странице пришла «Молодёжка». В 2017 году газета запустила детскую страничку «Лучик “Зари”», в которой для самых маленьких читателей представляются ребусы, загадки, анекдоты, журналисты проводят различные конкурсы. Периодичность выхода как детской, так и молодёжной страниц составляет один раз в месяц.

Таким образом, на современном этапе развития областная газета «Заря» является тематически насыщенным СМИ. Основной упор издание делает на событиях региона, однако в нём находят место темы, интересные и самому узкому кругу читателей. Дальнейшее развитие областной газеты видится в появлении ещё большего количества тематических страниц, что поможет привлечь новых читателей.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт. – 1998. – 655 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 51
из 378](#)

СЕКЦИЯ 2. СЛОВО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

ПОДСЕКЦИЯ 1. СЛОВО В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ

О. Д. АВЕЗМЕТОВ (*г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*)

Научный руководитель – Н. М. Гурина, кандидат филол. наук, доцент

ПЕРЕНОСНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА (ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Употребление названий животных в антропоцентрическом значении встречается в фольклоре, в современной разговорной речи и фиксируется словарями. Человек в ходе жизни постоянно обращает внимание на сходство с животными по разным параметрам, и постепенно часть этих номинаций из речевой практики переходит в язык. Так образуется прямое и переносное значение слов-зоонимов, причем с ярко выраженной экспрессией. Эти лексемы не только называют, но и характеризуют человека. Источником такой метафоры является образ животного, используемый с целью характеристики и выражения оценки объекта или явления. Определенные образы животных выступают в картине мира символами определенного качества – красоты или уродства, ума или глупости и т. д.

Очевидно, зоометафора необходима для наделения человека дополнительными оттенками черт. Таким образом, она обеспечивает ассоциативную связь с животным миром и делает описание человека более выразительным.

Например, о человеке говорят, что он храбр как лев или же или же хитёр как лис. Само животное должно быть хорошо знакомо человеку и иметь одну выделяющуюся черту, как, например, *лиса*. Животные со сложным поведением тоже попадают в поле зрения человека, но у называющих их лексем может возникнуть несколько переносных значений, как у слова *волк* (*волк-одиночка, морской волк*).

Цель работы – исследовать тематическую группу лексем, включающую номинации человека в переносном значении и проследить соотношение литературных и просторечных омонимов.

Объектом анализа в нашей исследовательской работе являются литературные и просторечные омонимы, т. е. такие лексические единицы, которые совпадают по своему внешнему звуковому облику во всех своих формах. Слова-характеристики человека, образованные от названий животного, появились в языке как экспрессивные омонимы уже существующих обозначений, и соответственно, не только называли лиц, но и выражали определенное отношение к ним.

Отбор лексических единиц осуществляется с учетом их значений, с одной стороны, в просторечии, а с другой стороны – в литературном языке. Такой принцип позволил нам выделить тематическую группу

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 52
из 378

названий животных, которые в разговорной речи обозначают человека по тем или иным качествам, особенностями внешности, характера, манеры поведения и по признаку пола. Материалом исследования явились лексикографические источники: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова [1] (далее СО) и «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой [2] (далее СЕ).

Рассмотрим некоторые группы переносных наименований из отобранного корпуса примеров. Данная тематическая группа многомерна и может быть описана по нескольким критериям: домашние /дикие животные, привычные / экзотические, лексемы с переносом наименований по внешнему сходству или по свойству характера и поведения. В каждой подгруппе есть стилистически и прагматически маркированная лексика. В нашем материале есть названия:

– домашних животных: *бык, баран, жеребец, ишак, козел, осел;*

– диких животных: *заяц, волк, кабан, лиса, медведь;*

– экзотических животных: *акула, бегемот, лев, ехидна, гиена, мартышка, мастодонт, слон, обезьяна, каракатица, шакал, пава;*

– насекомых, паразитов: *букашка, трутень, клоп, пиявка, паук, козявка, тля, гнида, вошь, червь, глист, стрекоза, саранча (СО).*

Большинство номинаций объединены отрицательной коннотацией, мы имеем дело с негативно оцениваемыми качествами человека. Примеры положительной оценки единичны (*орел, козочка* и др.).

В данной тематической группе встречается 9 гиперонимов: *зверь, животное, гад, скотина, хищник, птица, птенец, рыба, паразит*. Существительные, обозначающие домашних животных, тяготеют к детализации: название вида – мужская особь – женская особь – детеныш (например, *кот – кошка – котенок*).

Номинации с переносом по внешнему сходству следующие: *корова, слон, медведь, бегемот, каракатица (СЕ).*

К номинациям, подчеркивающим свойства характера и поведения, относятся: *лиса, осел, баран, ворона, трутень, пчелка, обезьяна, свинья, хомяк, хамелеон, ёж, черепаха (СЕ)*. У некоторых слов появилось дополнительное значение, характеризующее социальные аспекты поведения, например, *заяц* – это не только трусливый человек, но и безбилетный пассажир; *кукушка* – беззаботная мать, бросающая своих детей.

В перспективе планируется дополнить исследование результатами анкетирования студентов, оценивших уместность подобных номинаций в своей речи.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; ред. Л. И. Скворцова. – М. : ОНИКС : Мир и образование, 2008. – 976 с.

2. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/. – Дата доступа: 15.02.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 53
из 378

СЛОВА ЯК АСНОЎНЫ ФАКТАР ПСІХАСАМАТЫЧНЫХ ЗАХВОРВАННЯЎ

Адной з найбольш цікавых на сённяшні дзень галін медыцынскіх ведаў з’яўляецца псіхасаматыка – навука, якая даследуе ўзаемасувязь паміж псіхічным асяроддзем, асабістым эмацыянальным становішчам чалавека і тымі паталагічнымі саматычнымі працэсамі (хваробамі), якія могуць развіцца з нагоды той ці іншай псіхалагічнай сітуацыі, у якую чалавек трапіў або знаходзіцца ў ёй нейкі час. Улічваючы тое, што сёння чалавек вымушаны кожны дзень кантактаваць з рознымі рэчамі, якія могуць сапсаваць яго псіхіку, праблема захворванняў, што развіваюцца на гэтым фоне (захворванняў псіхасаматычных), даволі актуальна.

Так, паводле метадычных рыкамендацый Міністэрства аховы здароўя Рэспублікі Беларусь, каля 30 % ад усіх пацыентаў нашай краіны пакутуюць функцыянальнымі або эмацыяна абумоўленымі засмучэннямі: функцыянальнымі псіхасаматычнымі сіндромам і псіхасаматычнымі захворваннямі (псіхасаматозамі) [1]. Аналагічныя, а часам нават і больш высокія паказчыкі характэрны і для іншых краін свету, што адлюстроўвае вялікую значнасць паталогій такога тыпу, а таксама, у сваю чаргу, вялікую значнасць і неабходнасць даследаванняў, накіраваных не толькі на стварэнне новых спосабаў тэрапіі псіхасаматычных засмучэнняў, але і на пошук этыялагічных фактараў іх развіцця.

Адным з такіх ключавых прычынных фактараў на сённяшні дзень лічыцца слова. Аб’ядноўваючы ў сабе нейкае значэнне: прадмет, якасць і г. д., – і ў той жа час эмоцыю, з якой яго вымаўляе адзін чалавек і ўспрымае другі, яно (слова) як базісны кампанент міжасабовай камунікацыі з’яўляецца адным з мацнейшых сродкаў уплыву на псіхалагічнае становішча чалавека. Але нават пры ўсім разуменні значнасці гэтага фактару паўнаякаснае даследаванне з’явы ўплыву слова на псіхасаматыку чалавека не распачата.

Асабліва гэта датычыцца прафесійнай медыцынскай лексікі, непасрэднай моўнай базы, тэзаўруса супрацоўнікаў аховы здароўя – таго шэрагу як простых слоў, так і тэрмінаў, якія часцей за ўсё могуць быць прычынай хвалявання і дэнервацыі пацыентаў, а г. зн. і патэнцыянальным этыялагічным сродкам псіхасаматозаў.

У дадзеным накірунку значных поспехаў у разуменні механізмаў уплыву слова медыцынскіх супрацоўнікаў на чалавека было б магчыма дасягнуць метадам даследавання тых асацыяцый, якія ўзнікаюць у людзей на тыя ці іншыя элементы ўрачэбнага лексікону. Канчатковыя базы даных такіх даследаванняў у сваю чаргу можна было б аб’яднаць па прынцыпу пабудовы асацыятыўных слоўнікаў, якія, паводле Гольдзіна і Сдабновай, з’яўляюцца «навуковымі сродкамі адлюстравання даных першаснага характару, вычарпанасці іх прадстаўлення, інтэрпрэтаванасці даных на аснове імавернасных адзнак рэакцый» [2]. Так, на сённяшні дзень у беларускай лінгвістыцы існуе выдадзены ў 1981 г. «Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы» А. І. Цітовай, але гэта адзіная праца такога тыпу, якая ахапляе значна больш шырокі спектр лексічных адзінак.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 54
из 378](#)

Для пабудовы падобнага слоўніка, накіраванага выключна на прафесійную лексіку, альбо хаця б для нейкага элементарнага разумення дэталей успрымання людзьмі тых ці іншых паняццяў з мовы аховы здароўя неабходна правядзенне непасрэднай працы з вялікімі выбаркамі насельніцтва і паступовай сістэматызацыі атрыманых даных.

Так, у лютым – сакавіку 2019 г. у ГрДМУ быў праведзены адзін з тыпаў асацыятыўных доследаў. Кожнаму чалавеку з выбаркі (n = 100) было прапанавана 4 пары сінанімічных слоў з медыцынскай лексікі: першая пара – *укол/ін’екцыя*, другая – *бюлетэнь / лісток непрацаздольнасці*, трацяя – *кастыль/мыліца*, чацвёртая – *герпес/вогнік*. На кожнае з прапанаваных слоў распандэнт павінны быў зафіксаваць першую асацыяцыю, якая ў яго ўзнікала. Пасля непасрэднай працы з выбаркай усе атрыманыя адказы падлічваліся, па-першае, з мэтай пошуку найбольш частых асацыяцый і, па-другое, з мэтай параўнання адсоткавай колькасці такіх асацыяцый у сінанімічных парах. Канчатковыя даныя атрымаліся наступныя:

1. У першай пары слоў (*укол/ін’екцыя*) асноўнай асацыяцыяй стала *боль*: 87 % адказаў на слова *укол* і 43 % на слова *ін’екцыя*.

2. У другой пары слоў (*бюлетэнь / лісток непрацаздольнасці*) прэвалюючым адказам была *хвароба*: 76 % на слова *бюлетэнь* і 56 % на слова *лісток непрацаздольнасці*.

3. У трэцяй пары (*кастыль/мыліца*) найбольш частай асацыяцыяй было слова *інвалід*: 94 % у адказ на *кастыль* і 67 % у адказ на *мыліца*.

4. Адносна чацвёртай пары слоў (*герпес/вогнік*) не назіраецца аднолькавасці паміж асацыяцыямі. Так, прэвалюючым адказам на слова *герпес* быў *страх* (67 %), а на *вогнік* – *хвароба* (79 %).

Такім чынам, узнікае магчымасць ужо на падставе прыведзеных даных гаварыць аб прынцыповых адрозненнях ва ўспрыманні нават сінанімічных слоў агульнамедыцынскай лексікі, аб рознай ступені негатыўных асацыяцый і наяўнасці розных асацыяцый на словы аднаго сутнаскага зместу.

Становіцца відавочнай неабходнасць дэталёвага аналізу ўсяго багацця прафесійнай лексікі з далейшым стварэннем аналага асацыятыўнага слоўніка медыцынскага напрамку. Існаванне такой працы, якая б адлюстроўвала частотнае размеркаванне разумення чалавекам тых ці іншых адзінак прафесійнай лексікі супрацоўнікаў аховы здароўя, дало б магчымасць для распрацоўкі прынцыпова іншага падыходу да арганізацыі не толькі працы з пацыентамі, у якіх ужо дакладна вызначаны псіхасаматычныя захворванні, але і да пабудовы правільнай, без выкарыстання «слоў-рызыкаў» размовы паміж урачом і пацыентам для прафілактыкі такіх паталогій.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Байкова, И. А. Психосоматические расстройства (классификация, клиника, диагностика, лечение) / И. А. Байкова. – Минск : Белорус. гос. ин-т усовершенствования врачей, 1999. – 21 с.

2. Гольдин, В. Е. Ассоциативный словарь как особый источник данных о внутренней семантической сети / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова // Вопросы искусственного интеллекта (Вестник НСММИ РАН). – 2010. – № 2. – С. 89–97.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 55
из 378](#)

КАНЦЭПТ «ЧАС» У МАСТАЦКІМ КАНТЭКСЦЕ: СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫ АНАЛІЗ

Час як катэгорыя быццёвая, анталогічная стаў прадметам аналізу нядаўна, у асноўным у сувязі з развіццём кагнітыўнай лінгвістыкі і са спробай канцэптуальна асэнсаваць даную катэгорыю, апісаць яе з пункту погляду моўнай карціны свету. Даследчыкамі аналізуецца ўзаемасувязь зафіксаваных у мове нацыянальных мадэлей часу з іншымі галінамі культуры і з паўсядзённым жыццёвым вопытам чалавека і яго ўспрыняццём свету, а таксама са спаконвечным бачаннем свету як з’явы, якая мае тэмпаральныя характарыстыкі. Сталі з’яўляцца працы, дзе разглядаюцца асобныя тэмпаральныя лексемы (*дзень, час, ноч* і інш.), дзе час даследуецца як канцэпт культуры, як фрагмент нацыянальнай карціны свету. Пры апісанні нацыянальнай мадэлі часу ў антрапацэнтрычных канцэпцыях улічваецца і становішча часу ў адносінах да чалавека, і пазіцыя чалавека ў адносінах да часу: катэгорыя часу і чалавек разглядаюцца як узаемазвязаныя.

Прааналізуем, як прадстаўляецца Г. Марчуком катэгорыя часу ў рамане «Кветкі правінцыі», які насычаны экскурсамі ў гісторыю малой радзімы галоўнага героя і самога аўтара – Давыд-Гарадка ў пэўныя перыяды яго існавання. У рамане раскажваецца пра спаконвечныя заняткі яго насельнікаў, адлюстроўваюцца асаблівасці мовы палешукоў, што дае падставы гаварыць пра гістарызм і этнаграфізм рамана. А. Белая, як і іншыя даследчыкі, адзначае, што аўтар здолеў сказаць сваё адметнае слова пра «малую» радзіму – беларускае Палессе з яго самабытным укладам жыцця, адметнымі звычаямі і традыцыямі. Шырокая, яркая натура палешука ўвабрала ў сябе ўсё шматграннае хараство і багацце роднага краю і знайшла паўнакроўнае адлюстраванне ў творах пісьменніка.

У намінацыўнае поле канцэпта «час» уваходзяць наступныя адзінкі, выбраныя з рамана Г. Марчука: *час, пры Польшчы, спрадвеку, ціхі час, секунда, мінута, вольны час, пара, хвіліна*.

Творчасці Г. Марчука належаць і каноны, сярод якіх – «Канон Часу». Аўтар прытрымліваецца філасофіі палешукоў: *Не лезь полярэд бацькі ў пекла. Прыйдзе час, і ты сам уцяміш, шчо ты любіш і шчо не любіш* [1, с. 406] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі).

Існавала ў гарадчукоў і сваё вымярэнне часу. Для працягласці пэўнага віду работы ён акрэсліваўся вобразна: – *Олена поставіла на газ бульбу, побегла да ракі, навудзіла рыбы, вярнулася, дык яшчэ і бульба ў гаршку не зварылася. О, спрытная! – не вераць аж, апавядаюць адзін аднаму пра такі «фінт» гарадчукі* (с. 385); *Я паспеў за гэты час дроў накалоць, скласці да сцяны* (с. 160).

У літаратурнай мове лексічная адзінка *час* мае наступныя значэнні: 1) «бесперапынная і пастаянная змена мінут, гадзін, дзён і пад.», 2) «прамежак пэўнай працягласці, у які адбываецца што-н., паслядоўная змена гадзін, дзён, гадоў і пад.», 3) «нейкі пэўны момант, у які што-н. адбываецца», 4) «перыяд, эпоха», 5) «пара дня, года», 6) «зручны момант, спрыяльная пара для чаго-н.», 7) «у філасофіі: адна з асноўных аб’ектыўных форм (поруч

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 56
из 378

з прасторай) існавання матэрыі», 8) ‘у граматыцы: катэгорыя дзеялова, якая выражае адносіны дзеяння або стану да моманту гаворкі або да якога-н. іншага моманту’ [2]. У мастацкім кантэксте Г. Марчука лексема *час* ужываецца як са значэннем, што фіксуе тлумачальны слоўнік, так і з дадатковым канататыўным значэннем. У залежнасці ад кантэксту аўтар можа ўжываць і сінанімічныя адзінкі са значэннем ‘час’.

Каб падкрэсліць пэўны гістарычны перыяд у жыцці гарадчукоў, аўтар выкарыстоўвае намінацыю «пры Польшчы»: *Школа беларуская займала трохпавярховую камяніцу зялёнага колеру, збудаваную яшчэ пры Польшчы* (с. 9). У савецкі перыяд лексема *час* набыла сталыя эпітэты ‘ціхі’, ‘вольны’: *У мяне быў запасны ключ ад клуба, і я прапанаваў ёй прыходзіць калі-нікалі ў «ціхі час» да клуба* (с. 117); *Здаваў я экзамены нядрэнна і меў нават вольны час* (с. 180).

Гаворачы пра пастаяннасць традыцый і жаданне іх бесперапыннасці для гарадчукоў, Г. Марчук ужывае лексему *спрадвеку*: *Дзеці жылі марамі, а дзяды і бацькі – намерамі: перадаць свой вопыт і талент бондара, шаўца, цесляра сыну, краўца – дачцэ, бо так рабілася спрадвеку* (с. 27).

Г. Марчук успрымае катэгорыю часу як філасофскую, таму ўзаемаадносіны чалавека і катэгорыі часу яму бачацца такімі: *Паміж небам і часам – чалавек, трэцяя тайна* (с. 57); *Усё пабегла ўперад, ахоўваючы тры тайны: неба, часу і чалавека* (с. 176); *Мы зрабіліся як чужыя. Так я ўцяміў, што, акрамя ўлады неба, ёсць улада часу* (с. 57); *Час прасветліць і ўсё расшыфруе сам* (с. 201); *Мне думалася, што я змагу затрымаць і адолець час* (с. 57) – час мае ўладу над чалавекам, яго нельга спыніць, адолець, разгадаць.

Са значэннем ‘прамежак пэўнай працягласці, у які адбываецца што-н.’ лексему *час* аўтар ужывае, успамінаючы светлы час маладосці: *Ніхто не крыўдаваў: то быў час, калі нас усіх аб’ядноўвалі аднолькавая радасць і душэўны ўздых* (с. 201).

Час можа быць містычным, напрыклад: *Нарадзілася ў пару, калі стары месяц памёр, а маладзёк не паспеў нарадзіцца. У такую ноч прыйшла на божы свет. Бабка-навітуха і сказала: «Не суджана будзе ёй дзяцей мець»* (с. 232).

Адной з агульнавартасных уласцівасцей часу з’яўляецца яго незваротнасць, скіраванасць з мінулага → у сучаснасць → у будучае. Погляд герояў рамана скіраваны пераважна ў будучае: *Гарадчукі будавалі хаты, крылі іх чаротам, саломай, дранкай, масцілі гаткамі берагі бурлівай і часам неспакойнай Гарыні...* (с. 25). *Нашай віны няма, што хатнія рамёствы знікаюць. Прычыну бачу адну: час, вытворчы працэс* (с. 28) *Трэба тутэйшы люд навучыць працаваць на час* (с. 29).

Хуткая зменлівасць часу, эмоцый, падзей перадаецца аўтарам лексемамі *хвіліна, секунда, мінута*, якія ўжыты са значэннем ‘бесперапынная і пастаянная змена мінут, гадзін, дзён і пад.’: *У тую хвіліну, здаецца, ніхто не змог бы суцішыць боль майго зняважанага сэрца* (с. 117); *Настаўніца на секунду разгубілася*.

– *Та-ак. Чацвёрку не магу паставіць. Будзем выцягваць на тройку*.

Мне захацелася ўпасці на падлогу і не ўставаць. З жахам падумалася, што праз мінуту яна скажа: «Та-ак. Тройку паставіць не магу. Будзем выцягваць на двойку» (с. 141).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 57
из 378

Значэнне ‘пара дня, года’ лексема *час* мае ў наступных кантэкстах: *Пачыналася жніво. Мы любілі ў гэты час даваць канцэрты* (с. 201); *Яшчэ ўчора мне так хацелася з’ехаць хутчэй у горад. У інстытут, на кінастудыю, а прыйшоў час ехаць – і як быцам і расхацелася* (с. 141).

Такім чынам, асноўнае, важнае для гарадчукоў успрыманне значэння адзінкі *час* – самы блізкі і самы аддалены момант, перыяд.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Марчук, Г. Кветкі правінцыі : раман, навелы, афарызмы / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 416 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (агул. рэд.) [і інш]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 58
из 378](#)

Н. Л. ДОРОШ (г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

Научный руководитель – А. В. Никитевич, доктор филологических наук, профессор

НОМИНАТИВНЫЕ РЯДЫ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ‘ДЕЙСТВОВАТЬ ГДЕ (МЕСТО)’, ‘ЛОКАЛИЗОВАТЬ ОБЪЕКТ ГДЕ (МЕСТО)’ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Понятие «номинативный ряд» определяется В. М. Никитевичем как «система единиц, которые, различаясь своей образующей структурой, соотносимы с одним и тем же денотатом, поэтому могут служить названием одного и того же предмета, явления и, следовательно, способны замещать друг друга, выступая как коммуникативные эквиваленты» [1, с. 116].

Идеи В. М. Никитевича развивает А. В. Никитевич, акцентируя внимание на сфере глагола, точнее на номинативном глагольном классе. Через призму словообразовательных и грамматических свойств глагола он рассматривает деривационные словосочетания, синтаксически свободные, лексически конкретизированные словосочетания, способные выполнять деривационную функцию, другие словосочетания, определяет их коммуникативные свойства, предполагающие возможность включения этих словосочетаний в состав номинативных рядов [2, с. 41]. Именно А. В. Никитевич обосновывает двухкомпонентную глагольную структуру номинативных рядов, которые включают в себя словную форму (непроизводные и разнотипные производные глаголы) и форму детерминирующую («собственно деривационные сочетания» и «различные по степени конкретизации словосочетания в деривационной функции») [3, с. 159]. Например: *краснеть – делаться красным; асфальтировать – покрывать асфальтом; учительствовать – быть учителем, работать учителем*. Если словная форма отсутствует, получается неполный номинативный ряд: *пользоваться уважением; заниматься баскетболом* [2, с. 44].

К производным глаголам, обладающим значениями ‘действовать где (место)’, ‘локализовать объект где (место)’, относятся: рус. *банить, буртовать, складировать, гнездоваться, квартировать, огородничать, базировать, каталогизировать*; бел. *буртаваць, складаваць, гняздзіцца, кватараваць, каталагізаваць*. Характеристика глагольного компонента в формуле словообразовательного значения (‘действовать’) может получить практически любую лексическую конкретизацию. Так, рус. *банить – парить в бане, гнездоваться – устраивать гнезда, квартировать – снимать квартиру, огородничать – работать на огороде*; бел. *буртаваць – закладваць у бурты, складаваць – змяшчаць у склад, каталагізаваць – занесці (заносіць) у каталог*.

Словообразовательное значение выражается не с помощью аффикса производного слова, не аффикс является его носителем, что подтверждает характер классифицирующих компонентов коммуникативных эквивалентов данных производных глаголов. Словообразовательное значение – результат взаимодействия семантики морфем (корневой и аффиксальной), синтез значений [4, с. 135]. Именно по этой причине далеко не всегда соответствующие дискретные структуры в состоянии предстать в виде отдельного производного слова. Ср.: рус. *огородничать – работать на огороде, но Ø – работать на заводе (фабрике, предприятии)*; бел. *квата-*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 59
из 378

раваць – *наймаць кватэру*, но *Ø* – *наймаць асабняк (вілу, катэдж)* [5; 6]. Подобные словосочетания способны выступать в деривационной функции и структурируют целые микросистемы неполных номинативных рядов.

Группу глаголов со значением ‘локализовать объект где (место)’ представляют такие производные: рус. *базировать* ‘основывать на чем’, *складировать* ‘поместить (помещать) в склад, в хранилище’, *бункеровать* ‘засыпать в бункер’; бел. *базіраваць* ‘засноўваць на чым’, *складаваць* ‘змяшчаць у склад’, *буртаваць* ‘закладваць у бурты’.

Основная семантическая линия данной группы (поместить куда-либо) может иметь различную конкретизацию. Ср.: *поместить в склад, засыпать в бункер* и *змяшчаць у склад, закладваць у бурты*. Большое количество исключительно аналитических составляющих как единственного способа представления значения в составе неполных номинативных рядов подтверждает то, что данные словосочетания обладают способностью выступить в деривационной функции. Ср.: *поместить в гараж, кладовую, сарай* – *Ø*, *змяшчаць у хляве, бальніцы* – *Ø*. Однако вряд ли коммуникативным эквивалентом для глагола *базировать* выступит словосочетание, образованное по модели ‘иметь что-либо в качестве базы’. В белорусском языке данному русскому глаголу соответствуют две лексемы: *базіраваць* ‘засноўваць на чым’, *грунтаваць* ‘асноўваць, базіраваць на чым’ [6]. Очевидно, в обоих языках нельзя на основе дефиниций ‘основывать на чем’ / ‘засноўваць на чым’ выделить словосочетание в деривационной функции для данных глаголов.

Так, среди глаголов со значениями ‘действовать где (место)’ и ‘локализовать объект где’ есть единицы, которые имеют в качестве коммуникативных эквивалентов словосочетания в деривационной функции, и единицы, семантика которых не допускает такого развернутого представления.

Список использованной литературы

1. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 158 с.
2. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов : монография / А. В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 347 с.
3. Сидорец, В. С. Номинативные ряды как результат проявления системности в сфере номинативной деривации / В. С. Сидорец // Русский язык: система и функционирование: (к 80-летию П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф. Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т, Филол. фак. ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2006. – Ч. 1. – С. 158–160.
4. Русская грамматика. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
5. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – 17 т.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : Больш за 65000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко ; афарм. А. М. Хількевіча. – Мінск : БелЭН, 1996. – 784 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 60
из 378](#)

Т. Ю. ЛУКАШЕВИЧ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. А. Королевич, кандидат филологических наук, доцент

ОБЩАЯ ЛЕКСИКА ОНЛАЙН-ИГР КАК ОСНОВА СОЦИОЛЕКТА ГЕЙМЕРОВ

Наше внимание привлёк дискурс компьютерных игр, которые являются частью развлекательных ресурсов Интернета и по всему миру имеют немалый удельный вес в интернет-общении. Язык, обслуживая нестандартную среду, приспосабливается к её потребностям, новые слова появляются не только за счёт создателей игр, но и за счёт активности игроков. Тем самым сами игроки формируют на периферии языкового поля особый слой лексики, который можно именовать социолектом геймеров.

Мы задались целью выявить и описать сходную лексику разных игр на основе материалов форумов, посвященных играм World of Warcraft (далее WoW), Overwatch и Starcraft II (далее SC II), одновременно схожим и отличным друг от друга, с тем чтобы установить, как формируется лексическая основа нового социолекта. Все три игры являются групповыми играми, подразумевают участие большого количества людей, созданы одной компанией и, как следствие, имеют схожие форумы. Следовательно, можно ожидать, что на этих форумах будет представлена лексика, общая для всех игр.

В процессе наблюдения было установлено, что каждая игра располагает специфическим лексиконом в связи со своеобразием виртуального игрового мира. Однако в лексике геймеров обнаружилась и часть универсальная, более-менее общая для данных игр. Мы проанализировали 700 словоупотреблений и обнаружили около 80 сходных единиц.

Предыдущие исследования социолекта геймеров показали, что в нём можно выделить виртуальное и реальное коммуникативное пространство игры, а в них – три пласта лексики: наименования понятий игровой среды; обозначения понятий, связанных с деятельностью модераторов, которые регулируют организацию и изменение игры; названия событий и процессов, отмеченных в игровой деятельности геймеров. Наблюдения над материалом форумов показывают, что общий слой лексики формируется в игровом процессе, потому что преимущественно совпадают его номинации. Слова, связанные с деятельностью модераторов и игровыми изменениями, а также с межличностным коммуницированием геймеров, для трёх игр фиксируются как общие спорадично. Абсолютно логичным и ожидаемым оказалось отсутствие общих номинаций игровых реалий, так как они являются наиболее своеобразной частью каждой игры.

Рассмотрим лексемы, образующие общую основу социолекта геймеров, с точки зрения семантики. Среди них можно выделить разные лексико-грамматические классы слов, неравномерные по составу.

Наиболее многочисленную группу составляют субстантивные обозначения абстрактных понятий. Это наименования игровых элементов: *абилка* ‘способность персонажа’, *ачива/ачивка* ‘достижение’, *дамаг* ‘урон’, *замес* ‘массовое сражение’, *имба* ‘ненормально сильный игровой элемент, вносящий дисбаланс в игру’, *катка* ‘отдельный матч’, *кд* ‘временной промежуток после использования способности персонажа, который должен

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 61
из 378](#)

пройти, чтобы навык можно было использовать вновь’, *кил/килл* ‘убийство’, *лвл* ‘уровень’, *пати* ‘группа’, *перс* ‘персонаж’, *премейд* ‘заранее собранная группа’, *сетап* ‘состав команды/армии’, *скилл* ‘навык’, *соло* ‘прохождение в одиночку’, *стан* ‘обездвиживание или замедление’, *тима* ‘группа’, *ульта* ‘уникальный высокоэффективный навык, способный перевернуть ход игры’, *хп* ‘уровень здоровья’. Отмечены также общие номинации игровых действий: *лив* ‘внезапный намеренный выход из игры’, *прокачка* ‘повышение уровня’, *слив* ‘полный проигрыш’, *респ* ‘восстановление’, *фарм* ‘собираение «побед» (ресурсов, достижений)’.

Второй по величине группой существительных являются обозначения понятий, связанных с организацией и протеканием игры, её технической стороной: *акк* ‘аккаунт’, *баланс* ‘равновесие между разными элементами игры’, *бот* ‘программа, часть игры, создающая иллюзию присутствия других игроков, как союзников, так и врагов’, *винрейт* ‘рейтинг побед’, *войс чат* ‘голосовой чат’, *кастомизация* ‘индивидуализация какого-либо элемента игры под конкретного игрока’, *нерф* ‘ослабление какого-либо элемента игры для лучшего баланса’, *разрабы* ‘разработчики’, *реворк* ‘переделывание какого-либо элемента игры разработчиками’, *репорт* ‘жалоба на нарушение правил’, *фикс* ‘исправление какой-либо ошибки в игре’.

Среди субстантивной лексики выделена группа личных номинаций, объединившая обозначения персонажей, функционирующих в игровой реальности: *дамагер/дд* ‘персонаж, наносящий основной урон’, *саппорт* ‘персонаж поддержки’, *танк* ‘персонаж, принимающий основной урон на себя’, *хил* ‘персонаж, чья основная роль – лечение’. Это игровые роли, в той или иной степени присутствующие в любой игре группового характера. Однако число общих обозначений персонажей невелико на фоне многочисленных терминов с таким значением в каждой игре. К рассмотренной группе примыкает небольшая группа обозначений реальных участников игры (по статусу в игре, уровню мастерства, функциональным характеристикам и т. д.: *рачина/рак* ‘неумелый игрок’, *нуб* ‘новичок или неумелый игрок’, *нюфаг* ‘новичок’.

Слой общей глагольной лексики в социолекте геймеров беднее. Это обозначения а) действий персонажей в игре: *апаться/апнуть/апнуться* ‘повысить уровень чего-либо’, *дамажить* ‘наносить урон’, *тащить* ‘выигрывать’, *регениться* ‘восстанавливаться’, *станить* ‘останавливать или замедлять’, *фармить* ‘собирать что-либо’, *хилить* ‘лечить’; б) действий игроков: *ливать* ‘внезапно намеренно покидать игру’, *вайнить* ‘ныть, жаловаться’, *пофаниться* ‘играть ради развлечения, не стремясь достигнуть высоких наград’, *афкашить* ‘отойти от клавиатуры во время игры’, *флеймить* ‘злиться, вести себя агрессивно’ (последние два слова только для Overwatch и WoW); в) действий со стороны техподдержки и разработчиков: *нерфить* ‘ослаблять какой-либо игровой элемент для лучшего баланса’, *фиксить* ‘исправлять какую-либо ошибку в игре’. Среди прилагательных это слова *рандомный* ‘случайный’, *фул* ‘полный’ и *кастомный* ‘индивидуализированный’ (для Overwatch и SC II).

В отдельных случаях соответствия есть только в двух играх из трех. Так, слова *афкашить* ‘отойти от клавиатуры во время игры’, *флеймить* ‘вести себя агрессивно’, *фуловый* ‘полный’ есть только в игре Overwatch и WoW. Слова *аое* ‘использование эффекта не точно, а на определенную площадь’, *сет* ‘набор чего-либо’ есть в играх WoW и SC II. Слова *кастомный* ‘индивидуализированный’, *платина* ‘уровень игрока’, *проигрок* ‘профес-

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 62
из 378](#)

сиональный игрок’, *ранкед* ‘система рейтинга среди игроков’ используются в играх Overwatch и SC II. Три последних слова связаны с соревновательным и киберспортивным аспектами игр, что не характерно для WoW.

Интересны случаи формального совпадения слов, различных по значению. Например, *бафнуть* для игр Overwatch и SC II означает ‘усилить способность или характеристику (разработчиками)’, в WoW же это слово имеет значение ‘использовать на персонаже усиливающую способность’; *буст* в Overwatch и WoW – ‘повышение уровня персонажа одного игрока другим за материальное вознаграждение’, а в SC II – ‘способность одного из юнитов’. Такие значения близки, они свидетельствуют о некоторой неустойчивости семантики формирующегося лексикона геймеров. Здесь, на наш взгляд, имеют место метонимические переносы. Иногда одинаковые лексемы в разных играх не совпадают по объему лексического значения. Так, слово *стата* в Overwatch имеет значения ‘статистика’ и ‘характеристика персонажа’, в то время как в оставшихся играх – только последнее; *ангрейд* в Overwatch и WoW обозначает ‘улучшение’, а в SC II имеет дополнительное значение ‘исследование’. Вероятно, причиной является специфика адаптации иноязычного слова в языке конкретной игры.

Можно сделать вывод, что социолект геймеров содержит в себе значительный слой лексики, общей для рассмотренных игр. Это подтверждает правомерность выделения в лексико-семантической системе русского национального нового подсистемы – социолекта геймеров. Наличие относительно универсального набора слов для игр группового характера, вероятно, упрощает первичное восприятие нового игрового мира и облегчает взаимопонимание между игроками.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 63
из 378](#)

СЕМАНТЫЧНЫЯ ГРУПЫ БЕЗЭКВІВАЛЕНТНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛЕКСІКІ

Безэквівалентная лексіка – словы, якія не маюць аднаслоўных адпаведнікаў у другіх мовах і перакладаюцца толькі апісальна. Такія словы, на наш погляд, вельмі ярка адлюстроўваюць нацыянальную самабытнасць народа. Намі даследавана больш за 500 лексічных адзінак са слоўніка І. Шкрабы «Самабытнае слова» [1].

Сярод адметнай беларускай лексікі пераважае група «Дзеянні» (162 слова; 32,4 %). Гэта верагодна, абумоўлена тым, што асноўнай спецыялізацыяй дзейнасці беларусаў доўгія часы з'яўлялася і з'яўляецца на сённяшні дзень сельская гаспадарка і жывёлагадоўля. У сувязі з гэтым у людзей з'явілася шмат абавязкаў і дзеянняў, якія патрабавалі асабістай назвы. Сярод лексем групы «Дзеянні» можна вылучыць наступныя:

1) словы, сэнс якіх мае дачыненне да поля, жніва, сенакоса (напрыклад, *аброджаваць* – абазначаць мяжу на сенакосе; *аджон* – адпрацоўка на жніве або на полі за паслугу; *аджынаць* – адпрацоўваць на жатве; *валкаваць* – зграбаць скошанае сена ў валкі; *ляшыць* – дзяліць частку поля на палоскі, каб атмеціць край пасеву);

2) дзеясловы, сэнс якіх звязаны з прыроднымі з'явамі (напрыклад, *абрасіцца* – намокнуць ад расы; *абрасіць* – намачыць расой; *адліжыць* – усталявацца ў выніку адлігі; *замурзацца* – пакрыцца аблокамі; *запрамяніцца* – пачаць прамяніцца; *зараваць* – сустракаць зару; *зарасіцца* – абмачыцца расой; *зарунець* – пакрыцца зялёнымі ўсходамі; *капацець* – капаць часта, буйнымі кроплямі; *крынічыць* – біць крыніцай; *мурзацца* – зацягвацца дымкай; *нахмарыцца* – зацягнуцца хмарами; *расіцца* – станавіцца мокрым ад расы; *расіць* – мачыць расой; *удзірванець* – пакрыцца дзірваном; *утравець* – зарасці травой);

3) словы, звязаныя з гадаваннем жывёлы (напрыклад, *брытаць* – накідваць вярхоўку на шыю каня, каровы і г. д.; *займаць* – збіраць жывёл у статак; *запасваць* – здзяйсняючы старажытны абрад, выганяць быдла на пашу ўпершыню пасля зімы; *капыціць* – біць капытамі);

4) словы, звязаныя з прыгатаваннем ежы. З даўніх часоў людзі адкрывалі шмат новых спосабаў прыгатавання ежы (напрыклад, *саладзець* – станавіцца саладзейшым; *саланець* – станавіцца больш салёным; *скварыць* – смажыць на вогнішчы; *скрыляць* – нарэзаць лустачкамі; *спажываць* – выкарыстоўваць як ежу; *спатоліцца* – здаволіць смагу; *таркаваць* – церці на цёрцы);

5) назвы дзеянняў, якія робіць непасрэдна чалавек (напрыклад, *адхукаць* – атагрэць дыханнем; *ажабрачыць* – зрабіць жабраком; *анараніцца* – прыйсці раней, чым трэба; *аснаваць* – зрабіць аснову тканіны; *ашчаперыць* – моцна абхапіць, абняць; *бабіць* – прыймаць роды; *блазнаваць* – дурэць, рабіць глупства, няўдала жартаваць; *гізаваць* – імкліва бегчы, ратуючыся ад укусаў сляпнёў; *дакупіцца* – купіць штосьці з цяжкасцю; *дзейкаць* – разносіць чуткі; *закватараваць* – трымаць заклад).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 64
из 378

Наступнай па колькасці слоў сярод лексіка-семантычных груп з'яўляецца група «Чалавечыя статусы» (45 слоў; 9 %). Заканамерна, што з кожным годам колькасць пасада і назваў людзей згодна з родам іх дзейнасці павялічваецца. Сярод гэтай групы можна вылучыць наступныя словы:

1) статусы людзей, якія былі ў мінулыя часы (напрыклад, *абшарнік* – памешчык, які валодае вялікімі зямельнымі надзеламі; *дзедзіч* – уладальнік маёнтка, атрыманага ў спадчыну ад продкаў; *кутнік* – беззямельны селянін; *маршалак* – кіраўнік дваранства; *местачковец* – жыхар мястэчка; *павятовец* – жыхар павета; *солтыс* – сельскі стараста ў Заходняй Беларусі; *фальварковец* – жыхар ці ўладальнік фальварка; *шляхцюк* – малады шляхціц);

2) статусы людзей згодна з іх узростам (напрыклад, *дзяцюк* – малады хлопец; *пятнастоўка* – пятнаццацігадовая дзяўчынка; *шляхцюк* – малады шляхціц);

3) статусы людзей згодна з іх сямейным становішчам (напрыклад, *бяздзетуха* – бяздзетная жанчына; *замужка* – кабета; *каваліха* – жонка каваля; *леснікоўна* – дачка лесніка; *стрэлка* – пастухова самка; *ткачоўна* – дачка ткача);

4) статусы людзей згодна з іх сацыяльным становішчам, роляй (напрыклад, *бяздоглядны* – пазбаўлены апекі, уходу; *бяседнік* – удзельнік застолля; *вясельнік* – удзельнік вясельнага абрада; *дружка* – сяброўна нявесты ў вясельным абрадзе; *заможнік* – заможны чалавек; *кутнік* – беззямельны селянін);

5) духоўныя званні (напрыклад, *біскуп* – вышэйшае духоўнае званне службоўцы каталіцкай царквы; *пробашч* – каталіцкі святар);

6) статусы людзей згодна з іх паводзінамі, характарам, станам здароўя, знешнім выглядам (напрыклад, *бывалец* – бывалы чалавек; *вяселуха* – жанчына вясёлага характару; *галамоўза* – плюгавы чалавек; *дружбак* – шчыры сябар; *жадзён* – чалавек, які выпрабоўвае патрэбу ў самым неабходным; *зняверца* – чалавек, які згубіў веру ў штосьці; *калашматы* – чалавек, які носіць шырокія штаны; *недавярак* – чалавек, які не верыць каму-небудзь; *нездаляка* – чалавек, які пазбаўлены моцнага здароўя; *прадажнік* – чалавек, які прадаецца за абяцанне; *руплівец* – руплівы ралавек; *рызыконт* – рызыкковы чалавек; *цалок* – чалавек, які трапна б'е ў мішэнь);

7) статусы людзей згодна з іх месцам працы, родам дзейнасці (напрыклад, *дарэктар* – хатні настаўнік; *навуковец* – чалавек, які займаецца навукай; *сальнік* – гандляр, які прадае сала).

Адразу ж пасля лексіка-семантычнай групы «Чалавечыя статусы» самай шматлікай па колькасці слоў з'яўляецца група «Месцы» (41 слова; 8,2 %). Яшчэ з даўніх часоў людзі давалі назву кожнаму ўзгорачку, полю, возеру, лесу і г. д. Рабілася гэта ў тым ліку і дзеля паляпшэння паразумення паміж людзьмі. У лексіка-семантычнай групе можна вылучыць наступныя падгрупы:

1) месцы, звязаныя з полем (напрыклад, *бульбянішча* – поле, на якім расце ці расла бульба; *ільнішча* – поле, на якім раней сеялі лён; *канаплянішча* – поле, з якога ўбрана канапля; *ячнішча* – поле, з якога ураны ячмень);

2) месцы, звязаныя з вадой, азёрамі (напрыклад, *азярышча* – месца, дзе калісьці было возера; *іміара* – махавое балота; *копанка* – невялікі штучны вадаём; *крынічышча* – паглыбленне, у якім б'е крыніца; *рум* – месца на беразе ракі, адкуль сплаўляюць бярвёны; *узболатак* – край балота);

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 65
из 378

3) месцы, звязаныя з лесам (напрыклад, *баравіна* – узвышаны ўчастак леса ў бары; *грыбовішча* – месца ў лесе, дзе грыбы вырастаюць цэлымі сем'ямі; *лісцвянік* – лісцвяны лес);

4) назвы месцаў, якія засталіся з ранейшых часоў (напрыклад, *Крэсы* – назва зямель Заходняй Беларусі, якія знаходзіліся да 1939 года пад уладай Польшчы; *староства* – маёнтак, адданы ў распараджэнне феодала ВКЛ каралём).

Такім чынам, вывучэнне безэквівалентнай беларускай лексікі адкрывае перад намі магчымасць глыбей пазнаць гісторыю свайго народа, яго погляд на акаляючы свет.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Шкраба, І. Самабытнае слова: Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І. Шкраба. – Мінск : БелЭн, 1994. – 72 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 66
из 378

Н. Н. МОСТЫКО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Т. М. Лянецвич, кандидат филологических наук, доцент

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» С. И. ОЖЕГОВА И Н. Ю. ШВЕДОВОЙ

Анатоль Франс по праву назвал словарь книгой книг. «Словарь, – писал знаменитый французский писатель и литературный критик, – это вся Вселенная в алфавитном порядке». Именно словари являются для современного человека тем необходимым в его жизни хранилищем знаний, информации, без которых невозможно идти в ногу со временем.

Словарь – это «справочник, в котором можно почерпнуть ту или иную информацию о единице языка или предмете (явлении) окружающей действительности» [1]. В настоящее время существуют различные типы словарей: энциклопедические и лингвистические; синхронные и диахронные; специализированные и универсальные; одноязычные и переводные; большие, средние и малые; бумажные и электронные.

Среди лингвистических словарей главное место отведено толковым словарям. Именно толковые словари раскрывают самое существенное в слове – его значение – и в какой-то мере вбирают в себя функции других лингвистических словарей: орфографического, орфоэпического, этимологического, фразеологического, поскольку словарная статья в толковом словаре содержит еще и систему грамматических, стилистических помет, указаний на историческую перспективу слова или значения, а также иллюстративный материал как дополнительное средство семантизации слова. Кроме того, именно толковые словари воссоздают своим лексическим составом языковую картину мира как исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённую в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира [2].

Самым популярным из всех толковых словарей современного русского литературного языка, на наш взгляд, является «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова. При жизни автора вышло шесть изданий словаря. Впервые словарь был опубликован в 1949 г. После ухода из жизни знаменитого российского лингвиста С. И. Ожегова в 1964 г. над пополнением и редактированием словаря работала доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Шведова. С 1991 г. словарь выходит под авторством двух прославленных языковедов – С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [3] отражает различные аспекты изучения языковых единиц. Одним из них является описание языковых единиц с точки зрения стилистической маркированности: основному фонду лексики, которая может употребляться в любых ситуациях общения, противопоставлен пласт слов, употребление которых ограничено. Специфика лексики может определяться и тем, что в содержании слова кроме номинативного значения содержатся коннотативные компоненты, имеющие субъективный характер. **Коннотативное значение** (лат. *con* – ‘вместе’, *noto* – ‘отмечаю, обозначаю’) – это

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 67
из 378](#)

«дополнительное к понятийному значению, выражающее различное отношение говорящего к предмету речи. Сравним: *Мужчина подошел к машине. Петров – настоящий мужчина (обходительный, галантный)*» [4, с 78].

Закрепленность некоторых языковых единиц за определенной сферой общения связана с наличием у них определенного свойства – стилистической окраски. **Стилистическая окраска** – это «экспрессивные свойства языковой единицы, накладывающиеся на ее основное, предметно-логическое, значение. Например, *парус* (нейтр.) – *ветрило* (возвыш.); *ударить* (нейтр.) – *шибануть* (сниж.)» [5, с. 117]. Выделяют два вида стилистической окраски: функционально-стилистическую (обусловлена регулярным употреблением той или иной единицы языка в определенном функциональном стиле языка) и эмоционально-оценочную (связана с выражением отношения к предмету, его оценкой).

Одной из основных задач толковых словарей является отражение стилистического расслоения лексики. На особые свойства языковых единиц в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указывают стилистические пометы. Стилистическая помета – это «разновидность словарной пометы, лексикографический прием указания на стилистические особенности разъясняемой словарной единицы» [6]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой стилистически маркированная лексика представлена неоднородно. На стилистическую закрепленность слов указывают 18 стилистических помет: «разг.», «спец.», «книжн.», «прост.», «устар.», «стар.», «неодобр.», «ирон.», «шутл.», «презр.», «пренебр.», «бран.», «высок.», «обл.», «офиц.», «груб.», «ласк.», «нар.-поэт.». Толковый словарь содержит 80 000 слов, из них стилистически маркированными являются лишь 9 680 языковых единиц, что составляет приблизительно 13 % от общего количества слов, входящих в состав словаря. Самыми распространенными языковыми единицами являются слова со стилистическими пометами «разг.», «прост.», «книжн.», «спец.» и «устар.». Самыми малочисленными оказались языковые единицы со стилистическими пометами «груб.», «ласк.», «нар.-поэт.».

Наиболее широко представлены языковые единицы, имеющие стилистическую помету «разг.». Общее количество таких слов – 3 276, что составляет около 4 % от общего количества слов. Слова данной группы употребляются в настоящее время либо употреблялись в определенный исторический период в непринужденной, преимущественно разговорной речи. Например, *многотиражка* (разг.) – печатная газета предприятия, издающаяся значительным тиражом. Чаще всего данные языковые единицы являются стилистическими синонимами к нейтральным словам. Например, *авоська* (разг.) – то же, что сетка. Сейчас эти слова вытеснены из активного словарного запаса.

В словаре отражены многочисленные языковые единицы с пометой «спец.». Они составляют 2 % от общего количества слов (1417 слов). Слова с данной стилистической пометой чаще всего употребляются в определенной, конкретной сфере деятельности. Например, *аберрация* (спец.) – отклонение от чего-нибудь, а также искажение чего-нибудь; *лихтер* (спец.) – грузовое несамоходное судно типа баржи, употребляется для погрузки и разгрузки больших судов, для местных перевозок.

Немаловажное место в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой занимают языковые единицы с пометой «книжн.». Выявлено 1192 слова, маркированных такой пометой, что составляет

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 68
из 378](#)

1,5 % от общего количества языковых единиц, входящий в состав «Толкового словаря русского языка». Чаще всего слова с данной пометой широко распространены и характерны для официальной, письменной или публицистической речи. Например, *гневаться* (книжн.) – испытывать гнев, сердиться; *издревле* (книжн.) – с древних времен, издавна.

Широко представлены и слова со стилистической пометой «прост.» 1385 слов (2 % от общего количества языковых единиц). Просторечные слова указывают на то, что слово стоит на границе литературного языка и употребляется в более сниженном стиле, в бытовой речи. Например, *забегаловка* (прост.) – маленькая второразрядная закусочная с продажей вина; *насобачиться* (прост.) – то же, что *наловчиться*.

Значительное место в «Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой» отведено языковым единицам со стилистической пометой «устар.». Данные языковые единицы составляют 1,4 % (1124 слова) и употребляются в современном русском языке крайне редко, что связано либо с исчезновением обозначаемого языковой единицей понятия, либо с исчезновением самой языковой единицы и заменой ее другой языковой единицей. Например, *мошна* (устар.) – мешочек для хранения денег; *острожник* (устар.) – арестант, содержащийся в остроге.

Не в полной мере находят свое отражение языковые единицы со стилистической пометой «груб.». Данные слова составляют 0,01 % (9 слов) от общего количества языковых единиц. Слова этой группы находятся за пределами литературного языка и соотносятся с негативной оценкой явлений действительности. Например, *хмырь* (груб.) – неприятный или странный человек. Особенность данных слов в том, что они обладают «двойной» пометой. Чаще всего эта помета выглядит как «прост.-груб.».

В небольшом количестве присутствуют также языковые единицы с пометой «ласк.». Они составляют 0,01 % (9 слов). Эта группа слов выражает отношение говорящего к объекту, проявляемое, как правило, к близким людям. Такие слова придают эмоциональную окраску «ласкательности» положительным понятиям и смягчают отрицательные. Например, *козлёнок* (ласк.) – детеныш козы; *цуцик* (ласк.) – то же, что щенок.

Менее всего отражены языковые единицы с пометой «нар.-поэт.». Они занимают всего 0,004 % от общего количества слов (3 слова). Данные слова, как правило, характерны для устной народной поэзии и обладают некой возвышенностью. Например, *мурава* (устар.) – молодая трава.

Итак, несмотря на то что с момента выхода первого издания «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой прошло уже 70 лет, до сих пор функционально-стилистический аспект словаря является недостаточно разработанным. Между тем изучение стилистически маркированной лексики толкового словаря позволяет представить исследователям определенные фрагменты языковой картины мира народа, особенности межличностных и социальных взаимоотношений, жизненного уклада, национальных знаний и навыков, представлений об окружающем мире, утвердившихся в народном сознании.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 69
из 378](#)

Список использованной литературы

1. Словарь [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1088#cite_note-6. – Дата доступа: 25.05.2019.
2. Шимчук, Э. Г. Русская лексикография : учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / Э. Г. Шимчук. – М. : Академия, 2009. – 336 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
4. Современный русский язык : курс лекций / И. В. Евсева [и др.] ; под ред. И. А. Славкиной. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2007. – 642 с.
5. Лагута, О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации : учеб. слов. терминов / О. Н. Лагута ; под ред. Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2000. – 117 с.
6. Стилистическая помета [Электронный ресурс] // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Режим доступа: https://stylistics.academic.ru/190/Стилистическая_помета. – Дата доступа: 06.02.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 70
из 378

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СМИ

Сегодня человек использует различные способы для получения информации. Это могут быть журналы, телевидение, радио, интернет. Чаще всего, иноязычная лексика встречается в изданиях для молодежи, или в профильных изданиях, где используются термины и слова, для которых нет аналогов в языке-реципиенте.

Появление значительного количества иноязычных слов в СМИ, их быстрое закрепление в белорусском и русском языках объясняется стремительными изменениями в общественной и научной жизни. С. В. Зеленко подчеркивает: «Медиадискурс всегда довольно оперативно реагировал и сегодня продолжает почти мгновенно реагировать на появление в языке неологизмов, которые используются, например, для наименования новейших отраслей науки и техники, новых направлений культуры и искусства, современных видов трудовой деятельности и, соответственно, новых должностей специалистов» [1, с. 339]. Таким образом, появление глобальной системы интернета, расширение межгосударственных и международных отношений, развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий, участие в олимпиадах, международных фестивалях, показах мод – все это не могло не привести к вхождению в государственные языки Республики Беларусь новых слов.

Вопрос происхождения заимствований затрагивает не только своевременное изменение языка и самой системы СМИ, но и историю. Если рассматривать СМИ, связанные с наукой, то в них чаще всего можно встретить термины из латинского и греческого языков: *брахипельма* (паук из семьи тарантулов), *тетраэдр*, *квант* и др.

В своевременных СМИ встречаются американизмы и англицизмы. Это обусловлено тем, что на белорусский рынок стали поступать модные издания, бренды в которых не имеют аналогичных названий на русском или белорусском языках. Многие покупатели хотят соответствовать новым течениям моды и сравнивают себя с клиентами модных домов Европы. Средства массовой информации используют «их» слова. Например, вместо *вид* пишут *лук* (от англ. *Look* – смотреть, вид). Ученые свидетельствуют: «Лексические заимствования – естественный и закономерный процесс изменения и развития языка. Процесс многогранный и не всегда однозначный. Он издавна привлекает внимание лингвистов. Особую актуальность изучение заимствованной лексики приобрело в 80-90-х гг. XX в. из-за стремительного проникновения слов иноязычного происхождения в белорусский и русский языки» [2, с. 2].

Сегодня еще одной причиной внедрения иностранной лексики в СМИ называют интернет, а точнее, социальные сети: «Твиттер», «Инстаграмм», «ВКонтакте», «Фейсбук» и др. Социальные сети плотно вошли в жизнь современного человека, и если кто-то заявит, что не имеет аккаунта ни в одной из них, то на него посмотрят с удивлением. Так, С. В. Зеленко утверждает, что «перманентное совершенствование, расширение возможностей, предоставляемых пользователям, а также развитие информационных технологий в своей сложной

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 71
из 378

совокупности привели к глобальному внедрению социальных сетей в жизнь постмодернистского общества на коммуникативным, финансовым, рекреационном, образовательном и др. уровнях» [3, с. 98]. Плюс социальных сетей в том, что к ним есть доступ практически из любой точки планеты, и общение между людьми идет непрерывно. Разумеется, в социальных сетях есть и свои информационные каналы, которые подчиняются негласным правилам языка той или иной социальной сети.

Например, в социальной сети «ВКонтакте» есть такой известный новостной источник «Как здесь жить?». Новости в нем рассказываются неформально с использованием большого количества иностранной лексики и слов, принадлежащих к так называемому «интернет-языку». Происходит и смешение. Например, вместо *всерьез* пользователи часто используют *сериусли*, что является смешением англицизма (*Seriously* – серьезно) с «коверканием» слов, что свойственно интернет-коммуникации.

С течением времени иностранные слова полностью вливаются в состав лексики другого языка и становятся ее неотъемлемой частью. Так, давно стали привычными заимствования *мониторинг* (англ. *Monitoring* – контроль, наблюдение, управление) и *рейтинг* (англ. *Rating* – оценка качества, показатель популярности): «Чем больше рекламы, тем больше денег, тем выше рейтинг».

Такие слова, как *релиз* (англ. *Release* – выпуск, публикация, демонстрация), *топ* (англ. *Top* – высший, высокого уровня), *арт* (англ. *Art* – искусство), массово используются в различных печатных изданиях и уже включились в словообразовательные процессы русского языка.

Является ли внедрение иностранных слов в тексты СМИ негативной тенденцией? По этому поводу существуют разные мнения. Некоторые исследователи считают, что это ведет к глобализации и уничтожает самобытность нации. Но есть и те, кто не видит в этих процессах ничего противоестественного, поскольку не все заимствованные слова можно заменить эквивалентами. Остается или придумать переводы слов, или просто смириться и позволить иностранным словам свободно функционировать в материалах отечественных СМИ.

Список использованной литературы

1. Зелянко, С. В. Прыёмы рэпрэзентацыі неалагізмаў у журналісцкіх тэкстах (на матэрыяле выданняў Выдавецкага дома «Звезда») / С. В. Зелянко // Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 20-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 15–16 лістап. 2018 г. / рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 339–342.
2. Изюмская, С. С. «Вечный» вопрос о мере использования иноязычных слов [Электронный ресурс] / С. С. Изюмская // Творчество писателей-переводчиков. – Режим доступа: <http://www.rustranslater.net/index.php?object=stat2>. – Дата доступа: 02.04.2019.
3. Зелянко, С. В. Варыятыўнасць адлюстравання ў рэгіянальных СМІ Беларусі назваў сацыяльных медыя (на прыкладзе газеты «Гомельские ведомости») / С. В. Зелянко // Рэгіянальныя СМІ Рэспублікі Беларусь у лічбавую эпоху: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 12–13 лют. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2019. – С. 98–101.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 72
из 378

М. А. НЕМЕНКИНА (г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова)

Научный руководитель – Л. В. Гальченко, кандидат филологических наук, доцент

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «МАЛЫЕ ГОРОДА ВИТЕБЩИНЫ»: МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ

В современном мире, где царят тенденции глобализации и интеграции, роль иностранных языков возрастает с каждым днём. Перед лингвистами уже давно стоит вопрос о том, что для изучения и овладения иностранным языком недостаточно изучать академический материал. Огромную роль играют фоновые знания о культуре, быте и традициях народа-носителя иностранного языка.

Актуальность данной работы заключается в том, что согласно «Указу президента № 247» в Республике Беларусь 2018–2020 годы объявлены годами «Малой Родины», в рамках реализации различных национальных проектов, особое внимание уделяется культурному и природному наследию нашей страны. Лингвострановедческий словарь «Малых городов Витебщины» является прекрасным средством формирования социокультурной и лингвострановедческой компетенции.

Цель данной работы заключалась в разработке и апробировании методологической модели создания краткого двуязычного лингвострановедческого словаря «Малых городов Витебщины».

Для достижения цели нашей работы были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, структурный, а также метод сплошной выборки.

В настоящее время обучение иностранным языкам ориентировано на внедрение различных инновационных подходов. Важнейшей компетенцией, которой должен овладеть каждый, изучающий иностранный язык, является коммуникативная компетенция. Формирование коммуникативной компетенции невозможно без использования фоновых знаний. Лингвострановедческие словари вобрали в себя признаки не только обычных энциклопедических изданий, но и различные лингвострановедческие компоненты. Как правило, лингвострановедческий словарь включает в себя следующие компоненты: определения, статистику, факты, связанные с этимологией понятий и многое другое. Цель лингвострановедческого издания – это не простое толкование понятия и подбор иноязычного эквивалента, а раскрытие национально-культурной семантики слова и описание его лексического фона.

В данной работе мы разработали свою методику составления лингвострановедческого словаря «Малые города Витебщины». В практической части работы на основании разработанной нами методики нами был собран, проанализирован и переведён материал по заданной тематике словаря.

При составлении данного лингвострановедческого издания мы не руководствовались принципом облигаторности, поскольку перед нами не стояла задача описать самые значимые города Витебской области. Нами были разработаны критерии для отбора и систематизации собранного материала. Главным принципом, которым мы руководствовались при составлении словаря, был принцип учёта этимологических и энциклопедических фактов. Этимология названия города и энциклопедическая справка позволяют расширить лингвостра-

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 73
из 378](#)

новедческие знания о городе и привлечь внимание туристов. Одним из важнейших принципов составления данного словаря был принцип учёта адресата. При переводе лексических единиц и словарной статьи нами был отобран наиболее простой и лаконичный лексический материал.

Для того чтобы достичь единообразия словарных статей в данном лексикографическом издании, нами были включены следующие компоненты: название города с указанием ударения, географическое расположение города по отношению к областному центру и столице Республики Беларусь, этимологические сведения о названии города, энциклопедические сведения об истории. Кроме того нами был включён раздел «Достопримечательности: культурное и природное наследие». Данный раздел словаря поможет детально описать город и заинтересовать как белорусских, так и иностранных туристов.

Для лингвострановедческого издания «Малые города Витебщины» нами были отобраны 15 городов Витебской области. В соответствии с географическими изданиями, к малым городам относятся населённые пункты с численностью менее 50 тысяч человек. В рамках работы над практической частью нами был собран материал, соответствующий компонентам словарной статьи.

При составлении лингвострановедческого словаря «Малые города Витебщины» мы столкнулись с проблемой одноимённости географических названий Беларуси. Кроме того, перевод словарных статей нашей работы был затруднён проблемой перевода безэквивалентной лексики, а также национальных реалий, характерных для белорусской культуры.

В заключении стоит отметить, что лингвострановедческие издания – это не только прекрасный способ обучения и углубления знаний иностранных граждан, но и одно из средств и способов привлечения иностранных туристов и рекламы нашей страны. Кроме того, подобные издания могут быть использованы туристическими гидами, музейными работниками. На основании словарных статей в дальнейшем могут быть составлены туристические буклеты и брошюры.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 74
из 378](#)

А. С. НОСИК (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. Б. Переход, кандидат филологических наук, доцент

ЛЕКСИКА ЯПОНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЕЙ)

Языковая динамика в существенной мере обусловлена пополнением лексической системы русского языка словами иноязычного происхождения, в том числе и японского. Качественная электроника, красивый фарфор, мультфильмы аниме, боевые искусства, суши, которые можно отведать во многих кафе, – вокруг немало японского, но мы по-прежнему очень мало знаем о Стране восходящего солнца. Япония всегда стояла особняком. Она неохотно впускала в свой замкнутый мир неотесанных «гайдзинов» (иностранцев), способных в один момент разрушить все то, что создавалось с таким трудом и любовью [1]. Японцы – загадка, это самый непостижимый, самый парадоксальный из народов. Это люди, которые провели половину жизни в отрешенном созерцании, в сочинении стихов и в наслаждении искусством, посвятили другую половину разрубанию своих врагов на куски и любованию обрядом харакири [2].

Цель статьи – разноаспектная характеристика безэквивалентной лексики японского языка, заимствованной в русский язык и зафиксированной толковыми словарями иностранных слов.

Отобранные методом сплошной выборки японские слова (67 лексем) из «Словаря иностранных слов» Н. Г. Комлева (2000), «Толкового словаря иностранных слов» Л. П. Крысина (1998), «Большого словаря иностранных слов» А. Г. Москвина (2009), «Географические названия мира: топонимического словаря» Е. М. Поспелова (2002) разделены нами на 17 лексико-семантических групп: 1) «топонимы» (различные географические названия) (16 лексем): *Япония, Кюсю, Сикоку, Хоккайдо, Хонсю, Иокогама, Киото, Китакюсю, Кобе, Нагасаки, Нагоя, Осака, Токио, Фукуока, Хиросима, Фудзияма*; 2) «номинации с личной семантикой» (15 лексем): *асигару, гейша, даймё, камикадзе, ниндзя, ронин, самурай, сегун, шимоза, якудза, эта, ямато, дза, микадо, генро*; 3) «искусство» (11 лексем): *дзёрури, караоке, кото, сямисен, кабуки, ноо, бансай, икебана, катана, хентай, нэцке, оригами*; 4) «спорт» (6 лексем): *джиу-джитсу, дзюдо, карате, рэндзю, сумо, татами*; 5) «единицы измерения» (3 лексем): *кин, кен, момме*; 6) «морская лексика» (3 лексем): *иваси, кавасаки, цунами*; 7) «одежда» (2 лексем): *кимоно, оби*; 8) «растения» (2 лексем): *сакура, соя*; 9) «денежные единицы» (2 лексем): *иена, сен*; 10) «религия» (2 лексем): *дзэн, синто*; 11) «военная лексика» (3 лексем): *бусидо, катана, цуба*; 12) «игрушки» (1 лексема): *тамагочи*; 13) «средства передвижения» (1 лексема): *рикша*; 14) «обычай» (1 лексема): *харакири*; 15) «напитки» (1 лексема): *сакэ*; 16) «организации» (1 лексема): *дзайбацу*; 17) «исторические события» (1 лексема): *икки*. Все японские слова относятся к экзотической лексике, отражающей реалии японской жизни.

В русском языке японская лексика подвергается адаптации – фонетической, грамматической, семантической.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 75
из 378](#)

Японские слова адаптируются к фонетике и графике русского языка. Прежде всего, испытывают влияние аканья: *Хоккайдо* – [хЛқáјдъ], *Иокогама* – [иькЛгáмъ], *Хиросима* – [хирЛс'úmъ], *оригами* – [Лр'игáм'и], *кимоно* – [к'имЛнó] и др. К фонетическим признакам японизмов следует отнести звук [дз]: *Фудзияма, камикадзе, якудза, дзёрури, дзэн, дзайбацу*.

Основной причиной варьирования написания и произношения японских слов можно назвать использование различных систем при транскрибировании заимствований, что приводит к появлению вариантов написания: *Иена = Йена, икЕбана = икЭбана, якуДЗа = якуЗа, гЕнро = гЭнро*.

Большая часть японских слов, обозначающих одушевленные и неодушевленные предметы с конечными *-а, -о, -ю, -й, -н, -и, -е*, оформляются как существительные мужского рода: *Нагасаки, ниндзя, ронин*. Как правило, род большинства имен собственных и некоторых неодушевленных существительных определяется по соотносительности с денотатом, например, *Сикоку, Кюсю, Хоккайдо, Хонсю – остров (м. р.), sake – напиток (м. р.), иваси – вид сельди (ж. р.)*. Японские существительные, основа которых заканчивается на гласные *-а, -я*, принадлежат преимущественно к женскому роду: *Япония, икебана, катана*. К среднему роду относятся заимствованные из японского языка несклоняемые существительные с основой на *-у, -е, -о, -и* в русском языке, которые обозначают неживые предметы и понятия: *караоке, джиу-джитсу, урэндзю, харакири, икки*. Грамматические характеристики некоторых слов варьируются, например, слово *цунами* определяется в словарях и как несклоняемое существительное мн. ч., и как неодушевленное несклоняемое существительное ср. р., и как существительное ж. р. по соотносительности с родовым понятием *волна*.

Некоторые заимствования приобретают форму множественного числа: *сегун – сегуны, самурай – самураи, гейша – гейши, йена – йены* и др. Большая часть существительных не склоняется и не имеет соотносительных форм по числу: *татами, камикадзе, синто, sake, дзюдо, цунами, кимоно, бусидо* и др.

Японские географические названия имеют в японском языке внутреннюю форму: *Кюсю – кю* ‘девять’ и *сю* ‘историческая область’, *Сикоку – си* ‘четыре’, *коку* ‘провинция’, т. е. ‘четыре провинции’, *Хоккайдо – хоку* ‘север’, *кай* ‘море’, *до* ‘область’, т. е. ‘область в северном море’, *Хонсю – хон* ‘главный’, *сю* ‘провинция’, *Иокогама – йоко* ‘боковая сторона’, *хама, гама* ‘песчаное побережье, ‘берег моря’. *Китакюсю* – город Кюсю и *кита* ‘север, северный’, *Нагасаки – нага* ‘длинный’, *саки* ‘мыс’, *Осака – о* ‘большой’, *сака* ‘холм, косогор’, *Токио* – ‘восточная столица’, *Фукуока – фуку* ‘счастье’, *ока* ‘возвышенность, суша, берег’, т. е. ‘счастливым берег’. *Хиросима – хира* ‘плоский, ровный’, *сима* ‘остров’, т. е. ‘плоский остров’. *Фудзияма, Фудзисан, Фудзи – фуджи* ‘крутизна, скала’ и *яма (сан)* ‘гора’, т. е. ‘крутая гора’.

Ряд заимствований несколько модифицировали семантику в русском языке. Так, лексема *ниндзя* буквально переводится как ‘скрывающийся, тот, кто прячется, лазутчик’. В словарях иностранных слов данный японизм толкуется описательно как ‘представитель своеобразной касты профессиональных шпионов, которых в эпоху Средневековья в Японии нанимали для выполнения особо сложных заданий, связанных с проникновением в труднодоступные места; лазутчик’. Японизм *якудза/якуза* русскому языку известен, во-первых, как название японской организованной преступности; японской мафии; во-вторых, может называть и члена японской мафии.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 76
из 378

Однако в новом словаре иностранных слов эта лексема толкуется как ‘негодяй, бездельник (в Японии)’, а в русском языке обретает значение ‘хулиган, бандит, гангстер’. Слово *караоке* переводится как ‘пустой оркестр’, в русском языке семантика несколько расширилась, и слово означает ‘способ исполнения знакомых песен под музыку’. Лексема *бонсай/банзай* состоит из японских слов *bon* ‘горшок’ + *sai* ‘выращивать’, в русском языке это многозначное слово, которое расширило свое значение и стало обозначать не только ‘карликовое дерево, выращенное в горшке’, но и ‘искусство выращивания карликовых деревьев’. Японизм *карате* буквально переводится с японского как ‘голыми руками’, а в русском языке несколько изменил семантику и обозначает ‘систему самозащиты без оружия, основанную на ударах рукой или ногой по наиболее чувствительным местам тела противника’ или ‘вид спортивной борьбы, использующий приемы этой системы’. *Татами* переводится дословно как ‘соломенная подстилка’, в русском языке слово расширило значение и употребляется для обозначения площадки. Японская лексема *бусидо* переводится ‘путь воина’, в русском языке означает ‘феодалный кодекс поведения японских самураев’.

Таким образом, анализ заимствований из японского языка свидетельствует, что в русский язык входят целостные микросистемы наименований японских реалий. Однако адаптация их в принимающем языке происходит достаточно медленно, большая часть японизмов всё еще воспринимается как экзотическая лексика, и только отдельные из них становятся кодифицированными.

Список использованной литературы

1. Сайт о Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jamato.ru>. – Дата доступа: 25.10.2018.
2. Смогли бы вы жить в Японии? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://selfmadetrip.com/smogli-byi-vyi-zhit-v-yaponii/>. – Дата доступа: 29.10.2018.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 77
из 378

А. В. ПАШКАВЕЦ (з. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – Л. В. Леванцэвіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ЛЕКСІКА-СЕМАНТЫЧНАЕ ПОЛЕ КАНЦЭПТА «ХАТА» Ў КАНТЭКСТЕ РАМАНА Г. МАРЧУКА

Аўтар рамана «Кветкі правінцыі» Г. Марчук здолеў сказаць сваё адметнае слова пра беларускае Палессе з яго самабытным укладам жыцця, адметнымі звычаямі і традыцыямі, светабачаннем. Як у моўнай карціне свету ўсходніх славянаў, так і ў рамане Г. Марчука хата звязана з такімі паняццямі як прастора і час. Хата з'яўляецца агароджанай прасторай у часе, самым важным складнікам жыцця: *Людзі як людзі. Скажы яму, што ён заўтра памрэ, усё роўна хату будзе. Нейкая ж сіла духу ёсць* [1, с. 247] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі).

Канцэпт «дом»/«хата» стаў прадметам вывучэння ў працах этнаграфічнага, гістарычнага і культуралагічнага характару (А. К. Байбурын, Д. К. Зяленін, У. В. Колесаў, Н. В. Паляшчук, Л. В. Леванцэвіч, С. Самахвал і інш.). Намі аналізуецца семантыка намінацый лексіка-семантычнага поля канцэпта «хата», што выбраны з рамана Г. Марчука.

Лексіка-семантычнае поле лексемы «хата» з асноўным значэннем будынак у рамане Г. Марчука складаюць адзінкі *хата, камяніца, дом, мураванка, будынак, хата-мануфактура, двор*. Дамінуючай у рамане з'яўляецца лексема *хата*, якая ўжываецца для называння будынка для жылля ('жылы будынак, сваё жыллё'): *Адным словам, што ні хата, дык свой талент, свой гонар, свой форс і свае парадкі* (с. 25); *Баба нікуды са сваёй хаты не пойдзе* (с. 151); – *Госпадзі. Так жа ніколі не было, каб вада нас выганяла з хаты* (с. 162); *Там, ля роднай хаты, яшчэ была спакуса мне, мне маладому, пайсці да канца вуліцы за дзіравую адрыну і ўбачыць край неба* (с. 10).

Давыд-Гарадок, як і ўся Заходняя Беларусь, у розныя гістарычныя перыяды з'яўляўся адміністрацыйнай адзінкай Расіі ці Польшчы. Аўтар паказвае гэтую прыналежнасць праз выкарыстанне лексем *хата – камяніца – будынак*: *Школа руская размясцілася ў былой управе. Таксама мураваны, праўда, аднапавярховы будынак* (с. 10); *Школа беларуская займала трохпавярховую камяніцу злёнага колеру, збудаваную яшчэ пры Польшчы* (с. 9); *Высокая ростам Граноўская даўным-даўно, калі яшчэ была замужам за шчодрым панам, мела недзе ля Пінска фальварак з камяніцай* (с. 40); *Гарадчукі будавалі хаты, крылі іх чаротам, саломай, дранкай, масцілі гаткамі берагі бурлівай і часам неспакойнай Гарыні...* (с. 25).

У беларускай мове лексема хата мае значэнні 'жылая сялянская пабудова, зрубленая з бяргвення', 'унутраная частка такой пабудовы', 'асобны сялянскі двор, гаспадарка; асобная сям'я' [2]. Паняццёвы складнік 'зрубленая з бяргвення' змяняе актыўнасць ужывання лексемы хата: жыллё пачынае будавацца з цэгля і цэменту і пабудова пачынае называцца дом: *Царква каменная (яна сюды хадзіла), царква драўляная (і ў ёй малілася), чырванашчокі касцёл, які з трыццаць дзевятага года не дзейнічае, нізенькія драўляныя масткі і зноў хаты, хаты з адным, двума вокнамі на вуліцу, гаткі, сплеценыя з лазы, і крушні ля гліністых берагоў, брукаваны шлях, у канцы якога мураваныя дамы. У іх модныя белашыферныя дахі* (с. 9).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 78
из 378

У мастацкім кантэксце Г. Марчука лексема *хата* набывае канататыўнае значэнне ‘сям’я’: – *Тут, Адаць, да кожнага ў хату загляні: столькі на вяку перажыта, столькі ўсяго было на раду, – гаворыць Глеб Іванавіч (с. 136); Ён адразу ўцяміў, што адным махам змяніць лад жыцця гэтых хат-мануфактур будзе нялёгка (с. 27); Яна радавалася, што чалавек будзе пры хаце, не трэба тыднямі тырчаць на дэбаркадэры (с. 47); Усё часцей чулася, што нехта ўцёк з хаты, нехта застаўся ў войску, пайшоў у прымы, не гаворыць з бацькамі, пасварыўся (с. 28).*

Слова *хата* ўжываецца са значэннем ‘пакой’: *У нас усяго два пакоі, маці ляжыць у пярэдняй хаце (с. 14).*

Размяжоўваецца аўтарам таксама прасторавае паняцце і пабудова, адпаведна Г. Марчук выкарыстоўвае лексемы *дом* і *хата*: *Пачула адна жонка сароку, кінула граблі і бегма дахаты. Дзяцей адных дома кінула. Прыбегла, аж яе хата агнём занялася (с. 72).*

Замест лексемы *хата* са значэннем ‘асобны сялянскі двор, гаспадарка; асобная сям’я’ аўтар выкарыстоўвае слова *двор*: *Каму якая справа, што ў мяне на двары робіцца, з чаго я хлеб ем (с. 27);*

Пабудова ж новай хаты вызначалася пэўнымі этапамі, кожны з якіх суправаджаўся адпаведнымі рытуаламі – акладзіны, ошляпіны, бэлькавае, шчытавое, даробшчына...: – *Плотнікі. Узялі моду мачыць акладзіны, на вокны пакладуць ошляпіны – зноў замочваюць, бэлькавое, шчытавое – усё хазяін стаў бутэльку на стол, а яшчэ ў канцы і даробшчына, – тлумачыў дзед завядзёнку цесляроў (с. 90).*

Змены ў сацыяльна-культурным асяроддзі прыводзяць да актыўнага ўжывання іншых слоў. З непазбежнай змены пакаленняў вылучаецца сучаснасць, тое, што зараз і тут. Сучаснікамі па-рознаму ўспрымаюцца *дом, двор, хата, гаспода*.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Марчук, Г. Кветкі правінцыі : раман, навелы, афарызмы / Г. Марчук . – Мінск : Маст. літ., 2004. – 416 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (агул. рэд.) [і інш]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 79
из 378](#)

Ю. Н. СТЕПАНЕНКО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, кандидат филологических наук, доцент

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В современной речевой коммуникации обнаруживаются две противоположно направленные тенденции. С одной стороны, социальная нестабильность в обществе проявляет себя в виде всё возрастающей речевой агрессии, с другой – установка на взаимопонимание требует соблюдения кодекса речевого поведения, выбора «мягких» языковых форм, в том числе диминутивов. Так, в словаре неологизмов русскоязычного Фейсбука обнаруживаются следующие слова с экспрессивными аффиксами: *форумок, позитивчик, вкусняшка, печенька, днюха, адчайший* [1]. Как видно из списка, диминутивы явно преобладают над аугментативами, существительные – над прилагательными.

Как пишет М. А. Кронгауз, «Существует целая россыпь разговорных, просторечных, диалектных, как правило утрированных формул вежливости», в частности *даровки* (от *здорово*), *пасибки* (от *спасибо*) [2]. Как видно из примеров, диминутивные суффиксы дополняются упрощением групп согласных, характерным для детской речи. «От всех этих слов веет не только устностью и разговорностью, но и некой сентиментальностью» [2].

Эта сентиментальность в современном интернет-дискурсе проявляется не только в формулах речевого этикета. Например, в короткий срок приобрели невероятную популярность слова *обнимашки, целовашки, печенька и печенюшка, печалька (пичалька), няшка, няшечка*. По мнению М. А. Кронгауза, все эти слова «вышли в общее коммуникативное пространство (за пределы девических сообществ) недавно. Мода на них резко пошла вверх примерно во второй половине 2010 года» [2]. «Итак, нынче в моде сентиментальность в различных обличиях, романтическом или умилительно-сюсюкающем. Изменения в олбанском языке показывают, что на смену грубому хулигану пришла милая девчушка и робко, но решительно вытеснила его со сцены» [2].

Разумеется, диминутивы чаще используются женщинами, в последние годы за эту особенность речи активно высмеивают молодых мам, возник даже термин «мамский жаргон/сленг». Диминутивность тесно связана с детским возрастом, общением с детьми. Поэтому как только женщина начинает планировать беременность, она как бы подстраивается под речь малыша, который пока живет только в ее мечтах. Так появляются словечки *спермики* (сперматозоиды), *монстрики* и *месики* (менструации) и т. п. Во время беременности, рождения ребенка и ухода за новорожденным такие слова умножаются: *Апгарчик* (условная шкала Апгар, которая используется для первичной оценки физического состояния новорожденного), *сисечник-годовасик*, *порастушечки* (дети детсадовского возраста), *какулечки* и др. Часть слов с диминутивными суффиксами являются универбами или имеют мутационное словообразовательное значение.

Но чрезмерным употреблением диминутивов грешат не только «мамочки». На форуме «Мимими» на сайте «Грамота.ру» есть такое мнение: «...Это язык не столько “мамский”, сколько “дамский”. Нынче каждая...

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 80
из 378

учительница? тренер? ведущая мастер-класса? – короче, та, кто показывает на телевидении физкультурные упражнения для дам и, описывая их, говорит не *рука*, а *ручка*; не *нога*, а *ножка*, не *живот*, а *животик*... Мне в физкультурно-тренерской искательной ласкательности слышится какая-то лакейственность, услужливость, прогибчивость под бабки заказчика» [3].

Еще один участник дискуссии отмечает обилие новых диминутивов в кулинарной сфере: «Я всё чаще стала наткаться на раньше редко встречавшиеся “пельмешки” и раньше мне просто вообще не попадавшиеся “макарошки” и “пюрешка” или даже “пюресечка”. В том числе вот только что услышала “пельмешки” в совершенно нейтральном тексте, в переводе слов американского повара» [3].

Это очень точное наблюдение. Использование диминутивов в гастрономической коммуникации способствует эстетизации процесса потребления пищи. Положительная оценка, передаваемая диминутивом, оказывается одновременно направленной и на адресата речи, и на сам объект номинации (*икорка, котлетки, супчик* и т. п.), поскольку отношение к еде как к «одной из радостей жизни» разделяют если не все, то очень многие люди. С появлением социальных сетей и кулинарных сайтов процесс приготовления пищи стал одной из самых популярных тем интернет-дискурса. И, разумеется, обилие диминутивов в этой сфере тоже стало объектом критики: «...Сейчас моей энергии хватит только на то, чтобы попугать публику особенностями языка, на котором разговаривают неутомимые кулинарки... Два кита, на которых держится этот язык – уменьшительность и ласкательность. *Вкусненько, полезненько, нежненько, не сухинько, домашненько, мяконько, нарезать меленько, нарезать крупненько, фантазька, малупусенькие закусончики, дитишки, пюрешки, мяско, яички, солька, масличко, шпротики, шампики* (по-русски говоря, *шампиньоны*), – это норма кулинарной жизни» [4]. Диминутивные суффиксы могут содержаться в названиях блюд: «*Печенье “Тыквики”*», «*Пирог к чаю “Иринка”*», «*Принц-чесночок*», «*Бархатные блинчики*», «*Картофель “Горяченькие штучки”*». «На похвалы друг другу хозяйшки вообще не скупаются; атмосфера самая тёплая, даже раскалённая, такой там градус восторгов» [4]. И в этих похвалах, разумеется, множество диминутивов: «*Спасибки за идейку. Беру в копилочку. Мяско моя слабость*», «*Обалденные рецептики у Вас*», «*Какая румянькая и аппетитная запеканочка!!! в моей семье тоже любят такую вкусняшку*», «*А пюрешки у тебя – УМЕРЕТЬ-НЕ-ВСТАТЬ!!!*», «*Аппетитненько!!!!*», «*Спасибульки!!!*».

Но во взаимных комплиментах часто встречаются и слова с увеличительными суффиксами, выражающими интенсивность: «*Вкуснючая сдоба!*», «*Приогромнейшее спасибо за рецепт!*» (сохранена орфография оригинала). И нередко диминутивы и аугментативы обнаруживаются в одном предложении: «*Салатик красотищный!*», «*Спасибо душевнейшее за фото и добрые слова в адрес моего рецептика!!!!*». В последнем случае диминутив выражает несколько уничижительное значение, таким образом пишущий проявляет скромность.

Увеличительные аффиксы в современном интернет-дискурсе встречаются несколько реже, чем диминутивные, но они достаточно разнообразны. Так, нами был обнаружен новый аугментативный суффикс – *-ень* (*красотень, скукотень*), мотивирующими словами обычно являются абстрактные существительные, суффикс имеет усилительное и экспрессивное значение: *Электричка подошла... Далее началась драмотень. Замерзшие*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 81
из 378

двери плохо открывались, так что народ судорожно втискивался, пытаясь не рухнуть на катке [Форум: Пост о неадекватности (2011)].

Встречаются, разумеется, и традиционные суффиксы:

- *-ищ-*: *скукотища, маньячище, табачище* и др.;
- *-аг(a)*: *тудяга, скромняга* и др.;
- *-уг(a)*: *журналюга, садюга* и др.;
- *-ак(a)*: *А какие таблетки тебе для стимуляки выписали?.. Вот пожалуйста, нету овуляки в апреле и все тут...* [Беременность: Планирование беременности (форум) (2005)];
- *-ух(a)*: *депрессуха, движуха, комплектуха, игруха, уважуха* и др.

Усилительное значение сохраняется у данных суффиксов только в части контекстов (*скукотища, маньячище, скромняга, тудяга, садюга*). Но слова *журналюга, стимуляка, овуляка, комплектуха, игруха* явно не имеют ни размерного значения, ни значения интенсивности. Два первых выражают резко отрицательную оценку, а остальные – фамильярное отношение.

Интересно, что слова с суффиксом *-ух(a)* на форумах, по материалам НКРЯ, встретились только в мужских репликах, хотя в художественной литературе их используют и женщины – Д. Рубина, С. Алексиевич, А. Маринина и др. Так что гендерные различия в использовании диминутивов и аугментативов явно видны, хотя нельзя сказать, что мужчины вообще не используют диминутивов, а женщины – аугментативов.

Список использованной литературы

1. Муравьев, Н. А. Неологизмы в социальной сети Фейсбук [Электронный ресурс] / Н. А. Муравьев, А. И. Панченко, С. А. Обьедков // Труды междунар. конф. «Диалог-2014». – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/MuravyevNA.pdf>. – Дата доступа: 22.04.2019.
2. Кронгауз, М. А. Самоучитель Олбанского / М. А. Кронгауз. – М. : Corpus, 2013. – 416 с.
3. Мимими : форум 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] // Грамота.ру. – Режим доступа: <http://newforum.gramota.ru/viewtopic.php?f=10&t=2812>. – Дата доступа: 20.04.2019.
4. Белюшина, Н. Отчаянье и домохозяйки [Электронный ресурс] / Н. Белюшина // Сноб. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/26524/blog/78699>. – Дата доступа: 17.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 82
из 378

НУМЕРАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫЙ НОМИНАТИВНЫЙ ТИП НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

В данной статье анализируются русские нетерминологические наименования болезней, входящие в состав нумерально-темпорального номинативного типа. Нумерально-темпоральный тип формируют нозологические наименования, в структуре ономаσιологического признака (ОП) которых представлены числовые, количественные либо временные отношения. По мнению ученых-лингвистов, кажущаяся разнородность категорий числа и времени на самом деле таковой не является, поскольку «время важно не только само по себе, но и как средство указания на количество» [1, с. 96]. Это даёт нам основание выделять нумерально-темпоральный номинативный тип. Подобная группа номинаций представлена у Т. Г. Трофимович [1], исследующей старорусские предметные номинации, а также у А. А. Деруновой [2], анализирующей названия документов в русском деловом языке XI–XVII вв. Ономаσιологический анализ нетерминологических нозологических наименований, понятийной основой которых выступают категории количества и времени, ранее не проводился. Тем не менее данный вопрос вызывает несомненный научный интерес, поскольку указанные категории являются определяющими при формировании внутренней формы многих названий болезней.

Материалом для данного исследования послужили русские производные нетерминологические наименования болезней, извлеченные из различных лексикографических источников [3–9] методом сплошной выборки. В корпусе анализируемого нами материала нумерально-темпоральный тип представлен 30 номинациями, что составляет 3,75 % от общего числа исследуемых единиц. Подобная немногочисленность данного номинативного типа, вероятно, объясняется ограниченностью класса числительных и группы слов, называющих временные отрезки.

В рамках нумерально-темпорального номинативного типа нам представляется возможным выделить *количественный* (ОП указывает на количество дней, в течение которых длится заболевание) и *темпоральный* (ОП указывает на время появления / распространения заболевания либо частотность его возникновения) подтипы.

Установить характер ономаσιологического признака в ономаσιологической структуре наименования и отнести номинацию к определенному подтипу позволяет анализ номинативного суждения (НС – инструмент познания мотивов возникновения имени [1, с. 37]). Проиллюстрируем это на примерах номинаций *стодневный кашель* со значением ‘коклюш’, *осеннуха* со значением ‘острая респираторная вирусная инфекция’. Из анализа номинативного суждения следует, что *стодневный кашель* – это кашель, который длится сто дней. Ономаσιологический базис (ОБ) – *кашель*. ОП – *сто дней*. Данное наименование следует отнести к количественному подтипу, поскольку ономаσιологический признак указывает на количество дней, в течение которых, по мнению носителя языка, длится заболевание. В данном случае *сто дней* следует воспринимать не буквально, а в значении

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 83
из 378

‘много дней, долго’. *Осеннуха* – это болезнь, которой болеют осенью. ОБ – -ух-. ОП – *осенью*. ОП указывает на время, когда чаще всего болеют данной болезнью.

Количественный ономаσιологический признак положен в основу номинаций *стодневный кашель*, *пятидневная лихорадка*, *семидневная лихорадка* и др., которые формируют количественный подтип.

Темпоральный ономаσιологический признак реализован в наименованиях *периодическая болезнь*, *безвременное*, *свое время*, *месячный перелом*, *ночница* (*ночник*, *ношник*, *нощница*), *ночники* (*ночной щипок*), *полунощница*, *весенница* (*веснуха*), *осеннуха*, *листопадка*, *Юстинианова чума* и др., которые входят в состав темпорального подтипа.

Ономаσιологический признак номинаций, относящихся к темпорально-нумеральному номинативному типу, чаще всего формально выражается наречиями времени либо количественными и порядковыми числительными. Однако это не всегда так. Сравните ОП номинации *листопадка* со значением ‘острое респираторное вирусное заболевание’ (ОП – *когда падают листья*), а также ОП наименования *Юстинианова чума* со значением ‘острая инфекционная болезнь, проявляющаяся тяжелой интоксикацией, поражением кожи, лимфатических узлов, легких и других органов’. ОП – *во времена Юстиниана* (Юстиниан I – византийский император, который правил в период с 1 августа 527 года по 565 год). В приведенных примерах экспликаторами ономаσιологических признаков выступают описательные обороты, указывающие на временной пик заболеваемости данной болезнью (*когда падают листья*), а также на один из периодов, когда заболевание было наиболее широко распространено, носило характер эпидемии (*во времена правления Юстиниана*).

Следует отметить, что в рамках описываемого номинативного типа наблюдаются синонимия и полисемия входящих в его состав нозологических единиц. Так, острая респираторная инфекция имеет названия *листопадка*, *весенница* (*веснуха*), *осеннуха*. А *пятидневной лихорадкой* называют как лихорадку денге, так и окопную лихорадку. Полисемия наименований, вероятно, связана с тем, что многие патологические состояния характеризуются схожей симптоматикой, следовательно, носителями языка были замечены и положены в основу именования одни и те же признаки разных заболеваний. В приведенном примере это длительность заболевания в количестве *пяти дней*.

Анализ нетерминологических нозологических наименований показал, что количественные и временные представления играли важную роль в процессе именования патологических состояний. Носителю языка оказалось наиболее важным актуализировать представления о времени возникновения того или иного заболевания, а также длительности протекания патологического состояния.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 84
из 378](#)

Список использованной литературы

1. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности: монография / Т. Г. Трофимович. – Минск : БГПУ, 2003. – 223 с.
2. Дерунова, А. А. Названия документов в русском деловом языке XI–XVII вв.: становление и развитие номинативной категории, типы наименований : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Дерунова. – Минск, 2015. – 24 с.
3. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1999. – 2 т.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=88556&p=1>. – Дата доступа: 20.09.2018.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с.
6. Полный словарь сибирского говора : в 4 т. / под ред. О. И. Блиновой. – Томск : ТГУ, 1992–1995. – 4 т.
7. Попов, Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. – СПб : Тип. А. С. Суворина, 1903. – 404 с.
8. Войтенко, А. Ф. Словарь говоров Подмосковья / А. Ф. Войтенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Логос, 1995. – 216 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1988. – Вып. 14.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 85
из 378

СЮЙ ЛАН (г. Брест, БрГТУ),

Научный руководитель – М. П. Жигалова, доктор педагогических наук (РФ), доцент

КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ЦЕННОСТНОЕ КАЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Культура межнациональных отношений является важнейшим нравственным качеством человека и составным элементом его мировоззрения и отношения к родной стране, другим нациям и народам. Она играет большую роль в социальном и духовном развитии человека. Сегодня в мире более двух с половиной тысяч наций. Это действительно целая планета многообразного и красочного самобытного рода человеческого.

Одним из основных компонентов патриотизма и патриотического воспитания является культура межнациональных отношений. Патриотизм и культура межнациональных отношений – это два взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга понятия, составляющие содержание патриотического воспитания.

Раскрывая понятие «культура межнациональных отношений», педагоги, психологи, философы, этнографы и историки дают разные определения. В словаре русского языка С. И. Ожегова «культура» определяется как возделывание, выращивание, воспитание, совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношениях. Академик РАО Е. В. Бондаревская рассматривает понятие «культура» как совокупность общечеловеческих, национальных и личностных ценностей и программ поведения, деятельности, общения, в которых запечатлены нормы и образцы достойной человеческой жизни, способы ее преобразования людьми и результаты коллективного и индивидуального творчества, выраженные в произведениях, предметах материальной и духовной культуры, этнических обычаях, различных языках и символических системах, содержащих социально значимую информацию, регулирующую деятельность, поведение, общение людей [1, с. 20–21]. Это и все «проявления человеческой субъективности, свойства и качества, характеризующие «меру» культурности общества, культурно-исторической эпохи в ее человеческом измерении: уровень свободы, образованности, нравственности, духовности людей, их способностей к культурному саморазвитию [1, с. 62–63].

Раскрывая сущность и содержание системы гражданского образования и воспитания современных студентов в поликультурном образовательном пространстве, профессор Т. И. Власова рассматривает гражданскую культуру как сущностную характеристику личности и деятельности человека, обладающего гражданским мышлением, активной гражданской позицией, патриотическими чувствами и опытом общественно-полезной патриотической деятельности.

Культура – это совокупность реальных обстоятельств, явлений, предметов, образа жизни и деятельности, выделившая человека из естественной природной среды: это все то, создано руками и мыслью человека [2, с. 8].

Культура является результатом социально-преобразующей коллективной деятельности людей, складывающейся из творческой активности каждого человека.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 86
из 378](#)

Человек является также «потребителем» культурных ценностей, необходимых ему при организации жизнедеятельности и в процессе совместного труда с другими людьми [3, с. 14–15].

Культура – это и отношения членов общества между собой и качество этих отношений. В научно-методической литературе существует много определений, трактующих понятие «культура».

Частью общей культуры воспитания и развития личности человека является культура межнациональных отношений (КМО).

Культура межнационального общения является необходимой частью духовной жизни общества.

Культура межнационального общения – это высокая степень совершенства и развития КМО, которые проявляются в межнациональных экономических и духовных связях разных народов, в соблюдении определенного нравственного такта и взаимной уважительности людей различных национальностей друг к другу, в их общении и недопустимости пренебрежения к языку, национальным обычаям и традициям других народов.

Воспитание культуры межнационального общения – это организованный, целенаправленный педагогический процесс.

К содержанию КМО следует отнести: воспитание патриотизма, дружбы народов, веротерпимости; уважение к людям различных национальностей, национальным обычаям и традициям других народов; установление дружеских взаимоотношений между народами, проживающими в твоей стране и других странах; формирование высоконравственной мотивации поступков и поведения учащихся в процессе их общения с людьми разных национальностей, рас и конфессий; воспитание толерантности (терпимого отношения к другим народам, национальностям и этносам); формирование национального и общенационального сознания.

На формирование культуры межнационального общения и национального самосознания существенное влияние оказывает общенациональная идея совместного проживания и объединения различных народов, живущих на одной территории.

Патриотическое воспитание предусматривает формирование культуры межнациональных отношений; воспитание уважительного отношения к людям различных национальностей; соблюдение нравственного такта по отношению к языку, культуре и национальным обычаям и традициям других народов.

Культура межнационального общения, будучи частью КМО, связана с формированием межнациональных отношений и в студенческой среде. Здесь вполне оправдано говорить о КМО как нравственных качествах личности. Эта проблема приобретает особую актуальность и значимость. В современных условиях люди разных национальностей, проживающие ранее в разных странах, должны стать единой семьей в многонациональной студенческой среде, какой является университет. Эта среда должна научить студентов жить в мире и согласии.

А студенческий патриотизм должен пробуждать чувство любви к университету, гордость за него, формировать университетский дух и способствовать развитию поликультурного сознания, чувств и характера, формировать высокую степень ответственности студента за свою «альма-матер». Университетский патриотизм проявляется в любви к своему учебному заведению, однокурсникам, культуре народа страны обучения. Он связан

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 87
из 378](#)

и с природными, историческими, духовными, бытовыми условиями, традициями и обычаями не только своего народа, где человек родился и вырос, но и того народа, среди которого сейчас приходится студенту жить.

Список использованной литературы

1. Бондаревская, Е. В. 100 понятий личностно-ориентированного воспитания : учеб. пособие / Е. В. Бондаревская ; Рос. акад. образования, Юж. отд-ние. – Ростов н/Д : РАО, 2000. – 143 с.
2. Тодоров, Л. В. Понятие культуры и построение теории и содержания образования / Л. В. Тодоров // Педагогика. – 1999. – № 8. – С. 3–11.
3. Ремизов, В. А. Культура личности: ценностно-мировоззренческий анализ / В. А. Ремизов. – М. : АГЗ МЧС России, 2000. – 216 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 88
из 378](#)

ЗМЕСТ КАНЦЭПТУ «РАДЗІМА» Ё БЕЛАРУСКАМОЎНЫМ ВЫРАЖЭННІ

Важны аб'ект даследавання ё кагнітыўнай лінгвістыцы – канцэпт, які з'яўляецца кампанентам нашай свядомасці і нашых ведаў пра свет і які сапраўды можна разумець як пэўнае «семантычнае ўтварэнне, адзначанае лінгвакультурнай спецыфікай», што тым ці іншым чынам характарызуе носьбітаў пэўнай этнакультуры [1, с. 36]. Прыняўшы такое вызначэнне канцэпту як рабочае, паспрабуем на канкрэтным прыкладзе разгледзець асаблівасці яго выражэння ё мове і разам з тым у карціне свету асобнага народа, у нашым выпадку – беларускага.

У моўных карцінах свету розных этнасаў існуе пэўны набор «ключавых» слоў, якія рэпрэзентуюць базавыя, агульначачыя, універсальныя канцэпты. Такімі канцэптамі для любой лінгвакультурнай супольнасці з'яўляюцца, напрыклад, «жыццё», «свабода», «народ», «дом», «маці», «сям'я». Маючы статус універсальных, у кожнай мове яны набываюць сваю спецыфічную культурную афарбоўку і з'яўляюцца носьбітамі пэўнай нацыянальна-культурнай інфармацыі. Разгледзім адзін з найважнейшых для беларускага, як, мабыць, і любога іншага, народа канцэпт «радзіма».

Канцэпты як вынік мысліцельнай дзейнасці чалавека маюць вербальную форму выражэння і сваю структуру. Як правіла, у канцэпце вылучаюць ядро і перыферыю. Ядро перадае агульнапрынятая дэфініцыя слова, што вербалізуе канцэпт, а ё перыферыю ўваходзяць канататыўныя, вобразныя, асацыятыўныя і іншыя яго характарыстыкі, што эксплікуюцца разнастайнымі кантэкстамі і словаўжываннямі. Зварот да этымалагічнага слоўніка дазваляе атрымаць першасныя семантычныя элементы канцэпту, зыходныя, дамінуючыя, што пэўным чынам іерархізуе змест слова. Паводле «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы», слова *радзіма* ўтворана ад слова *род* як 'род пакаленняў, які паходзяць ад аднаго продка', 'асноўная арганізацыя першабытна-абшчыннага ладу', 'родзічы, сваякі, радня', 'сям'я', 'паходжанне, прыналежнасць да пэўнага саслоўя' пры дапамозе суфікса *-ім-*, які мае значэнне прыналежнасці да чаго-небудзь [2, с. 27, 165].

Паводле энцыклапедыі «Міфы народаў свету», старажытны карань *-род-* утвораны ад індаеўрапейскай асновы *Hord^hu. На думку аўтара, індаеўрапейскі культ *Hord^hu адлюстраваны ё кульце славянскага язычніцкага бога Рода. У славянскай міфалогіі бог Род быў увасабленнем роду, сімвалам адзінства нашчадкаў аднаго продка, і сімвал гэты дорыць жыццё, урадлівасць і даўгалецце [3, с. 384–385]. Род – гэта валадар зямлі і ўсяго жывога, Бог неба, навальніцы, урадлівасці. Пра яго казалі, што ён едзе на воблаку, кідае на зямлю дождж і ад гэтага нараджаюцца дзеці. Разнастайнасць аднакаранёвых слоў у розных славянскіх мовах, несумненна, падкрэслівае значнасць паганскага Бога. Спадарожніцамі Рода былі жаночыя міфалагічныя істоты парадзіхі – безыменныя багіні ўрадлівасці, багацця, дабрабыту. Культ парадзіх звязаны з працягам роду, з лёсам нованароджанага, якому яны прадвызначаюць долю. Ідэя нараджэння звязвалася з ідэяй урадлівасці. Здольнасць жанчыны нараджаць,

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 89
из 378

даваць жыццё атаясамлівалася са здольнасцю зямлі даваць ураджай. Дадзены кампанент семантыкі адлюстроўваецца і ў сучаснай беларускай моўнай свядомасці.

Лічыцца, што культ Рода і парадзіх сфарміраваўся раней за культ Перуна і іншых вярхоўных багоў як славян, так і іншых індаеўрапейскіх народаў. Пасля таго як на Русі было прынята хрысціянства, культ парадзіх паступова зліўся з культуам Багародзіцы. У беларускай традыцыйнай творчасці вобраз роду ўжываецца даволі часта як увасабленне Радзімы, Бацькаўшчыны, родных людзей і разам з тым – як атрыбут шчаслівага стану, а «бязродны» азначаў тое, што і «бяздольны», «нешчаслівы» [4, с. 404].

У сучасным «Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы» слова **радзіма** тлумачыцца так: «1. Бацькаўшчына, родная краіна. 2. Месца нараджэння, узнікнення, паходжання каго-, чаго-н.» [5, с. 533]. Паводле «Слоўніка сінонімаў і блізказначных слоў» М. К. Клышкі лексема **радзіма** ўключаецца ў наступны сінанімічны рад: *бацькаўшчына, радзіма, айчына, родны край, свой край, наш край, родная краіна, свая краіна* [6, с. 68], – дзе першае слова з’яўляецца дамінантай. С. М. Шведавым у «Слоўніку сінонімаў беларускай мовы» падаюцца такія сінонімы да слова **радзіма**: *краіна, месца нараджэння, карані, зямля заповітная; бацькаўшчына, малая радзіма, родны кут* [7, с. 295]. З гэтых сінанімічных радоў вынікае збліжэнне вузкага і шырокага зместу канцэпту: паняццяў малой радзімы як месца нараджэння чалавека і вялікай радзімы як краіны, зямлі, што яднае людзей у адзіны народ. Наяўнасць сінонімаў да слова **радзіма** дае магчымасць аналізаваць шырокі моўны матэрыял, дзе эксплікуюцца вышэйпрыведзеныя блізказначныя лексемы.

Станоўчая канатацыя канцэпту і яго значнае месца ў нацыянальнай карціне свету беларусаў пацвярджаецца шматлікімі афарыстычнымі выслоўямі: *На радзіме і паміраць лягчэй; Радзіма – матка, чужына – мачыха; Ідзі ў родны край, там – і пад елкаю рай; Кожнаму свой куток мілы; У сваім краі, як у раі; Родная зямелька – як зморанаму пасцелька* [8, с. 82–83]; *Для каханае нашай Радзімы / й найдарожшых ахвяр не замнога* (Л. Геніюш) [9, с. 252]; *Мой родны кут, як ты мне мілы!..* (Я. Колас) [9, с. 255]; *Не шукай сабе, мой братку, / З ветрам Бацькаўшчыну-матку* (Я. Купала) [9, с. 256]; *Што мне Вена, Мадрыд, што мне / Лондан туманны, / Больш за ўсё я бацькоўскаму краю / адданы!* (В. Дунін-Марцінкевіч) [9, с. 258]. Адабральную характарыстыку канцэпту выражаюць і шматлікія эпітэты ў мастацкіх кантэкстах: *радзіма для беларускіх аўтараў найперш «адвечная, адзіная, бласлаўная, векавечная, вялікая, гордая, дарагая, любая, любімая, мілая, мужная, неаглядная, незабыўная, ненаглядная, непаўторная, працавітая, свабодная, светлая, святая, святочная, сонечная, шчаслівая, ясназорая, ясная»* [10, с. 362]. Такім чынам, з прыведзеных прыкладаў можна канстатаваць, што канцэпт «радзіма» арганічна ўпісваецца ў карціну свету беларусаў як абавязковы кампанент і найперш выклікае асацыяцыі з месцам нараджэння, зямлёй бацькоў, вытокаам роду. Чалавеку звычайна добра і ўтульна адчуваць сябе на тым месцы, дзе ён нарадзіўся. У беларуса вялікая павага, адданасць і прывязанасць да роднага краю, які ён гатовы абараняць, ахвяруючы многім. Мабыць, апошняе аб’ектыўна матывавана ўсім ходам гісторыі Беларусі, што зведала не адну варожую навалу і вайну.

Прааналізаваны матэрыял сведчыць пра тое, што канцэпт «радзіма» з’яўляецца важным складнікам у карціне свету беларусаў. Па сутнасці, карціна свету, адлюстраваная ў свядомасці людзей, – гэта другаснае

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 90
из 378

існаванне свету, замацаванае і рэалізаванае ў асаблівай матэрыяльнай форме – мове. Таму яшчэ выкарыстоўваецца тэрмін *моўная карціна свету*, якую лічаць агульнакультурным здабыткам нацыі. Аналіз слоўнікаў пацвярджае шматмернасць канцэпту «радзіма» і разнастайнасць яго моўнага выражэння і лінгвакультурнага асэнсавання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
2. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы Т. 11: Р – С. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; уклад. В. Л. Авілава [і інш.] ; рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 333 с.
3. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. Энцикл., 2003. – Т. 2 : К–Я. – 719 с.
4. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.
6. Клышка, М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка. – Мінск : Радыёла-плюс, 2005. – 672 с.
7. Шведаў, С. М. Слоўнік сінонімаў беларускай мовы / С. М. Шведаў. – Мінск : Сучас. слова, 2004. – 480 с.
8. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі ; прадм. Д. Я. Бугаёва. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.
9. Гаўрош, Н. В. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н. В. Гаўрош, Н. М. Няжковіч. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 638 с.
10. Гаўрош, Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы / Н. В. Гаўрош. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 603 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 91
из 378

ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАУНИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Фауна (новолат. *fauna*, от лат. *Fauna* – богиня лесов и полей, покровительница стад животных) – исторически сложившаяся совокупность видов животных, обитающих в данной области и входящих во все её биогеоценозы. Домашние животные, животные в зоопарках и т. п. не входят в состав фауны. В понятие фауны вкладывается как систематическое, так и географическое содержание, поэтому принцип ограничения должен быть географическим (фауна острова Куба, фауна Зимбабве, фауна Евразии и т. д.) и систематическим (фауна птиц (орнитофауна), фауна насекомых (энтомофауна), фауна рыб (ихтиофауна) и т. д.) [1].

Лексическая группа «зоонимы» в исследованиях чаще всего рассматриваются в качестве тематических групп. Однако стоит отметить, что данная лексическая группа характеризуется тем, что слова в ней связаны парадигматическими связями (родовидовыми, синонимическими, вариантными, антонимическими и др.), следовательно, особенности отношений, в которые вступают наименования животных, определяются не только характером их соотносённости с внеязыковой действительностью, но и свойствами самого языка, что и позволило квалифицировать названную выше группу слов как лексико-семантическую группу (ЛСГ) [2, с. 7–8].

Высший уровень абстракции в ЛСГ «зоонимы» проявляется в слове *животное*. Некоторые исследователи на следующей ступени абстракции группируют названия всех животных на основании семантического дифференциального признака «тип животного» в четыре родовидовые группы, противопоставленные по дифференциальному признаку: «Названия млекопитающих животных», «Названия птиц», «Названия рыб», «Названия насекомых», каждая из которых характеризуется иерархическим построением [2, с. 15–16]. Другие исследователи классифицируют зоонимы следующим образом: макрополе – «названия животных», микрополе – маммологическое, обозначающее названия млекопитающих; орнитологическое (названия птиц), инсектологическое (названия насекомых), ихтиологическое (названия рыб и водяных животных), серпентологическое (названия пресмыкающихся) [3, с. 6].

Внутри родовидовых групп выделяются микрогруппы, обычно образуемые названиями животных одного вида. Каждая подобная микрогруппа представляет собой относительно замкнутую микросистему, которая связана с другими такими же микроструктурами через общее родовое наименование. Объединяясь таким образом, все эти микросистемы в совокупности составляют единую структуру.

Системная организация наименований животных определяется свойствами самого языка, но в то же время обнаруживает достаточно тесную связь с внеязыковой действительностью.

Фаунистическая лексика неоднократно попадала в поле зрения лингвистов, при этом исследования проводились как на материале одного языка, так и в сопоставительном плане. В своих исследованиях учёные рассматривают различные аспекты семантики и функционирования фаунистических единиц. В ряде

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 92
из 378

исследований объектом рассмотрения являются прямые значения зоонимов. Они выполняются на материале самых разных языков (русского, английского, древнееврейского, карельского, татарского и т. д.), а основной целью изучения в них является мотивированность фаунистических единиц: Л. Е. Коган «Фаунистическая лексика древнееврейского и других семитских языков» (2001), Н. А. Григоренко «Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов» (2007), О. М. Жаринова «Зоонимическая лексика карельского языка» (2006), З. Ф. Миргалимова «Названия млекопитающих в татарском литературном языке» (2007) и др. В исследованиях переносных значений фаунистических единиц применяются когнитивный и лингвокультурологический подходы для выявления особенностей семантики и национальной специфики образования переносных значений наименований животных: А. В. Самарин «Образная типология концептов в словаре и тексте: на материале лексико-семантических групп “насекомые”, “птицы” и “животные”» (2007), Н. А. Давыдова «Концептуальные признаки в формировании лексического значения наименований животных: на материале английского языка» (2009), Я. Л. Белицына «Теория и практика комплексного лингвистического словаря: На материале наименований животных в русском языке» (2000), А. Ф. Сагитова «Внутренняя форма слова как результат когнитивно-оценочной деятельности человека: “Флора”, “Фауна”» (2008) и др.

Однако, несмотря на большое количество работ, посвящённых изучению фаунистической лексики, данный языковой пласт требует более подробного рассмотрения с позиций концептуальной деривации (когнитивной лингвистики). Новый взгляд на проблему формирования переносных значений зоонимов заключается не только в рассмотрении не фаунистической метафоры, но и в выявлении метонимических моделей, когнитивных механизмов, позволяющих установить основания метафорических и метонимических переносов, а также в выделении и описании концептуальных областей, относительно которых происходит осмысление зоонимов в переносных значениях.

Список использованной литературы

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/biology/text/4706804>. – Дата доступа: 20.01.2018.
2. Григоренко, Н. А. Лексика флоры и фауны в говоре камчадалов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Григоренко. – Ярославль, 2007. – 22 с.
3. Солнцева, Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. В. Солнцева. – Омск, 2004. – 32 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 93
из 378

ПОДСЕКЦИЯ 2. СЛОВО В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

А. Т. АЛИДЖАНОВА (г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

Научный руководитель – М. А. Лохницкая, кандидат филологических наук, доцент

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ НОМИНАЦИИ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В последнее время все больше исследователей уделяет внимание проблеме национально-культурных явлений в языке. Национально-культурные особенности языка вскрываются при сопоставительном изучении языков. Безэквивалентные наименования – это наиболее яркое проявление национальной специфики словарного состава языка.

Цель исследования – выявить историко-культурные особенности безэквивалентных номинаций деловых в русском и английском языках.

Поиск соответствий в русско-английских и англо-русских словарях, а также дефиниционный анализ слов позволили выявить 4 русских и 9 английских безэквивалентных наименований деловых людей, которые стали объектом настоящего исследования.

Нижеследующие русские наименования являются безэквивалентными по отношению к английскому языку.

Горнопромышленник ‘владелец горных промыслов’ [1, с. 221]. Слово не имеет соответствий в русско-английских словарях. Вероятно, наименование является исконно русским. В «Словаре современного русского литературного языка» находим определение: *горнопромышленник* – ‘капиталист, владелец горных промыслов’, а также следующую цитату: «Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве» (В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, 1899 г.) [2, т. III, стб. 302–303].

Золотопромышленник ‘владелец золотых приисков’ [2, т. IV, стб. 1323]. Данное наименование имеет похожую историю появления в русском языке, что и слово *горнопромышленник*: по всей вероятности, слово *золотопромышленник* является исконно русским и появилось в языке в XIX веке.

Частник разг. ‘торговец, имеющий своё частное дело; предприниматель’ [1, с. 1468]. Вероятно, слово появилось в русском языке в XX веке, т. к. его первая письменная фиксация в словарях датируется 1940 годом (в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова). Частниками были люди разных профессий, например: «Частником на участке считался сапожник, построивший себе особнячок из сырья и монополично чинивший обувь» (М. С. Шагинян. Гидроцентральный; 1930).

Челнок разг. ‘торговец, привозящий мелкие партии товаров из-за рубежа’ [1, с. 1470]. Слово *челнок* в значении ‘торговец’ проникло в литературный русский язык из сленга 1990-х. Челночный бизнес – это особый

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 94
из 378

вид международной торговли, получивший развитие в 90-е годы XX века в России и странах СНГ. Наименование *челнок* ‘торговец’ не имеет словарных соответствий в русско-английских словарях, однако данное название все же появилось под влиянием английского языка: *челнок* ‘торговец’ – это своего рода калька с английского слова *shuttle* (n.) ‘челнок (об автобусе, поезде или самолёте, совершающем рейсы между двумя пунктами)’, ср. *shuttle* (v.) ‘двигаться взад и вперёд, курсировать’, т. е. челнок – это тот, кто курсирует или совершает рейсы туда и обратно. Интересно, что у английского слова *shuttle* нет значения ‘торговец’, данное значение появилось у слова *челнок* на русской почве.

Нижеследующие английские наименования являются безэквивалентными по отношению к русскому языку.

Agri-businessman (agrobusinessman) ‘человек, который занимается агробизнесом’, первая письменная фиксация слова – 1961 год [3].

Mogul ‘важный или влиятельный человек, особенно в киноиндустрии’, от персидского или арабского *muḡal, muḡul* ‘монгол’ [3].

Mudalali ‘собственник, бизнесмен, богатый’ [3]. В «Оксфордском английском словаре» имеется указание на региональное ограничение употребления слова – Индия и Шри-Ланка.

Pin-striper ‘бизнесмен или бизнес-леди, особенно в большой городской компании’ [3]. Безэквивалентность слова связана со спецификой национальной культуры: внутренняя форма слова свидетельствует о том, что данное название делового человека обусловлено особенностями внешнего вида, т. к. *pin-striper* – это тот, кто носит одежду в тоненькую полоску.

Taipan ‘иностранный торговец или бизнесмен в Китае. (Иностранный) менеджер или глава фирмы в Китае, особ. в Гонконге’ [3]. Называемый словом субъект отражает специфику национальной культуры Китая.

Technopreneur ‘предприниматель в сфере бизнеса или индустрии, связанных с технологиями, особ. в компьютерной индустрии’ [3]. Слово появилось в английском языке в конце 1980-х.

Infopreneur ‘тот, кто пытается получить доход в бизнесе через сбор и распространение информации (инкорпорировано в торговую марку США)’, первая письменная фиксация слова – 1985 год [3].

Towkay ‘китайский бизнесмен или работодатель, особенно в Малайзии’, слово попало в английский из малайского языка [3].

Tycoon ‘важный или влиятельный человек, особенно в бизнесе или политике; магнат’, первое письменное упоминание слова – 1861 г. [3]. Английское слово является заимствованием через японский из китайского (от *ta* ‘великий’ и *kiun* ‘принц’) [3], однако, как показывает определение, данное название (которое первоначально появилось в американском варианте английского языка в качестве прозвища Абрахама Линкольна) уже не воспринимается английским языковым сознанием как нечто специфичное для японской или китайской культуры.

Итак, русские безэквивалентные наименования – это слова как с достаточно долгой историей своего существования в языке (*горнопромышленник* и *золотопромышленник* датируются XIX веком), так и появившиеся относительно недавно (*частник* – начало XX века; *челнок* – конец XX века). Однако независимо от времени своего появления, эти слова отражают социокультурные особенности социума на определенном этапе его развития.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 95
из 378

Английские безэквивалентные наименования также существенно варьируются по времени своего появления в языке, однако самые ранние датируются серединой XIX века. Среди них выделяются две ярко выраженные группы: 1) собственно английские наименования, т. е. исконные, возникшие на почве английского языка и отражающие национально-культурные особенности англоговорящего социума (*agri-businessman*, *pin-striper*); 2) заимствованные английским из других языков и отражающие национально-культурные особенности других социумов (*mudalali* из маратхского языка, *taipan* из китайского, *towkau* из малайского языка). Некоторые из заимствованных наименований перестают ассоциироваться с национально-культурной специфичностью называемого субъекта и переносятся на собственную культуру (например, *mogul* и *tycoon*).

Список использованной литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед. РАН ; редкол.: С. А. Кузнецов (авт. и рук. проекта, сост., гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – 17 т.
3. The Oxford English Dictionary [Electronic resource] / T. J. Benbow (project director), A. M. Hughes (senior editor). – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 1 electron. opt. disc (CD-ROM, v. 4.0, 677 Mb).

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 96
из 378](#)

ЭТИМОЛОГИЯ НОМИНАЦИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Животные всегда находились рядом с человеком и занимали важное место в его жизни. Люди наблюдали за их поведением, выделяли в нем отрицательные и положительные черты, сравнивали животных с собой, и все это находило отражение в лексическом фонде различных языков. Так возникли научные термины, которыми принято обозначать наименования зверей. Одним из подобных терминов является наименование «зооним». Животные занимают особое место в русской языковой картине мира, относятся к числу архетипических образов [1].

Герои-животные являются ключевыми во многих произведениях русского устного народного творчества, в пословицах, поговорках, в художественной литературе, поскольку данная тема тесно связана со многими сторонами человеческой жизни. Домашние животные – животные, которые были одомашнены человеком разумным и которых он содержит, предоставляя им кров и пищу. Они приносят ему пользу либо как источник материальных благ и услуг, либо как животные-компаньоны, скрашивающие его досуг. Большинство домашних животных легко размножаются. Проводя селекцию, человек может контролировать их размножение и признаки, которые передаются потомству.

В нашем исследовании мы осуществляем лингвистический подход к изучению номинаций животных – со стороны этимологии и в лексико-семантическом аспекте.

Объектом исследования являются номинации домашних животных в русском языке. Предмет исследования – анализ этимологии зоонимической лексики русского языка. Цель работы – рассмотреть лексико-семантическую систему для изучения процессов и закономерностей этимологии, номинации, словообразования номинаций домашних животных. В данной работе мы рассмотрели основные направления исследований зоолексики в языкознании, изучили закономерности образования номинаций домашних животных, сделали этимологический анализ русских названий домашних животных. Актуальность работы состоит в том, что зоонимы представляют собой специфический слой лексического состава языка, так как они отражают особенности национальной культуры, нравов и обычаев, преданий и верований. Зоолексика выступает частью национальной языковой картины мира.

В главе «Одомашнение животных и эволюция их роли в свете данных языка» мы раскрываем сущность понятия «домашние животные» и предлагаем их классификацию. Для обозначения наименования животного в лингвистической литературе используется термин зооним, а совокупность зоонимов и их производных называется зоолексикой. В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова зафиксировано 2 534 названия животных.

В сознании носителей русского языка все животные чётко подразделяются на две группы: домашние животные и дикие животные.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 97
из 378](#)

Часть домашних животных – сельскохозяйственные животные – приносит непосредственную материальную выгоду человеку, например, являясь источником пищи (молоко, мясо), материалов (шерсть, кожа). Другие животные (рабочий скот и служебные животные) приносят пользу человеку, выполняя рабочие функции (перевозка грузов, охрана и т. п.).

Домашний скот, как правило, относится к классу млекопитающих, отряду парнокопытных и подотряду жвачных. В полном смысле домашними животными, без которых человеку трудно обойтись, можно назвать не более 7–8 видов. Эти виды сыграли историческое значение в развитии культуры. К ним относятся *корова* (или крупный рогатый скот), *овца*, *коза* (мелкий рогатый скот), *буйвол*, *дромедар*, *бактриан*, *лама*, *альпака* и *северный олень*. В Азии функции быка выполняют *бантенг* и *гаял*, а в Тибете – *як*. Из нежвачных парнокопытных к домашнему скоту относится *свинья*. Непарнокопытный скот – *домашняя лошадь*, *пони*, *осел* и *мул*. *Собака*, *кошка*, *фретка* – хищные. *Кролик* – зайцеобразное. *Морская свинка*, *мышь*, *декоративная крыса* – грызуны.

Домашние птицы классифицируются следующим образом: отряд курообразных – *курица*, *индейка*, *японский перепел*, *цесарка*, *фазан* и *павлин*; отряд гусеобразных – *лебедь-шипун*, *гусь*, *утка* и *мускусная утка*; отряд голубеобразных – *голубь сизый* и *турецкий*; отряд воробьинообразных – *канарейка*; отряд попугаеобразных – *волнистый попугайчик*.

С XIX века в Африке, а затем в Азии, Европе и Северной Америке разводят одомашненных *страусов*, которые относятся к отряду страусообразных.

Вторая большая категория – *животные-компаньоны*, которые занимают досуг, доставляют удовольствие и с которыми можно общаться. Для городских жителей понятие «домашние животные» чаще ассоциируется со второй категорией, то есть с «домашними любимцами (питомцами)». Животные-компаньоны (домашние питомцы / любимцы) – термин, используемый для обозначения домашних животных, которых человек содержит у себя в доме для общения и получения положительных эмоций. Такие домашние животные противопоставляются, таким образом, сельскохозяйственным животным, которых содержат для получения мясо-молочной продукции, шерсти и т. д. и как рабочий скот.

Традиционными и наиболее распространёнными животными-компаньонами являются *кошки* и *собаки*. Реже в качестве животных-компаньонов встречаются птицы (в основном *попугаи*, *канарейки* и *домашние голуби*), грызуны (*морские свинки*, *декоративные крысы*, *хомяки*, *шиншиллы*), *домашние кролики*, *рыбы*. Ещё реже животными-компаньонами выступают *обезьяны*, *свиньи* (карликовые и вьетнамские вислобрюхие свиньи), *лисы* (два вида – одомашненная черно-бурая лисица и лисица фенек), *куньи* (*фретки*), рептилии (*черепахи*, реже *змеи*, *ящерицы*, *крокодилы*) или членистоногие (например, *наук-птицеед*, *мадагаскарский шипящий таракан* и другие насекомые).

Изучением происхождения слов занимается специальная наука этимология. Материалом для написания работы послужило 41 слово. Все отобранные слова обозначают домашних животных.

Наименования животных первоначально были связаны с несколькими древнейшими признаками, бросившимися человеку в глаза в момент называния. Э. А. Балалыкина предлагает следующую классификацию [2]:

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 98
из 378

а) номинация по месту или времени обитания: это такие названия, в фонетическом облике которых ещё сохранились какие-то древнейшие указания на место обитания животных, расположение нор и т. д.: *выдра, змея*; б) наименования по сходству: *песец, черепаха*; в) наименования по обладанию чем-либо: *зубр, лягушка*; г) наименования по цвету: *белка, рысь*; д) наименования по признаку (виду, запаху, звуку и т. д.): *хорек, крот*; е) наименования по действию: *заяц, еж, крыса, удав*; ж) наименования по звукоподражанию: *суслик, сурок*.

Приведём несколько примеров. **Корова** – общеславянское суффиксальное производное (суффикс *-v-*) от той же основы, что и латинское *cornu* ‘рог’, греческое *keraios*, немецкое *Horn*. Родственно латинскому *corva* ‘лань’. *Корова* буквально – ‘рогатая’ [3].

Баран – общеславянское существительное. Образовано, вероятно, посредством суффикса *-ань* от той же основы, что и *боров* (основа в *боровь* восходит к индоевропейскому **bher* – ‘резать, колоть’, сравним: древнерусское *боровь* – ‘кабан и баран холощенный’. Формы *баран* с *a* (также польск. *baran*) возникли, видимо, под влиянием звукоподражательных слов подзыва животных (*бар-бар*). Согласно Г. Майеру, Бернекеру и Мейе это древнее альпийское слово, распространенное также в северно-итальянских говорах. Происходит из подзывного междометия *ber-* [3].

Конь – общеславянское существительное. Объясняется обычно либо как родственное древнерусскому слову *комонь* ‘конь’, либо как однокорневое *кобыла*. *Конь* в таком случае – из **konnъ* < **konnъ* после упрощения группы согласных, *bn* > *n* [3].

Курица – собственно русское слово. Образовано с помощью суффикса *-иц(a)* от *куръ* – ‘петух’. Кура, курица – сербохорватское *кури* множественное число – ‘куры’, словенское *kúra*, чешское *koura* [3].

Петух – собственно русское. Шанский считает, что это суффиксальное производное (суффикс *-ухъ*) от *пет* ‘петух’, в диалектах ещё известного, суффиксального образования (суффикс *-тъ*) от *петь*. *Петух* буквально – ‘поющий’. Фасмер утверждает, что *петух* – первоначально ‘певец’ от *петь, пою*; *пéтя* ‘петух’ объясняется влиянием уменьшительного *Петя* от *Пётр* [3].

А теперь два примера про домашних любимцев. **Кот** – общеславянское существительное. Шанский считает это слово заимствованием из латинского языка *cattus* – ‘дикая кошка’. Родственно прусскому *catto* ‘кошка’, немецкому *Katze*, английскому *cat* и т. д. [3].

Хомяк – общеславянское слово. Возможно, происходит от древнеиранского *hamaēstar-* ‘враг, повергающий на землю’, новоперсидского *hamestār* ‘противник’. Лингвисты указывают на то, что хомяк пригибает стебли злаков, чтобы извлекать зерна. **Хомяк** – укр. *хомяк, хомá*, бел. *хомяга* ‘лентяй’, древнерусское *хомъкы*, польск. *chomik*. Ильинский считал это слово исконнославянским, смело сближая его с моравским *chomtai* ‘жадно есть’, хámкать [3].

Анализ 41 этимологии домашних животных позволяет сделать следующие выводы: 1) больше всего номинаций домашних животных общеславянского происхождения; 2) некоторые зоонимы прошли сложный (ступенчатый) путь заимствования через языки-посредники в русский язык по типам; 3) неясно происхождение наименований животных *конь, пес, кобель*. Выделяются семантические группы названий домашних животных

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 99
из 378

с учетом следующих внутренних характеристик: звукоподражание, качество, действие, цвет, место происхождения, сходство. Есть зоонимы, не изменившие семантику и суффиксальные производные. Некоторые наименования животных имеют расширенную семантическую структуру, несколько значений. Все наименования животных распределены по родам. Некоторые зоонимы, обозначающие домашних животных, вступают в гетеронимические отношения. Таким образом, наименования домашних животных представляют интерес для многостороннего исследования.

Список использованной литературы

1. Гэн Юаньюань. Зоолексика в семантическом аспекте (на примере отзоонимных существительных) [Электронный ресурс] / Гэн Юаньюань, Г. Н. Плотникова // Науч. диалог. – 2018. – № 4. – С. 65–76. – Режим доступа: http://nauka-dialog.ru/assets/userfiles/4494/65-76_Gen_Plotnikova_ND_2018_4.pdf. – Дата доступа: 29.10.2018.
2. Балалыкина, Э. А. Внутренняя форма слова и наименования животных в русском языке [Электронный ресурс] / Э. А. Балалыкина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 196–205. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-forma-slova-i-naimenovaniya-zhivotnyh-v-russkom-yazyke>. – Дата доступа: 15.11.2018.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 4 т.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 100
из 378

М. О. БАБІЙ (м. Умань, УДПУ імені Павла Тичини)

Науковий керівник – В. В. Денисюк, кандидат філологічних наук, доцент

ЛЕКСИКА НА ПОЗНАЧЕННЯ НАПОЇВ У «ЩОДЕННИКУ» ГЕНЕРАЛЬНОГО ХОРУНЖОГО МИКОЛИ ХАНЕНКА

Мова перебуває в постійному русі. Особливо це помітно в лексиці: у той чи той період розвитку лексичного складу є слова, що поступово виходять на периферію лексичної системи через вихід з ужитку реалії, і слова, що проникають у неї внаслідок позамовних чинників – взаємодії етносів у різних сферах діяльності, культури. Такі процеси, власне, і визначають вертикаль розвитку мови. Саме тому діахронні дослідження завжди на часі, оскільки допомагають зрозуміти сучасний стан мови.

Не всі групи лексики української мови знайшли належне висвітлення. Як слушно зауважив С. А. Яценко, «назви напоїв – майже зовсім не вивчена група номенів староукраїнської мови». Дослідник критикує академічне видання «Історія української мови. Лексика і фразеологія» за те, що цій групі відведено всього пів сторінки, та й то проілюстровано прикладами тільки з XVIII ст. [1, с. 44]. Зазначимо, що в діахронній україністиці назви напоїв були об'єктом наукових студій З. Г. Козиревої (лексема *мед*) [2], О. А. Крижко (на матеріалі козацьких літописів кінця XVII – початку XVIII ст.) [3], С. А. Яценка [1]. Однак і не всі писемні тексти опрацьовані достатньою мірою. До таких, зокрема, належать і записи генерального хорунжого Миколи Ханенка, що слугували джерельною базою нашої розвідки.

Засвідчені у «Щоденнику» найменування об'єднують у дві групи: 1) назви хмільних напоїв; 2) назви безалкогольних напоїв. О. А. Крижко, наприклад, у літописах зафіксувала такі назви хмільних напоїв: *брага, вино, водка, горілка, лікер, мед, наливка, пиво, сикер, уксус*. Вона зазначила, що більшість із лексем запозичені з інших мов [3, с. 9].

Досліджувана пам'ятка дозволяє говорити про широкий арсенал напоїв, до того ж хмільні кількісно переважають безалкогольні. Прикметно, що М. Ханенко занотовував не тільки загальні назви, але й диференціатори, що вказували на місце та матеріал виготовлення напою, його гатунок, колір. «Щоденник» фіксує активність деяких лексем, що свідчить про поширеність та вподобання східних слов'ян у першій половині XVIII ст., зокрема:

– **вино**: *Обослала хлѣбомъ, виноградомъ, виномъ и орѣхами панѣ Козмина Іакимовичева и панѣ Рогоуцкій хлѣбомъ, виномъ, календаремъ на 1731 годъ* (с. 13; тут і далі подаємо номер сторінки за виданням: Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка. – Київ, 1884. – 584 с.); *Кушаль у пана полковника, и его милость панѣ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и бараномъ* (с. 21); *Прислала мнѣ панѣ подушечку, вина и проч., а я ей послалъ подушечку-жѣ, кошеліокъ, аугет и дѣтямъ стіонѣжечки* (с. 40); *За вино красное и бѣлое 75 к.* (с. 6); *Сегожѣ числа графѣ Сава Владиславичѣ обослалъ мене виномъ краснымъ и водкою* (с. 52); *За чоботи*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 101
из 378

Кость 30 копѣекъ, вина полинкового 3 кварта 24 копѣйки (с. 16); Отправлено вино фронтиніакъ въ Глуховъ при писмѣ до пана Скоропадского (с. 42) та ін.;

– **мед:** *Кушалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и бараномъ (с. 21); Заплатилъ за медъ въ домъ братскій петропавловскій 70 к. (с. 34); За меду 4 гарци 20 к. (с. 37); Дано Василю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за медъ 8 к. (с. 37); Заплачено за медъ и рибу, зъ Погари привезенные, 18 к. (с. 40);*

– **водка:** *Сегожъ числа графъ Сава Владиславичъ обослалъ мене виномъ краснымъ и водкою (с. 52); Поддячему Федору Афанасіевичу Інихову данъ 1 р. и барилко водки (с. 52); Графъ Мойсей Ивановичъ, графа Савы Владиславича племѣнникъ, прислалъ водки анкерокъ (с. 73); за два штофа гданской водки 3 р. (с. 92) та ін.;*

– **горѣлка:** *Лаврѣнъ сторговалъ у насъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и далъ задатку 20 р. (с. 43); Для поминокъ въ домъ того умершого священника станъ горѣлки и денегъ 1 р. (с. 101); Данъ въ Случокъ на шинкъ станъ горѣлки Ісаку Мигаліонку (с. 113) та ін.;*

– **пиво:** *На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и пиво 7 к. (с. 13); Пивовару за зварене пива и за хмѣль даны 30 к. (с. 28); Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и пиво 15 к. (с. 46); Пошло на мясо, медъ, пиво, вино и проч. 4 р. 65 к. (с. 88); На пиво и медъ 9 к. (с. 99); За медъ и пиво у Івана шафара дано 96 к. (с. 101) та ін.*

Назви інших хмільних напоїв засвідчено спорадично. Наприклад, **уксус:** *Рано зъ Брошицы судномъ пустившись, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розышлося на хлѣбъ, медъ и уксусъ и проч. 35 к. (с. 46); квас:* *тутъ розышлося на мясо, квасъ и проч. 14 к. (с. 94).*

Окремі лексеми ілюструють асиміляційні процеси запозичень в українській мові, наприклад: **мушкатель:** *за бутелку мушкателю 30 к. (с. 54); канарсент:* *За поланкирка канарсенту 6 р. (с. 92), перша з яких позначає вид вина, зробленого з відповідного сорту винограду (мускат), а друга – утворена лексико-синтаксичним способом, указувала на матеріал, з якого виготовлений напій – цукор із тростини. Укладачі «Історичного словника білоруської мови» у реєстровому канаръ, конаръ виокремлюють два значення: 1) «цукор із тростини»; 2) «вид іспанського вина», в ілюстративному матеріалі до другого значення подаючи сполучення слів: *Поклону полми-сокъ кореня и фляшу вина канаръ секту, которое куповали передъ тымъ* (ИЮМ, XII, 100, 1698) [4, с. 255–256].*

Лексема вишиніовка – універбат складеного найменування цього напою горѣлка вишневая: *Былъ рано въ коллегіи, по обѣдъ у Інехова, и отнесены къ нему 2 бутелки вишиніовки, 1 водки* (с. 62), яка, за даними істориків української мови, у першій половині XVIII ст. витіснила дериват чоловічого роду вишнякъ [5, с. 387].

Назви безалкогольних напоїв репрезентовані трьома одиницями – чай, сік, молоко. Зауважимо, що тільки лексема сокъ у досліджуваній пам'ятці безпосередньо реалізує значення «напій, виготовлений із рідини та плодів рослин». Атрибутиви-диференціатори дозволяють говорити про сік із берези та сік із, можливо, ягід смородини або ж граната, наприклад: *За пол-ока бѣлого соку 15 к., за сулейку чорного соку 20 к.* (с. 111). Номен чай у більшості уживань функцію зі значенням «висушене й оброблене листя рослини чаю, з якого готують ароматний напій». Один раз цю лексему фіксуємо із синкретичним значенням: контекст засвідчує імпліцитність

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 102
из 378](#)

семи 'ароматний напій із висушених листочків чаю' в лексемі *чай* «чаювання»: *Рано прибыль въ дворець ісаевскій и тамъ послъ чаю ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообъдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали* (с. 125).

Рідким продуктом харчування тваринного походження, який, окрім приготування з нього інших продуктів, п'ють, є молоко. На цій підставі зараховуємо номен *молоко* до групи назв безалкогольних напоїв: *На молебствіе у Вознесенія 40 к., на молоко для дѣтей 3 к.* (с. 30).

Отже, у «Щоденнику» зафіксовано значну кількість назв напоїв, що функціювали в українській мові в першій половині XVIII ст. Квантитавний параметр свідчить про переважання групи назв хмільних напоїв, а структурний – однослівних номінацій на двослівними.

Список використаної літератури

1. Яценко, С. Назви хмільних напоїв в українській мові XIV–XVII ст. / С. Яценко // Українська мова. – 2009. – № 2. – С. 49–55.
2. Козырева, З. Г. История названий продуктов питания и пищи в украинском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / З. Г. Козырева. – Киев, 1984. – 25 с.
3. Крижко, О. А. Развитие семантики побутовой лексики украинских летописей конца XVII – начала XVIII столетия (назвы їжі, напоїв, продуктів харчування) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / О. А. Крижко. – Київ, 1997. – 17 с.
4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 14 : Ігдзе – Катуючый / склад. Т. І. Блізнюк [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 301 с.
5. Історія української мови. Лексика і фразеологія / під ред. В. М. Русанівського. – Київ : Наук. думка, 1983. – 744 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 103
из 378](#)

NOMINA AGENTIS У «ЩОДЕННИКУ» ГЕНЕРАЛЬНОГО ХОРУНЖОГО МИКОЛИ ХАНЕНКА

Українські науковці активно студіюють тематичну групу назв осіб за родом діяльності. Це стосується як синхронії, так і діахронії. Прикметним залишається той факт, що основу досліджень становлять пам'ятки ділового письменства, тоді як художня література, регіональні тексти залишаються все ще поза увагою мовознавців. Загалом історію цих назв представлено в академічному виданні «Історія української мови. Лексика і фразеологія» [1, с. 422–465, 477–504]; докладніше проаналізувала назви осіб в українській мовній традиції XVI–XVIII ст. О. В. Кровицька [2]; на матеріалі «Актив Полтавського полкового суду (1683–1740 рр.)» структурно-семантичну характеристику цих назв здійснила Л. А. Москаленко [3] та ін. Нашу увагу привернула пам'ятка української мови першої половини XVIII ст. – «Щоденник» генерального хорунжого Миколи Ханенка з кількох причин: по-перше, «Щоденник» є різновидом епістолярного стилю, що, крім чіткої хронологічної вісі, не обмежує його автора більше нічим; по-друге, автор «Щоденника» – людина, яка посідала високе місце в тодішній українській суспільній ієрархії, а це свідчить про індивідуальну вербалізацію української мовної картини світу, а не колективно-шаблонну, що можна спостерегти, наприклад, в актах, грамотах та ін.; по-третє, автор «Щоденника» у службових справах бував за межами України, фіксує нові слова, що, можливо, так потрапили в українську мову.

Хронологічно перетинаються з досліджуваною нами пам'яткою «Акти Полтавського полкового суду». Л. А. Москаленко виокремлює 20 семантичних груп, зокрема: назви осіб, що пов'язані з державно-адміністративною службою; назви осіб, що пов'язані з військово-адміністративною службою; назви осіб, пов'язаних із судочинством та ін. [3, с. 267–270]. Зрозуміло, що мікрогрупи на позначення адміністративно-управлінської (світської, церковної) та військової сфер становлять у «Щоденнику» ядро аналізованої групи. У нашій розвідці охарактеризуємо семантичні та словотвірні особливості «робочих» найменувань. Пам'ятка (а для дослідження ми взяли записи за 1727, 1730, 1731 та 1732 рр.) засвідчує розмаїття спеціальностей та їхніх номінацій. Власне, тільки кілька назв репрезентують узагальнену семантику «особа, яка виконує роботу»: *подрядчики* (с. 25; тут і далі подаємо номер сторінки за виданням: *Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка. – Київъ, 1884. – 584 с.*); *слузъ* (с. 38); *ремесникамъ* (с. 41).

Інші аналізовані нами лексеми позначають осіб за конкретним родом діяльності: 1) назви осіб, пов'язаних із лікуванням: *штапъ-лѣкаръ* (с. 3); *доктора* (с. 24); *лекаръ* (с. 56); *лѣкаръ* (с. 73); 2) назви осіб, пов'язаних із косметично-лікувальними процедурами: *Цилюрниковъ* (с. 19); *Цирулику* (с. 41); *цилюрику* (с. 52); 3) назви осіб, пов'язаних із шиттям взуття: *шевцю* (с. 10); 4) назви осіб, пов'язаних обробкою дерева і виготовленням виробів із нього: *столяру* (с. 10); *снѣцару* (с. 29); *теслямъ* (с. 25); *плотнику* (с. 55); 5) назви осіб, пов'язаних із торгівлею: *шинкаря* (с. 7); 6) назви осіб, пов'язаних із малярством: *маляремъ* (с. 11); 7) назви осіб, пов'язаних із виготовленням ювелірних виробів: *золотару* (с. 10); *Золотарю* (с. 25); 8) назви осіб, пов'язаних з обробкою металів та

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 104
из 378](#)

виготовленням виробів із них: *слесарь* (с. 40); *коваль* (с. 40); *кузнець* (с. 55); 9) назви осіб, пов'язаних із чеканенням: *чеканицьку* (с. 35); 10) назви осіб, пов'язаних із догляданням за стайнею: *подводника* (с. 12); *конюшого* (с. 22); 11) назви осіб, пов'язаних із різними перевезеннями: *маишталъру* (с. 22); *извоицькамъ*, *перевозицькамъ* (с. 47); 12) назви осіб, пов'язаних із виробництвом возів, саней: *стелмаху* (с. 12); 13) назви осіб, пов'язаних із виготовленням зброї: *шабелника* (с. 16); 14) назви осіб, які склять вікна: *шкляръ* (с. 25); 15) назви осіб, пов'язаних із виробленням спиртних напоїв: *пивовару* (с. 28); 16) назви осіб, пов'язаних із виготовленням бочок: *бондару* (с. 29); 17) назви осіб, пов'язаних із переробкою тварин чи їхньої продукції на первинні продукти тваринництва: *рѣзникъ* (с. 29); 18) назви осіб, пов'язаних із пошиттям виробів із тканини: *швачки* (с. 28); *кравцямъ* (с. 29); *кравцямъ* (с. 40); 19) назви осіб, пов'язаних із приготуванням страв: *кухару* (с. 29); *стряпчимъ* (с. 81); 20) назви осіб, пов'язаних із фарбуванням: *фарбилниця* (с. 40); 21) назви осіб, пов'язаних із книговидавництвом: *інтроліогатору* (*переплетчику*) (с. 40); 22) назви осіб, пов'язаних із виробництвом свічок: *свѣчарцѣ* (с. 42); *воскового майстера* (с. 85); 23) назви осіб, пов'язаних із квітникарством: *огородникъ* (с. 59); 24) назви осіб, пов'язаних із виготовленням головних уборів: *шапочнику* (с. 43); 25) назви осіб, пов'язаних із музичним мистецтвом: *гобоистамъ* (с. 43); *бандористъ* (с. 53); *трубачи*, *литаврами* (с. 53); 26) назви осіб, пов'язаних із доставкою кореспонденції: *куріеромъ* (с. 44); 27) назви осіб, пов'язаних із перекладом: *переводчика* (с. 45); *транслятори* (с. 61); 28) назви осіб, пов'язаних з освітою: *учителю* (с. 68); 29) назви осіб, пов'язаних із переписуванням паперів: *копіистъ* (с. 63); 30) назви осіб, пов'язаних із пранням білизни: *портмои* (с. 76); *праць* (с. 84); 31) назви осіб, пов'язаних із виготовленням мотузки: *линнику* (с. 11); 32) назви осіб, пов'язаних з охоронною діяльністю: *сторожъ* (с. 38).

Частина *nomina agentis* поступово онімізувалися, перетворившись на прізвищеві назви, що дозволяє з останніх поповнити аналізовану групу новими лексемами: *Степану Римару за роботу коло старої кулбаки, и до новой за послиска и что направоваль де що золот. 1, а шаговъ 5* (с. 25) – *римар* ‘майстер, який виготовляє ремінну зброю’ [4, т. VIII, с. 535]; *У Савки Кожемяки взята шкура яловичая въ 8-ми гривнахъ* (с. 29) – *кожум'яка* ‘майстер, що виробляв сирицю; мнець’ [4, т. IV, с. 208]; *Семену слюсару въ отработокъ напередъ дано золот. 1* (с. 25) – *слюсар* ‘робітник, який обробляє метали ручним або механізованим інструментом’ [4, т. IX, с. 385].

Наведений матеріал репрезентує назви осіб за родом діяльності як чоловічої, так і жіночої статі. Словотвірний аналіз засвідчує, що більшість назв утворено суфіксальним способом. Продуктивністю позначені суфікси *-ар* (*лѣкаръ*, *столяръ*, *снѣцаръ*, *золотаръ*, *бондаръ* та ін.), *-ник* (*ремѣсникъ*, *цилюрникъ*, *шабельникъ*, *подводникъ*, *линникъ*, *огородникъ* та ін.). Звертає на себе увагу, що частина номенів на позначення жінок утворена від номенів на позначення чоловіків (*свѣчкарка*, *фарбилниця*), почасти зазнаючи змін у семантиці (*швачка* – «фахівець із пошиття одягу» замість очікуваного «фахівець із пошиття взуття»). У синонімічні відношення вступають питомі і запозичені лексеми (*лѣкаръ* – *докторъ*, *маишталъръ* – *извоицькъ*, *переводчик* – *трансляторъ*, *столяръ* – *снѣцаръ* – *тесля* – *плотникъ*, *інтроліогаторъ* – *переплетчикъ*), одно- і кількаслівна номінації (*свѣчкарка* – *восковий майстер*).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 105
из 378

Отже, «Щоденник» генерального хорунжого Миколи Ханенка цінний для вивчення становлення різновиду епістолярного стилю – щоденнику. Водночас він, як і вірші Климентія Зиновієва, є своєрідною «виробничою» енциклопедією життя українців початку XVIII ст., засвідчуючи різноманіття *nomina agentis*, що успадкувала нова українська мова, в якій вони продовжують функціонувати як апелювати та пропріативи.

Список використаної літератури

1. Історія української мови. Лексика і фразеологія / під ред. В. М. Русанівського. – Київ : Наук. думка, 1983. – 744 с.
2. Кровицька, О. Назви осіб в українській мовній традиції XVI–XVIII ст.: Семантика і словотвір / О. Кровицька. – Львів, 2002. – 213 с.
3. Москаленко, Л. Назви осіб за родом діяльності в «Актах (протоколах) Полтавського полкового суду» (1683–1740 рр.) / Л. Москаленко // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні : зб. наук. ст. – Київ, 2012. – Вип. 21, ч. 1. – С. 266–273.
4. Словник української мови : в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наук. думка, 1970–1980. – 11 т.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 106
из 378](#)

РИТОРИКА ЭПОХИ БАРОККО КАК НОРМАТИВНО-ДЕСКРИПТИВНАЯ ИНСТАНЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Утверждение высокого статуса риторики в XVII в. объясняется, прежде всего, тем, какую большую роль придавало эпоха барокко слову, которое было воспринято как основное средство преобразования окружающей действительности. Идеи правят миром, но правят через слово. Ориентация на развитие творческих способностей была обусловлена конечной целью образования. Этой целью было воспитание общественной элиты, шляхтичей и горожан, которые бы свободно пользовались устным и письменным словом и могли бы в зависимости от ситуации красиво сказать как в стихах, так и в прозе [1, с. 16].

Расцвет риторики и повышение ее роли в обществе в XVI–XVII вв. непосредственно связан с расширением роли образования на территории Великого Княжества Литовского. Однако следует отметить, что, несмотря на существование православных братских школ, знакомство с риторическим учением в Беларуси, как и в других восточнославянских странах, происходит благодаря утверждению иезуитской системы образования [2, с. 157]. В стенах иезуитских коллегий риторическое знание трактовалось как средство, регулировавшее общественно-речевую практику, дававшее образцы создания устных и письменных речей текстов, поведение ратора – это поведение общественного деятеля. В рамках курса риторики учили деловой и частной переписке, ведению публичных и частных разговоров, диспутов, составлению речей на заданную тему по образцам античных авторов, составлению речей на разные случаи жизни: благодарности, приветствия, поздравления [3, с. 40].

С. Беднарски отмечает, что «иезуитская риторика XVII–XVIII вв. была наукой гражданской, практическая точка зрения брала верх над теорией речи, стесняла ее и ограничивала до определенных размеров» [4, с. 408]. В отличие от античности, которая утверждала, что «ораторами становятся, поэтами рождаются», в европейском средневековье считали, что «каждый может научиться красноречию и стилю, стать оратором и поэтом» [5, с. 215]. Способности и навыки составления произведений, особенно окказиональных, пользовались широким спросом в шляхетском, магнатском и зажиточном городском быту в условиях расширения влияния меценатства.

Утверждение риторики подкреплялось исключительным статусом нормы – нормы поведения, нормы мышления и т. д. – в общественном сознании. Причем если в первой половине XVII в. риторика является частью придворного церемониала, то к концу XVII в. процесс риторизации затрагивает практически все сферы общественной жизни: «риторическое» поведение ставится в центр многих культурных взаимоотношений. «В XVII в. каждый “гражданин” должен быть риторически образованным и только риторическое образование может предоставить ему соответствующее место в государственной структуре» [6, с. 126]. Прежде всего, этот тезис относится к светскому обществу, где формируется искусственный этикет, искусственный язык, искусственный кодекс жизненных ценностей, выстроенные по риторической парадигме и противопоставленные

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 107
из 378](#)

естественному, «необработанному», природному языку общения, жизненного поведения. Владение искусством красноречия становится в общественном сознании не просто проявлением высшей мудрости, но и привилегией воспитанного светского человека.

Риторизация затрагивает и каждодневный быт дворянства, внося в него элемент театральности и выстроенности, образуя во многих случаях «целостную программу личного поведения» [7, с. 78], для которой характерно стремление их авторов (исполнителей) внести в свою жизнь определенную сюжетность согласно риторической парадигме избранного образца. Идея образца, модели для подражания становится всеобъемлющей, и потому в XVII в. попросту невозможна идея индивидуального – как стиля, так и поведения. Естественным и закономерным в такой культурной ситуации является интерес к риторике как науке, как своего рода теоретическому обоснованию *decorum*-мышления (термин Р. Лахманн [6, с. 168]), т. е. соответствующего способа восприятия действительности и социального поведения.

Кроме того, для неориторики XX в. характерно представление о риторике не только как об искусстве публичного выступления или искусстве убеждения, как о теории ораторского искусства, но и как о кодификации константных механизмов мышления, выполнявшей роль грамматики культуры на всех этапах ее развития.

Р. Лахманн предлагает «для определения статуса риторики как дисциплины выделить <...> четыре аспекта: риторика как искусство убеждающей речи; риторика как учение в институциональном смысле; риторика как дескриптивная инстанция; риторика как нормативная инстанция» [2, с. 6].

В качестве дескриптивной и нормативной инстанции риторика, продолжает Р. Лахманн, выполняет, с одной стороны, функцию автоописания культуры, с другой стороны – функцию нормирования и организации культуры. И в этом случае риторика выступает как метатекст, который, с одной стороны, формулирует нормы вербального и невербального поведения и тем самым играет роль организующего начала, способствуя консолидации культуры, с другой стороны, выступает в качестве самосознания культуры.

Риторика барокко, как отмечает Н. Б. Мечковская в своем докладе «Риторика в культурах западных и восточных славян. Тенденции развития в XV–XVII ст.», выступает как «ведущий нормативный принцип социальной коммуникации (в том числе и невербальной) и содействует коммуникативному структурированию культуры. Охватывая все возможные ситуации, разделяя объекты мира на высокие, средние и низкие, риторика находит и углубляет соответствующую трехчленную иерархию синонимических средств речи (высокий, средний и низкий стили) и предписывает определенную стратегию их выбора» [8, с. 4]. Под воздействием риторики формировались коммуникативные, этические и эстетические нормы. О воздействии риторики на общество свидетельствует степень проникновения риторического образования в повседневную жизнь и сознание людей.

Благодаря риторическому образованию увеличивалась роль коммуникации в обществе, культивировались ученые, утонченные формы речи. Исследователь истории риторики З. Рындух приводит свидетельство польского теоретика красноречия Яна Квяткевича, который говорит, что в то время охотнее слушали то, что было острым, выразительным, доступным [9, с. 34]. М. Радау в своем трактате «*Orator extemporaneus*» писал: «...В таком уж веке мы живем, что без орации ничего не предпринимается и не осуществляется» [цит. по: 9, с. 34]. Изучение

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 108
из 378](#)

риторики на образцовых примерах античных и современных авторов, овладение принципами составления произведений содействовало распространению общей литературно-эстетической эрудиции и вкуса. Помимо этого, риторика брала на себя функции своеобразного учебника общественного воспитания. Это подтверждается наличием в некоторых пособиях по риторике разнообразных практических сведений об обычаях шляхты, гербах, генеалогии и т. д. [10, с. 200].

Список использованной литературы

1. Прыстаўка, Я. У. Лацінскі трактат Мацея Казіміра Сарбеўскага «Аб вастрыні і досціпе» (1619–1623 гг.) і яго месца ў гісторыі ведаў аб мове і камунікацыі / Я. У. Прыстаўка. – Мінск : БДУ, 2012. – 163 с.
2. Лахманн, Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического / Р. Лахманн ; пер. Е. Аккерман, Ф. Полякова. – СПб. : Акад. проект, 2001. – 368 с. – (Серия «Современная западная русистика» ; т. 34).
3. Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т. Б. Блинова. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 427 с.
4. Bednarski, S. Upadek i odrodzenie szkół jezuickich w Polsce. Studium z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego / S. Bednarski. – Kraków : Wydaw. księży jezuitów, 1933. – 537 s.
5. Bieńkowski, T. Szkolne wykształcenie wobec wymogów praktyki XVIII wieku (Uwagi o funkcji retoryki w Polsce w XVI i XVII w.) / T. Bieńkowski // Retoryka a literatura. Studia staropolskie. – Wrocław etc., 1984. – Т. 50. – S. 211–216.
6. Лахманн, Р. Два этапа риторики «приличия» (decorum): Риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича / Р. Лахманн // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. – М. : Наука, 1989. – С. 149–169.
7. Лотман, Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1977. – Вып. VIII. – С. 65–89.
8. Мячкоўская, Н. Б. Рыторыка ў культурах заходніх і ўсходніх славян. Тэндэнцыі развіцця ў XV–XVII стагоддзях / Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 35 с.
9. Rynduch, Z. Nauka o stylach w retorykach polskich XVII wieku / Z. Rynduch. – Gdańsk, 1967. – 133 s.
10. Montusiewicz, R. Kultura retoryczna kolegiów w XVII i połowie XVIII wieku / R. Montusiewicz // Retoryka a literatura. Studia staropolskie. – Wrocław etc., 1984. – Т. 50. – S. 193–210.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 109
из 378](#)

О. А. БОЙЧИК (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, кандидат филологических наук, доцент

ЗМЕЯ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ ЗООМОРФНОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В рамках антропоцентрической парадигмы активно исследуется проблема языка и культуры. Современная наука рассматривает язык как инструмент групповой стереотипизации поведения, как систему кодирования и передачи культурно-семантической информации.

Одним из базовых лингвокультурологических понятий выступает **код культуры** (культурный код). Он, по образному определению В. В. Красных, есть некая невидимая «сетка», которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [1].

Учёными выделяются такие культурные коды, как соматический, пространственный, временной, предметный, духовный, антропоморфный и др. Среди базовых также называют код биоморфный, который в свою очередь распадается на коды фитоморфный, связанный с растительным миром, и зооморфный.

Последний – неотъемлемое звено в человеческом бытии. Зооморфный код представляет интерес тем, что «активизирует в сознании образы животных, птиц, насекомых, которые в составе языковых единиц репрезентируют, в первую очередь, качества и черты характера самого человека» [2, с. 94]. Данный код представлен целым комплексом подкодов; один из них – **подкод «гады»**.

Специалист в области этнолингвистики А. В. Гура в своей работе «Символика животных в славянской народной традиции и культуре» [3] относит к «гадам» в основном пресмыкающихся и земноводных (лягушка, черепаха и др.), но также насекомых и некоторых других животных, в т. ч. мышей и змееподобных рыб (вюн, угорь), червей и гусениц. Однако среди этих живых существ ключевым персонажем является змея. Именно о нём и пойдет речь.

В современном русском языке зооним *змея* представлен весьма многообразно. Во-первых, как «готовая» лексема. Это существительное *змея* в значении ‘пресмыкающееся животное с длинным телом, без ног’ и его варианты – *змея* (книжн., устар.) и *змий* (книжн., устар.) в том же значении.

Во-вторых, данное слово формирует сильноразвёрнутое словообразовательное гнездо, в котором более 30 дериватов: *змея/змея* – *змеёк* ‘уменьш. ласк. к сущ. змей’, *змейка* ‘уменьш. к сущ. змея’, *змеиковый* ‘прил. к сущ. змей’, *змеичатый* ‘прил. к сущ. змей’, *змеёнок* ‘детёныш змея’, *змеёныш* ‘детёныш змея’, *змеев* ‘принадлежащий змею’, *змеиный* ‘прил. к сущ. змея’, *по-змеиному* (нар.) ‘так, как характерно для змеи’, *змеиношейный* ‘с шеей, как у змеи’, *змеистый* ‘напоминающий движущуюся змею’, *змеёвый* ‘прил. к сущ. змей’, *змеичатый* ‘напоминающий змею’, *змеиться* ‘виться, простираться наподобие ломаной извилистой линии’, *змееподобный* ‘похожий на змею’ и др.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 110
из 378](#)

В-третьих, зооним *змея* функционирует в виде своих семантических производных (их 6): *змея*, *змея* (перен.) ‘коварный, злой человек’; *змеюка* (перен.) ‘злой, необрый человек’; *змеёнок*, *змеёныш* (перен.) ‘хитрый, злобный ребёнок’; *змеиться* ‘блуждать, скользить (обычно в улыбке)’.

В-четвёртых, лексема *змея* достаточно активно употребляется в устойчивых единицах (последний термин мы употребляем в его самом широком понимании, включая номинативные словосочетания и поговорки, т. е. пословицы и поговорки, приметы) – всего нами зафиксировано 35 таких примеров: *змея подколотная* (груб.-прост.) ‘злобный, коварный, опасный’; *Змея Горыныч* ‘мифическое существо, крылатое чудовище с туловищем змеи, являющееся воплощением зла и насилия’, *извиваться змеёй* ‘угодничать, заискивать, льстить’ либо ‘хитрить, изворачиваться, пытаться оправдать себя’; *змея лютая* (народно-поэт.) ‘о том, что постоянно досаждают, тяготит’; *отогреть/пригреть змею на груди/шее* ‘проявлять внимание, заботу, любовь к человеку, который впоследствии платит неблагодарностью’; *змея по куму* ‘человек, постоянно имеющий свою долю в преступлении, совершаемом группой, в которую он входит’; *змеиная векша* ‘о непоседливом ребёнке’; *Змея приползла в дом – к смерти хозяина или хозяйки*; *Змея приснилась – к беде и др.* Интересно, что лишь пословица *Жена да муж – змея да уж* ‘одна порода, заодно’ несёт в себе положительную характеристику.

В-пятых, *змея* является персонажем ряда произведений **сказочной прозы**. Так, в сборнике А. Н. Афанасьева «Русские народные сказки» [4] из 264 сказок в 10 встречается лексема *змея/змея*, например: в сказке «Волшебное кольцо» читаем: «*красная девица ударилась оземь, обернулась змею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи*»; «Про перстень о двенадцати винтах»: «*взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он её, глядит – а перед ним не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему*»; «Царевна-змея»: «*тотчас красная девица оборотилась змеёй, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы*» и др.

С лингвокультурной точки зрения наиболее интересны образно-переносные значения слова. У зоонима *змея* установлены их четыре группы: «Человек», «Животное», «Действие», «Погодные условия».

1. «**Человек**». Образные средства, фиксирующие представления о различных характеристиках человека, представлены достаточно широко и распадаются на следующие подгруппы: «особенности характера», «физическое состояние», «морально-нравственные ценности» и «гендерная принадлежность».

Так, **особенности характера** человека отрицательно коннотируют устойчивые единицы: *змеев брат* ‘о хитром, изворотливом человеке’; *змеиный выползок* ‘о злом человеке’; *змеиный сидор/змеиная шелуха* ‘о человеке, вызывающем гнев, возмущение’; *змея ползучая* ‘о сердитом, злопамятном человеке’; *Змей/Змий-искуситель* (разг., ирон.) ‘о коварном, опасном человеке’; *змея громовой* ‘о человеке, вызывающем гнев, досаду, возмущение’; *змея беспутный/рогатый/вострокопытный* ‘характеристика отрицательного человека’; *змеиный язык* ‘о злобном человеке, клеветнике’; *змеиный лоб* ‘о непорядочном человеке’; *змеиная голова* ‘о непорядочном человеке’; *змеиная улыбка* ‘о человеке с дурными намерениями.

Для передачи **физического состояния человека** (состояния алкогольного опьянения) используется фразеологизм *до зелёного змия* (устар.) ‘мертвецки, до галлюцинаций, нервного расстройства и т. п.’

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 111
из 378

К сфере **морально-нравственных ценностей** относится примета *Убить змею – снять с себя сорок грехов*.

Для обозначения **гендерной принадлежности** используются следующие семантические производные:

а) о представителях мужского пола: *змеёныш* ‘молодой человек, подросток, ребёнок, совершивший что-либо отвратительное, мерзкое’; б) о представителях женского пола: *змеюка* ‘о злой, коварной женщине’.

2. В группе образно-переносных значений **«Животное»** отмечены фразеологизмы с отрицательной коннотацией: *змея глухая* ‘о домашнем животном, доставляющем какие-либо неприятности хозяину’; *змеи сипатый* ‘о непослушном животном’.

3. Третья группа – **«Действие»** – включает языковые единицы, метафорически характеризующие способ совершения действия: *передвигаться змеей* в значении ‘образуя извивы, кольца, зигзаги’; *змеиться* ‘тянуться извилистой линией’.

4. В последнюю, четвертую группу **«Погодные условия»** входят приметы, связанные с погодой: *Змеи появились слишком рано – лето будет дождливым; Если часто видеть летом змей в сухих местах, осень будет сухой; если видеть во влажных – дождливой*.

Итак, ключевой персонаж подкода «гады» – змея – предстает весьма неоднозначным: он сочетает в себе мужское и женское, отрицательное и положительное начала, огненную и водную символику и т. д. [1]. Более того, вербализация подкода «гады» ещё раз подтверждает факт, что система культурных кодов являет собой ряды перекрывающих друг друга знаковых систем традиционной культуры. Так, в нашем исследовании в группе «Человек» присутствует характеристика его поведения, состояния – и можно утверждать, что зооморфный культурный код накладывается на эмоционально-характерологический и поведенческий коды. Группа «Действие» переплетается с акциональным кодом, а группа «Погодные условия» – с субстантивным кодом.

Список использованной литературы

1. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) [Электронный ресурс] / В. В. Красных. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_19_01krasnich.pdf. – Дата доступа: 30.04.2019.
2. Бойко, Л. Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений [Электронный ресурс] / Л. Г. Бойко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnyy-kod-kultury-v-semantike>. – Дата доступа: 07.04.2019.
3. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
4. Афанасьев, А. Н. Русские народные сказки [Электронный ресурс] / А. Н. Афанасьев. – Режим доступа: <http://www.kirskaz.ru/afanasiev/sk-afanasieva163.html>. – Дата доступа: 11.05.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 112
из 378

Р. Н. ГОМОНОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Т. М. Лянцевич, кандидат филологических наук, доцент

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-«ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»

В настоящее время изучение функциональных свойств языковых единиц в художественном тексте является одним из ведущих направлений лингвостилистики. Местоимения принадлежат к наиболее изученной области современной грамматики и стилистики текста. Однако особенности семантики и функционирования данной части речи в рамках поэтического текста обусловили актуальность исследования стилистических функций местоимений в идиостилиях Р. Рождественского и Е. Евтушенко.

В лирической поэзии «главным» местоимением является личное местоимение 1-го л. **я**, так как оно связано со способом выражения лирического героя. Выделяются следующие типы лирического **я** в поэтическом тексте: «собственное **я**» («личностное **я**», «функциональное **я**», «сопоставительное **я**») и «чужое **я**» («**я** лирического персонажа», «опредмеченное **я**», «**я** олицетворенного персонажа») [1]. В поэтических произведениях Р. Рождественского и Е. Евтушенко можно обнаружить такие случаи употребления местоимения 1-го л. ед. ч., когда референтом выступает «собственное **я**»: 1) «личностное **я**», при этом сам говорящий воспринимает жизнь во всех ее проявлениях, автор выражает свое мнение, говорит непосредственно от себя: ***Я** тебе желаю счастья, добрая моя, долгая любовь моя!* (Р. Рождественский «Ноктюрн»); *...я чувствую, / как медленно седею...* (Е. Евтушенко «Бабий яр»); 2) «функциональное **я**», в данных стихах поэты осмысливают свое предназначение, свою роль в различных сферах жизни – в поэзии, в судьбе другого человека, народа: ***Я** – / безоговорочно и бесповоротно – / капля / в океане моего народа. / **Я** в Державу верую – / вечную! / По национальности / **я** – / советский!* (Р. Рождественский «О национальности»); ***Я** – призрак. **Я** уже не разобьюсь. / Но ты – живая. За тебя боюсь* (Е. Евтушенко «Последняя попытка»); 3) «сопоставительное **я**», когда лирический герой сравнивается с реальными историческими лицами: *Мне кажется сейчас – / **я** иудей. / Вот **я** бреду по древнему Египту. / А вот **я**, на кресте распятый, гибну... / Мне кажется, что Дрейфус – / это **я**... / Мне кажется – / **я** мальчик в Белостоке... Мне кажется – / **я** – это Анна Франк...* (Е. Евтушенко «Бабий яр»), *И **я** – Есенин, / но совсем иной* (Е. Евтушенко «Памяти Есенина»). «Чужое **я**» в стихотворениях Р. Рождественского и Е. Евтушенко представлено через 1) «**я** лирического персонажа», когда в стихотворениях есть рассказчик и лицо, от чьего имени ведется повествование, часто они прямо указывается в названии стихотворения: ***Я** – кинодублёр. / Не слышал / о профессии этой?.. / А рядом снимаются / крупные планы / героя. / **Я** – мышцы его. / **Я** – бесстрашие его. / **Я** – решимость. / **Я** – кинодублёр* (Р. Рождественский «Признание кинодублера»); 2) «опредмеченное **я**», представляющее предмет: ***Я** кошелек. / Лежу **я** на дороге. / Лежу один посередине дня* (Е. Евтушенко «Я кошелек. Лежу я на дороге...»); 3) «**я** олицетворенного персонажа», когда действие, состояние, составные части персонифицируемого предмета, животного, явления или отвлеченного понятия представляются

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 113
из 378](#)

как действия, состояния человека: **Я** – / последний из львов... / **Я** тебя не пугаю. / Но очень уж сети / крепки... / **Я** с сидящей гривы / срываю корону Царя! (Р. Рождественский «Монолог царя зверей»). Особый интерес представляют собой стихотворения, в которых лирический герой поэта-мужчины говорит от лица женщины: **Я** не ведаю, / что со мною. / Отчего она так растет – / сладка ягода / лишь весною. / Горька ягода – / круглый год... / Сладку ягоду / рвали вместе. / Горьку ягоду – / **я** одна (Р. Рождественский «Сладка ягода»). Таким образом, в контексте поэтических произведений того или иного поэта обнаруживается несколько способов семантизации местоимения **я**, которые имеют немаловажное значение для выражения характера лирического героя, понимания его становления как личности, его развития.

Местоимение **ты** несет в лирике особую смысловую и художественную нагрузку. Личное местоимение **ты** содержит в своем значении отсылку к слушающему, то есть к тому лицу или лицам, к которым обращается говорящий. Местоимения 2-го л. в лирических стихотворениях осуществляют апеллятивную функцию, заключающуюся в обращении к слушателю, в побуждении его к восприятию речи, и является вторым (после «я лирического героя») «семантическим центром» стихотворения [1]. В поэтических произведениях Р. Рождественского и Е. Евтушенко для местоимения 2-го л. ед. ч. характерны следующие особенности употребления: 1) «**ты** лирического конкретного собеседника», когда конкретным собеседником может выступать отдельный человек или животное: *Вырастешь, Ксения, / строки эти прочти... / Целый час **ты** живёшь на земле. / Прими её* (Р. Рождественский «Ксении»); *Мне от **тебя** немного надо, Маша, / и очень много – чтобы **ты** была* (Е. Евтушенко «Маша»); 2) «**ты** отвлеченного собеседника», в качестве которого обычно выступает или предмет, или отвлеченное понятие, а неодушевленные предметы наделяются человеческими чертами: *Под шелест листьев и афиш / **ты** спишь, Нью-Йорк, **ты** спишь, Париж* (Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны»); *Я прошу, / хоть ненадолго, / грусть моя, / **ты** покинь меня!* (Р. Рождественский «Песня о далекой Родине»); 3) «любовное **ты**», когда адресатом является любимый или любимая, символический образ: *И мне до **тебя**, где бы **ты** ни была, / дотронуться сердцем нетрудно* (Р. Рождественский «Эхо любви»); *...и хорошо, что **ты** не веришь, / как сильно я **тебя** люблю* (Е. Евтушенко «Есть пустота от смерти чувств»); 4) «**ты**, тождественное **я**», когда поэт обращается к себе или к обобщенному собеседнику: *Не сможешь **ты** уйти от этого огня! / Не спрячешься, не скроешься – / Любовь **тебя** настигнет!* (Р. Рождественский «Любовь настала»); 5) «функциональное **ты**», когда поэты в своих лирических произведениях характеризуют отдельных людей, размышляют о долге и ответственности, добре и зле, жизни и смерти: *Стенька, Стенька, / **ты** как ветка, / потерявшая листву. / Как в Москву хотел **ты** въехать! / Вот и въехал **ты** в Москву...* (Е. Евтушенко «Казнь Стеньки Разина»).

Местоимение **мы** в произведениях Р. Рождественского и Е. Евтушенко выступает как 1) «обобщенное **мы**»: *Мы были большими, как время. / Мы были живыми, как время. / Теперь – / **мы** в легендах прославленных дней. / Теперь – / **мы** в поэмах и прозе. / Теперь – / **мы** в граните и бронзе. / Теперь – / **мы** в безмолвье / могильных камней* (Р. Рождественский «Песня павших в бою»); *Мы русские. Мы дети Волги. / Для нас значения полны* (Е. Евтушенко «Волга»); 2) «любовное **мы**»: *Любимая, спи... / Позабудь, что **мы** в ссоре. / Представь: / просыпаемся. / Свежесть во всем. / Мы в сене. / Мы сони* (Е. Евтушенко «Любимая, спи!»); 3) «отвлеченное **мы**»:

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 114
из 378

Мы – эхо, / Мы – эхо. / Мы – долгое эхо друг друга... / Мы – нежность, / Мы – нежность. / Мы – вечная нежность друг друга. / Мы – память, / Мы – память. / Мы – звёздная память друг друга (Р. Рождественский «Эхо любви»). Особый интерес вызывают стихотворения, где поэт-мужчина говорит от женского *мы*: *Но есть / небольшая разница: / мы с мальчиками / расходимся. / Они / зазубрили начисто, / вчитываясь в Ремарка...* (Р. Рождественский «Жалею, жалею девочек...»).

Местоимение *вы* содержит в своем значении отсылку к слушающему или к слушающим, к группе лиц, а также в поэзии *вы* используется при обращении к неодушевленному адресату, абстрактному понятию, выполняющие следующие стилистические функции: 1) «*вы* лирического собеседника»: *А вы трусливых не слушайте, / Вы их сдуйте как пену, / Если вы есть – будьте лучшими, / Если вы есть – будьте первыми!* (Р. Рождественский «Если вы есть – будьте первыми»); *Никто не спросит: «Вы куда?» – / лишь: / «Кем вы?»* (Е. Евтушенко «Вальс на палубе»); 2) «отвлеченное *вы*»: *Сказки, знаю нас – напрасно вы не молвитесь! / Ведь недаром сон я помню до сих пор...* (Е. Евтушенко «Дворец»).

Определенную стилистическую нагрузку несут личные местоимения 3-го л., замещая упомянутые ранее предметы, явления, лица: *Как жалок и неточен / был учебник! / Как он пугал меня!* (Р. Рождественский «Кочевники»); *Океан – / бескраен. / Он занят* (Р. Рождественский «Отлив»); *Любовь таилась в глубине, она ждала – / И вот проснулась и глаза свои открыла!* (Р. Рождественский «Любовь настала»); *...осторожно и бережно / трону струну. / И она отзовется, / зазывно звеня...* (Р. Рождественский «Пой, гитара»); *Делать дело. / Оно тебя само / построит* (Р. Рождественский «Я строил из себя»); *Это женщины России. / И бетон они месили, / и пахали, и косили... / Все они переносили, / все они перенесут* (Е. Евтушенко «В магазине»).

Таким образом, в поэзии Р. Рождественского и Е. Евтушенко присутствуют все виды личных местоимений, обозначающих лирических собеседников и выполняющих дейктическую, анафорическую, апеллятивную, отвлеченную, заменительную функции. Личные местоимения не только являются средством грамматической связи частей предложения и предложений в художественном тексте, но и выступают как выразительные средства в поэтической речи, передавая различные экспрессивные оттенки и способствуя выражению авторской оценки персонажей.

Список использованной литературы

1. Мурашева, О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте [Электронный ресурс] / О. П. Мурашева // Ярослав. пед. вестн. – 2004. – № 1–2 (38–39). – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/23_3. – Дата доступа: 29.03.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 115
из 378

А. С. ГУРБАНОВА (г. Гродно, ГрГМУ)

Научный руководитель – Е. П. Пустошило, кандидат филологических наук, доцент

КЛЯТВА ГИППОКРАТА. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гиппократ – один из величайших врачей Древнего мира. Он оставил нам в наследство большое количество сочинений, которые объединены в сборник под названием «Гиппократов корпус». В его состав входит более 60 книг, посвященных самым разным разделам медицины. Считается, что большинство книг были написаны между 430 и 330 годами до н. э.

Клятва Гиппократа является особо ценным документом, освещающим врачебный быт медицинских школ в эпоху Гиппократа. В древние времена медицина была семейным делом. Затем рамки ее расширились, врачи стали брать учеников со стороны. Вступая во врачебный цех, или корпорацию, врач должен был вести себя соответствующим образом: воздерживаться от всяких предосудительных действий и не ронять своего достоинства. Несомненно, Гиппократова клятва была вызвана необходимостью отмежеваться от врачей-одиночек, различных шарлатанов и знахарей, которых в те времена было немало, и обеспечить доверие общества врачам определенной школы.

В начале клятвы упоминаются имена богов, которых человек, приносящий клятву, «берет в свидетели» [1]. Во времена Древней Греции, когда была создана клятва, было естественным отдавать дань уважения богам. Без обращения к богам, которых клянущийся брал в свидетели, клятва теряла бы свою силу. Далее в клятве говорится об обязательствах врача перед своими учителями. Во вступительной части клятвы также есть указание на способы преподавания медицины в те времена. Клятва разрешала преподавание медицины лишь узкому кругу лиц: сыновьям врачей, сыновьям их учителей и ученикам, «связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому» [1]. Далее в клятве речь идет об обязательствах врача перед пациентом, многие из которых не утратили своей актуальности до сих пор. Это принципы непричинения вреда, заботы о пользе пациента, уважения к жизни и отрицательного отношения к эвтаназии и абортam, поддержания высоконравственного облика врача, сохранения врачебной тайны.

Врач должен оказывать помощь больному, в первую очередь думая о «выгоде» (благополучии) пациента, и делать для этого все, что в его силах. Однако из клятвы следует, что врач сам решает, что будет для пациента благом. Сегодня считается, что такой патерналистский подход к пациенту ущемляет его свободу как личности. В современном мире пациент стал полноправным участником лечебного процесса и сам вправе выбирать, что для него благо.

Еще один из старейших принципов биомедицинской этики, автором которого считается Гиппократ, – это принцип «Не навреди». Данное правило и по сей день является одним из актуальных биомедицинских принципов, которое любой врач должен выполнять неукоснительно. В лечебном процессе пациенты могут подвергаться риску, так как для лечения больного иногда нужно применять сложные процедуры, которые в слу-

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 116
из 378](#)

чае неудачи могут навредить и сделать его состояние еще хуже, чем было. Неправильно поставленный диагноз и, как следствие, неправильно назначенное лечение также могут привести к ухудшению состояния пациента. Врач всегда должен помнить об этом постулате непричинения своими действиями еще большего вреда пациенту.

Принцип уважения к жизни и следующие из него принципы отрицательного отношения к эвтаназии и абортам представлены в клятве Гиппократа следующими словами: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно также я не вручу никакой женщине абортивного пессария» [1]. Во многих странах эвтаназия является незаконной, например, в Кодексе врачебной этики Республики Беларусь (1999 г.) говорится: «Эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе или по просьбе его близких недопустима» [2]. В Республике Беларусь статьей 27 закона «О здравоохранении» женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве [3], однако существует право врача отказаться от проведения аборта. Во многих странах аборт запрещены (либо полностью, либо кроме исключительных случаев или случаев по медицинским показаниям).

Принцип сохранения врачебной тайны в клятве описан следующими словами: «Чтобы при лечении, а также и без лечения, я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной» [1]. Этот принцип о неразглашения врачебной тайны является одним из основных принципов в биомедицинской этике и должен строго соблюдаться всеми медицинскими работниками. Разглашение врачебной тайны как преступление влечёт ответственность по статье 178 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4]. В качестве наказания применяются штрафные санкции, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также лишение свободы сроком до 3-х лет.

Вторая мировая война и преступления нацистских врачей доказали необходимость изменений правил медицинской этики и, как следствие, необходимость создания новой версии клятвы врача. Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) взяла на себя ответственность за установление этических принципов для врачей всего мира. Был сформирован комитет для подготовки «Хартии медицины», которая могла бы быть принята в качестве клятвы выпускников медицинских вузов. Потребовалось два года интенсивного изучения клятв и обещаний для составления модернизированной формулировки древней клятвы Гиппократа. Медицинская клятва была принята на втором общем собрании ВМА в Женеве в 1948 г., и получила название «Женевская декларация» [5].

Женевская декларация, принятая в 1948 г., много раз подвергалась редакционным правкам (1968, 1983, 1994 гг.) и была дополнена в 2017 г. чтобы соответствовать реалиям и вызовам современного мира. Этот документ стал преемником клятвы Гиппократа. Декларация является частью медицинского профессионального кодекса во многих странах. Она лежит в основе большинства современных клятв врача. ВМА утверждает, что Женевская декларация – залог приверженности врача к гуманитарным целям медицины [6].

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 117
из 378](#)

Список использованной литературы

1. Текст клятвы Гиппократ (с коммент.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rlsnet.ru/books_book_id_7_page_1.htm. – Дата доступа: 24.12.2018.
2. Кодекс врачебной этики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.beldoc.by/files/2a6db062a0f6cf1d23523dd295eedc5f/>. – Дата доступа: 08.02.2019.
3. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_zdravooohranenii/27.htm. – Дата доступа: 08.02.2019.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 08.02.2019.
5. Declaration of Geneva 1948 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wma.net/what-we-do/medical-ethics/declaration-of-geneva/decl-of-geneva-v1948>. – Дата доступа: 18.02.2019.
6. Declaration of Geneva [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Declaration_of_Geneva. – Дата доступа: 18.02.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 118
из 378

АЗБУЧНЫЕ ИСТИНЫ: ПОСТИЖЕНИЕ СЕБЯ И МИРА

Безвозвратно уходит то время, когда дети, сидя за партами, повторяли за учителем: «Аз, буки, веди». Уже более ста лет в школах не начинают обучать детей чтению с «азбучных истин». Сейчас многие люди даже не задумываются над тем, какой смысл вкладывается в само выражение «азбучные истины».

Вспомним повесть Максима Горького «Детство». Дед обучает своего внука Алексея грамоте: «Буки-аз-БА, Буки-аз-БА. Получается БАБА. Буки-он-живёте-есть. Получается БОЖЕ. Буки-он-глагол. Получается БОГ». Так учили в старину.

И я задался вопросом: «Почему названия букв старославянской азбуки очень похожи на слова? И почему именно такой способ лег в основу обучения детей чтению?» Ведь для быстрого освоения чтения это было неэффективно, читать человек обучался за 2–3 года. Может быть, все дело в освоении смысла читаемого? Ведь не могли же не понимать наши предки, что обучать детей чтению по слогам проще и быстрее. И у меня возник новый вопрос: «А если азбука древних славян – это не просто слова, а связный текст, и даже письмо, послание нам, потомкам? И возможно, это письмо можно расшифровать, прочесть?» Поиск ответа на этот вопрос погрузил меня в одну из тайн русского языка, а предположение, высказанное мною, стало толчком к исследованию. Я погрузился в историю становления азбуки.

Существует две версии происхождения азбуки: одна из них – мистическая, вторая – материалистическая. Согласно первой версии, славянская азбука была дана людям как откровение свыше. Согласно второй, славянская азбука появилась в результате наблюдений человека над самим собой, жизнью природы в целом и является графическим отображением на плоскости многомерных объектов мироздания.

Когда-то в кириллице было 43 буквы, теперь осталось лишь 33. В результате фонетических процессов и нескольких реформ алфавита из 19 букв для обозначения гласных осталось только 10: 7 исчезли («ять», «ижица», «юсы» и др.), а 2 перестали обозначать гласный звук (ь и ъ).

Названия букв не случайны, «нельзя не заметить, что в ключевых словах азбуки – наименованиях предметного характера – легко узнаются привычные, традиционные символы христианской культуры, представляющие “вечные истины”: *добро, покой, слово* (вспомним начало благовествования от Иоанна: *Искони бѣ Слово и Слово бѣ отъ Бога и Богъ бѣ Слово – Иоан. I, 1. Остромирово евангелие 1057 г.*)» [1, с. 13].

Проанализировав названия букв старославянской азбуки, я увидел их грамматическую сочетаемость. В названиях букв азбуки встречаются слова разных частей речи. Из 22 похожих на слово названий букв славянской азбуки 5 являются глаголами, это чуть более 20 %. В обычной речи, по данным Национального корпуса русского языка, глаголов около 17 % [2]. Среди названий букв есть также существительные (*буки, слово,*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 119
из 378

земля и др.), прилагательное *тврдо*, местоимения (*аз, наш, он* и др.), наречия (*зело, како*), предлог *от*, союз *и*, союзное слово *иже*, частица *ци* – «подобно тому, как это бывает в связном речевой потоке» [1, с. 18].

Если внимательно посмотреть на глагольные формы, то можно заметить, что они употребляются отчасти в повелительном наклонении: *рѣци* – ‘скажи’, *живете* – ‘живите’ и т. д. Такой выбор форм глагола свидетельствует о поучительном смысле текста.

Многие стоящие рядом слова имеют и синтаксическую сочетаемость. Например, СЛОВО и ТВЕРДО, согласуются в роде, числе и падеже; аналогично НАШ, ОН и ПОКОЙ; ЛЮДИЕ и МЫСЛЕТЕ, ДОБРО и ЕСТЬ – в числе. Эти грамматические факты свидетельствуют о едином закодированном тексте азбуки.

«Уже в экспозиции (первом стихе) Кирилл формулирует свою “благую весть” в лаконичной фразе *Добро есть!*, утверждающей ту высшую ценность христианской культуры, на которую должно быть направлено познание» [1, с. 23].

Изучение азбуки помогает нам создать целостную картину мира. Познавая мир, познаёшь себя, а познавая себя, познаёшь мир. А познание себя и мира помогает каждому человеку найти смысл своей жизни. «Забвение исходного, этимологического смысла “азов” нашего повседневного письма значило бы отторжение славянской культуры от ее исторически детерминированной нравственной первоосновы» [1, с. 28].

Список использованной литературы

1. Савельева, Л. В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста / Л. В. Савельева // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. – Петрозаводск : ПГУ, 1994. – С. 12–31.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2003–2019. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 12.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 120
из 378

ПАРАЛЕКСО-ОМОНИМИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ УНИВЕРБОВ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)

По замечанию В. П. Олексенко, «Суфіксальна універбація – це настільки живий і продуктивний спосіб стягнення словосполучення, що його не зупиняє навіть виникнення омонімів, як зі словами інших зразків, так і зі словами, створеними за цим зразком, але такими, в структурі яких міститься значення іншого іменника» [1, с. 86]. На омонимию універбов обрачали внимание Л. Хоралик [2], В. И. Уласевич [3], Д. А. Осильбекова [4] и другие исследователи.

Межъязыковым омонимам по характеру сходства в известной степени противопоставляются паралексы. «Паралексы – тоесныя па значэнні і блізкія па гучанні словы дзвюх блізкароднасных моў» [5, с. 86]. В русском и белорусском языках к паралексам относятся достаточно значительное количество слов. Легкость взаимозаменяемости паралексов обусловлена тождественностью их значений и сходством внешнего облика, что и способствует их полному отождествлению в сознании билингва.

Целью статьи является рассмотрение представления омонимии універбов в словарях русского и белорусского языков и паралексо-омонимичных отношений універбов в сопоставляемых языках. Сочетанием *Номон* обозначаются омонимы, буквой *N* – універбы (в нижнем индексе указывается грамматический род), *Polis* указывает на многозначность – отношения омонимии либо паралексии.

Материал извлечен из толковых словарей русского и белорусского языков [6–9]. В языковом материале выделяется три типа представления омонимии універбов в словарях:

1. Універбы, представленные в словарях русского языка как омонимы: **рус. Номон N_(ф)**:

рус. **ВЕТРЯНКА¹ – ВЕТРЯНКА²**: *ветрянка¹* (прост., обл.) ← *ветряная мельница – ветрянка²* (разг.) ← *ветряная оспа* [6, т. 1, с. 159]. В белорусском языке понятия ‘ветряная мельница’ и ‘ветряная оспа’ выражаются разными універбами: бел. *вятрак* ← *ветраны млын* [7, с. 175], бел. *вятранка* (разм.) ← *ветраная воспа* [8, т. 1, с. 604].

рус. *ветрянка¹* — бел. *вятрак*
рус. *ветрянка²* — бел. *вятранка*

Таким образом, паралексами являются русское слово *ветрянка²* и белорусское слово *вятранка*, а омонимами – русская лексема *ветрянка¹* и белорусская лексема *вятранка*. Следовательно, паралексо-омонимичные отношения имеют следующий вид: **рус.² // бел., рус.¹ – бел.**

рус. **ЖЕЛЕЗКА¹ – ЖЕЛЕЗКА²**: *железка¹* (разг.) ← *небольшой кусок железа – железка²* (прост., устар.) ← *железная дорога* [6, т. 1, с. 475]. В белорусском языке слово *жалезка* (разм., устар.) – *чыгунка* (пераважна ў мове партызан у гады Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг.) [8, т. 2, с. 249].

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 121
из 378

рус. железка¹ — бел. жалезка

рус. железка²

Паралексо-омонимичные отношения представлены следующим образом: рус.¹ – бел., рус.² // бел.

2. Универбы-омонимы, представленные в словарях белорусского языка: бел. **Номон** N_(m, f):

бел. ЛЕТНИК¹ – ЛЕТНИК² – ЛЕТНИК³ – ЛЕТНИК⁴: летнік¹ (абл.) ← летняя садовіна – летнік² (разм.) ← летні пінжак – летнік³ (разм.) ← дарога, якой карыстаюцца толькі летам [8, т. 3, с. 39] – летнік⁴ ← летні лагер [7, с. 397]. В «Словаре русского языка» универб *летник* дается как многозначный **Polis** N_(m): *летник* – 1. (сад.) Однолетние декоративные садовые растения; 2. Старинная женская летняя одежда с длинными широкими рукавами; 3. (обл.) Дорога, которой пользуются только летом; 4. (обл.) Помещение без печи для летнего жилья [6, т. 2, с. 178–179; 9, с. 495].

бел. летнік¹ рус. летник 1
бел. летнік² рус. летник 2
бел. летнік³ рус. летник 3
бел. летнік⁴ рус. летник 4

Паралексо-омонимичные отношения: бел.¹ // рус. 1, бел.³ // рус. 3, бел.² // рус. 2, бел.⁴ – рус. 4.

бел. ЗЯЛЁНКА¹ – ЗЯЛЁНКА²: зялёнка¹ ← ядомы грыб з пласціністай зялёнай шапкай – зялёнка² (разм.) ← вадкасць зяленага колеру на спірце с антысептычнымі ўласцівасцямі для змазвання скуры [8, т. 2, с. 522]. В «Словаре русского языка» универб *зеленка* дается как многозначный **Polis** N_(f): *зеленка* ← 1. (разг.) Спиртовой раствор бриллиантовой зелени (употребляется для смазывания кожи); 2. Зеленый корм для скота, а также культуры, идущие на такой корм [6, т. 1, с. 606].

бел. зялёнка¹ рус. зеленка 1
бел. зялёнка² рус. зеленка 2

Паралексо-омонимичные отношения: бел.² // рус. 1, бел.¹ – рус. 2.

3. Межъязыковые универбы-омонимы: рус. N_(m, f) (**Номон**) – бел. N_(m, f):

N_(f) (**Номон**) Б N_(f): рус. НОЧНИЦА – бел. НАЧНІЦА: рус. *ночница* ← ночная бабочка [6, т. 2, с. 512] – бел. *начніца* (абл.) ← начная зорка [8, т. 3, с. 339];

рус. ночница бел. начніца

Паралексо-омонимичные отношения: рус. – бел.

рус. СЛЕЗНИЦА – бел. СЛАЗНІЦА: рус. *слезница* (устар.) ← слезная просьба, прощение, жалоба [9, с. 1209] – бел. *слязніца* ← слёзны мяшок [7, с. 763].

рус. слезница бел. слязніца

Паралексо-омонимичные отношения: рус. – бел.

В приведенных межъязыковых универбах-омонимах выявлены сходства деривационного (сходный универбатор, т. е. формант) и грамматического (рус. N_(f) – бел. N_(f)) планов. Различия наблюдаются в стилистическом

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 122
из 378

отношении: рус. *слезница* дано с пометой *устар.*, бел. *начніца* – *абл.*, рус. *ночница* и бел. *слязніца* фиксируются без стилистических помет, что дает возможность говорить о нейтральном употреблении данных лексем.

рус. $N_{(m)}$ (**Номон**) бел. $N_{(m)}$: рус. **КАПУСТНИК**_{polis} – бел. **КАПУСНІК**_{polis}: рус. *капустник* – 1. (нар.-разг.) *огород, поле, засаженные капустой*; 2. *капустный червь*; 3. (нар.-разг.) *капустный пирог* [9, с. 417] – бел. *капуснік* – 1. (разм.) *агарод, поле, засаджанае капустай*; 2. (разм.) *капуснае лісце* [8, т. 2, с. 633].

рус. **капустник 1** бел. **капуснік 1**
рус. **капустник 2** бел. **капуснік 2**
рус. **капустник 3** бел. **капуснік 3**

Паралексо-омонимичные отношения можно представить как: рус. 1 // бел. 1, рус. 2, 3 – бел. 2.

В данном примере универбы-омонимы имеют корреляцию деривационного (универбатор рус. *-ник* – бел. *-нік*) и грамматического (рус. $N_{(m)}$ – бел. $N_{(m)}$) характера. Различия наблюдаются в стилистике: рус. *капустник* в значениях 1, 3 имеет помету *нар.-разг.*, что свидетельствует о том, что слово сохраняет свою народно-разговорную окраску, бел. *капуснік* в значениях 1, 2 дается с пометой *разм.*

Можно согласиться с И. Ф. Протченко, что «...отмечая в целом растущий процесс возникновения соотносительных названий <...>, устанавливая его многообразие, необходимо иметь в виду, что этот процесс протекает с <...> ограничением и сопровождается рядом <...> «отклонений» [10, с. 319].

Таким образом, в сфере универбации выделяются отношения омонимии и паралексо-омонимичных отношений. Явление межъязыковой омонимии вступает во взаимодействие с полисемией внутриязыкового уровня. Не наблюдается семантического единообразия существительных в универбантах (исходных словосочетаниях), что приводит к возникновению универбов, оформленных одинаково в каждом из сопоставляемых языков, но имеющих разное значение, что влечет за собой возникновение омонимии и, как следствие, межъязыковой интерференции.

Список использованной литературы

1. Олексенко, В. П. Суфіксальна універбація в контексті усного мовлення [Электронный ресурс] / В. П. Олексенко // Печатное слово. – 2010. – № 4 (38). – С. 51–60. – Режим доступа: <http://ekhsuir.kspu.edu/bitstream/123456789/739/pdf>. – Дата доступа: 03.04.2019.
2. Horalík, L. O univerbizaci a homonymii z hlediska principu ekonomie / L. Horalík // Československá rusistika. – 1967. – Roč. XII, № 3. – S. 140–143.
3. Уласевіч, В. І. Суфіксальныя універбаты ў сучасным перыядычным друку / В. І. Уласевіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2001. – № 1. – С. 62–66.
4. Осильбекова, Д. А. Полисемия и омонимия однокоренных производных слов / Д. А. Осильбекова // Рус. яз. в шк. – 2017. – № 2. – С. 20–23.
5. Кунцэвіч, Л. П. Паралексы / Л. П. Кунцэвіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 12 : Палікрат – Праметэй. – 2001. – 554 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 123
из 378

7. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2016. – 967 с.

8. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

9. Новейший большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. С. А. Кузнецова. – М. ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 1534 с.

10. Протченко, И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социолингвистический аспект / И. Ф. Протченко. – М. : Наука, 1985. – 350 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 124
из 378](#)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

«Капитанская дочка» – последнее опубликованное при жизни прозаическое произведение А. С. Пушкина. В этой повести Пушкин предстает не только как писатель, но и как историк.

Стремясь к объективности изображения действительности, писатель раскрывает общественную жизнь, социальную среду и внутренний мир человека в их взаимосвязях. Герои повести являются яркими представителями определенной общественной среды. Рисуя картины быта, детально описывая портреты своих героев, А. С. Пушкин стремился к всестороннему изображению жизни, нравов и характера человека. Не последней деталью в создании образа персонажа является костюм.

Интерес к исследованию лексико-семантической группы «одежда» не был случайным. Во-первых, эпиграфом к своему произведению Пушкин взял фрагмент русской пословицы «*Береги платье снову, а честь смолоду*». Во-вторых, трудно переоценить ту роль, которую сыграл в судьбах главных героев повести знаменитый *заячий тулуп*. И наконец, наименования одежды выступают в литературно-художественном тексте в качестве лексического представителя целого ряда ассоциаций, связанных с определенной культурно-исторической эпохой, они несут семантическую, функциональную и стилистическую нагрузку.

Из текста повести «Капитанская дочка» было отобрано 37 слов, которые разделили на пять тематических групп: наименования мужской одежды (14), женской одежды (5), названия элементов одежды (11), головных уборов (6) и обуви (1).

В повести «Капитанская дочка» было выделено 17 (47 %) исконно русских наименований одежды. Наибольшую группу представляет собой лексика общеславянского происхождения: *чепец, венец, пола, кисть, ворот* и др. Общеславянские слова легко выделяются во всех славянских языках и являются ядром современного русского языка [1, с. 61].

К VI–VII вв. общеславянский язык распался, открыв путь к развитию славянских языков, в том числе и древнерусскому. В повести Пушкина наименованиями одежды восточнославянского (древнерусского) происхождения являются слова *бельё, платье, сапоги, сорочка*. Известно, что древнерусский язык был общим для всех восточных славян на протяжении X–XIV вв. Поэтому слова, оставшиеся в русском языке от этого периода, известны, как правило, и в украинском, и в белорусском, но отсутствуют в языках западных и южных славян.

Еще один пласт исконно русских слов составляет собственно русская лексика, сформировавшаяся после XIV в. В повести А. С. Пушкина она представлена двумя наименованиями одежды, которые демонстрируют разные пути словообразования. Слово *рубаха* образовано с помощью суффикса *-ах(а)* от исконно русского

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 125
из 378

корня *руб-* [2, с. 394]. Второе слово – *фуфайка* – прошло путь русского словообразования на базе иноязычного корня [2, с. 475].

В лексический состав наименований одежды повести А. С. Пушкина входят также слова, заимствованные из других языков. В этом произведении русские люди действуют вместе с представителями других национальностей. Здесь упоминается в разной связи полтора десятка народов или их атрибутов: русские, французские, немецкие, турецкие, башкирские, киргизские, татарские, калмыцкие, чувашские и др.

Василиса Егоровна вспоминает, как раньше она боялась «*проклятых этих нехристей*», имея в виду башкир и киргизов. Рисуя картину их нападений, упоминает «*рысьи шапки*», что дополнительно говорит о дикости и агрессивности этих людей.

Интересны национальные местные детали одежды у восставших русских. Страшный каторжник Хлопуша – один из приближенных Пугачева – русский по национальности, «*был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах*». И Пугачева А. С. Пушкин рисует в национальной одежде восточных народов. В первую встречу с Гриневым «*на нем был оборванный армяк и татарские шаровары*».

Большинство упомянутых наименований одежды относится к тюркским заимствованиям. И это не удивительно. Близкое соседство тюркских народностей, военные столкновения с ними пополнили русский язык подобной лексикой. 25 % наименований одежды в повести «Капитанская дочка» тюркского происхождения (*кафтан, карман, тулуп, колпак, кушак, армяк, сарафан*). Заимствованное из украинского языка слово *шаровары* также имеет восточную этимологию [2, с. 501].

Русской народной женской одеждой исстари служил *сарафан* – род платья без рукавов [3, с. 697]. Перед приступом пугачевцев на Белогорскую крепость ее комендант говорит жене: «*Коли успеешь, надень на Машу сарафан*». Деталь, современным читателем не замечаемая, но существенная: комендант рассчитывает, что в случае взятия крепости дочь в деревенской одежде затеряется в толпе крестьянских девушек и не будет опознана как дворянка – капитанская дочка.

Влияние европейских языков на русский в разное время ощущалось по-разному. Особенно оно активизировалось в Петровскую эпоху, в XVIII в. Именно в это время из немецкого языка были заимствованы слова *камзол, лента*, которые используются А. С. Пушкиным в повести. Здесь же мы находим германизмы более раннего происхождения – *шуба, шляпа*.

Значительный след в русской лексике оставил французский язык. В конце XVIII – начале XIX вв. в светском обществе заимствования из французского языка стали особенно популярными. Среди них – лексика бытового назначения. В повести «Капитанская дочка» примерами французского происхождения являются слова *мундир, манжеты, галуны, роброн*.

Заметим, что автор-рассказчик на лексическом уровне ярко оттеняет западные бытовые пристрастия дворян, показывает контраст с незамысловатой одеждой восставших и таким образом получает эффект противопоставления.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 126
из 378

Всмотримся в реестр Савельича, врученный Пугачеву: «**Штаны** белые суконные на пять рублей. Двенадцать **рубях** полотняных голландских с **манжетами** на десять рублей. Погребец с чайною посудою на два рубля с полтиною... – Что за вранье? – прервал Пугачев. – Какое мне дело до погребцов и **штанов с манжетами?**» [4, с. 489]. Эти «штаны с манжетами» в устах вожака крестьянского восстания показывают всю пропасть между народом и дворянами даже в бытовом смысле.

Таким образом, большинство иноязычных наименований одежды в повести «Капитанская дочка» использовано А. С. Пушкиным со следующими целями: оттенить русское через чужое, показать различие двух воюющих сторон, народа и дворян, даже в бытовом смысле.

А. С. Пушкин, подробно описывая одежду своих героев, делает её значимой деталью, знаком исторической, общественной и духовной атмосферы, доверяет костюму важную семантическую информацию.

Список использованной литературы

1. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
2. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / Н. М. Шанский ; под ред. С. Г. Бархударова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Технологии, 2003. – 939 с.
4. Пушкин, А. С. Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Госиздат, 1957. – Т. 3 : Стихотворения. Сказки. – 511 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 127
из 378

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ XVIII ВЕКА

Имя числительное – часть речи, которая формируется в русском языке сравнительно поздно, в XIII–XIV вв. В древнерусском языке названия чисел были по своей грамматической природе существительными и прилагательными. Так, например, в слове *пять* совмещалось предметное и количественное значения. Субстантивные свойства этого слова проявлялись в том, что оно управляло другими существительными во всех падежах, могло иметь при себе определения женского рода (*та пять дней, тую пятью дней*). С развитием мышления человека происходит обособление числа от вещности, предметности, как следствие, категория числа становится все более абстрактной. Семантика счетных слов развивалась следующим образом: *пять (пяток, пятерня)* → ‘определённое количество предметов’ → ‘обобщённое количество’. Однако эта часть речи так и не выработала однообразные парадигмы склонения, так как изначально включала слова, различные по морфологическим качествам. Как указывает В. В. Виноградов, в морфологическом отношении это очень неоднородная группа [1]. Ее специфика заключается в чрезвычайной морфологической пестроте: так, в «Русском языке» выделяются 12 основных типов склонения числительных. При этом исследователь отмечает, что общим для всех нумеративов является отсутствие ряда именных категорий, в частности рода (кроме числительных *один, два*) и числа (кроме *одни*). Что касается синтагматики числительных, то здесь в процессе их объединения в один частеречный класс происходит унификация парадигмы их сочетаний с именами существительными: современные числительные в прямых падежах управляют ими, а в косвенных согласуются (*два (чего?) стола; (скольким?) двум столам*).

По мнению большинства историков языка, все указанные свойства окончательно формируются у числительных к концу XVII в. (такая точка зрения представлена в работах Л. А. Булаховского, А. Е. Супруна, С. М. Глускиной, Л. Н. Дровниковой и др.). Однако, по словам В. В. Виноградова, сложение числительных как части речи продолжается до сих пор, поэтому исследование их развития и на более поздних этапах представляет интерес. По нашему мнению, особенно актуально это замечание для XVIII в., когда нормы национального литературного языка находились в стадии становления. Числительные в отдельных стилях (например, в языке публицистики этого периода) еще не были предметом специального внимания.

Пока в процессе работы над темой нам удалось проработать один, хотя и достаточно объемный источник, относящийся к Петровскому времени, – трактат И. Посошкова «Книга о скудости и богатстве». Полное название этой книги – «Книга о скудости и богатстве, сие есть изъяснение от чего приключается скудость, и от чего гобзвитое богатство умножается» [2]. Трактат поднимает весьма глубокие экономические и политические проблемы, которые обсуждались лишь в ближайшем окружении Петра I, а также частично поднимались в трудах западных экономистов, хотя трактат создавался, как свидетельствуют его исследователи, абсолютно независимо от них [2].

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 128
из 378

Свои политические идеи и проекты Посошков не приводит в строго систематизированном порядке, а излагает их в «Книге» в связи с критикой «неисправностей» в современной ему российской действительности [3].

В нашем докладе мы позволим себе обратиться только к некоторым, наиболее выразительным, на наш взгляд, особенностям числительных, представленных в трактате.

Во-первых, это более широкая, чем в современном русском языке, синонимия слов, обозначающих число и количество. Как показывает наш материал, в языке Петровского времени продолжают функционировать в тексте дублетные номинации *один и един, восемь и осьмь, тысяча и тысяща, девяносто и девяносто, одна осьмая часть / осмина / осмая доля; полтора / полтретья*. Как мы можем увидеть, форма *един* в тексте употребляется и в цитатах, относящихся к книжному стилю: *Сам Господь Бог рек, глаголя: Един раб не может дву господинам служить (Матф. гл. 6, ст. 24)* (О купечестве). Но, с другой стороны, автор использует ее спонтанно, в главах, рассказывающих о государственных делах, параллельно с формой *один*: *И впреди той книги надлежит зделать всем делам изьявление и разобрав их по азбуке и по чину дел различных, чтобы всякой человек без труда на всякое дело указ и совершенное решение мог во едину минуту обрести* (О правосудии); *А буде кто хотя на один рубль дерзнет приезжим иноземцам продать какого-нибудь товару без воли вышняго своего командира, то взять с него штраф сторично*.

Как мы можем заметить, И. Посошков наиболее часто использует книжную форму *тысяща*, независимо от стилистики контекста. Возможно, происходит смешение форм: *И таковые бойцы при свободных местех десятию тысящами заслужили бы за пятьдесят тысящ* (О правосудии); *Я сего не могу знать, что то у наших судей за разум, <...> что ни за что многие тысящи рублей теряют* (Там же). При этом употребляется и *тысяча*, которая более характерна для документов деловой письменности: *И естли бог изволит тако нашим руским солдатом научитися, что ни один бы пули даром не терял, и таковых солдат естли тысячь десятков набрать, то я знаю, что и з дватцатью тысячами не пошел бы никто на битву с ними...* (О воинских делах); *А аще зритца дело сие и невелико, что бумага беречь, а, по моему мнению, оно не весьма мало, потому что от крупнаго писма и от небрежения рублей тысячь по десятку ни за одну деньгу из царства пропадает* (О правосудии).

Единично мы встречаем в тексте форму *девяносто* (девяносто): *И тако негодно написать до дватцати лет, а от дватцати до тритцатаго года прибавлять по два года, а от тритцати до девяносто лет прибавлять по пяти лет...* (О купечестве).

Можно отметить, что в трактате, кроме дробного *полтора*, используется и неизвестное современному языку *полтретья*: *А буде коего дворянина дворовой человек или крестьянин, увидя у помещика своего винокурную посуду или трубу винокурную, да, шед, уведомит, то дано ему будет – дворовому человеку пять рублей, а крестьянину полтретья рубля да от помещика свобода* (О царском интересе).

И. Посошков явное предпочтение отдает более архаичной форме *осьмь* и ее дериватам, стилистической мотивировки не наблюдается: *а буде купит хотя одну осьмину, <...> то у того торгаша взято будет штрафу сто осьмин* (О купечестве); *...Ефимки были по осьмнадцати алтын, а ныне по осьми гривен* (Там же); *И ради основания правды надлежит первее уставить в крестьянстве, что то имяновать дворы что пол двора или*

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 129
из 378

четверть или осмая доля двора (О крестьянстве). Форма *восемь* встречается редко: ...*Меди пуд был по три, а ныне – по семи и по восьми рублев* (О купечестве).

Необходимо отметить, что данный памятник слабо отражает лексикализацию сотен, хотя встречаются и лексикализованные написания *двести, триста*. Можно сделать вывод, что наименования сотен в Петровское время еще в большой степени сохраняют признаки словосочетаний.

Заслуживают внимания некоторые архаичные формы склонения, встречающиеся в трактате. Так, у числительного *два* мы не обнаружили ни одной формы Р. п. *двух* – везде употребляется *дву*, причем и в форме П. п.: *А буде на кого в дву или в трех деревнях скажут согласно, что разбой он держал...* (О разбойниках). Единственный случай с *дву* в Д. п. был зафиксирован в следующем контексте: *Сам Господь Бог рек, глаголя: Един раб не может дву господинам служить* (Матф. гл. 6, ст. 24) (О купечестве). Как видим, это цитата из Евангелия, поэтому выбор формы обусловлен, по-видимому, языком источника.

Сохраняют традиционные формы склонения в анализируемом тексте и числительные *сто* и *сорок*: ...*Рублев по сотнице проездили кроме гостинцев, а с гостинцами будет и по другому сту* (О правосудии); ...*Не то что во сте рублях, но и в десяти тысячах и не пишут записей по нашему на целых листах* (Там же); *А и ныне ему вряд быть лет сороку...* (Там же). Как показывают данные иллюстрации, старые формы обнаруживаются в форме П. п. и особенно Д. п. с распределительным значением.

В косвенных падежах часто встречается форма *шти* (шести) с диэрезой в первом слоге, характерная для деловой письменности: *И того ради надлежит библии напечатать не малое число, и во все школы книг по пятишти разослать* (О духовности); *Я, истинно, таковых стариков много и при Москве видел, что лет по штидесят и болши жития своего имеют, а у отцов духовных на исповеди не бывали...* (Там же).

Говоря о числительных, нельзя не отметить, что слова типа *пять* сохраняют черты субстантивной синтагматики: *И тако первая пять копеек, коя бы надлежало взять с крестьянина, и пропадает...* (О царском интересе). Считается, что к XVIII в. эти факты уже исчезли из живого разговорного языка. Встречаются и согласованные словосочетания *три годы, два рубли, по четыре рубли, три месяцы*.

В заключение отметим, что мы затронули только наиболее яркие особенности нумеративов в анализируемом памятнике. В задачи нашей дальнейшей исследовательской работы предполагается включить функциональные особенности числительных, востребованность в разножанровых публицистических текстах, образительно-выразительные возможности слов этой части речи.

Список использованной литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове : учеб. пособие для вузов по специальности «Рус. яз. и лит.» / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.
2. Миклашевский, А. Н. Посошков Иван Тихонович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. – СПб., 1890–1907. – Т. 48 : Полярные сияния – Прая. – 1898. – 502 с.
3. Ирошников, М. П. «Книга о скудости и богатстве» Ивана Посошкова – памятник общественно-политической мысли России начала XVII века / М. П. Ирошников // Вестн. СПбГУ. – 2013. – № 2. – С. 10–22.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 130
из 378

А. Г. МИНКО (г. Минск, БГУ)

Научный руководитель – А. А. Матюнова, кандидат филологических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ НОСИТЕЛЯМИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XVII ВВ.)

Цель нашей работы – выявить роль наивных представлений в формировании внутренней формы слова и на основе полученного результата выявить способы категоризации действительности в области медицинских знаний носителями древнерусского языка.

Эти способы категоризации присутствуют в наивной картине мира средневекового русича. Наивная картина мира является интегральным образом реальности в обыденном сознании человека и «включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной» [1, с. 71]. Другими словами, в каждом естественном языке существует определённый способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка.

Являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, медицинская лексика XI–XVII вв. хранит в себе не только научные, но и наивные представления людей Древней Руси о мироздании. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Результат преобразования наивных представлений, положенных в основу наименований медицинского характера, во внутреннюю форму слова позволяет выделить следующие способы категоризации действительности в области медицинских знаний носителями древнерусского языка.

Зрительная ассоциация. Внешней визуализации в первую очередь подвергались патологические процессы, болезни кожи. Так в «Прохладном вертограде» (XVII в.) можно встретить следующие названия сыпи: *сыпня*, *лопуха* (по визуальному сходству сыпи с формой листьев растения лопуха), *гвоздуха* (по визуальному сходству сыпи с формой распустившегося бутона цветка гвоздики), *краснуха* (сыпь имеет яркий красный цвет), *корюха*, *корь* (зрительно сыпь напоминает кору дерева), *черемнуха* (зрительное сходство с цветущей черемухой), *цвет* (ассоциация с цветущими растениями). Некоторые из синонимов сыпи в современной классификации болезней приобрели статус конкретных нозологических единиц.

Разного вида опухоли имели названия, возникшие на основе зрительных ассоциаций: *болоно* (*блona* – пузырь), *гвиль* (*гвыл* – неровность, ком, бугор), *желвак* (*желвак* – порода камня неправильной формы), *скула* (*скула* – выпуклая часть черепа).

Подвергалась визуализации и анатомо-физиологическая лексика. *Блонка самоцветная* – радужная оболочка глаза (анатомо-физиологический словарь Богоявленского), *луна* – белковая оболочка глаза (Новгородские летописи самых ранних изводов), *оконце очное* – зрачок (Четьи Минеи XVI в.), *гусак* – печень по сходству с летящим гусем (Даль), *колбас* – толстая кишка (Шестоднев Г. Писиды XVI в.), *крыльце* – лопатка (анатомо-физиологический словарь Богоявленского), *открылок* – крыло ноздри (анатомо-физиологический словарь

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 131
из 378](#)

Богоявленского), *чашка головная* – череп (Азбуковник, XVII в.), *древо жизни* – белая мозговая мякоть мозжечка похожего на разветвлённое дерево (Даль).

Весьма характерным являлось **использование сравнительных определений зоологического происхождения**. Некоторые из представленных ниже лексем используются и в настоящее время: *грудная жаба* – стенокардия (Прохладный вертоград), *брюшная жаба* – ишемическая болезнь, *медвежья болезнь* – синдром раздраженного кишечника (из Захария Копытенского XVII в.), *волчанка* – туберкулез кожи (Азбуковники XVI в.), *свинка* – эпидемический паротит, *собачья старость* – туберкулез (Азбуковники XVI в.), *волчья пасть* – расщепление неба, *сучье вымя* – подмышечный гидроаденит, *воронья лапа* – кожный лишай, *заячья губа* – трегубие, незаращение верхней губы (апокрифы по спискам XVI в.).

Ассоциация по свойству и функции играла важную роль в процессе номинации определённых медицинских языковых единиц. В связи с данной особенностью интересна лексема *насоколок*, которая имеет значение «углубления у основания большого пальца руки, где под сухожилиями трёх длинных мускулов большого пальца проходит лучевая артерия» [2, с. 145]. Известно, что охотники того времени сажали соколов именно на это место. Сходство по свойству и функции можно встретить и в названиях следующих медицинских лексем: *ветрость* – метеоризм, *вода* – моча, *глядельце* – зрачок, *жилобой* – пульс, *поводок* – пупочный канатик, *фырок* – ноздря, *летучий огонь* – сыпь (Прохладный вертоград), *отворожение* – применительно к крови, образование её сгустка (анатомо-физиологический словарь Богоявленского).

Способность **эвфемизмов** уалировать значение предметов и явлений с негативной коннотацией позволила им выступать в качестве одного из способов репрезентации ЯКМ Древней Руси.

Применение эвфемизмов и табуистических названий наиболее часто наблюдается по отношению к лексике, связанной с понятием смерти: *Божья нивка* – древнерусский морг, *дом убогий* – древнерусский морг для хранения трупов людей безродных и самоубийц (анатомо-физиологический словарь Богоявленского), *кончина* – смерть, *кон* его пришел – гибель или смерть (по Далю, *кон* – предел, конец, очередь), *отдать душу Господу* – умереть (из агиографических памятников).

Анатомо-физиологическая лексика, имеющая отношение к мочеполовой системе либо к отличительным признакам гендерной принадлежности, также подверглась процессу эвфемизации: *вода* – моча (анатомо-физиологический словарь Богоявленского), *врата* – вход в таз человеческий (Аристотелевы Врата XV в.), *низ* – анус (анатомо-физиологический словарь Богоявленского), *детино место* – матка (анатомо-физиологический словарь Богоявленского), *женьское* – мензис (лечебники XIV в.), *очищение* – мензис (лечебники XVI в.), *мужебание* – гермафродизм (анатомо-физиологический словарь Богоявленского).

Эвфемизмы также использовались по отношению к смертельным болезням, способным вызвать эпидемии. Так чума носила название *царевница*. Оспу (*остицу*, *востицу*) называли *Гостьица Ивановна*, *Бабушка* и *Матушка Осна* (Прохладный вертоград).

Лихорадку было принято называть *огнём*, *огневицей*, *огневой болезнью*, *жаром*, *жегавицей*, *горячкой* (Прохладный вертоград), *тёткой*. Из вышеуказанных медицинских лексем очевидно частое использование

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 132
из 378

приёма **персонификации**. Страшные болезни и эпидемии воплощались преимущественно в женском образе. Так, например, чума и в настоящее время часто изображается на картинах и в кинематографе в виде коварной, уродливой женщины. Есть случаи и мужской персонификации. Например, *кондрашка* – нервный удар, паралич (*его кондрашка хватил* – шут. Кондратий Иваныч).

Таким образом, в ходе работы была выявлена весомая значимость наивных представлений в процессе формирования внутренней формы слова. Были выявлены способы категоризации действительности в области медицинских знаний носителями древнерусского языка, а именно: способ представления через зрительную ассоциацию, способ представления через ассоциацию по свойству и функции, использование сравнительных определений зоологического происхождения, использование приема персонификации, употребление эвфемизмов.

Список использованной литературы

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. Богоявленский, Н. А. Отечественная анатомия и физиология в далёком прошлом / Н. А. Богоявленский. – Л. : Медицина, 1970. – 159 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 133
из 378](#)

Я. С. РОМАНКО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. Б. Переход, кандидат филологических наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА В. И. ДАЛЯ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»)

Народные представления о здоровье и болезни (об отношении человека к себе и окружающим, об образе жизни, о качестве жизни, о работоспособности, красоте, силе) связываются с константными в народной философии понятиями о добре и зле, жизни и смерти. Здоровье человека – творящее начало, болезнь (хворь) – разрушающее начало. Многовековые наблюдения над внешним видом, жизнью и поведением здорового и больного человека отразились в народных сентенциях.

Цель данной статьи – охарактеризовать представления о здоровье в языковом сознании русских. Материалом для анализа послужили паремии тематической группы «здоровье – хворь», представленной в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» [1].

Паремии (пословицы и поговорки) – это самостоятельно функционирующие, синтаксически и композиционно организованные завершённые поэтические произведения. Они не имеют контекстуальной привязанности, выступают в форме предложения, включают в себе иносказательный смысл, выражают предельно общие суждения, характеризуются слаженностью звучания, лаконичностью и, как правило, общим гуманистическим характером высказывания. Паремии имеют антропоцентрический характер, т. е. непосредственно связаны с человеком и характеризуют различные стороны его жизни. Паремиологический фонд русского языка отражает осознанное отношение народа к здоровью и болезни (хвори). Через отношение к здоровью выражается народная система ценностей: взгляды на человека и его поведение, на образ жизни, эстетические пристрастия, т. е. в отношении к здоровью проявляется национальное сознание народа.

В лексикографической традиции лексемы *здоровье/здравие* и *болезнь/хворь* представлены как отвлеченные существительные, обозначающие состояние или процесс. В словарных значениях актуализируется семантический компонент ‘норма’ – для здоровья и ‘отклонение от нормы’ – для болезни, хвори, ср.: *здоровье* 1. Правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие [2]; *болéзнь* 1. Заболевание, нарушение нормальной жизнедеятельности организма; расстройство здоровья (о человеке). Нарушение нормальной жизнедеятельности организма животного [3].

Анализ метафорических контекстов, объективирующих понятие *здоровье*, позволил выявить и описать семантические образы, в которых представлено данное понятие в наивной картине мира, определить его семантический профиль.

В паремиях понятие *здоровье* выступает прежде всего в образе **дара**, ниспосланного человеку свыше, ‘то, что дается Богом’: *Дал бы Бог здоровья, а дней впереди много (а счастье найдем); Бог дал живот, Бог даст и здоровье; Не дал Бог здоровья – не даст и лекарь.*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 134
из 378

Здоровье в народных представлениях ассоциируется с **дорогим товаром** – ‘то, чему нет цены’, ‘то, что нельзя купить’, ‘то, что дороже богатства’: *Здоровью цены нет; Здоровья не купишь; Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже; Здоровье – всему голова, всего дороже; Здоровье дороже богатства; Здоровье дороже денег; Здоровье всего дороже, да и деньги тоже.* В таких конструкциях объектами, с которыми сравнивается здоровье, являются важные для человека предметы и понятия – *деньги, богатство, голова* (в значении «самое главное»).

В обыденном сознании здоровье выступает в роли объекта наблюдения, восприятия – ‘то, что можно видеть’: *Не спрашивай здоровья, а глянь в лицо; Где мило – там глядь да глядь; где больно – там хватъ да хватъ.* В этих контекстах здоровье представляется как нечто материальное, что визуализировано, что привлекает внимание, что на виду.

Здоровье в поговорках проявляется в образе **силы, крепости, мощи**: *Здоровый урока не боится; Здорового и призор не берет; Здоровому все здорово; Добрый жернов все смелет, плохой сам смелется; Здоровому и нездоровье здорово, а нездоровому и здоровье нездорово; Да его о надолбу (о мостовую) головой не убьешь; Сучок в кулаке сожмет, так вода пойдет; Сожму в кулаке сучок, так пойдет из него сок.*

Семантические образы здоровья как **силы/мощи** в ряде случаев обусловлены конструкциями с устойчивыми сравнениями, в которых в качестве объекта сравнения выступают домашние животные, наделенные силой и выносливостью, – **бык, конь, боров**: *Здоров, как бык, как боров; Здоров, как бык, и не знаю, как быть; На нем хоть воду вози; Сытый конь воду возит, тощего на подпругах поить водят.*

Здоровье предстает также в виде **меры веса**: *Здоровье выходит пудами, а входит золотниками.* В народном изречении подтверждается тот факт, что здоровье потерять легко, а восстановить трудно.

Жизненный опыт многих поколений, закрепленный в поговорках, свидетельствует о том, что крепкие зубы, широкая кость, плотность тела, румяный цвет лица – показатели здоровья, поэтому здоровье в поговорках проявляется через ряд соматических образов – **зубы, мясо, кости, кровь**: *Суди не по годам, а по ребрам (зубам); Были б кости, а мясо будет; Живая кость мясом обрастает; Кровь с молоком.*

В народных выражениях порицается обратная сторона здоровья – **леность** и **излишнее пристрастие к еде** (*Здоров на еду, да хил на работу*); **полнота тела** (*Здоровьем болен; Отъелся как свинья на барде*); беспечное отношение к здоровью: когда человек здоров, то он не думает о здоровье, не бережет его (*Больной лечится, здоровый бесится (дурит с жиру); Больной от могилы бежит, здоровый в могилу спешит* и др.).

В поговорках находим ряд рекомендаций о здоровом образе жизни, не утративших своей актуальности и в наше время: *Ешь вполсыта, пей вполъяна, проживешь век допдна; Где пиры да чаи, там и немочи; Не ешь масляно: ослепнешь; После обеда полежи, после ужина походи! Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле; Береги платье снову, а здоровье смолоду.*

Таким образом, анализ семантических ролей лексемы **здоровье** в поговорках дает представление об образах здоровья в культуре, о том, какие из значений данной номинации подвергаются метафоризации и, следовательно, имеют большую значимость в обыденной жизни людей и в русской культуре в целом. Пословица и поговорка,

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 135
из 378

отражающие народный взгляд на мир, предостерегают от зла, заключенного в болезни, нерадивого отношения к себе. Народная философия направлена на добро, поэтому поучает, назидает и предостерегает человека от небрежного, необдуманного, безответственного отношения к своей жизни и здоровью.

Список использованной литературы

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз. Медиа, 2006. – 814 с.
2. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>. – Дата доступа: 08.05.2019.
3. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk.html>. – Дата доступа: 08.05.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 136
из 378

Н. В. ХОМИЧ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Т. М. Лянцевич, кандидат филологических наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ПЕТЕРБУРГА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

Специфической стилевыми чертами художественных текстов является образное отражение действительности. Термин «образ» в широком смысле означает 'результат и идеальную форму отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека' [1]. Образ в художественном произведении выражается в слове и вне языкового уровня текста не существует. При этом языковые единицы как средство раскрытия образа наделяются специфическими особенностями, придавая литературным произведениям красочность, лексическую и эмоциональную выразительность.

Художественный образ – это «конкретно-чувственная форма воспроизведения и преобразования действительности» [2, с. 67]. Художественный образ – центральное понятие эстетики, объект исследования многих учёных. Огромный интерес представляет работа Д. С. Лихачёва «Человек в литературе древней Руси», в которой автор впервые проанализировал, каким видели образ человека в древнерусской литературе и каковы были художественные методы его изображения [3, с. 67].

Многие писатели XIX–XX вв. обращались в своем творчестве именно к образу Петербурга, и у каждого автора этот город приобретает свои отличительные черты. В процессе изображения северной столицы России авторы прибегали к использованию различных языковых средств, которые становились маркерами идиостиля того или иного писателя.

«Невский проспект» – произведение Н. В. Гоголя, которое входит в цикл «Петербургские повести». В повести показан образ города-столицы, где особенно остро пересекаются противоречия действительности той поры. Облик Петербурга не только фон, на котором показаны происходящие в нём события. Н. В. Гоголь рисует Петербург то в романтических тонах, то через показ жестокой повседневности и бедственной жизни, которая является уделом бедняка.

Образ Петербурга по-разному представлен Н. В. Гоголем в начале и в финале повести. Если сначала показан парадный, «блистательный» Петербург, то в конце произведения обнажается ложь, фальшь этой парадности: *О, не верьте этому Невскому проспекту! Он лжёт во всякое время, этот Невский проспект* [4, с. 10]. Блеск и великолепие, описанные в произведении, лишь видимость.

Описание, которое начинает повесть, представляет собой своеобразный очерк Петербурга, полного разнообразием красок, богатства. Однако за его блестящей внешней стороной скрываются такие отвратительные стороны жизни человека, как меркантильность, праздность, пошлость, обман: *Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!.. всё дышит обманом* [4]. Описание знатного, чиновного Петербурга проникнуто острой неприкрытой иронией. «Восторгаясь» чинами, пышностью, блеском «благородной» публики, автор показывает её

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 137
из 378

внутреннюю пустоту, лень, «низкую бесцветность». Н. В. Гоголь отмечает, что Невский проспект – это зеркало столицы и одновременно средоточие жизненных противоположностей, поскольку является местом для показа всего пошлого, лицемерного, что отличает обладателей высоких чинов и богатства: *В это благословенное время от двух до четырех часов пополудни, – иронизирует писатель, – которое может назваться движущейся столицей Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой – греческий прекрасный нос, третий несёт превосходные бакенбарды, четвёртая – пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башимачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, восьмой – усы, повергающие в изумление* [4, с. 5]. Лучшие черты персонажей лишь внешние – это щегольской сюртук, греческий нос, превосходные бакенбарды, усы, галстук и т. д. Рисуя Петербург в начале произведения, Н. В. Гоголь намеренно акцентирует внимание читателя лишь на его внешнем блеске и на внешности его посетителей, используя следующие изобразительно-выразительные средства: **сравнения** (*голова гладка, как серебряное блюдо; башимачок, легкий, как дым; ганимед, как муха с шоколадом; талии, никак не толще бутылочной шейки*); **эпитеты** (*всемогущий Невский проспект; благословенное звание чиновников по особнным поручениям; невежливый локоть*); **метафоры** (*пахнет одним гулянием; сколько вытерпит он (Невский проспект) перемен!; на Невский проспект делают набеги гвернеры всех наций...*).

Отрицательное отношение к действительности автор передает также при помощи иронии, когда слова, заключающие в себе серьёзное содержание, употребляются в антонимическом значении, с целью выражения насмешливого отношения к предмету изображения. Все эпитеты, метафоры, сравнения, которые содержатся в данном произведении, заключают в себе иронический подтекст, направлены на то, чтобы вызвать комический эффект, принизить изображаемое, создать у читателя критическое отношение к персонажам, к порокам общества.

Среди лексических особенностей повести можно выделить обилие языковых единиц, имеющих значение отрицания (отрицательные частицы, слова, усиливающие отрицание; слова, посредством которых передается утверждение через отрицание: *не составляет ни для кого цели, никакую кистью не изобразимые, больше никого не встретите вы на Невском проспекте; не, вовсе не, совсем нет, ничуть не: вовсе не думающими о нем, вовсе не сидели, вовсе не касались; Нет ничего лучше Невского проспекта! Чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы!* и т. д.) [4].

Значимую роль в описании гоголевского Петербурга играет употребление автором различных форм имен прилагательных и причастий с целью детального изображения поведения, внешности, внутреннего состояния обитателей Невского проспекта, а также суетной атмосферы дневного Петербурга и обманчиво миражной, таинственной вечернего: *таинственный, неустойчивый, переменный, зыбкий, украшающий, сверкающие, блестящий, светящийся, летящий, обманчивый* и т. д.: *Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет* [4]. Таким образом автор передает пустоту знатной публики, отсутствие в ней духовного начала.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 138
из 378

Итак, широко используемые в повести Н. В. Гоголя языковые средства выразительности создают яркие образные пейзажные и городские описания, позволяют читателю зримо представить облик Петербурга XIX века, а также выражают авторскую модальность.

Список использованных источников

1. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Совет. энцикл., 1987. – 752 с.
2. Орлова, Н. Н. Основы теории литературы / Н. Н. Орлова. – М. : ИИУ МГОУ, 2016. – 133 с.
3. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. – М. : Наука, 1970. – 180 с.
4. Гоголь, Н. В. Петербургские повести / Н. В. Гоголь. – Минск : Нар. асвета, 1976. – 175 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 139
из 378

Д. Г. ЦЫРЫЛЬЧУК (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, кандидат филологических наук, доцент

ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВ *МАТЬ* И *ОТЕЦ*)

Экспериментальный метод в лингвистике начал применяться только в XX веке, но его популярность и значимость трудно переоценить. В частности, ассоциативный эксперимент признан эффективным способом исследования языкового сознания и его национально-культурной специфики, поскольку он демонстрирует объективно существующие в психике носителя языка связи слов, языковые стереотипы, особенности мировосприятия, систему ценностей участников опроса.

Материалом для нашего исследования послужили «Словарь ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева 1977 года (САНРЯ) [1] и «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю. Н. Караулова (РАС) в электронной версии [2]. Словарь А. А. Леонтьева составлялся и обрабатывался в течение 1969–1972 гг. В эксперименте принимали участие испытуемые разного возраста, имевшие высшее и незаконченное высшее образование, но подавляющее большинство испытуемых составили студенты, и, по всей вероятности, именно филологи. Ассоциативный опрос для РАС проводился в три этапа с 1986 по 1997 год. Последний словарь позволяет учитывать гендерные различия.

Для исследования были выбраны слова *мать* и *отец*, чрезвычайно важные для каждого человека и потому эмоционально коннотированные. Изменилось ли восприятие этих существительных за 20–30 лет?

В САНРЯ на слово *мать* зафиксировано 648 реакций, различных – 122, среди них 77 одиночных (11,9 %). В РАС реакций на данный стимул меньше – 536, но при этом различных реакций больше – 172, среди них 121 одиночная (22,6 %). То есть степень стандартности мышления существенно уменьшилась.

По данным обоих словарей, слово *мать* прежде всего ассоциируется со словом *отец*: в САНРЯ 29,8 %, в РАС у мужчин 14,2 %, у женщин 11,2 %. То есть самая частотная реакция – парадигматическая. А вот парадигматические реакции *дочь* и *сын* встречаются относительно редко. По данным РАС, они более характерны для женщин: 2,5 % – у мужчин 0,6 %; 0,8% – у мужчин отсутствует (есть одиночная реакция и *дочь*, и *сын*). В САНРЯ таких реакций примерно столько же: *дочь* 2,5 %, *сын* 0,5 %.

Две следующие реакции в САНРЯ – *родная* и *добрая* (по 9,9 %). В РАС слово *родная* также оказалось на втором месте по частоте – 11,9%: у мужчин 10,6 % (и единичная *моя родная*), у женщин 12,5 % (и еще единичные *родную*, *моя родная*). Но реакция *добрая* у женщин зафиксирована в 4,1 % случаев (и единичные *добра*, *доброта*, *большой доброты*), у мужчин всего 1,2 %. В среднем это 3,2 %, то есть втрое меньше, чем в САНРЯ.

Реакция *моя*, по данным РАС, у женщин встречается вдвое чаще: 8,2 % и 4,1 % (в среднем 6,9 %; у женщин еще 0,8 % *моя мама*). В САНРЯ таких реакций 5,6 % (и 0,8 % – *моя мать*)

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 140
из 378](#)

В САНРЯ больше реакций *женщина*: 4 %, в РАС 2,6 % (3 % у женщин, у мужчин 1,8 %). Зато у мужчин конца XX в. гораздо регулярнее оказались реакции *героиня* (5,3 % и 1,4 %), *Родина* (4,1 % и 1,6 %), в САНРЯ 0,3 % и 2,3 % соответственно. Интересно, что реакций *Горький, М. Горький, Максим Горький* и *Горького* в РАС 15 (2,8 %; есть еще реакции *роман* и *Павел*), а в САНРЯ всего 2 (0,3 %), хотя эксперимент по первому словарю проходил в условиях идеологического кризиса, а по второму – в период расцвета СССР.

По данным РАС, у женщин мы можем увидеть больше реакций с эмоциональными словами: *любимая* (4,6 % – у мужчин 1,78 %), *хорошая* (1,6 % и 1,1 %), *дорогая* (1,9 % и единичное *дорогой*; у мужчин отсутствует), *единственная* (0,8 %, у мужчин отсутствует), по 2 *мамочка, нежность*, единичные *все самое хорошее, лучшая, лучшее= что есть на свете, добрая=ласковая, мама милая, нежная, любимый, любимый мне человек, люблю, идеал* и др. Тем не менее, часть мужских реакций отражают теплые чувства к матери: *ласковая, милая, счастье, кровинушка*.

Стоит отметить, что бранное выражение *мать твою* в РАС у мужчин встречается чаще, чем у женщин (5,9 % и 0,8 %). Реакция *его* встретила по одному разу. Однако в САНРЯ таких реакций и вовсе не отмечалось.

Общее количество реакций на слово *отец* в РАС 644, в САНРЯ 219. Одиночные реакции на этот стимул в РАС составляют 23,8 %, а в САНРЯ 23,3 %, однако это следует трактовать не как меньшую стандартность ответов в САНРЯ по сравнению со стимулом *мать*, а как недостаточность выборки: поскольку респондентов было втрое меньше, уменьшилась и вероятность повторения ответов.

Самая частотная реакция парадигматическая – слово *мать*: в САНРЯ 25,1 %, в РАС 16,6 % (у мужчин 18 %, у женщин 16 %). Как и для стимула *мать*, мужчины демонстрируют несколько бóльшую стандартность мышления. Парадигматическая реакция *сын* частотнее, чем на стимул *мать*: в САНРЯ 3,2 %, в РАС у женщин 2,7 %, у мужчин 3,9 %.

Остальные частотные реакции являются синтагматическими. В обоих словарях на втором месте ассоциация *родной* (по 10,1 %; в РАС у женщин 10,7 %, у мужчин 8,7 %). Реакция *мой* в САНРЯ на третьем месте (6,9 %), а в РАС на четвертом (у женщин 5,9 %, у мужчин 3,9 %). В РАС ее потеснила ассоциация *семейства* (у женщин 5,9 %, у мужчин 4,9 %), не зафиксированная в САНРЯ (есть одиночная *семейство*), как и реакция *дом* (в РАС 2,3 %, но у мужчин 6,1 %). Зато реакция *строит*, напротив, наблюдается лишь в САНРЯ (3,7 %).

Интересно, что реакция *добрый* на стимул *отец* стала несколько частотнее (в САНРЯ 2,3 %, в РАС 2,6 %), хотя на стимул *мать* стала встречаться втрое реже. Вероятно, это связано с некоторым перераспределением ролей в семье. В РАС среди одиночных реакций, особенно среди женских, много абстрактных существительных с положительной коннотацией: *радость, уважение, гордость, доверие, тепло, жалость, мужество, справедливость, твердость, святое, опора, защита*. Последнее слово есть также в САНРЯ, но других абстрактных существительных с положительной коннотацией в данном словаре нет.

В САНРЯ встречаются реакции типа *умер* (3), *погиб* (2), *война, нету, не у всех, погибший, могила, смерть, это мне не знакомо* (1). Это отражает реалии того времени, незажившие раны войны.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 141
из 378

В РАС много реакций-рифм типа *овец, конец, молодец* (12), чего не наблюдается в САНРЯ. Среди одиночных реакций у мужчин в РАС зафиксированы глаголы с отрицательной коннотацией: *пьёт, гуляет, курит, сел, убежал, бросить*, существительные *алкоголик, пьяница* (2), *беглец, вредный, гад, дурак, подлец, злой, злость* (1). В САНРЯ таких реакций почти нет (*пьяница* и *гуляет* единично), что говорит либо о более высоком моральном уровне советского общества конца 60-х годов, либо о большей закрытости респондентов того времени.

Как и в случае со стимулом *мать*, литературные и другие культурные ассоциации гораздо характернее для РАС: *Сергий* (4; «Отец Сергий» Л. Н. Толстого), *русской демократии, Федор* («Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова), *крестный* (4; возможно, не все вызваны фильмом), *мафии, мафиози* (фильм «Крестный отец»), *Горио* («Отец Горио» О. де Бальзака). Следует упомянуть также реакции *Сталин, народов* (2), *народа*, связанные с культом личности И. В. Сталина, и вызванные возрождением православной религии на постсоветском пространстве ассоциации *отче, Алексий II, Пимен* (возможно, и *крестный*) и др. В САНРЯ подобных реакций нет.

Таким образом, за 20–30 лет, прошедших между экспериментами, зафиксированными в использованных словарях, стандартность мышления довольно существенно снизилась. При этом выросло количество культурных ассоциаций, появились реакции-рифмы. Негативные оценочные реакции на слово *отец* появились только в конце XX в., более ранний эксперимент отражает лишь трагические утраты прошедшей войны.

Список использованной литературы

1. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.
2. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/index.php>. – Дата доступа: 17.03.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 142
из 378

ПОДСЕКЦИЯ 3. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДА

С. М. АННАЕВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. Н. Грицук, старший преподаватель

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СЕМЬЯ» В РУССКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной работе сделана попытка на основе сравнительно-типологического анализа фразеологических единиц русского и туркменского языков, соотносимых с понятием «семья», выявить и показать их типологические сходства и различия как в плане выражения, так и в плане содержания. Нами были выделены 130 русских и 32 туркменских фразеологизма из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова, «Turkmen dilinin frazeologik sozlugi» С. Алтаева, Г. Ачиловой и С. Гуджукова, «Краткого русско-туркменского фразеологического словаря» Н. М. Шанского.

Фразеологические единицы каждого языка обладают своей генетической и национально-культурной спецификой, однако в разных языках всегда находятся идентичные и сходные фразеологические обороты как по своей семантике, так и по особенностям построения фразеологических образов. Это объясняется двумя факторами: 1) общностью жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, однотипностью отдельных форм образного видения мира у самых разных народов; 2) тесными культурно-историческими связями между отдельными народами, между целыми ареалами.

Семья – самая сплоченная и стабильная малая группа общества, восполняющая население в каждом последующем поколении. Семья – основа, на которой строится вся жизнь русского народа. В ней сосредоточены основные жизненные ценности, счастье, достаток. И в то же время в семейных отношениях проявляются как положительные, так и отрицательные черты характера членов семьи, определяющие их поведение и отношение друг к другу. Всё это представлено в русской и туркменской фразеологии и паремиологии.

Рассмотрим некоторые фразеологические единицы фразеотематического поля «семья» русского языка и их семантические особенности.

К устаревшим можно отнести 32 фразеологические единицы: *брат во христе* – единоведец-христианин; *единомышленник*; *молочный брат* – сын кормилицы по отношению к вскармливаемым ею чужим детям; *братья наши меньшие* – бедняки, неимущие; животные; *отец небесный* – Бог; *святой отец* – наименование лица духовного звания, священнослужителя (обычно в обращении) и т. д.

Разговорными являются 9 фразеологических единиц: *ваш брат* – вы и вам подобные; *наш брат* – мы и нам подобные; *на роду написано (кому)* – предопределено, заранее суждено; *матушкин сынок* – то же, что

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 143
из 378

маменькин сынок; **сын полка** – мальчик-подросток, обычно потерявший родителей, во время войны взятый в действующую часть и т. д.

Стилистически окрашены как высокие 4 фразеологические единицы: **плоть и кровь (кого, чья)** – родной ребенок, потомок; или идейно близкий человек; **подруга жизни** – жена, супруга; **просить руки (кого, чьей)** – обращаться к девушке (к женщине) с предложением вступить в брак или к ее родителям с просьбой дать согласие на брак с ней.

Приведем некоторые фразеологизмы фразеотематического поля «семья» туркменского языка: **bir gandan** – ‘одной крови’; **çykýa durmuşa** – ‘выходить / выйти замуж’; **ejem ogly** – ‘маменькин сынок’; **ejemiň eli bal ýaly** – ‘мамина рука как мед’; **ejesiniň gyzy** – ‘маменькина дочка’; **elini soramak (kimdir biriniň)** – ‘просить руки (кого, чьей)’; **ene ertekisi** – ‘бабушкины сказки’; **maşgalam baş galam** – ‘семья это крепость’; **maslahatym bagtly bolyň** – ‘совет вам да любовь’. Практически все ФЕ имеют положительную коннотацию, что связано с трепетным отношением к семейным ценностям у туркменского народа.

Чаще всего ФЕ поля «семья» содержат наименования лиц по родству или свойству: **мать** – 15, **отец** – 10, **сын** – 13, **дочь** – 2, **брат** – 19, **сестра** и **бабушка** – по 5, **невеста** и **кум** – по 2, единично **сват**, **невестка**, **прадед**. Однако компонентом исследуемых ФЕ может быть и соматизм (**кость** – 4, **рука** и **кровь** – по 3, **плоть** – 1) или слово, связанное с традицией бракосочетания (**свадьба** – 5, единично **венец** и **предложение**).

В туркменском языке выделено 14 компонентов. Наименования родства: **eje** и его формы / **ene** – 10 (*dogruçyl eje, ejem eli ak pamyk, ejem ogly, ejemiň eli bal ýaly, ejesiniň gyzy, öz ýürekdeş ejemjan, seni ejeň nädip dogurdy, gyзма eje, lalyň diline ejesi düşner, ene ertekisi*); **mama** – 1 (*gywatçy mama*); **ogul / oglan** – 5 (*edepsiz ogul, ogul döwlet başy, öz oglan doganym, ýürekdeş ogul, süýtdeş oglan dogan*); **gyz** – 4 (*ejesiniň gyzy, garry gyz, süýtdeş gyz dogan, ýuka ýürek gyz dogan*); **ata / kaka** – 2 (*myhman ataňdan uly, şähti açyk kaka*). Наименования людей встречаются единично: **çaga** (*heniz entek çaga*); **jora** (*ömrülik jora*); **eýesi** (*öý eýesi*); **maşgalam** (*maşgalam baş galam*). Соматизм в туркменских ФЕ один – **eli**, но встречается дважды: **elini soramak (kimdir biriniň)**, **ejem eli ak pamyk**. Ряд ФЕ содержат наименования, связанные с традицией бракосочетания или семейной жизнью: **toý** – 2 (*toýa çenli oňat bolar, örän oňat toý*); единично **gan** (*bir gandan*), **çykýa** (*çykýa durmuşa*), **bagtly** (*maslahatym bagtly bolyň*), **dogul** (*dogulman geçen*).

Таким образом, чаще всего ФЕ русского и туркменского языков фразеотематического поля «семья» содержат лексемы, обозначающие родство, что вполне логично. Наш материал показывает, что определение феномена семьи, ее структуры, внутрисемейных межличностных отношений является общим для русского и туркменского языков. Сходство фразеологии свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления носителей языков. Различие во фразеологизмах, представляющих специфически национальные образования, объясняется индивидуальностью исторического опыта языковых коллективов, самобытностью культуры.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 144
из 378

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, СВЯЗАННЫЕ С МИМИКОЙ ЧЕЛОВЕКА

Фразеологизмы изучались и изучаются многими лингвистами (Ф. Ф. Фортунатовым, В. В. Виноградовым, С. И. Ожеговым, О. С. Ахмановой, Н. М. Шанским и др.). Уже многие десятилетия в лингвистике наблюдается устойчивый интерес и к невербальным средствам коммуникации: мимике, жестам, культуре движений в целом. Фразеологизмы, связанные с мимикой, создают представление о личности человека, его характере, темпераменте.

Мимика – это главный показатель чувств. Под мимикой понимается движения мышц лица и того, что находится на лице (глаза, брови, нос, губы). Исследования лингвистов и психологов говорят о том, что при неподвижном или невидимом лице собеседника теряется до 10–15 % информации. Главной характеристикой мимики является ее целостность и динамичность. Это означает, что в мимическом выражении лица шести основных эмоциональных состояний (гнева, радости, страха, печали, удивления, отвращения) все движения мышц лица скоординированы.

Нами выбран из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Фёдорова фактический материал – 45 фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами, обозначающими мимику. Хотя каждая мимика является конфигурацией всего лица, основную информативную нагрузку, по нашим наблюдениям, несут глаза, брови, губы, рот, усы.

Большое значение для «считывания» черт характера человека приобретают **глаза** – зеркало души. Именно по ним можно узнать информацию о настроениях, эмоциях, характере, социальном положении личности. Фразеологизмы с определенным движением глаз приобретают спектр от значения искривления действительности к специфике мировосприятия. Приведём некоторые примеры с упомянутыми выше компонентами.

ГЛАЗА (5 ФЕ): и *глазом не ведет / повел* (разговорное, экспрессивное) – совсем не реагирует на что-либо (обычно – увиденное).

БРОВЬ (4 ФЕ): (*и даже*) *бровью не ведет / повел / шевельнул* (разговорное, экспрессивное) – совсем не реагирует на что-либо, *только бровью повести* (разговорное, экспрессивное) – сделать едва заметный знак, намек на что-либо.

ГУБЫ (4 ФЕ): *надуть / надуть губы / губки* (разговорное, ироническое) – сердиться, обижаться, проявляя недовольство в выражении лица и др.

РОТ (5 ФЕ): *рот до ушей* (разговорное, ироничное) – о широкой улыбке, жизнерадостном смехе, *раззявить рот* (просторечное, пренебрежительное) – быть крайне рассеянным, невнимательным, *разинуть рот* (разговорное, экспрессивное) – заслушаться, сильно увлечься, слушая что-либо и др.

УСЫ (2 ФЕ): и *усом не ведет / повел (кто)* (просторечное, экспрессивное) – не обращает внимание, не реагирует на что-либо.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 145
из 378

Встречаются фразеологизмы с синонимами к слову *лицо* – *мина, рожжа, рожжица* (5 ФЕ): *делать / сделать кислую мину* (ироничное) – выражать свое неудовольствие, капризничать, *делать рожжи* (просторечное, экспрессивное) – намеренно или непроизвольно гримасничать; строить рожжи, *корчить / скорчить рожжу, рожжицу / рожжи* (просторечное, экспрессивное) – гримасничать.

Нами выделены также устойчивые единицы, указывающее на общее выражение лица. Такое выражение может быть решающим в интерпретации той или иной черты характера человека. Например, фразеологизмы, которые образовались на базе метафорических переносов, могут указать на поведение человека: *как мышь на крупу (смотреть / уставиться)* (просторечное, пренебрежительное) – пристально и долго или недовольно и озадаченно (смотреть, рассматривать кого-то), *надулся как мышь на крупу* (просторечное, ироничное) – кто-либо очень сильно обижен и выражает недовольство своим видом; *ровно / точно муху проглотил* (просторечное) – о том, кто недоволен, имеет расстроенный кислый вид и др.

Таким образом, значения мимических фразеологизмов связываются с мимическими стереотипами, которые презентуют «репертуар» определенных черт характера человека. Сфера и частота использования рассмотренных фразеологизмов обусловлены традициями и национальным характером русского народа. Знание этих особенностей способствует взаимопониманию людей.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 146
из 378](#)

В. М. ВАБІШЧЭВІЧ (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

УСТОЙЛИВЫЯ ВЫРАЗЫ Ў НАРОДНА-ДЫЯЛЕКТНЫМ МАЎЛЕННІ

Прыказка – гэта фальклорны мікратэкст, у якім філасофскі змест спалучаецца з дасканаласцю формы, што адшліфоўвалася на працягу стагоддзяў. Пераважная большасць народных выслоўяў характарызуецца найбольшай канцэнтрацыяй думкі пры найменшай затраце слоўнага матэрыялу і «вылучаецца такімі асаблівасцямі, як сцісласць, выразнасць, вобразнасць, высокія мастацкія якасці» [1, с. 3].

Прыказкі, занатаваныя намі ў вёсцы Рубель Столінскага раёна, далёка не аднатыпныя моўныя адзінкі. Пры іх семантычным аналізе выразна вылучаюцца тры групы: выслоўі з алегарычным сэнсам кампанентаў, прыказкі з няпоўным пераасэнсаваннем кампанентаў і выслоўі з прамым значэннем слоў-кампанентаў.

Алегарычныя прыказкі ўтвараюцца не на лексічнай, а на сінтаксічнай аснове, г. зн. у выніку пераасэнсавання не кожнага слова паасобку, а ўсяго выказвання-сказа ў цэлым. Кампаненты як бы раствараюцца ў агульным сэнсе прыказкі і не маюць нічога агульнага з прамымі ці пераноснымі значэннямі адпаведных слоў. Напрыклад, народныя выслоўі **Колькі воўка не кормі, вон усё роўна ў лес глядзіць** ‘як ні старайся змяніць сутнасць чалавека, яго звычкі праявяць сябе’ (*У суседкі муж усё гуляў, а вона яго просіла. Я ёй кажу, што колькі воўка не кормі, вон усё роўна ў лес глядзіць*), **Баба з колёс – колёсам лягчэй** ‘калі хтосьці пакіне каго-н. ці адмовіцца ад чаго-н., то ад гэтага будзе толькі лепей’ (*Шура сказала, што з намі не поедзе по чарніцы. – Ну і добрэ. Баба з колёс – колёсам лягчэй*).

Кампаненты алегарычных прыказак толькі знешне, сваёй гукавой абалонкай падобныя на адпаведныя словы. У семантычных жа адносінах яны страцілі свае асноўныя якасці: асобнае лексічнае значэнне, лексіка-семантычную самастойнасць, прадметную аднесенасць. І ў сінтаксічных адносінах кампаненты такіх прыказак не павінны кваліфікавацца як члены сказа, алегарычныя прыказкі сінтаксічна непадзельныя. Да ліку прыказак з алегарычным сэнсам кампанентаў можна таксама аднесці наступныя: **Дзіравым збаном многа воды не наносіш** ‘сапсаванай прыладай працы нічога не зробіш’ (*Сцяпан тры дні косіў, да нічога не накосіў. Ужэ некалькі дней косу не кляпаў, бо дзіравым збаном многа воды не наносіш*), **Пока петух не клюнэ мужыка, той не перэхрэсціца** ‘пакуль чалавек не сутыкнецца з праблемай, бядой, ён нічога не робіць, каб яе прыдухіліць’ (*А я яму казаў, што крышу проваліць. Пока петух не клюнэ мужыка, той не перэхрэсціца*), **Хто з язычком, той з пірожком** ‘хто просіць, імкнецца дасягнуць чаго-н., той атрымлівае прошанае’ (*Трэба, Люба, смалейшай быць. Хто з язычком, той з пірожком. А з цябэ ніякого толку няма*), **Які пан – такі і жупан** ‘калі чалавек неакуратны, то і вопратка ў яго брудная’ (*Ты бачыла, якая ў Параскі спадніца гразна? – Які пан – такі й жупан*), **Сем раз адмэр, адзін – адрэж** ‘перш чым зрабіць што-н. сур’ёзнае, старанна абдумай’ (*Узяў Грыша крэдыт, а плаціць няма чым. Трэба ж было думаць, адкуль грошы браць. Сем раз адмэр, адзін – адрэж*), **Не плюй у колодзісь, сам з яго нап’ешся**

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 147
из 378

‘не рабі непрыемнасцей каму-н., бо гэтым можаш у далейшым пазбавіцца чыёй-н. падтрымкі, дапамогі’ (– *Ну, гэта Марыя страшна. – Колька, не плюй у колодзісь, сам з яго нап’ешса*) і інш.

Другая група аб’ядноўвае прыказкі, у якіх няма поўнага пераасэнсавання ўсіх кампанентаў. Частка слоў-кампанентаў такіх прыказак захоўвае сваё літаральнае значэнне. Такой з’яўляецца прыказка **Од работы конідохнуць**, што звычайна выкарыстоўваюць як жартаўлівае апраўданне сваёй бяздзейнасці. Сэнс народнага выслоўя – ‘ад работы ўсё старэе, становіцца непрыдатным’: – *Ідзі ўжэ поробі шчо, а то ўсе бокі одлежваеш! – Оцтань, Ніно. Од работы конідохнуць. Да вылучанай групы можна таксама аднесці прыказкі: Круці пэдалі, пока не далі ‘ўцякай, пакуль не пакаралі’ (Так, малы, шчо ты тут выступаеш? Круці пэдалі, пока не далі), Жызьнь прожыць – не поле пэрайсці ‘жыццё пражыць – нялёгкая справа’ (Ох, жызьнь прожыць – не поле пэрайсці, вэльмі цяжко гэто ўсэ), Шыло ў машку нэ ўтоіш ‘немагчыма ўтаіць тое, што само сябе выдае’ (Ідзі сознайса у гэтым, усэ роўно ж найдуць. Шыло ў машку не ўтоіш), Узяўса за гуж, то не кажы, шчо не дуж ‘калі ўзяўся за якую-н. справу, не адмаўляйся, спасылаючыся на цяжкасці яе выканання’ (Васіль, тобе мо цяжко? Ну, узяўса за гуж, то не кажы, шчо не дуж), Добра ложка до обэду ‘добрае, вартае ўвагі тое, што зроблена, атрымана своечасова, у патрэбны момант’ (– З Валікоднем цябэ! – То ж, Зонё, ужэ Валікодзень прошоў. Добра ложка до обэду), На чужы коравай рота не раззяўляй ‘не разлічвай на чужое’ (– Ганно, о якія ў цябэ цвяты. Коб мне такія. – А ты, Марыся, на чужы коравай рота не раззяўляй), Водой душу не обманэш ‘вадой не натолішся, трэба, каб была гарэлка’ (Сядзяць мужыкі за столом. Жонка ім компоту прынесла, гэты кажэ: – Водой душу не обманэш. Ніно, несі), Летом – ногою, зімой – губою ‘што летам адкінеш як нясмачнае, непатрэбнае, тое зімою з’ясі з вялікім задавальненнем’ (– Мамо, я ўжэ ўтомілас бульбу полоць. Нашчо нам гэтое? – Летом – ногою, зімой – губою. Так шчо полі), Хто больш цягне, на того й больш грузяць ‘хто больш на сябе бярэ, таму яшчэ больш работы даюць’ (Гэты Сярожа робіць усэ врэмя всю свою роботу добрэ. Такі добры хлопец, мне моцно нравіцца вон. А зарэ усэ до ночы сядзіць, бо надавалі ему чужой работы. І нічога сказаць не можа ім. Эх, не зра кажучь, хто больш цягне, на того й больш грузяць) і інш.*

У адных выпадках непераасэнсаваным застаецца толькі адно слова, што лёгка выяўляецца пры перадачы прыказкавага значэння. Гэта, напрыклад, слова *горбаты* ў прыказцы **Горбатого могіла справіць**, бо сэнс дадзенай прыказкі – ‘чалавека з недахопамі нішто не можа выправіць (нават смерць)’ (*Грыша, колькі тобе казаць шчэ, не робі так! Ох, горбатого могіла справіць*).

Часам толькі адно прыназоўнікава-склонавае спалучэнне мае літаральнае значэнне, астатнія кампаненты ўжыты фігуральна. Такім з’яўляецца спалучэнне *без работы* ў прыказцы **Без работы пернікоў не купіш**, якая абазначае ‘без працы нічога не атрымаеш’ (*Васіль, колі ты не будзеш вучыцца, то останешса без работы, а без работы пернікоў не купіш*).

Да трэцяй групы адносяцца прыказкі, якія ўжываюцца толькі ў прамым значэнні і не патрабуюць тлумачэння. Агульны сэнс кожнай такой парэміялагічнай адзінкі вынікае з прамых значэнняў яе слоў-кампанентаў. Напрыклад, **Малы дзеці – малы беды** (*Як кажучь, малы дзеці – малы беды. Я гэтэ поняла, толькі колі мой ужэ вэлікім стаў*), **Хто не робіць, той не есць** (– *Ідзі работай, шо разлэгса? – Ой, оцтань. – Ну, як хочэш. Ты знаеш,*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 148
из 378

што хто не робіць, той не есць), Халат лепш новы, а друг – стары (– Ты куды? – Я з Марыяй пойду ў клуб. – А Каця? – А мы з ёй посворыліся. Я ўжэ буду з Марыяй ходзіць. – Халат лепш новы, а друг – стары), **Язык мой – ураг мой** (Я як всегда ўсэ ляпаю своім языком. Ужэ много разоў замэчаю, што язык мой – ураг мой); **Дзе п'юць, там і льюць** (– Глянь ты на яго, разліў. Што наробіў? – Дзе п'юць, там і льюць), **Не трэба самому, парадай другому** (То колы тебе не нужны гэтыя кнігі, то мне лепш дай. Не трэба самому, парадай другому).

Парэміянае значэнне згаданай групы выслоўяў складаецца з сумы значэнняў слоў, якія ўваходзяць у іх склад. Аднак у некаторых выпадках неабходна сітуацыйная характарыстыка, каб паказаць, дзе, калі, пры якіх абставінах ужываецца прыказка з прамым значэннем кампанентаў.

Калі гаварыць пра стылістычныя асаблівасці разгледжаных груп прыказак, то трэба адзначыць, што названыя моўныя сродкі з'яўляюцца яркімі прыкладамі народнай творчасці, сапраўднай маўленчай выразнасці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапаможнік / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.
2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 511 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 149
из 378

Г. А. ГЕГЕНЯ (з. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ПРЫКАЗКІ ЯК ВЫРАЗНІКІ КАМУНІКАТЫЎНЫХ ІНТЭНЦЫЙ У ЛІТАРАТУРНЫМ КАНТЭКСТЕ

Асновай пры выбары пэўнай стратэгіі і тактыкі ў маўленчай камунікацыі выступаюць маральныя арыенціры і светапоглядныя каштоўнасці герояў твора: уведамленне свайго месца ў соцыуме, ступень адкрытасці і шчырасці ў дыялогу, адносіны да суб'ядніка, прыярытэт духоўных або маральных каштоўнасцей.

Камунікатыўная стратэгія і тактыка выяўляюцца праз асобныя камунікатыўныя інтэнцыі (намеры) персанажаў твораў. А. В. Багачова слушна адзначыла: «У аснове камунікатыўнай інтэнцыі ляжаць патрэбы, матыў і мэта, якія абумоўліваюць фактары маўленчага дзеяння, а таксама дэнатат значэння маўленчага выказвання. Камунікатыўныя інтэнцыі вызначаюць маўленчыя паводзіны камунікантаў, ролю суразмоўцаў як непасрэдных удзельнікаў акта камунікацыі, выступаюць свайго роду рэгулятарам вербальных паводзін партнёраў» [1, с. 7].

Рэалізацыя пэўнай інтэнцыі маўленчай камунікацыі залежыць ад ужывання ў дыялогах паміж героямі моўных сродкаў, якія выражаюць эмацыйны стан камунікантаў. Такімі яркімі моўнымі адзінкамі якраз і з'яўляюцца прыказкі і прымаўкі. Напрыклад, моўным сродкам ажыццяўлення **намеру выражэння ацэнкі** суб'ядніка служыць прыказка *Малы жук, ды вялікі гук* 'гаворыцца з неадабрэннем пра таго, хто перабольшвае свае якасці, магчымасці', ужытая ў наступным кантэксце: – *Патрэбен ты мне, як хата сабаку! – Патрэбен не патрэбен, а, мабыць, не адмовіла б! – Малы жук, ды – вялікі гук! – яна сказала гэта з такой абразлівай насмешкай, што Яўхім адразу не знайшоў, што і сказаць* [2, с. 35]. З дапамогай згаданай прыказкі Ганна Чарнушка ярка ацэньвае Яўхіма Глушака, перадае сваё адмоўнае стаўленне да яго.

Прыказкі выкарыстоўваюцца ў пэўных камунікатыўных сітуацыях з інтэнцыяй **выражэння ўпэўненасці**. Такі намер адлюстроўваюць выслоўі *Галавою сцяны не праб'еш* 'немагчыма, бескарысна супрацьстаяць сіле, уладзе', *Дыму без агню не бывае* 'на ўсё ёсць свая прычына; без прычыны нічога не бывае', ужытыя ў наступных кантэкстах: – *Не мамонт цяпер, – вінавата і як бы навучаючы запырэчыў Глушак. – Сіла ў іх цяпер!.. Галавою сцяны не праб'еш!* [3, с. 114]. *Вёў і вёў гаворку пра бяdotы няўдалага калгаса. Толькі дамаляваў становішча, спыніўся: – Канечно, тут дым без агня не бывае, нібы падумаў ён услых. – Ёсць усякія прычыны... Віна ёсць... Вінавата кіраўніцтва калгаса* [4, с. 54].

З намерам **перасцярогі** героем твора ўжыта прыказка *Покуль з багатага пух, то з беднага дух* 'чалавеку беднаму, бяспраўнаму дарэмна, безнадзейна судзіцца, спрачацца з багатым, уладным': – *Можна, і фэтон купіш? – Брычка ды курносы вазок ёсць. – Глядзі, цяпер багатых... – Покуль, кажучь, з багатага пух, то з беднага – дух, – і ён, дагнаўшы яе, сказаў тое, пра што яна сціхла, употайкі думала сама: – Сцеражыся ты Алесі, саступі з дарогі* [5, с. 260]. Наступны кантэкст таксама ярка ілюструе прыказку-перасцярогу, якая

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 150
из 378

ўкладваецца ў вусны героя твора: – Думаеш, немцы і сюды заявяцца? – Ну, калі ніхто не падкажа. А так – па слядах тваіх сяброў якраз. Неспакойныя, скажу табе, таварышы ў цябе аказаліся. Вось ужо праўду гавораць – не спытайшы броду, не сунься ў воду [6, с. 108].

Парэмія *Смерць і радзіны не выбіраюць гадзіны* ‘смерць і радзіны не падуладныя часу, могуць здарыцца ў любы час’ выкарыстоўваецца з намерам **напамінку пра што-небудзь**, што ярка бачыцца праз кантэкст: – *Па дварчанскіх хатах, па падсуседзях хаджу...* – А чаму ж думаеш, што я цябе ў кватаранты вазьму? – Няўжо мне жыўём у пятлю лезці? – **Смерць і радзіны не выбіраюць гадзіны**. Аставайся [7, с. 177].

Камунікатыўна-прагматычная інтэнцыя **выражэння забароны** рэалізуецца ў наступным кантэксце: *На шырокую спіну Вунгера, што ўжо стаяў, сагнуўшыся і выцягнуўшы назад тоўстыя, кароткія рукі, закурыўся сіваваты, як попел, цэмент.* – **Гэй, не лезь раней бацькі ў пекла! Дай склад адкрыю!** – закрычаў Давыдоўскі [8, с. 103]. Намер забароны падкрэсліваюць выклічнік *гэй*, дзеяслоў *закрычаць*, важную ролю адыгрывае і клічная інтанацыя, уласцівая прамоўленай прыказцы.

Інтэнцыі згоды або **нязгоды** сведчаць пра прыманне ці непрыманне пункту гледжання моўцы. У іх фарміраванні вялікую ролю адыгрывае дыялог. Згода можа выяўляцца праз такія інтэнцыі, як станоўчая ацэнка дзеяння, адабрэнне, падтрымка, дазвол. Нязгода выражаецца праз адмову выканаць просьбу / дзеянне, адмоўную ацэнку дзеяння, непадтрымку, непадпарадкаванне. Так, прыказка *Чужы рот не каўнер, не зашпіліш* ‘людзей не прымусіш маўчаць. Кажуць з неадабрэннем пра распаўсюджванне чутак, плётак’ ужываецца з мэтай выражэння згоды: – *А цяпер, кажучь, немцы пчолаў будуць як галубоў паіштых пускаць. Толькі бяда, што пчала далей, як на сем кіламетраў, не ляціць.* – *Ці мала нагавораць, – сказаў туды, за высокі пазелянелы і аблушчаны частакол, Літавар.* – **Чужы рот не каўнер, не зашпіліш, можа, і нагавораць, як ты кажаш,** – здалечыні даляцеў Ваўчкоў голас [9, с. 241]. Ваўчок згаджаецца з меркаваннем Літавара (людзі могуць нагаварыць, што заўгодна), пацвярджаючы сваю думку прыказкай. У наступным кантэксце ў вусны Старца ўкладзена прыказка *Чалавек страляе, а чорт кулю носіць* ‘не заўсёды бывае так, як хто-небудзь мяркуе, хоча, разлічвае’, якая таксама ілюструе інтэнцыю згоды: [Данілка:]. *Вось табе дык добра, дзедка: з адной хаты выкінуць, дык у другую пойдзеш.* [Марыля:]. *Усе ж да апошняга часу думалі, што за намі зямлю прызнаюць, тым часам наадварот выйшла.* [Старац:]. *Так, так, пані гаспадыня. Чалавек страляе, а чорт кулю носіць* [10, с. 565]. Старац згаджаецца со словамі гаспадыні Марылі, выкарыстоўваючы прыказку ў прыведзенай маўленчай сітуацыі.

Прыказка *Куй жалеза, пакуль гарачае* ‘спяшайся рабіць што-небудзь, пакуль не позна, пакуль ёсць спрыяльныя ўмовы; карыстайся момантам’ у прыведзеным кантэксце дапамагае Патолю выказаць нязгоду ў дачыненні да няўпэўненага ў сабе Бераснёва, падштурхнуць яго да абавязковага выканання дзеяння: – *Ну вось, а ты кажаш, каго разведаць, – з насмешкай сказаў Патоля і пачаў прыспешваць Бераснёва:* – *Хадзем, Севасцьян!* – *А можа?.. – памкнуўся да яго гаспадар вартоўні.* – *Нічога не можа, – ажно затупаў чамусьці на месцы Патоля.* – **Жалеза трэба каваць, пакуль гарачае** [6, с. 98].

Такім чынам, разгледжаныя намі эмацыйна-экспрэсіўныя парэміі выкарыстоўваюцца ў кантэкстах для выражэння розных намераў. Менавіта інтэнцыі ляжаць у аснове кожнай камунікатыўнай сітуацыі, праяўленай

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 151
из 378

у мастацкім кантэксце. Яны з'яўляюцца стымулам спараджэння выказванняў і выступаюць абавязковай умовай для развіцця далейшых зносін.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Богачева, Е. В. Вербализация намерения говорящего в диалоге (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Богачева. – М., 2007. – 20 с.
2. Мележ, І. Людзі на балоце : раман / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 399 с.
3. Мележ, І. Подых навальніцы : раман / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 479 с.
4. Мележ, І. Завеі, снежань : раман / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 262 с.
5. Адамчык, В. І скажа той, хто народзіцца : раман / В. Адамчык. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 319 с.
6. Чыгрынаў, І. Свае і чужынцы : раман / І. Чыгрынаў. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 367 с.
7. Адамчык, В. Голас крыві брата твайго : раман, апавяданне / В. Адамчык. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 287 с.
8. Адамчык, В. Чужая бацькаўшчына : раман / В. Адамчык. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 334 с.
9. Адамчык, В. Год нулявы : раман / В. Адамчык. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 396 с.
10. Купала, Я. Творы / Я. Купала. – Мінск : Маст. літ., 2015. – 806 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 152
из 378](#)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОМАТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

В последние десятилетия в лингвистике превалирует антропоцентрический подход, отразившийся и в работах по фразеологии (В. Н. Телия, В. М. Мокиенко Л. И. Степанова и др.). В русле данного подхода мы предприняли попытку исследования фразеологизмов с компонентом-соматизмом в русском и словацком языках.

Термин *соматизм* (от греч. *soma, somatos* ‘тело’) понимается более широко или узко. Мы придерживаемся более широкого понимания термина и, вслед за А. М. Кочеваткиным [1], делим соматизмы на:

1. Названия частей тела – **сомонимическая лексика** (от греч. *soma* ‘тело’ и *онума* ‘имя’).
2. Названия внутренних органов – **сплахнонимическая лексика** (от греч. *splanchna* ‘внутренности’ и *онума* ‘имя’).
3. Названия, связанные с кровеносной системой – **ангионимическая лексика** (от греч. *angeion* ‘сосуд’ и *онума* ‘имя’).
4. Названия органов чувств – **сенсонимическая лексика** (от лат. *sensus* ‘чувство, ощущение’ и греч. *онума* ‘имя’).

Нами был отобран ряд русских и словацких фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами, обозначающими части тела: всего 160 пар ФЕ, содержащих 24 наименования различных частей тела. Данные по частоте использования соматизмов во фразеологии обобщены в таблице 1.

Таблица 1 – Количество ФЕ с различными группами соматизмов

Группы соматизмов	Количество	Процент
Сенсонимическая лексика	108	67,5
Сомонимическая лексика	37	23,1
Ангионимическая лексика	9	5,6
Сплахнонимическая лексика	6	3,8
Всего	160	100

Абсолютное большинство отобранных фразеологических единиц содержит сенсонимическую лексику: самым частотным оказался соматизм *глаза* (по 50 ФЕ в каждом языке), во втором и третьем месте по частотности компоненты *язык* и *нос* (33 и 16 соответственно). Символические значения компонента *глаза / oči* многочисленны: глаза во фразеологии не только орган восприятия, но и символ душевного и физического состояния человека, его ментальных процессов (удивления, проявления внимания, страха, восхищения и др.), а также показатель искренности отношений. Компонент *язык / jazyk* почти однозначен – характеризует процесс вербальной коммуникации. Компонент *нос / nos* главным образом символизирует самую переднюю точку

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 153
из 378

человеческого лица, а потому ФЕ с ним связаны со значениями ‘близкое расстояние’, ‘любопытство’. Нос во фразеологии оказался и символом достоинства человека, прикосновение к носу оценивается как унижение (*водить за нос – vodiť za nos*). ФЕ с компонентом *уши / uši* чаще всего имеют значения, связанные со способностью воспринимать звуки (*слушать одним ухом – počúvať jedným uchom*).

На втором месте по частоте употребления в русских и словацких фразеологизмах находится сомонимическая лексика. Слова *голова / глава / hlava* во ФЕ не менее многозначны, чем *глаза / oči*: это и верхняя часть тела человека, и символ рассудка, контроля над собой, и место средоточия мыслей, и символ чего-то важного, и знак эмоционального состояния человека и др. Компонент *кожа (шкура) / koža* используется для обозначения самого человека, его внешней оболочки, для передачи внешних или внутренних состояний. Слова *ноги / nohy* употребляются не только как символ нижней части тела, опоры, но и как показатель материального благосостояния (*жить на широкую ногу – žiť na voľnej nohe*). Компонент же *руки / ruku* однозначен – символизирует труд, трудолюбие, умелость. Компонент *зубы / zuby* выступает как символ терпения, злости, сильного стремления получить желаемое, а также молчания.

Фразеологизмы, содержащие сплахнонимическую и ангионимическую лексику, сравнительно малочастотны в обоих языках. Сплахнонимическая лексика представлена лексемами *сердце / srdce* и *нервы / nervy*. Сердце выступает как центр средоточия чувств. Лексема *нервы / nervy* связана с крайне возбужденным состоянием человека. Во фразеологизмах с ангионимическим компонентом *кровь / krv* выражены такие значения, как родственные отношения, здоровье, знатное происхождение и др.

Фразеологический оборот по своей структуре может являться предложением. Соматические фразеологизмы-предложения построены по двум основным моделям:

1) по модели простого предложения: *у страха глаза велики – strach ma veľké oči*; *у стен есть уши – aj steny majú uši*; *волосы встали дыбом – vlasy stáli dupkom*; *мурашки бегают по спине – žimotriavky po chrbte behajú*; *камень с сердца упал – kameň zo srdca spadol* и др.;

2) по модели сложного предложения, причем как бессоюзного, так и сложноподчиненного: *с глаз долой, из сердца вон; глаз не видит, сердце не болит – zide z očí, zide z mysle*; *что на уме, то и на языке – čo na srdci, to na jazyku*.

Иногда в русском и словацком языках эти модели не совпадают. Например, русской поговорки *Язык до Киева доведет*, построенной по модели простого предложения, в словацком языке соответствует выражение *Kto má jazyk, do Ríma sa dorúta*, которое представляет собой сложное предложение.

Но большинство русских и словацких соматических фразеологизмов по строению соответствуют словосочетаниям:

1) сочетание глагола с существительным (с предлогом или без предлога): *висеть на волоске – visieť na vlásku*; *тянуть за язык – ťahať (niekoho) za jazyk*; *не отвести глаз – neodtrhnúť oči*, *улыбаться от уха до уха – smiať sa od ucha k uchu* и др.;

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 154
из 378

2) сочетание предложно-падежных форм существительных: *с головы до пят – od hlavy po päty*; *с глазу на глаз – z očí do očí*; *удар ниже пояса – úder pod pás*; рус. *рот до ушей и др.*;

3) сочетание прилагательного с существительным: *злые языки – zlé jazyky*; *острый глаз (у кого-либо) – (mat') bystré oči* и др.

На основе классификации фразеологизмов по эквивалентности частям речи Н. М. Шанского [2], среди исследуемых ФЕ можно выделить четыре типа:

1) глагольные: *прикусить язык – zakusnúť si do jazyka* ('замолчать'); *водить за нос – vodiť za nos* ('обманывать'); *напрягать/напрячь уши – napínať uši* ('прислушаться'); *скрипеть зубами – škripať zubami* ('злиться');

2) адъективные: *длинный язык – jazyk tu ide ako mlyn* ('болтливый'); *обе руки левые – obe ruky ľavé* ('неловкий, неуклюжий'); *острый глаз (у кого-либо) – mat' bystré oči* ('внимательный, зоркий');

3) адвербиальные: *с глазу на глаз – z očí do očí* ('наедине'); *слушать одним ухом – počúvať jedným uchom* ('невнимательно'); *(жить) на широкую ногу – (žiť) na voľnej nohe* ('богато'); *во все горло – na plné hrdlo* ('громко');

4) субстантивные: *злые языки – zlé jazyky* ('сплетники'); *удар ниже пояса – úder pod pás* ('предательство').

Наиболее распространены в обоих языках глагольные соматические фразеологизмы, а субстантивные единичны (см. табл. 2).

Таблица 2 – Классификация ФЕ по эквивалентности частям речи

Виды ФЕ	Абсолютное количество	Количество в процентах
Глагольные	130	81,3
Адъективные	12	7,5
Адвербиальные	16	10
Субстантивные	2	1,3
Всего	160	100

Русская и словацкая соматическая фразеология демонстрирует большое сходство языковых картин мира славянских народов.

Список использованной литературы

1. Кочеваткин, А. М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. М. Кочеваткин. – Саранск, 1999. – 190 л.

2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб. : Спец. лит., 1996. – 192 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 155
из 378

ВЫРАЖЭННЕ ПАДТЭКСТАВАЙ ІНФАРМАЦЫІ ПРЫ ЗАМЕНЕ КАМПАНЕНТА ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У АПОВЕСЦІ У. КАРАТКЕВІЧА «ДЗІКАЕ ПАЛЯВАННЕ КАРАЛЯ СТАХА»

У апошнія гады назіраецца павелічэнне колькасці даследаванняў у галіне фразеалогіі мастацкай літаратуры, а вывучэнне фразеалагічных адзінак у функцыянальна-стылістычным аспекце наогул з’яўляецца адным з актуальных напрамкаў сучаснай лінгвістыкі. Аднак існуюць іншыя магчымасці ва ўжыванні фразеалагізмаў, чым простае іх узнаўленне. Пісьменнікі нярэдка творча апрацоўваюць агульнавядомыя моўныя адзінкі. Структурныя змены, семантычныя зрухі – усё, што адыходзіць ад нарматыўнага ўжывання, што ўступае ў супярэчнасць з прынятымі ў літаратурнай мове спосабамі выражэння думкі, прыводзіць да аказіянальнага ўжывання маўленчых адзінак. Ужытыя ў апрацаваным выглядзе фразеалагізмы па-новаму асэнсоўваюцца, набываюць дадатковы сэнс, спрыяюць стварэнню імпліцытнай насычанасці твора.

Да аўтараў, якія ў сваёй творчасці актыўна звярталіся да трансфармаваных фразеалагічных адзінак, створаных на аснове гатовых моўных, зафіксаваных слоўнікамі, належыць і У. Караткевіч. Прааналізаваныя аказіянальныя моўныя адзінкі ў аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» паказалі, што пры трансфармацыі часцей за ўсё аўтар звяртаецца да замены аднаго, як правіла, назоўнікавага кампанента фразеалагізма іншым словам або словазлучэннем. І такая замена заўсёды чым-небудзь абумоўлена, бо «фразеалагізм мае абагульненае значэнне і, уступаючы ў сувязь з іншымі словамі ў сказе, патрабуе ў некаторых выпадках у адпаведнасці з творчымі задачамі пісьменніка канкрэтызацыі, сітуацыйнага прыстасавання да кантэксту» [1, с. 121].

Так, фразеалагізм *мядзведжы куток/кут* са значэннем ‘глухая, аддаленая мясціна; глуш’ [2, т. 2, с. 318] ужыты з заменай апошняга слова: *Тады тут быў этнаграфічны рай, хоць казка, а асабліва легенда, як найбольш нетрывалыя прадукты народнай фантазіі, пачалі забірацца ўсё далей і далей, у мядзведжую глуш* [3, с. 323]. Такая свядомая замена прывяла не проста да з’яўлення ў сказе трансфармаванага фразеалагізма, але і надала яму новае, гіпербалістычнае адценне. Аўтар, выкарыстоўваючы гіпербалу для эмацыянальнага ўзмацнення выказвання, нібы звяртае ўвагу чытачоў не толькі на геаграфічную аддаленасць мясцовасці, куды едзе ў пошуках народных паданняў Андрэй Беларэцкі, але і на звязаныя з гэтай аддаленасцю норавы, прымхі і забабоны мясцовых жыхароў. Увогуле ў аповесці неаднаразова падкрэсліваецца пэўная адчужанасць Балотных Ялін: *Я ехаў з губернскага горада М. у самы глухі куток губерні на наёмным вазку* [3, с. 321]; *...Адзін мой знаёмы параіў мне паехаць у Н-скі павет, месца, якое нават у той час лічылася глухім* [3, с. 325]; *Мне пачынала здавацца, што гэта назаўсёды, гэтыя бурныя раўніны, дрыгва, напаўжывыя ад трасцы людзі, выміраючы ад старасці парк – уся гэта безнадзейная і ўсё ж родная зямля, над якой ўдзень хмары, а ўначы свеціць воўчае сонца або лье бясконца зліва* [3, с. 345]. Матываванае замена ва ўзуальнай фразеалагічнай адзінцы *цыганскае сонца*, якая мае значэнне

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 156
из 378

‘начное свяціла, месяц’ [2, т. 2, с. 428], кампанента *цыганскае* на *воўчае* ўсведамляецца выразна: дзеянне адбываецца ў глухой мясцовасці, сярод балот і лясоў, дзе драпежных жывёл куды больш, чым людзей.

Цікавы эфект абнаўлення вобразнасці фразеалагізма *стары верабей* можна прадэманстраваць на прыкладзе выказвання пана Дубатоўка: *Падаруй старому бабру адзін танец, а там хоць і паміраць* [3, с. 385]. У слоўніку сэнс узуальнай моўнай адзінкі падаецца наступным чынам: ‘вельмі вопытны, спрактыкаваны чалавек’ [2, т. 1, с. 187]. Думаецца, у аўтара было некалькі прычын для ажыццяўлення дадзенай трансфармацыі. Па-першае, калі А. Беларэцкі першы раз пабачыў Дубатоўка, то адзначыў пра сябе: *Рэдка здаралася мне бачыць такога волата* [3, с. 370]. Натуральна, што мужчына «пад сажань ростам» знешне не асацыіруецца з невялікай пужлівай птушкай атрада вераб’іных. Па-другое, бабёр, згодна з тлумачальным слоўнікам беларускай літаратурнай мовы, – ‘жывёліна атрада грызуноў, якая жыве ў лесе каля рэк і вадаёмаў і мае каштоўнае футра’ [4, с. 77]. Такой заменай кампанента пісьменнік нібы падкрэслівае, наколькі моцна пейзаж можа ўздзейнічаць на самаўспрыманне чалавека, а самаўспрыманне, у сваю чаргу, непасрэдна ўплывае на светаадчуванне і паводзіны.

У залежнасці ад сітуацыйнага прыстасавання да кантэксту ў аповесці сустракаюцца выпадкі рознай трансфармацыі узуальнага фразеалагізма *вазіць ваду* са значэннем ‘абцяжарваць каго-небудзь непасільнай, зневажальнай работай’ [2, т. 1, с. 168]. Разгледзім прыклад, калі адбываецца замена кампанента *вада* на кампанент *каменні*: *Ніякія маральныя крытэрыі не дапамагалі, я калаціўся як асінавы ліст, а калі заснуў, то быў такім выснажаным, быццам век **вазіў каменні*** [3, с. 415], так пачуваў сябе А. Беларэцкі пасля замаху на сваё жыццё, калі неведомы страляў па ім з куста бэзу. Да гэтага раптоўнага стрэлу далучыліся ўспаміны пра жахлівы твар Малога Чалавека ў акне, Блакітную Жанчыну, сустрэчу з дзікім паляваннем. Як нам падаецца, замена тут дапамагае больш дакладна апісаць душэўны стан галоўнага героя, бо вада праз сваю празрыстасць і вадкасць псіхалагічна не ўспрымаецца такім цяжкім рэчывам, як камень – цвёрдая горная парода. Яшчэ, думаецца, у эрудзіраванага чытача аказіянальны фразеалагізм *вазіць каменні* можа выклікаць пэўную асацыяцыю са старажытнагрэчаскім персанажам Сізіфам, які пасля смерці раз за разам павінен быў зацягваць на гару вялікі камень. Зараз звернемся да сказа, дзе ў фразеалагізме *вазіць ваду* замест кампанента *вада* ўжываецца слова *смала*: *І няхай на мне на тым свеце Люцыпар **смалу возіць**, калі я, стары грахаводнік, праз месяц не буду ніць на тваім вяселлі гарэлку з твайго туфліка* [3, с. 371]. Дзякуючы такой замене, у аўтара з’явілася магчымасць прадэманстраваць уяўленні пра пекла не толькі пана Дубатоўка, але і ўсяго беларускага народа. Згодна з беларускім паданнем, у пекле «навокал яго (Люцыпара – заўвага аўтара) кіпяць катлы з душамі, на якія зверху льецца смала <...>. Да гары, з якой валіць дым, з усіх бакоў на вазах рухаюцца грэшнікі, якія вязуць смалу» [5, с. 373].

Такім чынам, прааналізаваны фактычны матэрыял паказвае, што пісьменнік наўмысна пераўтварае тыя фразеалагічныя адзінкі, якія не ў поўнай меры адпавядаюць падзеям, якія апісваюцца ў творы, тым самым ствараецца няяўны, адрозны ад прамога значэння выказвання сэнс. У той жа час патлумачыць матываванасць з’яўлення ў сказе аказіянальнага фразеалагізма можна толькі пры ўстанаўленні яго сувязі з кантэкстам.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 157
из 378](#)

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 262 с.
2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – 2 т.
3. Караткевіч, У. С. Збор твораў : у 25 т. / У. Караткевіч ; рэдкал.: І. М. Паланейчык [і інш.]. – Мінск : Маст. літ., 2012–2020. – Т. 4 : Аповесці. Легенда : канец 1940-х – 1958 / падрыхт. тэкстаў і камент. А. Вераб’я і П. Жаўняровіча ; рэд. тома В. Іўчанкаў. – 2013. – 861 с.
4. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
5. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 158
из 378](#)

АЦЭНАЧНЫЯ ПРЫКАЗКІ Ў ЛІТАРАТУРНЫМ КАНТЭКСТЕ

Прыказкі з’яўляюцца каштоўным нацыянальным здабыткам, увасабленнем шматгадовага жыццёвага вопыту народа. Менавіта ў мастацкіх творах яны набываюць асаблівую ролю. Іх шматфункцыянальнасць праяўляецца не толькі ў валоданні экспрэсіяй, але і ў выражэнні пэўнага суджэння пра тыя ці іншыя з’явы, прадметы і адначасова ў наданні ім станоўчай ці адмоўнай характарыстыкі. Катэгорыі ацэначнасці і эмацыянальнасці ўзаемязвязаны ў прыказках. А разам з імі ў цеснай сувязі знаходзіцца і катэгорыя экспрэсіўнасці.

Прыказкі, выконваючы ацэначную функцыю, часцей за ўсё выражаюць адмоўную характарыстыку чалавека ці нежывога прадмета або сітуацыі. Так, выслоўе **Чакай Пятра – з’ясі сыру** дапамагае адмоўна ацаніць сітуацыю, падкрэсліваючы адсутнасць надзей, што збудзецца тое, пра што ідзе размова ў кантэксце: – *Хіба я які пірат? Прыйдзе час – нам і самі дадуць. – Чакай Пятра – з’ясі сыру* [1, с. 158].

Часам пісьменнікі, характарызуючы персанажаў, выкарыстоўваюць прыказкі, каб апраўдаць іх дзеянні: – *Ага, яму падабаецца, як за мяжой. І працаваць не хоча, бо ад работы конідохнюць* [2, с. 234]. Ужытае ў кантэксце выслоўе **Ад работы конідохнюць** у жартаўлівай форме апраўдвае нежаданне героя працаваць.

Прыказкі могуць ужывацца і як адмоўныя рэакцыі. Напрыклад, народнае выслоўе **Не вучы вучонага – з’ясі ката пячонага** выражае нежаданне слухаць чыю-небудзь параду: – *Супонь тужэй зацягні, бо конь шыю намуляе, – раіць збоку Алёшка. – Не вучы вучонага – з’ясі ката пячонага, – злуецца Стась* [3, с. 315].

З’яўляючыся яркім вобразным сродкам, прыказка перадае эмацыянальны стан чалавека, выражае розныя пачуцці: здзіўленне, насмешку, іранічнасць, жартаўлівасць, гнеў, абурэнне і інш. Эмацыянальнасць разам з ацэначнасцю ў такіх выпадках з’яўляецца пастаяннай яе якасцю. Так, прыказка **Там добра, дзе нас няма** ўжываецца як іранічнае адмаўленне, што дзе-небудзь жыццё, становішча лепшае, чым тут: – *Калі замуж выйдзеш – не надта раз’ездзішся, – прыкідвае Таня. – А як не выйдзеш... тады сорамна, таксама не паедзеш. Ужо і не такія прыгожанькія, і пахваліцца няма чым. Кажуць – там добра, дзе нас няма* [2, с. 218]. Прыказку **У гасцях добра, а дома лепш** выкарыстоўваюць у маўленні як жартаўлівае выказванне, калі збіраюцца ісці адкуль-небудзь дамоў або пасля вяртання дамоў: – *Хутчэй дахаты, – сказала Таня, – у гасцях добра, а дома лепш* [2, с. 302]. Выслоўе **Прыйдзе каза да воза** выражае пагрозу, абурэнне: – *Косця, я табе сальнік даваў? – Даваў. – Дык больш нічога не дам. Выключы сваю шарманку. – Не выключу. – Прыйдзе каза да воза* [4, с. 203]. Прыказка **Я ёй – пра Фаму, яна мне – пра Ярому** выяўляе незадаволенасць ад непаразумення паміж суразмоўцамі: – *На гарышча скокні. Там, пад кроквінай, шынка і сухая кілбаса ветраць. – Вынюхаў, абжора! Глядзі ж, сам не ухай. То для ўнукаў хаваю. На восень Пеця абяцаў прыехаць. Талік і Жэнька тэж даўно не былі – у госці сышчуцца. – Я ёй – пра Фаму, яна мне – пра Ярому, – пакрыўдзіўся Дзям’ян. – Без пачастунку тая Глафіра і не падумае выпісваць пенсію* [4, с. 275].

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 159
из 378

Яркай ацэнкай валодаюць прыказкі, якія выражаюць пачуцці і волевыяўленні персанажа. Такія эмацыянальна-валявыя рэакцыі, як упэўненасць, надзея, выражаюцца ў выслоўі *Загляне сонца і ў наша аконца: – Не, Мікалай Казіміравіч, мы не такія, як здаёмся. Загляне сонца і ў наша аконца!..* [2, с. 110].

Прыказкі даюць яркую ацэнку персанажам у мастацкіх творах. Праз вобразную прыказку *Варона з кала, сем – на кол* ацэньваецца канкрэтная жыццёвая сітуацыя, раскрываецца сэнс ‘заўсёды знойдуцца ахвотнікі заняць свабоднае, толькі што вызваленае месца на службе, рабоце і інш.’ [5, с. 79]. Так адбылося і з Адамам Адамавічам з аповесці «Уратуй ад нячыстага» В. Гардзея. Яго адправілі на іншую работу. Але не паспеў ён там уладкавацца, як яго старое месца заняў ужо іншы чалавек: *Адама Адамавіча па даносу жонкі Аксаны ўсё-такі адправілі на прафсаюзную работу ў Баранавічы, і дзён колькі легкавушка з рыжым тэнтам была без гаспадара. Але святое месца пустым не бывае: варона з кала, сем – на кол* [4, с. 252]. Выслоўе *На сваім сметніку і певень гаспадар* раскрывае вобраз чалавека, які на сваім месцы паводзіць сябе незалежна: *Зрэшты, не дай Бог куды-небудзь пераязджаць, як той казаў, на сваім сметніку і певень гаспадар* [6, с. 63].

Прыказка *Ганчар гаршкі лепіць, а сам у чарапах варыць* характарызуе чалавека, які робіць што-небудзь для іншых, але не мае магчымасці зрабіць гэта для сябе: – *Што, і вам даюць кватэры? – Даюць, а як жа! Ганчар гаршкі лепіць, а сам у чарапах варыць... Так і мы. Зробім – і вам аддамо* [1, с. 213]. Праз прыказку *Покуль з багатага пух, дык з беднага дух* даецца ацэнка чалавека беднага, беспрацоўнага, якому дарэмна, безнадзейна судзіцца, спрачацца з багатым, уладным: – *Менавіта. Якраз тыя, у каго многа чаго ёсць, першыя лажацца на дарозе прагрэсу. – Іх душыць няўмольнае кола гісторыі. – Покуль з багатага пух, дык з беднага дух* [1, с. 193].

Выразна характарызуюць адносіны паміж дзецьмі і бацькамі такія прыказкі, як *Які куст, такая і адрасля* ‘свае недахопы, заганы дзеці пераймаюць ад бацькоў’ [5, с. 456], *Дзеткі надраслі, хатку растраслі* ‘пра вялікія выдаткі бацькоў на дарослых дзяцей’ [5, с. 127]. Яны ўжываюцца ў наступных кантэкстах: *Сапраўды, хіба пры добрым бацьку дзеці робяцца злодзеямі? У іх так і гавораць: які куст, такая і адрасля* [2, с. 288]. *Так, выраслі дзеткі. Як гэта кажучь: дзеткі надраслі, хатку растраслі* [2, с. 207]. Як відаць, ужытымі вобразнымі выслоўямі пісьменнік падкрэсліў, што па дзецях можна ахарактарызаваць іх бацькоў: дзеці здольны здзяйсняць тыя ж учынкi, што і іх бацькі, маюць падобныя рысы характару, манеры паводзінаў, погляды на жыццё.

Многія прыказкі у творах пісьменнікаў выступаюць у ролі заключнай ацэнкі ці высновы, якая ўжо не патрабуе тлумачэння і не аспрэчваецца. Так, прыказка *Дыму без агню не бывае* ў творы У. Дамашэвіча «Камень з гары» выступае ў ролі своеасаблівага падагульнення: гераіня паверыла, што ў распаўсюджаных плётках ёсць доля праўды: – *Бо мне адна кабета сказала, што купіў гэтай рыжсай жане гадзіннік і заручальны пярсцёнак, і што як стаў хадзіць туды, то купілі яны і халадзільнік, і радыёлу, і дарагі вялікі, на ўсю падлогу, дыван. Мо гэта плёткі, аднак дыму без агню не бывае* [1, с. 308]. Як вядома, на ўсё ёсць свая прычына, а без прычыны не бывае нічога. Аўтар звятае ўвагу, калі б не было гэтай асновы, то і плёткі б не распаўсюджваліся.

Такім чынам, ацэначныя прыказкі як дзейсны сродак характарыстыкі персанажаў ахопліваюць розныя бакі рэчаіснасці. Яны не толькі называюць тыя ці іншыя з’явы рэчаіснасці, але і перадаюць пэўныя адносіны моўцы –

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 160
из 378

іронію, жартаўлівасць, незадаволенасць, абурэнне. Гэта дае мажлівасць дакладна, вобразна і эмацыянальна выказаць думку.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дамашэвіч, У. Камень з гары : раман / У. Дамашэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 334 с.
2. Кажадуб, А. Дарога на замчышча : аповесці / А. Кажадуб. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 304 с.
3. Гардзей, В. К. З мінулага не вяртаюцца... : аповесці, апавяданні / В. К. Гардзей. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 511 с.
4. Гардзей, В. Уратуй ад нячыстага : аповесці, апавяданні / В. Гардзей. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 367 с.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 511 с.
6. Кажадуб, А. Святы калодзеж : апавяданні / А. Кажадуб. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 316 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 161
из 378](#)

Э. О. САПАРДУРДЫЕВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Н. М. Гурина, кандидат филологических наук, доцент

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование коммуникативно и психологически значимых обозначений эмоций человека, запечатленных в языковой картине мира, позволяет выявить представление носителей языка об образе человека, что и определяет актуальность данной работы.

Согласно К. Изарду, эмоция – это «нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [1, с. 52]. В узком значении эмоция – это непосредственное, временное переживание какого-нибудь более постоянного чувства. Большинство ученых делят эмоции на положительные и отрицательные. Подобная несколько обобщенная классификация эмоций в целом правильна и полезна и осуществляется на основании их сенсорных или эмпирических характеристик. Однако понятия «положительное», «отрицательное» в приложении к эмоциям требуют некоторого уточнения, как показано в книге К. Изарда [1]. Нужно помнить, что всякая эмоция (например, радость, страх) может быть и позитивной, и негативной – в зависимости от того, насколько она помогает или мешает адаптации человека в конкретной ситуации. Далее мы будем рассматривать отрицательные эмоции в зависимости от степени нежелательности вызываемых ими последствий. Их языковая репрезентация представлена в словаре-справочнике Р. И. Яранцева в разделе «Тематический указатель фразеологизмов» [2].

Практика показывает, что для выражения одной и той же эмоции люди часто пользуются различными языковыми и речевыми средствами. С другой стороны, замечено, что одни и те же средства могут быть использованы для выражения различных эмоций. Система взаимоотношений между эмоциями и языком чрезвычайно сложна: человек не способен точно выражать языком свои эмоции, многие из них вообще не подлежат речевому выражению. Однако реконструкция эмоциональной системы человека на основании языковых данных возможна, о чем свидетельствуют многие исследования, в частности Ю. Д. Апресяна [3].

Фразеологические обороты, называющие отрицательные эмоции, были извлечены путем сплошной выборки из «Фразеологического словаря русского литературного языка» под редакцией А. И. Федорова [4]. Картотеку составили 127 единиц. Анализ материала показал, что фразеологизмы, отобранные составителями из произведений русской классической литературы, устарели и молодым носителям языка неизвестны. В нашей выборке помету *устаревшее* имеют 17 фразеологизмов (чуть больше 20 %), но и другие единицы хронологически очень далеки от современного молодого человека (например, обороты *невзвидеть света*, *держат сердце* не имеют хронологических помет, но уже вышли из употребления). Помету *разговорное* имеет 61 ФЕ, а *просторечное* – 26 ФЕ. Прагматически маркированными являются 11 ФЕ, причем пометы разнообразны по оценке: 5 ироничное, 2 неодобрительное, по одному шутливое, грубо-просторечное, презрительное, бранное.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 162
из 378

Вслед за К. Изардом, распределим ФЕ по группам, называющим негативные эмоциональные состояния: недовольство, раздражение, злость, ярость – 31 %, печаль, отчаяние, горе – 29 %, страх, ужас – 12 %, волнение, тревога – 11 %, неодобрение, пренебрежение, презрение – 7 %, удивление, испуг – 6 %, стыд – 4 %. Ниже следует краткая характеристика каждой денотативной группы.

1. Недовольство, раздражение, злость, ярость: *выходить из себя, доходить до белого каления, лопнуть от злости, не находить слов, сердце закипело, смотреть волком, точить зуб на кого-либо, трепать нервы, хвататься за голову и др.* (всего 34). Как показали примеры, гнев и ярость – яркая в своем выражении эмоция, которая сопровождается «картинными» жестами (*биться головой о стенку, метать громы и молнии, рвать на себе волосы*). ФЕ отражают гиперболичность этих переживаний: *раздирать на себе ризы, скрежетать зубами, сверкать глазами*.

2. Печаль, отчаяние, горе: *ад в душе, берeditь душу, броситься в омут с головой, вешать нос на квинту, душа надрывается/разрывается, хоть в петлю лезь, надрывать душу, надрывать сердце, невзвидеть света, как нож в сердце, рвать душу, словно ножом резануть по сердцу, сердце кровью обливается, хлебнуть лиха, хоть караул кричи и др.* (всего 24). Горе, страдание – весьма сложная фундаментальная эмоция, чаще всего страдание связано с полученной достоверной информацией о невозможности удовлетворения важнейших жизненных потребностей. Горе можно переживать тихо: *вешать голову, ломать руки, ком в горле*. Часто горе имеет звуковое сопровождение: *удариться в рев, хоть волком вой*. Отчаяние, горе человек переживает экспрессивно: *надсаживать душу, кусать локти, лезть на стену*.

3. Страх, ужас: *вколачивать душу в пятки, дрожать за свою шкуру, дрожать как осиновый лист, душа в пятках, кровь в жилах застывает, небо с овчинку кажется, ни жив ни мертв, обливаться холодным потом, поджилки трясутся, сердце в пятки уходит, сердце замирает, сердце заходится, сердце захолонуло, сердце покатилося и др.* (всего 26). Страх имеет следующие внешние проявления: *волосы становятся дыбом, бросает в дрожь, поджилки трясутся, сердце дрожит как овечий хвост, зуб на зуб не попадает, мурашки по спине*. Реакция на страх схожа с реакцией на холод: *мороз по коже, кровь хладеет в жилах*.

4. Волнение, тревога. Описание волнения возможно через телесное проявление этого состояния: *кошки скребут на душе, бросает то в жар, то в холод, бросить в холодный пот, душа болит, душа не на месте, защемило сердце, перевернуть всю душу, сам не свой, не по себе, хватать за душу, в растрепанных чувствах и др.* (всего 20).

5. Неодобрение, пренебрежение, презрение: *ветер в голове, из рук вон, гад ползучий, чертом глядит, дурь в голову ударила, не из храброго десятка, нет стыда в глазах, ни стыда ни совести* (всего 9). «Ситуации, активирующие гнев, зачастую одновременно активируют эмоции отвращения и презрения. Комбинацию этих трех эмоций можно рассматривать как триаду враждебности» [1, с. 328].

6. Удивление, испуг: *ахти мне! глаза на лоб лезут, большими глазами, сердце ёкнуло, сердце закатывается, сердце обрывается, сердце отрывается* (всего 8). Как считают психологи, удивление – кратковременное состояние. Согласно данным фразеологии, главной приметой удивления является широко открытые глаза и рот:

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 163
из 378

глаза на лоб лезут, лицо вытянулось на какую пуговицу, челюсть отвисла. В состоянии испуга изменяются некоторые физические характеристики человеческого организма: *сердце обрывается*.

7. Стыд: *бросает в краску, куда глаза девать, готов сквозь землю провалиться, сгорать от стыда, совесть заговорила, уши горят* (всего 6). Переживая стыд, человек опускает или отворачивает голову, прячет взгляд, прикрывает глаза и заливается стыдливым румянцем.

Далее наша работа будет продолжаться в лингвометодическом аспекте. Опираясь на данный языковой материал, мы разрабатываем систему разноуровневых заданий для студентов-филологов второго курса. Двигаясь от простого к сложному, студенты-иностранцы могут усвоить минимальный набор ФЕ, описывающих отрицательные эмоции.

Список использованной литературы

1. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб. : Питер, 2004. – 469 с.
2. Яранцев, Р. И. Фразеология : словарь-справочник / Р. И. Яранцев. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. – 894 с.
3. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 ч. / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Цитадель, 1997. – 2 ч.
5. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб. : Питер, 2006. – 1096 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 164
из 378

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологизмами, или фразеологическими единицами (ФЕ), называют, как известно, семантически связанные сочетания слов, которые создаются не в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинирования слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава. Фразеологизмы – наиболее специфическая часть лексико-фразеологической системы любого языка, в том числе и русского. Постоянно пополняясь новыми единицами, лексико-фразеологический состав языка отражает культурно-исторический опыт народа, а также особенности развития языка.

Одежда с давних времен и до наших дней является зеркалом, в котором отражается история человечества. Многие наименования одежды принадлежат к древнейшему слою лексики, поскольку они сопровождают человека с момента вступления его в социум. Соответственно, такие слова являются активной составляющей и фразеологического фонда языка.

Нами выбран из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Фёдорова фактический материал – 82 ФЕ с компонентом-наименованием одежды. Эти единицы условно можно распределить по 5 группам: 1) названия верхней одежды; 2) названия головных уборов; 3) названия обуви; 4) названия частей одежды и 5) названия аксессуаров.

Предметом исследования явились ФЕ, в составе которых используются названия головных уборов. Всего выделено 38 ФЕ данной группы.

Чаще всего, по нашим наблюдениям, в составе рассматриваемых ФЕ встречаются существительные *шапка, шляпа, колпак, венок, венец, кепка, козырек, вуаль* др. Такие ФЕ создают яркий образ того или иного человека или характеризуют обстоятельства, ситуацию, действие. Приведем некоторые примеры с упомянутыми выше компонентами.

ШАПКА (18 ФЕ): *дело в шапке* (просторечное, шутливое) – то же, что дело в шляпе; *шапками закидаем* (просторечное, пренебрежительное) – легко и быстро победим. Хвастливое, легкомысленное уверение в победе; *пустить шапку по кругу* (устаревшее, просторечное) – начать сбор денег, ценностей и т. п. в пользу пострадавших; собирать пожертвования в чью-либо пользу; *снимать / снять шапку* – почтительно приветствовать кого-либо, сняв в знак уважения головной убор и др.

ШЛЯПА (5 ФЕ): *дело в шляпе* (разговорное, экспрессивное) – все в полном порядке; все завершилось очень хорошо; *кинуть шляпу на воздух* (устаревшее, экспрессивное) – прийти в восторг, очень сильно обрадоваться чему-либо (бросив при этом от избытка чувств шляпу, шапку и т. п. вверх); *снимать / снять шляпу* (перед кем)

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 165
из 378

(книжное) – выражать кому-либо свое почтение, глубокое уважение; *хвататься за шляпу* (устаревшее, экспрессивное) – поспешно уходить, взяв шляпу.

ВЕНЕЦ (7 ФЕ): *лавровый венец* (книжное) – символ славы, победы, награды; *терновый венец* (книжное) – символ страданий, мученичества; *хоть под венец (кому)* (разговорное, экспрессивное) – хоть замуж выходи; о том, кто молодо выглядит, очень моложав; *из-под венца* (устаревшее) – тотчас после венчания, *идти / пойти к / под венец / венцу* (устаревшее) – вступать в законный брак; *принимать / принять венец* (устаревшее) – венчаться; *принять мученический венец* (устаревшее, книжное) – пострадать, умереть в тяжелых мучениях.

ВЕНОК (2 ФЕ): *лавровый венок* (книжное) – то же, что лавровый венец; *терновый венок* (книжное) – то же, что терновый венец.

КОЛПАК (3 ФЕ): *под стеклянный колпак посадить / поставить / поместить* и т. п. (разговорное, экспрессивное) – изолировать от всяких внешних воздействий, быть в полной отчужденности; *как (будто) под стеклянным колпаком* (разговорное, экспрессивное) – на виду, не имея возможности скрыть, утаить что-либо; *под колпаком* (у кого) – на подозрении у кого-либо.

КЕПКА (1 ФЕ): *метр с кепкой* (просторечное, ироничное) – о низкорослом человеке.

КОЗЫРЕК (1 ФЕ): *взять под козырек* – приветствовать по-военному, приложив руку к козырьку.

ВУАЛЬ (1 ФЕ): *накидывать / накинуть вуаль (на что)* (книжное) – намеренно делать неясным: скрывать истинное положение вещей, правду.

По структуре некоторые ФЕ с названиями головных уборов соотносятся с целым предложением. Это предикативные фразеологизмы, соотносимые с двусоставными предложениями (*на воре шапка горит* и др.), с односоставными предложениями (*шапками закидаем* и др.). Однако большая часть таких ФЕ соотносится со словосочетаниями различных моделей. Существительные, обозначающие головные уборы, могут быть главными словами в грамматическом и семантическом планах (*лавровый венец; терновый венок* и др.). В глагольных словосочетаниях такие единицы или выступают объектом, на который распространяется действие (*под стеклянный колпак посадить; принять венец; накинуть вуаль* и др.), или входят в предложно-падежные формы (*взять под козырек*), играющие важную смысловую и грамматическую роль в составе фразеологического оборота.

Фразеологизмы с названиями головных уборов в самом своём лексическом составе содержат указания на сферу материальной культуры. Хотя они не являются значительным по объёму фрагментом лексико-фразеологической системы, но многие из них широко используются в современной русской речи, придавая ей непринужденный характер; устаревшие фразеологизмы отмечены в художественной литературе; просторечные фразеологизмы – примета устной русской речи.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 166
из 378

О НЕОФРАЗЕМАХ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В настоящее время русский язык переживает период интенсивного развития. Живо откликаясь на влияние экстралингвистических факторов, он активно пополняется новой лексикой и фразеологией, отражающей наиболее актуальные процессы, происходящие в мире. Как справедливо замечает В. М. Мокиенко, «Наиболее общей доминантой современного состояния русского языка ... следует признать его интенсивную динамизацию. Она проявляется в виде трех основных тенденций – неологизации (новеллизации), экспрессивизации и демократизации» [1, с. 22].

Чтобы изучать особенности неологизации, необходимо дать четкое определение понятию *неологизм*. Наиболее полное, по нашему мнению, определение предложила Н. З. Котелова. Она конкретизирует его по нескольким параметрам – 1) время, т. е. в каком периоде единица считается новой; 2) языковое пространство, т. е. где, в каком языке единица является новой; 3) что именно является новым – само слово (неолексема), значение слова (неосемема) или устойчивое сочетание слов (неофразема); 4) что является новым в структуре языковой единицы. Учитывая данные параметры, Н. З. Котелова дает следующее определение: «Лексические новшества <...> – это слова, значения слов, идиомы, узуально существующие в определенный период в определенном языке, подязыке, языковой сфере и т. д. и не существовавшие в определенном образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подязыке, языковой сфере и т. д.» [2, с. 196].

При выделении неофразем мы считаем целесообразным придерживаться широкого подхода к объему фразеологии и учитываем такие критерии, как несколькословность и раздельнооформленность, устойчивость и воспроизводимость, наличие семантической сложности. Для анализа новых фразеологических единиц мы обратились к языку СМИ, т. к. он наиболее оперативно реагирует на появление изменений в окружающей действительности и знакомит с ними широкие общественные массы, превращая тем самым процесс фразеологизации в крайне стремительную процедуру. Едва появившись, многие неологизмы, будучи растиражированными СМИ, становятся знакомыми и понятными в течение весьма короткого периода.

Источником неофразем для нашего исследования послужил сайт Издательского дома «Беларусь сегодня», где публикуются материалы газет «Беларусь сегодня», «Знамя юности», «Сельская газета», «Рэспубліка», «Народная газета» [3].

Востребованность неофразем в языке публицистики высока по многим причинам. Данные единицы зачастую характеризуются высокой степенью экспрессивности. Журналисты, используя их, делают свои репортажи более живыми и привлекательными для читателя, имеют возможность выразить свое отношение к содержанию, не прибегая к стандартным фразам.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 167
из 378

Так, сочетание стилистически нейтральных слов в данных неофразах создает эффект иронии: *Только вот исключение, драконами становятся не те, кто победил врага, а просто воины с нарисованным динозавром, диванные воины. Знаете же, сейчас даже термин появился такой – «диванные войска». И они беспощадны: все знают лучшие специалистов, отважны и хитроумны.* Это происходит благодаря совмещению сем со значением ‘активные действия’, ‘борьба’ (воины, войска) и ‘мягкость’, ‘пассивность’ (диванный).

В другом примере можно проследить, как слова с положительной семантикой (‘отдающий часть себя другим’ и ‘надежность, защищенность’), соединяясь в одну неофразу, создают позитивный образ целой страны: *Беларусь – безопасное государство. Спокойная, миролюбивая, гостеприимная страна. Надежный, ответственный, держащий слово партнер. ... Мало того, на международной арене нас уже называют «донором безопасности».*

Кроме того, использование неофразем соответствует принципу языковой экономии и позволяет в нескольких словах дать определение любому явлению действительности. Ведь будучи несколькословным образованием, неофраза способна выразить гораздо больше, чем одна лексема. Ее значение складывается не только из слов-компонентов, но и из значения того сочетания, в которое они вступают. Приведем некоторые примеры: *слепые покупки* – покупки, которые покупатель совершает, не видя товар вживую; *токсичные отношения* – отношения, в которых желания и потребности человека игнорируются; *крутить ленту* – просматривать страницу с новостями в соцсетях.

Семантическая емкость неофразем в сочетании с повышенной экспрессивностью делают их ценным материалом для использования в текстах, особенно в заголовках, основная цель которых – привлечь и удержать внимание читателя. Так, заголовок *О феномене смомби, или «мертвых ходоках»* наверняка не останется незамеченным и побудит к дальнейшему чтению. Из контекста значение выражения *мертвый ходок* становится ясным – ‘человек, который идет, уткнувшись в телефон, и ничего не замечает вокруг себя’. В этой неофраза совмещается номинативная (называние явления) и экспрессивная (выражение неодобрительного отношения) функции. Можно говорить и о текстообразующей функции данной единицы – автор употребляет ее в начале материала, и дальнейшая структура статьи служит объяснению употребления неофраземы.

Помимо уже названных, любая неофраза в тексте обладает коммуникативной функцией, т. е. служит для передачи информации (*тонкий клиент, дорожная карта, белая книга, желтые жилеты, снять заборы*).

Прагматическая функция языковых единиц, выражающаяся в воздействии на читателя, может быть проиллюстрирована с помощью ряда неофразем с компонентом *зеленый*: *зеленая экономика, зеленый город, зеленая школа, Белорусский зеленый крест, зеленые технологии* и др. Необходимость бережного отношения к ресурсам и поддержания чистоты окружающей среды акцентируется во многих публикациях и активно внедряется в общественное сознание.

Многообразие функций неофразем позволяет использовать их в текстах самой разнообразной тематики. Однако наибольшей фразообразовательной активностью обладают такие сферы, как политика (*санкционные войны, хромая утка, ядерная дипломатия*), экономика (*черные лебеди, программа лояльности, финансовое*

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 168
из 378](#)

оздоровление), образование (облачный класс, электронный дневник) инновационные технологии (майнинговая ферма, электронная очередь, цифровой детокс), т. е. как раз те, где происходят динамичные преобразования. Благодаря СМИ читатели своевременно не только знакомятся с последними событиями, но и обогащают свой лексикон новыми лексическими и фразеологическими единицами.

Список использованной литературы

1. Мокиенко, В. М. Динамические тенденции в современном русском языке / В. М. Мокиенко // Записки Гор. ин-та / С.-Петерб. гос. гор. ун-т. – СПб. : СПГГУ, 2011. – Т. 193 : Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. – С. 21–24.
2. Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 276 с.
3. Издательский дом «Беларусь сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by>. – Дата доступа: 03.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 169
из 378

СЕКЦИЯ 3. СЛОВО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

А. А. ГЕРАСИМОВА (г. Брест, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

МОЎНЫЯ СРОДКІ ВЫРАЖЭННЯ АЦЭНКІ Ў ТВОРАХ МІХАСЯ СТРАЛЬЦОВА

У мастацкім тэксце эмацыйна-ацэначная лексіка выконвае разнастайныя функцыі, галоўнай з якіх з’яўляюцца выражэнне канататыўнага зместу тэксту. Да прыватных тэкставых функцый ацэначнай лексікі адносяць стварэнне псіхалагічнага партрэта персанажа, эмацыянальная інтэрпрэтацыя свету, які адлюстроўваецца ў тэксце, і яго ацэнка, паказ унутранага свету аўтара, уздзеянне на чытача.

«Ацэначная лексіка, – як слушна зазначае В. В. Урбан, – змяшчае інфармацыю аб суб’ектыўным адлюстраванні аб’ектыўнага свету і эмацыйных адносінах утваральніка маўлення да прадмета гаворкі» [1, с. 8]. Намінацыі літаратурных герояў могуць выражаць як агульнаацэначнае значэнне, калі чалавек ацэньваецца станоўча ці адмоўна, і прыватнаацэначнае значэнне, калі характарызуецца пэўная якасць, уласцівасць чалавека.

Ацэнку выяўляюць назоўнікі як з прамым значэннем, так і з пераносным. Вялікую групу складаюць ацэначныя словы з прамым значэннем. Выражаная такімі намінацыямі ацэнка перш за ўсё інтэлектуальна-лагічная, а ўжо сам характар зместу вызначае іх эмацыйную афарбаванасць.

Выразна ацэначнасць выяўляецца ў назоўніках. Гэтыя словы з’яўляюцца, як правіла, асабовымі намінацыямі і характарызуюць пэўныя рысы характару чалавека, яго паводзіны. Найчасцей ужываюцца яны ў маўленні персанажаў. Напрыклад: – *Ну, спі, выдумічык, я пайшла* [2, с. 17] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі). Назоўнік *выдумічык* выступае ў якасці зваротка. Стылістычна афарбаванае слова *выдумічык* мае прамое значэнне ‘той, хто выдумвае што-н., жартаўнік’.

Да ліку ацэначных намінацый з прамым значэннем адносіцца і слова *зануда* ‘надакучлівы чалавек’. У кантэксце для ўзмацнення экспрэсіі і эмацыянальнасці гэтая лексема паўтараецца, да яе далучаецца прыметнік *звычайны*, што дае дадатковую ацэначную характарыстыку героя: – *Зануда, – думаў Юновіч, – самы звычайны зануда, – але думаў зусім не злосна, бо не адкрываў амерык: рэдактара ніхто не любіў* (с. 81).

Слова *зладзюга* абазначае таго, хто крадзе, займаецца крадзяжом: – *Я цябе, зладзюгу, злаўлю* (с. 25). У прыведзеным кантэксце слова не страціла свайго значэння, праз яго даецца рэзка негатыўная ацэнка героя.

Адмоўная ацэнка дадзена і словам *разява*, якое абазначае рассеянага, няўважлівага чалавека. Ацэначны статус лексемы прыводзіць да ўзмацнення агульнай эмацыйнай танальнасці кантэксту, што аказвае на рэцыпіента моцнае ўздзеянне: – *Ды ты ж аглянуцца, разява гэтая, не паспееш, як кватэру хто другі зойме, а тады – як жа! – вытурыш яго адтуль* (с. 53).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 170
из 378

Слова *баламут*, што мае значэнне ‘прайдоха, інтрыган, спакуснік’, актуалізуе характар паводзін персанажа, яго каштоўнасныя арыенціры: *Звязалася з баламутам гэтым, трэба ж, гарадскога хлеба захацела. У вёсцы, можа, за настаўніка выйшла б...* (с. 51).

Адмоўная ацэнка выражана і лексемай *урвіцель*, якая мае значэнне ‘галаварэз, вісус’: – *Не, не надта разгуляецца Хмыль, урвіцель гэты. Возьмецца за яго калгас!* (с. 22).

Слова *шэльма* са значэннем ‘нягоднік, паганец’ дае герою іранічную ацэнку: – *Ай, шэльма ты, шэльма, – і дзед ківаў галавой і ўсміхаўся* (с. 234).

Лексема *прайдзісвет* мае значэнне ‘пранырлівы, хітры чалавек; прайдоха’ і паказвае на паводзіны персанажа, учынкі, дзеянні якога выклікаюць агіду і абурэнне, дае негатыўную ацэнку герою. Адмоўная ацэнка ўзмацняецца з дапамогай прыметніка *прыблудны*: *Замуж другі раз не выйшла, а дзяцей ад двух ад розных прайдзісветаў прыблудных завяла* (с. 105). Такую ж семантыку мае слова *валацуга*: – *Ах, каб табе, ліхадзей ты гэтакі, валацуга прыблудны!* (с. 23).

Цікавымі з’яўляюцца выпадкі, калі кантэкст надае пазітыўна афарбаванаму слову зусім супрацьлеглае, адмоўнае значэнне. Так, слова *дабрадзей* абазначае чалавека, які робіць дабро, дапамагае, аказвае паслугу. Але ў кантэксце яно набывае адмоўную ацэнку. Слова выкарыстана з іранічнай афарбоўкай: – *Ах ты, добрадзей са слязой кручанай, ах ты, піжон!* (с. 142).

Асаблівай групай, што выступае носьбітам эмацыйнай ацэначнасці, характэрнай для прозы Міхася Стральцова, выступаюць складаныя ацэначныя намінацыі. Такія словы акцэнтуюць увагу на паводзінах персанажаў і выдзяляюцца яркай унутранай формай: *Прапанова ўсім спадабалася, заядлыя дымакуры падняліся з-за стала, ажывіліся дзяўчаты* (с. 34). *Людзі ваявалі, а ён адседжваўся, крыкун гэты, тарбахват...* (с. 242). *Каб жа знаціць, што будзе такое, няхай бы Казік, шылахвост гэты, аставаўся адзін пры сваім гарадскім набытку* (с. 50).

У многіх кантэкстах Міхася Стральцова назоўнікі набываюць пераноснае ацэначнае значэнне. Гэта выяўляецца на прыкладзе такіх намінацый, як *цаца, корч, графіня, ахмістрынька* і інш.

Як вядома, назоўнік *цаца* валодае прамым значэннем ‘тое, чым можна забавіць дзіця; цацка’. У аўтарскім кантэксце намінацыя страціла прамое значэнне, яна выкарыстоўваецца з іранічнай афарбоўкай, з пераносным значэннем ‘чалавек, які важнічае’. Узмацняецца адмоўная ацэнка праз азначальны прыметнік *вялікі*: *Ён думае, што калі ў карты ўмее гуляць, дык ужо і вялікая цаца* (с. 225).

Так, прамыя значэнні слова *корч* – ‘1. Пень, вывернуты з зямлі з карэннем. 2. Куст бульбы, цыбулі, вывернуты з зямлі’. У кантэксце Міхася Стральцова намінацыя губляе прамое значэнне. Яна выкарыстоўваецца з пераносным значэннем ‘вельмі стары чалавек’. Узмацняецца экспрэсія і ацэнка за кошт прыметніка *дурны*: – *Дурны ты корч, – сказаў ён сабе, – нічога яшчэ не страчана, усё ў цябе наперадзе* (с. 21).

Слова *ахмістрынька* ў аўтарскім кантэксце страціла сваё прамое значэнне ‘жанчына, якая вядзе хатнюю гаспадарку ў багатым доме’. Гэтая ацэначная намінацыя выкарыстоўваецца з іроніяй і мае пераноснае значэнне ‘вельмі дбайная, клапацівая гаспадыня’: – *Калі ласка, дарагая ахмістрынька, ва ўласныя вашы ручкі!* (с. 53).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 171
из 378

Як вядома, слова *графіня* мае значэнне ‘тытул, жонка ці дачка графа’. У кантэксце Міхася Стральцова намінацыя губляе прамое значэнне і ўжываецца ў пераносным ‘важная, ганарыстая жанчына, якая лічыць сябе лепшай за іншых’. Слова адмоўна характарызуе персанажа: – *Эй ты, графіня, – крыкнуў таксіст, прачыняючы дзверцы, – вочы твае дзе? Якую сябе данясеш мужу?* (с. 159).

Цікавасць выклікае лексема *жаўтароцік*. Яно матывавана, і асновай для пераасэнсавання стала назва маленькага птушаняці, якое бездапаможнае і зусім невопытнае. Праз кантэкст мы разумеем значэнне лексемы ‘малады, нявопытны чалавек’. Праз яе даецца іранічная характарыстыка герою: *І вось на балконе паявіўся жаўтароцік, а за ім другі, з круглатварай дзяўчынай, – яна ўсе чаплялася за хлопцаву руку* (с. 169).

Як бачым, проза Міхася Стральцова – гэта арыгінальнае мастацтва слова з пэўнымі адметнасцямі арганізацыі моўнага матэрыялу. Яна вызначаецца стылістычна матываваным ужываннем моўных адзінак, якія перадаюць адметнасць жывога маўлення і садзейнічаюць эмацыйна-ацэначнай перадачы зместу, стварэнню яркіх вобразаў персанажаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Урбан, В. В. Катэгорыя ацэнкі ў беларускай дыялектнай мове (на матэрыяле субстантываў – характарыстык асобы) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / В. В. Урбан. – Мінск, 2002. – 21 с.
2. Стральцоў, М. С. Выбранае: Проза, паэзія, эсэ / М. С. Стральцоў. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 607 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 172
из 378](#)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ И. С. ТУРГЕНЕВА (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕСТИ «АСЯ»)

С появлением Национального корпуса русского языка и других массивных корпусов текстов появилась возможность получения убедительных статистических данных по различным языковым явлениям. Корпусная статистика позволяет достаточно объективно разграничить отдельные жанры, выявить специфические особенности художественной речи того или иного автора. Цель данной работы – выявить особенности идиостиля И. С. Тургенева в повести «Ася» на основе статистических данных, полученных из Национального корпуса русского языка [1]. При изучении идиостиля того или иного писателя самое большое внимание уделяется лексическому уровню языка, однако стилистические ресурсы морфологии тоже играют важную роль в формировании индивидуального авторского стиля.

По данным Национального корпуса русского языка, общее количество словоформ в произведении И. С. Тургенева «Ася» – 13 813 (29 из них – это инициалы, 22 – цифры, они не учитываются при анализе), в то время как общий объем текстов со снятой грамматической омонимией в НКРЯ составляет 6 003 398 словоупотреблений. К имени существительному относится 39 % слов в НКРЯ, но всего 25 % – в повести И. С. Тургенева «Ася». Меньше в исследуемом произведении и имен прилагательных – 9 % вместо 12 %. Зато существенно больше местоимений: 31 %, тогда как в корпусе в целом только 17 %. Глаголов в «Асе» также больше средней нормы: 27 %, в НКРЯ 23%.

Более наглядно разница в распределении частей речи по частоте видна на следующей диаграмме (рис. 1).

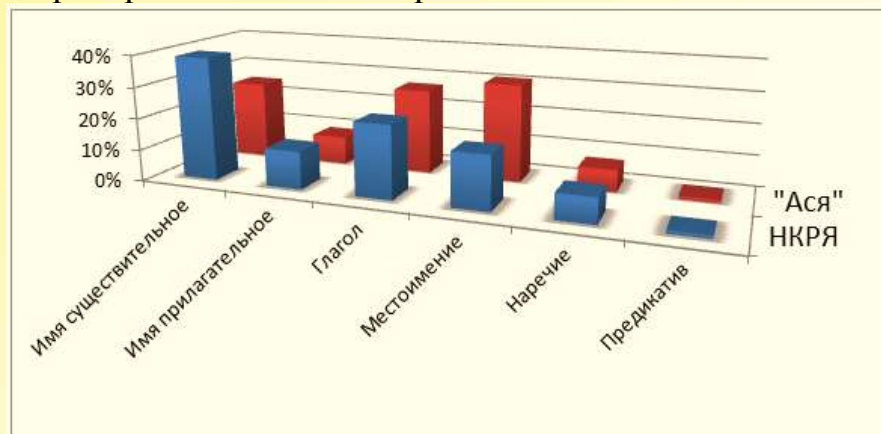

Рисунок 1 – Распределение словоупотреблений по частям речи в НКРЯ и «Асе»

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 173
из 378

Среди местоимений в повести И. С. Тургенева «Ася» явно преобладают личные и лично-указательные (1868 из 2237 местоимений-существительных), половину употреблений которых составляет местоимение *я* (942). В НКРЯ в целом личные и лично-указательные местоимения составляют 68,1 % от словоупотреблений местоимений-существительных, тогда как в исследуемой повести – 83,5 %. Местоимение *я* в среднем по корпусу составляет 27,7 % личных и лично-указательных местоимений, но в «Асе» – 50,4 %. Разумеется, это связано с тем, что повествование ведется от первого лица, что придает произведению личное, интимное звучание.

В корпусе в целом *я* используется чуть реже, чем местоимение *он*: 27,7 % и 27,9 % соответственно. Но в повести «Ася» словоупотреблений *он* всего 6,5 %. Реже использует И. С. Тургенев и местоимение *они* (2,6 % вместо 9,6 %), зато 23,3 % личных и лично-указательных местоимений составляет местоимение *она* (в НКРЯ всего 12,6 %), что наглядно демонстрирует степень сосредоточенности повествования на главной героине. Существенно реже нормы И. С. Тургенев использует местоимение *ты* – всего 1,5 % вместо 6 %. Зато несколько чаще соответствующее местоимение множественного числа *вы*: 9 % вместо 6,8 %. Это связано с тем, что в диалогах чаще используется обращение на *вы*.

Более наглядно разница в распределении различных местоимений по частоте видна на следующей диаграмме (рис. 2).

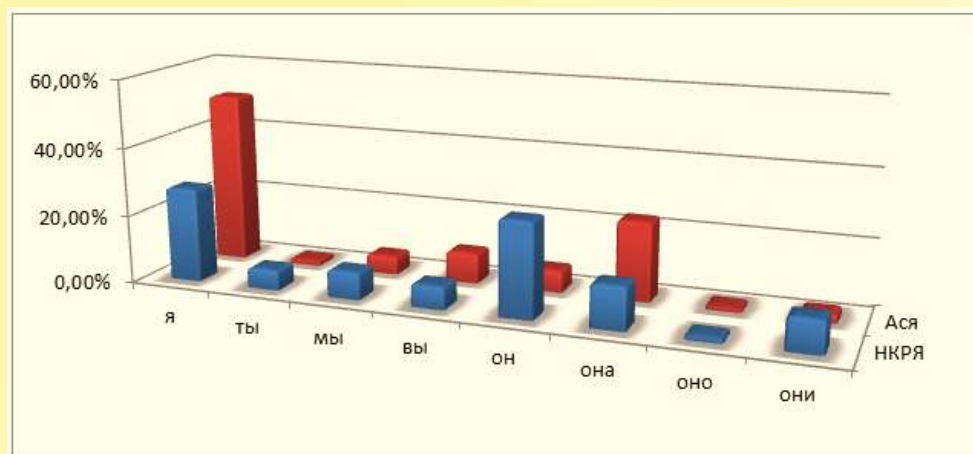

Рисунок 2 – Личные и лично-указательные местоимения в НКРЯ и «Асе»

Особенностью индивидуального стиля И. С. Тургенева является точное и красочное описание происходящих по сюжету действий, для этого автор активно использует глагольные формы. Их общее количество в анализируемом произведении – 2866. Большинство глагольных форм относятся к прошедшему времени изъявительного наклонения (1993, или 69,5 %), что вызвано самой структурой повести – это рассказ о прошлом. В НКРЯ в целом формы прошедшего времени составляют 45,4 % от всех глагольных форм. Обращает на себя внимание небольшое количество причастий в повести «Ася» – их 134, они составляют всего 4,7 % от глагольных форм, тогда как в среднем по корпусу 9,3 %. Если учесть, что и имен прилагательных в исследуемом произведе-

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 174
из 378

нии на четверть меньше, чем в корпусе в целом (9 % вместо 12 %), можно сделать вывод, что И. С. Тургенев реже использует определительные конструкции, чем пишущие на русском языке в среднем.

Изучение индивидуального авторского стиля является одной из важнейших задач в стилистике. Согласно А. И. Ефимову, изучение идиостиля выражается главным образом в определении того, что берется писателем из языка и как, в каких целях употребляется, и чем отличается «голос» данного писателя от «голосов» других» [2, с. 166]. На наш взгляд, статистика дает самые убедительные ответы на такие вопросы.

Список использованной литературы

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 23.02.2019.
2. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М. : Просвещение, 1957. – 246 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 175
из 378

ПАРАЎНАЛЬНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў МАСТАЦКІМ РАДКУ В. БЫКАВА

Яшчэ антычныя філосафы заўважылі, што ў аснове ўсякага тропа ляжыць параўнанне. У тагачасных паэтыках усе тропы разглядаліся як разнавіднасць параўнання. Да прыкладу, лічылася, што метафара ці метанімія – гэта не што іншае, як скарачанае параўнанне. Аднак не кожнае параўнанне можна ператварыць у метафару і не кожная метафара можа перайсці ў разгорнутае параўнанне. Да таго ж паміж метафарай і параўнаннем існуюць значныя якасныя адрозненні: калі ў параўнанні, асабліва разгорнутым, выразна выяўляюцца два планы, то ў метафары гэтыя планы зліваюцца. Таму, называючы троп скарачаным параўнаннем, разумеюць параўнанне ў шырокім сэнсе – як здольнасць чалавека знаходзіць нешта агульнае, узаемасувязь паміж прадметамі і з’явамі рэчаіснасці, якая ўзнікае на аснове вобразных асацыяцый. Характар гэтых асацыяцый і характар найчасцей ужываемых аўтарам тропаў залежыць ад яго светаўспрымання, мастацкіх сімпатый, агульнай культуры, ад развітаемых ім літаратурных традыцый і стану літаратурнага працэсу на пэўным этапе яго развіцця.

В. Быкаў – пісьменнік-рэаліст. Для рэалістычнай паэтыкі характэрны прынцып лакальнай вытрыманасці вобразных асацыяцый. Сутнасць яго ў тым, што падбор вобразных сродкаў у мастацкім творы залежыць ад характару жыцця і побыту яго персанажаў. Гэтаму адпавядае асноўны прынцып рэалістычнага адлюстравання рэчаіснасці, пры якім тыповыя характары паказваюцца ў тыповых абставінах. М. Я. Цікоцкі наконт гэтага адзначыў наступнае: «Малюючы свайго героя ў яго канкрэтным жыццёвым асяроддзі, у тыповых абставінах, пісьменнік-рэаліст асэнсоўвае навакольную рэчаіснасць у вобразах думак свайго героя, яго пачуццяў, яго заняткаў і інтарэсаў. Таму ўсе метафарычныя сродкі ён будзе звычайна на канкрэтна-жыццёвых асацыяцыях» [1, с. 65].

Параўнанне – даволі распаўсюджаны сродак стварэння вобразаў герояў у мастацкім творы. Яно выражаецца пры супастаўленні двух прадметаў або з’яў рэчаіснасці на аснове іх падабенства ці адрознення. Пры дапамозе параўнанняў пісьменніку ўдаецца стварыць мастацкі вобраз больш ярка, выразней раскрыць перажыванні персанажаў, выказаць стаўленне іншых персанажаў да іх. Звычайна параўнанні складаюцца з трох неабходных па логіцы кампанентаў: суб’екта (тое, што параўноўваецца), аб’екта (тое з чым параўноўваецца) і асновы параўнання. У выніку тое, што параўноўваецца, становіцца больш відавочным і выразным. Узаемадзеянне паміж аб’ектам і асновай параўнання найчасцей граматычна афармляецца з дапамогай злучнікаў *нібы (бы), як, быццам, што*.

В. Быкаў даволі актыўна выкарыстоўвае параўнанні ў сваіх творах, прычым яны рэалізуюцца ў яго творах па-рознаму: і як тыповыя параўнальныя звароты, і як даданыя параўнальныя часткі складаных сказаў, і як асобныя члены сказа (часцей прэдыкатывы). Найперш яны служаць для перадачы партрэтнага апісання ці стану героя, а таксама для выражэння ацэнкі яго ўчынкаў, маральных прынцыпаў, характару. Напрыклад, у аповесці «Аблава» сустракаюцца наступныя параўнанні для апісання знешняга выгляду і ўнутранага стану галоўнага героя

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 176
из 378](#)

Хведара Роўбы: яго кепка *«страціла сваю ранейшую форму і выглядала нібы аблавушка»* [2, с. 390] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі); *«на твары яго адбіўся выраз тугі, нават болю, ён зморшчыўся сваімі зашчацінелымі маршчакамі, нібы збіраўся заплакаць»* (с. 391); ад сну пад кустом восеньскай ноччу ўсё цела яго замёрзла, яго *«галава была цяжкая, нібы пасля гарэлкі»* (с. 404). Хведар прагне пагаварыць з кім-небудзь з землякоў, але разумее, што тое можа каштаваць яму жыцця: *«Яго вылучылі з грамады, выбракавалі, бы карослівае свінчо са статка, і выкінулі далёка»* (с. 411). Доўгі час ён спрабуе зразумець, чаму ўсё так сталася, і *«ў яго, бы ў малога, былі сотні гэтых чаму, адказаць на якія ён, колькі ні думаў, не мог»* (с. 414). Адказу на свае пытанні, аднак, ён не атрымаў, *«але ўжо ён прывык да таго, нібы аглух за многія тыдні свайго блукання»* (с. 428). Праз унутраныя маналогі-ўспаміны галоўнага героя «Аблavy» даведваемся, што ў час высылкі ў Сібір яго жонка падарвала здароўе і памерла, а цяжар выхавання дачкі Волечкі лёг на плечы самога Хведара. Ён працуе на плятах, бярэ дачку з сабой. Там ён спрабуе агарадзіць дачку ад лаянкі, брыдкаслоўя калег, ад якога *«кожны раз, як Хведар чуў тое, яго бы цвіком працінала ў сэрцы»* (с. 425).

У «Аблаве» аб'ект параўнання пры характарыстыцы галоўнага героя часта падаецца з негатыўнай канатацыяй, што перадае пагардлівае стаўленне да Хведара Роўбы савецкай улады і яго аднавяскоўцаў, якія былі пад уплывам яе ідэй. Так, Хведар, які асцерагаецца сустрэць каго-небудзь са знаёмых, ноччу туляецца *«як злодзей»* (с. 401). У канцы твора для перадачы стомы героя і адносінаў да яго людзей ужываюцца параўнанні героя з рознымі жывёламі: *«пайшоў прэч, як набіты сабака»* (с. 443), улады *«яго пазначылі, як пазначаюць намаўзлівую скаціну ў статку»* (с. 438), *«яго гналі, як гоняць воўка на адмысловым паляванні»* (с. 457), а ён толькі *«мог <...> уцякаць, як звер»* (с. 454). Ціск улады на галоўнага персанажа ў канцы твора сапраўды нагадвае аблаву, паляванне на звера. Тут сустракаем разгорнутае параўнанне, якое ахоплівае цэлыя тры сказы. Сутнасць разгорнутых параўнанняў у тым, што яны ўказваюць адразу на некалькі прыкмет супастаўляемых прадметаў. Па сваёй структуры некаторыя з іх арганізаваны як складаныя сказы: *«Яны ж зараз пойдучь у лес выганяць яго. Ланцугом, як на паляванні. Як зімой палююць на воўка з цяжкамі. Толькі гэтыя цяпер без цяжкаў»*. У трэцім сказе – яшчэ і параўнанне, выражанае праз адмаўленне з дапамогай часціцы *не*: *«Бо ён не воўк – ён чалавек, з ім можна і прасцей»* (с. 454).

Пры дапамозе параўнанняў трапна перадаюцца адчуванні Хведара, калі ён спрабуе асэнсаваць сваё становішча, вярнуўшыся ў родную вёску. У персанажа было моцнае жаданне дабрацца да родных мясцінаў, убачыць як змянілася жыццё аднавяскоўцаў. Падчас уцёкаў герой атрымаў жыццёвы вопыт і *«што-нішто зразумеў у жахлівай справе ўцёкаў, а тады [раней] быў дурны і зялёны, бы салдат-навабранец, [і цяпер] была шчасліва дасягнута нязбыўная яго мара»* (с. 450). Хведарава жаданне трапіць на родную зямлю і яго планы на будучыню пісьменнік апісвае праз разгорнутае параўнанне *«як у п'яніцы, які імкнецца займець бутэльку, а пра хуткае пахмелле і не думае»* (с. 414).

У аповесці «Аблыва» пераважаюць параўнальныя канструкцыі, дзе ў якасці аб'екта выступаюць канкрэтныя назвы ці паняцці, звязаныя з тым жыццём, што з'яўляецца звыклым асяроддзем галоўнага героя. Часам пісьменнік выкарыстоўвае іх пры апісанні фізічнай стомленасці, эмоцый, перажыванняў героя твора, напрыклад, калі

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 177
из 378

піша, што натруджаныя ногі Хведара «зрабіліся тоўстыя, **бы кулі**» (с. 445), або перадае пачуццё голаду героя праз параўнанне «згаладнелы, **бы воўк**» (с. 390). А ў канцы твора, пры апісанні самой «аблавы», калі перад пагібеллю персанаж хаваецца ў балоце, выкарыстоўваецца выразнае і трапнае параўнанне Хведара з рыбай: ён «дробненька дыхаў, **бы рыбіна, выкінутая на пясок**» (с. 459).

Варта сказаць, што В. Быкаў актыўна выкарыстоўвае ў сваіх творах параўнанне як выразны і адметны мастацкі сродак характарыстыкі сваіх персанажаў – іх унутранага стану, знешняга выгляду і паводзін. Пры гэтым у яго тэкстах пераважаюць развітыя параўнальныя канструкцыі, у якіх аб'ектам параўнання выступаюць з'явы, звязаныя са звыклым асяроддзем пражывання персанажаў, часцей гэта назвы жывёл, хатніх гаспадчых прылад, а таксама характарыстычныя назвы асоб.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Цікоцкі, М. Я. Сугучнасць слоў жывых...: Нататкі па стылістыцы маст. літ. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1981. – 191 с.
2. Быкаў, В. У. Выбраныя творы / В. У. Быкаў; уклад., прадм., камент. М. Тычыны. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2004. – 672 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 178
из 378](#)

М. И. КОЛЯДЮК (Каменецкий р-н, Омеленецкая СШ)

Научный руководитель – В. Н. Философ, учитель

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРЛИБРОВ КАРЕНА ЖАНГИРОВА

Карен Эдуардович Джангиров (род. 1956, Баку) – маэстро русского верлибра, самый известный русский поэт-верлибрист, реформатор русской поэзии, давший старт «времени верлибра», историк, теоретик и исследователь русского свободного стиха. Окончил экономический факультет МГУ и аспирантуру при нём. С 1978 года занимается разработкой и систематизацией русского верлибра. В 1980-х годах Джангиров сумел полностью изменить положение верлибра в России, демократизировав опально-элитарный жанр, сделав его массово доступным, как для поэтов, так и для читателей, по сути дела вернув читателям целый пласт русской поэзии, несправедливо вычеркнутый из нее. Публиковался в центральной периодике и антологиях русской поэзии. Стихи переводились на иностранные языки. Автор 23 книг верлибров, изданных в России и за рубежом. Составитель и автор первого в СССР группового сборника верлибров «Белый квадрат» (1988), утвердившего позиции верлибра в современной русской поэзии, а также нескольких других антологий русского верлибра: «Время Икс» (1989, Москва), «Антологии русского верлибра» (1991, Москва), «Антологии русского свободного стиха – 1840–1940 гг.» (2006, Монреаль), «16 тонн» (2001, Монреаль). Суммарный тираж опубликованных текстов превышает 20 млн. экз.

Верлибр – это в разной степени свободный от жёсткой рифмометрической композиции стих, занявший довольно широкую нишу в европейской, в частности англоязычной поэзии XX века.

Верлибров у К. Джангирова довольно много, поэтому мы будем анализировать лишь стихотворения, включенные в сборник «Записки сторожа», – 17 верлибров объемом от 4 до 80 строк. Вот некоторые особенности употребления слов в верлибрах.

К. Джангиров часто использует метафоры. Слово *камни* – аллегория, это недобрые люди, которые часто встречались в жизни лирического героя. Метафора *вены тишины* использована как название тихих мест: *Ручьи и реки / текли по венам тишины*. В предложении *городок / без панцыря* мы видим метафору защиты, ведь панцирь для черепахи служит броней. Поэт-эмигрант применил здесь устаревшее написание этого слова (написание *панцырь* было нормативным до 1956 г.), вероятно, для воссоздания исторической обстановки.

Для того чтобы воздействовать на читателей и придать своему произведению эмоциональности, писатель использует антонимы:

*Лишь потому, что мое восходящее Там –
это чье-то разбитое вдребезги Здесь,
я сберегаю, как жизнь, расстояние Между
ослепительно ярко сверкающим До
и уныло мерцающим После*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 179
из 378

Для создания ощущения грусти используется оксюморон: *слушаю / своего же молчания / эхо...*

В верлибрах можно заметить также антитезу без антонимов:

*Окно
без глубины... Цветок
без колыбели... Старца
без леденца...*

Леденец обычно ассоциируется с ребенком, окно – со светом, глубина – с мраком, цветок – с днем, колыбель – с ночью. Поэтому слова *старец* и *леденец*, *окно* и *глубина*, *цветок* и *колыбель* создают антитезу.

В верлибрах К. Джангирова можно встретить также эпитеты, например: *Февраль, застрелившийся первым дроздом...* Дрозды прилетают с приходом весны, будто бы своим прилетом убивая последний месяц зимы и давая свободу весне.

В одном из верлибров можно заметить градацию:

*И потому наш удел –
и сегодня, и завтра, и вечно –
любить этот мир,
в котором живут
Другие.*

Множество верлибров Джангирова построены на олицетворении, что помогает читателю более живо представить поэтические образы:

*Когда в полночной тишине
взрываются глаза гераней,
будь осторожен, человек,
живущий на другой планете...*

В одном из верлибров («Путь к осьминогу») мы обнаружили интересное слово: *Не споря / с деревьями о нравах человекул.* К. Джангиров создал неологизм, в котором соединил слова *человек* и *акула*. Для чего? Деревья в этом предложении являются метафорой, под ними поэт подразумевал нестигаемых людей, которых невозможно переубедить в чем-то. Акула – образ опасности, зла, смерти. Значит человекулы – злые люди.

Нами лишь предпринята попытка прикоснуться к творчеству К. Э. Джангирова, творчество этого уникального автора требует дальнейшего рассмотрения и изучения.

Список использованной литературы

1. Джангиров Карен Эдуардович [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Джангиров,_Карен_Эдуардович. – Дата доступа: 14.11.2018.
2. Джангиров, Карен. Записки сторожа [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://www.karendjangirov.com/zapiski.html>. – Дата доступа: 04.12.2018.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 180
из 378

М. В. КРУПСКАЯ (г. Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – С. В. Зелянко, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ЛЕКСІКА-СТЫЛІСТЫЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ ВОБРАЗА АЎТАРА Ў РЭПАРТАЖЫ

Першапачатковай функцыяй СМІ з’яўляецца паведамленне аб падзеях. Гэту задачу вырашаюць інфармацыйныя жанры. Найбольш папулярны з іх – гэта рэпартаж. Рэпартаж спалучае ў сабе рысы дакументальнасці і аб’ектыўнасці, маляўнічасці і эмацыянальнасці. Асноўная мэта жанра – перанесці чытача на месца падзеі. Але і падзеі бываюць рознымі. Таму і моўныя сродкі, якія выкарыстоўваюцца для паведамлення аб той ці іншай падзеі, могуць значна адрознівацца. Важна адзначыць, што толькі дынамічная падзея можа стаць падставай для стварэння рэпартажу. Журналіст таксама павінен апісваць усе факты з абсалютнай дакладнасцю, а не прыблізна.

Актуальнасць тэмы вобраза аўтара ў рэпартажы абумоўлена тым, што рэпартаж застаецца адным з самых папулярных жанраў не толькі сярод інфармацыйнай групы жанраў, але ўвогуле сярод ўсіх груп жанраў журналістыкі. Таму і вобраз аўтара ў рэпартажы патрабуе даследавання і паглыбленага аналізу.

Асобу аўтара ў рэпартажы даследавалі М. Я. Цікоцкі («Стылістыка тэксту», 2002, «Стылістычныя асаблівасці інфармацыйных жанраў газеты. Заметка і рэпартаж», 1992), Б. В. Стральцоў («Метад і жанр: Асновы творчага майстэрства журналіста», 2002), В. І. Іўчанкаў («Дыскурс беларускіх СМІ: арганізацыя публіцыстычнага тэксту», 2003) і іншыя айчынныя і замежныя навукоўцы.

Амаль у кожным газетным выданні можна знайсці рэпартажы. Звычайна журналісты выкарыстоўваюць гэты жанр для асвятлення падзей дзяржаўнай важнасці ці для апісання культурных падзей і свят. У астатніх выпадках журналісты звяртаюцца да інфармацыйных нататак, паведамленняў, справаздач і інш. Гэтыя жанры падаюць інфармацыю больш сціпла, чым рэпартаж. Таксама ў раней прыведзеных жанрах аўтару складаней акрэсліць сваю асобу. Рэпартаж жа дае больш магчымасцей.

З гісторыі беларускага рэпартажу можна даведацца, што гэта быў адзін з першых вылучаных жанраў журналістыкі. Падставай для ўзнікнення рэпартажу сталі такія іншыя інфармацыйныя жанры, як нататка і справаздача ў газеце «Наша Ніва» (1906–1915 гг.). Тэматычны спектр нататак з элементамі рэпартажу быў шырокі: журналісты паведамлялі пра сацыяльна-эканамічную сітуацыю ў краі, падавалі звесткі пра грамадска-палітычныя падзеі, асвятлялі культурна-адукацыйныя пытанні.

Рэпартаж актыўна выкарыстоўваецца на старонках сучаснай беларускай прэсы. Гэта пацверджваюць аналізы матэрыялаў «Рэспублікі», «Рэгіянальнай газеты» і іншых выданняў. Відавочна, што рэспубліканскія выданні асвятляюць больш глабальныя падзеі, чым рэгіянальныя, таму вобраз аўтара праяўляецца у тэкстах таксама па-рознаму. Можна заўважыць, як акрэсліваюць сябе журналісты ў рэпартажах. Нешматлікія з іх выкарыстоўваюць асабовыя займеннікі, якія з’яўляюцца самым простым спосабам абазначэння сябе.

Найбольш яскрава журналіст можа праявіць сябе ў рэпартажах-раследаваннях (напрыклад, «У пошуках страчанага», Х. Глушко, «Рэспубліка», 26.10.2018), дзе ён становіцца цэнтрам сітуацыі, прамежковым звяном

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 181
из 378](#)

паміж дзеяннем і чытачом. Так, журналістка выкарыстоўвае асабовыя займеннікі (*Я, зразумела, пішу толькі мабільны... Арыенціроўка гатовая, і мы пачынаем*), дзеясловы 1 асобы як множанага, так і адзіночнага ліку (*...На гэты раз у якасці паддосленага возьмем школьніка – майго малодшага брата, васьмікласніка Макара... Арыенціроўку на яго складаю... Пішу тоўстым чырвоным шрыфтам*), простую мову людзей (*А гэты хлопчык сваяк альбо ты камусьці дапамагаеш? – спагадліва пытаецца бабуля. Хлопчык, сядзі на месцы, цябе шукаюць, – крычыць мужчына з аўто. ...Добры дзень, гэта вы хлопчыка згубілі? – пытаецца дзяўчына*) і г. д.

Зусім адваротны выпадак – рэпартаж Аксаны Неўмяржыцкай «Вывелі на чыстую ваду» («Рэспубліка», 26.10.2018). Чытач не можа выявіць асобу аўтара, таму што ў матэрыяле зусім адсутнічаюць асабовыя займеннікі і дзеясловы адпаведных форм. Асновай рэпартажа з’яўляюцца асабістыя назіранні журналіста, дакладныя факты: *Сажалка плошчай каля 20 гектараў сама па сабе з’яўляецца ачышчальнай канструкцыяй... Зараз рабочыя ўстанаўліваюць спецыяльныя казыркі, якія абароняць ад дажджу рухавік і іншыя электрапрыборы крана* і г. д. Гэта прыклад класічнага рэпартажу: чытач нібы ідзе за журналістам па гэтай ачышчальнай станцыі і слухае каментарыі работнікаў і спецыялістаў. Дарэчы, наяўнасць каментарыяў надае рэпартажу жывы характар, бо ўзвядзенне ачышчальных збудаванняў нельга назваць вельмі дынамічнай інфармацыйнай нагодай. Тым больш звычайны журналіст не валодае глыбокімі ведамі ў гэтай сферы, і з дапамогай спецыялістаў тэма ачышчэння вады сталіцы была раскрыта якасна. Можна заўважыць шырокае ўжыванне спецыяльнай лексікі: *калектары, нафтапрадукты, сарбцыйны матэрыял* і інш.

Больш вузкі дыяпазон магчымасцяў выражэння сваёй асобы ў тэксце у журналіста пры стварэнні фотарэпартажу, галоўным сродкам перадачы інфармацыі ў якім служаць фотаздымкі. Яны з’яўляюцца самастойнымі крыніцамі інфармацыі, таму такія рэпартажы не патрабуюць дэталёвых апісанняў.

Такім чынам, вобраз аўтара непарыўна звязаны з прамым ўспрыманням тэксту адрасантам і суадносіцца з яго асобай. Наяўнасць вобраза аўтара ў публіцыстычным тэксце заўсёды з’яўляецца матываваным і накіраваным на ажыццяўленне пэўнага ўздзеяння на аўдыторыю. У сучаснасці чалавек патрабуе ад СМІ больш фактаў, падрабязнасцяў і канкрэтыкі. У інфармацыйны XXI век паўсюль шмат рознай інфармацыі, шмат крыніц, з якіх яе можна атрымаць. Таму журналістам-рэпарцёрам варта здзіўляць сваю аўдыторыю і ствараць па-сапраўднаму «жывыя» матэрыялы, насычаныя мастацкімі вобразнымі сродкамі.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 182
из 378](#)

О. Ю. КУЛИКОВА (г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

Научный руководитель – З. З. Сидорович, кандидат филологических наук, доцент

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современных условиях развития межкультурного общения большую актуальность приобретают исследования в области сопоставления языков и культур, и особую ценность представляют результаты наблюдений над языковой картиной мира.

Теоретические основы понятия «языковая картина мира» уходят своими корнями к работам немецкого лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта «О внутренней форме языка» [1]. Опираясь на исследования Гумбольдта, немецкий ученый Лео Вайсгербер в своих работах заложил теорию языковой картины мира и ввел данное понятие в использование. Гипотеза Сепира-Уорфа, или гипотеза лингвистической относительности, в своё время стала основой для изучения проблемы языковой картины мира. Гипотеза выдвигает предположение, что процессы мышления и восприятия окружающего мира обусловлены этноспецифической структурой языка, системы понятий, а, соответственно, и существенные особенности мышления человека определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является [2].

По мнению В. И. Постоваловой, специфика человека и его бытия, взаимоотношения личности с миром, важнейшие условия его существования в мире выражаются понятием «картина мира», которое является фундаментальным, «базисным понятием теории человека» [3].

Под «картиной мира» следует в самом общем виде понимать объективную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся. Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, а как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [4, с. 5]. Картина мира, «сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [5]. Восприятие мира в значительной мере обусловлено, с одной стороны, принадлежностью индивида к различным общностям и, с другой стороны, его личными характеристиками: образованием, профессией, возрастом, полом.

Окружающие нас реалии существуют не сами по себе, а в особом культурном контексте, где и получают свое значение. То, что является нормой для одной культуры, необычно для другой. Это связано с особой императивной функцией культуры, предписывающей, как именно следует использовать конкретную реальность, в какие связи и отношения она входит. Человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка.

В своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» профессор С. Г. Тер-Минасова комментирует связь языка, мышления и культуры следующим образом: «Язык как способ выразить мысль и передать ее от человека

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 183
из 378

к человеку теснейшим образом связан с мышлением. Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания» [6, с. 39].

Определение картины мира, данное в книге «Человеческий фактор в языке», не принимает во внимание физическую деятельность человека и его физический опыт восприятия окружающего мира: «Наиболее адекватным пониманием картины мира является ее определение как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [7, с. 23]. Однако духовное и физическое человека неотделимы друг от друга, и исключение любого из этих двух составляющих неправомерно, если речь идет о культурно-концептуальной картине мира.

Картина мира содержит и этнический компонент, который представлен языковой картиной мира и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, то есть тем, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса [8, с. 81]. Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, «это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка на определенном этапе развития народа» [4, с. 6].

Способность языковых средств, прежде всего номинативных, выражать информацию о мире с этнических позиций связывают с тем, что языковые системы имманентно по-разному представляют окружающую действительность: «Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Этому никак не противоречит тот факт, что все национально-специфические модели мира имеют и общие, универсальные черты)» [6, с. 25].

Необходимым условием проникновения в культуру народа является познание ее религиозных обычаев и традиций. Несоблюдение традиций и обычаев, а также неуважительное отношение к национальным ценностям других культур, порождает «этноцентризм – суждение о чужих культурных ценностях, исходя из критериев культурных ценностей собственного этноса» [9, с. 47]. Попадая в чужую культуру, мы неосознанно оцениваем ту или иную ситуацию, приравнивая ее к устоям и обычаям культуры, которая с самого детства формировала у нас сознание, что правильно, а что неправильно.

Таким образом, формирование этнической идентичности происходит под воздействием этносоциальных представлений, которые традиционно устоялись в той или иной группе. Эти представления появляются в результате внутрикультурной социализации, что и находит свое отражение в языке и культуре. Влияние языка на духовное состояние человека велико: нормы морали, стереотипы поведения, бытовые представления о повсе-

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 184
из 378

дневной жизни, принятые в социуме, являются базовыми для конкретного коллектива и поэтому закрепляются с помощью языкового знака. Следовательно, язык является одним из важнейших условий существования этноса.

Список использованной литературы

1. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры : сб. тр. / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 449 с.
2. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М. : Учпедгиз, 1960. – Ч. 1. – 467 с.
3. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mirrabort.com/work/work_68740.html. – Дата доступа: 31.07.2008.
4. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
5. Мартин Хайдеггер: время картины мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6330>. – Дата доступа: 22.04.2019.
6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 265 с.
7. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности : сб. науч. тр. / В. Н. Телия [и др.]. – М. : Наука, 1991. – 214 с.
8. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало / Л. Н. Гумилев. – М. : МГУ, 2000. – С. 29–81.
9. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М. : Юнити, 2002. – 283 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 184
из 378

Ю. А. КУШНИКОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. А. Королевич, кандидат филологических наук, доцент

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА ЛЮБВИ В ИДИОСТИЛЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Текст, по словам В. Г. Бабенко, «словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств» [1, с. 45]. Поэтический текст, будучи явлением духовного характера, высшим проявлением культурной (интеллектуальной, эмоциональной, психической) деятельности человека, позволяет характеризовать языковую личность поэта.

Окружающая действительность всегда вовлекается в личностную сферу человека, интерпретируется и оценивается по-особому, поэтому у художника слова возникает индивидуальная языковая картина мира, в которой «отражению подвергается не весь мир в целом, а лишь его пики, то есть составляющие, которые представляются субъекту наиболее важными» [2, с. 111]. Такие «пики» в индивидуально-авторской картине мира выступают как отдельные образы. Рассмотрим средства языковой объективации образа любви, который занимает ведущее место в индивидуальной художественной картине мира Ф. И. Тютчева. Это не случайно: поэт был необычайно влюбчив, он дважды женился официально, но в его жизни были и другие женщины. Самая известная из них – Елена Денисьева, которой Тютчев посвятил ряд стихотворений, позже названных Денисьевским циклом. Именно в этих стихах впервые в русской лирике при изображении любви главное внимание переключается на женщину [3, с. 220].

В Денисьевском цикле Тютчев изображает героев и два конфликта – между влюблёнными и окружающим их миром (Елена Денисьева, родившая поэту троих детей, была фактически незаконной женой Тютчева при наличии у него законной супруги) и между самими влюбленными. Для экспликации этих отношений поэт использовал языковые средства особой эмоциональной насыщенности. Их состав, организация и образно-смысловой потенциал не только отражают его идиостиль, индивидуально-авторское понимание любви, но и репрезентируют его идиолект, под которым понимается «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка, <...> реализация языка в устах индивида <...>, единственная языковая реальность, доступная наблюдению» [4, с. 171].

Активную часть идиолекта Ф. Тютчева в стихотворениях Денисьевского цикла составляют языковые средства, прежде всего позитивно представляющие чувство любви; кроме того, передающие неприятие этого чувства обществом, и, наконец, воплощающие чувства грусти и печали из-за потери любимой. В каждом случае используются и автологические средства художественной дескрипции, и многочисленные тропы, представленные дескриптивными металогическими единицами.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 186
из 378](#)

Феномен любви определяется в психологии как высокая «степень эмоционально положительного отношения, выделяющего объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта, и, кроме того, как «чувство субъекта, физиологически обусловленное сексуальными потребностями» [5, с. 334]. Такой образ любви эксплицируется книжной, высокой, поэтической лексикой: *любовь, вера, страсть, победа, упоенье, умиление, очарование*; глаголами *любит, дорожит, благоговею, поклоняюсь, увлечена*. Каждое из слов здесь отмечено положительными эмоционально-оценочными смыслами. Аналогичные смыслы и стилистические особенности выступают в метафорических образах: *розы ланит* (румянец), *улыбка уст, блеск очей, волшебный взор, смех младенчески-живой*. Здесь архаичные лексемы *ланиты, уста, очи, взор* создают особый возвышенно-поэтический ореол в изображении любимой, который усиливается за счёт метафор и метафорических эпитетов. Черты любимой передаются поэтом не только в возвышенном ключе, но и в ёмких образах синестетического содержания. Так, взор возлюбленной характеризуется эпитетами разной структуры (*непостижимый, волшебный, обнажающий жизнь до дна, грустный, углублённый в тени ресниц ее густой*); включающими сравнение (*как наслажденье, утомлённый; как страданье, роковой*). А её чёрные глаза сравниваются не просто с ночью, но с ночью волшебной и страстной: *Я очи знал, – о, эти очи! // Как я любил их, – знает Бог! // От их волшебной, страстной ночи / Я душу оторвать не мог*. За словами и образами здесь открывается яркая история страстной и горячей любви, пронизанная, однако, тревожным предчувствием (*грустный, роковой, как страданье*).

По сравнению со словарным определением чувство любви у Тютчева изображается как более сложное, противоречивое и эмоционально насыщенное. Греховную любовь мужчины, имеющего семью, и молодой женщины тогдашнее общество отвергало. Поэтому в объективации образа любви используются языковые средства, которые передают негативное и даже агрессивное отношение общества к женщине, нарушившей общественные правила: *поруганье, насилие, людское суесловье, пошлость людская*. Не случайны глаголы со значением интенсивного действия: *вломиться, нахлынуть, втоптать в грязь: толпа вошла, толпа вломилась в святилище души твоей; Толпа, нахлынув, в грязь втоптала то, что в душе ее цвело*. Экспрессивность образа поруганной любви создана контрастными словоупотреблениями: *толпа – душа; вломилась – святилище; в грязь втоптала – то, что в душе ее цвело*.

Общество осуждало прежде всего женщину. Поэтому в изображении любви появляются языковые средства, служащие представлению конфликта между самими влюблёнными. Они выступают в текстах, реализующих «голос женщины». Это лексемы, окрашенные негативными эмоциями и оценками и раскрывающие чувства осуждаемой женщины (*боль, гнев, позор, страданья, тревоги, мученье, слезы, тоскуя, негодуя*), душевные муки (*измученная душа, я стражду, не живу, жизнь горька, жизнь отреченья, жизнь страданья, жить уж не могу, уязвлена*), её боль (*дышу болезненно и трудно; боль, злая боль ожесточенья*) и обиду на возлюбленного, упреки в недостатке внимания (*он мерит воздух мне так бережно и скудно..., не меряют так и лютому врагу*), в неспособности защитить её и их детей, в произвольной жестокости: *Не говори: меня он, как и прежде, любит*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 187
из 378

// Мной, как и прежде, дорожит... О нет! // Он жизнь мою бесчеловечно губит //, Хоть, вижу, нож в руке его дрожит («Не говори: меня он, как и прежде, любит», 1854 г.).

Поэт («голос мужчины») женщину не обвиняет, сочувствует ей, видя её состояние, и тяжело переживает её гибель. Об этом свидетельствуют его обращения (*друг мой милый, ангел мой*), его чувства (*мне больно, страдальческая грудь*); его покаянные признания (*я беден перед ней; не стою я любви; пойми мое смирение*); его душевные терзания (*душа – жилища двух миров; Я был при ней, убитый, но живой*). Апострофом его переживаний стала смерть любимой: *О господи!.. и это пережить...// И сердце на клочки не разорвалось...* («Весь день она лежала в забытьи», 1864 г.).

Анализ языковых средств, выступающих при объективации образа любви в текстах Тютчева, служит характеристике его языковой личности и выявлению меры его таланта как художника слова.

Список использованной литературы

1. Бабенко, В. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учеб. для вузов / Л. Г. Бабенко. – М. : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.
2. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопр. языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–120.
3. Гиппиус, В. В. От Пушкина до Блока / В. В. Гиппиус. – М. : Наука, 1966. – 348 с.
4. Языкознание : большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
5. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Харвест, 2003. – 976 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 188
из 378

О. А. ЛОГОШ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, кандидат филологических наук, доцент

КОЛОРОНИМЫ В ИДИОСТИЛЕ В. Б. КРИВУЛИНА

Яркая и образная картина окружающего мира у каждого человека создаётся во многом за счёт цветового восприятия. Не случайно слова *радужный, красочный* имеют положительную коннотацию. Репрезентантами цветопроявления являются лексемы и словосочетания, которые принято называть *цветообозначения* или *колоронимы*.

Колоронимы являются важным элементом каждой языковой картины мира, а особенно важны цветообозначения в художественном тексте: они помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев, колоронимы соотносятся с рядом тропов и стилистических фигур, являющихся актуализаторами прагматики высказывания.

Виктор Борисович Кривулин (1944–2001) – российский поэт, прозаик, эссеист, выпускник филологического факультета ЛГУ. В 1970-е гг. он был одним из крупнейших деятелей ленинградского самиздата (журналы «37», «Северная почта» и др.), и в 90-е вел обширную литературную и общественную деятельность. Первые книги стихов В.Б. Кривулина вышли в Париже (1981 и 1988), с 1990 г. его поэтические сборники печатались в России, но творчество этого поэта мало изучено.

В поэтическом языке В. Б. Кривулина довольно много ахроматических колоронимов: из 236 прилагательных, называющих цвета, 77 создают черно-белую картинку (32,6 %).

Особую роль в идиостиле этого поэта играет белый цвет, прилагательное *белый* встречается 41 раз, по одному разу встретились слова *беленький, бело-гремячий и белоснежный*, прилагательное *белесый* – два раза. Это в сумме 19,9 % – почти пятая часть употреблений прилагательных-колоронимов. В отличие от общеязыковой традиции, в идиостиле В. Б. Кривулина этот цвет редко коннотирован положительно: *белый пепел* (5); *белая зола; провожая белыми глазами* (о призраках); *Тихие белые овощи зал заполняют собой* и т. п.

На втором месте по частотности – обозначения чёрного цвета, прилагательное *черный* встречается 35 раз, по одному разу – *почернелый и агатовый*. Это почти четверть всех употреблений прилагательных-колоронимов (15,7 %): *а нутро-то в черных змеях; дымом черным пятнает белые облака* и т. д. Необычность идиостиля В.Б. Кривулина в том, что колороним *черный* часто определяет растительные объекты: *черных верб; вётлы черные, качанье / чёрных лопастей-листьев* и т. п.

Обозначения серого цвета встречаются в сумме 17 раз: по 5 раз *серый* и *серебристый*, 3 раза *сизый*, по одному разу *серо-жемчужный, серо-зелёный, жёлто-серый* и близкое по значению прилагательное *бежевый* (7,2 % всех употреблений прилагательных-колоронимов). Например, *серых теней вереницы, впряженные в сани; Серебристый пепел на предметах; все сизое вокруг, один сплошной синяк*.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 189
из 378

В целом ахроматические колоронимы-прилагательные (включая *тёмный, бледный, светлый, бесцветный*) в поэзии В. Б. Кривулина составляют 56,4 %. Соответственно хроматические колоронимы составляют 43,6 %. Наиболее часто в поэзии В. Б. Кривулина употребляется прилагательное синий (18 раз): и в углях *синий жар и давленные вишни; Горловина плывучая **синего** смерча над затылком застыла. В метафорическом смысле данный колороним означает нечто потустороннее (3): с родителями не в разлуке – в том, **синем** свете.*

На втором месте – обозначения красного цвета (14 раз), часто это знак тяжелого труда или политический символ: ***Красные** руки прачек (3 раза); О, треугольное господство **Красных** над Белыми!; русский флаг еще вчера казался **красным** и т. д.* Другие обозначения красного цвета – *багровый, червлёный* – встретились по 1 разу.

После синего и красного в поэзии В. Б. Кривулина наиболее часто упоминаются голубой и зелёный цвета (12 и 11 раз соответственно), а также *серо-зелёный, едко-зелёный и изжелта-зелёный*, так что упоминаний зелёного цвета в сумме 14. Например, и *мерещится и мстится голубое в серебре; но ступни голубые увязли; за зелёные стекла в бесцветную муть; по рельсам изжелта-зеленым* и др.

Обозначения жёлтого цвета встретились 7 раз: *но за наледью **желтой** не видно ее; где лиловым где **желтым** где изжелта-слабым* и т. д. Кроме того, встретились прилагательное *пожелтелый* и сложные слова (*изжелта-зелёный, грязно-жёлтый и жёлто-серый*).

Еще один цвет, который у В.Б. Кривулина не имеет привычной положительной коннотации, – розовый (6 раз): *тешит **розового** беса; трещина ползёт, / корень темноты ветвится, утончаясь / до присосок **розовых*** и т. д. Близкое значение имеет прилагательное *румяный* (встречается 3 раза): *пирог с начальничком **румяный**; Словно хлебы **румяные**, в землю зарыты чужую.*

Только 1 раз упоминаются оранжевый цвет (***оранжевые** ризы кришнаита*); близко к оранжевый по цветовому оттенку слово рыжий: и ***рыжая** прядка травы патрикевны.*

Не входят в спектр, являются смешанными цветами *лазорево-пурпурный* (1 раз) и *лиловый* (2 раза). К смешанным цветам можно отнести прилагательные *цветной* (4 раза), *цветастый* (3 раза), *разноцветный* (2 раза), *рябенький* и *клетчатый* (по 1 разу).

В. Б. Кривулин почти не использует референтные цветообозначения, то есть цветовые прилагательные, отсылающие к объектам соответствующего цвета. Можно назвать лишь 5 слов: *золотистый, серебристый, белоснежный, агатовый, опаловый.*

Зато встретилось 8 оттеночных колоронимов (*серо-жемчужный, изжелта-зелёный, едко-зелёный, грязно-жёлтый, серо-зелёный* и др.) и 10 комбинированных (*серо-зелёный, бело-гремучий, лазорево-червлёный, жёлто-серый* и др.).

Несмотря на преобладание ахроматических колоронимов, поэзию данного автора можно назвать «разноцветной», так как В. Б. Кривулин употребляет 27 хроматических цветов и оттенков.

Явления природы характеризуются колоронимами в 77 случаях, и часто естественные цвета природных явлений подменяются: снег желтый и черный, река белая, листья черные, а осенью лиловые и т. п. Чаше цветообозначения описывают то, что создано человеческими руками (96 случаев): одежду (14; 11 из них *белый*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 190
из 378

и белесый), предметы искусства (15), здания, улицы (19), здания, сооружения и их части, улицы (19) и др. Описания зданий и улиц у В. Б. Кривулина более ярко «раскрашены», чем описания растений и животных. Европейское искусство прошедших веков ассоциируется с холодными неяркими тонами – голубой, синий, серо-зеленый: *платьев синий пар в серо-зелёном дыме неразличим и под*. Современное искусство – с красным (*румяный, пурпурный, красный*) или ахроматическими цветами: *перевод обновленный румяный; девицы пляшут как милиционеры и чертят красные восьмерки и круги; черно-белую кинуху; книгу белую мою и др.*

Наименее часто в поэзии В. Б. Кривулина колоронимы характеризуют внешний вид человека (17), причем всегда отрицательно: руки красны или черны от тяжелой работы, лица бледные, зеленые, в пятнах, даже кровь зеленого цвета. Например, *лицо и то пошло цветными пятнами; за их зелеными лицами; но ступни голубые увязли; черный кричащий рот; зеленые зубы; и даже кровь пролитая горит зелен-огнем и др.*

При помощи цветовой лексики автор реализует свои художественные и концептуальные позиции.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 191
из 378](#)

В. А. МАКАРЭВІЧ (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, кандыдат філалагічных наук., дацэнт

ПАРАЎНАЛЬНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў МАСТАЦКІМ РАДКУ ЯНКІ БРЫЛЯ

Параўнанне – адзін са старажытных спосабаў вытлумачэння і наймення з’яў прыроды і навакольнага свету, характарыстыкі чалавека, штодзённых сітуацый. Разам з тым гэта не проста найменне, але і яркі сродак ацэнкі, выражэння эмоцыі і экспрэсіі. У сціслых параўнальных выказах адлюстравана спасціжэнне навакольнага свету, яго вобразная характарыстыка і эмацыянальнае стаўленне да яго.

Рэальны свет у свядомасці чалавека адлюстроўваецца праз выяўленне рыс падабенства між вядомым і невядомым, праз прыпадабенне абстрактнага да канкрэтнага, пачуццёвага да рэчыўнага. Вобразы параўнанняў звычайна паходзяць з самых пашыраных і традыцыйных сфер жыцця і дзейнасці чалавека. Ядро большасці з параўнанняў складаюць вобразы жывёльнага і расліннага свету, хатняга начыння, вытворчай дзейнасці. Аб’ект, з якім што-небудзь супастаўляецца, ці параўнанне-вобраз, амаль заўсёды пачэрапнуты менавіта з навакольнай прыроды або са звыклага для чалавека асяроддзя. У гэтым выражаецца канкрэтнасць, «бачнасць» вобразнага мыслення, што адбілася ў большасці беларускіх народных параўнаннях [1, с. 3]. Параўнанне – гэта такое супастаўленне двух прадметаў, з’яў або паняццяў, у выніку якога сутнасць аднаго з іх вытлумачваецца праз сутнасць другога. Параўнанне дапамагае зрабіць паэтычны малюнак па-мастацку дакладным, наглядным, жывапісным. У параўнанні выяўляецца мастакоўская своеасаблівасць пісьменніка, яго стаўленне да таго, што адлюстроўваецца ў творы [2, с. 117–120]. У параўнанні ўзаемапаясняюцца абедзве часткі супастаўлення – і тое, што параўноўваецца, і тое, з чым параўноўваюць пэўны прадмет.

Літаратурная спадчына Янкі Брыля – яркае сведчанне багацця беларускай мовы. Пісьменнік заўсёды шукае заповітнае жывое слова і па-мастацку ўводзіць яго ў кантэкст. Своеасаблівы склад мовы Я. Брыля надае творам адметны каларыт, а сказам – простае, але яркае вобразнае гучанне. Гэта дасягаецца ўмелым ужываннем розных тропаў, у тым ліку характэрных і арыгінальных параўнанняў.

Найбольш ужывальнымі ў тэкстах Янкі Брыля з’яўляюцца злучнікавыя параўнанні са злучнікамі *як*, *нібы*, *што*, *быццам*. Такія параўнальныя звароты маюць як неразвітую, так і развітую будову. Неразвітыя параўнальныя звароты складаюцца, як правіла, з назоўніка ў форме ўскоснага склону: – *А каб вас каршун падзёр! Адно навядаліся, як копы!* [3, с. 16] (далей прыклады з гэтага выдання прыводзяцца ў круглых дужках з указаннем старонкі); *Грошы, як вада, сюды-туды і перамыкала без толку...* (с. 29). Слова іншых часцін мовы ў складзе такога звароту сустракаюцца рэдка. Такі зварот можа мець характар вобразнага ці раўналежнага параўнання: *Малыя боцікі яго то ледзь краналіся дошак падлогі, то раптам гулка і чотка – на наваротах улева ці ўправа – білі, як выгаворвалі, чачотку* (с. 46); *І не вяртаюцца, як інішыя* (с. 66). Развітыя параўнальныя звароты звычайна арганізуюцца з назоўніка ці займенніка і залежных ад іх слоў іншых часцін мовы: *Але акенцы гэтыя глядзяць з-пад нізкіх капяжоў, нібы пануры чалавек, толькі пад ногі* (с. 47); *І трактар зноў гудзе, зноў над палямі коціцца,*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 192
из 378

як хвалі на вялікім возеры, яго бадзёрае грукатанне (с. 49). Бясспрэчна, што развітыя параўнальныя звароты больш інфармацыйныя, сэнсава выразныя, бо значэнне экспліцытнай асновы часцей за ўсё выводзіцца са значэнняў двух і болей самастойных слоў-кампанентаў.

Пры разглядзе параўнальных канструкцый вялікую цікавасць уяўляюць самі лексемы, што выкарыстоўваюцца ў параўнаннях, тыя аспекты іх семантыкі, якія вылучае пісьменнік шляхам адпаведнага супастаўлення слоў. З гэтага пункту гледжання варта вылучыць у першую чаргу тэматычныя групы слоў, што параўноўваюцца, і тэматычныя групы слоў, з якімі параўноўваюцца зыходныя лексемы. Найбольш значнымі па ступені ўжывальнасці ў творах Я. Брыля з’яўляюцца параўнанні розных дзеянняў жывых істот – часцей людзей – з паводзінамі жывёл: *А Юрачка патрасаў, як жаўранак, чубам і ўслед за музыкай падпяваў* (с. 44); *Скавычы вось цяпер, як сабака, адзін. Цьфу, сорамна!* (с. 38); *Юрачка страсянуў галавой, устрапянуўся, як выпушчаны са жмені верабей, напавіў паясок на сваёй вышыванай кашулі і рушыў укут* (с. 46); *Так і лётаюць, так і шчабечуць, так і садзяцца на каласы, нібы пчолы на кветкі* (с. 58); *У клетках гараць вясёлай чырванню гілі, таўкуцца шэрыя чачоткі, як сонечныя зайчыкі, скачуць па пруціках шчыглы* (с. 100); *Пад вечар, накачаўшыся на дзедавай тахце – весела, што тыя медзвездзянаты, – яны пачалі танцаваць* (с. 124). Але не толькі праз параўнанне з жывёламі дае характарыстыку дзеянням сваіх персанажаў Янка Брыль. Вобразнасць дасягаецца і праз параўнанні чалавечых дзеянняў, думак, паводзін з праявамі прыродных з’яў, станаў і г. д.: *Наіўная і, мусіць, падсвядомая дзіцячая мудрасць, нібы на натхненню, што ў перадачы нашай, дарослых, гучыць не так нечакана, кантрастна і верагодна* (с. 98); *...За тое самае, што «лётае на гэтым лісапедзе, як шалёнае»* (с. 99); *Добра зблізку глядзець на твары, нібы расшыфроўваючы яшчэ адзін народ* (с. 109); *І мы смяліся, як падзіцянеўшы, што ў жабаў, чаго добрага, і свята ёсць такое – «бусліны адлёт»* (с. 110); *Усякую – непазбежную, зразумелую, а часта і непатрэбную – заклапочанасць і сумоту старэйшых здорава разбівае – як лёд на вадзе, як акно з духаты – звонкі дзіцячы смех* (с. 96).

Адметную групу ў творах Я. Брыля складаюць параўнанні, выкарыстаныя пры апісанні знешнасці людзей. Перш за ўсё вобразы персанажаў характарызуюцца праз супастаўленне з жывёламі, радзей – праз параўнанні з іншымі асобамі ці неадушаўлёнымі прадметамі: *Гавака быў сёння на рынку таксама без бабы, з рабою, як зязюля, дачкой* (с. 32); *Абодва ў доўгіх кажухах, нібы ў доказ таго, што не заўсёды шавец ходзіць без ботаў, абодва ў вялізных шапках, нібы на цэлай авецы ў іх на галаве, абодва ў лапцях і вусатыя* (с. 42); *Прылегла адпачыць, пасля расплюшчыла вочы – ён!.. Прыгожы, любы, як казачны прынец* (с. 102); *І вярнулася Аня дахаты – ну, як пампушка* (с. 119). Часта ў якасці аб’екта параўнання пісьменнік у сваіх творах ужывае разнастайныя агульныя найменні людзей: *Плакала доўга, як дзіця, калі яго пакрыўдзяць. А потым, як дзіця, стамілася ад слёз* (с. 58); *А тут адзін з гэтых хлопцаў пастукаў у вядро і, нібы поп, прамовіў...* (с. 55); *Ён увайшоў у жыццё ўсёй сям’і поўнаўладна, як рэфарматар* (с. 97); *У Алесі румяныя, поўныя шчокі, а саліднасць – на пятым годзе – як у дарослай* (с. 110); *Нават і хустка завязана «пад бараду», як у бабулі-калгасніцы, пры якой малая гадуецца* (с. 110). Не абыходзіцца пісьменнік без параўнанняў і пры апісанні абстрактных паняццяў. Яны дазваляюць глыбей зразумець думку пісьменніка ў тэксце, ход яго асацыяцый

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 193
из 378

і асаблівасці светапогляду: *Успаміны – як вочкі той сеткі, якую мы пляцём усё жыццё, адзінай сеткі, адзінай справы жыцця* (с. 109); *Гэтым пачуццём, як сілай жыцця, павінна быць насычана наша слова* (с. 118); *Безліч граняў у гэтай паэзіі, як безліч сонечных промняў і пырскаў расы ў гэтых промнях* (с. 122).

Параўнанні ў тэкстах Я. Брыля вызначаюцца адметнай вобразнасцю, багатым семантычным спектрам і дапамагаюць стварэнню паўнаватасных мастацкіх вобразаў, карцін, малюнкаў. Найчасцей яны ўжываюцца ў творах пісьменніка для перадачы дакладнай характарыстыкі персанажаў, перадачы аўтаравых адносін да іх і стварэння неабходнай эмацыянальнай танальнасці аповеду.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук. рэд. В. М. Макіенка. – . – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 482 с.
2. Рагойша, В. П. Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 576 с.
3. Брыль, Я. Муштук і папка : апавяданні, мініяцюры, маленькая сага : для сярэд. і ст. шк. узросту / Я. Брыль. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 238 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 194
из 378](#)

А. Г. НЕСТЕРУК (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – О. А. Коробо, старший преподаватель

АНАЛИЗ ЖЕНСКОГО РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ПОПРЫГУНЬЯ»)

Современная лингвистика уделяет все больше внимания развитию языка в речевой сфере и находится под влиянием принципа антропоцентризма, то есть в тесной связи с человеком. Ключевым понятием исследований в этой области становится *речевой портрет*. До второй половины XX века этот термин используется в литературоведческих работах при описании литературных приемов и средств создания художественного образа персонажа, но постепенно становится актуальным и для исследователей-языковедов.

В научной литературе существует множество определений *речевого портрета*. В широко известном «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой речевой портрет определяется так: «Подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей» [1].

Речевая характеристика, выступая неотъемлемым средством художественного изображения героев произведения, безусловно, служит одним из основных источников информации, которую получает адресат-читатель.

Являясь хорошим психологом и блестящим художником, А. П. Чехов создал в своих произведениях целую галерею ярких женских образов. В данной статье мы исследовали речевой портрет героини рассказа «Попрыгунья» Ольги Ивановны Дымовой.

Ольга Ивановна – молодая и вполне довольная жизнью жена врача. Считая себя творческим человеком, интересуясь искусством, она предпочитает общаться с музыкантами и художниками и совершенно не интересуется вопросами, занимающими ее мужа – доктора Дымова.

Создавая цельный образ, А. П. Чехов часто показывает, как персонаж смотрит на все окружающее сквозь призму своей профессии. Ольга Ивановна не художница, однако общение с друзьями-художниками способствует использованию ею специальных слов и оборотов речи: *теперь его лицо обращено к нам в три четверти, плохо освещено, этюд при облачном небе, на правом плане, смесь пейзажа с жанром, мольберты, кисти, фон, Nature morte и др.* В своих оценках Ольга Ивановна активно пользуется выражениями, которые употребляют живописцы: «*Можно с него молодого варяга писать*». Даже в самой манере ее речи проявляется стилизация: героиня говорит так, будто описывает настоящую картину: «*...понимаешь, роца, пение птиц, солнечные пятна на траве, и все мы разноцветными пятнами на ярко-зеленом фоне – преоригинально, во вкусе французских экспрессионистов*». В этой фразе проявляются не только взгляды Ольги Ивановны, но и ее увлечение внешними эффектами.

Анализируя синтаксические особенности речи героини отметим, что для нее характерно употребление не требующих ответа вопросительных предложений, которые отличаются богатством экспрессивных оттенков:

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 195
из 378

«Посмотрите на него: не правда ли, в нем что-то есть?» или «Как это могло вдруг случиться?» Вопрос для героини рассказа – это своеобразный способ выражения мыслей.

Речь Ольги Ивановны отличается живостью, эмоциональностью, о чем свидетельствует большое количество восклицательных предложений. Разговорно-эмоциональная и вульгарная лексика при этом смешиваются: «Мой Дымов врезался по самые уши... и в один прекрасный вечер вдруг – бац! – сделал предложение... Я... сама влюбилась адски» [2, с. 140]. Помимо разговорной лексики А. П. Чехов использует эпитеты (*добра молодца*), устойчивые выражения (*врезался по самые уши, как снег на голову*).

Героиня обращается к своему мужу исключительно по фамилии, что передает не только строгость Ольги Ивановны, но и раздраженность чем-либо или неуважительное отношение к мужу, которого она позволяет себе называть *метрдомелем*. Автор дает такое объяснение нежелания называть имя Дымова: *...Его имя Осип не нравилось ей потому, что напоминало гоголевского Осипа и каламбур: «Осип охрип, а Архип осип»*. Героиня стремится к внешней красоте, что определяет многое в ее поведении и сказывается на своеобразии экспрессивно-эмоционального восприятия слов. Можно сказать, Ольга Ивановна отбирает слова, которые ей будут нравиться по звучанию.

Сложно говорить об уважительном отношении героини и к своему любовнику Рябовскому, которого она называет *Рябуша*, используя уменьшительно-ласкательный суффикс. Общаясь с ним, она активно применяет форму императива, снисходительно характеризует Рябовского, как *молодчину*.

Интересно, что в диалогах Ольга Ивановна часто выступает как проситель и демонстрирует искусную тактику манипулятивного воздействия: *«Но как я рада тебя видеть! Ты мне всю, всю ночь снился, и я боялась, как бы ты не заболел. Ах, если б ты знал, как ты мил, как ты кстати приехал! Ты будешь моим спасителем. Ты один только можешь спасти меня! Ты должен меня спасти. Если ты приехал, то, значит, сама судьба велит тебе спасти меня»* [2, с. 145–146]. «Спасение» Ольги Ивановны заключалось в том, чтобы Дымов привез супруге платье. В вышеприведенной фразе героини можем увидеть использование Чеховым приема усиления модальности. Ольга Ивановна убеждена, что розовое платье, цветы и перчатки ей совершенно необходимы. Этот «высокий стиль» речи говорит о натуре героини, а слова подчеркивают, каким пустым должен быть человек, для которого главное в жизни – появиться в красивом платье.

Прием самообвинения находим во фразе: *«И зачем я, дура, дала слово телеграфисту?»*. В этом риторическом вопросе к самой себе выражаются чувства недовольства, приниженности, что и заставляет Ольгу Ивановну прибегнуть к фамильярной разговорной лексике.

Большой интерес представляет бытовая коммуникация между Ольгой Ивановной и Дымовым. В диалоге с женой после защиты диссертации Дымов впервые выступает в качестве активного лица, инициатора общения. Диалог разворачивается в информационно-уведомительном стиле:

– Я сейчас диссертацию защищал, – сказал он, садясь и поглаживая колена.

– Защилил? – спросила Ольга Ивановна.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 196
из 378

– *Ого!* – засмеялся он и вытянул шею, чтобы увидеть в зеркале лицо жены, которая продолжала стоять к нему спиной и поправлять прическу. – *Ого!* Знаешь, очень возможно, что мне предложат приват-доцентуру по общей патологии. *Этим пахнет!* [2, с. 155].

Со стороны мужа мы замечаем непрямую коммуникацию, поскольку его истинной целью является расчет на предложение жены объяснить значимость произошедшего события. О важности сообщаемого для говорящего говорят употребленное с повтором междометие *ого* и оборот *этим пахнет*. Со стороны же Ольги Ивановны коммуникация в этом диалоге является бессодержательной. Ее яркой языковой чертой выступает глагольная форма *защитил* – коррелят совершенного вида к глаголу *защитал* в реплике Дымова. Вопрос предполагает получить от собеседника короткий ответ «да / нет» и окончание разговора. Автор объясняет, что Ольга Ивановна «не понимала, что значит приват-доцентура и общая патология, к тому же боялась опоздать в театр и ничего не сказала». Данная речевая ситуация демонстрирует, что дела мужа не представляют для Ольги Ивановны ценности. Этот диалог является ярким показателем равнодушия героини.

В тексте заключительной главы большое место занимает внутренняя речь Ольги Ивановны. Например, с лирическим подтекстом рассказа связаны вопросы героини: «*А где-то теперь мои друзья? Знают ли они, что у нас горе?*»; «*Что-то они поделявают теперь? Вспоминают ли о ней?*». В другом внутреннем монологе вновь содержатся восклицания, эмоциональная лексика: «*Ах, как я страшно солгала!*» – думала она, вспоминая о беспокойной любви, какая у нее была с Рябовским. – *Будь оно все проклято!*» [2, с. 159]. В этих мыслях – осознание своих действий, возможно, и некоторое раскаяние за измену. Болезнь Дымова заставляет героиню одуматься, однако она слишком поздно поняла, какой достойный человек был рядом все это время:

– *Дымов!* – звала она его, трепля его за плечо и не веря тому, что он уже никогда не проснется. – *Дымов! Дымов же* [2, с. 162].

Таким образом, источником для создания А. П. Чеховым речевых характеристик в рассказе «Попрыгунья» послужил живой разговорный язык, диалоги и внутренние монологи. На лексическом уровне речевой портрет Ольги Ивановны характеризуется смелым обращением к просторечной, эмоционально-окрашенной, экспрессивной и разговорно-фамильярной лексике; к выражениям, характерным для речи художников; к разнообразным фразеологическим единицам; на уровне словообразования зафиксировано употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов; на стилистическом уровне нужно отметить проявление информационно-уведомительного стиля в диалогах. Из приемов речи, которыми активно пользуется героиня, выделяется прием манипулятивного воздействия, прием самообвинения.

Речь каждого из действующих лиц писатель создает в строгом соответствии с характером. Главная героиня рассказа – впечатлительная, эмоциональная, порывистая. Она бурно проявляет свои чувства, что сказывается и в ее речи: торопливой, многословной и очень живой. На наш взгляд, фразы и высказывания героини содержат больше внешнего эффекта, чем глубоких мыслей.

Таким образом, мастерство А. П. Чехова позволяет создать правдоподобный образ, речевой портрет которого обусловлен линией сюжета и служит достижению поставленных автором творческих задач.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 197
из 378

Список использованной литературы

1. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
2. Чехов, А. П. Избранные произведения / А. П. Чехов. – Минск : Наука и техника, 1983. – 447 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 198
из 378](#)

А. Н. ПАВЛЮКОВЕЦ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. С. Клундук, кандидат филологических наук, доцент

ЖАНРОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА СТРАНИЦАХ СМИ БРЕСТЧИНЫ

Гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре обобщенные социальные представления (убеждения) о личностных и поведенческих характеристиках мужчин и женщин [1]. Для выявления специфики представления гендерных стереотипов в современных СМИ очень важно иметь представление о жанровом воплощении мужских и женских образов на страницах печатных средств массовой коммуникации, поскольку жанровые особенности текстов также влияют на формирование гендерных стереотипов.

Эмпирическим материалом для данного исследования послужили журналистские материалы областной газеты «Заря», городского издания «Брестский курьер» (далее в примерах – БК), районных газет «Янаўскі край» (далее в примерах – ЯК) и «Навіны Камянеччыны» (далее в примерах – НК).

Гендерные стереотипы и гендерные образы могут быть представлены в самых разных жанрах, однако напомним, что в исследуемых газетах основную часть публикаций составляют тексты информационных жанров, меньше – аналитических жанров и еще меньше – художественно-публицистических. К тому же проанализировав материалы «Зари», «Брестского курьера», «Янаўскага краю» и «Навінаў Камянеччыны» мы пришли к выводу, что во всех газетах тема гендерных отношений выражена недостаточно корректно. В СМИ Брестчины все-таки существует стереотипное представление как женщин, так и мужчин. Большая часть из проработанного материала сконцентрирована на мужской теме, что определенным образом проявляется в жанровых моделях текстов. Однако, сравнивая издания между собой, нельзя сказать, что они в равной степени ориентированы на мужскую аудиторию. К тому же на страницах анализируемых газет в основном репрезентирована социально-профессиональная дифференциация мужчины и женщины. Между тем, несмотря на то, что нередко женщины представлены на руководящих должностях как современные бизнесвумен, концепт материнства и семьи остается привилегированным. Образ мужчин наоборот построен на профессиональных достижениях, речь о семье идет очень редко. Таким образом, в белорусских СМИ преобладают патриархальная оценка роли мужчин и женщин в личной и общественной жизни, консервация отживших, негативных стереотипов о женщинах и мужчинах, «двойные стандарты» в оценке их жизненного успеха [2]. Женщины почти всегда предстают в образе «матери-героини», «женщины-берегини», «домохозяйки», а мужчины – выглядят победителями, мачо и карьеристами. Правда, встречаются и другие мужские образы – романтики и художники.

Поскольку речь идет о гендерных стереотипах на страницах печатных СМИ Брестчины, то здесь доминирует информационный жанр. Одними из самых распространенных жанров представления гендерных стереотипов на страницах проанализированных газет являются информационное интервью и опрос (А. Самченко. *Екатерина Кравченко: свобода в действиях труднее, чем путь к цели* // ЯК, 26.09.2017; А. Самченко. *Расскажи*

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 199
из 378](#)

мне, зеркальце // ЯК, 12.09.2017; Н. Нарэйка. Школа – гэта здорава // НК, 03.06.2017; А. Самченко. Прививка: помощь или риск? // ЯК, 19.09.2017; А. Янкина. Для счастья женщине нужна любовь... // НК, 18.11.2017; С. Вертинская. Ольга Грибовская из Бреста на подиуме в Малайзии // БК, 03.01.2016). Нередко в интервью гармонично переплетаются профессиональная и семейная линии героев, особенно женщин (Н. Ковпанько. Здесь встретила свою судьбу // НК, 23.12.2017; И. Соломка. За каменной стеной // ЯК, 12.06.2017; И. Романенко. Куклы Светланы Жорновой // БК, 23.12.2016). В интервью и опросах мужчины и женщины сами через журналиста формируют определенное представление о себе. Интересно, что в интервью с мужчинами, почти никогда не задаются вопросы, касающиеся личной жизни, семьи. А вот в материалах, где героиней становится женщина, самые часто задаваемые вопросы связаны именно с семейными заботами, детьми и увлечениями. Такая модель построения журналистских текстов намекает на некоторую слабость женщины и принижение ее социальной роли.

Нередко в заметках и отчетах также представлены определенные гендерные стереотипы. В заметках сухо, отстраненно, официально в рамках определенного события показывается социальный статус героев, причем как мужчины, так и женщины (*Анна Канюс – доктор наук // БК, 12.04.2018; Юлия Нестеренко простилась с большим спортом // БК, 23.03.2018; ГАИ Брестчины возглавил Михаил Банадык // Заря, 09.04.2018*). В информационном отчете наблюдается концентрированная подача какого-либо прошедшего события, мероприятия. В рамках объекта описания дается лаконичная статусная характеристика участников мероприятия, в большинстве случаев мужчин, что обусловлено главенствующей функцией мужчин в обществе: *Брестские лидеры социал-демократов подали документы на регистрацию кандидатами в депутаты местных советов // БК, 27.12.2018; Г. Шафран. Жарко, Вакульчик, Носкевич провели субботник на Брестчине // Заря, 23.04.2018*).

В анализируемых газетах гендерные стереотипы репрезентированы и в аналитических жанрах статьи и корреспонденции (А. Целюк. На счет «три»: тормозить или проскакать на желтый // ЯК, 05.09.2017; Н. Алейник. Знаменитый тенор // БК, 12.07.2016). В некоторых случаях показывается современная деловая женщина с ее отношением к жизни (А. Целюк. Уроки вождения от женщин за рулем, или как в Иваново выбирали автоледи // ЯК, 07.07.2017; О. Гребенников. А вы знаете сколько лет Снегурочке? // Заря, 29.12.2017). В то же время образ женщин почти всегда включает в себя концепты материнства, семьи, домашнего хозяйства. Хоть корреспонденция содержит в себе сообщение о событии, явлении, однако через описание фактов нередко представляется образ мужчины, причем показывается его сложная судьба (Е. Коленда. Горкія ўспаміны шчаслівага чалавека // ЯК, 22.09.2017; Е. Коленда. Помогают тем, кто оступился // ЯК, 29.08.2017). Как показало исследование эмпирического материала, в аналитических жанрах мужчина представлен как мужественный, умный, образованный и уважаемый человек, как успешный руководитель и хозяин, а женщина – как настоящая труженица.

В современных печатных СМИ все меньше появляются художественно-публицистические жанры, поэтому гендерные стереотипы, выраженные в зарисовках и очерках, настоящая редкость. Между тем такие материалы ярко описывают героев (Д. Троцюк. Хвояновка и Куба. По ниточке судьбы // НК, 03.03.2018); А. Белоус. 100-

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 200
из 378

летний юбилей отметила брестчанка Ева Нестеровна Сак // Заря, 01.07.2016; А. Целюк. Дороги Владимира Врублевского // ЯК, 28.10.2016). Публикации о мужчинах встречаются все-таки чаще, чем тексты о женщинах. С образами мужчин-победителей, успешных руководителей, семьянинов, примерных хозяев спокойно уживаются образы женщин-домохозяек, тружениц и творческих личностей. Журналисты стремятся сделать характерные портреты своих героев – мужчин и женщин, которые находятся в центре социально-профессиональной дифференциации.

Таким образом, тема гендерных стереотипов очень многогранна и требует пристального внимания. В анализируемых изданиях гендерные стереотипы воплощаются больше всего в информационных жанрах, в частности, в интервью, опросах, заметках. В выявленных нами материалах наблюдается тенденция к гендерному неравенству: до сих пор приоритетное внимание обращено на мужчину с его мускулиными характеристиками.

Список использованной литературы

1. Простотина, Ю. В. Гендерные стереотипы: формирование и детерминанты [Электронный ресурс] / Ю. В. Простотина // Социодинамика. – 2017. – № 3. – С. 1–9. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22364. – Дата доступа: 25.05.2019.

2. Сидорская, И. Гендер и СМИ : учеб. пособие для журналистов / И. Сидорская, А. Раду. – М. : МГУ, 2014. – 98 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 201
из 378

Н. А. ПАРЖОН (г. Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – С. В. Зелянко, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

КАНЦЭПТ «БЕЛАРУС» У ТВОРЧАСЦІ ІВАНА ШАМЯКІНА

Сучасныя вучоныя ў даследаваннях часта звяртаюцца да тэрміна *канцэпт*. С. А. Аскольдаў у артыкуле «Канцэпт і слова» тлумачыць гэта паняцце так: «Канцэпт – ёсць мысленнае ўтварэнне, якое замяшчае нам у працэсе мыслення неакрэсленую колькасць прадметаў аднаго і таго ж рода» [1, с. 269]. Замяшчальная функцыя канцэпту дазваляе пры размове пераадолець розніцу ў разуменні слоў. Менавіта з дапамогай канцэптаў аўтары могуць перадаваць праз аднолькавую лексему розныя меркаванні наконт пэўных з’яў і асабістыя адносіны да рэчаіснасці.

Канцэпт «беларус», які мы будзем даследаваць у творчасці І. Шамякіна, адносіцца да базавых. Каб больш дакладна зразумець адносіны аўтара да нацыянальнага пытання, у працы звернем увагу на лексемы *беларускі* і *Беларусь*. Таксама ў поле канцэпта «беларус» у Івана Шамякіна ўваходзяць такія моўныя адзінкі, як *народ*, *мінчане*, *нашы*.

Іван Шамякін – пісьменнік, які працаваў у савецкі і постсавецкі часы. У творах ён крытычна адлюстроўваў тагачасную рэчаіснасць. Аналіз канцэпту «беларус» дае магчымасць прасачыць адносіны аўтара да становішча свайго народа ў акрэсленыя гістарычныя перыяды.

«...*Сваё так не сцераглі, як нямецкае. А робяць жа беларусы. Аднак так трымаюцца за месца, што сто грамаў пылу не насыплюць беднаму суайчынніку*» [2, с. 29]. Гэты прыклад паказвае, што Іван Шамякін разумеў усе цяжкасці, з якімі сутыкаўся народ, і спачуваў яму. Акрамя гэтага пісьменнік паказаў, што беларусам уласцівы нерашучасць і крыху баязлівасць. У такой сітуацыі атрымліваецца, што прадстаўнікі аднаго народа апынуліся па розныя бакі. Яны не робяць адзін аднаму нічога кепскага, але і дапамагчы таксама не могуць.

«...*На белым шыкоўна адрамантаваным будынку гатэля, які нядаўна быў “Мінскам”, загарэлася яркая рэклама рэстарана, але не беларуская яго назва – нямецкая: “Paradies auf Erden”. Вельмі прыстойна назва для мінчан – “Зямны рай”. Хіба не пра гэта яны марылі тры чвэрці стагоддзя?»* [2, с. 9]. Тут паказваецца, што нават на сваёй тэрыторыі беларусы не былі галоўнымі, а залежалі ад іншых. У рытарычным пытанні чытаецца сарказм: беларусы атрымалі «зямны рай» ад немцаў.

У творах І. Шамякіна беларусы паўстаюць перад намі як народ бедны, без грошай, які не можа ў сілу пэўных палітычных і эканамічных абставін забяспечыць сабе нармальныя ўмовы жыцця: «*Але яму стала горка: калі ён і народ здолее купіць усё гэта? <...> У думках плюнуў на маляўнічыя паліцы*» [2, с. 27]; «*І гэта ў той час, калі магазіны напакаваны імпортнай парфумай. Любая вулічная дзеўка яе мае. Народныя артысткі такую раскошу дазволіць сабе не могуць. Жыве Беларусь*» [2, с. 50].

Лозунг «Жыве Беларусь!» часта сустракаецца ў творах І. Шамякіна: «*Няшчасны народ! <...> Жыве Беларусь! А жыве яна, як мы з табой, Лізун. Весела жыве. Ох, як весела!*» [2, с. 262]; «...*за тую ж нафту, якую*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 202
из 378

на каленях вымольваем у дабрадзея Ельцына <...> А залівалі ж бензінам і саляркай паў-Еўропы. Жыве Беларусь!» [2, с. 194] і інш. Беларусы ўсведамляюць, што яны асобная нацыя, што ў іх ёсць радзіма, сувязь з якой яны адчуваюць вельмі моцна: «Нікуды я не паеду. Я беларус. Да гэтага горада прывязаны пуравінай. І мне нічога не страшна!» [3, с. 384]. Нават перад пагрозай цяжкасцей герой не гатовы пакінуць краіну. Але амаль заўсёды лозунг «Жыве Беларусь!» суправаджаецца самаіроніяй і нават крыўдай за тое, што гэтыя словы не адпавядаюць сапраўднасці.

Гэта тлумачыцца тагачаснымі ўмовамі, ціскам на народ з боку ўлад, якія не прызнавалі беларусаў як асобную нацыю. Пацвярджаюць такую думку наступныя прыклады: «А ўчора ён прачытаў у адзіным беларускім часопісе, які выжыў, “Оду долару” паэта, якога наважаў...» [2, с. 11]; «А між тым сотня выдавецтваў <...> усё яшчэ выдае мастацкую літаратуру. Але толькі не беларускую. Свабода і незалежнасць!» [2, с. 45]. З гэтага вынікае, што Іван Шамякін на першае месца для народа ставіць мову. Без яе не можа ісці гаворка пра нацыянальную свядомасць: «нямала прадпрымальнікаў гуляюць у беларусізацыю, хоць большасць з гэтых “беларусаў” не могуць звязаць двух пісьменных сказаў на матчынай мове» [2, с. 193]; «жыве Беларусь, а кнігі на роднай мове не купляюць» [2, с. 22]. Асабліва праблема мовы тычыцца маладога пакалення: «А бацька – па-беларуску ўсіх прымушае – мяне, унукаў» [2, с. 195].

Асобную ўвагу трэба скіраваць на творы Івана Шамякіна пра вайну. Там канцэпт «беларусы» раскрываецца па-іншаму. Відавочна, што беларусы проціпастаўляюцца фашыстам, з якімі ваявалі: «Мы сталі ўдвух, беларус і немец, каля адчыненага акна і моўчкі глядзелі на плошчу, на злавесныя шыбеніцы, на якіх вецер гойдаў вяроўкі, на гестапаўцаў і на натоўп» [4].

Аўтар добра паказвае характар сапраўднага беларуса ў крытычнай сітуацыі: «Тыя – немцы, прышэльцы... Для мяне яны – не людзі. Яны прыйшлі забіць мяне – я забіў іх. А гэта – наш чалавек. Наш... беларус. <...> Разу-мею, што здраднік горш за любога фашыста. Але ўсё адно... усё адно забіць свайго чалавека мне цяжка» [5]. Гэты выпадак можна разглядаць з розных бакоў. Прыналежасць да аднаго народа не значыць, што гэтыя людзі будуць аднолькавыя, што калі нешта зробіць адзін, то гэта ж павінен зрабіць і другі. Заўсёды ёсць выключэнні, і падчас вайны сярод беларусаў былі здраднікі. Але такіх усё ж было мала. Акрамя гэтага аўтар акцэнтуюе ўвагу на пачуццях галоўнага героя. Нягледзячы на тое, што забіць яму трэба здрадніка, які заслугоўвае такой кары, герою складана пераадолець сябе і адважыцца на гэта. Ён не можа пазбавіць жыцця беларуса, якога лічыць сваім чалавекам.

У творах пра вайну канцэпт «беларус» выражаецца і іншымі лексемамі (нашы, нашы людзі і інш.): «... Убачыў ён адтуль, як караюць прышэльцы нашых людзей, і не вытрываў»; «...Я шкадаваў, што не перасек галоўную магістраль <...> Там жылі нашы людзі» [4]. Лексема «нашы» нясе ў сабе некалькі ідэй: па-першае, аўтар так далучае сябе да народа, па-другое, у гэта слова закладзена супрацьпастаўленне. Калі ёсць нашы людзі – беларусы, тады ёсць і чужыя, «не людзі» – немцы: «Тыя – немцы, прышэльцы <...> я не знаю, што яны за людзі. Для мяне яны – не людзі» [5].

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 203
из 378

Магчыма, не ва ўсіх выпадках, калі аўтар ўжывае субстантываваны займеннік *нашы*, ён мае на ўвазе толькі беларусаў. Часам гэтай лексемай аб'ядноўваюцца савецкія народы, якія ваявалі супраць фашыстаў: «*Гэта разведчыкі савецкія. Им трэба нешта перадаць на радыё нашым. Яны аблюбовалі вашу кладоўку*» [4]. Але такое назіраецца толькі ў творах пра вайну. У іншых кантэкстах Шамякін адмяжоўвае і вылучае беларусаў як асобны народ: «*Харошы ты службіст. Узбек? Казах? – Салдат Савецкай Арміі. – Дастойны адказ. Значыцца, інтэрнацыяналіст. А вось мы з Ірынай беларусы. <...> і праспяваў: – Беларус-беларус – бела світка, рыжы вус*» [6].

Такім чынам, у творах Івана Шамякіна канцэпт «беларус» распрацаваны дастаткова шырока. Праз яго паказваецца, як пісьменнік успрымаў народ у розных сітуацыях. Асноўным аспектам стала пытанне свабоды і незалежнасці беларусаў, іх нацыянальная самасвядомасць. Для Івана Шамякіна мова з'яўляецца галоўным здабыткам, таму моўнае пытанне таксама ўключана ў канцэпт «беларус».

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Шамякін, І. П. Сатанінскі тур : аповесці [Электронны рэсурс] / І. П. Шамякін. – Рэжым доступу: <http://pdf.kamunikat.org/18870-1.pdf>. – Дата доступу: 19.03.2019.
3. Шамякін, І. П. Атланты і карыятыды / І. П. Шамякін. – Мінск : Папуры, 2016. – 654 с.
4. Шамякін, І. П. Сэрца на далоні [Электронны рэсурс] / І. П. Шамякін. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Ivan_Samiakin/Serca_na_daloni.html. – Дата доступу: 24.03.2019.
5. Шамякін, І. П. Гандлярка і паэт [Электронны рэсурс] / І. П. Шамякін. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Ivan_Samiakin/Handlarka_i_paet.html. – Дата доступу: 28.03.2019.
6. Шамякін, І. П. Злая зорка [Электронны рэсурс] / І. П. Шамякін. – Рэжым доступу: https://royallib.com/read/shamyakn_van/zlaya_zorka.html#0. – Дата доступу: 28.03.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 204
из 378

А. В. САЛАРЬОВА (м. Суми, СумДПУ)

Науковий керівник – І. І. Брага, кандидат філологічних наук, доцент

МОВНА ОСОБИСТІТЬ МАТЕРІ В П'ЄСИ ПАВЛА АР'Є «НА ПОЧАТКУ І НАПРИКІНЦІ ЧАСІВ»

Утвердження антропоцентричної парадигми в сучасній лінгвістиці сфокусувало увагу науковців на дослідженні не тільки мови, а й людини як носія мови, що призвело до уведення в науковий обіг поняття «мовної особистості», розробку якого розпочали В. В. Виноградов, Ю. М. Караулов, Г. І. Богін. Суттєві напрацювання з вивчення мовної особистості здійснили такі українські мовознавці, як С. Я. Єрмоленко, Л. І. Мацько, Л. О. Ставицька, Т. М. Снітко, І. А. Синиця, О. В. Сахарова та ін. (огляд літератури див.: [1]).

Утім, незважаючи на широке коло ґрунтовних досліджень (В. В. Корольова, О. В. Сахарова, А. С. Шаповал), проблема мовної особистості персонажів сучасної української драми потребує подальшого вивчення. **Метою** нашої роботи є аналіз мовного образу матері на матеріалі п'єси Павла Ар'є «На початку і наприкінці часів» [2] (далі посилання на це видання даються в тексті у круглих дужках із зазначенням сторінки).

З лінгвокультурологічного погляду мовна особистість розглядається як «феномен, в якому проявляється як індивідуальна специфіка особистості, так і загальні національно-культурні риси мовленнєвого спілкування» [3, с. 47].

Образ матері є одним із центральних в українському фольклорі та художній літературі, де сформувалося ідилійно-романтичне уявлення про материнство. Для українців, за словами антрополога О. Кісь, «мати як культурна і духовна цінність посідає один із найвищих щаблів в ієрархії соціокультурних та особистісних вартостей. У народній свідомості її образ оточений ореолом святості, твори про матір переповнені найніжнішими почуттями до неї» [4, с. 181]. Однак Павло Ар'є зобразив матір – Бабу Прісю – «на початку і наприкінці часів», тобто в той період, коли руйнується світ. Саме через образ матері, яка докладає зусилля, щоб зберегти свій рід і свою землю, драматург намагається розкрити сутність Чорнобильської трагедії.

Найповніше схарактеризувати мовну особистість матері допомагають мовленнєві партії Баби Прісі з її донькою, що дозволяють простежити «соціокультурну роль матері як агента соціалізації та енкультурації власної дитини» [4, с. 170]. На перший погляд, у стосунках між матір'ю і донькою відсутні теплота і взаємопідтримка, адже мати критикує дії доньки, використовуючи лайку (*У тебе шо – две ліві руки, чи шо?* (с. 21); *У тебе шо, очі на потилиці?* (с. 21)), причитання (*Ой йой, Боже ж ти мій, за що мені така кара?* (с. 21)) і прокльони (*Тьху, тьху на твої руки, тьху!* (с. 22)). Вважаємо, що інвективна лексика та фразеологія надає мовцеві можливості психологічно розвантажитися, зняти емоційну напругу, вербалізувати негативні імпульси та своєрідним чином сублімувати їх.

На особливу увагу заслуговує наявність в мовленнєвому репертуарі матері прокльонів, адресованих власній доньці, адже відомо, що «материнське прокляття є способом відторгнення дитини, яке позбавляє її захисту Бога, повноцінної самореалізації (у сім'ї), розриває встановлені родові та суспільні зв'язки» [5, с. 232]. Проте дослід-

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 205
из 378

ники наголошують, що «діти суб'єктивно не сприймали поведінку матері як вияв ворожості чи то лихих почуттів з її боку. Це підтверджує однозначно позитивний образ матері, витворений в українському фольклорі» [5, с. 233].

Водночас сакральність образу матері передається молитвами, з якими вона неодноразово звертається до Бога: *Благослови Ти, Господи, Боже наш, Цар Небесний, що створює світло, і наводить пітьму, встановлює мир і творить все суще* (с. 75).

Мати підтримує моральні основи своєї родини: *Це – наше рідне, від матері Землі до нас перейшло від тих, хто в могилах лежить, від предків наших ЗНАННЯ* [6, с. 60]. Виховний потенціал актуалізує репліка Баби Прісі *Ми живемо в такий час, коли просто возьми своє життя, свою землю в руки і живи щасливо. Але ви не можете, ваші душі калічні, ви поламали покоління...* [6, с. 60].

Аналіз мовлення Баби Прісі дозволив помітити, що відкрите вираження своїх почуттів для неї не притаманне, співчуття до доньки вона виражає завуальовано: *то поважай свою матір, котра тебе назад у свою хату впустила* (с. 20). Зменшувально-пестливий суфікс *-ечк*, вжитий у звертанні матері до доньки (*дочечко* (с. 68)), оприявлює материнський мовний світ, що ґрунтується на традиціях українського мовного етикету (див., наприклад: [6, с. 112]).

Як сприймається Баба Прісія іншими персонажами твору, можна простежити на прикладі номінацій, що представлені іменниками *травниця* (с. 73), *партизанчиха* (с. 80), *герой* (с. 81), а також прикметниками *отважна* (с. 46), *стара* (с. 61), які відображають вік, риси її характеру та рід занять.

Важливу роль у творенні мовної особистості матері відіграють жести та міміка, які набувають значення індикаторів душевного стану, думок, емоцій і прагнень. Так, показовими маркерами конструювання мовної особистості Баби Прісі вважаємо її жестову поведінку та міміку, які автор використовує для психологічної характеристики персонажу: *хреститься* (с. 41), *хитро мружиться* (с. 42), *закриває обличчя руками* (с. 82).

Таким, чином, мовна особистість матері у драматичному творі Павла Ар'є представлена різноманітними засобами, які вказують на моральні риси, психологічні особливості, соціальну належність персонажа.

Список використаної літератури

1. Струганець, Л. Поняття «мовна особистість» в україністиці / Л. Струганець // Культура слова. – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 77. – С. 127–133.
2. Ар'є, Павло. Баба Прісія та інші герої / П. Ар'є. – Брустури : Дискурсус, 2015. – 275 с.
3. Корольова, Т. М. Мовна особистість у художньому творі / Т. М. Корольова, А. С. Шаповал // Наук. вісн. ПНПУ ім. К. Д. Ушинського. Лінгвіст. науки. – 2015. – № 20. – С. 46–52.
4. Кісь, О. Жінка в традиційній українській культурі (друга пол. XIX – поч. XX ст.) : монографія / О. Кісь. – Львів : Ін-т народознавства НАН України, 2008. – 271 с.
5. Кісь, О. Мати: соціокультурні аспекти материнства / О. Кісь // Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження : у 5 т. / наук. ред. М. Гримич. – Київ : Дуліби, 2012. – Т. 3 : Зрілість. Жіноцтво. Жіноча субкультура. – С. 217–233.
6. Богдан, С. К. Мовний етикет українців: традиції і сучасність / С. К. Богдан. – Київ : Рідна мова, 1998. – 475 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 206
из 378

В. А. СИНКЕВИЧ (г. Минск, БГУ)

Научный руководитель – С. В. Зеленко, кандидат филологических наук, доцент

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТКИ АННЫ ВИЛЕНЦЕВИЧ (КАСПЕР) В АСПЕКТЕ ТРОПИКИ

Языковые особенности журналистского текста зависят от аудитории, на которую нацелена конкретная публикация. Язык СМИ в первую очередь должен быть понятным читателю. Медиаисследователи подчеркивают, что «если потребитель информации принадлежит к альтернативному публицисту языковому миру, то возможно появление так называемого “конфликта интерпретации”, при котором один и тот же текст воссоздается в сознании каждого из нас по-разному, в зависимости от накопленного опыта и собственного мировоззрения» [1, с. 111]. Если речь идет о научном тексте, то допускается использование определенной терминологии, но, если рассматривать, например, районную газету, каждое слово должно быть доступными для понимания самого неподготовленного читателя.

Местную прессу может читать как обычный школьник, так и чиновник, учитель, механизатор, поэтому для журналиста важно исключать или пояснять узкоспециализированную лексику. Зачастую сотрудники СМИ пользуются такой лексикой с целью придания тексту информационной насыщенности. Однако для этого более корректно с точки зрения теории и практики редактирования [2] будет вводить в текст тропы. Понятие языковой личности в целом и на конкретных примерах исследовали Ю. Н. Караулов [3], А. П. Седых [4], Ж. Б. Ибраева и З. Р. Салихова [5], К. А. Елистратова [6].

Анна Виленцевич (Каспер), журналист Щучинской районной газеты «Дзянніца», в своих материалах часто использует различные тропы:

- эпитет: *Балы в Щучине стали **доброй** традицией, пастухи увидели **необыкновенно яркий** свет;*
- повторы: *Стоишь на вершине, а вокруг – **небо, небо**...*;
- сравнение: *все машины выглядят так, **словно только что из модного салона**, у меня, **словно на первом свидании**, бешено колотится сердце и др.*

Наиболее часто употребляемым тропом является эпитет, реже встречается метафора, еще реже – повтор, олицетворение и другие средства выразительности. Так, в публикации «Дворцовый бал меценатов прошел в Щучине» от 06.03.2019 найдено 20 эпитетов с эмоциональной окраской (*стали **доброй** традицией, изящные вечерние платья* и т. д.), 2 метафоры (*кружатся пары **в вихре вальса**, волшебные звуки живой музыки ... **вернули** всех в XIX век*), 1 олицетворение (*балом **правит этикет***). В публикации «Назад в XIX век» от 14.02.18, которая также была посвящена балу в Щучинском дворце князей Друцких-Любецких, найдено 22 эпитета (*талантливой, креативной, целеустремленной молодежи; волшебные звуки* и т. д.), 8 метафор (*Минута – и все **вернулись назад в прошлое; струились** бальные платья; путешествие во времени помогла совершить всем и интерактивная викторина* и др.), 1 повтор (***вновь и вновь** мы ... возвращаемся в те давние времена*).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 207
из 378

Для сравнения была проанализирована публикация на социально значимую для жителей Щучинского района тему – «Какие изменения ждут городской поселок Острино в 2019 году?» от 28.02.2019. В этом тексте были выявлены всего 1 эпитет (*одно из сильных предприятий района*), 1 экспрессивное приложение (*горе-самогонщики*) и 1 метафора (*огонь унес жизни 4 человек*).

Таким образом, количество использованных выразительных средств свидетельствует о том, что события на первом балу во дворце Друцких-Любецких вызвали у Анны Виленцевич (Каспер) больше положительных эмоций, чем повторный бал в честь меценатов. Журналистка не злоупотребляет тропами, в текстах с серьезной социальной тематикой их минимальное количество.

Список использованной литературы

1. Зелянко, С. В. Журналісткі тэкст у сітуацыі постмадэрна / С. В. Зелянко // Весн. БДУ. Сер. 4. – 2007. – № 2. – С. 107–112.
2. Зелянко, С. В. Інтэртэкстуальны эфект журналістскай дзейнасці (карэкціроўка стылістычнага рэгістру) / С. В. Зелянко // Весн. БДУ. Сер. 4. – 2007. – № 1. – С. 117–122.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 263 с.
4. Седых, А. П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов) / А. П. Седых. – М. : Компания Спутник+, 2004. – 269 с.
5. Ибраева, Ж. Б. Языковая личность (на примере Герольда Бельгера) / Ж. Б. Ибраева, З. Р. Салихова // Молодой ученый. – 2010. – № 5, т. 2. – С. 40–43.
6. Елистратова, К. А. Поликодовая языковая личность поэта: лингвосемиотический аспект (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К. А. Елистратова // Науч. диалог. – 2012. – № 12 : Филология. – С. 137–147.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 208
из 378](#)

РОЛЬ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Приоритетной задачей современной методики преподавания иностранных языков, в том числе и украинского как иностранного (УЯИ), является обеспечение межкультурной коммуникации, способности осуществлять общение с учетом различий культур и стереотипов мышления. Другими словами, осваивая иностранный язык, обучающийся должен освоить новую для себя систему ценностей, интегрировав ее в собственную картину мира.

В связи с этим методика преподавания иностранных языков и обратилась к концепту языковой личности как к идее, «которая ... пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [1].

В лингводидактике понятие языковой личности (ЯЛ) связывают с именем Г. И. Богина, который дал определение и предложил модель ЯЛ, где человек рассматривается в плане его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2]. В научный обиход это понятие ввел Ю. Н. Караулов, который указывал, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, которые различаются: «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [3].

Ю. Н. Караулов разработал трехуровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст. Языковая личность, по Караулову, представлена тремя структурными уровнями: 1) вербально-семантическим – отражает степень владения обыденным языком, 2) когнитивным – уровнем, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (ЯЛ) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство, и 3) прагматическим – включает характеристику мотивов и целей, которые движут развитием ЯЛ.

Как видим, языковая личность рассматривается как парадигма личностей – языковой (владеет определенной совокупностью знаний и представлений), речевой (реализуется в вербальной коммуникации), коммуникативной (участник коммуникативного акта, характеризуется типичным для данной лингвокультурной общности коммуникативным поведением).

Исследование языковой личности с позиций ее способности осуществлять речевые поступки обусловило необходимость пересмотра методологических основ обучения иностранным языкам. В результате в методике развивается новое направление – формирование «вторичной» языковой личности.

Следует отметить, что в научной литературе предлагаются различные толкования концепта «вторичная языковая личность», введенного И. И. Халеевой [4], однако все они содержат общую составляющую: вторичная языковая личность есть совокупность способностей человека к общению на иностранном языке на межкуль-

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 209
из 378](#)

турном уровне [5–7]. Становление вторичной языковой личности, отмечают исследователи, связано не только с овладением вербальным кодом иностранного языка и умением применять его в общении, но и с формированием в сознании инофона «картины мира», свойственной носителю изучаемого языка. Поэтому обучение иностранному языку должно быть нацелено на освоение концептуальной системы чужого лингвосоциума.

Поскольку основу мировосприятия и миропонимания любого народа составляет определенная система социальных стереотипов, сознание человека всегда этнически обусловлено. В этом контексте особенно актуальным является учение Ю. Н. Караулова об уровнях структуры языковой личности. Так, согласно положениям данной теории на первом (вербально-семантическом) уровне происходит формирование вербально-семантического фонда на уровне стереотипов. Основными единицами на этом уровне являются отдельные слова, стандартные словосочетания и фразы, такие, как «прочитать текст», «написать письмо». На этом уровне обучаемые овладевают системно-структурными связями, которые обеспечивают формирование навыков конструирования типичных грамматических конструкций.

Более сложные задачи стоят на втором (тезаурусном) уровне. Считается, что формирование языковой личности начинается собственно на этом уровне. И. И. Халеева указывает, что решающим фактором здесь является усвоение общих фоновых знаний лингвокультурологического характера, раскрывающих специфику национальной картины мира носителей изучаемого языка.

Единицы третьего (мотивационного) уровня ориентированы на прагматику и проявляются в коммуникативных потребностях личности, которые, в свою очередь, обуславливают выбор и оценку языковых средств в зависимости от речевой ситуации.

По И. И. Халеевой, «проникновение в смысл услышанного текста наступит лишь в том случае, когда обучаемые научатся видеть, точнее, слышать, ассоциативный фон, структурирующий и конституирующий высказывания...» [4].

Изложенное выше позволяет сделать вывод об особой значимости поликультурных знаний (знаний об истории, традициях, культуре того или иного народа) для формирования вторичной языковой личности. Источником такой информации могут быть: 1) национально маркированная лексика – слова и словосочетания, в которых отражены особенности менталитета народа (особенности характера, эмоции), народные обычаи, верования, мораль, быт, национальная кухня и т. д.; 2) фразеологизмы, пословицы, закрепляющие культурно-исторический опыт нации; 3) тексты социокультурного характера, в которых раскрывается содержание мировоззренческих универсалий – таких, как «человек», «судьба», «счастье», «душа», «благо», «истина», «красота», «любовь», «свобода», «добро», «зло» и т. п.; 4) материалы лингвострановедческого содержания из масс-медиа, аутентичные тексты, помещенные в Интернет. Указанные материалы вызывают живой интерес инофонов, являются мощным стимулом совершенствования знаний по украинскому языку как языку-посреднику, обеспечивающему диалог представителей различных культур.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 210
из 378](#)

Таким образом, формирование вторичной языковой личности, способной к взаимодействию еще с одной (второй) лингвокультурой, с необходимостью предполагает использование поликультурной информации, обеспечивающей готовность студентов к позитивному взаимодействию с поликультурным миром.

Список использованной литературы

1. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семантические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
2. Богин, Г. И. Современная лингводидактика : учеб. пособие / Г. И. Богин. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
4. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И. И. Халеева. – М. : Высш. шк., 1989. – 236 с.
5. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АРКТИ, 2003. – 192 с.
6. Давлетбаева, Р. Г. Методический подход к реконструкции языковой личности / Р. Г. Давлетбаева // Вестн. Башкир. ун-та. – 2009. – Т. 14, № 3. – С. 931–934.
7. Осиянова, О. М. Языковая личность XXI века: проблемы и перспективы / О. М. Осиянова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2002. – № 6. – С. 191–193.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 211
из 378

Т. В. ТІТОВА (м. Суми, СумДПУ)

Науковий керівник – І. І. Брага, кандидат філологічних наук, доцент

СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНИЙ АНАЛІЗ АНТОНІМІВ У РОМАНІ ВАЛЕР'ЯНА ПІДМОГИЛЬНОГО «МІСТО»

Явище антонімії стало об'єктом дослідження у працях вітчизняних мовознавців Л. А. Булаховського, А. П. Коваль, Л. М. Полюги, О. О. Тараненка, Л. А. Лисиченко, В. Б. Синюк, Н. М. Бобух, В. М. Турчин, М. М. Турчин та ін., які розробляли різні класифікації лексичних антонімів, аналізували їх властивості на синтагматичному та парадигматичному рівнях, простежували антонімічні кореляції в багатозначних словах, з'ясовували співвідношення антонімів й синонімів, антонімів і паронімів тощо. Зокрема, видатний український мовознавець В. М. Русанівський, розглядаючи взаємозв'язок синонімії, омонімії й антонімії, підкреслював специфіку антонімічних відношень: «Кожна нова лексична одиниця вступає в опозиційний зв'язок з іншою лексичною одиницею, бо саме в такий спосіб, внаслідок протиставлення і утворення антонімічної пари, увиразнюється значення обох лексичних одиниць» [1, с. 84].

Мета статті – лексико-семантична і стилістична характеристика антонімів у романі Валер'яна Підмогильного «Місто».

Урахування характеру зіставно-протиставних відношень, реалізованих у романі Валер'яна Підмогильного, уможливорює виявлення їх стилістичних функцій, адже антоніми «допомагають створити контрастну характеристику образів, предметів, явищ» [2, с. 64].

1. Градуальні (контрарні) антоніми утворюють чіткі контрарні опозиції, складники яких виражають мінімальний чи максимальний ступінь вияву певної якості, властивості, ознаки, стану. Наприклад: *Серпневе сонце стирало бруд з білих хаток, мережило чорні шляхи, що гналися в поле й зникали десь, посинівши, як річка* [3, с. 21] (всі приклади даються по цьому виданню із зазначенням сторінок в круглих дужках); *Він – один з тих, що повинні стати на зміну гнилизні минулого й сміливо будувати майбутнє* (с. 30); *Спати лягав рано, не маючи світла, і спав допізна, надолужуючи спочинком свої злиденні харчі* (с. 59).

Градуальні антоніми вказують на поступову зміну якості, властивості, ознаки, стану. Відповідні опозиційні лексеми позначають максимально протилежні поняття, смисловий простір між якими може бути заповнений проміжними складниками, а заперечення одного з антонімів не є ствердженням іншого. Наприклад: *Ця вулиця завтра розтечеться по установах і трестах, залле посади, великі й малі, і скрізь, де він стукатиме, будуть зачинені двері* (с. 46). Поняття великий – середній – малий утворюють логічний ряд, у якому наявне проміжне слово – середній.

Як бачимо, градуальні антоніми, представлені іменниками (зокрема, субстантивованими), прикметниками і прислівниками, виконують стилістичну функцію протиставлення, а опозиції «білі хатки – чорні шляхи», «гнилизна минулого – сміливо будувати майбутнє» створюють антитезу.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 212
из 378

2. Комплементарні антоніми, є граничними за своїм характером, оскільки взаємозаперечні поняття можуть вибудовувати чіткі логічні опозиції, які не допускають проміжних компонентів. Цілком логічно, що такі антоніми у текстовій канві роману вступають у протиставні відношення. Наприклад: *Він **живий** ще, він ще кричить, але майбутнє його – здихання. Та він і так уже **мертвий**, як та латина, що тільки дідькові потрібна* (с. 43).

3. Координатні (векторні) антоніми позначають дві протилежно спрямовані чи взаємно зворотні дії, явища, ознаки, напрями, відношення тощо. Наприклад: *Позаду шумів Хрещатий яр, **праворуч** линула музика з Пролетарського саду, **ліворуч** шелестів людськими тінями Володимирський горб* (с. 46); *Спереду Дніпро мов спинився в несподіваній затоці, оточений **праворуч, ліворуч** і просто зелено-жовтими передосінніми берегами* (с. 21); *Вони блукали **вгору й вниз** по круглястих алеях у густому мороку вечора* (с. 56); *Місяця в малій залі Національної бібліотеки, де звичайно вечірки відбувались, поділялись за класовим принципом на дві категорії – **спереду** стільці для обраних, **здаду** лави для плебсу, здебільшого студентського: позад лав було ще досить порожньої підлоги, де могли стояти ті, хто й на лави не втрапив* (с. 61). Як свідчить досліджуваний матеріал, координатні антоніми виконують стилістичну функцію протиставлення.

4. Контрадикторні антоніми – це така лексико-семантична опозиція, де один із членів утворюється за допомогою префікса *не-* і не має точної визначеності. Ці пари можна вважати повноцінними, бо частка *не-* виступає тут не простим запереченням, а префіксом, що творить нове слово з новою семантикою. Наприклад: *Він зітхнув, сам **несвідомо** прагнути до безтурботного спокою паперів* (с. 80); *Він **свідомо** і задоволено засудив себе на самотність між цими мурами, де єдиною оздобою була миршава пальма в кутку – забуток колишніх власників-панів, що переходила в спадщину кожному наймачеві, нагадуючи йому про сумну минуність на цьому світі* (с. 118); *І йому **приємно** було, що він тільки тимчасово, на три роки, покинув свої стріхи, щоб вернутися потім при повній зброї на боротьбу і з самогоном, і з крадіжками, і з недіяльністю місцевої влади* (с. 33); *Степан цілком припускав можливість цієї **неприємної** розмови і мав готову відповідь – через тиждень він вибереться* (с. 59); *На зріст він був **високий**, тілом міцно збудований і смуглий на обличчі* (с. 23); *Він був **невисокий**, але худі ноги його здавались довгими й негнучкими* (с. 28).

Як можна помітити усі семантичні різновиди антонімів, окрім контрадикторних використовуються в одному контексті. Контрадикторні антоніми реалізують стилістичну функцію протиставлення дистанційовано.

Окрім цього розрізняють різнокореневі та спільнокореневі антоніми. У творах В. Підмогильного переважає різнокоренева антонімія: *Молоді м'які волосинки, неголені вже тиждень, надавали йому **неохайного** вигляду. Учився він дуже **акуратно**, ходив завжди в чумарці й над усе любив полювання* (с. 23); *Контраст **похмурих** споруд над берегом і цього **безжурного** купання здавався Надійці разючим і чарівним* (с. 25); *Він **заснув**, не встигнувши навіть закурити. **Прокинувся** Степан так само непомітно* (с. 38).

Отже, лексико-семантичну протилежність у досліджуваному тексті представлено переважно градуальними, координатними та контрадикторними антонімами. Використання антонімів у художніх творах дає можливість повніше розкрити всю складність чи суперечливість зображуваного явища, створити відповідну інтонацію,

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 213
из 378

настрій твору. Аналіз мовного матеріалу засвідчив, що Валер'ян Підмогильний використовує антоніми як художній прийом протиставлення контрастних понять, а також для створення антитези.

Список використаної літератури

1. Русанівський, В. М. Структура лексичної і граматичної семантики / В. М. Русанівський ; АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ : Наук. думка, 1988. – 240 с.
2. Пономарів, О. Д. Стилiстика сучасної української мови : підручник / О. Д. Пономарів. – 3-є вид., переробл. і доп. – Тернопіль : Навчальна книга – Богдан, 2000. – 248 с.
3. Підмогильний, В. Місто / В. Підмогильний. – Харків : Фоліо, 2014. – 239 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 214
из 378](#)

СЕКЦИЯ 4. СЛОВО В АСПЕКТЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б. Т. АННАСАХЕДОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Е. Д. Приступа, кандидат педагогических наук, доцент

ПОНЯТИЕ «ОБЗОРНАЯ ТЕМА» И СПЕЦИФИКА ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Изучить в школе русскую художественную литературу в полном объеме невозможно. Вот почему старшеклассникам систематически предлагаются так называемые обзорные темы, когда рассматривается общий процесс развития литературы в тот или иной исторический период, сообщаются сведения об основных исторических, общественно-политических событиях данного периода, о развитии науки и искусства. Но самое главное в обзоре – раскрытие специфики литературного процесса для данного исторического периода; анализ борьбы и смены литературных направлений, видов и жанров литературы; освещение ее основных тем, идейно-нравственных проблем и т. п.

Главная трудность изучения обзорных тем – в обилии материала. Требуется запомнить массу сведений по истории, по теории литературы, по науке, искусству. Необходимо также понять многообразие и сложность общественно-политических, философских, идейно-нравственных проблем, которые находят своеобразное, часто неоднозначное отражение в художественной литературе.

Особенную значимость обзорные темы получили в ныне действующей программе по русской литературе для старших классов. На их изучение отводится значительно больше времени, чем в старых программах. Это вполне оправданно, так как обзорные темы объединяют курс литературы, связывают концептуальной идеей творчество разных писателей, изучаемых монографически, помогают увидеть литературный процесс в развитии, определить роль и место русской и национальной литературы в мировом литературном процессе.

Обзорные темы в курсе литературы разнообразны по содержанию и по принципам, на основе которых они выделены. В теории и практике школьного преподавания литературы закрепилось употребление понятия *обзор*: 1) для указания на степень «развернутости» рассмотрения объекта (историко-литературные сведения, творчество писателя, художественное произведение); 2) для характеристики уроков особой структуры.

Исследователь З. Я. Рез выделяет особенности обзорной темы как одной из форм изучения литературы в старших классах, указывает виды обзорных тем и методы их изучения. О. Ю. Богданова подробно описывает формы и методы, используемые учителем при изучении обзорных тем (лекция-беседа, доклад и др.) [1]. В. В. Голубков характеризует систему историко-литературного курса, определяет методику обзорных лекций и описывает содержание лекций в 9–11 классах и т. д. [2]. Е. В. Квятовским четко определены задачи и цели изучения

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 215
из 378

обзорных тем [3]. В. А. Каряушкина, помимо теоретических сведений по данной проблеме, представляет также методические советы, помогающие учителю понять специфику изучения обзорных тем на уроке [4].

Все исследователи определяют обзоры как уроки особого вида, требующие сложного сочетания лекции учителя, сообщений учащихся и чтения полностью или в извлечениях художественных произведений, т. е. репродуктивного, эвристического и исследовательского методов. При обзорном изучении историко-культурного или художественного явления в нем раскрываются лишь наиболее важные особенности

Но неправильно было бы думать, что все обзорные темы одинаковы. Одни являются самостоятельными, т. е. не связанными ни с предыдущими, ни с последующими монографическими темами (например, обзор литературы XVIII века в 9 классе). Другие предваряют текстуальное изучение крупных художественных произведений (например, обзоры по каждому из трех периодов русского революционно-освободительного движения). Но цель уроков-обзоров нельзя ограничить воссозданием «фона», на котором потом выступят творческие индивидуальности крупнейших писателей: не описание, а выявление закономерностей должно определять целенаправленность обзорного занятия.

Чрезмерная насыщенность обзорных тем материалом, множеством фактов, идей, событий и ограниченность часов, предназначенных для их усвоения, рождают проблему отбора сведений, четкой их систематизации, применения приемов мобилизации уже имеющихся у учащихся знаний, заблаговременной подготовки докладов, сообщений, выразительного чтения произведений и фрагментов, которые включены в урок.

Для того чтобы урок обзорного типа получился эффективным, следует четко определить принципы организации обзорного изучения: 1) соотношение главных положений и материала, его развивающего, аргументирующего и иллюстрирующего; 2) обязательная конкретизация основных положений литературным материалом; 3) привлечение элементов «впечатляющего метода» (Л. Выготский) – синхронистических таблиц, выставок, стенгазет; обращение к другим видам искусства;

Эффективность обзоров во многом зависит от своевременной активизации имеющихся у школьников знаний и впечатлений с ориентацией на инварианты в структуре учебного материала. В старшем школьном звене возрастает роль ретроспективных связей, осуществление которых позволяет организовать повторение, в какой-то мере переосмыслить знакомые факты заново.

Таким образом, обзорные темы занимают определенное место в преподавании русской литературы, имеют свою специфику и особенности и в силу своей сложности изучаются в старших классах.

Список использованной литературы

1. Богданова, О. Ю. Методика преподавания литературы / О. Ю. Богданова, С. А. Леонов, В. Ф. Чертов. – М. : Академия, 2002. – 400 с.
2. Голубков, В. В. Методика преподавания литературы / В. В. Голубков. – М. : Просвещение, 1995. – 647 с.
3. Квятовский, Е. В. Изучение обзорных тем / Е. В. Квятовский // Лит. в школе. – 1999. – № 5. – С. 9–11.
4. Каряушкина, А. В. Уроки литературы в старших классах / А. В. Каряушкина. – М. : Просвещение, 1987. – 193 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 216
из 378](#)

ИЗУЧЕНИЕ ПЬЕСЫ-СКАЗКИ С. Я. МАРШАКА «ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ» В 5 КЛАССЕ

Изучение драматического произведения в школе имеет множество особенностей. Как отмечают методисты, «отсутствие авторской характеристики, портретов героев, повествования о событиях осложняет восприятие драмы учащимися» [1, с. 216]. Драматических произведений в школьной программе не так уж много. Изучение пьесы-сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» является важным звеном в расширении представлений учащихся о литературе и театре, о творческом методе автора.

Пьеса-сказка С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» изучается в разделе «Драматические произведения», изучение пьесы рассчитано на 2 часа. При изучении пьесы-сказки необходимо рассмотреть следующие вопросы: «Слово о С. Я. Маршаке. Пьеса-сказка (по мотивам славянских сказок о братьях-месяцах). Утверждение в пьесе ценности труда, разума, самопожертвования. Поэтическое одухотворение природы. Литература и искусство. Пьеса С. Я. Маршака на сцене детских театров» [2, с. 17–18].

В учебнике материал представлен следующим образом: перед изучением пьесы-сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» рассматривается теоретическое понятие *пьеса-сказка* [3, с. 93–94], затем даются биографические сведения о жизни и творчестве С. Я. Маршака [3, с. 94–95], текст пьесы-сказки «Двенадцать месяцев» в учебнике дан не полностью, включены лишь избранные картины [3, с. 95–123].

На уроках по изучению пьесы-сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» во вступительном слове учитель подводит учеников к знакомству с драматическими произведениями. Приступая к изучению пьесы-сказки, важно вспомнить какие драматические произведения дети учили раньше.

На уроке читаются сведения о С. Я. Маршаке, подготавливающие восприятие произведения. После этого приступать к обсуждению общего впечатления от текста, потом к работе по аналитическим вопросам к каждой из картин. По первой картине можно поставить вопросы: Почему Королева-девочка так странно себя ведет? Почему она так ленива, своенравна и жестока? Как меняется ее настроение на протяжении урока? Как и почему возникают желания и планы, даются распоряжения? С чем не считается и не хочет считаться Королева-дочка?

Последовательное обсуждение каждой из картин подготавливает детей к работе над обобщающими вопросами. Вначале следует сказать о сюжетном построении, о сюжетной связи картин. Сумасбродный приказ Королевы доставить во дворец корзину подснежников из зимнего леса – это завязка действия. Сцена в домике – дальнейшее развитие действия, когда кто-то должен стать жертвой каприза. Ясно, что человека, отправленного в лес для выполнения этого приказа, ждет гибель. Поэтому Старуха отправляет Падчерицу. Но в лесу природа оказалась более милостивой, чем люди. Пусть дети сами поищут в тексте кульминацию.

Далее может быть поставлен вопрос об отношении автора к своим героям. В пьесе-сказке «Двенадцать месяцев» внимательный читатель почувствует влюбленность С. Я. Маршака в народную поэзию, в стихию

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 217
из 378

сказки, отражающей народный взгляд на жизнь. Одушевление сил природы характерно для фольклора. Природа в лице Месяцев изображена носителем добра, сострадания. А зло вселилось в человека, имеющего власть над другими людьми. Для Мачехи, дочки и Королевы нет человеческих нравственных законов, их души неразвиты, они эгоистичны. Хотя в драматическом произведении читатель и не слышит голоса автора, он ощущает его присутствие. Чтобы сделать авторскую позицию более явственной для детей, предложим им подумать над вопросами: 1. Какими хотел бы автор видеть всех людей? 2. Какие человеческие пороки и недостатки по мнению автора должны исчезнуть, чтобы люди были счастливы? 3. Какие качества, черты характера, умения писатель ценит выше всего? 4. Считает ли писатель безобидным и прощательным такие недостатки, как капризный характер, лень, упрямство, грубость, желание командовать другими людьми?

После прочтения пьесы-сказки «Двенадцать месяцев» могут быть предложены следующие вопросы и задания: 1. Вы прочитали лишь избранные картины. Постарайтесь найти в библиотеке всю пьесу-сказку, прочитать, ответить на вопрос, о чем эта сказка, или кратко пересказать ее содержание. 2. Кто герои этой сказки? Напоминают ли они героев народных сказок? Какие герои этой пьесы часто встречаются в народных сказках? Какие герои явно литературные, не фольклорные? 3. Расскажите о каждом из героев этой сказки отдельно. 4. Какие разговоры (диалоги) действующих лиц вам показались смешными? Подготовьте инсценированное чтение пьесы. 5. Что в пьесе-сказке «Двенадцать месяцев» жизненно и правдиво, а что неправдоподобно, фантастично? Чего достигает автор этим сочетанием фантастического и реального? Кого мы осуждаем, кому сочувствуем, над чем смеемся? [4, с. 118–119].

Творческие задания могут быть даны заранее. Заранее можно подготовить чтение по ролям, рисунки к сценам пьесы-сказки [5, с. 88–91]. Можно показать экранизации по пьесе-сказке С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев»: мультфильм, снятый режиссером И. Ивановым-Вано на киностудии «Союзмультфильм» в 1956 г., и художественный фильм, снятый режиссером А. Граником в 1972 г. на киностудии «Ленфильм».

Мы пришли к выводу, что в школе нужно изучать произведения С. Я. Маршака, так как он был для детей другом, наставником. В сказке «Двенадцать месяцев» автор затрагивает такие вопросы, как отношения детей и родителей, отношение к труду, к деньгам.

Список использованной литературы

1. Методика преподавания литературы / Р. Ф. Брандесов [и др.] ; под ред. З. Я. Рез. – М. : Просвещение, 1985. – 368 с.
2. Учебные программы для общеобразовательных учреждений. Русская литература V–XI кл. – Минск : НИО, 2012. – 120 с.
3. Мушинская, Т. Ф. Русская литература : учеб. пособие для 5 кл. учреждений общ. и сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения : в 2 ч. / Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная, С. Н. Каратай. – Минск : Нац. ин-т образования, 2014. – Ч. 1. – 175 с.
4. Литература. 5 класс : учебник-хрестоматия : в 2 ч. / авт.-сост. В. Я. Коровина [и др.]. – М. : Просвещение, 2004. – Ч. 2. – 303 с.
5. Каратай, С. Н. Уроки литературы в 5 классе : метод. рекомендации / С. Н. Каратай, Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная. – Минск : Нар. асвета, 1996. – 127 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 218
из 378

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ: СООТНОШЕНИЕ РОДА И ПОЛА

Вопрос об имени существительном достаточно хорошо исследован в языкознании. Внимание многих учёных привлекала и привлекает эта знаменательная часть речи. Об имени существительном писали М. В. Ломоносов, А. А. Пешковский, Н. М. Шанский и др.

Все существительные в русском языке, как известно, обязательно относятся к одному из трех родов: **мужскому** (*дом, конь, юноша, сарай* и др.), **женскому** (*страна, земля, мать, ночь* и др.) или **среднему** (*окно, поле, дитя, животное, существо* и др.). Ни к какому роду не относятся слова, имеющие только формы множественного числа (*брюки, ножницы, очки* и др.). Существительные общего рода (*сирота, плакса, соня, неряха* и др.) в зависимости от пола обозначаемого лица получают значение мужского или женского рода.

Предметом нашего исследования являются **личные** имена существительные, т. е. существительные, которые обозначают лицо мужского или женского пола. Из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова нами собран фактический материал в объеме 120 единиц.

Чаще всего обозначения людей в русском языке имеют парные соответствия. Как правило, это слова одного корня, например: *учитель – учительница, участник – участница, сосед – соседка* и под. Род таких существительных соответствует полу лица.

Личные имена существительные отличаются большим разнообразием. Они характеризуют человека по множеству признаков (по отношению к другим людям (*брат – сестра, муж – жена* и др.) и окружающему миру (*оптимист – оптимистка* и др.), по профессии (*скрипач – скрипачка* и др.), по внешним и внутренним качествам (*лентяй – лентяйка, помощник – помощница* и др.), по национальной принадлежности и месту жительства (*белорус – белоруска, брестчанин – брестчанка, туркмен – туркменка* и др.), по политическим убеждениям (*революционер – революционерка, демократ – демократка* и др.), религиозным (*миссионер – миссионерка* и др.).

Отметим, что в русском языке личные существительные женского рода в качестве параллелей к мужскому роду имеются не всегда. Так, например, к словам *лауреат, инженер, редактор, судья* параллелей женского рода нет. Эти существительные мужского рода употребляются и по отношению к женщине.

Слова женского рода отсутствуют, если данная специальность характерна или долгое время была характерна только для мужчин, например, наименования военных чинов, званий (*лейтенант, профессор, доцент, тренер* и др.). Причиной отсутствия соответствий женского рода может быть также наличие таких слов в разговорной речи, например, в значении жена генерала – *генеральша* и др.

Существительные женского рода для наименования женщин по профессии (*дикторша, докторша, инструкторша* и др.) носят разговорный характер и в словаре имеют стилистическую помету *разговорное*. В литературном языке единичны существительные, обозначающие профессию и употребляющиеся только

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 219
из 378

в форме женского рода, например: *балерина, маникюрша, педикюрша* и некоторые другие. Для обозначения лица мужского пола используются при необходимости описательные конструкции, например: *артист балета*.

Глаголы при именах существительных мужского рода, называющих женщину по профессии, употребляются в форме женского рода, хотя определения сохраняются в мужском роде: *вошла участковый врач Иванова*. Возможность называть такими словами, как *библиотекарь, врач, декан* и другие, мужчину и женщину сближает слова мужского рода со словами общего рода. Но словами общего рода они не являются, т.к. имеют соотносительные пары (*библиотекарь – библиотекарша* (разг.), *преподаватель – преподавательница* и др.), а слова общего рода таких пар не имеют. Большинство слов общего рода обозначают лицо по характерному действию или свойству, чаще всего отрицательному (*рёва, обжора, лежебока* и др.).

Таким образом, проведённый анализ показывает, что личные имена существительные женского рода всегда указывают только на женский пол и не употребляются для обозначений лиц мужского пола. Личные имена существительные мужского рода такие, как *филолог, психолог, специалист* дают общее представление о лице и могут обозначать по должности, профессии, деятельности лицо не только мужского, но и женского пола. Эти существительные сохраняют свой грамматический род (мужской) независимо от того, представителя какого пола они именуют.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 220
из 378](#)

ПРИЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА: ОПЫТ ПЕРВОКУРСНИКОВ

В процессе изучения дисциплин «Культура академической учёбы» и «Профессиональная лексика» студенты 1 курса знакомятся с приемами осмысления учебно-научных текстов, предназначенными для поиска в тексте наиболее значимой информации, которая заключена в смысловом ядре текста. Владение этими приёмами необходимо для самостоятельного получения информации из текстов, которая заключена, как правило, в смысловом ядре текста – теме и основной мысли.

Мы применили изученные приёмы осмысления текста к материалу «Семиотика» из пособия Г. В. Писарук «Культура умственного труда студента» [1, с. 71–72]. Выбор приёмов был обусловлен особенностями текста.

При первой встрече с текстом мы **применили интегральный алгоритм чтения**, позволяющий отобрать значимую в данной ситуации информацию для последующей обработки. Автор текста – В. М. Живов, российский филолог, специалист в области истории русского языка, литературы и культуры. Доктор филологических наук, профессор МГУ, заместитель директора Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН, заведующий сектором истории русского литературного языка. Текст небольшой, состоит из 18 предложений, объединенных в 6 абзацев. Поскольку текст находится в учебном пособии, он является учебно-научным, его название – «Семиотика» – отражает тематическое содержание.

Прочитав текст ознакомительным чтением, мы **составили** к нему **гlossарий** – небольшой словарь незнакомых для нас слов. В него вошли 10 слов, для выявления значений их мы использовали словарь С. И. Ожегова [2] (далее страницы из данного издания указываются в круглых скобках): *выражение* (с. 117), *демонстрация* (с. 157), *знак* (с. 229), *комбинация* (с. 281), *потенциал* (с. 560), *расчленить* (с. 658), *ритуальный* (с. 669), *совокупность* (с. 728), *функционировать* (с. 840), *эмансипация* (с. 887). Поскольку почти все слова являются многозначными, мы выбрали значения, в которых слова могут быть употреблены в исследуемом контексте. Приведём два примера.

КОМБИНАЦИЯ, -и, ж. 1. Сочетание, взаимное расположение чего-н. *К. цифр*. 2. Сложный замысел, система приемов для достижения чего-н. *Хитрая к. Шахматная к.* (с. 281).

ПОТЕНЦИАЛ [тэ], -а, м. 2. перен. Степень мощности в каком-н. отношении, совокупность средств, необходимых для чего-н. (книжн.). *Военный п. (ресурсы для ведения войны). Промышленный п. страны* (с. 560).

Следующий приём осмысления текста, который мы использовали, – это **составление плана**. План – это уже выраженный в знаках языка результат определённого уровня понимания текста. Прочитав текст изучающим чтением, мы определили, что текст можно разделить на три части. Поняв это, мы составили три вида плана: простой номинативный, простой вопросный и сложный план.

Простой номинативный план, составленный нами, выглядит так:

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 221
из 378

1. Семиотика.
2. Семиотические системы.
3. Семиотика и лингвистика.

Затем мы составили простой вопросный план:

1. Что такое семиотика как наука?
2. Какие существуют семиотические системы?
3. Как соотносятся семиотика и лингвистика?

Сложный план мы составили после ещё одного раза внимательного изучающего чтения.

1. Семиотика как наука о знаках в человеческом общении.
 - 1.1 Смысл и средства его передачи в человеческом общении.
 - 1.2 Знаки как соединение смысла и способа его выражения.
 - 1.3 Знаки как способы образования сообщений разного рода.
2. Семиотическая система как система знаков.
 - 2.1 Система приветствий.
 - 2.2 Приветствие в разных культурах.
3. Лингвистика и семиотика как взаимодействующие науки.

Затем мы **составили конспект** этого текста, выделив главное в каждой его части.

Семиотика – это наука о человеческом общении, о том, как люди могут передавать друг другу информацию, какие существуют способы общения и как они используются. Есть разные пути передачи информации, соответственно знаки образуют разные виды сообщений: зрелищно-игровые, ритуальные, художественные, научно-информативные. Семиотика изучает разные системы знаков в развитии.

Семиотические системы – это совокупности знаков. Например, семиотическая система приветствий включает поклоны, рукопожатия, поцелуи, помахивания рукой, похлопывания по плечу, которые означают «рад знакомству», «счастлив видеть вас», «привет» и т. д. Каждый из этих элементов используется в разных контекстах и показывает отношения людей.

В каждой стране мира есть свои обычаи и традиции, в том числе и своя система приветствий. Так, в Индии люди здороваются иначе, чем в Китае.

Язык – одна из основных семиотических систем, язык помогает сохранять взаимопонимание между людьми независимо от их наций, религий, традиций и культур.

Лингвистика и семиотика – две тесно взаимодействующие науки.

Наконец, ещё один приём осмысления текста – это **составление аннотации**. Аннотация – это вторичный текст, являющийся сжатой характеристикой представляемого материала (статьи, книги и пр.). По содержанию аннотация может быть справочной (информационной) или рекомендательной. Мы составили справочную аннотацию к тексту В. М. Живова «Семиотика».

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 222
из 378](#)

Статья известного российского филолога В. М. Живова посвящена семиотике – науке, изучающей различные системы знаков в общении людей.

Автор просто и понятно объясняет, что знаки являются соединением определённого смысла и определённого способа его выражения. Иллюстрирует теоретические положения описанием семиотической системы приветствий. Утверждает, что одной из основных семиотических систем является язык.

Статья адресуется всем, кто интересуется связями лингвистики с другими науками.

Каждый использованный нами приём осмысления текста подтверждал найденную нами в тексте основную мысль о том, что *семиотика – это наука, изучающая различные системы знаков в общении людей, главной из которых является язык.*

Мы работали с текстом «Семиотика» несколько дней и пришли к выводу, что приёмы осмысления учебно-научного текста осваиваются постепенно, не все они даются сразу.

Список использованной литературы

1. Писарук, Г. В. Культура умственного труда студента (В помощь изучающим курс) / Г. В. Писарук. – Брест : Изд-во С. Лаврова, 2003. – 120 с.
2. Словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. – 27-е изд., испр. – М. : Оникс, 2011. – 1357 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 223
из 378](#)

О. С. БОНДА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Г. В. Писарук, кандидат педагогических наук, доцент

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗАДАНИЯ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ 5 КЛАССА

Фразеологизмы в речи носителей языка являются показателем богатого словарного запаса, речевой культуры человека и свободного владения языком. Можно говорить о том, что это незаменимый источник сведений о культуре и менталитете народа. Фразеологические обороты обладают убедительностью, образностью, эмоциональностью. Они входят в речь из активного словарного запаса под воздействием разных жизненных ситуаций и являются некоторой частью языка, в которой видны отблески культуры.

Фразеология как одна из тем школьного курса русского языка в современных учреждениях среднего образования имеет огромный образовательный, развивающий и воспитательный потенциал. «Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [1, с. 82]. Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [2, с. 37].

Тема «Фразеологические обороты» представлена в содержательной линии курса «Русский язык» и входит в раздел «Лексика». Основу содержания школьного курса фразеологии составляет система фразеологизмов, афоризмов, крылатых слов и выражений. В начальной школе изучаются устойчивые обороты речи, а в среднем звене эта работа углубляется и обогащается многообразием методов и приемов.

Раздел «Лексика», в состав которого входит тема «Фразеологические обороты», начинает изучаться в 5 классе, а далее работа по фразеологии пронизывает весь школьный курс русского языка [3]. В действующей учебной программе на изучение раздела «Лексика» отведено 11 ч, а на изучение темы «Фразеологические обороты» – 1 ч. При изучении данного раздела учащиеся приобретают соответствующие учебно-языковые и коммуникативные умения и навыки [4, с. 12].

Цель изучения темы «Фразеологические обороты» – ознакомление с устойчивыми образными выражениями как средством выразительности речи [3]. В действующем учебнике по русскому языку для 5 класса предлагаются упражнения разного типа. Они обращены к уже имеющемуся языковому опыту учащихся. Это упражнения на выполнение следующих операций: поиск фразеологизма в тексте и объяснение его семантики, описание рисунков с использованием фразеологических единиц, поиск синонимов и антонимов для фразеологизма, сопоставление фразеологизмов с их значениями.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 224
из 378

Современное обучение проводится таким образом, чтобы вызвать у учащихся интерес к знаниям, пробудить потребность к более полному и глубокому усвоению этих знаний, развивать инициативу и самостоятельность в работе. Поэтому в дополнение к заданиям в учебнике нами были составлены более 10 нестандартных заданий по данной теме. Задания призваны повысить интерес к языку, расширить кругозор учащихся, помочь в совершенствовании их лингвокультурологической компетенции.

Нестандартное задание включает целый ряд признаков, позволяющих отграничить задания этого типа от традиционных (стандартных). Главный отличительный признак нестандартных заданий – их связь с деятельностью, которую в психологии называют продуктивной, творческой. Есть и другие признаки: а) самостоятельный поиск учащимися путей и вариантов решения поставленной учебной задачи (выбор одного из предложенных вариантов или нахождение собственного варианта и обоснование решения); б) необычные условия работы; в) активное воспроизведение ранее полученных знаний в незнакомых условиях.

Приведём примеры некоторых разработанных нами нестандартных заданий.

Задание 1. «Фразеологическое лото». Соотнесите карточки с картинками.

*Методический комментарий. Классическое лото (фр. *loto*, от итал. *lotto*) – это игра на особых картах с напечатанными на них рядами цифр. Суть её состоит в том, что играющие закрывают на картах номера, обозначенные на специальных фишках – чаще деревянных или пластмассовых бочонках. «Фразеологическое лото» представляет собой базовую карточку с 10 картинками и набор карточек с фразеологизмами: *как кот с собакой, носом к носу, писать как курица лапой, чёрт дёрнул за язык, класть зубы на полку, дело в шляпе, спусть рукава, водить за нос, волчий аппетит, волосы дыбом, как с гуся вода, глаза разбегаются.* Учащимся необходимо соотнести фразеологизм с картинкой. Данное задание можно использовать в таком УЭ урока, как «Подготовка учащихся к восприятию учебного материала», так как внимание детей можно привлечь картинками, которые они должны истолковать. Такое «Фразеологическое лото» можно раздать каждому ученику или одно на парту.

Задание 2. «Фразеологический зверинец». Вставьте названия животных в известные вам фразеологизмы:

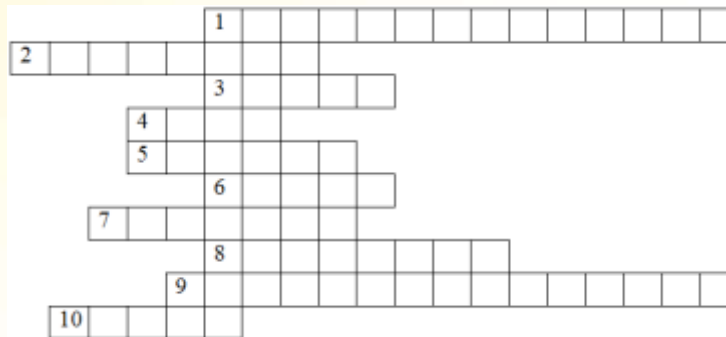
Очень, слишком мало – *как _____ наплакал*; очень много, в избытке (о деньгах) – _____ *не клюют*; очень проголодался – *голоден как _____*; нудно, медленно говорить – *тянуть _____ за хвост*; очень плохо, неразборчиво писать – *писать как _____ лапой*; смотреть недоумённо, тупо, никак не соображая – *смотреть как _____ на новые ворота*; о злобном, коварном, опасном человеке – _____ *подколотная*; сильно преувеличивать что-либо – *делать из _____ слона*; чудесным образом, само собой – *по _____ велению*; очень опытный человек, которого трудно обвести или обмануть – *стреляный _____*.

Слова для справки: *куры, змея, кот, воробей, курица, щучьему, мухи, баран, волк.*

Задание 3. Решите кроссворд, определив, среди представителей каких профессий появились эти фразеологизмы:

По горизонтали: 1. Открывать Америку; 2. Играть первую скрипку; 3. Закидывать удочку; 4. Брать на прицел; 5. Как рукой сняло; 6. Ждать у моря погоды; 7. Закручивать гайки; 8. Сгущать краски; 9. Зелёная улица; 10. Заварить кашу.

По вертикали: 1. Стричь всех под одну гребёнку.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 225
из 378

*Методический комментарий. Задания под номерами 2, 3 можно использовать для отработки навыков учащихся. Учащиеся придут к пониманию, что во фразеологизмах могут присутствовать названия животных, а также что некоторые фразеологизмы появились благодаря различным профессиям.

Задание 4. Поделитесь на 2 команды. Команда показывает соперникам с помощью жестов, мимики и предметов фразеологизм. Надо правильно назвать его. Фразеологизмы: *сесть в галошу, водить за нос, дело в шляпе, льет как из ведра, связать руки, намылить шею, лить крокодиловы слезы, реветь в три ручья, тянуть за уши, по пальцам пересчитать можно, дать по рукам.*

*Методический комментарий. Данное задание подходит для завершения урока. Дети делятся на 2 команды. Задание позволит детям подвигаться и проверить свои знания, полученные на уроке.

В заключение хотелось бы отметить, что нестандартные задания помогают разнообразить урок, сделать его более насыщенным, вовлечь каждого ученика в процесс обучения, а также благодаря таким заданиям дети пополняют свой словарный запас. Необычность заданий вызывает у школьников удивление в начале их выполнения, радость в процессе работы, удовольствие при виде её результатов, пробуждая интерес не только к изученным вопросам, но и к русскому языку как учебному предмету в целом.

Список использованной литературы

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1954.
3. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Русский язык. V–XI кл. – Минск : НИО, 2012. – 46 с.
4. Календарно-тематическое планирование. Русский язык. 5 класс [Электронный ресурс] // Adu.by: Нац. образоват. портал. – Режим доступа: <https://adu.by/wp-content/uploads/2015/umodos/ktp/5kl/ktp-rus-jaz-5kl.pdf>. – Дата доступа: 15.05.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 226
из 378

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕКСТОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИНТЕРФЕЙСА БАНКОМАТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Первый банкомат «был установлен в 1967 году в Лондоне и производил только выдачу наличных» [1]. Сейчас услуги банкоматов значительно расширились. Вот мнение опытного менеджера технической поддержки банков: «Мало просто помочь или ответить на вопросы клиента. Наша задача и в том, чтобы клиент получил удовольствие уже от того, как с ним пообщались» [2]. Поэтому нас заинтересовали особенности русскоязычного интерфейса банкоматов. Ведь работа с ним предполагает чтение с экрана клиентом, а значит, от того, качественно ли реализована разработка программы в части её текстового сопровождения, зависит и впечатление о банке в целом в том числе. Мы провели сопоставительный анализ интерфейсов банкоматов 10 банков Беларуси – «Белинвестбанк», «ВТБ Банк», «Беларусбанк», и «БПС-Сбербанк», «Приорбанк», «Идея Банк», «Альфа Банк», «БСБ-банк», «Банк Москва-Минск», «Банк БелВЭБ». Выяснилось, что 5 последних имеют идентичное текстовое сопровождение, остальные имеют уникальный интерфейс. Для того чтобы рассмотреть, как осуществляются банковские операции, дополнительно мы сравнивали пункты «выбор языка», «ввод пин-кода», «структура меню», так как они взаимосвязаны.

В начале работы после ввода карты устройство просит выбрать язык. Типичной фразой для 5 банкоматов из 10 стала «Выберите язык», в то время как 5 оставшихся – «типизированных» – были более вежливыми «Выберите язык, пожалуйста» («Идея Банк» и др. соответственно). На наш взгляд, вежливость в этом пункте избыточна, так как усилия клиент прилагает по собственной инициативе.

Следующий шаг – это ввод ПИН-кода карты. Самым простым комментарием к операции стал «*Введите ПИН-код*» («Белинвестбанк», «ВТБ банк», «Беларусбанк», «Приорбанк»). В каждом из случаев дополнительно требуется нажатие кнопки «Ввод» в меню, чтобы подтвердить операцию. Комментарий хорошо соотносится с кнопкой и пользователю интуитивно понятно, что делать. Но некоторые банкоматы усложнили текст комментария. «Идея Банк» и аналогичные 4 банка пишут: «*Введите ваш ПИН-код и нажмите “Ввод”*» (кнопка «Ввод» находится справа). «БПС-Сбербанк» предлагает «*Введите ПИН-код и подтвердите его*» (кнопка «Ввод» также справа). Более понятен вариант с меньшим количеством текста, не затемняющий смысл действий повторами. Вариант «БПС-Сбербанка» вполне приемлем, так как не содержит тавтологии *введите – ввод*.

Чтобы проверить баланс, нужно попасть в меню банкомата. Если меню «Идея Банка» и др. содержит 8 пунктов, то меню «БПС-Сбербанка» – всего три. Остановимся на этих трех ключевых пунктах: выдать наличные, посмотреть сумму на счете, оплатить услуги. В текстовом сопровождении наблюдаем разноречивой (табл. 1). Конструкции, которые можно назвать контекстуальными синонимами (ср. *выдача наличных* – с точки зрения машины, но *снятие наличных* – с точки зрения клиента), не всегда осмысливаются клиентами сразу.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 227
из 378

Даже названия заголовков меню разнятся – от «*Выберите операцию*» до «*Главное меню. Выберите вид операции. Нажмите кнопку «Отмена» для выхода*» («Идея Банк» и др. аналогичные). Полагаем, что избыточность не повышает скорость восприятия информации, а наоборот, что приводит к трудностям в использовании банкоматов.

Таблица 1 –Текстовое сопровождение ключевых операций банкоматов (по 10 банкам Беларуси)

Название банкомата	Текстовое сопровождение операции			Название кнопки ручного ввода суммы	Число пунктов меню
	Наличные	Состояние счета	Оплата услуг		
Белинвестбанк	Выдача наличных	Сумма на счете	Оплата услуг	Другая сумма	6
ВТБ Банк	Выдача наличных денег	Сумма на счете	Оплата услуг	Другая сумма	6
Беларусбанк	Выдача наличных	Сумма на счете	Оплата услуг	Другая сумма	6
БПС-Сбербанк	Выдача наличных	Сумма на счете	Оплата услуг	Другая сумма	3
Приорбанк	Выдача наличных	Сумма на счете	Оплата услуг	Набор суммы	6
Идея Банк, Альфа Банк, «БСБ-банк», «Банк Москва-Минск», «Банк БелВЭБ»	Снятие наличных	Остаток на счете	Платежи	Набор суммы	8

При желании получить наличные видим текст: 1) «*Выберите сумму. В банкомате осуществляется выдача белорусских рублей 2009 года выпуска*» (ВТБ Банк), 2) «*Введите или выберите сумму выдачи, BYN*» (Белинвестбанк), 3) «*Выберите сумму в белорусских рублях*» («БПС-Сбербанк»); 4) «*Выдача наличных денег. Выберите сумму, BYN*» («Приорбанк»), 5) «*Выберите сумму в рублях*» («Идея Банк» и др.). Другую сумму можно ввести и вручную, но название кнопки будет разным: «*Другая сумма*» (4 банкомата из 10) или «*Набор суммы*». Целесообразнее было бы назвать кнопку «*Ввод суммы*», ведь слово *ввод* ассоциируется с клавиатурой, а слово *набор* не связано с числами, ср. единичную реакцию *число* на стимул *набор* в Русском Ассоциативном Словаре [3]. После показа суммы остатка банкоматы задают вопросы типа: «*Операция выполнена. Желаете продолжить?*» или просто «*Продолжить?*»; «*Хотите выполнить ещё одну операцию?*»; «*Желаете ли провести другую операцию?*». Смысл понятен, но ответы в виде кнопок представлены то как «Да» + «Нет», то как «Нет» + «Да» («Белинвестбанк», «Беларусбанк», «Приорбанк»)), то как «Вернуть карточку» + «Продолжить» («Идея Банк» и др.). При этом кнопки расположены то слева–справа, то одна под другой, и клиенту легко ошибиться в «чужом» банкомате.

Подводим итог: сервисные операции в банкоматах реализованы при помощи глаголов повелительного наклонения типа «*Введите*» и именных конструкций типа «*Выдача наличных*». Но синонимия конструкций и языковая избыточность могут мешать нормальной работе пользователей с банкоматами. Хотелось бы единообразить положение кнопок «Да/Нет» во всех банкоматах. Согласимся также, что хотя на смену такому устройству, как банкомат, уже сейчас приходит мобильный банкинг, а основным каналом связи с банком предсказуемо станет смартфон, потребность в текстовом сопровождении основных банковских операций

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 228
из 378

и в коммуникации между клиентом и банком сохранится применительно к созданию мобильных приложений и осуществлению интернет-банкинга. Поэтому наблюдения и рекомендации, упомянутые в данной статье, остаются актуальными и в эпоху цифровой трансформации экономики.

Список использованной литературы

1. Банкомат [Электронный ресурс] // Банковская энциклопедия. – Режим доступа: <https://banks.academic.ru>. – Дата доступа: 20.04.2019.
2. Васин, В. Разбираем поддержку в Social Media на хороших и плохих примерах [Электронный ресурс] / В. Васин // Блог «Нетологии», 20.01.2017. – Режим доступа: <https://spark.ru/startup/netology/blog/19648/razbiraem-podderzhku-v-social-media-na-horoshih-i-plohih-primerah>. – Дата доступа: 01.05.2019.
3. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php>. – Дата доступа: 20.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 229
из 378

ТЕКСТОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРФЕЙСА НЕКОТОРЫХ ПОЧТОВЫХ ИНТЕРНЕТ-СИСТЕМ

Электронные почтовые системы играют огромную роль в жизни человека в эпоху информационных технологий. Одним из важных аспектов жизни является быстрая передача больших объемов информации. И электронная почта уверенно справляется с этой задачей. Её плюсами являются высокий уровень безопасности, удобство и, конечно же, универсальность. Есть множество почтовых систем на разных языках, а некоторые адаптированы под несколько языков. Для целей доклада мы сравнивали русскоязычный интерфейс пяти почтовых систем (далее – ПС) Gmail.com, Яндекс.Почта, Mail.ru, Рамблер, Tut.by по 4 сценариям работы пользователя: 1) регистрация в почте нового пользователя (без соцсетей); 2) вход уже существующего пользователя; 3) отправка нового письма; 4) выход из системы. Мы также анализировали организацию работы с письмами внутри почтового ящика, но подробно остановимся только на 4 отмеченных моментах.

Начинают регистрацию ПС как с помощью именных форм (*регистрация*), возможно – с распространителями в предложном падеже (*регистрация – где? – в почте*) так и глагольных форм с распространителями в винительном падеже (*завести что? – почту; создать что? – аккаунт*) либо без них (*зарегистрироваться*). «Русской» является форма «завести почту» (хотя слово «почта» пришло из польского, а туда – из немецкого языка [1], оно воспринимается как русское), также освоены русским языком выражения со словом «регистрация» и только «создать аккаунт» еще до сих пор считается иноязычным. Наблюдаем разноречием, но пользователю это не мешает приступить к началу регистрации.

Далее необходимо заполнить регистрационную форму. Пользователям Рамблера придётся заполнять 12 полей, не считая необязательных, а Яндекса, Mail.ru и Гугла – по 6. Причём и Гугл, и Рамблер проводят регистрацию в 2 этапа, сначала нужно заполнить 4 поля, а потом только 2 (в Гугле) либо 7 + 5 полей (в Рамблере). Гугл и Рамблер в конце двухэтапной регистрации выводят на экран приветственное окно «Добро пожаловать», затем по его закрытию уведомляет, что аккаунт создан и предлагает советы по настройке почты. Таким образом им удастся добиться удержания внимания пользователя и интерактивно взаимодействовать с ним. Окончание регистрации все ПС, кроме Гугла, проводят одинаково: нужно нажать на кнопку «Зарегистрировать(ся)».

Сравнивая интерфейс страницы регистрации, мы заметили, что во всех почтовых системах есть одинаково оформленные поля «Имя» и «Фамилия». То же самое нельзя сказать про поля, где мы должны ввести почтовый адрес (логин). Например, в Яндекс.Почте это поле «Придумайте логин», в Рамблере – «Почтовый ящик», в Mail.ru – «Желаемый почтовый адрес», в Tut.by – «Электронная почта» и наконец в Gmail.com – «Имя пользователя». Отсюда видно, что только в Яндексе используется конструкция с императивом, а в остальных ПС – простые именные словосочетания без глаголов. Для полей пароля и его повтора Яндекс использует

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 230
из 378

императивные конструкции «Придумайте пароль» и «Повторите пароль», а Рамблер – существительное «Пароль» и именную конструкцию «Повтор пароля». В то же время Mail.ru, Tut.by и Gmail.com поле для ввода пароля обозначают одним словом «Пароль», не требуя повторить пароль. Бесспорно, выигрывает та ПС, где пользователю приходится заполнять меньшее число полей. Поэтому здесь лидером является Mail.ru, но «изобретательность» Гугла по разбивке монотонных операций на 2 этапа и приветственные всплывающие слова также заслуживают внимания. Окончание регистрации все почтовые системы, кроме Гугла, проводят одинаково: нужно нажать на кнопку «Зарегистрировать(ся)».

Сравнение сценариев 2–4 отражено в таблице 1. Если пользователь был зарегистрирован ранее, всеми ПС ему предлагается нажать на кнопку «Войти». Такой именной распространитель, как «*Войти* куда? – в *почту*», в наличии только у Яндекс и Mail.ru. Везде вход обозначен при помощи инфинитива. В ПС Яндекс, Рамблер и Gmail есть кнопка «*Написать*». А в Mail.ru она обозначена как «*Написать письмо*». Возможно, слово «письмо» здесь лишнее, но новым пользователям это может помочь. Сценарии отправки письма совпадают во всех ПС и оформлены при помощи инфинитива «*Отправить*» без распространителя. Сценарий выхода из аккаунта во всех ПС также оформлен по-разному – именем существительным «*Выход*» либо глагольными инфинитивами «*Выйти*» с распространителями (*выйти откуда? – из сервисов Яндекса*).

Теперь о некоторых дополнительных пунктах меню. Все рассмотренные ПС используют слово *удалить*, чтобы убрать письмо из списка входящих, но только Яндекс называет папку, куда они отправляются, причастием «*Удалённые*». Остальные ПС назвали эту папку «*Корзина*». Папка «Удалённые» более оптимальна, так как показывает результат операции. Поле поиска по письмам все ПС также называют по-разному. В Gmail это – «Поиск в почте», в Рамблере – «Поиск по письмам», в Mail.ru – «Поиск по почте», в Яндексе и Tut.by – просто «Поиск». Но нигде нет конструкции с глаголом. Также все ПС следуют шаблону, где самые главные папки названы причастиями (*входящие, отправленные*) без упоминания главного слова «письма», а менее важные папки – кальками с английского (*спам*) или существительными (*корзина, черновики*).

Таблица 1 – Сравнение русскоязычного интерфейса почтовых систем при входе/выходе и отправке письма

Почтовая система	Вход уже имеющегося пользователя		Выход из аккаунта		Создание письма		Отправка письма	
Яндекс	Войти в почту		Выйти из сервисов Яндекса		Написать		Отправить	
Рамблер	Войти		Выйти		Написать		Отправить	
tut.by	Войти		Выйти из сервисов Яндекса		Написать		Отправить	
Mail	Войти в почту		Выход		Написать письмо		Отправить	
Gmail	Войти		Выйти		Написать		Отправить	
Итого 1: 19	Именные	0	Именные	1	Именные	0	Именные	0
	Глагольные	5	Глагольные	4	Глагольные	5	Глагольные	5

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 231
из 378

Итак, в совокупности по всем рассмотренным операциям при работе с ПС всего 26 глагольных форм противостоят 7 именным как 3:1. Отметим, что использование именных форм не несёт определяющей смысловой нагрузки, за исключением заполнения регистрационной формы. Выбор операции, подтверждения в виде нажатия на кнопку названы глагольными формами инфинитива несовершенного или совершенного вида. Распространители глаголов в большинстве случаев не требуются. Можно заключить, что использование ПС и в сознании разработчиком программного продукта, и в сознании пользователей больше связано с действиями, что отражается в глагольных формах.

Список использованной литературы

1. Почтамт [Электронный ресурс] // Этимологический словарь русского языка. – Режим доступа: <https://etymological.academic.ru>. – Дата доступа: 21.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 232
из 378

Н. Е. ОВЕЗОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Г. В. Писарук, кандидат педагогических наук, доцент

ВИДЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТА-ПЕРВОКУРСНИКА

В учебной деятельности студента задействованы все виды речевой деятельности (далее – РД) – чтение, слушание, говорение, письмо.

Студент слушает лекции преподавателей, их объяснения на практических занятиях (слушание), изучает учебную и научную литературу на печатных или электронных носителях (чтение), на занятиях всех видов участвует в обсуждении различных вопросов по изучаемому материалу (говорение), пишет конспекты лекций и к практическим занятиям выполняет письменные домашние задания (письмо).

Мы поставили перед собой вопрос, что должен знать студент о каждом виде речевой деятельности.

Слушание – это вид речевой деятельности, сутью которого является прием и осмысление звучащей речи. По степени и качеству восприятия слушание дифференцируется на глобальное (восприятие содержания смысла звучащего текста в целом), детальное (восприятие самых главных смысловых блоков звучащего текста), критическое (требует критического осмысления воспринятого на слух).

С учетом цели слушающего и особенностей речи выделяют три вида слушания: информативное, нацеленное на понимание чужих мыслей (этот вид слушания является основным в учебной сфере), инструктивное, нацеленное на превращение информации в действие, и эмоциональное, нацеленное на понимание чувств говорящего.

Выделяют виды слушания и по цели восприятия: слушать, чтобы понять (осмыслить), чтобы запомнить, чтобы оценить, чтобы сделать [1, с. 17–18].

Чтение – вид речевой деятельности, в процессе которого происходит смысловое восприятие читателем информации, заключенной в тексте. Выделяют три функции чтения: познавательную (реализуется в процессе получения информации о мире, людях, фактах и явлениях действительности – читать, чтобы знать); регулятивную (в результате чтения происходит управление практической деятельностью человека, развитие их опыта: поступить таким образом, усовершенствовать свои умения – читать, чтобы уметь); ценностно-ориентационную (связана с эмоциональной сферой жизни человека, что совершенствует его личность, повышает его культурный уровень – читаю, чтобы эмоционально насладиться).

Различают сплошное чтение (чтение без пропусков) и выборочное (с пропуском участка текста). По глубине и способу предстоящей проработки текста, а также в зависимости от специфики и коммуникативной задачи читателя сплошное чтение делится на ознакомительное, изучающее, корректорское и критическое, а выборочное чтение делится на поисковое и просмотровое.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 233
из 378

Говорение – продуктивный вид речевой деятельности, посредством которого совместно с аудированием осуществляется устно-речевое общение. В. М. Филатов выделяет следующие специфические признаки говорения как вида речевой деятельности: говорение всегда мотивированно, целенаправленно, это всегда активный процесс, в нем проявляется отношение говорящего к окружающей действительности [2, с. 23].

Письмо – это знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью графических элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени. Существуют 4 основных типа письма: идеографическое письмо; словесно-слоговой тип письма (логографический – силлабический), собственно силлабический и буквенно-звуковой (алфавитный). В конкретных системах письма эти типы обычно существуют в не вполне чистом виде.

Мы провели анкетирование среди иностранных студентов 1 курса филологического факультета с целью выяснения уровня потребностей и возможностей студентов-первокурсников в различных видах РД на русском языке. 35 студентам было задано 10 вопросов. Проанализируем их ответы.

На вопрос **1** *Что легче всего делать по-русски?* абсолютное большинство ответило так: читать (13 чел., 37%), слушать (11 чел., 31%), говорить (10 чел., 28%). Как видим, к самому трудному для них виду РД студенты-первокурсники отнесли письмо.

Вопрос **2** предполагал анализ студентами собственной речевой деятельности: *Каким видом речевой деятельности, как тебе кажется, ты владеешь лучше всего?* Оказалось, что каждый третий студент-инофон лучше всего владеет слушанием (13 чел., 37%), каждый четвертый – говорением (9 чел., 25%). 8 студентов указали, что лучше всего владеют чтением, хотя при ответе на предыдущий вопрос чтение они не отнесли к лёгкому для них виду РД. Только двое написали, что они лучше всего владеют письмом.

Следующие два вопроса нашей анкеты касались слушания как вида речевой деятельности. Ответы студентов на вопрос **3** *Что мешает тебе слушать лекцию преподавателя?* показали, что лекцию преподавателя студентам-иностранцам ничего не мешает слушать (28 чел., 80%), только 2 человека указали, что не понимают язык, 3 – не понимают предмет, 1 человек просто ленится слушать.

Между тем ответы студентов на вопрос **4** *Какой объем текста ты успеваешь записать на лекции?* показали, что только 16 студентов (45%) успевают записать 2–3 страницы, 10 – больше 5 страниц, остальные пишут совсем мало (2–3 страницы). При том, что студенты не боятся письма, они или не считают нужным делать подробные записи, или всё же письмо для них – сложный вид деятельности. На вопрос **5** *Легко или трудно тебе писать по-русски на занятиях?* 31 студент (88%) ответил, что легко, и только 4 признались, что трудно. Думаем, что студенты не совсем искренне ответили на предыдущий вопрос, поскольку при ответе на следующий вопрос **6** *Почему тебе трудно писать по-русски?* 17 человек (48%) ответили, что не успевают, а 18 из них (51%) – что писать не трудно. Уместно было бы напомнить студентам-первокурсникам одно из правил учения: «Если рука не пишет, голова не работает».

Интересно было узнать, как организуют студенты-первокурсники своё чтение как вид РД. Был задан вопрос **7** *Сколько страниц учебной или художественной литературы ты читаешь на русском языке каждый день?*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 234
из 378

Ответы были такие: 16 из 35 (45 %) студентов читают по 2–3 страницы в день, 9 (25 %) – по 4–5 страниц, 3 человека – по 10 страниц, а 7 человек читают иногда.

Как видим, 25 человек из 35 (71 %) читают менее 5 страниц в день, что, несомненно, очень мало для тех, кто приехал изучать русский язык не только для себя, но для своей будущей профессиональной деятельности.

На говорение как вид РД мы отвели 3 вопроса. На вопрос **8** *Сколько времени (примерно) в течение дня ты говоришь на русском языке?* были даны такие ответы: 6 студентов (17 %) говорят на русском языке всего 10 минут в день, 10 (28 %) – 1 час, 8 (23 %) – 2 часа, и только 10 студентов (28 %) говорят, по их мнению, больше 2 часов.

Следующий вопрос предполагал выяснение возможностей и потребностей говорения на русском языке: **9** *Сколько времени ты общаешься с белорусскими студентами на русском языке?* Оказалось, что 10 иностранных студентов (28 %) общаются с белорусами всего 10 минут в день, 7 (20 %) – 30 минут в день, 11 (31 %) – 1 час в день, 5 (14 %) не общаются вообще.

Наконец, последний вопрос предполагал выяснение причины, почему студенты-инофоны мало общаются с белорусскими студентами на русском языке: **10** *Почему ты мало общаешься с белорусскими студентами на русском языке?* Ответы: 11 студентов-туркмен (31 %) стесняются общаться, 17 (48 %) не имеют возможности общаться, 6 (17 %) пишут, что нет необходимости общаться с белорусскими студентами на русском языке.

Таким образом, мы выяснили, что при фактически неизбежном использовании всех видов РД при обучении в университете студенты-первокурсники не совсем понимают значимость каждого вида РД в учебной деятельности: не умеют организовать активное слушание преподавателя на лекции, мало читают учебной литературы вне занятий, не используют возможностей говорения на русском языке. Студенты не смогли логично ответить на вопрос о письме на русском языке: относят его то к сложному для них виду РД, то к несложному. Наше небольшое анкетирование позволяет сделать вывод о необходимости проведения специальной работы со студентами-первокурсниками по обучению их грамотной организации разных видов РД в учебной деятельности.

Список использованной литературы

1. Писарук, Г. В. Культура умственного труда студента (В помощь изучающим курс) / Г. В. Писарук. – Брест : Изд-во С. Лаврова, 2003. – 120 с.
2. Филатов, В. М. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной образовательной школе / В. М. Филатов. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 416 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 235
из 378](#)

Х. А. ОГУЗОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Г. В. Писарук, кандидат педагогических наук, доцент

«МУЗЫКАЛЬНЫЕ» ЗАДАНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Наша научно-исследовательская работа имеет практическую цель – предоставить учителям русского языка, которые работают со школьниками, получающими музыкальное образование, систему упражнений на материале «музыкальной» лексики.

Для достижения этой цели мы проанализировали действующие в Республике Беларусь учебники по русскому языку для 5–11 классов. Оказалось, что все учебники содержат музыкальные лексемы, а самыми «музыкальными» являются учебники для 8, 9 и 10 классов. Составленный нами словарь на материале упражнений учебников включает 148 «музыкальных» слов. Например: *песнь, барабан, клавиатура, пюпитр, фортепиано, аккордеон, фестиваль, мелодия, ноты, скрипка* (5 класс), *флейта, рояль, труба, клавесин, дирижер, конференсье, маэстро, композитор, концерт* (6 класс), *звуки, оркестр, струна, виолончель, фонограф, капелла, флейта, филармония, этюд, гусли* (7 класс), *хор, ансамбль, контрабас, гитара, пианино, баян, гала-концерт, мелодика, В. Высоцкий, Ф. Шопен* (8 класс), *виртуоз, вокалист, кулисы, менуэт, минорный, аранжировать, П. Чайковский, этюд, ария, дуэт* (9 класс), *перебор, гармонь, кассета, композиция, тенор, танго, шедевр, аккомпанемент, поп-музыка, граммафон* (10 класс), *марш, ноктюрн, танец, напев, речитатив, ноктюрн, ритмичность, звучание, песнопенье, народные песни* (11 класс).

На материале «музыкальных» слов мы составили систему заданий, которые могут быть использованы на уроках русского языка в дополнение к заданиям из учебника при изучении разных разделов науки о языке.

Приведём примеры составленных заданий. В **5 классе** при изучении разделов «Фонетика» и «Лексика» учащимся могут быть предложены следующие задания.

Задание 1. Определите роль букв *ь, е, ё, ю, я* в словах: *песнь, мелодия, песня, поет, петь, фестиваль*. Соотнесите количество букв и звуков в словах.

Задание 2. Найдите лишнее слово. 1. *Скрипка, песня, барабан, аккордеон*. 2. *Тон, пюпитр, темп, тембр*. 3. *Мелодия, фортепьяно, искусство, фестиваль*.

В **6 классе** при изучении раздела «Состав слова» и «морфология» задания могут быть такими.

Задание 1. Образуйте от следующих названий музыкальных инструментов названия мужских и женских профессий: *труба, скрипка, пианино*.

Задание 2. Определите род «музыкальных» слов, распределите по колонкам: *артист, песня, флейта, труба, трио, дирижер, дуэт, фортепиано, рояль, пианино, клавесин, конференсье, альбом, искусство, скрипка, маэстро*.

В **7 классе** учащиеся изучают раздел «Морфология», им можно предложить следующие задания.

Задание. От «музыкальных» прилагательных образуйте наречия: *музыкальный, грациозный, классический*.

В **8 классе** при изучении раздела «Синтаксис» логично работать с текстом.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 235
из 378

Задание. Прочитайте текст. Озаглавьте текст. Определите тему и основную мысль. Расставьте знаки препинания и решите орфографические задачи.

Творчество Чайковского ценнейшее с..кровище ру(с/сс)кой культуры. Чайковский и его музыка не забывают(?)ся, все больше людей узнают этого к..мп..зitora. В чем же тут дело? Вероятно Чайковский, с..здавая музыку, всегда думал о людях. Чайковский написал (во)первых девять опер (во)вторых семь симфоний (в)третьих три балета наконец с..наты, р..мансы, к..нцерты, музыку для детей и взрослых всего конечно (не)перечислиш(?). Петра Ильича Чайковского знают и любят во всех странах мира.

1. Выпишите по словосочетанию со связью согласования, управления и примыкания. 2. Разберите предложения по членам. 3. Найдите предложения: а) с вводными словами; б) с деепричастным оборотом; в) с однородными членами.

В 9-10 классах можно предложить учащимся задания на отработку орфографических умений и навыков.

Задание 1. Исправьте ошибки в написании слов: *галла концерт, гормония, искусство, экспрресия, контрабасс, толант, прима дона.*

Задание 2. Слова для орфографического диктанта: *а(к/кк)омпанемент, а(к/кк)ордеон, а(п/пп)лодировать, б..ян, гра(м/мм)офон, в..ртуоз, ди..п..зон, д..рижер, г..рмония, г..рмонь, ка(с/сс)ета, и(с/сс)ку(с/сс)тво, к..мпозиция, м..лодия, м..ниатюра, сер..нада, с..ната, фест..валь.*

В 9 классе при изучении пунктуации могут быть задания на расстановку знаков препинания в сложно-сочиненных и сложноподчиненных предложениях.

Задание. Расставьте знаки препинания. Определите тип предложений. Постройте схемы предложений.

1. 1. Поет над Россией лето и струны сосен тронул бор. 2. Мелодия песни становилась все слышнее и отчетливее и сердце щемило все сильнее и сильнее. 3. Твои мы песни слушать рады да только ты от нас подальше пой. 1. Сокровища музыки неисчерпаемы как неисчерпаемы ее возможности в будущем. 2. Таинственная музыка нарастала звучала все громче и продолжительнее, как будто музыкант входил в темп импровизации трогая клавиши. 3. Чтобы полюбить музыку надо прежде всего ее слушать. 4. Натянутые струны тишины звенят от песни что на крыльях мчится.

Учащимся разных классов могут быть предложены задания речевой направленности с использованием «музыкальной» лексики.

Задание. Вставьте «музыкальные» слова по смыслу, используя слова для справок.

Музыка

1. В семье Ивановых все любят _____. 2. Папа – _____, он сочиняет музыку. 2. Мама играет на _____, она скрипачка. 3. Сын поет в _____. 4. Дочь _____, она учительница музыки в _____. 5. Младший сын играет на _____, но он не любит _____ музыку. 6. Дядя _____, он дирижирует _____.

Слова для справок: *композитор, консерватория, гитара, оркестр, музыка, хор, классическая, дирижер, пианистка, скрипка.*

Задание. Прочитайте текст. Определите тему и основную мысль текста, тип речи. Найдите «музыкальную» лексику. Расставьте знаки препинания и решите орфографические задачи.

Ру(с/сс)кий баян

Баян большая гармоника со сложной системой ладов.

Веселое пение жаворонка на рассвете и звонкое журчание ручейка, раздольные мелодии и мощь органных а(к/кк)ордов все доступно этому волшебнику в руках искусного мастера. Баян инструмент (по)истине народный как и гармонь.

На баяне исполняют не только народную, но и кла(с/сс)ическую музыку. Голос его звучит на конкурсах музыкантов (исполнителей) в концертных залах фил..рмоний.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 236
из 378

Родина рус(с/сс)кой гармони и баяна Тула. Здесь в первой п..ловине XIX века появилась первая гармонь. Поз(?)нее она, значительно видоизмене(н/нн)ая и усовершенствована(н/нн)ая завоевала исключительную популярность. А в 1870 году тульским гармо(н/нн)ых дел мастером Н. И. Белобородовым была создана двухрядная гармонь с полной хроматической га(мм/м)ой. Ее можно назвать прообразом баяна.

Таким образом, «музыкальная» лексика в действующих школьных учебниках по русскому языку представлена разнообразно и всесторонне. Слова, связанные с музыкой, можно использовать при изучении всех разделов науки о языке с 5 по 11 класс. Обращение к музыкальной лексике на уроках русского языка развивает словарный запас учащихся и приобщает школьников к искусству и культуре.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 237
из 378

Д. Г. ПУГАЧОВА (г. Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – С. В. Зелянко, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ПАРУШЭННЕ АРФАГРАФІЧНАЙ І ЛЕКСІЧНАЙ НОРМЫ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПРЭСЕ

Паняцце нормы з’яўляецца цэнтральным у вызначэнні літаратурнай мовы як у яе пісьмовай, так і вуснай форме зносін. Беларускай мове, як і іншым, уласцівы свае нормы: арфаэпічныя і акцэнталагічныя, арфаграфічныя і пунктуацыйныя, лексічныя, словаўтваральныя, марфалагічныя, сінтаксічныя, фразеалагічныя і стылістычныя. «Моўная норма – сукупнасць найбольш устойлівых, традыцыйных элементаў мовы, гістарычна адабраных і замацаваных грамадскай моўнай практыкай у якасці агульнапрынятых правілаў» [1, с. 83].

Шмат даследчыкаў займаліся праблематыкай моўнай нормы, сярод іх: М. В. Абабурка, У. В. Анічэнка, І. Я. Лепшаў і інш. Асаблівую ўвагу нормам трэба адводзіць у СМІ, бо большую частку інфармацыі мы атрымліваем менавіта адтуль. Таму вывучэнне норм беларускай літаратурнай мовы заўсёды застаецца актуальным.

Сёння большасць парушэнняў ў публіцыстычных матэрыялах назіраецца на арфаграфічным і лексічным узроўнях, галоўным чынам у выніку інтэрферэнцыі. «Арфаграфічныя нормы – гэта выбар аднаго з магчымых варыянтаў напісання слова ці яго часткі, што адпавядае прынцыпам беларускай арфаграфіі, а таксама замацаванай у моўнай практыцы грамадства традыцыі» [2, с. 48]. Мы заўважылі наступныя парушэнні арфаграфічнай нормы ў публіцыстычных тэкстах: *Тут вырабляюць унікальныя рушнікі* («Ткацтва зноў у трэндзе» М. Ушкевіч; Звязда, 01.06.2018 г.); *Мяне маці любіла і ніколі не хапалася за рамень* («Сямейная педагогіка Ярмоленкаў» К. Агеева; Алеся, № 11, 2018 г.); *...Але да заснавання ім медыцынскай школы ў Гродне застаецца яшчэ паўтара дзясяцігоддзя* («Саламея. Авантуры яе жыцця» С. Воцінава; Медыцынскі вестник, № 24, 14.07.2018 г.); *Усе гэтыя месціны з’яўляюцца філіялам Дзяржаўнага літаратурнага мемарыяльнага музея Якуба Коласа* («Акінчыцы – радзіма Якуба Коласа» А. Кляшчук; Zviazda.by, 24.03.2018 г.); *...Былі створаны камісіі па ўстанаўленні шкоды, якую прычынілі гітлераўцы на тэрыторыі Сухавіцкага сельсавета пад час акупацыі* («Сухавічы і Шыічы» І. Гарыст; Калінкавіцкія навіны, 17.03.2018 г.). Парушэнні адбываюцца не толькі з-за няведання арфаграфічных нормаў, але і пад уплывам іншых моў на беларускую, пад уплывам гаворак на нормы ці з-за арфаэпічных памылак.

Можна прывесці таксама прыклады парушэнняў лексічнай нормы: *У Пекіне кожны дзень з 20.00 па 20.30 можна назіраць цудоўнае святавое шоу на небаскробах* («Кітайскі Цындаа сабраў маладзёжных лідараў» С. Жыбуль; Прамень, № 59 (10 302), 11.08.2018 г.); *Наведвальнікі ўбачылі магчымасці тэхнікі факультэтаў сувязі, працінаветранай абароны, ракетных войскаў і артылерыі* («Юбілей кузні афіцэраў» І. Крыжэвіч; Звязда, 18.05.2018 г.); *...Усе наведвальнікі мелі магчымасць прадэгусціраваць прадукцыю* («Магазін з таварным знакам “Васілёк”» А. Карпушэнка; Герой працы, № 32, 24.04.2018 г.). «Лексічныя нормы патрабуюць правільнага ўжывання слоў і выразаў ва ўласцівых ім значэннях» [3, с. 12]. У асноўным памылкі былі дапушчаны пры перакладзе слоў з рускай мовы на беларускую.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 239
из 378

Для друкаваных СМІ найбольш важнымі з’яўляюцца арфаграфічная, лексічная, пунктуацыйная, словаўтваральная і стылістычная нормы, бо іх парушэнне значна перашкаджае разуменню асноўнай думкі журналісцкага матэрыялу. Мова развіваецца, час ад часу мяняе ўстарэлыя нормы, але неабходна імкнуцца не адыходзіць ад тых норм, якія склаліся на сучасным этапе. Толькі абавязковае падпарадкаванне моўным нормам забяспечвае стабільнае функцыянаванне літаратурнай мовы, яе прэстыж. Менавіта таму сёння да журналістаў і рэдактараў прад’яўляюцца досыць высокія патрабаванні, так востра стаіць пытанне аб захаванні ў СМІ літаратурных норм.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Абабурка, М. В. Рознастылёвыя тэксты і іх аналіз: вучэб.-метадычны дапаможнік. / М. В. Абабурка. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2010. – 212 с.
2. Абабурка, М. В. Лінгвістыка тэксту / М. В. Абабурка. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2008. – 140 с.
3. Сямешка, Л. І. Курс беларускай мовы / Л. І. Сямешка, І. Р. Шкраба, З. І. Бадзевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1996. – 656 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 240
из 378](#)

Б. М. РАХМАНИЯЗОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Н. М. Гурина, кандидат филологических наук, доцент

РАБОТА НАД СТРУКТУРОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Текстоцентрический подход в обучении русскому языку как иностранному широко применяется на практике, однако работы, посвященные использованию научно-популярных текстов по экономике, немногочисленны.

По мнению Н. А. Ипполитовой, «текст – это основная единица языка и речи, так как именно текст способен выразить законченное высказывание, передать коммуникативное намерение человека, участвовать в речевом общении. С помощью текста осуществляется речевая коммуникация, и, следовательно, у человека должно быть сформировано умение создавать и воспринимать текст в процессе речевой коммуникации» [1, с. 121].

Если языковая компетенция может быть сформирована на единицах языка (в качестве высшей единицы выступает предложение), то коммуникативная компетенция может быть сформирована лишь на уровне текста. При формировании языковой компетенции текст используется как контекст для иллюстрации, наблюдения, осмысления и анализа функционирования языковых единиц различных уровней, а при формировании коммуникативной компетенции основное внимание уделяется самому тексту, его свойствам, характеристикам и структуре.

Размышляя над понятием текстоцентричности, нужно сказать, что этот принцип обеспечивает отказ от автономного изучения языковых единиц и формирования речевых умений и навыков, сближение изучения языка и обучения речевой деятельности, органическое единство и целостность процесса формирования языковой, лингвистической и коммуникативной компетенции. Текстоцентрический подход к обучению РКИ позволяет отбирать действительно важный и необходимый лексико-грамматический материал и оптимизировать форму его презентации инофону, формируют инновационную образовательную среду, повышая эффективность работы преподавателя и ускоряют процесс получения новых знаний студентами.

Материалом для исследования послужили адаптированные фрагменты текстов научно-популярных изданий по экономике: «Самый богатый человек в Вавилоне» Дж. Клейсона, Р. Кийосаки, Ш. Леткер «Богатый папа, бедный папа», Р. Кийосаки, Ш. Леткер «Квадрант денежного потока», Б. Шефер «Законы победителей», Б. Шефер «Путь к финансовой свободе. Первый миллион за семь лет». Из каждой книги мы отобрали законченные смысловые фрагменты по 300–320 слов для работы на занятиях со студентами первого и второго курсов гуманитарных специальностей. Предварительно преподаватель провел лингвометодический анализ фрагментов, разработал предтекстовые и послетекстовые задания.

Для выявления умений, направленных на понимание внутренней формы текста, мы взяли адаптированный отрывок из книги Дж. Клейсона «Самый богатый человек в Вавилоне», притчу Бодо Шефера «Орлы и утки» и фрагмент из книги Р. Кийосаки «Богатый папа, бедный папа». Для проверки умений студентов-инофонов выполнять структурно-семантический анализ текста мы провели диагностирующий срез: студентам первого

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 241
из 378](#)

курса специальности «Правоведение» мы предложили для анализа отрывок из книги Дж. Клейсона «Самый богатый человек в Вавилоне», а студентам второго курса специальности «Иностранные языки» – фрагмент из бестселлера Р. Кийосаки «Богатый папа, бедный папа» [2, с. 74]. Всего срез выполнили письменно 33 студента.

Думайте о своем собственном бизнесе

В 1974 г. Рей Крок – основатель МакДональдс – был приглашен в университет Техаса в Остине выступить перед студентами. Мой близкий друг Кит Канингем был среди тех студентов. После мощного, вдохновляющего разговора в конце встречи студенты спросили Рея, не присоединится ли он к ним, чтобы пропустить пару бутылочек пива в известной студенческой забегаловке. Рей с благодарностью принял приглашение.

«В каком я бизнесе?» – спросил Рей студентов, когда все они взяли по бутылке пива.

«Все засмеялись», – рассказывал Кит. – Большинство студентов посчитали, что Рей просто дурачит их».

Все промолчали, а Рей ещё раз задал вопрос: «Как вы думаете, в каком я бизнесе?» Студенты снова засмеялись, но наконец один смельчак выкрикнул: «Рей, кто ж не знает, что вы в гамбургеро-бизнесе».

Рей хихикнул: «Я так и думал, что вы это скажете». Выдержав паузу, он быстро сказал: «Дамы и господа, я не в гамбургеро-бизнесе. Мой бизнес – недвижимость».

Кит рассказал, что Рей весьма долго объяснял свою точку зрения. Рей не отрицал, что первоначальная нацеленность бизнеса была на продажу гамбургеро-франчайзов, но что Рей никогда не упускал из вида – это участок под каждый франчайзинг. Он знал, что недвижимость и ее местоположение крепко связаны между собой, что местоположение недвижимости – наиболее важный фактор в успехе каждого франчайза. В сущности, человек, который покупал франчайз, также платил за землю под франчайзом организации Рея Крока.

МакДональдс сегодня крупнейший в мире владелец недвижимости, и недвижимость МакДональдс больше по размерам, чем общая недвижимость католической церкви. Сегодня МакДональдс владеет одними из наиболее ценных точек пересечения улиц, владеет углами улиц, наиболее выгодными в Америке, равно как и в других частях мира.

Кит сказал, это был один из самых важных уроков его жизни. Сегодня Кит владеет машинными мойками, но его бизнес – недвижимость, земля под этими машинными мойками.

(По Р. Кийосаки)

На предтекстовом этапе студенты выяснили, кто такой Рей Крок и каков его бизнес, что означает англицизм *франчайзинг*. После прочтения текста студенты ответили на несколько вопросов, касающихся понимания смыслового ядра текста: 1) Какова тема текста? 2) В каких словах заключена основная мысль текста? 3) Какой урок преподавал студентам основатель компании «МакДональдс»?

Диагностический срез показал, что студенты понимают внутреннюю форму текста в слишком общем виде: «Этот текст не только учит зарабатывать деньги, но и быть ответственным»; «Рэй Крок разбогател на гамбургерах». Далее дискуссия по содержанию текста позволит уточнить главную мысль и грамотно ее сформулировать. Учитывая, что на экзамене по РКИ будут проверяться именно умения по анализу текста, мы начинаем подготовку к итоговому контролю именно с диагностического среза.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 242
из 378

Список использованной литературы

1. Ипполитова, Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе / Н. А. Ипполитова. – М. : Флинта : Наука, 1998. – 176 с.
2. Кийосаки, Р. Богатый папа, бедный папа / Р. Кийосаки, Ш. Лектер ; пер. с англ. Е. А. Мартинкевич. – Минск : Попурри, 2017. – 352 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 243
из 378

Д. Г. САПАРОВА (БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – М. И. Шелоник, кандидат филологических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ НА УРОКАХ В 5 КЛАССЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «БОРОДИНО» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА)

Исторический принцип изучения литературы является одним из ведущих на уроках русской литературы. Как отмечает В. Г. Маранцман, «историческая тема присуща творчеству писателей, работавших в разных жанрах и стремившихся отразить жизнь как результат ее прошлого и как отражение той истории. В такой связи вся литература исторична. Писатели обращаются к прошлому и отражают это в своих произведениях» [1, с. 62].

К авторам, которых волновало историческое прошлое, относится М. Ю. Лермонтов. Историю народа поэт отразил в своем знаменитом произведении «Бородино», которое изучается в 5 классе.

В учебной программе изучение творчества М. Ю. Лермонтова и его стихотворения «Бородино» включено в раздел «Историческое прошлое в литературных произведениях». На изучение отведено 3 часа. На уроках рассматриваются следующие вопросы: «Слово о поэте. «Бородино». Патриотические чувства автора, его восхищение подвигом народа в войне 1812 г. Роль рассказчика в стихотворении. Изобразительность языка, звукопись. Диалог и монолог в стихотворении. Теория литературы. Начальное понятие о строфе. Понятие об антитезе. Литература и искусство. Рисунок М. Ю. Лермонтова “Бородино. Схватка французских кирасир с конногерееями”. Портрет М. И. Кутузова работы В. А. Фаворского» [2, с. 22–23].

В учебнике жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова рассматриваются в разделе «Минувшее проходит предо мною...». Сначала даются сведения о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова [3, с. 92–93], затем текст стихотворения «Бородино» [3, с. 93–97].

На уроках по изучению творчества М. Ю. Лермонтова и его стихотворения «Бородино» можно использовать разнообразные задания и формы работы, но необходимо, чтобы через все уроки проходила красной нитью проходила тема исторического прошлого. Так, после прочтения сведений из биографии М. Ю. Лермонтова можно предложить задания: 1. Перескажите статью о поэте, подчеркнув его первое знакомство с народными преданиями, сочинениями А. С. Пушкина; 2. Расскажите, в чем состояли занятия литературного общества в пансионе [4, с. 164].

После прочтения текста стихотворения «Бородино» можно предложить следующие вопросы и задания: 1. Какому событию посвящено стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино»? 2. Какой мыслью и какими настроениями оно пронизано? 3. От чьего лица ведется рассказ? Что этим достигается? 4. О чем сожалеет поэт и что его радует? 5. Как вы понимаете строки: *Не будь на то Господня воля, / Не отдали б Москвы!.. / Уж мы пойдем ломить стеною, / Уж постоим мы логовою / За родину свою!.. / Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам... / Изведал враг в тот день немало, / Что значит русский бой удалый, / Наш рукопашный бой!..* 6. Перечитайте внимательно текст и расскажите, какие картины природы и картины боя

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 244
из 378

«проходят» перед мысленным взором читателя. 7. Кого объединяет слово «наш» в таком тексте: *Изведаль враг в тот день немало, / Что значит русский бой удалый, / Наш рукопашный бой!*.. 8. Подготовьте выразительное чтение наизусть стихотворения «Бородино». 9. Рассмотрите иллюстрации к стихотворению «Бородино». Какие из них вам понравились? Почему? Какие эпизоды сражения изображены художником?

Можно предложить учащимся поразмышлять над рассказом учителя: «Бородино» – это первое стихотворение М. Ю. Лермонтова, напечатанное по его воле и с его ведома. Оно было откликом на 25-летнюю годовщину Бородинского сражения. В основе этого стихотворения – раннее стихотворение поэта «Поле Бородина». «Бородино», по мнению литературоведов, является открытием в истории русской реалистической поэзии. Вместо торжественных звуков в победных одах Ломоносова, Державина, других поэтов звучит тихий голос бывалого солдата, грустное сознание «невозвратимых утрат и жертв». Впервые в русской литературе историческое событие увидено глазами рядового воина [4, с. 168–169].

Методисты С. Н. Каратай, Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная предлагают проводить уроки по изучению стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» следующим образом. Первый урок знакомит с личностью поэта, с исторической основой стихотворения «Бородино» и его содержанием. Вступительное слово учителя создаст определенную настроенность для слушания лермонтовских стихов. Желательно ввести такие слова, как *редут, картечь, лафет, бивак, уланы* и объяснить их значение. Стихотворение первый раз читает учитель. Чтение учителем «Бородина» можно сопровождать презентацией. После чтения стихотворения важно ответить на вопросы. Далее ученикам можно предложить прочитать стихотворение про себя, вполголоса. Домашнее задание включает составление плана к стихотворению (если это не сделано на уроке), чтение статьи учебника. Дети также учат наизусть отрывок стихотворения (до слов: «и только небо засветилось»). Второй урок включает работу над композицией стихотворения, над его идейно-художественным содержанием и глубоким патриотическим смыслом, знакомит в доступной форме с понятием народности и исторической достоверности лермонтовского произведения, раскрывает его актуальность. Беседа об особенностях композиции стихотворения «Бородино» начинается с вопроса: 1. В чем своеобразие лермонтовского произведения? 2. О чем рассказывает ветеран? 3. Почему рассказ о Бородине поэт вложил в уста рядового солдата? 4. Каким вы представляете себе рассказчика, что можно сказать о нем как о человеке? 5. Как М. Ю. Лермонтов показал причастность рассказчика к справедливому делу? При работе по изучению стихотворения М. Ю. Лермонтова важно отметить, что в «Бородине» точно переданы главные моменты наиболее важного в Отечественной войне 1812 года сражения, оно освещено поэтом с народной точки зрения.

Дома или на дополнительных занятиях по литературе учащиеся могут подготовить серию иллюстраций к стихотворению, создать презентацию [5, с. 96–97]. В качестве проверки усвоения материала может быть предложен тест.

Таким образом, обращение на уроках русской литературы к историческому прошлому при изучении стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» помогает понять данное произведение более глубоко.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 245
из 378

Список использованной литературы

1. Маранцман, В. Г. Анализ литературного произведения и читательского восприятия школьников / В. Г. Маранцман. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974. – 176 с.
2. Учебные программы для общеобразовательных учреждений. Русская литература V–XI кл. – Минск : НИО, 2012. – 120 с.
3. Мушинская, Т. Ф. Русская литература : учеб. пособие для 5 кл. учреждений общ. и сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения : в 2 ч. / Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная, С. Н. Каратай. – Минск : Нац. ин-т. образования, 2014. – Ч. 2. – 175 с.
4. Литература. 5 класс : учебник-хрестоматия : в 2 ч. / авт.-сост. В. Я. Коровина [и др.]. – М. : Просвещение, 2004. – Ч. 1. – 286 с.
5. Каратай, С. Н. Уроки литературы в 5 классе : метод. рекомендации / С. Н. Каратай, Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная. – Минск : Нар. асвета, 1996. – 127 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 246
из 378](#)

Н. Т. САХАТОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – А. А. Посохин, старший преподаватель

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ

В педагогической практике текст получил широкое признание как единица обучения. Текст становится основой осознания и усвоения норм литературного языка и коммуникативных качеств хорошей речи [1, с. 9]. «Письменная речь <...> представляет сложную творческую деятельность, поэтому овладение навыками создания письменной речи представляет для учащихся большие трудности» [2, с. 53].

Лингвистический анализ – изучение языковых аспектов художественного произведения, раскрытие значения различных элементов языка с целью полного и ясного понимания текста [3, с. 5]. Когда школьники анализируют образцовые тексты, они усваивают приемы композиционного развертывания микротем, заимствуют наиболее выразительные языковые средства, наблюдают над авторской пунктуацией [3, с. 7]. Обращаясь к лингвистическому анализу, задача учителя заключается в следующем: 1) объяснить, что исследование художественного текста представляет собой научный поиск; 2) привить интерес к этому виду работы и сформировать навыки вдумчивого чтения; 3) в процессе работы с произведением научить детей думать, наблюдать, пробовать анализировать самостоятельно, при этом увидеть скрытые элементы авторской оценки, обнаружить миропонимание автора, строй его мыслей и чувств [2, с. 61]. Л. В. Щерба отмечает, что «цель лингвистического анализа, заключается в выявлении различных языковых средств, помогающих раскрыть идейно-тематическое и эстетическое содержание текста. Этот вид анализа часто рассматривается как начальный этап филологического анализа» [4, с. 38]. Работа по целостному лингвистическому анализу, скорее всего, будет по силам учащимся старших классов, но элементы этой работы могут использоваться и на уроках русского языка и литературы в средних классах [2, с. 93].

Ученикам 9–11 классов можно предложить выполнить задания к текстам произведений, которые изучаются на уроках русской литературы. Приведем примеры использования приемов лингвистического анализа в системе развития письменной речи на уроках русского языка:

При изучении поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в 9 классе можно использовать задания: 1. Прочитайте текст, спишите. 2. Определите стиль и тип текста. 3. Решите орфографические задачи и расставьте знаки препинания. 4. Определите лексическое значение подчеркнутых слов. 5. Какое фонетическое явление встречается в словах *мягких* и *отдает*? 6. Назовите эпитеты, которыми Н. В. Гоголь характеризует старость. 7. Подберите синонимы и антонимы к слову «старость»: *Нынешний же пламе(н/нн)ый юноша отскочил(бы) с ужасом, если бы показали ему его же п..ртрет в старости. Забирайте же с собою в путь выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество забирайте с собою все человеческие движения, (не)оставляйте их на дороге (не)подымете потом! Гроза страшна гр..дущая впереди старость и н(и/е)чего (не)отдает назад и обратно!*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 247
из 378

Могила милосерднее ее на могиле напишется Здесь погребен человек! но (ни)чего (не)прочитаешь в хладных бе(с/з)чу(?)ственных чертах бесчеловечной старости (Н. В. Гоголь, «Мертвые души»). После работы с данным текстом можно предложить написать сочинение или отзыв на тему «Мое представление о старости» или «Старость. Какая она?».

При изучении произведения «Гранатовый браслет» А. Куприна в 10 классе можно использовать текст и задания к нему: 1. Прочитайте текст, спишите. 2. Определите стиль и тип текста. 3. Решите орфографические задачи и расставьте знаки препинания. 4. Определите лексическое значение подчеркнутых слов. 5. Какое фонетическое явление встречается в словах **расчёты** и **отдать**? 6. Назовите эпитеты, которыми А. Куприн характеризует любовь. 7. Подберите синонимы и антонимы к слову «любовь»: *А где же любовь(то)? Любовь бескорыс(?)ная самоотверже(н/нн)ая (не)ждущая награды? Та про которую сказано «сильна, как смерть»? Понимаешь, такая любовь для которой совершить любой подвиг отдать жизнь пойти на мучение вовсе не труд а одна радость. <...> Почем знать может быть будущее и покажет его любовь в свете большой красоты. <...> Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! (Ни/е)какие жизне(н/нн)ые удобства расчёты и компроми(с/сс)ы (не)должны ее касаться* (А. Куприн, «Гранатовый браслет»). После работы с данным текстом можно предложить написать сочинение или отзыв на тему «Мое представление о любви» или «Любовь. Какая она?». Это послужит развитию речи школьников.

Для работы в 11 классе можно предложить текст «Облако в штанах» В. В. Маяковского: *(1) Вашу мысль, / мечтающую на **размягчённом мозгу** / как выжиревший лакей на засале(н/нн)ой кушетке / буду дразнить об **окровавленный^{с, сл} сер(?)ца лоскут**: / досыта **изъиздеваюсь**, нахальный и едкий^ф. / (2) У меня в **душе ни одного седого волоса**, / и старческой нежности нет в ней! / (3) Мир **огромив^ф мощью** голоса, / иду – красивый, два..цатидвухлетний^{с, сл}. / (4) Нежные! / (5) Вы **любовь^ф на скрипки ложите**. / (6) Любовь на **литавры^{лз} ложит** грубый. / (7) А себя, как я, **вывернуть не можете**, / чтобы были одни **сплошные губы!** / (8) Приходите **учит(?)ся** – из **гости(н/нн)ой батистовая**, / **чинная чиновница** ангельской лиги. / <...> (12) Мною **опять славословятся / мужчины, залёжанные, как больница**, / и **женщины, истрёпанные, как пословица**. / (13) Славьте меня! / <...> (20) А **оказывается** – / прежде чем **начнёт пет(?)ся**, / долго ходят, **размозолев от брожения**, / и тихо **барахтается в тине сердца** / глупая **вобла воображения**. / (21) Пока **выкипячивают**, **рифмами пилика**, / из **любвей** и **соловьёв** какое-то **варево**, / **улица корчится безъязыкая** – / ей нечем **кричать и разговаривать**. / (22) **Городов^ф вавилонские башни**, / **возгордась, возносим снова**, / а бог города на **пашни / рушит**, / **мешая слово** (В. В. Маяковский, «Облако в штанах» (отрывок)).*

План работы по лингвистическому анализу текста: 1. Выразительно прочитайте текст, укажите признаки текста. Что вы знаете об авторе, времени создания этого текста? 2. Какое впечатление производит текст? Какое настроение передаёт автор? 3. Определите тему, основную мысль. 4. Выделите микротемы, составьте план. 5. Укажите тип речи, стиль, жанр. 6. В чём особенности композиции? 7. Укажите используемые лексические, морфологические и синтаксические средства. 8. Выполните задания к тексту: а) фонетические; б) лексические: объясните значения выделенных слов и выражений; в) словообразовательные; г) морфологические: определите

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 248
из 378

части речи, составьте их процентное соотношение; д) синтаксические: найдите предложения: односоставные, сложные, определите тип; е) орфографические и пунктуационные. Работа в группах: 1) указание основных признаков текста; 2) указание типа и стиля текста; 3) определение жанра данного текста. Ответы на вопросы: 1. Почему текст назван «Облако в штанах»? 2. Какие темы и проблемы подняты в произведении? 3. Что хотел автор сказать этим произведением? Задания: 1. Найдите ключевые слова. 2. Опишите внутреннее состояние героя.

Таким образом, использование приемов лингвистического анализа может быть разнообразно. Систематический и комплексный анализ текста является стимулом речевого развития ученика.

Список использованной литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
2. Ипполитова, Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе / Н. А. Ипполитова. – М. : Флинта : Наука, 1998. – 191 с.
3. Шанский, Н. М. Анализ художественного текста / Н. М. Шанский. – М. : Педагогика, 1975. – 120 с.
4. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – 188 с.
5. LoveRead.ec [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://loveread.ec>. – Дата доступа: 02.02.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 249
из 378

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ КАК НЕОБХОДИМОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В процессе обучения иностранному языку из всех основных аспектов, которые должны практически усваиваться учащимися, наиболее важным и существенным следует считать лексику, потому что без запаса слов, хотя бы и незначительного, невозможно владеть иностранным языком.

По словам Л. В. Московкина и А. Н. Щукина, лексика изучается для того, чтобы учащиеся могли использовать ее в процессе речевой деятельности на иностранном языке [1, с. 238]. «Овладение лексикой иностранного языка представляет собой значительные трудности. Они обусловлены, во-первых, большим объемом словарного состава русского языка, во-вторых, сложностью каждой отдельной лексической единицы, в-третьих, различиями в значениях слов русского и родного для учащихся языка. Лексической единицей является: слово, устойчивое словосочетание и устойчивая фраза, клише. На начальном этапе обучения русскому языку количество лексических единиц, которое должны усвоить учащиеся, ограничено: не более тысячи слов (так называемый лексический минимум)» [1, с. 238]. «Усвоить слово – это значит: 1) понять его значения и правила употребления, 2) запомнить слово и правила его употребления, 3) научиться правильно (быстро и безошибочно) использовать слово в собственной речи и понимать его в речи других людей» [1, с. 239].

По словам И. Б. Голуб, «лексика русского национального языка включает в свой состав общенародную лексику, использование которой не ограничено ни местом жительства, ни родом деятельности людей, и лексику ограниченного употребления, которая распространена в пределах одной местности или в кругу людей, объединенных профессией, общими интересами и т. п. Общенародная лексика составляет основу русского языка. В нее входят слова из разных областей жизни общества: политической, экономической, культурной, бытовой и т. д. Общенародные слова, в отличие от лексики ограниченного употребления, понятны и доступны любому носителю языка» [2, с. 76].

Лексика проникает во все сферы жизни, помогая отразить не только реальную, но и воображаемую действительность. Любой текст несет в себе тематическую лексику, знание которой является ключом к пониманию его смысла. Почти на каждом этапе обучения иностранному языку происходит знакомство с новыми словами и работа по их усвоению, поэтому учащимся надо обеспечить овладение словарем, следует пробудить интерес к тщательной работе над словом, к постоянному расширению словарного запаса. Важно также разрабатывать профильные тесты, которые позволили бы периодически определять объем индивидуального словаря, видеть свое продвижение в наполнении словаря. Самое убедительное свидетельство владения словарем – это способность учащихся принимать участие в общении в устной форме и при чтении.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 250
из 378

В современных условиях расширения международных экономических связей существует потребность в подготовке высококвалифицированных специалистов с таким уровнем владения иностранными языками, который позволяет осуществлять непосредственное общение с зарубежными партнерами в профессиональной деятельности, и поэтому актуальной задачей является овладение ими знаниями терминов специальности и получение навыков и умений использовать узкоспециализированную лексику для выполнения учебных профессионально ориентированных заданий, направленных на дальнейшее общение. Профессиональная лексика обладает особенностями, позволяющими общаться свободно людям одной профессии.

По словам И. Б. Голуб, «к профессиональной лексике относятся слова и выражения, используемые в различных сферах деятельности человека, не ставшие, однако, общеупотребительными. Профессионализмы служат для обозначения различных производственных процессов, орудий производства, сырья, получаемой продукции и т. д.» [2, с. 80].

«В составе профессиональной лексики можно выделить группы слов, различные по сфере употребления: профессионализмы, используемые в речи спортсменов, шахтеров, охотников, рыбаков» [2, с. 80].

Профессиональная лексика – это лексика, свойственная данной профессиональной группе, используемая в речи людей, объединенных общей профессией. Растущий интерес к изучению специализированных языков является результатом технического прогресса во многих сферах жизни, глобализации, а также растущей мобильности людей во всем мире.

Правильное использование специальной терминологии является сложным явлением и часто требует не только усвоения конкретных специализированных терминов. Во время приобретения нового словарного запаса могут возникнуть трудности на любом этапе. Эти трудности могут иметь разнообразный характер и можно их классифицировать следующим образом: недостаточное владение иностранным языком, недостаточное владение родным языком, незнание или недостаточное знание данной области, незнание стратегий и методов обучения.

Ошибки, допущенные на родном языке, могут также привести к появлению ошибок в текстах на иностранных языках. Поэтому стоит подчеркнуть тот факт, что ключом к овладению иностранным языком является также правильное использование родного языка. Правильное использование специализированной терминологии требует правильного предметного понимания явлений, описываемых профессиональными терминами, требует также исключительной точности в овладении конкретными профессиональными выражениями. Специализированные языки характеризуются высокой жесткостью используемых терминов, поэтому выбор адекватного термина во многом зависит от выбранного контекста. Очень важно уметь выработать стратегию работы со специализированной лексикой, поиска подходящих источников и упражнений, так как знание просто разговорного языка сейчас недостаточно и поэтому чтобы стать профессиональным и компетентным специалистом необходимо знание профессиональной терминологии.

Профессиональное общение подразумевает не только свободное владение иностранным языком в пределах возможных социальных контактов, но и свободное владение профессионально ориентированной лексикой, которой учащийся овладевает в процессе чтения литературы по специальности. Для того чтобы подготовить

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 251
из 378](#)

учащегося к обсуждению данной проблемы, составляющей содержание его профессиональной подготовки, необходимо подобрать подходящие тексты, позволяющие формировать умения прагматического характера, которые бы давали возможность ориентироваться в литературе по специальности.

Хотя знание иностранного языка само по себе уже является ценным навыком, без знания профессиональной терминологии человек будет не в состоянии понимать слова и выражения, потому что профессиональная лексика существенно отличается от традиционного языка.

Обучение профессиональной лексике на иностранном языке является важным элементом процесса обучения специализированным языкам. Неправильное усвоение специализированной лексики влияет на ее последующее использование в профессиональном контексте, что часто приводит к формулированию неточных утверждений, а также к разным недоразумениям.

Список использованной литературы

1. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного / сост. Л. В. Московкин, А. Н. Щукин. – М. : Рус. яз. Курсы, 2010. – 552 с.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка : учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Рольф, 2001. – 240 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 252
из 378](#)

ПРОФИЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ И ДЕЛОВАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «БИЗНЕС-РУССКИЙ»

Главной целью обучения любому иностранному языку является приобретение учащимися навыков и умений коммуникативной компетенции. Ее можно понимать, как «способность реализовать лингвистическую компетенцию в разных условиях речевого общения, <...> в соответствии с нормами и традициями культуры данного языка, <...> адекватно ситуации общения» [1, с. 98]. Конечно, процесс осуществления речевой деятельности в ее продуктивных и рецептивных видах возможен только при условии понимания и употребления значительного количества слов, их сочетаний, устойчивых выражений, т. е. лексики данного иностранного языка. Поэтому одной из задач обучения русскому языку должно быть пополнение и постоянное развитие словарного запаса учащихся.

Сложившаяся за последние несколько лет ситуация на рабочем рынке, которая, с одной стороны, является результатом изменения политической и экономической ситуаций в Польше, а с другой – расширения экономических контактов и большей активности польских предпринимателей в России, показывает, что среди филологов-русистов востребованными являются специалисты в русском языке делового общения (бизнес-русском). Стоит заметить, что рыночная ситуация приводит к изменению отношения молодых к русскому: многие считают его перспективным в их будущей деятельности. Это, в свою очередь, ведет к профессионализации обучения, необходимости подготовки студента к выполнению в будущей профессиональной деятельности различных функций: ведение собственного бизнеса, сотрудничество с русскими фирмами и бизнес-партнерами, предоставление переводческих услуг разным компаниям, работающим в деловой сфере, обучение сотрудников бизнес-русскому и т. д. Именно поэтому во многих университетах, вузах введены специальные программы по обучению студентов русскому деловому языку.

Как подчеркивает Анна Падо, владеть бизнес-русским – значит «знать ту дополнительную лексику, которая позволяет воспринимать и создавать тексты согласно принятыми в этой области стилистикой и этикетом, одновременно используя морфологические и синтаксические правила системы. Мы общаемся на общепонятном языке одновременно расширяя свою языковую и коммуникативную компетенцию с помощью специальной лексики, которая обслуживает профессиональную сферу в области коммерции и бизнеса» [2, с. 28]. Очевидным является факт, что владение учащимися бизнес-русским формируется на хороших фонетических, грамматических, лексических, синтаксических основах общепонятного русского языка.

Одним из способов расширения и пополнения словарного запаса студентов специальности «бизнес-русский» в нашем вузе является работа с профильным текстом и деловой документацией. Чтение профильных текстов направлено, с одной стороны, на выработку навыков и умений изучающего чтения, т. е. чтения

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 253
из 378](#)

медленным темпом, цель которого – максимально полно и точно понять всю содержащуюся в тексте информацию. Изучающее чтение включает анализ текста и критическое отношение к его содержанию, формирование личного мнения о заключенной в нем информации [3, с. 334]. С другой стороны, чтение профильных текстов служит для ознакомления студентов с общими понятиями (в том числе и лексикой), касающимися определенной деятельности в сфере бизнеса. Итак, читая тексты, наши студенты развивают свой словарный запас, в частности по следующим темам: многообразие предпринимательской и коммерческой деятельности; место данной деятельности на предпринимательском рынке; презентация фирмы – ее история, достижения, направление деятельности; презентация предлагаемых услуг или товаров; сотрудники компании – их личные и профессиональные умения, выполняемые обязанности, резюме, собеседование; деловые переговоры, участие в бизнес-конференциях, семинарах, встречах, ярмарках, командировках; новости за последние годы в сфере бизнеса; тенденции будущего на предпринимательском рынке; вопросы межкультурной коммуникации – речевой этикет, техника делового общения, международные культурные контакты и т. д.

На этапе планирования процесса обучения лексике, в том числе и лексике бизнеса, стоит помнить, что значительным тут является подбор текстов. Согласно методической литературе, рекомендуется при их отборе принимать во внимание: привлекательность текстов, учебную ценность, необходимость адаптации текста к языковым возможностям студентов, тематическую актуальность, их жанровое и стилистическое разнообразие (повседневные / информационные / публицистические / деловые / научные тексты) [4, с. 189].

На занятиях наши студенты работают с копиями русских документов и их польскими эквивалентами, это разного рода образцы договоров, коммерческих писем, бланков, заявлений, формуляров, используемых в производственной, транспортно-экспедиторской, таможенной, пограничной, туристической, торговой, банковской, страховой сферах деятельности. Такая документация знакомит учащихся с лексикой данной предпринимательской деятельности, названиями определенных документов и используемыми в них устойчивыми словосочетаниями, грамматическими конструкциями, правилами составления данного документа, оформления (например, обращения, заголовка, приложения и т. д.), названиями частных фирм разных форм собственности, государственных учреждений, органов и их польских эквивалентов и т. д.

По мнению Г. Зентали, работа с документацией является важным элементом формирования лексического запаса студентов специальности «бизнес-русский», так как «любой документ является источником деловой лексики более убедительным, чем текст о торговле, банках, основах предпринимательского дела и др.» [5, с. 44].

Профильные тексты и деловая документация выполняют важную роль в формировании как пассивного, так и активного словарного запаса студентов изучающих бизнес-русский. Ознакомление и работа с лексикой определенной предпринимательской деятельности позволяют студентам высказывать свое мнение по данной теме, самостоятельно составить или заполнять деловую документацию, вести устную и письменную корреспонденцию, оформлять разные документы и т. д., что является элементом их будущей профессиональной деятельности.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 254
из 378

Список использованной литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2010. – 448 с.
2. Pado, A. «Общее владение языком» a potrzeby grup «biznesowych» – ewaluacja materiałów dydaktycznych / A. Pado // Rosyjski język biznesu w szkole wyższej / red. A. Paliński, G. Ziętała. – Rzeszów : Wydaw. UR, 2005. – С. 27–38.
3. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного / сост. Л. В. Московкин, А. Н. Щукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2010. – 552 с.
4. Komorowska, H. Metodyka nauczania języków obcych / H. Komorowska. – Warszawa : Fraszka Edukacyjna, 2005. – 272 с.
5. Зенталя, Г. Коммерческая корреспонденция и документация на занятиях по бизнес-русскому / Г. Зенталя // Русистика и современность. Глоттодидактика 2 / red. A. Paliński. – Rzeszów : Wydaw. WSP, 2001. – С. 43–51.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 255
из 378](#)

СЕКЦИЯ 5. ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ТЕКСТА

ПОДСЕКЦИЯ 1. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТОВ

П. И. БЕРЕЗНЕВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Г. В. Писарук, кандидат педагогических наук, доцент

ДЕТСКОЕ «НЕДЕТСКОЕ» СТИХОТВОРЕНИЕ: РЕЗУЛЬТАТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Объектом лингвистического анализа является стихотворение А. Усачёва «Гном и Звезда», привлекающее нас незамысловатым сюжетом, в который заложен глубокий философский смысл. Стихотворение было проанализировано по следующей схеме: вступительная часть (общие сведения о произведении (объем текста, информация об авторе); основная часть (анализ элементов текста, относящихся к содержанию текста, – тема, идея; анализ элементов, относящихся к форме произведения, с помощью которых автор раскрыл тему и выразил идею. Предложения в анализируемом стихотворении пронумерованы для удобства в работе.

Текст «Гном и Звезда» предназначен для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Это доказывает небольшой объём (всего 20 предложений в 8 строфах), наличие сказочных персонажей и простота сюжета. Автор данного произведения – Андрей Усачев, известный современный детский писатель, поэт, драматург, сценарист. Учебник писателя «Основы безопасности жизнедеятельности» для 1–4 классов, книги «Декларация Прав Человека» и «Мои географические открытия» были рекомендованы для изучения в школах Министерством образования России.

Гном и Звезда

- 1 У речки стоял удивительный домик.
- 2 В том домике жил удивительный гномик:
До пола росла у него борода,
А в той бороде проживала Звезда.
- 3 Не знал ни забот, ни тревог этот гном.
- 4 Звезда освещала собою весь дом,
И печку топила, и кашу варила,
И сказки ему перед сном говорила...
- 5 И гном с восхищеньем чесал в бороде,
Что было, конечно, приятно Звезде.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 256
из 378

6 Кормилась она только крошками хлеба,
А ночью гулять улетала на небо.
7 Так шли потихоньку года и века...
8 Но кончилась в доме однажды мука.
9 И гном, распростившись с насиженной печкой,
С рассветом отправился в город за речкой.
10 А в городе том не носили бород...
11 – Ха-ха! Хо-хо-хо! – стал смеяться народ.
12 – Вот чучело! – каждый ему говорил.
13 И гном испугался. 14 И бороду сбрил.
15 И на пол упала его борода.
16 И тут же его закатилась Звезда.
17 У речки теперь есть обычный дом.
18 Живет в этом доме обычный гном.
19 Опять отросла у него борода.
20 Но больше к нему не вернулась Звезда.

Заглавие данного текста отражает тему текста, как и большинство произведений для детей. Автор, создав историю гнома, подчеркивает, что в большинстве случаев человек отказывается от своей индивидуальности из страха быть непонятым и осмеянным людьми – это идея текста и, безусловно, главная проблема, поднятая в произведении. Именно глубокая философская мысль о непростой проблеме становления, развития личности делает данное стихотворение «недетским».

Данное произведение обладает тематическим единством, поскольку каждое предложение в тексте поясняет или дает новые сведения о жизни гнома и Звезды, т. е. раскрывает тему произведения. Текст обладает развернутостью (сюжет разворачивается динамично, последовательно), связностью (все предложения связаны с темой текста и между собой), завершенностью (автор сказал всё, что хотел, читателю к истории добавить нечего).

Сюжет стихотворения представлен в форме эпического рассказа, повествования в стихах, что и требуется детям. К тексту можно поставить вопрос «Что случилось?». Есть начало сюжета (**1 У речки стоял удивительный домик. 2 В том домике жил удивительный гномик...:**), развитие (**4 Звезда освещала собою весь дом, И печку топила, и кашу варила...**), завязка (**8 Но кончилась в доме однажды мука**), кульминация (**13 И гном испугался. 14 И бороду сбрил.**), развязка (**15 И на пол упала его борода. 16 И тут же его закатилась Звезда**).

Прозрачная структура текста – это его достоинство, поскольку понять замысел и идею автора через замысловатые, туманные образы и сложные сюжетные конструкции детям было бы тяжело.

Лексика текста общеупотребительная, нет ни одного слова, которое было бы непонятно детям. Существительные конкретные: **1, 2 домик, 8, 17 дом, 2, 14, 15, 19 борода, 4 печка, каша, 6 крошки хлеба, небо, 9 город, речка** и др.; они рисуют яркую картинку в сознании детей, где и как жили гном и Звезда. Абстрактные существительные в предложении с отрицанием при глаголе и усилительной частицей *ни* (**3 Не знал ни забот, ни тревог этот гном.**), а также эпитет **9 насиженная** (*печка*) позволяют представить безмятежное состояние

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 257
из 378

героя. Оценочные прилагательные, употреблённые автором в начале и в конце стихотворения (**1, 2 удивительный, 17, 18 необычайный**), противопоставлены друг другу и позволяют увидеть ситуацию в формате «до и после», это помогает читателю сформировать мнение о случившемся.

В начале текста автор использует глаголы несовершенного вида для того, чтобы описать безмятежную жизнь гнома и Звезды в маленьком домике у речки: **1 стоял, 2 жил, росла, проживала, 3 не знал, 4 освещала, топила, варила, говорила, 5 чесал, 6 кормилась, улетала, 7 шли**. Эти глаголы обозначают вневременные, постоянные действия или состояния героев. Глагол **4 освещала** в тексте (**4 Звезда освещала собою весь дом, // И печку топила, и кашу варила, // И сказки ему перед сном говорила...**) получает и коннотативное значение – Звезда делала дом уютным, необыкновенным, не таким, как у всех. Вероятно, Звезда была «не от мира сего», потому что **6 Кормилась она только крошками хлеба, // А ночью гулять улетала на небо**.

Текст содержит глаголы совершенного вида в той части, которая представляет динамично развивающиеся, последовательные действия: **8 кончилась, 9 отправился, 13 испугался, 14 сбрил, 15 упала, 16 закатилась, 19 отросла, 20 не вернулась**.

Фразеологизм **16 закатилась Звезда** употреблён в тексте в значении ‘закончились успехи, везение’.

Автор в основном использует простые повествовательные предложения (**3 Не знал ни забот, ни тревог этот гном. 10 А в городе том не носили бород... и др.**).

Важно отметить, что на протяжении всего текста слово *гном* написано со строчной буквы, а *Звезда* – с заглавной. Таким образом писатель подчеркивает, что именно индивидуальные, уникальные черты в человеке делают его самим собой, «гномов» много, но далеко не у каждого из них есть «Звезда».

В строфе 4 можно заметить многосоюзие с «и» (автор подчеркивает добродетели Звезды), строфы 13, 14, 15 и 16, следуя друг за другом, также начинаются с и (таким образом автор добивается эффекта нарастания напряжения в кульминационном моменте произведения). Дважды употреблен союз *но*. В строфе 8 с данного союза начинается печальная часть стихотворения (то есть все было хорошо, но однажды закончилась мука, и именно это повлекло за собой череду неприятностей гнома). Последняя (20) строфа произведения также начинается с союза *но* (автор подчеркивает, что дело было в самой Звезде, а не в бороде гнома, она не вернулась к нему из-за его предательства, а не из-за того, что ей не нравилась новая борода).

В данном произведении ярко выраженный художественный стиль речи, поскольку текст отличается образностью, эмоциональностью, конкретностью; используется в стихотворном произведении, передает чувства, впечатления. Текст содержит эпитеты и слова с суффиксами субъективной оценки (*удивительный домик; удивительный гномик; необычайный дом, необычайный гном*). Изобразительно-выразительных средств ровно столько, сколько нужно для понимания авторской оценки ситуации: их немного, но они подчеркивают важные для понимания идеи детали.

Исследуемый текст относится к жанру стихотворение, поскольку обладает рифмой и ритмом, инверсионным построением предложений (сказуемое перед подлежащим) и носит притчевый характер.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 258
из 378

Через сказочный сюжет и сказочные образы передана вполне реальная и конкретная жизненная ситуация и проиллюстрированы конкретные последствия решений и действий, совершенных из страха быть непонятым и непринятым обществом. Данное произведение можно и нужно читать не только детям, но и взрослым.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 259
из 378](#)

ЗАСОБИ УСКЛАДНЕННЯ РЕЧЕННЯ В ХМІЛЬНИЦЬКОМУ ЛІТОПИСІ

Вивчення особливостей функціонування засобів ускладнення речення в діяхронії становить значний інтерес і цінність для поглиблення емпіричної бази як про власне засоби ускладнення, так і про специфіку побудови таких речень. Якщо врахувати те, що питання про ускладнене речення, засоби й умови його ускладнення не отримали єдиної відповіді, очевидною стає актуальність задекларованої теми.

ослідники історичного синтаксису української мови загалом окреслюють тотожне поле засобів ускладнення: «Для давньоруської мови характерним було широке вживання простих ускладнених речень, тобто речень з однорідними членами, звертанням, прикладкою, вставними словами та реченнями, відокремленими зворотами. <...> Однорідні члени речення – звичайне синтаксичне явище у староукраїнських пам'ятках <...> Широко фіксуються дієприкметникові звороти і в староукраїнській мові <...> Функціонування відокремлених прикладок широко представлене і в староукраїнських пам'ятках» [1, с. 95–98]; «У староукраїнській мові, як і в давньоруській, просте речення могло ускладнюватися однорідними членами, предикативними чи уточнюючими відокремленими зворотами, вставними словами, звертаннями тощо» [2, с. 290].

Джерелом нашої розвідки слугував Хмільницький літопис – невелика за обсягом пам'ятка української мови першої половини XVII ст., що репрезентує регіональне літописання [3] (далі посилання на це видання даються в тексті у круглих дужках із зазначенням сторінки). Саме цей факт, на нашу думку, є тим чинником, що мотивував обов'язкове використання автором одного із засобів ускладнення – уточнювальних прикладок, бо не всі згадані в літописі особи були відомі широкому загалу. Цей же чинник, з одного боку, детермінує і використання однорідних членів. Ці два засоби ускладнення виявляють найбільшу активність у досліджуваній пам'ятці.

Хмільницький літопис засвідчує однорідні головні та другорядні члени речення, поєднані сполучниковим і безсполучниковим зв'язком. Зауважимо, що активність виявляють підмети, присудки і додатки; однорідні означення та обставини представлені поодинокими випадками, наприклад:

– **однорідні підмети:** *По десять золотыхъ было **жито** и всякая **пашня** не таней* (с. 77); *Тамъ были повны **ставкѣ** и **болота** труповъ лядзкихъ* (с. 80); *Кони **ѣли** не толко худые **хлопы**, але и **панове*** (с. 81);

– **однорідні присудки:** *Того жъ року подъ Макушами **стоялъ** обозъ и великіе **шкоды** **починилъ** Доминика зъ Морушь* (с. 77); *Але и **козаки** Межибожъ **достали** и **выпалили** и **постинали** тыхъ, которыи зъ ляхами **преставали*** (с. 80); *Безчисленное множество **мѣсть** барзо великихъ **татаре** съ **козаками** **повыймали** и **шкоды** незличоныи **починили*** (с. 81);

– **однорідні додатки:** *ѣли люде **листь** и **лободу**, зълье **розмаитое*** (с. 78); *И **серпы** и **косы** ковали на **оружие*** (с. 78); *Кривонось изъ ыншими полковниками **Немировъ**, **Животовъ**, **Махновку**, **Бердычовъ** **попустошили*** (с. 79); *И скоро **гетманъ** **притягъ** съ **козаками** и **исъ** **татары*** (с. 80);

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 260
из 378

– **однорідні означення:** *Року 1636 преставися сенаторъ великій Лука Жолкевский, староста хмелницький, калуский и переяславский, въ Переяславлю и похованъ мѣсяца декабря 12 (с. 77);*

– **однорідні обставини:** *Въ Полономъ, въ Костантинови-Старомъ кровью рѣки плынули (с. 79–80).*

Наведений ілюстративний матеріал засвідчує значне переважання єднального сполучника и як засобу зв'язку однорідних членів речення.

Демонструє пам'ятка і використання узагальнювальних слів при однорідних членах речення, наприклад: *Року 1649 знову козаки на ляхи ишли полки пудъ Межибожъ, бо тамъ были ляхи, котори мѣста пустошили: Острополь, Костантиновъ Старый, Летичовъ и Синявку и людий погубили (с. 80) – однорідні додатки; И гетманъ у Хмелнику былъ мѣсяца іюня 15 дня, и татаръ безъ личбы: царь ганъ ишовъ, а зъ нимъ войско незличное татаръ: крымцы, билогородцы, нагаи (с. 80) – однорідні підмети.*

У Хмільницькому літописі фіксуємо прикладку. Найчастіше у функції прикладки виступають пропріативи, наприклад: *Въ той же часъ того року Миколай Стогнѣвъ зоставъ старостою и наславъ подстаростого Пудленского (с. 77); Съ той жъ бойки взятъ былъ панъ Синявский (с. 79).* Звертає на себе увагу постпозитивне розташування атрибутивного компонента, наприклад: *Того жъ року и поселъ турецкий ишоль черезъ Хмелникъ, и товмачъ королевский Кадыша лантвѣйта бивъ (с. 78); Былъ панъ Вишневецкій и гетманъ корунный Фирлѣй, и полный Ляскору(н)ский и сынаторства не мало, а ишляхты безъ личбы (с. 80).* Засвідчено інверсійний порядок компонентів конструкції, щоправда, тільки для одного населеного пункту, наприклад: *И скоро гетманъ притягъ съ козаками и ись татары, ляхи утекли до Збаражъ мѣста и тамъ ся окопали у три валы (с. 80); Будуть памятати тую експедицію въ Збаражъ мѣсти! (с. 81).*

Літопис багатий і на відокремлені прикладки, коли апелятив стоїть у постпозиції і пояснює власну назву, наприклад: *Того жъ року Хомутовский, войтъ хмелницький, ходивъ до турокъ въ послехъ (с. 78); Року 1641. Еремей Тисаровский, епископъ лвовский, преставився мѣсяца марта (с. 78); Богданъ Хмелницькій, гетманъ запорозский, побилъ ихъ и обоихъ взялъ (с. 79).* Фіксуємо вживання відокремлених прикладок у кінці речення. Прикметно те, що це продовжує киеворуські традиції, коли прикінцева прикладка відокремлювалася від означуваного іменника групою слів, наприклад: *Тогда двоихъ козаковъ проважоно черезъ Хмелникъ, Павлюка и Лихого Ивана (с. 78).*

Прикінцевою відокремленою прикладкою вважаємо і конструкцію, що стосується двох речень, поєднаних безсполучниковим зв'язком. Відокремлена прикладка пояснює іменник *ляхомъ* та його відповідник у наступному реченні – займенник 3 особи множини у формі родового відмінка *ихъ*, наприклад: *Тамъ ляхомъ было тѣсно; хочъ же и ихъ было много, але велику бѣду трѣгъли, – не тылко худымъ хлопомъ, але и паномъ великимъ сенаторомъ (с. 80).*

За даними досліджень із історичного синтаксису, у староукраїнській мові великого поширення набули відокремлені обставини, передусім місця і часу [2, с. 97]. Аналізована пам'ятка повністю підтверджує отримані результати, активно репрезентуючи обставини часу, коли майже все речення слугує уточненням часу тієї чи тієї події, наприклад: *Року 1637, мѣсяца генваря 24 дня, земля тряслась съ суботы на неделю о куроглашении*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 261
из 378

(с. 77); *Того жъ року о Рождествъ Христовъ было жито по 16 золотыхъ* (с. 78); *Того жъ року, мѣсяца априля 9 дня, ись авторка на середу, земля ся трясла передъ Воскресеніемъ Христовымъ* (с. 81). Одиначним випадком уживання представлена відокремлена обставина, виражена дієприслівниковим зворотом, наприклад: *Люде, все покинувши, утѣкали* (с. 81).

Таку ж ситуацію маємо й зі вставними словами та реченнями: один раз засвідчене вставне слово, наприклад: *Року 1645, октобря 6 дня, преставився отецъ Андрей, священникъ пятницкий, и братъ его того жъ року Петръ, впередъ его, еднакъ* (с. 79).

Не зафіксовано в тексті жодного звертання.

Отже, Хмільницький літопис, незважаючи на регіональний статус, є важливим джерелом для вивчення засобів ускладнення речення в діячності. Аналіз пам'ятки дозволяє стверджувати, що українській мові XVII ст. були відомі всі засоби ускладнення, якими послуговується і сучасна українська літературна мова.

Список використаної літератури

1. Історія української мови. Синтаксис / Г. П. Арполенко [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1983. – 503 с.
2. Історична граматики української мови / М. А. Жовтобрюх [та ін.]. – Київ : Вища шк., 1980. – 319 с.
3. Хмельницькая лѣтопись (1636–1650) // Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, «Краткого Описанія Малороссіи» и «Собранія Историческаго». – Кієвъ, 1878. – С. 77–81.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 262
из 378

Г. В. БУЙКЕВИЧ (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – С. С. Клундук, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ЖАНР ЖЫЦЦЁВАЙ ГІСТОРЫІ Ў СУЧАСНЫМ ДРУКУ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ГАЗЕТЫ «НАРОДНАЯ ТРЫБУНА»)

У тэорыі журналістыкі існуе нямала падыходаў да класіфікацыі жанраў журналісцкіх твораў. Большасць даследчыкаў не выдзяляе жанр жыццёвай гісторыі, хаця сярод аўдыторыі заўсёды былі папулярныя так званыя гісторыі пра простых людзей, г. зн. жыццёвыя гісторыі. Вядомы расійскі вучоны А. А. Тэртычны ўключае жыццёвую гісторыю ў сістэму сучасных жанраў, прычым у групу нестандартных жанраў. Варта адзначыць, што нестандартныя жанры прадстаўлены тэкстамі аналітычнага і мастацка-публіцыстычнага характару. Жыццёвая ж гісторыя лічыцца мастацка-публіцыстычным жанрам, як і сатырычны каментар, легенда, эпіграф, эпітафія, анекдот і інш., што абумоўлівае характар дадзенага жанру.

На думку А. А. Тэртычнага, жыццёвая гісторыя – жанр, у якім апісваюцца нейкія эпізоды з жыцця людзей, іх учынкi, розныя сітуацыі, калізіі, г. зн. усё тое, што можа быць пазначана як «быццё чалавека» [1]. Асноўная мэта названага жанру – прадстаўленне гісторыі пра рэальны эпізод з жыцця людзей з дабаўленнем выдумкі. Прадметам апісання ў такім жанры можа стаць любая жыццёвая сітуацыя, аднак яна павінна быць грамадска значнай. Часам такія публікацыі называюць «апавяданні ў газеце». Іх асаблівасць у тым, што пры напісанні тэксту аўтар, захоўваючы дакументальную аснову, выкарыстоўвае мастацкае пераасэнсаванне рэальных фактаў, г. зн. карыстаецца мастацкім метадам адлюстравання рэчаіснасці. Таму журналіст асаблівую ўвагу павінен надаваць дакладнасці адлюстраванага, вобразнай, яркай мове твораў, фактару нагляднасці, бо нават самая звычайная жыццёвая гісторыя можа быць паднесена незвычайным чынам, і яе абавязкова заўважаць на газетнай паласе і з цікавасцю прачытаюць [1].

Структурная арганізацыя жанру жыццёвай гісторыі напрамую звязана з кампазіцыяй тэксту, спосабу яго пабудовы, сувязі частак, фактаў, вобразаў. Кампазіцыя любога журналісцкага тэксту заўсёды падобная: загаловак, лід, зачын, асноўная частка і канцоўка. Тым не менш, адзначым тое, што для жыццёвай гісторыі характэрна няскончанасць: чытач сам можа дадумаць канцоўку.

Вельмі часта жанр жыццёвай гісторыі ўспрымаюць як міні-гісторыю. Аднак гэта два розныя мастацка-публіцыстычныя жанры. Адрозненне жыццёвай гісторыі ад міні-гісторыі заключаецца ў паўнаце, насычанасці «разгортвання» падзеі, моўнай вобразнасці, нагляднасці. Па аб'ёме міні-гісторыя падобна да нататкі.

Эмпірычнай базай для выяўлення спецыфікі жанру жыццёвай гісторыі паслужылі журналісцкія публікацыі ў Брэсцкай абласной газеце «Народная трыбуна» за 2015 год (усе спасылкі даюцца па гэтым выданні з указаннем нумара і старонкі). Выданне выпускалася штотыднёва. За 2015 год выйшла 52 нумары, кожны на 12 старонках фармату А3. За вызначаны перыяд на старонках «Народнай трыбуны» апублікаваны 2682 матэрыялы. Намі выяўлена, што пры стварэнні тэкстаў журналісты выкарыстоўвалі 25 жанравых форм. Жанравую палітру газеты

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 263
из 378

складаюць інфармацыйныя, аналітычныя, мастацка-публіцыстычныя і гібрыдныя жанры, а таксама ў выданні друкаваліся літаратурныя творы – пераважна вершы і проза малых літаратурных форм. Жыццёвая гісторыя ў даследуемым выданні прадстаўлена ў рубрыцы «Непрыдуманая гісторыя». Тэксты дадзенага жанру друкаваліся практычна ў кожным нумары газеты на апошняй старонцы. Даследаванне фактычнага матэрыялу паказала, што жанр жыццёвай гісторыі склаў толькі 1,5 % ад усіх публікацый, зафіксаваных у газеце за 2015 год.

У аснове жыццёвых гісторыяў, якія зафіксаваны ў «Народнай Трыбуне» за акрэслены перыяд, ляжаць як трагічныя, так і камічныя эпізоды жыцця (М. Ляшук. Заплаканыя зоркі. № 22, с. 12). Аўтары жанру жыццёвай гісторыі паказваюць унутраны свет сваіх герояў, адлюстроўваюць іх паводзіны ў розных сітуацыях (В. Бобрык. Дзед і барабан. № 4, с. 11).

Часта жыццёвая гісторыя апавядае пра падзеі, што адбыліся ці ў жыцці аўтара, ці ў жыцці іншых людзей, якія пра гэтыя здарэнні расказалі аўтару. У сувязі з гэтым у тэкстах шырока выкарыстоўваюцца дзеясловы ў формах прошлага часу: *Аднойчы вечарам «на агенчык» завітаў да нас дзядзька Федзя. Быў ён ужо на падпітку і ў добрым настроі: пачаў хваліцца, што на паводзіны сына ў армію яму «на вялікім блаце» прывезлі нейкую дзівосную рыбіну і г. д.* (А. Галушка. Шабля. № 48, с. 12).

Для жыццёвай гісторыі таксама характэрна наяўнасць драматычнага моманту, адлюстравання перажыванняў герояў, што мы і бачым у публікацыях гэтага жанру на старонках абласной газеты: *Змахваючы слёзы, яна доўга блукала па вячэрніх марозных вуліцах, спрабуючы хоць неяк суняць трывогу, што схавалася ў яе душы. Шкадавала сябе і... ненавідзела родную па крыві жанчыну, не так даўно выгнанную ёю прэч. Ушчэнт рассыпаліся яе мары аб міры і спакоі ў сям'і, аб жаночым ічасці* (М. Ляшук. Заплаканыя зоркі. № 22, с. 12). Усе матэрыялы гэтага жанру маюць пэўны павучальны характар, што абумоўлівае грамадскую значнасць такіх публікацый (А. Арсеньев. Не трэба крыўдзіць людзей. № 22, с. 3).

Часам чытачу даецца магчымасць асабіста зрабіць вывады, а нярэдка сам аўтар дзеліцца сваімі высновамі: *Так, спакваля, прыціснутых жыццёвымі абставінамі нас пачынаюць непакоіць згрызоты сумлення. Чалавек паўсюдна шукае выйсце, бо ўтрапёная душа патрабуе ратунку* (Г. Лазіцкая. Зразумець і дараваць. № 12, с. 12).

Асабліва сцю жыццёвай гісторыі з'яўляецца вобразнае апісанне падзеі, мастацкі падыход да выкладання фактаў, а таксама апавядальны характар прадстаўлення інфармацыі [1]: *Пасля непагодлівых дзён нарэшце праяснілася. Вясновы сонечны промень зазірнуў праз школьнае акно і лёг Алёны на плячо. Лапчыць і прыгравае востры плячук дзяўчынкі. Ёй хочацца выскачыць на ганак: у школьным двары цяпер так хораша і ўтульна!* (М. Глеб. Крэмень. № 15, с. 12).

Аўтары тэкстаў жанру жыццёвай гісторыі імкнуцца выкарыстоўваць розныя сродкі выразнасці мовы, сярод якіх шырока прадстаўлены лексіка-фразеалагічныя і сінтаксічныя адзінкі. Радзей выкарыстоўваюцца марфалагічныя сродкі, якія валодаюць меншымі магчымасцямі ў стварэнні эфектыўнага тэксту. Найперш сродкі стварэння выразнасці прымяняюцца ў загалоўках, большасць якіх характарызуецца вобразнасцю. Да таго ж такія загалоўкі лаканічныя і адпавядаюць патрабаванням да пабудовы газетных загалоўкаў, напрыклад: «*На парозе Вечнасці*», «*Віраж лёсу*» «*Заплаканыя зоркі*», «*Зразумець і дараваць*». Між тым распаўсюджаны і т. зв. падвоеныя

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 264
из 378

заголоўкі, у якіх першая частка (асноўны заглавак), як правіла вобразная, а другая частка (падзаглавак) – хедлайнавая, падаецца ў выглядзе асобнага інфармацыйна насычанага сказа, як кароткі лід, і адпаведным чынам афармляецца на газетнай старонцы: *«Брацік, або Як хлопцы ў лес па ключкі хадзілі», «“Балотны” госць, або Чаму паненцы не ўдалося “акультурыць” вусатага мужчыну».*

Такім чынам, жанр жыццёвай гісторыі ў «Народнай трыбуне» ўяўляе сабой аповед пра жыццё чалавека або пра асобны эпізод з жыцця персанажа, пра ўчынкі, паводзіны, жыццёвыя сітуацыі, нечаканыя павароты лёсу, заснаваныя на рэальных падзеях з дабаўленнем аўтарскай выдумкі. Аднак праз жыццёвую гісторыю ўздымаюцца сацыяльна значныя праблемы грамадства.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс] / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru.html>. – Дата доступа: 19.05.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 265
из 378

ІНШАМОЎНЫЯ НАМІНАЦЫІ РАСЛІН У ПАЭТЫЧНЫМ КАНТЭКСТЕ Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА

Паводле паходжання батанічныя найменні, што зафіксаваны ў паэтычным кантэксце Л. Дранько-Майсюка, даволі разнастайныя. Гэта і спрадвечна беларускія адзінкі з старажытнай мовы-крыніцы (*асака, бяроза, сасна* і пад.), і матываваныя ўласнабеларускія словы (*коўрыкі, шыпына* і інш.), і запазычаныя са славянскіх і неславянскіх моў.

Запазычванне слоў – «няспынны працэс, уласцівы мове на працягу ўсёй гісторыі яе існавання і абумоўлены эканамічнымі, палітычнымі, гандлёвымі і культурнымі і іншымі зносінамі паміж краінамі» [1, с. 212]. У складзе запазычанай батанічнай наменклатуры, што зафіксавана ў паэтычным кантэксце Л. Дранько-Майсюка, выяўляюцца іншамоўныя намінацыі, запазычаныя з розных моў. Сярод асноўных шляхоў запазычвання аналізуемай батанічнай лексікі можна выдзеліць наступныя:

а) запазычаныя з **лацінскай** мовы (прамыя ці праз пасрэдніцтва іншых моў): *аліва* (лац. *oliva* [2, т. 1, с. 61]), *вербена* (н.-лац. *verbena* ‘свяшчэнная галінка’ [2, т. 1, с. 282]), *гранат* (польск. *granat*, ад лац. *granatus* ‘зярністы’ [2, т. 1, с. 399]), *календула* (лац. *calendula* [2, т. 1, с. 565]), *лілея* (ст.-бел. *лилея, лилия* (XVI ст.) запазычаны са ст.-польск. *lilija, lelija*, якія паходзяць з с.-в.-ням. *lilje* < лац. *lilia* [3, т. 5, с. 309–310]), *мальва* (лац. *malva* [2, т. 2, с. 17]), *настурка* (лац. *nasturtium* [2, т. 2, с. 110]), *ружа* (ст.-польск. *roza, ruza* < ст.-чэш. *ruože* ці с.-в.-ням. *rōze* < лац. *rōsa* [3, т. 11, с. 167–168]), *рамонак* (з лац. *Anthemis romana* [3, т. 11, с. 92]), *сальвія* (лац. *Salvia* ‘якая лечыць’ [2, т. 2, с. 648]), *эшольцыя* (н.-лац. *eschscholzia* [2, т. 2, с. 731]);

б) запазычаныя з **грэчаскай** мовы (прамыя ці праз пасрэдніцтва іншых моў): *аер* – тур. *agir* < грэч. *άκωροσ* [3, т. 1, с. 95]; *астра* (рус. *астра* < з лац. *astra* < грэч. *ἀστήρ* ‘зорка’ [3, т. 1, с. 182–183]), *бальзамін* (н.-лац. *balsamina*, ад гр. *balsamine* [2, т. 1, с. 201]), *васілёк* (старое (ст.-рус.) запазычанне з грэч. *βασιλικόν* [3, т. 2, с. 72]), *гіяцынт* (ст.-бел. *гияцынтъ, гиацинтъ* запазычана праз польск. *hiacynt* з лац. *Hyacinthus* (а гэта з грэч. *hyakinthos* [3, т. 3, с. 89]), *ляўконія* (гр. *leukos* ‘белы’ + *ion* ‘фіялка’ [2, т. 1, с. 735]), *флэксы* (н.-лац. *phlox*, ад гр. *phlok* ‘полымя’ [2, т. 2, с. 577]), *хрызантэма* (н.-лац. *chrysanthemum* < гр. *chrysanthemon*, ад *chrysos* ‘золата’ + *antheon* ‘кветка’ [2, т. 2, с. 621]);

в) запазычаныя з **нямецкай** мовы (праз пасрэдніцтва іншых моў): *вінаград* (праз ц.-слав. мову <гоц. *weingards*, ст.-в.-ням. *wîngart(o)*, с.-в.-ням. *wîngart(e)*, ніж.-в.-ням. *Wingert* ‘вінаграднік’ [3, т. 2, с. 145]), *вяргіня* (з ням. *Georgine* [3, т. 2, с. 304]), *незабудка* (ад *не забудзься*, калька з ням. мовы *Vergissmeinnicht* (з XV ст.), польск. *niezapominajka* і інш. [3, т. 7, с. 309]), *цынія* (н.-лац. *zinnia*, ад ням. *Zinn* ‘прозвішча ням. батаніка XVIII ст.’ [2, т. 2, с. 628]);

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 266
из 378

г) запазычанні з **індзійскай** мовы (праз пасрэдніцтва іншых моў): **лімон** (з рускай мовы [3, т. 5, с. 311], якое з грэч. *λίμονι* ці непасрэдна з іт. *Limone*, крыніцай якога з'яўляецца араб.-перс. *līmīn*, што паходзіць з Індыі [4, т. 2, с. 497]; **петунія** (фр. *petunia*, ад індз. *Petuma* [2, т. 1, с. 200]).

д) запазычанні з **польскай** мовы (прамое запазычванне): **меліса** (польск. *melisa, malisa* [3, т. 7, с. 11]);

е) запазычанні з **французскай** мовы (праз пасрэдніцтва іншых моў): **магнолія** (н.-лац. *magnolia*, ад прозвішча французскага батаніка XVII ст. *Magnol* [2, т. 2, с. 7]);

ж) запазычанні з **італьянскай** мовы (прамое запазычванне): **лаванда** (іт. *lavanda* [2, т. 1, с. 695]).

Няпэўны статус адносна паходжання мае намінацыя **груша**, якую лічаць то старым запазычаннем, то вызначаюць славянскую крыніцу яе паходжання (ад дзеяслова **grusiti, *krusiti* 'драбіць, крышыць') [3, т. 3, с. 108].

Такім чынам, паводле паходжання батанічных найменні, што зафіксаваны ў паэтычным кантэксце Л. Дранько-Майсюка, даволі разнастайныя. Намі адзначаны 29 запазычаных батанічных номенаў, што актыўна выкарыстоўваюцца Л. Дранько-Майсюком у паэтычных творах. Пераважаюць запазычанні з лацінскай і грэчаскай моў, што абумоўлена спецыфікай навуковай батанічнай наменклатуры, у якой перавага аддаецца падобным лексемам, так як у навуковай сферы сёння назіраецца імкненне да высокай ступені інтэрнацыяналізацыі тэрмінаў і номенаў, што можа быць забяспечана функцыянаваннем менавіта лацінізмаў і грэцызмаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Сямешка, Л. І. Курс беларускай мовы : падручнік / Л. І. Сямешка, І. Р. Шкраба, З. І. Бадзевіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1996. – 654 с.
2. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў : у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск : БелЭн, 1999. – 2 т.
3. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. – Мінск : Навука і тэхніка, Беларус. навука, 1978–2017.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2004. – Т. 2. – 670 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 267
из 378

Т. А. КЛИМОВІЧ (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

НАЗВЫ ДЗІКІХ І КУЛЬТУРНЫХ КУСТАРНІКАЎ У КАНТЭКСТЕ РАМАНА В. АДАМЧЫКА «ЧУЖАЯ БАЦЬКАЎШЧЫНА»

Куст, або кустарнік, або хмызняк, – жыццёвая форма дрэвавых раслін, якія ў адрозненне ад дрэва разгаліноўваюцца каля паверхні глебы [1]. У рамане «Чужая бацькаўшчына» Вячаслаў Адамчык для стварэння яркіх і дакладных малюнкаў прыроды, для апісання рэчаіснасці, у якой жывуць яго героі, паслядоўна звяртаецца да лексем гэтай тэматычнай групы. Аўтар уводзіць у свой твор назвы традыцыйных ягадных (*агрэст*), лекавых (*каліна*), лясных (*вербалоз*) і дэкаратыўных (*бэз*) кустоў. Прыкладзём прыклады яркіх кантэкстаў з рамана, дзе функцыянуюць дадзеныя намінацыі.

Агрэст ‘кустовая садовая расліна з гладкімі або апушанымі ягадамі ад белага да чорнага колеру і з калючкамі на галінках’. У тэксце рамана В. Адамчык адзначае ўжывае поўны навуковы адпаведнік гэтай расліны: *Усё выдавала нежывым: кусты нізкага прысаддзя, агрэсту, дзе рэдкага каля плота палыну – усё, здаецца, вырасла з лёду, як кветкі на шыбах [2, с. 155]* (далей усе прыклады даюцца па гэтым выданні з указаннем старонкі ў круглых дужках).

Бружмель ‘кустовая расліна сямейства бружмелевых з папарна размешчанымі лісцямі і рознакаляровымі духмянымі кветкамі’. Найменне адзначаецца адзначае ў форме адзіночнага ліку: *А колькі перадумалася тут, на гэтай выгінастай, ссыпанай дробнымі каменьчыкамі сцежцы, калі ён, Міця, быў у апошнім класе Дварчанскай школы, усё пра яе, пра Чэсю, пра той плечены дзікім бурачковым вінаградом дамок, што стаяў за роўнёнькім пафарбаваным у ясна-нябескі колер плотам, на Школьнай вуліцы, дзе яна жыла, дзе ў бруднай лужыне заўсёды тапталіся, працэджваючы вадку пляскатымі дзюбамі, крыклівыя гусі, дзе заўсёды пад восень на ліловым бружмелі наліваліся белыя сакаўныя ягады (с. 301).*

Бэз ‘дэкаратыўная кустовая расліна з блакітна-ліловымі або белымі пахучымі кветкамі, якія ўтвараюць вялікія суквецці’. Аўтар выкарыстоўвае дадзеную лексему ў форме адзіночнага ліку: *Згледзіўшы яго, вераб’і купаю падняліся на палувенку і адтуль ужо, рассыпаючыся, падалі на зялёна-ліловы, прыхоплены першымі замаразкамі бэз (с. 10); ...Познімі вечарамі ў зацішку пад цёмным навіслым бэзам любіліся хлопцы з дзяўчатамі (с. 63); Чапляючы плячом за пруткі бэз і атрасаючы з яго белыя камякі, выходзілі на вуліцу, кіруючы кожны ў свой канец (с. 273); Падкапаны ад вуліцы і вымураваны грудок заглушыў стары абымішэлы бэз (с. 278); Мужчыны, стоячы каля вялікіх, белаватых упоцёмку Ваўчковых каменяў, што падпіралі нахілены шырокім кустом бэзу плот, азіраліся і дабіралі ўжо, на які сесці (с. 340).*

Вербалоз ‘куст ці дрэва з роду вярбовых з цёмна-шэрай патрэсканай бліскучай карой’. У творы В. Адамчык ужывае дадзеную лексему ў форме адзіночнага і множнага ліку: *Недзе з глыбіні лесу, з шара-зялёных голых вербалозаў, у вочы яснымі чырвонымі ягадамі зырка свяцілася каліна (с. 75); Ён глядзеў, як яна, недаляцеўшы да*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 268
из 378

шарых кустоў **вербалозу**, спускалася за жытам на рудаватым лужку (с. 78); У лагчынцы пры лужку, што зазелянеў нізкаю дзяцелінкаю і жаўтлявым па леташняй траве мохам, дзе ўжо серабрыўся пацеркамі каткоў шары **вербалоз** – у ім цёплым гудам звінелі пчолы, – бегала, наставіўшы чубок, кнігаўка (с. 289).

Дзікі вінаград ‘дзявочы вінаград, дрэвавыя лістападныя, шматгадовыя зялёныя ліяны. Лісце зубчастае, цёмна-зялёнае, на доўгіх чаранках, увосень набывае пурпуровы колер’. У навуковай літаратуры выкарыстоўваюцца дзве назвы: дзявочы і дзікі вінаград. В. Адамчык аддае перавагу другой назве, больш матываванай і пазнавальнай для любога вясковага жыхара: *Убачыўся той абвіты, як чырвоным агнём, **дзікім вінаградом**, ашалёваны жоўты дамок на касцельнай вуліцы* (с. 242); *Між акон у прасцёнках віўся **дзікі**, яшчэ не ачунялы **вінаград*** (с. 306); *Нечым шчымлівым і мілым да слёз дыхнула ад косых дашчаных сходаў, ад гэтага ясна-жоўтага дамка, абвітага **дзікім вінаградом*** (с. 306).

Каліна ‘кустовая расліна з белымі кветкамі і чырвонымі горкімі ягадамі-касцянкамі, сабранымі ў гронку’. У творы назва выкарыстоўваецца адзінкава ў форме адзіночнага ліку: *Недзе з глыбіні лесу, з шара-зялёных голых вербалозаў, у вочы яснымі чырвонымі ягадамі зырка свяцілася **каліна*** (с. 75).

Лаза ‘кустовы від вярбы’. У творы В. Адамчыка дадзеная батанічная адзінка ўжываецца ў адзіночным ліку: *Хрысця ўбачыла, што каля абынелых купкаў **лазы**, каля бародаў жаўтлявага тросніку з перапуду гойсаў, не ведаючы, куды дзецца, велікаваты ўпоцемку заяц* (с. 236); *Ёй рабілася шкода тых старых чорных алешын, тае крынічкі, што сачылася з-пад грудка, і Таквіля не помніць, калі яна ўжо звязалася – там пайшла расці маладая **лаза*** (с. 321); *Парадзіха ціха паварушвала вялікую, плеценую з **лазы** калыску* (с. 356).

Язмін ‘дэкаратыўны куст сямейства каменяломнікавых з белымі пахучымі кветкамі, сабранымі ў невялікія гронкі’. Намінацыя выкарыстоўваецца ў форме адзіночнага ліку: *Блізіліся Дварчаны, і нешта трывожна-радаснае ахапіла Міцю, што ён зноў убачыць той дом з сінімі аканіцамі, дзе кватаравалі Доўнары, той мігатлівы плот, цёмны куст **язміну** пры веснічках, за якім неяк скоранька, вярнуўшыся са школы, хавалася Чэся, трымаючы ў руцэ скураны партфель з бліскучым замочкам* (с. 301); *На плот навальваўся высокі, што не аджыў яшчэ, разложысты куст **язміну*** (с. 307).

Ядловец ‘вечназялёны куст, радзей дрэва з ягадападобнымі чорна-сінімі пладамі’. У аналізаваным рамане для наймення дадзенай расліны аўтар выкарыстоўвае словаўтваральны варыянт **ялавец** (у адзіночным ліку): *Тут, недалёка за лезнявіцкім жытам, у глыбокіх, пазарастаных старым **ялаўцом** равах, каля пясчаных выдмаў, дзе былі конскія магілкі, вяліся ваўкі* (с. 47); – *Не бойся, гэта **ялавец**, – азваўся нехта з начлежнікаў* (с. 51); *Чалавек лёгка, як спуджаны заяц, падхапіўся і, кідаючыся ўбок, пабег даганяць таго, што схаванася каля нізкага маладога **ялаўцу*** (с. 56); *На старых разорах зялёнымі і круглымі, як купалы на царкве, кустамі вылез **ялавец*** (с. 100); *З нейкага надворка быў чуваць востры стук сякеры – нехта ўжо даставаў з-пад белае коўдры снегу назапашаны на зіму і скіданы ў горбу **ялавец*** (с. 143); – *А ты што, не бачыш? Вочы **ялаўцом** зараслі?* (с. 175); **Ялавец** як быў калючы, так і будзе, з яго во бярэзіна не вырасце, на якую зямлю не перасаджвай, што ні рабі (с. 244); *На каляіны ўпарта лезлі знявечаныя і абшморганыя коламі пруткія лапы **ялаўцу*** (с. 294).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 269
из 378

В. Адамчык добра ведаў раслінны свет і яго многіх прадстаўнікоў, дакладна змог намаляваць іх словам і праз яркія эпітэты і метафары ўказаць на знешнія відавыя асаблівасці раслін (*калючы ялавец, разложысты куст язміну, дзікі бурачковы вінаград і іншыя*), апісаць, як цвітуць расліны («*зялёна-ліловы бэз*», «*серабрыўся пацеркамі каткоў шары вербалоз*») ці калі з’яўляюцца на іх плады і якія яны («*пад восень на ліловым бружмелі наліваліся белыя сакаўныя ягады*», «*яснымі чырвонымі ягадамі зырка свяцілася каліна*») і пад.

Такім чынам, у рамане В. Адамчыка «Чужая бацькаўшчына» з групы намінацый ягадных і дэкаратыўных кустоў сустракаецца 9 батанічных адзінак, найбольш ужывальныя – *ядловец* (11) і *бэз* (8). Расліны шырока распаўсюджаны на тэрыторыі Беларусі і актыўна выкарыстоўваюцца ў народнай медыцыне і азеляненні, таму невыпадкова аўтар уводзіць дадзеныя лексемы ў твор для апісання прыроды беларускага краю, маленькай радзімы герояў рамана.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Куст [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://be.wikipedia.org>. – Дата доступу: 24.02.2019.
2. Адамчык, В. Чужая Бацькаўшчына : раман / В. Адамчык. – Мінск : Маст. літ, 2009. – 366 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 270
из 378

Т. А. КОЗЛОВА (г. Минск, МГЛУ)

Научный руководитель – А. А. Романовская, доктор филологических наук, профессор

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА, В БЕЛОРУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Толковые словари являются объективным источником информации о лексическом значении слова. Требование оптимальности, выдвигаемое при их составлении, предполагает включение в дефиницию таких компонентов, которые являются необходимыми и достаточными для отграничения одного значения от другого. На данном основании выделяются актуальные, то есть эксплицированные в структуре слова, и потенциальные семы – то есть те семы, которые словесно не выражены, но сопровождают лексему в нашем языковом сознании и способны в случае необходимости актуализироваться [1, с. 60–61]. В то же время противопоставляются семы, обусловленные экстралингвистически, и семы, обусловленные лингвистически. Выявление последних возможно на основании сочетаемости (скрытые семы) [2, с. 61]. Таким образом, исследование функциональных возможностей лексемы в художественном тексте позволяет выявить скрытые потенциальные семы.

Материалом для выявления скрытых потенциальных сем выступили лексические единицы, называющие моральные качества в повестях и рассказах Ивана Науменко [3]. Методом сплошной выборки было выявлено 56 словоупотреблений. Анализ сочетаемости выявленных лексических единиц позволил установить следующие семы, не представленные в дефинициях в лексикографических источниках [4; 5]. Прежде всего следует отметить экспликацию семы «положительная оценка»: *выхваляцца смеласцю, наважаць за праўдзівасць, цаніць за дабрачыннасць*. При этом неодобрение отрицательных качеств – «отрицательная оценка» – проявляется в словосочетании *пакараць за скупасць*.

Сема «степень проявления качества» имеет два варианта реализации – высокую степень проявления качества, актуализируемую в словосочетаниях *распіраў гонар, незвычайная шчодрасць, нечуваная лютасць, лішняя самаўпэўнасць*, и низкую степень проявления качества, актуализируемую в словосочетании *нязлосная насмешлівасць*. Выявленная сема позволяет говорить о том, что моральные качества можно ранжировать не только в рамках бинарной оппозиции «положительное – отрицательное»: градуирование моральных качеств возможно и в рамках одного полюса, на что также указывает словосочетание *межы прыстойнасці*.

На основании анализа синтагматических связей выявляется сема «возможность/невозможность сознательного регулирования» проявления морального качества. Указанная сема актуализируется в следующих словосочетаниях: *карыстацца мяккасцю, крывіць сумненнем, нападае абьякавасць, апаноўвае абьякавасць*. Более того, можно говорить о наделении моральных качеств признаками одушевлённых предметов. Так, словосочетание *абражаны гонар* наделяет моральное качество возможностью испытывать чувства и реагировать на них, *сумленне не дазваляе* – выполнять регулируемую, контролируемую функцию.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 271
из 378](#)

О качествах человека, как и состоянии последнего, можно судить по внешнему выражению в лице, глазах, голосе, по внешнему виду, по его речи, действиях и поступках [1, с. 63]. Именно на основании описания внешности делаются следующие выводы об одном из героев произведения: *О, я навывлёт бачу гэтых тыпаў! Сумлення ў іх няма, але яны артысты, у іх добра прывешаны язык, і яны могуць абваражыць каго хочаш* (И. Науменко. Развітанне ў Кавальцах). Данная мысль находит своё подтверждение в актуализации семы «открытое проявление качества» в следующих сочетаниях: *выраз мужнасці на твары, незахаваная варожасць, яўная прыхільнасць, дэманстраваць прыхільнасць*.

Моральные качества не являются врожденными, а приобретаются в процессе становления человека как личности, то есть при взаимодействии в обществе. Указанный факт проявляется в актуализации семы «необходимость прилагать усилия» в словосочетаниях *заваёўваць прыхільнасць, заслужыць вернасць, прасіць літасць, набрацца ваяўнічасці*.

Наряду с семами, актуализированными в нескольких словосочетаниях, выявлены семы, актуализированные в единичных случаях. Так, словосочетание *нязменная адданасць* позволяет выделить сему «темпоральность».

Отдельного внимания заслуживают случаи, в которых наименование морального качества выступает в качестве одного из однородных членов предложения. Соположение в тексте единиц одной лексико-семантической группы делает яркими те семы, которые в другом случае могут нейтрализоваться. Так, следующий пример позволяет сопоставить лексемы *сумленне* и *чэсць* и наряду с общей сущностной частью лексикографического описания «высветить» сему «девственность» у последней: *Другая б ад сораму згарэла, а гэтая ў хату прывяла. Ні сумлення, ні чэсці...* (И. Науменко. Иван ды Мар'я). Функционирование лексем *адвага* и *смеласць* в тексте делает ярким семантический компонент «решительность» у лексемы *адвага*: *Песня спадабалася Яшу. Пад яе было лёгка ісці, і яна прыдавала адвагі і смеласці*. (И. Науменко. Вайна каля Цітавай копанкі).

Ещё одной особенностью исследуемых языковых единиц в белорусских художественных текстах является их сочетаемость с лексемой *спрыт* («2. Фізічная лоўкасць, паваротлівасць; хуткасць у рухах»): *Яго [Тарабана] бясстрашша, сілу і спрыт ведалі ўсе; Адкуль раптам у іх [хлопцаў Першамайкі] з'явіліся такі спрыт і адвага?* (И. Науменко. Вайна каля Цітавай копанкі). Выявленная сочетаемость позволяет утверждать, что моральные качества не связаны с физическими данными человека. При этом следует отметить отсутствие лексемы *бясстрашша* в толковых словарях.

Согласно лексикографическому описанию лексемы *адданасць*, она может быть представлена с помощью семантических компонентов «любовь» и «верность», однако экспликация в тексте первой семы позволяет говорить о её нейтрализации в единице *адданасць* и сближении последней с лексемой *верность*: *Маладосць нарэшце ацаніла вялікую, нязменную любоў і адданасць Апалінарыя Феактыставіча латыні – прадмету, які даўно можна было забыць...* (И. Науменко. Настаўнік чарчэння).

Таким образом, на основании анализа словосочетаний с лексическими единицами-названиями моральных качеств эксплицируются скрытые потенциальные семы в содержании лексических единиц, функционирующих в белорусскоязычном художественном тексте: «оценка», «степень проявления качества», «возможность/

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 272
из 378

невозможность сознательного регулирования», «открытое проявление качества», «необходимость прилагать усилия», «темпоральность». Кроме того, функционирующие в художественном тексте лексемы способны усилить или нейтрализовать дифференциальную сему, а значит, изменить фокус лексического значения слова.

Список использованной литературы

1. Шрамм, А. Н. Структурные типы лексических значений слова (на материале качественных прилагательных) / А. Н. Шрамм // Филологич. науки. – 1981. – № 2. – С. 58–64.
2. Арнольд, И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте / И. В. Арнольд // Иностр. яз. в школе. – 1979. – № 5. – С. 10–14.
3. Навуменка, І. Інтэрнат на Нямізе : выбр. тв. / І. Навуменка. – Мінск : Попурри, 2016. – 350 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал. : М. Р. Суднік [і інш.]. – Мінск : Беларус. савец. энцыкл. імя П. Броўкі, 1977–1984. – 5 т.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65000 слоў / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2016. – 968 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 273
из 378](#)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Среди всех языковых средств, задействованных в рекламных текстах, наибольшей силой воздействия обладают лексические, а среди них – эпитеты, которые усиливают выразительность рекламного образа, конкретизируют его за счёт выделения тех свойств и признаков, на которые создатель рекламы хочет обратить внимание адресата. Эпитеты используются в рекламных текстах широкой тематики и для самой разной целевой аудиторий. Например, в рекламе кофе: *Nescafe Gold Barista – молотый кофе в растворимом. Всё как в кофейне: бархатистый вкус и глубокий аромат зёрен*; в рекламе шампуня: *Schauma кристальный блеск с жидкими микрокристаллами проникает в волосы, придавая им зеркальное сияние и ослепительный блеск до 24 часов*; в рекламе шоколада: *Мы взяли отборные какао бобы и наш традиционный рецепт, вложили всю душу и создали благородный шоколад «Российский». Поэтому он обладает таким насыщенным и многогранным вкусом*. Выбор эпитетов обусловлен стратегией рекламного сообщения. При этом важно помнить, что от взвешенного выбора языковых средств, в том числе и эпитетов, зависит эффективность рекламного текста. Так, например, в одной рекламе известной марки растворимого кофе использовались эпитеты *эффективный, экономный, быстрый*. Казалось бы, обозначенные эпитеты служат аргументом в пользу совершения покупки. Однако у потребителя они вызвали ассоциации с ленивой хозяйкой, не желающей готовить кофе, в результате чего реклама кофе возымела обратный эффект: рекламируемый продукт плохо продавался. Когда же в рекламе стали подчёркивать свойства растворимого кофе как *изысканного* продукта, отношение к нему изменилось в лучшую сторону – продукт стали покупать охотнее [1].

Использование в рекламных текстах слов с оценочным значением делает рекламу не только более выразительной в эмоциональном плане, но и позволяет очень тонко и скрыто «навязать» определённое мнение о рекламируемом товаре, с одной стороны, и помочь с выбором товара или услуги, с другой стороны. Выбор оценочной лексики, как и эпитетов, является обусловленным. Например, в рекламе лекарственного средства «АнтиГриппин» оценочную функцию выполняют слова *надёжное средство, эффективное и безопасное средство для всей семьи*; в рекламе трав и специй Kamis – *исключительные, потому что каждое зёрнышко и каждый листик – подаренные самой природой*; в рекламе пылесоса LG CordZero – *лучшие технологии LG* (реклама). Вместе с тем текст, перегруженный эмоционально-оценочной лексикой вызовет, скорее, недоверие к такому продукту.

Определённую выразительность рекламным текстам придаёт использование контекстных антонимов (например, *во время стресса я себя не узнаю: то стану тревожной барышней, то зомби после бессонной ночи. Симптомов стресса много, Ново-пассит такой один*), а также слов в переносном значении (*жил-был Тёма. И любил он вкусно покушать. И мама угостила его любимым фруктовым творожком. Ням-ням. Коровка дала*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 274
из 378

молочко. *Лошадка сделала творожок. А зайчик потёр сочную грушу. Это всё тебе, Тёма! Такой вкусный и нежный фруктовый творожок*).

Особую экспрессивность рекламным текстам придаёт лексика, свойственная научному стилю. Одним из примеров широкого её применения являются тексты медицинского дискурса. В них используются как медицинские термины, понятные широкому кругу адресатов, так и узкоспециальные. К первым можно отнести: *симптомы, лечение, простуда, грипп, противовирусное средство, респираторные вирусные инфекции* («Анаферон детский»), *панкреатин, пищеварение, ферменты, поджелудочная железа* («Креон»), *тревога, напряжение, раздражительность, стресс* («Афобазол») и т. д. Выполняя номинативную функцию, они указывают на характер рекламируемого товара в целом (лекарственное средство) и на его принадлежность к определённой фармакологической группе. Использование такой лексики позволяет привлечь внимание целевой аудитории. При этом важно помнить, что не все термины могут быть «одинаково полезны». Например, *лактобацилло, ацидофилус* в рекламе «Линекс форте», *антацидный* препарат в рекламе «Фосфалюгель»; *поликлональные антитела* в рекламе «Бронхо-МУНАЛ» понятны специалистам, т. е. узкому кругу лиц. Поэтому использование узкоспециальных терминов в рекламных текстах, предназначенных для широкой аудитории, может сказаться не лучшим образом на её эффективности.

Кроме терминологической лексики, особенностью медицинских дискурсов является широкое использование метафор. Приведём некоторые примеры: *Современное средство, чтобы остановить простуду и грипп. Только Амиксин активирует четыре вида интерферона и создаёт мощный ответ вирусной атаке; Тогда мне на помощь приходит Афобазол; Лечение простуды и гриппа запаздывает? На помощь приходит Кагоцел.* Благодаря метафорам у адресата «невольнo возникает ощущение необходимости и неизбежности борьбы за собственное здоровье с невидимым врагом» [2], что, безусловно, мотивирует к активным действиям (купить товар), а значит, способствует достижению цели рекламы.

В последнее время наблюдается использование в рекламных текстах неологизмов, образуемых с помощью словообразовательных морфем (суффиксов и постфиксов) от названий рекламируемых товаров. В одних случаях, они помогают выделить необходимые свойства рекламируемого продукта, в других – привлечь внимание, и в обоих случаях придают рекламным текстам повышенную экспрессивность и дополнительную эмоциональную окраску. Например, *новые лёгкие мини-крекеры искусительно хрустные* (реклама «ХрусTeam»); *вкуснота-то какая, хрустнота* (реклама сухариков «ХрусTeam»); *холлнись – взбодриись* (реклама леденцов Halls); *не тормозни, сникерсни* (реклама шоколадных батончиков «Snickers»). Появление неологизмов, подобных этим, характерно для рекламных текстов, рассчитанных на молодёжь, и обусловлено особенностями общения современной молодёжи. Как верно замечено в статье А. В. Страховой «Неологизмы в российской и французской рекламе и их социальная направленность», активное словообразование, в том числе незуальное, часто используется в слоганах, ориентированных на молодых потребителей, так как молодёжь более креативна, в большей степени подвержена новшествам и чаще переносит рекламный язык в повседневную речь [3].

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 275
из 378](#)

Таким образом, лексические средства языка позволяют сделать рекламный текст более выразительным, придать ему экспрессивный оттенок. Наиболее частотным, по нашим оценкам, является использование эпитетов, эмоционально-оценочной лексики, метафор, терминологической лексики (в медицинских дискурсах), которые при умелом включении в рекламный текст помогают вызвать у целевой аудитории рекламы нужную рекламодателю реакцию, т. е. достичь прагматической цели рекламы.

Список использованной литературы

1. Жулидов, С. Б. Лингвистические аспекты рекламных текстов (на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс] / С. Б. Жулидов // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. – 2013. – № 10 (30). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-aspekty-reklamnyh-tekstov-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov>. – Дата доступа: 31.01.2019.

2. Шилихина, К. М. Использование метафоры в телевизионной рекламе [Электронный ресурс] / К. М. Шилихина // Язык коммуникации и социальная среда. – Воронеж : ВГУ, 2004. – Вып. 3. – С. 97–104. – Режим доступа: <https://lse2010.narod.ru/index/0-230>. – Дата доступа: 07.04.2019.

3. Страхова, А. В. Неологизмы в российской и французской рекламе и их социальная направленность [Электронный ресурс] / А. В. Страхова // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/%20neologizmy-v-rossiyskoy-i-frantsuzskoy-reklame-i-ih-sotsialnaya-napravlennost>. – Дата доступа: 30.03.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 276
из 378

Д. С. КОТ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Т. М. Лянецвич, кандидат филологических наук, доцент

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

Неотъемлемой специфической чертой любого художественного произведения является образность – основная черта художественной литературы, направленная на создание художественных образов посредством определенных языковых средств и приемов: «Язык художественной литературы насыщен совершенно особыми фонетическими, лексическими и синтаксическими средствами и приемами, которые придают ему особый, неповторимый характер и делают его наиболее ярким, выразительным, образным, запоминающимся. Это так называемые изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи» [1, с. 17].

К изобразительно-выразительным средствам языка и стилистическим фигурам речи относятся: 1) звуковая (фонетическая) организация речи: аллитерация, ассонанс, консонанс, различные повторы; 2) лексические средства: тропы (слова с переносным значением); 3) лексические средства: архаизмы, неологизмы, окказионализмы, диалектизмы, варваризмы, экзотизмы и др.; 4) синтаксические средства: стилистические фигуры речи; 5) строфика, ритм, размер стиха [1, с. 52].

В данной работе проанализируем такие доминантные изобразительно-выразительные лексические средства, как тропы, а также стилистические фигуры в повести «Первая любовь» И. С. Тургенева.

Троп – «средство выразительности, основанное на переносе значения, совмещении смыслов» [2, с. 7]. Общее назначение тропов – рассказать о сложном просто, ярко и образно. Среди тропов выделяют метафору, метонимию, синекдоху, сравнение, эпитет, аллегория, гиперболу, литоту, оксюморон, олицетворение, иронию, символ и др.

Фигуры речи – «средства выразительности или приемы выразительности, основанные на соположении определенных единиц текста» [2, с. 8]. Стилистические фигуры отличаются от тропов тем, что представляют собой различные синтаксические конструкции. Известны такие стилистические фигуры, как антитеза, оксюморон, зевгма, градация, повтор, эпифора, анафора инверсия, парцелляция, эллипсис, анадиплосис, полисиндетон, риторический вопрос, риторическое обращение, риторическое восклицание, умолчание и т. д.

Повесть «Первая любовь» была написана в январе-марте 1860 года в Санкт-Петербурге. В основе сюжета художественного произведения лежит реальная история самого Ивана Сергеевича Тургенева. Это так называемый любовный треугольник между отцом писателя, княжной Екатериной Шаховской и самим Тургеневым. Как выразился в повести сам автор: «Описано действительное происшествие без малейшей прикраски, <...> я изобразил своего отца. Меня многие за это осуждали, а в особенности осуждали за то, что я этого никогда не скрывал. Но я полагаю, что дурного в этом ничего нет. Скрывать мне нечего» [3]. Эту повесть сам писатель считал в художественном отношении своим лучшим произведением.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 277
из 378](#)

Среди доминантных изобразительно-выразительных лексических средств, используемых И. С. Тургеневым в повести «Первая любовь», можно отметить следующие: 1) **эпитет** – «образное определение предмета или действия» [4, с. 138]: *Я увидел огромные серые глаза на подвижном, оживлённом лице; Быстрые, лёгкие, но осторожные шаги; над моей головой в потемневшей листве хлопотливо ворошилась маленькая птичка; обливал мягким светом её пушистые золотистые волосы, её невинную шею, покатые плечи и нежную, спокойную грудь; долгий прощальный поцелуй; лёгкий звук моих шагов; всё ещё недоверчивые вороны изредка каркали, сидя высоко, высоко на обнажённой макушке берёзы;* 2) **метафора** – «перенос названия с одного предмета на другой на основании их сходства» [4, с. 134]: *Часы пробили половину первого; у меня сердце покапало; мягко светились её глаза; кровь бродила во мне; Иногда глаз её наливались кровью; Каждое её слово так и врезалось мне в сердце; солнечный луч, пробиваясь сквозь эту стору, обливал мягким светом;* 3) **олицетворение** – «перенесение свойств человека на неодушевлённые предметы и отвлечённые понятия» [5, с. 383]: *Серебристый звук её голоса пробежал по мне; горячо дышали раскрытые губы; ворчал гром сердито и глухо; губы её всё так же загадочно улыбались, глаза глядели на меня; лицо вдруг задрожало, засмеялось;* 4) **сравнение** – «это сопоставление двух явлений с тем, чтобы пояснить одно из них при помощи другого» [5, с. 379]: *Мне было хорошо, как рыбе в воде; Я просто опьянел, как от вина; А Зинаида всё играла со мною, как кошка с мышью; рифмы чередовались и звенели, как бубенчики;* 5) **перифраза** – «описательный оборот, употребляемый вместо какого-либо слова или словосочетания» [4, с. 144]: *«мой зверь» – гусар Беловзоров; «благородная дама» – княгиня Засекина; «воробьиная ночь» – время, когда молнии не прекращались ни на мгновение.*

В повести «Первая любовь» И. С. Тургенев использует также следующие стилистические фигуры: 1) **парцелляция** – «стилистическая фигура речи; приём письменного литературного языка: предложение интонационно делится на самостоятельные отрезки, графически выделенные как самостоятельные предложения» [1, с. 173]: *Каждый звук, каждый шорох и шелест казался мне значительным, необычайным... Я готовился... Я наклонился вперёд...; Мне вдруг стало очень грустно... Я силится не плакать... Я ревновал к гусару; ...на голове шевелились волосы... Шаги направлялись прямо на меня – я сгубался, я тянулся им навстречу... Показался человек...;* 2) **парентеза (вставка)** – «вводное словосочетание или предложение» [1, с. 97]: *...отец мой скончался (от удара) в Петербурге...; ...он был готов резвиться и шалить со мной, как мальчик (он любил всякое сильное телесное движение); Я докажу всему свету и ей, изменнице (я так-таки и назвал её изменницей), что я умею мстить;* 3) **полисиндетон (многосоюзиe)** – «фигура речи, состоящая в намеренном повторе союзов» [2, с. 216]: *...Было все: и грусть, и радость, и предчувствие будущего, и желание, и страх жизни; ...тут были и могильные склепы, и ангелы с лирами, и говорящие цветы, и несущиеся издали звуки;* 4) **асиндетон (бессоюзиe)** – «фигура речи, противоположная многосоюзию, заключающаяся в намеренном пропуске сочинительных союзов» [2, с. 211]: *Отец подобрал поводья, отклонился от Зинаиды, она медленно подняла на него глаза...; Он выкрикивал нараспев свои четырёхстопные ямбы, рифмы чередовались и звенели...;* 5) **риторическое восклицание** – «стилистическая фигура речи; восклицательное предложение, интонационно усиливающее эмоциональность высказывания, передающее различные эмоционально-экспрессивные оттенки речи и состояние человека – радость, восторг,

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 278
из 378

изумление, огорчение, трагизм, героизм, героизму и т. д.» [1, с. 195]: *Боже мой!* какой я почувствовал восторг; *О молодость! молодость!* тебе нет ни до чего дела; *И боже мой!* с какой силой разгоралась во мне любовь.

Итак, под образными возможностями языка подразумевается звуковая организация речи, экспрессивно-стилистическая окраска речи, а также выразительно-изобразительные средства. Усиление выразительности речи достигается в первую очередь использованием тропов и стилистических фигур. И. С. Тургенев использует выразительно-изобразительные средства, играя значениями и сочетаниями слов, показывает своё восприятие мира, создаёт яркие и зримые образы, настроение и атмосферу произведения в целом.

Список использованных источников

1. Рыжкова-Гришина, Л. В. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи : словарь / Л. В. Рыжкова-Гришина, Е. Н. Гришина. – М. : Флинта, 2015. – 337 с.
2. Приходько, В. К. Выразительные средства языка : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. К. Приходько. – М. : Академия, 2008. – 256 с.
3. Первая любовь (повесть) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/ Первая_любовь_\(повесть\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Первая_любовь_(повесть)). – Дата доступа: 25.04.2019.
4. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка : учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Рольф, 2001. – 448 с.
5. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка : учеб. для вузов по специальности «Журналистика». – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 399 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 279
из 378

Ю. А. КУШНИКОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)
Научный руководитель – Г. В. Писарук, кандидат педагогических наук, доцент

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «СКАЗКИ О РЫБКЕ И РЫБАКЕ» МОНАХИНИ ЕВФИМИИ (АКСАМЕНТОВОЙ)

Автор «Сказки о рыбке и рыбаке» – монахиня Евфимия (Аксаментова). Она родилась в 1968 г. в Иркутске в семье педагогов. С 1989 г. является инокиней Свято-Успенского Пюхтицкого монастыря в Эстонии. С 1997 года печатается как поэт.

Текст «Сказки о рыбке и рыбаке» написан в стихотворной форме и состоит из 7 катренов, в которых 12 предложений. Предложения в тексте стихотворения пронумерованы с целью удобства в работе.

Сказка о рыбке и рыбаке

1. Рыбаком был некто, а рыбкою было нечто,
что обитает выше, чем помыслы о корыте,
хате, даже о царстве, славе, не говорю о вечном,
ибо вечное так не дается – «нате!»
2. Рыбка была доступной, но и не дура.
3. Рыбак был порядочен, верен – не попросил гарема.
4. Рыбка – его должник, дальнейшая процедура
явилась всего лишь формулой, доказывающей теорему.
5. Теорема была несложной: просящий - свое получит,
сеющий – соберет, молотящий – наполнит рот,
но, ежели этот дар вскоре тебе наскучит, –
Давший, в конце концов, данное отберет.
6. Это не значит, что надо бросать старуху,
старуха – это свое, кровное, не избыть...
7. Музыку к собственной песне все подбирают по слуху,
только проблема в том, что слуха может не быть.
8. А дальше – проще: бытом душа пробита,
ищет свой выход, не разобрав путей...
9. Но, ежели мысли масштаб не превзошел корыта,
пользы уже не будет ни от каких затей.
10. Так оно и пошло, с пушкинской той подачи:
море, свобода, тишь – жил бы себе да жил...
11. Тянет старик из рыбки, как из мешка, удачу –
с доброго дела начал – глупостью завершил.
12. Чтоб нам с тобой, дружок, не повторять ошибки,
будем себе желать столько, сколько успеть:

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 280
из 378

море – любить, старуху – жалеть, а рыбки
лучше б не знала вовсе наша рыбацья сеть [1].

Содержательно-фактуальная информация текста проявляется в теме – отношения «рыбка – рыбак», «рыбак – старуха», «старуха – рыбка». Содержательно-концептуальная информация выражена в последнем четверостишии (12): *...Будем себе желать столько, сколько успеть: / море – любить, старуху – жалеть...*

Несомненно, монахиня Евфимия писала свой текст по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина (10...с пушкинской той подачи). Из пушкинской сказки мы знаем, что рыбак неоднократно ловил золотую рыбку и просил у нее всё, что велела ему старуха, и рыбка безукоризненно все исполняла. Идею пушкинского текста можно сформулировать так: желания человека растут по мере их исполнения без труда, «по требованию», и перерастают от желаний иметь простейшие материальные блага до желаний нематериального – в данном случае власти, однако этому процессу всегда есть предел. Автор исследуемого текста – монахиня Евфимия – называет эту идею «несложной теоремой»: **5. Теорема была несложной: просящий – свое получит, // сеющий – соберет, молящий – наполнит рот, // но, ежели этот дар вскоре тебе наскучит, – // Давший, в конце концов, данное отберет.**

Интересно, что художественный эпический текст А. С. Пушкина знаком нам всем, и оценочные суждения действиям пушкинских героев читатель выносит сам, а текст монахини Евфимии насквозь оценочен, публицистичен. Она по-своему видит героев известного сюжета и представляет свои собственные суждения, расставляя акценты так, как считает нужным.

Монахиня Евфимия назвала текст «Сказка о рыбке и рыбаке», где рыбка на первом месте. Вероятно, это говорит не только о значимости рыбки с ее возможностями, это ещё и намёк на то, что перед человеком всегда есть нечто божественное, недостижимое : **1...рыбкою было нечто, // что обитает выше, чем помыслы о корыте, // хате, даже о царстве, славе, не говорю о вечном...** Поэтому несомненно, что главным действующим лицом в своём тексте автор видит именно рыбку, случайно последние слова текста посвящены тоже ей: **12. ...рыбки // лучше б не знала вовсе наша рыбацья сеть. Почему?**

Рыбка – исполнитель человеческих желаний. Монахиня подчёркивает важное качество рыбки – доступность (**2. рыбка была доступной**), оценивает рыбку: **2. ...не дура.** Вероятно, монахиня Евфимия допускает мысль, что рыбка, исполняющая желания, хотела подарить рыбаку и старухе некий опыт, преподнести некий урок.

Формально рыбка оказалась в долгу у рыбака: **4. Рыбка – его должник... 1. Рыбаком был некто...** Неопределённое местоимение вместо имени рыбака, возможно, означает, что это обычный простой человек. По закону рыбной ловли рыбак мог съесть пойманную рыбку (в тексте монахини не говорится, в отличие от пушкинского текста, что рыбка была золотая). Но старик этого не сделал, и включилось действие той самой «несложной теоремы».

3. Рыбак был порядочен, верен – не попросил гарема. Эта ёмкая строчка содержит несколько смыслов. Во-первых, своих собственных желаний у рыбака не было. Во-вторых, рыбак был верен старухе. В-третьих, если

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 281
из 378

бы рыбаку не была важна старуха, то он не ходил бы просить рыбку исполнить даже ее первые желания. Но он ходил к морю не раз и не два и просил рыбку исполнить желания жены, видимо, так выражая свою преданность.

А желания у его любимой жены были. Почему любимой? Потому что **7. *Музыку к собственной песне все подбирают по слуху...*** Эта фраза говорит, что мы все особенные, со своими внутренними чертами, и каждый подбирает себе любимого человека, как частичку пазла.

Вероятно, мирно и счастливо были прожиты долгие годы, пока два человека не состарились и не превратились в старика и старуху. И вот наступил час испытаний – и оказалось, что давным-давно при подборе музыки (выборе жены) произошла ошибка: **7. *...проблема в том, что слуха может не быть.*** В молодости не сразу распознаешь человека, говорит тем самым монахиня Евфимия. Мы знаем из пушкинской сказки, что заказы старухи – корыто, изба, хоромы и др. – старик не одобрял, он кручинился, с неохотой брёл к морю звать рыбку, чтобы озвучить очередное желание старухи. Но, говорит монахиня, **6. *...старуха – это свое, кровное, не избыть...*** В словаре В. И. Даля одно из значений слова *избыть* – извести, погубить, сбыть, сжить [2, с. 12]. То есть старик понимает, что старуха – его вторая половинка, и это нельзя изменить.

Итак, **11. *Тянет старик из рыбки, как из мешка, удачу –*** в этой строчке весь динамический сюжет пушкинской сказки. Оценка монахиней действий старика не вызывает сомнений: **11. *...с доброго дела начал – глупостью завершил.*** Начал с доброго дела – с того, что отпустил пойманную рыбку. Глупостью завершил – начал просить не то, что надо: **9. *...ежели мысли масштаб не превзошел корыта, // пользы уже не будет ни от каких затей.***

«Корыто» – это масштаб мысли души, которая «бытом пробита» (**8**). Чья душа пробита бытом? Монахиня Евфимия не говорит об этом. Можно догадаться, что это, скорее всего, душа семьи. **10. *...море, свобода, тишь – жил бы себе да жил...*** Может быть, в этой строке автор хочет нам сказать, что нужно ценить то, что мы имеем сейчас. Любая душа стремится к большему, чем имеет, только в каком направлении эти поиски – вот вопрос. Может быть, лучше и не менять ничего, чем начать изменения «с корыта», говорит тем самым монахиня.

Стремясь к лучшему, путей душа не разбирает, и вот оказалось, что можно удовлетворить желания – и всё потерять. Слово *Давший* (**5**) написано с большой буквы, это имеет особый смысл. Давший – это Тот, Кто всё может дать, потому что Он всё создал и у Него всё есть. И Он не просто перестанет давать, Он отберёт и то, что дал.

Вернёмся к фразе **11**: автор говорит об ошибке старика, а не старухи. Как мы уже сказали, старик и старуха – единое целое, но в русле христианских традиций мужчина ответственен за действия своей жены, он – глава семьи. Почему старик не остановил старуху? С доброго дела начал – поймал и отпустил, не прося ничего взамен. А глупостью завершил – бегал и потакал желаниям старухи, порой даже абсурдным.

Подтекстовая информация, которую можно найти в этом стихотворении, такова: человек несовершенен, слаб, но должен быть готов отвечать за свои действия: и за желания, которые посылает «в небо», и за необдуманное согласие с чьим-то мнением. А рыбку именно как исполнителя наших желаний лучше несовершенному человеку не знать бы вообще.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 282
из 378

Список использованной литературы

1. Мой путь к Богу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://afon-ru.com/Skazka-o-rybake-i-rybke>. – Дата доступа: 05.03.2019.
2. Даль, В. И. Словарь русского языка : в 3 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 2. – 688 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 283
из 378

ВІДМІНКОВА ПАРАДИГМА ІМЕННИКІВ У ЧЕРНІГІВСЬКОМУ ЛІТОПИСІ

Формування відмінкової парадигми іменників української мови, з одного боку, можна вважати завершеним, а з іншого – живе мовлення засвідчує, що в багатьох говірках активними залишаються давні форми того чи того відмінка. Причиною цього є зміни, що відбулися в праслов'янський період: «...Складний процес руйнування типів відмінювання, що ґрунтувалися на детермінативах, і витворення нових типів відмінювання, провідним принципом формування яких ставала граматична категорія роду: відміна іменників з колишніми основами на *-ā-*, *-jā-* стає відміною іменників переважно жіночого роду, відміна іменників із колишніми основами на *-ǫ-*, *-jǫ-*, до яких почали приєднуватися іменники чоловічого роду з колишніх основ на *-ī-* та основ на приголосний, перетворюються на відміну іменників чоловічого й середнього роду; іменники колишньої основи *-ī-* (*-ь-*) утворюють окрему відміну іменників жіночого роду. на приголосний (*ночь, мѣдь*), а іменники з суфіксами *-ent-* та *-(m)en-* утворили окрему відміну іменників середнього роду (*теле, имѣ*)» [1, с. 115]. Логічно припустити, що на XVIII ст. мовна практика мала виробити для всіх відмінків єдині закінчення, не даючи шансів флексійній варіантності. Однак спостерігаємо зовсім інше: писемні тексти різних жанрів демонструють активне вживання давніх відмінкових закінчень, що може додатково свідчити про їх активність в усному мовленні.

Джерелом нашої розвідки слугував Чернігівський літопис. Думки науковців розходяться в даті написання, оскільки відомі кілька списків літопису, до того ж кожен закінчується різним роком. Це свідчить, з одного боку, про популярність літопису, а з іншого – про нього як важливе джерело для написання інших історій-компіляцій. З огляду на значну увагу до церковних справ, можна припустити, що автором літопису була особа релігійного сану. Це могло би пояснити збереження в тексті багатьох давніх закінчень іменників, оскільки церковно-слов'янська писемна традиція (хай і в українській редакції!) залишалася ще сильною. У нашій розвідці на матеріалі Чернігівського літопису простежимо особливості відмінкової парадигми іменників II відміни чоловічого роду в українській мові початку XVIII ст.

У досліджуваній пам'ятці не задекларовано форм двоїни іменників II відміни чоловічого роду.

Називний відмінок однини має нульову флексію або *-o*, що їх успадкувала нова українська мова. Це стосується як назв істот, так і назв неістот: *Жигмунть, кроль* (с. 5), *морь* (с. 11), *Викторь* (с. 14), *митрополить* (с. 14), *Змий* (с. 22), *Петрь* (с. 29), *генераль-фелтмаршаль* и *кавалерь* (с. 30), *мазорь* (с. 33), *государь імператорь* и *самодержець* (с. 34) та ін. Однак звертає на себе увагу той факт, що іменники із флексією *-o* – тільки антропоніми: *Данилко* (с. 13), *Сомко* (с. 14), *Сърко* (с. 14), *Дорошенко* (с. 16), *Гордъенко* (с. 27), *Горленко* (с. 29) та ін. Спорадично фіксуємо іменники чоловічого роду, що мають флексію *-a* і в сучасній українській мові належать до II відміни, набувши нульового закінчення, наприклад: *патріарха* (с. 16, 19, 20, 21, 22), *протопопа* (с. 29).

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 284
из 378

Родовий відмінок однини має закінчення *-а(-я), -у(-ю)*, диференціюючи за семантичним критерієм вибір тієї чи тієї флексії: *-а(-я): костела (с. 6), Уманя (с. 11), Пушкара, полковника (с. 12), Лвова (с. 12), Юрася (с. 12), Чигирина (с. 15), Днепра (с. 15), пророка (с. 16), мѣсяца, генваря, дня (с. 18), зятя (с. 23)* та ін.; *-у(-ю): снѣгу (с. 6), часу (с. 8), обозу (с. 9), посту (с. 16), скарбу (с. 17), року (с. 22), пороху (с. 23), ясыру (с. 28)* та ін.

Давальний відмінок однини має паралельні закінчення: *-ови(-еви)* та *-у(-ю)* незалежно від того, за якою основою відмінювалися іменники в минулому. Флексія *-ови(-еви)* виступає як в назвах істот, так і в назвах неістот: *гетманови (с. 6), солтанови (с. 8), сынови (с. 9), татарини (с. 14), Алексеови (с. 16), цесарови (с. 19), атаманови (с. 26), москалеви (с. 12), королеви (с. 13) і народови (с. 9)*. Зрідка фіксуємо давнє закінчення іменників *ѡ-основи: монастыру (с. 22), цару Петру (с. 25), гетману (с. 28)*.

Знахідний відмінок однини розрізняє категорію істот/неістот, що проявляється в узгодженні закінчень із формою Р. в. чи Н. в.: *цара (с. 5), гайдука (с. 5), Тymoша, сына (с. 15), ректора Теофана Прокоповича (с. 29), але Хотѣнь (с. 7), голодѣ (с. 9), таборѣ (с. 10), Львовѣ (с. 11), городѣ (с. 12), постѣ (с. 18), четвергѣ (с. 19), полонѣ (с. 23)* та ін.

В орудному відмінку однини фіксуємо закінчення *-ом, -ем* залежно від кінцевого приголосного основи, нормативні для сучасної української мови: *Хотѣномѣ, гетманомѣ (с. 6), обозомѣ, промысломѣ, архимандритомѣ, царикомѣ (с. 7), голодомѣ, Шереметомѣ (с. 13), Калушемѣ, кролемѣ (с. 17), царемѣ (с. 18), Палѣемѣ (с. 21), клиросомѣ (с. 21), концемѣ (с. 24)* та ін.

Місцевий відмінок однини засвідчений із флексіями *-ѣ, -у, -ю* тільки в прийменникових конструкціях, що є нормою і для сучасної української мови: *на соборѣ (с. 5), на сеймѣ (с. 6), вѣ Києвѣ (с. 10), на Таишлыку (с. 12), на бою (с. 16), по лѣсу, во Львовѣ (с. 17), по всьому свѣту (с. 20), на стѣверу (с. 22), вѣ монастыру (с. 24), вѣ огню (с. 27), вѣ машкарадѣ (с. 31)* та ін.

Кличний відмінок однини фіксуємо в літописі кілька разів у діалозі між українським гетьманом і польським королем. Тут ужито й форму *Боже* у складі вигуківого фразеологізму: *пане Хмельницький; найяснѣйший пане мой милостивый (с. 9), не дай Боже (с. 9)*.

Відмінювання іменників II відміни чоловічого роду в множині характеризується рядом особливостей. Передусім увагу привертає форма називного відмінку, що означає соціальний стан, посаду та ін., яка засвідчує флексію *-ове*, що є залишком давньої *ѡ-основи: сенаторове (с. 9), сынове (с. 19)*. Іменники із суфіксом *-ин* утрачають його в множині, як і в сучасній мові, але, на відміну від нині чинної норми, мають закінчення *-е: татаре (с. 5, 6, 12), лвовяне (с. 17)*. Такого впливу зазнали й окремі іменники II відміни, що перейняли флексію *-е*, наприклад: *жолнѣре (с. 10)*. Інші закінчення називного відмінку цих іменників, засвідчені в літописі, становлять норму і сучасної української мови. Необхідно враховувати й особливості графічної передачі, де літописному *и* відповідають сучасні *и* та *і*, а *ѣ* – *і*, *ы* – *и* та *і*, наприклад: *москалѣ (с. 5), козаки (с. 6), запорожцѣ (с. 6) – запорозци (с. 16), перуны (с. 8), венгры (с. 12), законники (с. 14), гетманы (с. 16), уманци (с. 17), чернцы (с. 17), турки (с. 19), цари (с. 19)* та ін.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 285
из 378

Форма родового відмінку множини не відрізняється від сучасної, окрім правописного уточнення, де на місці *-ів* фіксуємо написання з *-овь*: *турковъ* (с. 7), *поляковъ* (с. 7), *ляховъ* (с. 7), *унгятовъ* (с. 7), *нѣмцовъ* (с. 8), *гетмановъ* (с. 8), *талярговъ* (с. 17), *дворовъ* (с. 30). Один раз засвідчено форму на *-евъ*: *москалевъ* (с. 25). Спорадично натрапляємо на лексеми із закінченням на *-ей* чи нульовою флексією, наприклад: *коней* (с. 9), *дней* (с. 17), *мѣсяцей* (с. 19), *сажней* (с. 19); *мещанъ* (с. 17), *боярь* (с. 19).

Давального відмінку множини для іменників II відміни чоловічого роду засвідчено тільки з давнім закінченням *-омъ*, наприклад: *ляхомъ* (с. 9, 13), *козакомъ* (с. 9), *туркомъ* (с. 17).

У знахідному відмінку множини паралельно функціують форми як старі (Н. в. – З. в.), так і нові (Р. в. – З. в.) при значному переважанні перших, наприклад: *конѣ* и *псы* (с. 9), *венгры* (с. 12), *городаы* (с. 12), *чернцѣ* (с. 14) – *запорожцевѣ* (с. 26).

Основною для орудного відмінку множини у літописі є флексія *-ами* (*-ями*), наприклад: *ляхами* (с. 8), *козаками* (с. 8), *мучениками* (с. 14), *волохами* (с. 23), *сердюками* (с. 26), *полковниками* (с. 30), *огнями* (с. 31) та ін.

Місцевий відмінок множини засвідчено тільки із закінченням *-ахъ*, наприклад: *въ городахъ* (с. 8), *при полковникахъ* (с. 32), *о доходахъ* (с. 32), *о трембачахъ* (с. 32).

Форм кличного відмінку множини не зафіксовано.

Отже, аналіз відмінкової парадигми іменників II відміни чоловічого роду засвідчує, що в першій половині XVIII ст. вона мало чим відрізнялася від сучасної, хоч і зберігала давні флексії називного, давального та знахідного відмінків множини.

Список використаної літератури

1. Історична граматика української мови / М. А. Жовтобрюх [та ін.]. – Київ : Вища шк., 1980. – 319 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 286
из 378

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Е. ЕВТУШЕНКО)

Одна из актуальных проблем изучения синонимии и антонимии связана с исследованием синонимических и антонимических отношений в языковом аспекте, в речевом плане и в художественной речи. В связи со сказанным необходимо отметить, что изучение синонимических и антонимических отношений осуществляется преимущественно на уровне языка. Вместе с тем возникает необходимость рассмотрения названных отношений и в речевом употреблении с целью раскрыть динамику многообразных семантических связей [1, с. 3]. Целью статьи является рассмотрение парадигматических отношений синонимической и антонимической систем в художественной речи (на примере поэтических текстов Е. Евтушенко) **Материалом** для написания работы послужили 161 синоним (74 синонимических ряда) и 95 антонимических пар, полученные методом сплошной выборки из стихотворений Е. Евтушенко.

Синонимическую парадигму в поэтических текстах Е. Евтушенко представляют:

1) **идеографические синонимы** – синонимы, различающиеся оттенками значения [2, с. 384]. Например, *Взглянуть – посмотреть* (Алекс., с. 392): *Взглянул – / и вдруг застыло сердце* («Фронтовик», с. 128). *Вы посмотрите только, что во мне!* («Я кошелек. Лежу на огороде», с. 137). *Дом – избышка* (Алекс., с. 126): *Качался старый дом, в хорал слагая скрипы* (Качался старый дом», с. 25). *Дремлет избышка на том берегу* («Долгие крики», с. 7). *Красный – алый* (Алекс., с. 203): *И солнца красный шар / плясал на струях белых...* («Кладбище китов», с. 28), *...а на синем ее купальнике / бились алые паруса* («Из воды выходила женщина», с. 15). *Печально – грустно – тоскливо* (Алекс., с. 355): *...и мне углами губ с наклейки / печально улыбнется Блок* («Меняю славу на бесславье», с. 44). *Грызет она грустно подсолнух...* («Лифтерше Маше под сорок» с. 36). *Тоскливо хлюпают следы* («Дорога в дождь – она не сладость...», с. 8).

2) **стилистические синонимы** – синонимы, совпадающие по значению, но различающиеся принадлежностью к различным стилям речи, степенью употребительности, экспрессивной окраской и т. п. [2, с. 385]. Например: *Идти – брести* (разг.) (Алекс., с. 172): *И бредут ее дети и внуки / при бродяжьей клюке и суме...* («Муки совести», с. 55). *Дай мне подвиг мучительный твой, / чтоб идти, волоча всю Россию...* («Молитва перед поэмой, с. 49»). *Лицо – лик* (уст.) – *рожа* (груб. прост.) (Алекс., с. 214): *Когда вошло твое лицо / над жизнью скомканной моею* («Когда вошло твое лицо», с. 29). *Дай бог живым узреть Христа, / пусть не в мужском, так в женском лике* («Дай Бог», с. 3). *Жизнь оставалась жизнью – / и запивохи рожжа...* («Когда убили Лорку», с. 34). *Старый – ветхий* (разг.) (Алекс., с. 521): *Качался старый дом, в хорал слагая скрипы...* (Качался старый дом», с. 25). *Помню дальнюю балку, / мостик ветхий, гнилой...* («Человека убили», с. 130).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 287
из 378

3) **абсолютные синонимы** – слова, полностью совпадающие по значению и употреблению, с возможным расхождением в сочетаемости [2, с. 384]. Например, *Раб – слуга* (Алекс., с. 442) ...но все-таки *раб строптивый, / но все-таки раб коварный*. («У римской забытой дороги», с. 125). *Подхватили меня крепко слуги царские* («Дворец», с. 5). *Секрет – тайна* (Алекс., с. 532): *Этого секрета / не раскрывал я раньше никому* («Зависть», с. 9). *Эту тайну я хмуρο храню...* («Я товарища хороню», с. 139). *Врач – доктор: Все те, кто рвались в стратосферу, / врачи, что гибли от холер...* («Карьера», с. 24). *Все мыслит: доктор медицины...* («Парк», с. 82).

4) **Контекстуальные или авторские синонимы** – слова, сближающиеся своими значениями в условиях контекста [2, с. 384]. Например, *веселая – апрельская, возмутительно – непростительно, нелогичный – молодой: Я шатаюсь в толкучке столичной / над веселой апрельской водой, / возмутительно нелогичный, / непростительно молодой...* («Я шатаюсь в толкучке столичной», с. 149). *Прилично – отлично: / Надо погнубнуть прилично. / Надо погнубнуть отлично...* («Черные бандерильи», с. 131).

Антонимическую парадигму в поэтических текстах Е. Евтушенко представляют:

1) **контрарные антонимы**, выражающие полярные противоположности внутри одной сущности при наличии переходных звеньев – внутренней градации [2, с. 23]. Например, *богатые – беднежные: Какие с вами мы богатые, / беднежные мастера!* («Монолог из драмы «Ван-Гог», с. 179). *Большая – маленькие: Земля была большая, / а мы были маленькие* («Спутница», с. 117). *Нечисты – чистейшие: ...чьи руки нечисты, / твоим чистейшим именем бряцали* («Бабий яр», с. 4).

2) **контрадикторные антонимы** – противоположности, которые взаимно дополняют друг друга и находятся в отношении привативной оппозиции [2, с. 23]. Например, *плохо – хорошо: Я знаю, / что плохо катаюсь. / Но когда-нибудь / я хорошо научусь* («На велосипеде», с. 57). *Жизнь – смерть: Жизнь и смерть – две главных вещи* («Молитва», с. 47). *Чужих – близких: ...нарушь / чужих людей соединённость / и разобщённость / близких душ!* («Со мною вот что происходит», с. 116).

3) **конверсивные антонимы** – слова, описывающие одну и ту же ситуацию с точки зрения разных участников [2, с. 23]. Например, *Мужчины – баб; женщины – мужиками: Какой занятный общества этап... / мужчины стали чем-то вроде баб, / а женщины – почти что мужиками* («Благодарность», с. 5). *Новые – старый; друзья – враг: Что новые друзья? / Уж лучше старый враг* («Старый друг», с. 348). *Ангел – черт: Он / то ли ангел, / то ли черт!* («В церкви Кошуэты», с. 32).

4) **векторные антонимы** выражают противоположную направленность действий, признаков, свойств [2, с. 24]. Например, *Не понизится – не повысится: ...ведь жизни цена / не понизится / и не повысится...* («Ольховая сережка», с. 77). *Вдохнул – выдохнул: Я океан вдохнул и выдохнул* («Подранок», с. 294). *Наступает – отступить: ...немолодость угрюмо наступает / и молодость не хочет отступить* («Сквер величаво листья осыпал», с. 113).

5) **прагматические антонимы** – слова, которые регулярно противопоставляются в практике их употребления, в контекстах [2, с. 24]. Например, *Можно – нельзя: Как мало можно видеть, / обонять! / Нельзя нам листьев...* («Бабий яр», с. 5). *Солнце – луна: Светится что-то и странно тревожит – / может быть,*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 288
из 378

солнце, а может, луна («Белые ночи в Архангельске», с. 12). *Рай – ад: Что, душа, ты скажешь богу, / В рай пошлет он или в ад?* («Молитва», с. 47). **б) контекстуальные антонимы.** Например, *Смердов – царей: Не они ли ...стучали тайком / в слюдяные окошечки смердов, / а в хоромы царей – кулаком?* («Муки совести», с. 55).

Таким образом, синонимы и антонимы играют в поэзии Е. Евтушенко огромную функционально-стилистическую роль, осуществляют передачу впечатлений, выражают чувства автора, воздействуют на читателей, способствуют образному описанию событий. С помощью синонимов и антонимов передаются выразительность, эмоциональность, авторская индивидуальность.

Список использованной литературы

1. Вежбински, Я. Антонимо-синонимические отношения в лексике (на материале художественных произведений А. П. Чехова) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Я. Вежбински. – Ростов н/Д, 1983. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/antonimo-sinonimicheskie-otnosheniya-v-leksike-na-materiale-khudozhestvennykh-proizvedenii-a>. – Дата доступа: 10.02.2019.

2. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 289
из 378

Е. А. ПЕЧЁРИНА (г. Петрозаводск, ПетрГУ)

Научный руководитель – А. В. Рожкова, кандидат филологических наук, доцент

ЯВЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ МАКСИМА ГРЕКА И И. С. ПЕРЕСВЕТОВА

Синонимия представляет собой уникальное явление, наблюдаемое на разных языковых уровнях. В диахроническом аспекте наиболее полно разработана субстантивная и глагольная словообразовательная синонимия. Изучение данной проблематики связано с именами таких исследователей, как Г. А. Николаев, Э. А. Балалыкина, М. А. Пильгун, Е. Н. Прокопович, В. М. Марков, Е. М. Шептухина, И. В. Ерофеева и др.

Предметом нашего исследования являются словообразовательные синонимы в публицистических текстах Максима Грека и И. С. Пересветова. Материалом для анализа служат публицистические сочинения «Послание о фортуне», «Повесть страшна и достопамятна», «Беседа души с умом» Максима Грека и «Малая челобитная», «Большая челобитная», «Сказание о Магмете-Салтане» Ивана Пересветова.

Актуальность работы заключается в том, что впервые проведено сопоставительное исследование словообразовательных синонимов в текстах Максима Грека и Ивана Пересветова.

Определяющую роль в анализе словообразовательных типов синонимии сыграли представители Казанской лингвистической школы. Именно они дали определение словообразовательной синонимии. Синонимичными они называют «такие словообразовательные типы, которые характеризуются одинаковыми словообразовательными связями (общностью производящих основ), одинаковыми словообразовательными значениями и разными аффиксами (синоморфемами). Например: смуглость – смуглота, сухость – сухота и другие» [1, с. 10].

Обратимся к общему количеству словообразовательных пар и троек. В текстах Максима Грека было найдено десять субстантивных словообразовательных пар и две тройки (*поспѣшница – съпоспѣшница, върение – увѣрание, дерзость – дерзновение, желание – пожелание, жизня – жительство, премудрость – мудрование, прегрѣшение – согрѣшение, обрѣтение – приобрѣтение, слышание – услышание, царство – царствие, наказатель – казатель – сказатель, учение – поучение – научение*), пять адъективных словообразовательных пар (*гибельный – погибельный, злобивый – злобный, несмысленный – безсмысленный, божий – божественный и хвальный – похвальный*) и четыре глагольные словообразовательные пары (*понимати – внимати, возноситися – превозноситися, подобитися – съподобитися, радоватися – сърадоватися*). В текстах И. С. Пересветова было обнаружено три субстантивные словообразовательные пары (*воин – воинник, ловление – уловление, войско – воинство*) и десять глагольных словообразовательных пар (*богатѣти – обогатѣти, зажигати – разжигати, славити – прославити, творити – сотворити, хвалити – восхвалити, жаловати – пожаловати, изтеряти – потеряти, веселити – возвеселити, хранити – сохраниити, гневити – разгневити*). Заметим, что адъективных словообразовательных пар в текстах И. С. Пересветова выявлено не было. Приведенные данные показывают, что

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 290
из 378

Максим Грек в своих публицистических текстах использовал больше именных словообразовательных пар и троек, а И. С. Пересветов – больше глагольных словообразовательных пар.

Такое соотношение соответствует общей тенденции использования именных частей речи и глаголов двумя авторами. Нами был произведен подсчет общего количества имен существительных, прилагательных и глаголов в анализируемых нами текстах. Таким образом, в текстах Максима Грека были зафиксированы 467 существительных («Послание о фортуне» – 65, «Беседа души с умом» – 263, «Повесть страшна и достопамятна» – 139), 231 прилагательное («Послание о Фортуне» – 45, «Беседа души с умом» – 131, «Повесть страшна и достопамятна» – 55) и 232 глагола («Послание о фортуне» – 23, «Беседа души с умом» – 152, «Повесть страшна и достопамятна» – 57). В текстах И. С. Пересветова были зафиксированы 102 существительных («Малая Челобитная» – 13, «Большая Челобитная» – 51, «Сказание о Магмете-Салтане» – 38), 68 прилагательных («Малая Челобитная» – 16, «Большая Челобитная» – 22, «Сказание о Магмете-Салтане» – 30), 204 глагола («Малая Челобитная» – 17, «Большая Челобитная» – 109, «Сказание о Магмете-Салтане» – 78).

Сравним словообразовательные пары из примерно одинаковых по объему текстов «Повесть страшна и достопамятна» Максима Грека и «Большая челобитная» И. С. Пересветова.

В тексте «Повесть страшна и достопамятна» были найдены следующие словообразовательные пары: 1. субстантивные: *дерзость – дерзновение, прегрѣшение – согрѣшение, обрѣтение – приобрѣтение, слышание – услышание, царство – царствие, казатель – сказатель, учение – поучение – научение*; 2. адъективные: *хвальный – похвальный*. Всего в тексте насчитывается семь именных словообразовательных пар и одна словообразовательная тройка. Отметим также, что глагольных словообразовательных пар в этом тексте не найдено.

В тексте «Большая челобитная» были зафиксированы следующие словообразовательные пары: 1. субстантивные: *воин – воинник, ловление – уловление*; 2. глагольные: *богатѣти – обогатѣти, зажигати – разжигати, славити – прославити, творити – сотворити, хвалити – восхвалити*. Именных словообразовательных пар в этом тексте две, а глагольных – пять.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что в текстах Максима Грека преобладает номинация предметов, явлений, свойств, качеств, а И. С. Пересветов большее внимание уделяет передаче действий.

Список использованной литературы

1. Марков, В. М. Некоторые вопросы теории русского словообразования / В. М. Марков, Г. А. Николаев // Именное словообразование русского языка. – Казань : КазГУ, 1976. – С. 3–14.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 291
из 378](#)

ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ПІДМЕТА У ХМІЛЬНИЦЬКОМУ ЛІТОПИСІ

Дослідження синтаксису української мови на матеріалі творів історіографічного жанру належить до перспективних, хоч і не нових напрямків діяхронної україністики. Зокрема, літописи слугували надійним ілюстративним джерелом для О. П. Безпалька, який, проте, для коментування специфіки вираження підмета в українській мові XIV–XVIII ст. так і не використав Хмельницького літопису (у списку джерел є!) [1, с. 13–17]. Ця пам'ятка засвідчила розвиток орудного предикативного та напівпредикативного на місці подвійних відмінків, уживання різних засобів вираження присвійності, зміну безприйменникових і прийменникових сполучень в українській мові [2]. Звісно, охопити неохопне не можливо, тому в нашій невеликій розвідці на матеріалі регіонального літопису проаналізуємо засоби репрезентації підмета.

За даними досліджень з історичного синтаксису, функцію простого підмета в мові киеворуського періоду виконували іменники, займенники, числівники, субстантивовані прикметники і дієприкметники [3, с. 253–254; 4, с. 21–23]. Особливістю давнього речення, порівняно із XVII–XVIII ст., було те, що простий підмет міг бути виражений іменником у формі кличного відмінка [4, с. 23]. Маловживаним був і інфінітивний підмет [4, с. 23].

Хмельницький літопис засвідчує, що в українській мові першої половини XVII ст. були розвинені всі засоби вираження простого підмета, зокрема:

1) іменник у Н. в. як в одн., так і у мн.:

а) загальні назви: *Року 1637, мѣсяца генваря 24 дня, земля тряслась съ суботы на неделю о куроглашении (с. 77; тут і далі подаємо номер сторінки за виданням: Хмельницкая лѣтопись (1636–1650) // Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, «Краткого Описанія Малороссіи» и «Собранія Историческаго». – Київ, 1878. – С. 77–81.); На Вкраинѣ рѣки зафарбовалися отъ кривѣ людскои, повны были болота трупу ляцкого, а повны пали были трупу козацкого по мѣстахъ (с. 78); И то рокъ былъ тугій (с. 78); Того жъ року и жолнѣры въ Хмелнику стояли (с. 79); Лвовяне поеднали гетмана и пудѣ Замостѣемъ ся ажъ вернулъ (с. 80);*

б) власні назви – як одно-, так і кількالكлексемні: *Въ тотъ часъ Малынка подстаростимъ былъ (с. 78); Ледве утекли Вишневецки (с. 79); Въ томъ року Пятницкая преставилася (с. 79); Въ той же часъ того року Миколай Стогнѣвъ зоставъ старостою и наславъ подстаростого Пудленского (с. 77); Тогда и мѣсяцъ ся мѣнилъ на Великодне, и то не дармо: бо ляхи заразъ у великий постъ пошли на козаки на Вкраину, и Богданъ Хмелницкій, гетманъ запорозский, побилъ ихъ и обоихъ (гетмановъ) взялъ (с. 79).*

Звертає на себе увагу вживання форм Н. в. мн. на *-е*. На думку С. П. Бевзенка, це іменники із суфіксом *-ин-*, що належали до *-ѵ-*основ, у множині втрачали цей суфікс і відмінювалися за приголосними основами. У Н. в. мн. вони мали форму без суфікса і флексію *-е*. Форми Н. в. мн. на *-е* під впливом цих іменників приймали і деякі

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 292
из 378

іменники без суфікса **-ин-** в одн. [5, с. 78]. Досліджувана пам'ятка засвідчує ці процеси, наприклад: *Еслибъ не ярина, гречкі и проса, то люде бь зь голоду помирали* (с. 78); *Лвовяне поеднали гетмана и пудь Замостьемь ся ажъ вернулъ* (с. 80); *Были и татаре на помочь козакомъ, и побили ляховъ* (с. 80); ...*Всѣ мещане утекли прочь* (с. 81). Однак послідовності у вживанні цієї форми немає, що підтверджують різні форми одного слова (пор.: *Въ тотъ часъ жолнѣре стояли въ Хмелнику* (с. 77) – *Того жь року и жолнѣры въ Хмелнику стояли* (с. 79)).

Фіксуємо в літописі типово українську граматичну форму іменників чоловічого роду множини на **-ове**: *Кони тѣли не толко худые хлопы, але и панове* (с. 81). С. П. Самійленко локалізує поширення форм на **-ове** переважно Галичиною, указуючи на нехарактерність її для Лівобережної України [6, с. 101]. На активному побутуванні цих форм у XVI–XVII ст. наголошує С. П. Бевзенко [5, с. 77–78];

2) займенник: *Выполнилося пророчество Исаи, же хоть сто мѣрь хто постѣяль, ледве одну взяль* (с. 78); *Были и татаре на помочь козакомъ, и побили ляховъ, а другіи повтѣкали* (с. 80); *А тымъ, що ся zostали, не было мякко, горше одъ татаръ* (с. 81);

3) числівник: *А въ новое тежъ малая была утѣха: житѣ рвали и за диво единъ щобъ обачивъ хто снопъ жсатый: бо той весны три мѣсяцы не было дождю* (с. 78).

Складений підмет у Хмільницькому літописі репрезентований одиничними випадками. Зокрема, фіксуємо підмет, утворений за такими синтаксичними моделями:

1) іменник у Н. в. + прийменник з + іменник в О. в.: *Кривоносъ изъ ыншими полковниками Немировъ, Животовъ, Махновку, Бердычовъ (попустошили)* (с. 79); *Безчисленное множество мѣсть барзо великихъ татаре съ козаками повыймали и шкоды незличоныи починили; въ Литву ажъ засягли* (с. 81);

2) прийменник + іменник + іменник у Р. в.: *А до орды безъ личбы панятъ пошло* (с. 79).

Отже, у Хмільницькому літописі засвідчено різні засоби вираження підмета. Кількісно переважає простий підмет. На нашу думку, стильовою належністю пам'ятки детермінована відсутність особових займенників та інфінітивів у функції підмета. Панівним засобом репрезентації простого підмета є іменник у Н. в. як однини, так і множини, що зберігає давні морфологічні особливості – закінчення **-е** та **-ове** у множині для іменників чоловічого роду. Значна частина іменників, що виконують роль підмета, представлена власними назвами, що також зумовлено стильовими параметрами пам'ятки – необхідністю точно номінувати суб'єктів дії.

Список використаної літератури

1. Безпалько, О. П. Нариси з історичного синтаксису української мови / О. П. Безпалько. – Київ : Радян. шк., 1960. – 236 с.
2. Слинко, І. І. Історичний синтаксис української мови / І. І. Слинко. – Київ : Вища шк., 1973. – 216 с.
3. Історична граматики української мови / М. А. Жовтобрюх [та ін.]. – Київ : Вища шк., 1980. – 319 с.
4. Історія української мови. Синтаксис / Г. П. Арполенко [та ін.]. – Київ : Наукова думка, 1983. – 503 с.
5. Бевзенко, С. П. Історична морфологія української мови: Нариси із словозміни та словотвору / С. П. Бевзенко. – Ужгород : Ужгород. держ. ун-т, 1960. – 416 с.
6. Історія української мови. Морфологія / С. П. Самійленко [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1978. – 540 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 293
из 378

ЗАГОЛОВКИ В ТРАНСЛЯЦИЯХ ТЕЛЕКАНАЛА VITAL SPORT

Vital Sport – спортивный телеканал, который начал вещание 11 июля 2017 года. Телеканал транслирует эксклюзивные трансляции матчей топ-чемпионатов в HD-качестве [1], а также вещает в социальной сети «ВКонтакте». Некоторые трансляции могут быть изъяты из публичного доступа в связи с обращением правообладателя, поэтому канал Vital Sport использует два вида заголовков к спортивным трансляциям: обычные и завуалированные.

В обычных заголовках называются команды, страны, которые противоборствуют друг другу, или соревнования. Примеры таких заголовков: «Иstanbul – Фенербахче. Прямой эфир на русском», «Кубок Франции, 1/8 финала. Обзор», «Япония – Катар прямой эфир» (последняя трансляция не устояла перед обращением правообладателя). Благодаря таким заголовкам зрителю проще найти трансляцию, однако увеличивается риск блокировки.

Куда больший интерес представляют завуалированные заголовки. Формируются они, по большей части, из прозвищ игровых клубов. Рассмотрим три таких заголовка.

«Сороки нападают на ириски» – заголовок противостояния «Ньюкасл» – «Эвертон». А «нападали» они потому, что «Ньюкасл» играл дома. «Ньюкасл» имеет прозвище *сороки*, а «Эвертон» – *ириски*. В энциклопедия «Футбол» написано о происхождении прозвища *сороки*: «История прозвища “сороки” соотносится с традиционными цветами клуба – чёрным и белым, окраской сорок. С другой стороны, по легенде в дни основания на стадионе “Ньюкасла” была найдена пара сорок, свившая там гнездо» [2, с. 71].

На сайте sportbox.ru даётся следующее объяснение: «Прозвище “Эвертона” *ириски (toffees)* – одно из самых неординарных в Англии. По одной из версий, появилось оно из-за того, что в дни матчей, когда играл “Эвертон”, матушка Ноблет продавала ментоловые конфеты с названием клуба, теперь это стало традицией. Другая версия гласит, что прозвище произошло от названия кондитерской “Эвертон Тоффи Хауз”, находившейся возле стадиона “Гудисон Парк»» [3].

Однако в следующем заголовке – «Северные бульдоги напали на склад с горчицей» – есть только одна отсылка к прозвищу футбольного клуба. Так назван матч «Лилль» – «Дижон». «Лилль» – это *бульдоги*. На сайте usgazy.ru написано: «Журналисты любят писать о “бульдожьей хватке” северофранцузского клуба, а его игроки получили прозвище “бульдоги»» [4]. У клуба «Дижон» нет прозвища *горчица*. Но в одноименном городе Дижон впервые приготовили приправу, которая сегодня известна как *дижонская горчица*. И в этом случае «напали» бульдоги потому, что «Лилль» играл дома.

Последний пример – «Паладин записался на курсы вождения тракторов» – самый абсурдный. Так назван матч «Монпелье» – «Генгам». Тот же сайт Sportxbet.ru рассказывает и об этих прозвищах: «Клуб из города

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 294
из 378

Монпелье носит довольно странное, но при этом звучное прозвище – *паладины* (“La Paillade”). Появилось оно во времена становления команды. “Монпелье” образовался путём слияния двух коллективов, один из которых носил имя “La Paillade”. Изначально слово *паладины* входило и в полное имя клуба, что дало повод для появления такого прозвища. Затем это слово отпало, но прозвище осталось» [3]. «Курсы вождения тракторов» связаны со второй командой – «Генгам»: «Своё прозвище *фермеры* клуб получил ещё в середине XX века. В то время у “Генгама” появился первый официальный спонсор – компания “Tanvez”, базировавшаяся в Генгаме и занимавшаяся производством различной сельскохозяйственной техники (трактора, сеялки и прочее). По этой причине к клубу прикрепились ещё одно прозвище – *трактористы*» [3].

Это только малая часть необычных заголовков, которые придумывают сотрудники канала Vital Sport, чтобы избежать блокировки трансляций. Как видно из наших примеров, используются не только общеизвестные прозвища команд, но и довольно сложные аллюзии.

Список использованной литературы

1. Телепедия вики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tvpedia.fandom.com>. – Дата доступа: 04.04.2019.
2. Футбол : энциклопедия. – М. : Человек, 2013. – 912 с.
3. Sportxbet.ru – спортивный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sportxbet.ru>. – Дата доступа: 04.04.2019.
4. uCrazy.ru – Источник Хорошего Настроения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ucrazy.ru>. – Дата доступа: 03.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 295
из 378

К. С. САРОКА (г. Мінск, БДУ)

Навуковы кіраўнік – С. В. Зелянко, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ВЫКАРЫСТАННЕ МАЛАДЗЁЖНАГА СЛЭНГУ Ў СУЧАСНЫХ ДРУКАВАННЫХ СМІ БЕЛАРУСІ: СТЫЛІСТЫЧНЫ АСПЕКТ (НА МАТЭРЫЯЛАХ ГАЗЕТ «ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ», «ЗНАМЯ ЮНОСТИ»)

У індустрыяльна-развітым грамадстве, у якім адбываюцца розныя сацыяльна-дэмаграфічныя з’явы, мадыфікуецца і мова. Значныя змены адбываюцца ў гаворцы сучаснай моладзі. Таму да такога лінгвістычнага феномена, як маладзёжны слэнг, вучоныя праяўляюць вялікую зацікаўленасць. «Слэнг – гэта эмацыйна афарбаваная лексіка гутарковага стылю, якая адрозніваецца ад агульнапрынятай унармаванай лексікі і якой карыстаюцца некаторыя сацыяльныя супольнасці людзей, субкультуры» [1, с. 267]. Рускія вучоныя і даследчыкі, сярод якіх патрэбна вылучыць М. А. Грачова, К. К. Агузарава, Т. Г. Нікіціну, В. В. Хімік, С. І. Левікаву і некаторых іншых, звярталі ўвагу на субкультурныя адгалінаванні, асаблівасці субкультурных слэнгаў, але вызначылі, што маладзёжны слэнг з’яўляецца да культурна-гістарычнай асаблівасцю эпохі ХХ – пач. ХХІ ст. і адлюстроўвае з’яўлення ў гэтую эпоху новай сацыяльна-дэмаграфічнай групы – моладзі. Не, раней таксама жылі маладыя людзі. Аднак не было вылучэння моладзі як сацыяльнай групы, якая знаходзілася ў прамежкавым становішчы паміж юнацтвам і даросласцю. У такім становішчы і з’яўляюцца ўмовы для выкарыстання маладзёжнага маўлення, накіраванага на тое, каб «свае» разумелі адзін аднаго, а «чужыя» не.

Найчасцей ужываюць маладзёжны слэнг жыхары сталіц, буйных культурных цэнтраў. Моладзь з невялікіх гарадкоў і вёсак карыстаецца слэнгам значна менш, але гэтая сітуацыя змяняецца пры паступленні у ВНУ, дзе адбываецца камунікацыя паміж вяскоўцамі і гарадскімі жыхарамі. Што тычыцца беларускай мовы, то ёй зараз не ўласцівы ні сацыяльныя дыялекты, ні вульгарызмы, ні лаянкавыя словы. Беларускія вучоныя і даследчыкі лічаць, што ў мове не назіраецца «экспансія зніжанай лексікі» (у рускай мове з’явілася ў 90-х гадах), таму што беларуская моладзь часцей выкарыстоўвае рускую мову ў сваім маўленні. І. С. Роўда адзначае: «Што да творчай інтэлігенцыі, то яна даволі кансерватыўная (у добрым сэнсе гэтага слова), каб “разбаўляць” літаратурную мову...» [2, с. 66]. Аднак гэта не зусім правільная думка, таму што ёсць мультымедычны часопіс «34 MULTI-MEDIA MAGAZINE», які даказвае, што сёння варта гаварыць пра фарміраванне маладзёжнага слэнгу і ў беларускай мове [3, с. 6]. Матэрыялам нашага даследавання сталі газеты «Переходный возраст» і «Знамя юности» (на беларускай і рускай мовах).

Фарміраванне слоўніка так званага «сістэмнага» слэнгу адбываецца за кошт тых крыніц і сродкаў, якія ўласцівы мове наогул. Розніца ёсць у спалучэннях і прапорцыях. Паводле меркаванняў Э. М. Берагоўскай, існуе больш за 10 спосабаў стварэння функцыянальных адзінак слэнгу [4, с. 33].

1. Выкарыстанне іншамойных запазычанняў (амаль выключна англамойных): *фрэндлі* (ад англ. *friendly* – ‘прыязны’), *xim* (ад англ. *hit*) – ‘папулярны’, *челлендж* – ‘выклік да якога-небудзь дзеяння’; *тренд* –

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 296
из 378

‘асноўная тэндэнцыя’; *хэнд-мейд* – ‘выраб, створаны сваімі рукамі’; *хоррор* – ‘жахі, страшылкі’; *хардкор* – ‘напрамак у панк-музыцы’, *окей* у значэнні ‘добра’; *хай* – прывітанне. Гэты спосаб арганічна спалучаецца з афіксацыяй.

2. Афіксацыя. Абыходзіцца стандартнымі суфіксамі і прэфіксамі. Напрыклад, *прикольная* ад *прикол*, *класно* ад *классный*; *музла* ад *музыка*.

3. Запазычанне аргатызмаў: *круче* ад слова *крутой*.

4. Развіццё полісеміі: *накидываць* у значэнні ‘дадаваць, дапрацаваць’; *добили песню* ў значэнні ‘дарабілі песню’; *в залипшем состоянии* ў значэнні ‘стаміцца’; *забить на работу* ў значэнні ‘не думаць пра працу, не працаваць, адпачываць’.

5. Усячэнне каранёў: *поц* ад *пацан* (у выніку акання *о* і *а* ў ненаціскных складах не адрозніваюцца, у выніку чаго з’явілася такое скарачэнне).

6. Універбацыя: *инструменталы* – ‘выканаўцы інструментальнай музыкі’.

7. Абрэвіяцыя: *культтренд* утворана ад слоў *культура* і *тренд*; *соцсети* – ‘сацыяльная сетка’.

Прыклады астатніх спосабаў утварэння слэнгавых лексем у газетах «Переходный возраст», «Знамя юности» знойдзены не былі. Да гэтых спосабаў належаць:

8. Аўтанамасія (імя ўласнае адыгрывае ролю намінальнага).

9. Сінанімічная або антанімічная дэрывацыя (пры якой адзін з кампанентаў фразеалагізма змяняецца блізкім або процілеглым па значэнні словам агульнанацыянальнай мовы або слэнгу).

10. Эпентэза (устаўка гукаў або складоў).

11. Замена слова паронімам (так званая фанетычная мімікрыя): *стэп* – ‘стыпендыя’, *шпора* – ‘шпаргалка’.

12. Каламбурная падстаноўка: *Бухарэст* – ‘маладзёжная вечарынка’ (утворана ад *бухло* – ‘спіртное’, *бухаць* – ‘піць спіртное’).

13. Метатэза (перастаноўка гукаў ці складоў): *Сабо самой* – ‘само сабой’.

14. Складанне каранёў: *рынгафон* – ‘тэлефон’.

15. Тэлескапія: *ландафшыц* – ‘падручнік па фізіцы Ландау і Ліфшыца’.

16. Метафорыка. У метафорыцы часта прысутнічае гумарыстычная трактоўка азначаемага слова. Напрыклад, *кудлаты* – ‘лысы’. Або метафара з іранічнай канатацыяй: *баскетбаліст* – ‘чалавек маленькага росту’ [4, с. 34].

Калі гаварыць пра выкарыстанне слэнгавых адзінак у матэрыялах газет «Переходный возраст» і «Знамя юности», то варта адзначыць той факт, што у газеце «Знамя юности» № 44 ад 1 лістапада 2018 года ўжываецца **28 слоў**, у газеце «Переходный возраст» – **15 слоў**. Нягледзячы на тое, што ў «Переходный возраст» шмат матэрыялаў дасылаюць школьнікі, а матэрыялы газеты «Знамя юности» пішуць кваліфікаваныя журналісты, у апошнім выданні выкарыстоўваецца больш слоў маладзёжнага слэнгу. Гэта сведчыць пра тое, што дарослыя аўтары, працуючы ў маладзёжным выданні, імкнуцца быць бліжэй да сваёй мэтавай аўдыторыі. Часцей за ўсё ў газетах ужываюцца іншамоўныя запазычанні, таму што на сучасную моладзь аказваюць уплыў замежныя СМІ

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 297
из 378

і масавая культура. Таксама ўжываюцца словы, якія ўтвораны спосабамі ўнівербалізацыі, афіксацыі, абрэвіяцыі, развіццём полісеміі.

«Такім чынам, слэнг, знаходзячыся па-за нормай, якая прынята грамадствам, са сваёй нетрывіяльнай метафарычнасцю і спецыфічнымі лексічнымі асаблівасцямі, адценнямі значэнняў, фразеалогіяй, у поўнай ступені вядомай толькі непасрэдным носьбітам мовы, якія актыўна выкарыстоўваюць слэнгізмы ў сваім вусным і пісьмовым маўленні і падчас інтэрнэт-камунікацыі, усё ж такі займае сваю нішу ў розных мовах. А таму сам факт існавання беларускага моладзевага слэнгу ў 270 грамадска-культурным дыскурсе яскрава сведчыць пра развіццё беларускай мовы, а таксама пра тое, што ёй даволі актыўна карыстаюцца маладыя людзі» [1, с. 269].

Спіс выкарыстаннай літаратуры

1. Авярчук, М. Моладзевы слэнг як аб'ект вывучэння ў сучаснай лінгвістыцы / М. Авярчук // Сборник работ 69-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та, Минск, 14-17 мая 2012 г. : в 3 ч. – Минск : БГУ, 2013. – Ч. 3. – С. 266–270.
2. Ровдо, И. С. О некоторых проявлениях национальной специфики языка / И. С. Ровдо // Язык и социум : материалы VI Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2004 г. : в 2 ч. / редкол.: Л. Н. Чумак (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2004. – Ч. 1. – С. 66–69.
3. Авярчук, М. Маладзёжны слэнг у публіцыстычным тэксце (на матэрыяле часопіса «34 MULTIMEDIA MAGAZINE») / М. Авярчук // Сборник работ 67-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та, Минск, 17–20 мая 2010 г. : в 3 ч. – Минск : БГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 3–6.
4. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопр. языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–42.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 298
из 378

Н. Н. ЯНУШЭВІЧ (г. Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

Навуковы кіраўнік – Л. В. Рычкова, доктар філалагічных навук, прафесар

НЕКАТОРЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЎЖЫВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОЎ У ДВУХМОЎНЫХ СМІ ГРОДЗЕНШЧЫНЫ

У незалежнай Беларусі рэгіянальныя газеты у сваіх публікацыях карыстаюцца дзвюма мовамі – беларускай і рускай, пацвярджаючы рэальнае беларуска-рускае двухмоўе, якое гістарычна склалася ў краіне. Шырыня тэматыкі публікацый патрабуе ад невялікага журналісцкага калектыву адметнага падыходу пры падрыхтоўцы матэрыялаў, а таксама ставіць перад кожным аўтарам праблему выбару мовы тэксту, на якой найбольш поўна будзе дасягнуты камунікатыўна-ўплывовы эффект.

Важна падкрэсліць значную ролю раённых выданняў у пашырэнні роднага слова, калі яно ў кожным нумары прысутнічае на іх старонках.

У сучасных двухмоўных раённых газетах Рэспублікі Беларусь пераклучэнне кодаў – свядомлены, матываваны пераход з адной мовы на іншую ў залежнасці ад інтра- або экстралінгвістычных фактараў – ўяўляецца як тыповая і шматбаковая з'ява. Сярод такіх фактараў можна адзначыць эканамічныя і сацыякультурныя асаблівасці раёна, у якім выдаецца газета, тэматычныя і жанравыя асаблівасці публікацый, сацыяльна-дэмаграфічную структуру мэтавай аўдыторыі выдання.

Сучасная раённая газета, якая друкуе матэрыялы на дзвюх дзяржаўных мовах, адлюстроўвае сітуацыю двухмоўя, а таксама спрыяе фарміраванню ўяўленняў сваёй аўдыторыі аб функцыянальных магчымасцях моў і аб ступені прэстыжнасці кожнай з моў.

Аналіз беларускамоўных тэкстаў рэгіянальных СМІ дазволіў выявіць рускамоўныя ўваходжанні. Рускамоўныя ўкрапанні ў беларускамоўных тэкстах не такія шматлікія, як беларускамоўныя ўваходжанні ў рускамоўных тэкстах.

Асаблівую цікавасць для нас прадстаўляе змешаная частка паўнатэкставай базы даных рэгіянальных СМІ, прадстаўленай у Нацыянальным корпусе рускай мовы, таму што ў ёй яскрава назіраецца пераклучэнне кодаў, якое прадстаўлена як у тэксце самога артыкула, так і такое пераклучэнне вельмі часта закранае назву артыкула. Нярэдка назіраюцца разыходжанні ў выкарыстанні моў у назве артыкула і асабіста самога артыкула: беларускамоўныя артыкулы маюць рускамоўную назву. Паказальныя ў гэтым выпадку газеты «Астравецкая праўда» і «Праца», таму што ў on-line версіях выданняў, за рэдкімі выключэннямі, загаловак беларускамоўных матэрыялаў пададзены на рускай мове [2, с. 492]: «СВК “Ворняны” в лидерах» («Астравецкая праўда»); «Большие перспективы малого бизнеса Островщины» («Астравецкая праўда»); «Как, где и за сколько можно собрать ребёнка в школу?» («Астравецкая праўда»); «Почём в Зельве клубника?» («Праца») [1]. Як вынікае з запісаў у форумах на сайце газет, рэдакцыя ў гэтых выпадках кіравалася асабліва ўтылітарнай мэтай прыцягнуць на старонку з матэрыялам і тых карыстальнікаў, якія ўвялі ў пошукавіку запыт на рускай мове [2, с. 492].

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 299
из 378](#)

Сустрадаюцца выпадкі, калі назва артыкула можа быць змешанай, двухмоўнай: «*“Бераставіцкая газета”* *теперь представлена в “Белкиоске”*»; «*Позвал “Вандроўнік”*»; «*Областные “Дажынкi” будут с нашими цветами*»; «*В городе прошел республиканский круглый стол “Свято зямлі беларускай”*» [1].

Рускія ўваходжанні ў беларускамоўны тэкст артыкула таксама сустракаюцца ў назвах падзей (фестывалі, тэлепраграмы): *За плячамі артыстаў мноства канцэртаў, удзел у фестывалях «Дажынкi» і «Славянскі базар» у Віцебску, тэлепраграмах «Сярэбраны грамафон», «Месца сустрэчы», «Зорны кактэйль»* (прычым такія ўкрапанні падаюцца беларускімі словамі і графічна адаптаванымі варыянтамі рускіх слоў); у назвах мастацкіх аб'яднанняў: *Ганаровымі гасцямі сынкавіцкіх «Дажынак» сталі запрошаныя са сталіцы артысты – групы «Тяні-толкай» і «Чери Леди», якія прыехалі павішаваць хлебаробаў з заканчэннем жніва 2012 года* [1].

Такім чынам, у двухмоўных мясцовых газетах назіраюцца пераклучэнні моўнага кода ў межах назваў артыкулаў, а таксама ў назвах тэлепраграм, мастацкіх аб'яднанняў і адзначаецца пэўная функцыянальная няроўнасць у выкарыстанні беларускай і рускай моў.

Вывучэнне спецыфікі ўжывання і ўзаемадзеяння беларускай і рускай моў у сучаснай рэгіянальнай газеце і вызначэнне фактараў, якія спрыяюць такому выкарыстанню моў, патрабуюць міждысцыплінарнага падыходу, прыцягнення дадзеных і метадык розных гуманітарных навук (напрыклад, сацыялогіі) і напрамкаў лінгвістыкі (экалінгвістыкі, лінгвагеаграфіі і г. д.).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – М., 2003–2017. – Режим доступа: <http://www.ruskorpora.ru>. – Дата доступа: 01.05.2019.

2. Рычкова, Л. В. Многоцелевой лингвистический корпус региональных СМИ / Л. В. Рычкова, А. Ю. Станкевич // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации / под ред. А. Л. Назаренко. – М. : Унив. книга. – 2014. – С. 488–497.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 300
из 378

ПОДСЕКЦИЯ 2. ТЕКСТ КАК ЦЕЛОСТНОЕ РЕЧЕВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Ю. В. АРЭШКА (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ТЭМА ВАЙНЫ Ё АФАРЫСТЫЦЫ ВАСІЛЯ БЫКАВА

Імя Васіля Быкава правамерна асацыюецца з творчасцю ваеннай тэматыкі, аднак пісьменнік раскрывае яе па-наватарску: паказвае вайну не столькі праз ваенныя дзеянні, перастрэлкі, фізічнае змаганне, колькі праз душэўны стан герояў, іх філасофію жыцця і выжывання падчас вайны. Менавіта праз пачуцці, уражанні і думкі персанажаў празаік перадае напружаную атмасферу вайны, якая шэрай прасцінай агарнула чалавецтва.

Васіль Быкаў – тонкі стыліст. Яго творы уражваюць надзвычай глыбіннымі думкамі, якія дакладна перадаюцца праз адпаведныя моўныя адзінкі, выкарыстаныя ў тэкстах. Пэўную ролю ў станаўленні мастацкага пісьма празаіка адыграла афарыстычнасць, якая рэалізавалася ў быкаўскіх творах, апрача ўсяго іншага, і стварэннем аўтарскіх трапных, сэнсава ёмістых выказванняў, якія можна лічыць афарызмамі. Менавіта пры дапамозе такіх выказванняў пісьменнік пэўным чынам адлюстроўвае сваю аўтарскую пазіцыю, светапогляднае мысленне. У дачыненні да афарызмаў слушную думку выказала А. Я. Леванюк: «Майстры слова добра ўсведамляюць мастацкую вартасць, філасофскія гарызонты гэтага жанру, і таму вельмі ахвотна ўводзяць выслоўі ў тканку сваіх твораў, надаючы афарыстычнасць і сваёй, аўтарскай, мове і мове сваіх герояў» [1, с. 8].

Тэма вайны выразна гучыць у аўтабіяграфічнай кнізе Васіля Быкава «Доўгая дарога дадому». Пісьменнік звяртаецца да асэнсавання вайны праз прызму ўласных юнацкіх успамінаў, характэрна якіх было сапсавана бязлітаснай, крывавай вайной: *Вайна – бадай, скрозь чалавечае няшчасце, а шчасце, як вядома, рэч дужа адносная* [2, с. 75]. Літаральна з 17-гадовага ўзросту Васілю Быкаву давалося адчуць на сабе жорсткасць, бязлітаснасць ваенных дзеянняў, якія былі распачаты лідарамі краін дзеля пашырэння сваёй улады. Аднак у бой уступалі не высокапастаўленыя чыноўнікі, а юнакі, якія прыйшлі на фронт ледзь не пасля школьнай парты і былі вымушаны браць зброю ў рукі, забіваць такіх жа, можа нават і не вінаватых, людзей толькі з-за таго, што так было загадана. А ўсе яны хацелі жыць, вучыцца і станавіцца самастойнымі асобамі. Ваявалі таксама маладыя ды дарослыя мужчыны, на радзіме якіх чакала сям'я, дзеці, праца, звыклыя клопаты. Вырваныя са звычайнага для іх жыцця, гэтыя людзі былі кінуты ў крывавае, бязлітаснае ваеннае вір, пра што што ў творы гавораць і наступныя афарыстычныя радкі: *Ваенная сутнасць наогул наўрад ці мяняецца праз стагодзьдзі. Толькі на першы погляд здаецца, што наша вайна не такая, як папярэдняя, у чымсь кожная наступная вайна інакшая, а ў выніку ўсе аднолькавыя* [2, с. 278]; *Сапраўды, кожная армія рыхтуецца да мінулай вайны, а будучая прыходзіць нечакана* [2, с. 99].

Аўтар паказвае, як у адной крытычнай сітуацыі побач аказваюцца зусім розныя па характарах, імкненнях, светапоглядзе і ідэйным складзе людзі, учынкi якіх перад тварам смерці вызначаюцца праз прызму іх уласных

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 301
из 378

светапоглядных пазіцый: *Як заўжды на вайне, галоўная плата – кроў, і плаціць той, хто найменш вінаваты* [3, с. 6]. Так, пераканальна і ў той жа час з вялікім напружаннем падаецца пісьменнікам думка, наколькі няпроста звычайным, радавым салдатам ці маладым партызанам, якія нядаўна пакінулі бацькоўскія хаты, становіцца байцамі, здольнымі ў экстрэмальнай сітуацыі смяртэльнай сутычкі з акупантамі ахвяраваць сваім маладым, поўным надзей жыццём дзеля выратавання Радзімы.

Тэма вайны з'яўляецца скразной у аповесці «Дажыць да світання», таму і ў гэтым творы можна вылучыць шэраг крылатых выслоўяў, прысвечаных дадзенай тэме. Прынамсі, у ім было выяўлена каля 10 афарызмаў ваеннай тэматыкі. Галоўны герой аповесці лейтэнант Іваноўскі з групай салдат адпраўляецца на выкананне службовай аперацыі па знішчэнні варожых сіл. Ва ўласцівай Васілю Быкаву форме, праз унутраны маналог галоўнага героя, які з горыччу ўзгадвае першую і такую недарэчную чалавечую страту падчас выканання баявога задання, акрэсліваюцца наступныя высновы: *Далёка не ўсё ў жыцці атрымліваецца так, як трэба, тым больш на вайне* [4, с. 24]; *Наогул вайна бязлітасная да кожнага, але сапраўды першым на фронце гіне баязлівец – менавіта той, хто болей за іншых даражыць жыццём* [4, с. 24] *Вайна надзіва сляная ў адносінах да людзей і далёка не па іхніх заслугах распараджаецца жыццямі* [4, с. 24]. Важнай асаблівасцю аўтарскай падачы дадзеных выслоўяў з'яўляецца тое, што праявілі спалучае іх у адным невялікім па аб'ёме кантэксце, што надае думкам значную сэнсавую і ідэйную важкасць.

Пісьменнік праз вобраз салдата Шалудзяка падкрэслівае, што ніякая фізічная ці ўнутраная сіла не здольна захаваць сваю моц без патрэбнай падрыхтоўкі, своеасаблівай загартоўкі: *Але вайна ў каторы раз ужо пераконвала, што, апроч звычайнай сілы, патрэбна яшчэ і ўменне, і трэніроўка* [4, с. 13].

Васіль Быкаў звяртае ўвагу на каштоўнасць жыцця (і не толькі чалавечага) падчас вайны, калі менавіта жыццё з'яўлялася, бадай, асноўным арыенцірам для дзейнасці. Пісьменнік падкрэслівае, што, каб захаваць такі скарб, чалавеку штохвілінна прыходзілася нейкім чынам выкручвацца, абхітроўваць смерць. Ды выжыць можна было толькі перамогшы іншага. У такое «крывавае» кола быў уведзены чалавек: *Жыццё праз пагібель ворага – іншага выйсця на вайне, мабыць, не існавала* [4, с. 96]. Пры гэтым праявілі распавядае, што лічылася, чым больш «пераможаш», заб'еш, тым больш трывалым будзе тваё ўласнае месца ў гэтым крузе. Такая антычалавечая пазіцыя ўсталёўвалася нават не вайной, а кіраўнікамі, якія «распальвалі» недарэчныя ваенныя дзеянні.

Не абысціся чалавеку без святла і ў самыя цёмныя, напружаныя моманты. На вайне цёплым промнем асвятлялі спакутаваныя салдацкія сэрцы ўспаміны пра бацькоў, каханую дзяўчыну, сям'ю. Аднак часта ў крываваых баях было не да ўспамінаў пра пяшчотныя словы і дотыкі. І толькі пасля жорсткай, жыццявырашальнай сутычкі з ворагам салдацкае сэрца магло пранізвацца журботнай невядомасцю адносна лёсу сваіх блізкіх. Да болю крыўдна было ўсведамляць, што на гэтай баявой прасторы ты такі не адзін. Бадай, усе такія ж: *Хто ў вайну не перажывае, не сохне, не пакутуе ад разлук з каханай, маці, жонкай або дзецьмі* [4, с. 99].

У афарыстычных выслоўях Васіля Быкава пра вайну вызначаюцца маральныя ўстаноўкі чалавека, яго каштоўнасныя арыенціры падчас вялікіх і жорсткіх ваенных выпрабаванняў. Быкаўскія афарызмы з'яўляюцца

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 302
из 378](#)

важным элементам эксплікацыі пісьменніцкіх светапоглядных устаноўак, а таксама даюць ключ для разумення экзістэнцыйнай праблематыкі яго твораў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Леванюк, А. Я. Майстры кажуць... Беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі : слоўн. афарызмаў / А. Я. Леванюк ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, Каф. беларус. і рус. моў з методыкай выкладання. – Брэст : БрДУ, 2010. – 161 с.
2. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому. Кніга ўспамінаў / В. Быкаў. – Мінск : Кніга, 2002. – 544 с.
3. Быкаў, В. Апавяданні / В. Быкаў // Польша. – 1994. – № 1. – С. 3–42.
4. Быкаў, В. Збор твораў : у 4 т. / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 2 : Апавесці. – 447 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 303
из 378](#)

П. И. БЕРЕЗНЕВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. М. Садко, кандидат филологических наук, доцент)

КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШУКШИНА

Тип «лишнего человека» в русской реалистической литературе – один из самых известных. По определению Ю. В. Манна, «лишний человек» – это «литературный тип, характерный для русской литературы 20–50-х гг. XIX в.; его главные черты: отчуждение от официальной жизни России, от родной ему социальной среды (обычно дворянской), по отношению к которой герой осознает свое интеллектуальное и нравственное превосходство, и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом и, как правило, общественная пассивности» [1, с. 400].

В XX в. произошли кардинальные социокультурные изменения, трансформировались литературные иерархии и репутации, в том числе изменения коснулись типа «лишний человек». Черда модификаций данного типа литературного героя на современном этапе началась с пересмотра «лишнего человека» с точки зрения революционно-демократической критики 70–80-х годов XIX века. В советский период наблюдается частичная элиминация типа «лишний человек» из литературно-критического обихода. Современное литературоведение также уделяет недостаточно внимания развитию типа «лишний человек» именно в XX веке. Большинство исследований, связанных с типом «лишний человек», построены либо как анализ классической литературы, либо как сопоставление характерных признаков классических образов «лишнего человека» с некоторыми образами зарубежной и русской литературы XXI в.

Среди современных литературоведов, исследующих тип «лишний человек», следует отметить Е. А. Гаврилова, Е. А. Данилова, К. В. Касаткина, Е. В. Никольского, Д. В. Федорова. В одной из своих статей современный литературовед Д. В. Федоров поднимает вопрос о своеобразии образа «лишнего человека» в русской литературе советского периода [2]. Исследователь утверждает, что «лишний человек» – «кризисный тип. Его родовая гносеологическая и онтологическая сущность определяется оппозиционной константой «личность – общество», «внутренняя воля – коллективные нормы бытия». В зависимости от индивидуального видения этой дилеммы писателями и решения ее обществом лишний человек на каждом этапе советского исторического развития выглядел в литературе по-разному» [2].

Во второй половине XX в. наблюдаются модификации классического типа «лишний человек» в контексте «деревенской» прозы, в частности, в творчестве В. М. Шукшина. Шукшиноведы выделяют ряд характерных героев произведений писателя: праведник, путник, авантюрист, фантазер, философ, античудик, ерник, лжец, мечтатель, ребенок, деятель, счастливец, преобразователь и т. д. Среди множества типажей, отраженных в творчестве писателя особенно выделяется такой новаторский тип героя, как «чудик». Литературовед И. В. Новожеева выделяет следующие черты, присущие такому типу героя: «“Чудик” способен к рефлексии, понимаемой двояко: как способность индивида абстрагироваться от всего внешнего, телесного и постоянное

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 304
из 378

соотношение своего «Я» с неким Абсолютом, герой ищет оправдания жизни, поступков, слов, но не является ни правдоискателем, ни праведником, «чудик» стремится вырваться из привычного круга жизни, придать своим будням праздничную украшенность, расцветить жизнь воображением, зрелищным, театральным поведением» [3]. Помимо уникальных, самобытных черт данный тип героя имеет точки соприкосновения с типом «лишний человек» по таким пунктам, как «отчуждение от официальной России, от родной среды, чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, разлад слова и дела» [4].

Образ Ивана из рассказа «В профиль и анфас» отражает тяжелую и непостижимую тоску человека, причины которой герой не может понять. Образ Ивана из этого шукшинского рассказа является наиболее близким к классическому «лишнему человеку». Молодой шофер Иван, которого лишили прав за пьянство, в разговоре с одним знакомым стариком из родного села пытается выяснить причины своего странного, гнетущего состояния: «Вообще грустно, дед. Почему так? Ничего неохота... как это... как свидетель. Я один раз свидетелем был: один другому дал по очкам, у того зрение нарушилось. И вот сижу я на суде и не могу понять: я то зачем здесь? Самое ж дурацкое дело! Ну, видел – и все. Измучился, пока суд шел. – Иван посмотрел на огоньки в огородах, вздохнул, помолчал. – Так и здесь. Сижу и думаю: «А я при чем здесь?» Суд хоть длинный был, но кончился, и я вышел. А здесь куда выйдешь? Не выйдешь». Герой не может найти ответа у старика – рабочего человека, поскольку тот всю жизнь прожил в соответствии с незамысловатыми нравственными ориентирами и ему совсем не понятны причины подобных рассуждений молодого человека. Сам Иван тоже не в состоянии разобраться в своих ощущениях, похожих на глубокую тоску и лень одновременно: «А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял? Вроде нанялся, работаю. Но спроси: «Для чего?» – не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался... А дальше что? – Иван серьезно спрашивал, ждал, что старик скажет. – Что дальше-то? Душа все одно вялая какая-то...».

Этого героя отличают следующие определяющие черты типа «лишний человек»: душевная усталость и скептицизм по отношению к традиционным представлениям старшего поколения о благополучной жизни. Из рассуждений героя в ходе своеобразной дискуссии со стариком о месте труда в жизни человека видно, что Иван с недоверием относится к сельской философии, не чувствует удовлетворения от постоянной тяжелой работы, ему чужд крестьянский образ жизни. Герой этого рассказа стремится выйти из привычного круга жизни, сбежать из родной среды, пытаясь найти причины душевной усталости (вялости души).

Таким образом, одной из трансформаций типа «лишнего человека» в русской литературе второй половины XX в. является уникальная концепция героя-чудика, созданная В. М. Шукшиным. Феномен «чужачества» как проявление маргинальности, положенный писателем в основу образов главных героев своих рассказов, выступает авторским средством обличения проблем современного социума, мещанского образа жизни, построенного на культе материального блага. Герои рассказов В. М. Шукшина соединяют в себе традиционные фольклорно-литературные характеристики образа дурачка, юродивого, добровольного шута, а также черты типа «лишний человек»: отчуждение от родной среды, чувство интеллектуального и нравственного превосходства над

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 305
из 378](#)

социальной средой, душевная усталость, разлад слова и дела, стремление покинуть родную среду, склонность делать поспешные, незрелые выводы.

В творчестве В. М. Шукшина, максимально вписанном в реалистическую традицию, появляется характерный герой, тип человека-чудака, чуждого родной среде, выпавшего из образа жизни среднего большинства. Шукшинские герои являются уникальной авторской формой отражения современного социального кризиса, свойственного миру и человеку советской деревни 1960–1980-х годов.

Список использованной литературы

1. Манн, Ю. В. Лишний человек : крат. лит. энцикл. / Ю. В. Манн ; под. ред А. А. Суркова. – М. : Совет. энцикл., 1962–1978. – Т. 4. – 1024 с.
2. Федоров, Д. В. Лишний человек как вечный тип русской литературы [Электронный ресурс] / Д. В. Федоров // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by>. – Дата доступа: 10.09.2018.
3. Новожеева, И. В. Концепция человека в деревенской прозе 1960–80-х гг. [Электронный ресурс] / И. В. Новожеева // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 18.04.2019.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; под ред. А. Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2003. – 1600 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 306
из 378

К. Ю. БИРУК (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. М. Садко, кандидат филологических наук, доцент)

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ПОЭЗИИ СТАРОСИМВОЛИСТОВ

В целом, русская культура на рубеже XIX–XX веков неизбежно развивалась в контексте европейской философско-поэтической мысли. Она являлась ее частью и ее отражением, приобретая свою специфику. «Характерными чертами русской философии становится сильная подверженность религиозному влиянию, стремление почти всех философов заниматься комплексом проблем, вместо того, чтобы разглядывать отдельную проблематику» [1]. В 1890-е годы у творческой интеллигенции России возникло настроение безнадежности и неприятия жизни. В условиях быстрого технического прогресса человек начал осознавать свою власть над природой, но в то же время развитие науки не заполняло пустоту общественного сознания.

Рубеж веков стал периодом поисков важнейших этических идеалов и убеждений, значительной глубины религиозной восприимчивости. На рубеже эпох человек был охвачен различными предвидениями, ожиданиями «конца света», гибели цивилизации. Это обостряло метафизические настроения, заставляло дух торжествовать над материей. Огромное значение имела философия Ф. Ницше не только в европейской эстетике, но и в русской. Его идеи разделяли также В. Я. Брюсов, В. И. Иванов и многие другие.

В русском осознании нищестанства наблюдаются две установки: внешняя, вульгаризирующая философию Ницше и заявившая о себе в моде, в общебытийной и литературной позиции; внутренняя, которая допускает не только полное копирование и имитацию, но и возможность просочиться вглубь суждений Бытия и Вечности через самого себя. Ведущей установкой в нищестанской философии, созданной в русской культуре, явилось отношение к жизни, желание ответить на вопрос «что есть жизнь?» У мира деструкции и хаоса, утраты веры и безразличия не было оправдания перед разумом. Слишком много минусов в жизни. «Осознание этого привело деятелей русской культуры к пониманию того, что высшее оправдание жизни должно лежать видимо, не в сфере “ratio”, а в эстетической сфере» [1].

Символизм – значимое явление философской и культурной жизни России на рубеже XIX–XX вв. Как известно, русский символизм в своих основах опирался на западный вариант и в целом духовную культуру Европы: философия (Ф. Шиллер, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр), романтизм, музыкальное мышление (Р. Вагнер) и др. Однако неверно говорить, что русский символизм – лишь адаптированный вариант западного: в нём есть и нехарактерные для европейского направления черты, а также религиозно-эстетический аспект в осмыслении творчества и культуры. Исследуя русский символизм, многие исследователи уделяют внимание психологическим аспектам, личностным особенностям деятелей эпохи. Происхождение символизма было тесно связано с дефицитом религии. Нищестанская философия передает состояние «истощения» традиционных религиозных идеалов, провозгласив, что «Бог умер». Старосимволизм устанавливается как новая разновидность духовных поисков. В ряды старосимволистов входили такие выдающиеся личности как И. Анненский, В. Брюсов, К. Бальмонт,

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 307
из 378

З. Гиппиус, Д. Мережковский, Н. Минский, Ф. Сологуб и др. Представители этого направления «являлись скорее импрессионистами, так как они ещё не создали систему символов и старались передать тончайшие оттенки звучаний, чувств и настроений. Они вещали о культуре самовыражения поэта в любой форме, отвергали существующую действительность, слово стало всего лишь музыкальной нотой и лишилось своего первоначального назначения. «Старшие символисты» писали о жизни как о порочной, суровой, скучной, лишённой какого-либо смысла» [2].

Старосимволизм устанавливается как новая разновидность духовных поисков. В их произведениях (Г. Ибсен, Д. Мережковский и др.) все чаще встречается образ человека, который бросает вызов своему небезграничному потенциалу и становится на один уровень с Богом. Важную значимость символистское движение уделяло соединению с потусторонним миром, что сказывалось на их неоднократном обращении к «тайнам гроба», увлечению магией, языческим оккультизмом и возрастанию роли мнимого, сверхъестественного. Декадентская художественность реализовалась в самых спонтанных формах, погружаясь в фантастический, невероятный мир, в области, которым ранее не уделялось должного внимания, – эзотерику, сон и смерть, мир эроса, преобразованных состояний порока.

Одной из основоположников русского символизма становится Зинаида Гиппиус (1869–1945), яркий и самобытный автор и мыслитель.

Ранняя поэзия З. Гиппиус отражает основные мотивы лирики старосимволизма: тяготы скучной реальности, непонимание между людьми, одиночество, поиски новой красоты, прославление фантазийного мира («Увы, в печали безумной я умираю...»; «О, пусть будет то, чего не бывает...»; «Мне нужно то, чего нет на свете...»).

Лирика З. Гиппиус сводится к трём основным вечным темам: человек, любовь, смерть. Единственный путь примирения любви и вечности поэтесса видела лишь в смерти: («И так легко, и тяжесть жизни спала... / О, милый друг, отрадно умирать»).

В стихотворении «Надпись на книге» ярко проявила себя любовь автора к вымышленному, несуществующему («Мне мило отвлечённое: / Им жизнь я создаю...»). Звучит отказ от существующих реалий («Но для речей единственный / Не знаю здешних слов») [3, с. 384].

И напротив: все данное, все что реально, в представлении. Гиппиус, является мрачным, грубым, нелепым: («Страшное, грубое, липкое, грязное, / жёстко тупое, всегда безобразное»; «Плоско-смешное и тошнотрусливое, / Вязко, болотно и тинно застойное») [3, с. 384]. В некоторых стихотворениях поэта присутствует мысль об истинности интуитивного начала. Красота рассматривается во всех ее противоречиях.

Таким образом, старосимволисты опираются на философию интуитивного познания (А. Бергсон, А. Шопенгауэр), труды религиозных мыслителей рубежа веков (В. Соловьев, П. Флоренский), оригинальную концепцию Ф. Ницше. Представители этого направления, в том числе и З. Гиппиус, считают, что разум мешает адекватному мировосприятию, он сковывает мысли человека в рамки и не даёт им свободы. Поэтому мир обыденности воспринимается писателями как нечто дисгармоничное, ему противопоставлена сверхчувственная интуиция, свобода творческого самовыражения, проповедь высокой духовности.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 308
из 378

Список использованной литературы

1. Философия : учеб. для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. – М. : Норма, 2005. – 928 с.
2. Русская литература XX века : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений : в 2 т. / Л. П. Кременцов [и др.] ; под ред. Л. П. Кременцова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академик, 2003. – Т. 1 : 1920–1930-е годы. – 496 с.
3. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия : пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. А. Трифонов. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 1980. – 640 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 309
из 378](#)

Д. А. ВИРКОВСКИЙ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – И. А. Швед, доктор филологических наук, профессор

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ В РАССКАЗАХ В. Ф. ТЕНДРЯКОВА 1970–1980 ГГ.

История и литература – предметы, тесно связанные между собой. На сегодняшний день известно большое количество художественных произведений, так или иначе переосмысливающих исторический опыт. Романы В. Скота, В. Гюго, А. Дюма сегодня входят в золотой фонд мировой литературы. В русской литературе историческую тему развивали А. Пушкин, М. Загоскин, А. Новиков-Прибой, А. Толстой и многие другие. Исследование исторической литературы является актуальным и сегодня. В данной статье речь пойдет об исторических произведениях писателя XX в. В. Ф. Тендрякова.

Прежде чем перейти к анализу произведений, следует упомянуть, что в литературоведении исторические события могут быть трактованы по трем направлениям:

1. Согласно общепринятой точке зрения, так как написано в учебниках по истории и официальной исторической литературе, которая, к слову, неоднократно переписывалась. В таком случае мы можем говорить «об истории как она есть».

2. «Альтернативное видение истории». Данный вид трактовки противоположен предыдущему. Автор отходит от общепринятой точки зрения, зафиксированной в учебниках по истории и официальной исторической литературе, иллюстрируя новый, альтернативный взгляд.

3. «Соединение общепринятой точки зрения и художественного домысливания исторического произведения». При данной трактовке исторические события в том виде, в котором они описаны в официальной исторической литературе, домысливаются автором, вплоть до написания художественного продолжения того или иного исторического явления.

На примерах произведений В. Ф. Тендрякова «Пара гнедых», «Хлеб для собаки», «На блаженном острове коммунизма», «Параня», «Донна Анна» можно говорить, что Тендряков трактует исторические события в своих текстах по третьему возможному пути: рисуя альтернативный вариант развития событий, он не идет в разрез с общепринятой точкой зрения, хотя, на первый взгляд, может показаться, что это так.

В то же время, нельзя говорить о том, что повествование в анализируемых рассказах идет в строгом соответствии с официальной точкой зрения. Автор выбирает ту стратегию интерпретации исторических событий, при которой официальная история дополняется событиями, о которых по тем или иным причинам не принято говорить. Причем информация, которая «как будто» дописана, основывается на вполне реальных событиях, подтверждением чему являются авторские документальные реплики и вступления к произведениям, в которых указаны конкретные даты, отзывающиеся в памяти автора тем или иным образом.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 310
из 378](#)

Убедительность тендряковской трактовки истории заключена еще и в том, что повествование ведет очевидец событий, который, ничего не утаивая, подробно рассказывает об увиденных событиях, происходящих на сломе исторических эпох. Читатель погружается в различную историческую обстановку: постреволюционная разруха, сталинизм, Великая Отечественная война, смена Сталина Хрущевым (период, когда у власти был Л. Берия, в анализируемых произведениях не затрагивается). При этом писатель изображает жизнь в её течении, развитии в определенных исторических условиях, в результате которых личность либо меняется в положительную сторону, либо уничтожается, загнивает.

Володя Тенков – рассказчик, прототипом которого является сам автор, также воспитывается на сломе исторических эпох, при смене правящих режимов. Автор изображает становление личности своего героя, помогая читателю осознать, насколько велико влияние исторических событий на судьбу человека. Володя Тенков и сам толком не знает, почему при всех ужасах его жизни он не сошел с ума: «Уже взрослым я долгое время удивлялся и гадал: почему я, в общем-то впечатлительный, уязвимый мальчишка, не заболел, не сошел с ума сразу же после того, как впервые увидел куркуля, с пеной и хрипом умирающего у меня на глазах. <...> Наверное, потому, что ужасы сквера появились не сразу и у меня была возможность как-то попривыкнуть, обмозолиться» [1].

Реалистичность рассказов В. Ф. Тендрякова исследуемого периода достигается путем включения читателя в текст произведения, благодаря историческим вставкам (имеются ввиду документальные реплики и очерчивание хронотопа в начале произведения, своеобразный исторический дневник) и биографическому компоненту (речь идет о персонаже-повествователе – Володе Тенкове, в образе которого прослеживаются черты автора).

Герои произведений В. Ф. Тендрякова – это люди XX века, с человеческими достоинствами и недостатками, лишённые чрезмерной правильности, поступающие так или иначе не потому что так принято, а потому что по-другому будет еще хуже. Они делают осознанный выбор, который в некоторых произведениях меняет характер персонажа до неузнаваемости. Но герои – личности, персонажи В. Ф. Тендрякова – «живые люди», которые действуют в обстоятельствах, наиболее полно раскрывающих их характеры.

Список использованной литературы

1. Тендряков, В. Ф. Донна Анна [Электронный ресурс] / В. Ф. Тендряков. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/186563-vladimir-tendryakov-donna-anna.html>. – Дата доступа: 07.12.2017.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 311
из 378

Д. В. ГЛУХОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, кандидат филологических наук, доцент

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ LENTA.RU И TUT.BY В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В данной работе новостной портал мы определяем как вид электронного ресурса, технические особенности которого направлены на эффективную трансляцию новостного контента. Для пользователей новостной портал – комфортное средство потребления новостного контента.

Ведущие игроки на новостном медиарынке Беларуси и России – LENTA.RU и TUT.BY. Их контент стал эмпирической базой данной статьи.

Оба портала стремятся к реализации конвенциональной коммуникационной стратегии, однако доминирующей все же остается презентационная стратегия с элементами манипулятивной, о чем свидетельствуют практики информационного монолога, спекуляции, негативизма. Одним из способов преодоления этой стратегии выступает использование медиаресурсами коммуникативного потенциала социальных сетей, способствующих формированию «журналистики диалога и взаимодействия» [1].

Социальные сети – это не только другая логика потребления контента, но еще и удобство для пользователя, который становится все более мобильным. Крупные СМИ осознают, что эти платформы не забирают у них аудиторию, а являются рычагом донесения опубликованной информации и возможностью визуально представить портрет издания.

В результате анализа аккаунта LENTA.RU в социальной сети «ВКонтакте» мы выделили следующие типы репрезентации контента: «предложение почитать текст»; «пост-рецензия»; «хедлайн»; «презентация видеоконтента»; «небольшой пересказ текста»; «небольшой текст без ссылки»; «цитата дня»; «ироничный комментарий».

«Предложение почитать», как правило, состоит из небольшой вводной части и совета: «Шикарные особняки и квартиры с сотнями квадратных метров – вот реальность, в которой живут российские олигархи. Однако далеко не все из них росли в такой же шикарной обстановке с детства. Почитайте воспоминания бизнесменов о своем первом жилье в России» [2; 18.05.2019; 00:00].

«Пост-рецензия» информирует, о чем будет говориться в тексте: содержит вводную и редакционное мнение о событии: «В России спустя восемь лет собираются воскресить систему вытрезвителей. Мы поговорили с теми, кто регулярно попадал в такие заведения и разобрались, почему идея, казалось бы, смешная, а ситуация страшная» [2; 18.05.2019; 23:20].

Небольшие заметки представляют собой копирование заголовка: «США нашли способ ограничить поставки российского оружия» [2; 18.05.2019; 23:28], «В Тель-Авиве стартовал финал “Евровидения”» [2; 18.05.2019; 23:13], «”Манчестер Сити” выиграл Кубок Англии» [2; 18.05.2019; 22:43], «Канцлер Австрии объявил досрочные выборы в парламент» [2; 18.05.2019; 22:29], «ЦСКА вышел в финал баскетбольной Евролиги» [2; 18.05.2019;

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 312
из 378](#)

01:40], «Бросившую дочь в поликлинике москвичку задержали» [2; 18.05.2019; 1:42], «Порошенко уволил 14 своих советников» [2; 18.05.2019; 02:47], «Учительница Кадырова погибла в ДТП» [2; 18.05.2019; 03:50].

Некоторые тексты содержат важную деталь, которая может заинтересовать читателя, побудить перейти по ссылке: «Сирийские ПВО отбили атаку со стороны Голанских высот. Местный телеканал сообщает, что пригород Дамаска обстреляла израильская сторона» [2; 18.05.2019; 10:40].

В презентации видеоконтента используется юмор, сленг для создания дружественной атмосферы, установления связи с потребителем контента.

Часто используется пересказ события: «В РПЦ выразили сожаление, что протесты в Екатеринбурге переросли в насилие по отношению к обеим сторонам конфликта. Но добавили, что сторонников храма все равно больше. Кстати, вот так выглядит молебен сторонников храма, который проходит прямо сейчас» [2; 18.05.2019, 19:21].

Нередко демонстрируется мнение редакции, в том числе иронического характера: «В Новосибирске несколько женщин напали на грузовик с тестами на ВИЧ. Потому что были свято уверены, что кровь там берут для изъятия органов, а СПИД – выдумка. Кстати, они также верят, что СССР до сих пор существует»; «Россияне, которые свалили за границу, захотели создать “округ дальнего зарубежья”, чтобы выбирать собственного депутата для Госдумы. А еще жалуются, что многие покидали страну с советскими паспортами, а получить российский тяжеловато» [2; 18.05.2019; 16:35].

Часто редакция LENTA.RU не скрывает своей иронии в адрес публичных личностей: «Не подвести Евросоюз, бороться с российской агрессией, усилить санкции, бла-бла-бла... Это Порошенко составил список важных дел для Зеленского» [2; 18.05.2019; 16:16]; «Бузова рассказала о разочаровании в очередном мужике. Похоже, познание их мира проходит для нее не так уж успешно» [2; 18.05.2019; 20:40].

Для установления контакта с аудиторией LENTA.RU обращается к читателям с вопросом: «Сборная России по хоккею обыграла команду Латвии со счетом 3:1. А уже завтра ждем игру со Швейцарией. Ну что, затащим чемпионат мира?» [2; 18.05.2019; 16:55].

Отдельный тип постинга – это «цитата дня»: в виде иллюстрации и небольшого сопровождающего текста дается важная цитата, интерпретирующая смысл события, акцентирующая внимание на важных деталях.

Как и LENTA.RU, TUT.BY предлагает прочитать тот или иной текст, но, в отличие от российского портала, реже рассказывает о деталях: «Смотрите, какие безмерные пристройки к квартирам делают в Украине» [3; 18.05.2019; 02:00]; «Вы только посмотрите, какая красота приехала в Минск!» [3; 18.05.2019; 12:30]:

TUT.BY тоже иногда копирует заголовки материалов: «Названа новая причина смерти актера Дмитрия Марьянова» [3; 18.05.2019; 11:30], «В поселке Озерцо под Минском произошло ЧП с легкомоторным самолетом» [3; 18.05.2019; 20:16]. При этом часто демонстрирует эмоциональное отношение к событию: «Это что-то нереальное! В Таиланде собака-инвалид спасла похороненного заживо младенца» [3; 18.05.2019; 17:05].

Издание отдельными постами транслирует видеоконтент: «Неудобные вопросы близнецам: секс втроем, душ вместе, экзамены друг за друга» [3; 18.05.2019], «В турецком Эрзуруме 5 часов ловили быка, который

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 313
из 378](#)

сбежал с бойни. Его поймали и отвезли назад» [3; 18.05.2019; 13:42], «Похороны убитого сотрудника ГАИ в Могилеве» [3; 18.05.2019; 23:25].

Используются также методы пересказа текста в одном предложении и обращения к аудитории с вопросами: «На сколько можно поправиться, если две недели есть фастфуд?» [3; 18.05.2019; 00:30]; «У Instagram вчера были какие-то проблемы. Заметили?» [3; 18.05.2019; 10:00].

Но самым популярным типом репрезентации является текст, состоящий из постановки вопроса и ссылки на ответ: «Почему на языке белый налет и жгучие боли в животе? Рассказываем» [3; 18.05.2019; 17:30].

TUT.BY иногда высказывает мнение редакции в коротких изречениях, которые сопровождают ссылку на новость: «В этой одежде скоро будут ходить молодые белорусы» [3; 18.05.2019; 07:00]; «Грустная новость в этот день» [3; 18.05.2019; 19:04]; «Вы только посмотрите, как круто сегодня было в центре Минска! 20 тысяч велосипедистов!» [3; 18.05.2019; 22:45].

У обоих веб-изданий есть похожие свойства в стратегии поведения в социальной сети «ВКонтакте» и приемы взаимодействия с аудиторией. Это выражается в том, что они предлагают читателю прочтение определенных материалов, копируют хедлайны, презентуют видеоконтент.

Но есть и различия: у TUT.BY нет формата «цитата дня», «цифра дня». Комментарии TUT.BY не такие ироничные, как у LENTA.RU. TUT.BY в «ВКонтакте» печатает минимум текста, редко просто копирует часть публикации.

Социальные сети являются стратегическим ресурсом интернет-СМИ. Редакции веб-изданий обращаются к социальным сетям не только с целью привлечения новой аудитории, но и для поддержания связи с постоянными посетителями и формирования определенного образа СМИ.

Список использованной литературы

1. Балмаева, С. Как новые медиа изменили журналистику [Электронный ресурс] / С. Балмаева, М. Лукина. – Режим доступа: <http://newmedia2016.digital-books.ru>. – Дата доступа: 10.02.2019.
2. Лента.ру : страница в ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/lentaru>. – Дата доступа: 17.05.2019.
3. Белорусский портал TUT.BY : группа ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/tutby>. – Дата доступа: 17.05.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 314
из 378

Н. А. ГОНЧАРОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, кандидат филологических наук

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИАТЕКСТА В ДИДЖИТАЛ-МАРКЕТИНГЕ

С каждым годом количество пользователей интернет-сетей увеличивается во много раз. В онлайн-пространство переносится коммуникация, а вместе с ней – широкий пласт культуры. Этим обусловлена постепенная трансформация не только самой культуры, но и непосредственно текста как способа ее передачи и сохранения.

Информация в XXI веке становится как никогда доступной. Вместе с этим возникают новые виды медийного текста и различные подходы к их классификации. Понятие «медийный текст», которое используется в ряде наук (теории журналистики, социологии, коммуникативистике, лингвистике и проч.), охватывает множество разноплановых продуктов медиареальности: газетные тексты, блоги, кино и рекламу, тексты радиоэфиров и др. Медiateкст – наиболее востребованный термин для обозначения текстов массовой коммуникации, который вобрал в себя «параллельные, взаимозаменяемые или пересекающиеся феномены – массово-коммуникативный текст, масс-медийный текст, журналистский текст, публицистический текст, газетный текст, телетекст, рекламный текст, PR-текст, интернет-текст и т. д.» [1].

К изучению тематики медиатизации обращались в рамках теории индустриализации культуры (Франкфуртская школа: Г. Маркузе, Т. Адорно, Ю. Хабермас), социальных исследований медиа (Торонтская школа: Г. Иннис, М. Маклюэн и К. Фиоре, Д. Белл), теории медиатизации культуры (Дж. Томпсон, К. Асп, С. Ярвард, Н. Коулдри, Ф. Кротц) и др.

О. В. Красноярова в статье «Медийный текст: его особенности и виды», обращаясь к коммуникативистике, выделила два вида текстов на основе их функционально-целевой ориентированности:

- 1) текст массовой коммуникации как информационный продукт масс-медиа;
- 2) текст массовой коммуникации как рекреационный продукт массовой культуры [2].

Оба вида служат социальному взаимодействию независимо от своих функциональных особенностей. В рамках выбранной темы особый интерес представляет текст как продукт массовой культуры, для которого ведущей функцией является развлечение, отвлечение. Медийный текст этого типа будет иметь повествовательную структуру и подлежать членению так же, как и художественный текст высокой культуры. Однако при этом характеризуется нетипичной для художественного текста схематичностью, стереотипностью, из-за которых возникает эффект локализации текста в информативных индексах, отсылающих к конкретному типу восприятия медийного текста. Также различие прослеживается на уровне функций, поскольку «медийный текст опирается на информационную коммуникацию, а текст как продукт высокой культуры – на художественную» [2].

В современной науке существует несколько подходов к рассмотрению медиатекста. Так, Б. Я. Мисонжников предлагает рассматривать медиатекст как текст «в универсальном, классическом значении этого

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 315
из 378](#)

понятия» [3]. Этот подход возможен в силу того, что медиатекст обладает всеми признаками текста и выполняет типичные для текста функции. Однако многие исследователи предлагают рассматривать медиатекст как уникальную и самостоятельную текстовую единицу, а также как совокупный продукт массовой коммуникации – тексты журналистики, рекламы и PR со своими специфическими характеристиками. Вместе с функциями, типичными для текста, могут выделяться особые, характерные только для медиатекстов. Вслед за О. В. Краснояровой определим общие признаки для медиатекстов всех категорий и видов, а также разделим их на группы в соответствии с их характеристикой.

Первая группа выражает содержательно-формальные особенности медийных текстов.

1. *Популярность*. Медиатекст направлен в первую очередь на популяризацию информации, ее передачу аудитории. Информация должна быть адаптирована и доступна массовому сознанию. На популярность медиатекста влияют многие факторы, которые необходимо учитывать при его создании (ситуативность, характер аудитории, конфликтность повествования и т. д.).

2. *Актуальность*. Медиатекст должен отличаться новизной и современностью, поднимая злободневные проблемы, способные вызвать интерес у потенциального читателя, зрителя или слушателя. Как правило, это политические, социальные, бытовые проблемы. О. В. Красноярова сравнивает медиатекст с «летописью современности», которая не просто освещает каждодневные события, но и фиксирует реакцию на них. Именно в медийных текстах фиксируются изменения в обществе, описываются достижения человечества и в целом воплощается дух эпохи.

3. *Релевантность*. Чтобы «выжить», медиатекст должен отвечать запросам аудитории и меняться, подстраиваясь под реалии современной культуры в рамках возрастающей конкуренции, обусловленной широкой доступностью информации в XXI веке.

4. *Контекстуальность*. Любой медийный текст настроен на передачу сообщений в определенном контексте, который определяет возможности декодирования аудиторией сообщений, реализуемых в различной среде: политической, социальной, идеологической и т. д.

5. *Интертекстуальность*. Медийный текст – всегда звено в бесконечной цепи подобных ему текстов. Каждый текст взаимодействует с остальными (непосредственно или опосредованно). Особенность медийных текстов так или иначе ссылаться друг на друга также объясняет отсутствие какого-либо базового текста, освоив который можно было бы понять все остальные.

6. *Стереотипность*. Медиатекст может либо поддерживать существующие стереотипы и константы культуры, либо разрушать их, создавая новые. Обе целевые установки подразумевают взаимодействие медиатекста с группой стереотипов, заложенных в обществе.

7. *Стандартизованность*. Медиатексты используют определенную логику построения сообщения и его передачи. В основе каждого текста лежат коммуникативные стандарты: речевой, опирающийся на определенные стилевые характеристики, узнаваемые и понятные адресату; и жанровый, основывающийся на формальных и структурных характеристиках, освоенных массовой аудиторией.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 316
из 378

Вторая группа связана с признаками производства и технического распространения медиатекстов.

1. *Технологичность*. С развитием информационных технологий изменяются характер и сущность массовой коммуникации. Индустриализация обусловила поиск новых способов для производства и распространения медийных текстов (фото- и видеосъемка, монтаж видео и звука, создание интернет-страниц и т. д.). Таким образом, индустриализация расширила поле значений, выражаемых медийными текстами.

2. *Тиражированность*. Без механизма тиражирования информацию невозможно представить широкой аудитории. Тиражирование помогает медиатексту приобрести статус массового информационного продукта.

3. *Повторяемость*. Информация, передаваемая посредством медиатекста, многократно повторяется, что обуславливает возможность увеличения количественного увеличения информации. Из-за того, что медиатекст реализуется в каналах, направленных на различную аудиторию, информация не дублируется, а варьируется, сохраняя лишь информационное ядро.

4. *Взаимозаменяемость*. Из-за постоянного притока различной по степени важности информации медиатексты постоянно вытесняют друг друга. Одно сообщение заменяется другим, повторяя во множестве вариантов стандартизированную информацию.

Понятия «текст» и «медиатекст» не могут быть соотнесены. Текст – это более общее понятие, которому присуща множественность смыслов и значений. Вместе с человеческой культурой развивается и меняется текст, появляются новые его виды. С проникновением информационных технологий в жизнь каждого человека (следствием развития которых является появление новой медиакультуры) появляется потребность в развитии новых видов текста. Таким образом, медиатекст – лишь одна из форм проявления текста, его адаптация к культурному, историческому и технологическому контексту.

Итак, следует обозначать медиатекст как медийный продукт, которому, как и тексту, присуща закреплённость смысла, но который, тем не менее, остается явлением медийным. Модель медиатекста представляет собой закрытую модель готовых конструктов трактовки действительности. Однако, в отличие от текста, медиатекст может характеризоваться переходностью характерных признаков, к числу которых относятся:

- 1) замкнутость / открытость;
- 2) законченность / обрывистость;
- 3) единственность / множественность;
- 4) монологизм / диалогизм;
- 5) целостная структура / процесс ее образования.

В связи с непрерывным развитием информационных технологий в современном пространстве медиатекст становится технически опосредованной частью культуры. Взгляд сквозь призму медиатизации проблематизирует понятие коммуникации, которая традиционно рассматривалась лишь как взаимодействие лицом к лицу. Современный уровень развития культуры обуславливает изменения в стратегиях выстраивания идентичностей (индивидуальных и групповых). В условиях детерриторизации перенос коммуникации в онлайн-пространство и на широкое поле медиаплощадок оказывается неотъемлемой частью существования культуры, в том числе

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 317
из 378

в сфере накопления и сохранения знаний о прошлом. Таким образом, исследование особенностей создания и функционирования медиатекста является актуальным направлением развития современного языкознания, культурологии, искусствоведения, семиотики и других научных дисциплин.

Список использованной литературы

1. Казак, М. Ю. Специфика современного медиатекста [Электронный ресурс] / М. Ю. Казак. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml>. – Дата доступа: 06.03.2019.
2. Красноярова, О. В. Медийный текст: его особенности и виды [Электронный ресурс] / О. В. Красноярова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/mediynnyu-tekst-ego-osobennosti-i-vidy>. – Дата доступа: 07.03.2019.
3. Мисонжников, Б. Я. Отражение действительности в тексте [Электронный ресурс] / Б. Я. Мисонжников. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5/63>. – Дата доступа: 03.03.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 318
из 378

В. В. ГРОМКОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, кандидат филологических наук, доцент

ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ГАЗЕТЫ «РЕКЛАМНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП» В ОСВЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕМАТИКИ

Газета «Рекламный калейдоскоп» (учредитель – ОДО «Септима», зарегистрирована в 2010 г., главный редактор – Сергей Семашкевич) представляет собой информационно-рекламное издание, которое содержит материалы «о социально значимых событиях, явлениях, процессах и рекламные тексты, представленные в виде модульной рекламы, ориентированному на широкий круг читателей и идентифицируемому целевой аудиторией как содержащее журналистскую информацию» [1]. Газета выходит на 4-х полосах, каждый номер содержит 2–3 больших текстовых материала и 7–8 текстов меньшего объема.

В последнее время обнаруживается тенденция к сближению жанров журналистики и рекламы. В. Ученова в книге «Реклама: палитра жанров» пишет: «Наиболее настойчиво к задачам рекламирования привлекаются жанры публицистики. Этот процесс начался одновременно с проникновением рекламы на страницы газет, т. е. с начала XVII в. в Западной Европе и с XVIII в. в России» [2]. С точкой зрения В. Ученовой согласна И. Сазонова, представившая классификацию текстовой рекламы, которая практически повторяет традиционное деление жанров журналистики на три группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические.

Исследователь В. Цвик акцентирует внимание на автономном статусе рекламы, рекомендует «не торопиться с прямыми переносами традиционных журналистских жанров на все рекламные произведения» и выделяет четыре вида рекламы: престижная, или имиджевая (ее используют для формирования долговременного образа фирмы, учреждения, организации); реклама марки (для долговременного выделения конкретного марочного товара); рубричная (для распространения информации о товаре / услуге); разъяснительно-пропагандистская реклама (для отстаивания конкретной идеи) [3].

В контенте газеты «Рекламный калейдоскоп» (далее все ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием даты выхода и страницы) из перечисленных В. Цвиком доминируют два вида рекламы – престижная (имиджевая), которая реализуется в жанре корреспонденции, и разъяснительно-пропагандистская, адекватным воплощением которой выступает жанр статьи.

Так, в статье «Путь в эпоху милосердия» (18.01.2017, с. 1) С. Семенов обращается к проблеме освобождения города от бродячих животных на примере деятельности КП «Брестский мусороперерабатывающий завод», в функции которого входит отлов бездомных и бродячих животных. Автор не исследует корни этой проблемы, но описывает «цивилизованные, гуманные» пути решения, которые предприняло коммунальное предприятие: завод использует «современные технические средства, ветеринарные ружья для дистанционного обездвиживания животных», на собственные средства построил питомник, условиям содержания в котором

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 319
из 378](#)

«могут позавидовать многие домашние любимцы, живущие у хозяев». Основной посыл автора следующий: такая деятельность предприятия – «путь в эпоху милосердия».

В тексте подняты и артикулированы проблемы основного производства предприятия – сбор и переработка бытовых отходов: модернизация оборудования, работа с населением, преодоление стереотипов поведения по отношению к нововведениям в этой сфере (бесплатные контейнеры). В статье проводится разъяснение по поводу контейнеров, которые выдаются каждому домовладению бесплатно. В конце текста аудитории предлагается контактная информация о заводе и расчетный счет, на который люди могут перечислить деньги на оказание помощи по содержанию животных в приюте предприятия.

В корреспонденции «Жили, живем и будем жить» (15.02.2017, с. 4) автор, рассказывая о деятельности КУП «Пинская проектно-конструкторская мастерская “МАРС”», создает позитивный образ предприятия, акцентируя внимание на политике организации по отношению к молодым кадрам. Именно этот акцент способствует поднятию имиджа предприятия, идущего в ногу со временем, учитывающего тренды современности.

В статье «Залог безопасности» (17.05.2017, с. 2–3) содержится информация разъяснительно-пропагандистского плана относительно природного газа и предприятия, одним из направлений деятельности которого является обслуживание газовых приборов и аппаратуры – производственного республиканского унитарного предприятия «Брестоблгаз».

Престижно-имиджевый характер свойствен корреспонденции «Память о прошлом» (02.08.2015, с. 2), которая рассказывает об этапах деятельности УП «Брестводстрой», стоящего «у истоков глобальных перемен в сельскохозяйственном производстве южного Полесья». Созданию имиджа предприятия способствуют мини-экскурсы в историю мелиорации Полесья, интервью с заместителем директора, который является очевидцем происходившей трансформации, и его оценки выступают как дополнительные штрихи к имиджу успешного производства, сумевшего, как отмечается в тексте, «вовремя перегруппироваться в новых создавшихся условиях, при этом не только сохранив свою основную производственную направленность, но и освоив новые виды строительных работ и услуг».

Престижно-имиджевый вид рекламы реализуется и посредством жанров очерка и зарисовки. Таковы, например, тексты «Четыре ветерана» (01.03.2017, с. 2–3), «Две бригады» (16.08.2017, с. 1). Так, в очерке «Четыре ветерана» (01.03.2017, с. 2–3) рассказаны истории четырех специалистов-женщин ОАО «Домановский ПТК» – одного из предприятий Брестчины, где «особое внимание уделяется выполнению социальных программ, заботе о своих работниках».

Перечисленные и большинство других материалов газеты, кроме рекламных, выполняют имиджевые функции, что свидетельствует о применении журналистами PR-технологий. Классических рекламных текстов, центральным звеном которого выступает товар, продукция, в газете немного: в количественном плане они составляют 10 %. Иллюстрацией такого рода текстов выступает, например, рекламная статья «ОЛЕМДРЕВ И ДАКСПРОФИЛЬ» (18.10.2017, с. 1). В статье рекламируется продукция частных предприятий «ОлЕМДрев»

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 320
из 378

и ООО «Дакспрофиль», расположенных в г. Дрогичин. В данном материале удачное сочетание текстовой и иллюстративной информации (вербально-невербальная стратегия) усиливает эффективность материала.

Таким образом, в контенте газеты «Рекламный калейдоскоп» доминируют престижная (имиджевая) реклама, которая реализуется в жанре корреспонденции, и разъяснительно-пропагандистская, адекватным воплощением которой выступает жанр статьи, а также очерк и зарисовка, что обусловлено использованием персонифицированных коммуникативных практик.

Список использованной литературы

1. Мельникова, В. А. Особенности функционирования рекламного издания на региональном медиарынке (на примере журнала «Торговля и производство Белгородской области») [Электронный ресурс] / В. А. Мельникова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-reklamnogo-izdaniya-na-regionalnom-mediarynke-na-primere-zhurnala-torgovlya-i-proizvodstvo>. – Дата доступа: 13.05.2019.
2. Реклама: палитра жанров [Электронный ресурс] / В. Ученова [и др.]. – М., 2004. – Режим доступа: http://www.nazaykin.ru/catalog/ru/creative/rek_palitra.htm. – Дата доступа: 25.01.2019.
3. Цвик, В. Л. Реклама как вид журналистики [Электронный ресурс] / В. Л. Цвик. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text16/001htm>. – Дата доступа: 25.01.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 321
из 378

П. Ю. ЗИНОВЕНКО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. М. Садко, кандидат филологических наук, доцент

РОМАН «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В. МАКАНИНА: ПРЕЛОМЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ДОКТРИН СОВРЕМЕННОСТИ

Творчество современного русского писателя Владимира Маканина (1937–2017) на протяжении последних лет неизменно привлекает к себе интерес как читателей, так и литературоведов, поскольку произведения автора организованы как многоуровневые тексты-загадки, отличающиеся сложностью композиции, многомерностью и полисемией.

Так, роману «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) свойственно преломление философских доктрин современности: экзистенциальной концепции мира и человека и постмодернистской интертекстуальности эстетики и поэтики данного произведения.

Надо сказать, что этот роман является обобщением всего творческого пути В. Маканина. Центральный персонаж, Петрович, представляет собой воплощение идей экзистенциальной философии, мотивов трагического одиночества человека, абсурдности существования. В противовес социальному обывательству В. Маканин выдвигает аутентичную личность в лице главного героя. С точки зрения социального и материалистического понимания благополучия, Петрович – старый алкоголик, бесперспективный писатель, которого не печатают с брежневских времен, прихлебатель, ведущий паразитический образ жизни. Однако подлинное идейное значение этого героя куда важнее, чем, например, Зыкова – успешно реализовавшего себя на писательском поприще: «Зыков и есть один из редакционного совета, куда не звонить и в дверь не стучать, а также один из основателей издательства...» [1, с. 450]. Сквозь призму идеологии андеграунда, Зыков – «гранитная крошка нового истеблишмента. <...> Лицо – вот в чем суть, у него уже не было лица!» [1, с. 452]. Петрович гордится своей автономностью, ему уже давно не нужны ни его рукописи, ни слава писателя. Зыков, в свое время выйдя из подполья, осознавал нынешнее положение, от чего и испытывал экзистенциальный дискомфорт.

Современные ученые Н. Лейдерман и М. Липовецкий отмечают, что общежитие является одним из устойчивых образов «роевого» социума, который обладает «огромной метафорической силой, представляя собой модель мира в целом и человеческой души в частности» [2, с. 637]. Показав течение жизни людей в одном здании, автор изобразил всю суть советского и постсоветского общества в целом. Несмотря на видимую огражденность стенами и дверями личного пространства каждой семьи, мы наблюдаем всю прозрачность их взаимоотношений: тайна личной жизни, порядочность, возвышенные чувства нивелируются.

Особенно важными для рассмотрения целостности экзистенции Петровича являются его радикальные методы заботы о своем «Я». С одной стороны, герой применяет физическую силу при малейшей попытке посягнуть на его человеческое достоинство. В главе «Квадрат Малевича» Петрович из-за глупой драки в очереди за сахаром оказывается на унижительном допросе, наблюдая за абсурдным «правосудием». Когда до героя

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 322
из 378](#)

доходит очередь, не выдерживая роли покорного и раскаивающегося гражданина в этом нелепом спектакле, он бьет дружинника: «Ямочка лучилась светом отраженной лампы. Я даже не уловил секунду, когда я ударил в эту ямочку» [1, с. 75]. Герою ничего не стоит выдержать избиение, долгую ночь, проведенную в холодной камере, ведь главное для него – остаться верным своим принципам, сберечь духовную свободу.

Удар как способ защиты своего «Я» становится роковым для возмутителей спокойствия, вынудив героя дважды совершить убийство. В главе «Кавказский след» Петрович стал жертвой ограбления: «Деньги. И курить, – повторил коротко вздохнул, да, такой обычный вздох, мол жизнь идет» [1, с. 137]. На самоощущении героя никак не отразилась потеря денег, но не в его правилах сносить унижение. После длительного внутреннего монолога Петрович ударяет кавказца ножом в спину. Второй инцидент произошел с информатором КГБ, Чубисовым, который также унижил достоинство главного героя, попытавшись выведать у него информацию о запрещенных писателях. Недооценив потенциального информатора, Чубисов пытается напоить Петровича, последний от этого приходит в ярость, и снова совершает убийство.

Под интертекстуальностью понимается своеобразный диалог между текстами, при котором элементы претекста (прототекста) имеют сходство с элементами воспроизводящего текста, они могут быть видны на разных его уровнях (лексическом, стилистический, структурный, содержательный и т. д.) и, кроме того, способствуют более полному пониманию текста. Современные тексты используют интертекстуальность как прием литературной игры, которая позволяет провести анализ взаимодействия различных смысловых пластов и измерений в рамках одного литературного произведения. Это делает интертекстуальность «знаковой» чертой философии и эстетики литературного постмодернизма.

Исследуемый роман гармонично вписывается в традицию постмодернистского искусства, поскольку само название романа отсылает нас к известному произведению М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Мы также наблюдаем созвучие имен центральных персонажей: Петрович, Печорин. В. Маканин использует лермонтовские мотивы одиночества в социуме, дополняя штрихами реалий эпохи застоя и перестройки.

Целесообразно отметить прямые отсылки автора к различным претекстам, перечислив обозначение глав романа: «Маленький человек Тетелин» (Н. Гоголь «Шинель»), «Палата номер раз» (А. Чехов «Палата №6»), «Один день Венедикта Петровича» (как трансформированная номинация рассказа «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына).

В. Маканин, разрабатывая образ «подпольного человека» и проблему современного «подполья», вступает в полемику с Ф. М. Достоевским. Если «подпольный» Достоевского – внутренний человек, со всеми муками личностной рефлексии и трагической судьбы, то персонаж современного андеграунда – социальный человек, входящий в среду и живущий по ее правилам. Их общность определена лишь внешним по отношению к социуму положением. Оба как аутентичные личности выступают оппозицией к существующим социальным и идеологическим нормам. «Подпольный человек» Достоевского интровертен и решает вечные и сегодняшние вопросы наедине с самим собой. У В. Маканина андеграунд – социальная группа, товарищество творческой интеллигенции, пытающихся в своих произведениях выразить оппозицию общественному строю, существующему

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 323
из 378](#)

«истеблишменту», и оттого не печатаемых, не имевших права на выставки, «невыездных», гонимых, преследуемых, нередко сурово наказуемых [3].

Таким образом, роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина представляет собой синтез целого ряда философских и эстетических систем современности. Наиболее яркое художественное воплощение в произведении получили экзистенциальные мотивы «абсолютного отчаяния», абсурдности мира и человека, уникальности и непостижимости внутреннего мира индивидуума, а также постмодернистский интертекстуальный диалог с классическими текстами русских писателей (М. Лермонтов, Ф. Достоевский, А. Чехов, Н. Гоголь и др.).

Список использованной литературы

1. Маканин, В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин. – М. : Вагриус, 1999. – 494 с.
2. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Академия, 2003. – Т. 2 : 1968–1990. – 688 с.
3. Семькина, Р. С-И. Новый подпольный человек в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» [Электронный ресурс] / Р. С-И. Семькина. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22768/1/iurg-2008-59-17.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2018.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 324
из 378

МОДУС ДРАМАТИЗМА В СБОРНИКЕ «ВЕЧЕР» А. АХМАТОВОЙ

Модус художественности в современном литературоведении – это «всеобъемлющая характеристика художественного целого, это тот или иной род целостности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но и внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику: организацию условного времени и условного пространства на базе фундаментального «хронотопа», через «ворота» которого совершается «всякое вступление в сферу смыслов», систему мотивов, систему «голосов», ритмико-интонационный строй высказывания» [1, с. 469]. Модус драматизма – это «воплощение особого авторского мироощущения, а также способ организации всех элементов произведения в выразительное целое» [2, с. 56]. Данный термин противоречия и конфликты человеческой жизни отображает в особых художественных средствах. Он проявляется в произведениях, где взаимоотношения персонажей характеризуются особой напряжённостью. Модальность тесно связана с категорией оценочности, субъективности, эмоционально-экспрессивной составляющей, которые являются функционально значимыми компонентами художественной системы писателя. Наиболее ярко субъективные модусы, в том числе и драматические, проявляют себя через авторскую оценку, речь и поведение персонажа – носителя авторской системы ценностей и его мировидения.

Индивидуальное восприятие окружающей действительности, выраженное через модус драматизма, наиболее ярко проявило себя в сборнике «Вечер» А. Ахматовой через создание особого типа лирического героя – яркой, противоречивой, мятущейся женщины, переживающей непростые любовные отношения и сильные страдания. По определению С. Городецкого, сборник А. Ахматовой «Вечер» – это «книга сожалений, несбывшихся надежд, противоречий, рассеянных иллюзий любви, разочарований, изящной печали и повышенной чувствительности» [3, с. 326].

Стихотворения А. Ахматовой о любви из сборника «Вечер» – это стихотворения о разрыве. В них и напряженная тишина, и крик боли, и муки разбитого сердца, и переживания покинутой женщины. А. Ахматова выразила богатый спектр переживаний утонченной женской души. Множество героинь А. Ахматовой, редко счастливых, больше страдающих, отверженных, а чаще отвергающих, непокорных и гордых воплотились в сборнике. Драма, разочарование, утраты – участь большинства героинь. Любовь в лирике поэтессы всегда дисгармонична, она наполнена глубочайшим драматизмом, ощущением безысходности и предчувствием приближающейся катастрофы. Отметим, что модус драматизма в ахматовских поэтических текстах наиболее ярко представлен на уровне лексической организации:

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 325
из 378

Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала [4, с. 16].

В данной отрывке слова и выражения «проклинали», «страсть, раскаленная добела», «земля для двух людей мала» создают особую смысловую группу, передающую драматические потрясения лирической героини и особенности художественного мировидения автора.

Одним из важных мотивов в сборнике является мотив детства, противопоставленного настоящему, которое воспринимается как период заката, печали и расставаний. Детство А. Ахматовой прошло в Царском селе, откуда в её сборнике появляется стихотворение «В Царском селе», которое состоит из трех частей. Заглавие стихотворения указывает на главную тему – память о любимом городе, в котором прошли годы детства и отрочества А. Ахматовой. В первой части поэтесса вспоминает о счастливом детстве, в котором «по аллеям проводят лошадок», однако воспоминания о беззаботной поре противопоставляются суровой реальности: *А теперь я игрушечной стала, / Как мой розовый друг какаду* [4, с. 17]. Автор для выражения своего отношения к описываемым явлениям, обозначения драматического модуса в данном стихотворении обращается к такому средству, как контраст. Счастливое прошлое, переданное через воспоминание о детских прогулках по аллеям, о «лошадках» с длинными «волнами расчесанных грив» выглядит антитезой современности, сегодняшнему дню героини. В настоящем страдания и тяжелый опыт любовных отношений делают героиню «игрушечной», неживой, не способной быть счастливой. Во второй части стихотворения «В Царском селе» лирическая героиня предвещает себе страшное будущее. «Я тоже мраморною стану», – говорит она, раздавленная тяжелыми отношениями, обессилевшая «запекшимися ранами».

Стихотворения А. Ахматовой имеют элегическое звучание. Плачевный стон издает лирическая героиня в стихотворении «Песня последней встречи»: *Я ответила: «Милый, милый! / И я тоже умру с тобой»*. Анализируя поэтическую структуру стихотворения следует говорить о чрезмерном накале эмоций, о сложной передаче чувств «так беспомощно грудь холодела, но шаги мои были легки», о сгущенности смысла, о подвижности, прерывности интонации, о лаконизме поэтической речи, об особой энергии в передаче чувств «я на правую руку надела перчатку с левой руки», о парадоксальных противоречивых сочетаниях слов, о резкости смысловых переходов. Во всех этих формальных приметах вырисовывается внутреннее элегическое звучание.

Отметим, что модус драматизма проявляет себя в произведениях сборника «Вечер» через обращение А. Ахматовой к мотиву обыденности. Повседневность изнуряет и изматывает. Жизнь человека состоит из ежедневной суеты, «словесного сора» и мелочных мыслей. Не удивительно, что все это приводит к подавлению чувств. А. Ахматова пишет текст «Два стихотворения», в котором описывает, как в повседневной жизни стирается чувство любви. Даже слова, звучащие из уст любимого, не кажутся такими прекрасными, поэтесса отмечает: «и слова твои простые». Лирическая героиня устала от рутины, где ничего не меняется и не движется: *Тот же голос, тот же взгляд / Те же волосы льняные / Все как год тому назад* [4, с. 14].

Таким образом, в сборнике «Вечер» А. Ахматовой модус драматизма, энергия страдания, дисгармоничность отношений мира и человека проявляется и на уровне лексической организации текста, и на уровне

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 326
из 378

текстосмысловой организации поэтического высказывания, и на уровне отбора наиболее ярких художественных средств выразительности.

Список использованной литературы

1. Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л. В. Чернец [и др.] ; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк. : Академия, 1999. – 556 с.
2. Кривцун, О. А. Эстетика. / О. А. Кривцун. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 447 с.
3. Соколов, А. Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века : учеб. пособие / А. Г. Соколов. – М. : Академия, 2000. – 432 с.
4. Ахматова, А. А. Избранное / А. А. Ахматова. – М. : Де Агостини, 2012. – 346 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 327
из 378](#)

В. И. ПАВЛЮЧЕНКО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. С. Клундук, кандидат филологических наук, доцент

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЖУРНАЛИСТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ БЕЛАРУСИ

Журналистское расследование – один из самых интересных, увлекательных, но в тоже время опасных жанров в современной журналистике. Стоит отметить, что в науке не существует единого мнения насчет сущности журналистского расследования. Исследователи понимают журналистское расследование как самостоятельный аналитический жанр журналистики [1]; как технологию сбора и обработки информации, т.е. как метод [2]; как не самостоятельный жанр, а комбинирование некоторых жанров, также как особый вид деятельности СМИ, обладающий устойчивым набором качеств [3]. Мы считаем, что журналистское расследование представляет собой самостоятельный жанр, автор которого всесторонне исследует негативные социальные явления, чтобы привлечь к ним общественное внимание и добиться объективной правовой оценки.

В рамках проблемно-тематического поля журналистских расследований теории, как правило, выделяют расследования социально-бытовых преступлений, расследования политических преступлений, расследования экономических преступлений, расследования коррупции, расследования преступлений в сфере экологии, расследования исторических тайн. Между тем в систему названных тематических видов расследований могут входить и конкретные узконаправленные темы.

В белорусской прессе журналистское расследование чаще всего представлено в республиканских СМИ, что и обусловило выбор изданий такого типа для нашего исследования. Таким образом, эмпирической базой для выявления проблемно-тематического поля журналистского расследования в современных СМИ Беларуси послужили материалы республиканских газет «СБ. Беларусь сегодня» (далее в примерах – СБ) и «Народная газета» (далее в примерах – НГ) за период 2017–2018 гг.

Самым востребованным проблемно-тематическим направлением республиканских печатных СМИ Беларуси в жанре журналистского расследования является социально-бытовое. Данное направление затрагивает самые разные проблемы как республиканского, так и локального характера в развитии общества. Примерами могут послужить следующие публикации проанализированных изданий: «Журналистское расследование: еще один ребенок из детского сада ушел в “самоволку”, на этот раз в Витебске» (СБ, 30.01.2018), «Помни, рыбак: тебя ждут дома» (СБ, 14.02.2018), «За что боролись и на что напоролись» (СБ, 08.08.2017), «Ссудный день» (НГ, 10.02.2017), «Остаться с носом» (НГ, 10.03.2017), «Участь заброшенных участков» (НГ, 12.05.2017), «Эти несносные метры» (НГ, 26.06.2017), «Есть дело до тела» (НГ, 21.07.2017), «Липовый мед» (НГ, 11.08.2017), «Грибной канал» (НГ, 18.08.2017), «Сбивчивые цены» (НГ, 25.08.2017), «Рамки для рюмки» (НГ, 20.10.2017), «Каменный век» (03.11.2017), «Ток-шоу с продолжением» (НГ, 17.11.2017). В материалах на бытовую тематику авторы журналистских расследований репрезентируют читателю проблемы, существующие в обществе на

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 328
из 378

данном этапе его развития и требующие незамедлительного решения: «Категорическая необходимость» (СБ, 10.01.2018), «Почему мосты трещат по швам» (СБ, 05.01.2018), «От чего устал металл» (СБ, 10.02.2017), «Почему строители Гродненщины не справляются со своевременным вводом жилья» (СБ, 20.03.2018), «Хижина дядюшки лома» (СБ, 07.09.2018), «Мосты в пролете» (НГ, 23.02.2018), «В поисках пропащей еды» (НГ, 13.01.2018), «Кошелек в ловушке» (НГ, 10.11.2017), «Черный вход в недра» (НГ, 26.05.2017), «Вывести на чистую воду» (НГ, 07.07.2017).

В исследуемых изданиях широко представлено проблемно-тематическое направление, затрагивающее криминальные или уголовные темы. Условно такую тематику обозначим как судебную. Примерами могут послужить следующие публикации: «В холодном доме и без еды. “Черные заводчики” разводят животных для продажи в ужасных условиях» (СБ, 02.02.2018), «Мужской разговор» (СБ, 05.05.2017), «Темная сторона автопирамиды» (СБ, 19.05.2017), «Сделка с авантюристом» (07.06.2017), «Шум за разум» (НГ, 27.10.2017), «Упасть вверх» (НГ, 16.06.2017), «Контрольный позвонок» (НГ, 21.04.2017), «Попасть в переделку» (НГ, 04.08.2017), «Объективная реальность» (НГ, 24.11.2017), «Хижина дядюшки лома» (СБ, 07.09.2018). В материалах представлены расследования экономических, коррупционных и других преступлений.

В отдельное тематическое направление целесообразно выделить материалы медицинского характера, которые раскрывают страшные тайны медицины, преступления в данной сфере. Примерами данной тематики могут выступить публикации: «Диагноз по ошибке» (НГ, 25.05.2018), «А травы здесь целебные» (НГ, 27.07.2018), «Есть ли жизнь после комы» (НГ, 31.03.2017), «Эффект малых доз» (НГ, 17.02.2017), «Жесткая непереносимость» (НГ, 14.07.2017), «Игра в кости» (НГ, 30.03.2018). В публикациях рассматриваются конкретные случаи из жизни людей, их истории болезни, расследуются ошибки врачей и последствия их деятельности.

Следующее проблемно-тематическое направление журналистских расследований в современных белорусских средствах массовой информации мы обозначили как нравственное, поскольку в публикациях затрагиваются и раскрываются моральные нормы в поведении нашего общества. Примерами журналистских расследований нравственной тематики могут служить публикации «С особым цинизмом» (СБ, 17.07.2018), «И шашечки, и ехать» (НГ, 07.04.2017), «Включайте мозги» (НГ, 28.04.2017), «Аист с пробиркой» (НГ, 09.06.2017), «Есть дело до тела» (НГ, 21.07.2017), «Дар по касательной» (НГ, 11.02.2018).

Реже в прессе представлены расследования исторических событий и тайн. Данное тематическое направление материалов журналистских расследований мы обозначим как историко-культурное. Примерами данной тематики служат публикации: «Ширки: здесь родилась легенда» (СБ, 13.02.2018) и «Зубы Фюрера сняли с полки» (НГ, 05.05.2017). Такие расследования по своему наполнению и структуре напоминают документальные фильмы. Авторы публикаций руководствуются прежде всего актуальностью для наших дней хорошо забытого старого.

Изредка в изданиях появляются журналистские расследования, затрагивающие экологические проблемы. Примером такой тематики могут быть материалы «Народной газеты» под названием «Градус преткновения» (НГ, 01.09.2017), «Богатство завтрашнего дня» (НГ, 31.08.2018), «Отходное место» (НГ, 03.08.2018). В мате-

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 329
из 378

риалах данного направления, как правило, выясняются причинно-следственные связи какого-либо экологического процесса.

Таким образом, журналистские расследования в современных республиканских СМИ Беларуси представляют социально-бытовую, нравственную, судебную, медицинскую, историко-культурную и экологическую тематику. Однако приоритетными остаются публикации социальной и судебной направленности. Это обусловлено тем, что на современном этапе жизни общества более актуальны бытовые проблемы и проблемы, связанные с исполнением законодательства.

Список использованной литературы

1. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект пресс, 2000. – 320 с.
2. Шум, Ю. Н. Журналистское расследование: методические рекомендации : учеб. пособие / Ю. Н. Шум. – М. : Барс, 2001. – 288 с.
3. Асфура, А. И. Расследовательская журналистика в современной медиасфере: от сущности к организации [Электронный ресурс] / А. И. Асфура // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/4269>. – Дата доступа: 19.04.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 330
из 378

А. Э. ШВИДЧЕНКО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. М. Садко, кандидат филологических наук, доцент

ПРИРОДА ЖАНРА ПОВЕСТИ «НЕБЕСНЫЕ ТИХОХОДЫ» М. МОСКВИНОЙ

С давних пор литературе знакомы описания странствований. Однако в литературоведении до настоящего времени не существует единообразного определения путешествия как литературного жанра; ученые по-разному определяют его признаки и границы. Одним из известных толкований термина является высказывание В. М. Гуминского: «Путешествие – жанр, в основе которого лежит описание путешественником достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров» [1].

В современной гуманитаристике вопрос, куда следует относить путешествие как жанр: к художественной литературе или к публицистике, остается до сих пор не разрешенным. Одни исследователи относят данный жанр к художественной литературе (В. А. Михайлов [2]). Другие учёные относят жанр путешествия к публицистике (Н. М. Маслова [3]).

Некоторые ученые не рассматривают путешествие как отдельный, автономный жанр, а причисляют его к разновидности очерка (В. Канторович, Д. Молдавский, Б. Костелянец). Такие исследователи, как Е. А. Стеценко [4], М. Г. Шадрин [5], О. М. Скибина [6], акцентируют внимание на синтетичности жанра. В своих работах они подчёркивают, что путешествие включает в себя элементы других жанров.

Жанр путешествия основывается на принципе «идеи свободы». Однако, несмотря на свободу жанра, существуют отдельные структурные особенности построения текстов, присущие путешествию. Так, Н. М. Маслова вводит термин «маршрут», под которым подразумевает заранее запланированный путь следования [3]. В зависимости от того, какой маршрут выбирает писатель, произведение наполняется определенными фактами, обуславливающими авторские выводы и оценки. Маршрут имеет следующую структуру: 1) начало (отправная точка); 2) кульминационный момент; 3) конец пути (цель путешествия).

М. Москвина – один из самых успешных и востребованных авторов в современной русской литературе. Она родилась в Москве; окончила факультет журналистики МГУ, после чего работала журналистом в периодической печати; на сегодняшний день является членом Союза писателей России. В течение десяти лет М. Москвина ведет передачу «В компании Марины Москвиной», делает авторские документальные фильмы. Муж М. Москвиной – известный современный художник Леонид Тишков – создает иллюстрации для ее книг.

Повесть «Небесные тихоходы» (2004) имеет автобиографическую основу и является описанием путешествия в Индию писателя Марины Москвиной и Леонида Тишкова. Автора с детства манила Индия, пока героиня сама не сделала шаг навстречу своей мечте. Марину Москвину, ставшую лауреатом международной литературной премии имени Х.-К. Андерсена, пригласили в Дели получать Почетный диплом. Но вместо того

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 331
из 378](#)

чтобы купаться в лучах славы, герои сбежали с праздничных торжеств и на попутке отправились в Гималаи. Это является отправной точкой путешествия и повествования о нем.

Помимо «внешнего сюжета» (изображение событий, происходивших при передвижении из Москвы в Индию, по самой Индии), в повести присутствует и «внутренний сюжет» (динамика человеческого духа, познание себя, испытание своих возможностей, накопление новых впечатлений). Показательно, что в данном произведении свой мир (реальной московской, русской действительности, привычного образа жизни интеллигентной семьи из России) становится своеобразным эталоном, с которым сравнивается увиденное в новых землях, оценивается «чужое» через «свое». Имагологический подход характерен для всех наблюдений повествователя. К примеру, вот как М. Москвина изображает особенности поведения и жестов официанта в Раникете: *Он головой качает из стороны в сторону, у нас это означало бы: «Ай-ай-ай!»*, а у них: *«Да, да, понял, понял...»* [6, с. 179].

Отметим, что в основе жанра путешествия лежит описание достоверных сведений о малоизвестных странах, народах, обычаях. Общеизвестно, что Индия – страна с богатыми традициями, повествованию о которых М. Москвина уделяет большое внимание в повести «Небесные тихоходы». Так, в начале произведения она отмечает, как в делийском аэропорту женщина приветствует встречающих ее родственников: *Летящей походкой она подошла, склонилась, дотронулась до брючины одного, до башимака другого, после чего коснулась рукой своего лба. Те в ответ потрепали их с малышом по головам* [6, с. 20]. При этом повествователь подчеркивает, что *«это она грациозно проделала с ребенком на бедре»*.

Подробно и с большим количеством точных и интересных деталей автор сообщает о специфических традициях гималайцев, связанных с рождением ребенка; об отношении местного населения к именам, статуям богов; живо рисует разнообразие и многочисленность праздники, внешний вид и образ жизни индийцев.

Необходимо отметить, что помимо собственно познавательных целей, путешествие выдвигает дополнительные задачи – эстетические, философские. Эстетическую задачу М. Москвина решает, описывая красоты местности, восхищаясь природой Индии: автор рассказывает о восходе солнца, которое (кроме эстетического наслаждения) объединяет людей; философскую – когда постигает законы жизни. Так, об отношении индийцев к жизни М. Москвина пишет: *Хороший индус ни при каких обстоятельствах не должен забывать, что Мир создан для восторга, для восхищения Жизнью. Восторг – Причина Существования, восторг – само Существование, и Цель Существования – восторг!* [6, с. 224].

Таким образом, в произведении М. Москвиной присутствуют следующие признаки жанра путешествия: линейное построение событийного ряда (повествование о произошедших событиях, маршруте путешествия в хронологическом порядке); повторяющиеся мотивы и образы (подробное описание городов и мест, которые посетил автор; людей, с которыми он познакомился); обращение к имагологической модели восприятия «свое – чужое», осмысление феномена чужого через взаимодействие с иным духовно-интеллектуальным и бытовым опытом; воссоздание действительности в художественных образах, обращение к ресурсам живого разговорного языка.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 332
из 378

Список использованной литературы

1. Гуминский, В. М. Путешествие / В. М. Гуминский // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Совет. энцикл., 1987. – С. 314–315.
2. Михайлов, В. А. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX веков [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / В. А. Михайлов. – Волгоград, 1999. – 24 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/jevoljucija-zhanra-literaturnogo-puteshestvija-v-proiz-ve-deni-jah-pisatelej-xviii-xix.html>. – Дата доступа: 21.02.2019.
3. Маслова, Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра / Н. М. Маслова. – М. : Знание, 1980. – 116 с.
4. Скибина, О. М. Творчество В. Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / О. М. Скибина. – М., 2003. – 214 л. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-vl-kigna-dedlova-problematika-i-poetika>. – Дата доступа: 21.02.2019.
5. Стеценко, Е. А. История, написанная в пути (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.) / Е. А. Стеценко. – М. : Наследие, 1996. – 310 с.
6. Москвина, М. Л. Небесные тихоходы / М. Л. Москвина. – М. : Эксмо, 2013. – 256 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 333
из 378

СЕКЦИЯ 6. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В НОМИНАТИВНОМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

З. А. АННАМОВЛАМОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – С. А. Королевич, кандидат филологических наук, доцент

ТУРКМЕНСКИЕ МУЖСКИЕ АНТРОПОНИМЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В своё время В. А. Никонов писал, что некогда у каждого имени было этимологическое (доантропонимическое) значение, которое сохранилось лишь у немногих имён в развитых антропонимических системах, а у всех остальных погашено [1, с. 151]. Туркменская культура сохраняет этимологические значения антропонимов в большей мере, чем европейская. У туркмен и в прошлом, и в наши дни большинство личных имён, в том числе мужских, имело и имеет прозрачную внутреннюю форму, благодаря чему имя было и остаётся своеобразным источником сведений о носителе.

Традиционными мотивами имянаречения на туркменской земле с глубокой древности было описание новорождённого в каком-либо отношении или родительское пожелание ему. Описательные мужские имена (дескриптивы) могли, например, сообщать, которым по счёту был новорождённый в семье (*Чары* ‘четвёртый’, *Бяшим* ‘пятый’, *Еди* ‘седьмой’); о том, что ребенок родился в семье скотоводов (*Теке* ‘козёл’, *Гоч* ‘баран’); или что в роду были знатные люди (*Говишутхан*, *Сардорбек*, *Алимбай* – имена, в которых сохранились антропоформанты *хан* ‘верховный правитель’, *бек* ‘князь’, *бай* ‘богачей’); или что у малыша есть брат-близнец (*Экиз* ‘двойня’) и т. д. Имена-пожелания (дезидеративы) связывались с надеждами родителей в отношении сыновей: *Даянч* ‘опора’, *Комек* ‘помощь’. В антропоосновах имён закладывалась своего рода «программа» для ребёнка, ориентирующая его на достижение высоких и благородных целей (*Азам* ‘свобода’, *Шохрат* ‘слава’, *Гуйч* ‘сила’), на крепкое здоровье (*Эсен* ‘здоровый, благополучный’, *Амангелди* ‘целый пришёл’), на счастливую судьбу (*Оразтач* ‘счастье’, *Бегенч* ‘радость’, *Гуванч* ‘гордость’), на беззаботную весёлую жизнь (*Тойлы* ‘праздничный’, *Тойгелди* ‘праздник пришел’ – имена с формантом *той* ‘праздник’), на богатство и достаток (*Довлет* ‘богатство’, *Довлетгелди* ‘богатство пришло’) и др. Давая имя, родители стремились «напророчить» сыну хороший характер (*Эзиз* ‘ласковый, милый’, *Ягшы* ‘добрый’, *Парахат* ‘спокойный’) или его отдельные черты (*Вена* ‘преданность’, *Ылхам* ‘вдохновение’) и т. д.

Выбор таких имён, всегда воплощавших духовные воззрения туркмен и их предков, на протяжении многих веков диктовался категориями этики и эстетики. Эти древнейшие имена туркменского мужского именослова актуальны и сейчас.

На рубеже VI–VII вв. на землях Средней Азии начинается господство ислама, что стало причиной существенных изменений в антропонимиконе предков туркмен. Они, как и другие азиатские народы, на про-

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 334
из 378

тяжении нескольких веков перенимали мусульманские имена тюркского, иранского, арабского происхождения. Правда, по утверждению А. Гафурова, «имена населения <...>, принявшего ислам, было бы правильнее называть не арабскими, а исламскими» [2, с. 12], потому что именно вместе с обрядами и традициями ислама приходили арабские антропонимы и через арабский – древнееврейские и иранские имена.

Принятие ислама обусловило появление имён, в которых фиксировалась принадлежность к новой вере. Это были имена-посвящения (меморативы), присваиваемые в честь Аллаха и его пророков. Показательны в этом плане составные имена с антропоформантом *гулы* ‘раб’: *Танрыгулы* ‘раб Бога’, *Мухамметгулы* ‘раб Мухаммета’. В первой части антропонима использовались разные по происхождению сакральные имена Аллаха: из арабского языка – *Алла*, из иранского – *Худай*, из тюркского – *Танры*. Эти имена отмечены во многих составных антропонимах: *Худайберди*, *Аллаберди*, *Танрыберди* ‘Бог дал’, *Алламырат* ‘Бог + цель’, *Алланазар* ‘взгляд Бога’ и др. Значительное количество мужских имён собственных, восходящих к исламской религии, являются эпитетами Аллаха. Это, например, имена *Алим* ‘всезнающий’, *Азим* ‘великолепный’, *Кадир* ‘могучий’, *Шакур* ‘благодарный’, *Рахман* ‘милостивый’, *Сабур* ‘терпеливый’ и др. Правда, некоторые из 99 имён Аллаха являются запретными.

Немало мужских имён посвящено основоположнику ислама пророку Мухаммеду, посланнику Аллаха, которому бог передал священную книгу мусульман – Коран. Большая часть этих антропонимов-меморативов традиционно имеют сложную структуру: *Мухамметгулы* ‘раб Мухаммеда’, *Мухамметберди* ‘Мухаммет дал’. Интересно, что в некоторых сложных структурах имя пророка объединилось с доисламскими антропоосновами: *Акмухаммет* ‘белый Мухаммет’, *Нурмухаммет* ‘сияние Мухаммеда’, *Аймухаммет* ‘луна + Мухаммед’. Позже появились производные формы от имени пророка: *Маммет*, *Мет*, тоже вошедшие в структуру сложных антропонимов: *Акмаммет*, *Аймаммет*. Согласно народным верованиям, считалось, что ребёнку тяжело носить имя столь великого святого, поэтому его имя связывали с другими именами.

В антропонимный запас туркменского языка вошли также семитские имена многих лиц, упомянутых в Коране. Это адаптированные туркменским языком древнееврейские ветхозаветные антропонимы, которые тоже нужно считать меморативами. Они давались мальчикам в честь пророков: *Ибрагим* (Авраам), *Исмаил* (Измаил), *Якуб* (Иаков), *Юсуф* (Иосиф), *Муса* (Моисей), *Дауд* (Давид), *Сулейман* (Соломон), *Юнус* (Иона), *Иса* (Иисус). Войдя в туркменский мужской именовослов, перечисленные антропонимы стали восприниматься именно как имена святых, тогда как первичный их смысл, присущий языку-источнику, был иным: *Муса* ‘взятый из воды’, *Юнус* ‘голубь’, *Юсуф* ‘изобилующий’, *Иса* ‘милость божья’ и др.

На протяжении VII–XI вв. появляются новые имена, отражающие религиозные традиции ислама. Они связаны либо с пятницей, либо с лунным календарем – Хиджрой.

Пятница, день молитвы и отдыха мусульман, является в исламе самым почитаемым днём. В связи с этим благословенным днём появился ряд имён с антропоосновами *Анна* и *Джума*, что значит ‘пятница’. Мальчики, родившиеся в пятницу, нарекались не только именами *Анна* и *Джума*, но и антропонимами сложной структуры: *Аннагулы* ‘раб пятницы’, *Аннаберды* ‘пятница дала’, *Аннадурды*, *Джумадурды* ‘пятница стоит’, *Джумагелди* ‘пятница пришла’, *Аннасахет* ‘пятница благополучная’, *Аннанияз* ‘пятница милосердная’, *Джумабай* ‘пятница

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 335
из 378

богатая'. Возникали и необычные сочетания: *Аннанепес* 'пятничный вздох', *Аннамурат*, *Джумамырат* 'пятничная цель'. Иногда в структуре имени одновременно выступали две сакральные антропоосновы: *Аннамовлам* 'пятница + одно из имен Всевышнего', *Аннамухаммет* 'пятница + Мухаммет', *Аннагурбан* 'пятница + жертвоприношение'.

По лунному календарю в Туркменистане до сих пор определяются дни некоторых государственных праздников, этот календарь получил распространение с установлением ислама. Его отправной точкой является Хиджра – переселение пророка Мухаммета (из Мекки в Медину), которое произошло 16 июля 622 г. от Рождества Христова. В соответствии с названиями месяцев лунного календаря появились имена *Сапар* (второй месяц), *Реджеп/Раджаб* (седьмой месяц). В связи с праздниками, закрепленными за месяцами лунного календаря, возникли имена *Ашир* (день сотворения мира в первом месяце), *Байрам* 'праздник', *Гурбан* 'праздник жертвоприношения', а также сложные имена с названными антропоосновами: *Гурбандурды*, *Гурбанназар*, *Гурбаннепес*, *Байрамгелди*, *Байрамнепес* и др.

Итак, исламские имена с религиозным значением, как правило, являются именами мемориальными, обладающими исторической коннотацией. При этом они всегда выражают положительные оценки в характеристике человека.

Список использованной литературы

1. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
2. Гафуров, А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков / А. Гафуров. – М. : Наука, 1987. – 221 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 336
из 378](#)

А. В. ГУРЬЯНОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, кандидат филологических наук, доцент

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ БРЕСТЧИНЫ: ОДНОСЛОВНЫЕ ЭРГОНИМЫ

Язык чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе. Ономастическое пространство современного русского (белорусского) языка находится в постоянном движении. Активно оно пополняется рекламными именами, заметная группа среди которых – эргонимы.

Термин «эргоним» Н. В. Подольская трактует как собственное имя делового объединения людей, в т. ч. союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [1, с. 151]. Эргонимия репрезентует разнообразие принципов и способов номинации деловых объединений, структурных типов имен собственных.

Объектом исследования стала одна эргонимическая подсистема – названия туристических предприятий Брестчины (их более 130), а точнее, однословные имена собственные. Этот тип эргонимов образуется двумя способами: лексико-семантическим и словообразовательным.

Суть первого заключается в использовании в качестве мотивирующей базы готовых лексем и переходе языковых единиц из одного класса в другой. Лексико-семантический способ представлен онимизацией, трансонимизацией и заимствованием.

Онимизация (13 % однословных названий) – это «переход апеллятива через смену функции в имя собственное» [1, с. 91]: *туристическое агентство «Караван»* (караван ‘общество путешественников, состоящее из купцов и богомольцев’), «Отпуск», «Пикник» и др. В качестве мотивирующих в нашей картотеке отмечены только существительные.

Выделяют несколько разновидностей онимизации: простую, метафорическую, метонимическую и символическую. Простая онимизация обозначает объект номинации прямо и используется для создания описательных имен информативного характера. Они, как отмечают исследователи, редко бывают оригинальными и не могут быть зарегистрированы как товарные знаки [2, с. 206]. Более того, современный сектор туристических услуг достаточно насыщенный, с высокой конкуренцией, и, чтобы выделиться, запомниться, именуемый объект должен иметь индивидуальное, интересное, даже оригинальное название. Думается, все это объясняет отсутствие примеров простой онимизации среди названий туристических предприятий Брестчины.

При метафорической онимизации объект обозначается на правах сравнения: *туристическое агентство «Праздник»* (эргоним обещает, что путешествие станет для потенциального клиента настоящим праздником), «Лидер»; *туристическая компания «Оранжез»* (по словам директора предприятия, «оранжез переводится как ‘прыжок к солнцу’»), «Спутник»; *туристический оператор «Находка»* и др.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 337
из 378

Метонимическая онимизация предполагает номинацию по смежности [2, с. 206]: *туристическое агентство «Круиз», «Пилигрим»* (пилигрим ‘паломник, странник, путешественник по разным странам’); *туристическая компания «Меридиан», «Саквоаяж»* и др.

Символические онимы не отражают объект номинации, а приписываются ему как условные знаки: *туристическое агентство «Ветразь»* (бел. *ветразь* ‘парус’; стал символом надежды, приключений).

Трансонимизация (11 %) – переход собственных имен из одного разряда в другой [1, с. 43]: *туристическая компания «Санторини»* (от названия вулканического остров в Эгейском море) и др. В качестве мотивирующих отмечены онимы разных разрядов: а) антропонимы: *туристическая компания «Крис»* (фамилия учредителей), *«Янка»* (мужское имя; в компании нам пояснили: «Хотели, чтобы было чисто белорусское название») и др.; б) топонимы: *туристический оператор «Итака»* (остров в Ионическом море, родина Одиссея), *туристическая компания «Ганза»* (крупный политический и экономический союз торговых городов северо-западной Европы, возникший в XII в.; эти города – Лондон, Венеция, Брюгге, Новгород и др. – активно посещаются туристами) и др.; в) мифонимы: *«Феникс»* (птица, ставшая символом воскресения и бессмертия; тем самым в ониме отражается надежность, способность *туристической фирмы* реагировать на запросы времени).

Некоторые из трансонимов являются прецедентными (прецедентизм – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная; имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [3, с. 148]), апеллируют к фоновым знаниям адресанта и адресата номинации: *туристическое агентство «Колумб»* (в честь испанского мореплавателя, открывшего для европейцев Америку).

Среди исследуемых онимов **заимствования** составляют 8,5 %: *туристическое агентство «Променада»* (от фр. *promenade* ‘прогулка по городу или место для пешех прогулок’) и др. (Отметим, что иноязычные компоненты встречаются также в эргонимах-дериватах и многословных онимах: *туристическое агентство «СоларТревел», туристическое агентство «Мэйк Трэвел / Make Travel»* (англ. *make* ‘делать’ + англ. *трэвел* ‘путешествие’, ‘путешествовать’); *«Вива Топ / VivaTour»* (*viva* ‘да здравствует’); *туристическая компания «Тайм Вояж в Бресте», студия туризма и отдыха «Lie Travel»* и др.) Иноязычные лексемы (мотивирующие основы, словосочетания) могут быть представлены в графике: а) кириллической: *туристическая компания «РИДЕНДО»* (от англ. *read and do* ‘читать и делать’), *«ТЕРРАТРАВЭЛ»* и др.; б) латинской: *туристическая компания «FORTUNA-TRAVEL», «FoxTravel»* (*fox* ‘лиса’) и др. Исследователи отмечают, что одной из главных причин использования заимствований в рекламном дискурсе (и это ярко демонстрируют названия турпредприятий) является «восприятие иноязычного слова как более престижного, “ученого”, “красиво звучащего”, а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия» [4, с. 58].

Словообразование эргонимов (67,5 %) демонстрирует как узуальные, так и окказиональные способы. Из узуальных зафиксированы сложение (*туристическое агентство «Гулливвер-Тур», «Премиум-Вояж»* (*премиум* ‘лучшее качество’ + *вояж* ‘путешествие’); *туристическая фирма «ДримТрэвел»* (*дрим* ‘мечта’),

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 338
из 378

«Находка-тур» и др.) и аббревиация в трех разновидностях: а) слоگو-словная: *туристическая компания «Экотур» (экологический + тур); туристический оператор «Автотур» (автобус + тур); б) звуковая: туристическое агентство «АТiR» (от агентство туристической информации и резервирования); в) смешанная: ЧУП по оказанию услуг «ТаПер-тур» (от имени и фамилии владелицы Татьяны Переходской + тур); туристическая фирма «АлЛенВояж» (от имен владельцев Александр и Елена) и др.*

Окказиональные способы представлены: а) стилизацией, в нашем случае – под название сайта: «24трэвел.бай / 24travel.by» (*туристическое агентство работает 24 часа в сутки*); аналогично – «Слетать.ру»; б) графодеривацией, т. е. игрой с буквами: *туристическая компания «Глобус-К» (имя намекает, что у потенциального клиента есть возможность побывать в любом месте земного шара)*; в) слиянием: *туристическое агентство «Sundali» (от sun ‘солнце’ + dali ‘даль’)*.

Таким образом, однословные имена турпредприятий Брестчины демонстрируют использование разного языкового материала (и русского, и заимствованного), обращение как к устоявшимся, традиционным способам номинации, так и к словотворчеству. При этом многие мотивирующие лексемы, основы (они связаны с путешествиями, летом, отдыхом, интересными местами) прямо или косвенно указывают на сферу деятельности именуемого объекта.

Список использованной литературы

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 151 с.
2. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных имен / Т. П. Романова // Вестн. СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.
3. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 339
из 378

О. В. ДЕНИСЮК (м. Ченстохова, Академія імені Яна Длугоша)
Науковий керівник – В. В. Денисюк, кандидат філологічних наук, доцент

ГЕОРТОНІМІКОН ДІЛОВОЇ ДОКУМЕНТАЦІЇ БРАЦЛАВЩИНИ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ XVI СТ.

Назви різних свят пам'ятки української писемності фіксують із середини XI ст. Звісно, що можемо сміливо стверджувати про функціонування в києворуський період обох різновидів геортонімів – і назв церковних свят, тобто календарних, якими оперує Типікон й інші богослужбові книги, і народних назв свят, що завдяки адаптації, репрезентованій різними фонетичними, граматичними, кількісно-лексемними варіантами, становлять значний інтерес для мовознавців. Поза сумнівом залишається й те, що первинними геортонімами на наших землях були питомі найменування, що виконували функцію регулятора часових проміжків народного землеробського календаря. Назви церковних свят розпочали входження в українську мову разом із християнізацією Русі – через сакральні тексти та твори агіографічного жанру. Слугуючи репрезентантом точного датування, ці найменування стали активним засобом передачі часу. Звернемо увагу й на динаміку українського геортонімку, суть якої полягає в первинній літературній монополізації позначення часу за допомогою релігійного номена – конкуренції його з народнорозмовним варіантом – стильове закріплення різних найменувань.

В академічному виданні «Історія української мови. Лексика і фразеологія» зазначено, що назви релігійних свят є важливим засобом датування в пам'ятках староукраїнської писемності XIV–XV ст. і наступного періоду, де виконують хрононімну прив'язку подій, про які йшлося, до дат християнського календаря. Церковнослов'янські назви свят поступово витіснялися народними, утвореними на староукраїнській основі: *великь день* (ССУМ, 1411, I, с. 162), *водохрещци* (1393, с. 184), *покрова* (1395, II, с. 179), *пилиповь пость* (1487, с. 145) та ін. [1, с. 247].

Як відомо, основним джерелом укладання «Словника староукраїнської мови XIV–XV ст.» були пам'ятки ділової писемності. Отже, обрані нами ділові тексти, що репрезентують мовну ситуацію на Східному Поділлі у другій половині XVI ст., мають засвідчити традицію попередніх періодів у використанні геортонімів та майже повне витіснення назв релігійних свят із ділового тексту.

Зауважимо, що використання тих чи тих хрономаркерів детерміноване позамовним чинником: на другу половину XVI ст. Поділля, як і більшість Правобережної України, були під владою Речі Посполитої. Тому писарі були свідомі того, що місцеве населення не завжди може правильно зорієнтуватися в часі, вербалізованому номінацією неукраїнського календаря, до того ж який сам зазнав не так давно змін – 4 жовтня 1582 року, наприклад: *А сам и не через жадного умоцованого своего его млсти маю и буду повинен отдати и заплатити на час певныи, то есть во светом Мартинѣ св-атѣ римскомъ, которое припадет водлуг календару римского в року приидучомъ тисеча п-атсот осмьдѣс-атъ п-атом, на мѣстцѹ певномъ у Вениць, у дворе пана писаровом, ничимъ того днѣ-а не похиблѣючи* [2, с. 361] (далі посилання на це видання даються в тексті у круглих дужках із зазначенням сторінки).

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 340
из 378

Прикметно, що писарі чітко розрізняли, для представників якого етносу й віри, відтак – якого календаря, оформлюють документ, що засвідчують атрибутиви *грецький, римський*, а їх відсутність, імовірніше, свідчить про представника православ'я, наприклад: *К тому допустили єсмо и симъ листомъ ниймъ Василю Гулевичу дозвол-аемъ в оных мѣстехъ ярмарки и торги уставити, то єст в Молчанове в каждыи год два ярмарки, один на денъ свѣтого Или а другии на денъ свѣтого Михаила, греческихъ свѣатъ* (с. 201); *в мѣстѣ Прилуцѣ ярмарьки два урочыстыє, першыи на денъ свѣатое Троицы свѣатое рымское, а другии зимѣ на денъ свѣатыхъ мученникъ Фабиана и Себестяна рымского(о) свѣата* (с. 327). До того ж слугують уточнювальними обставинами часу до вже наявних обставин часу, виражених прислівником, наприклад: *на завтрѣе Свѣтое Троицы римского свѣата, то єст мѣца июня шостого днѣа с поправы нового каленьдару* (с. 331).

Аналізовані геортоніми характеризуються варіативністю апелятивного компонента, яким є лексеми *день, свято*, що вступають у синонімічні відношення та набувають однорідність у структурі речення, наприклад: *на денъ свѣтого Или* (с. 201); *по свѣате ... Всихъ Свѣатыхъ* (с. 203); *свѣто и денъ свѣтого Мартина* (с. 164) та ін. Спорадично фіксуємо випадки пропуску апелятивного компонента, що підтверджує конситуативну еліпсизацію та семантичну синкретизацію значення всього сполучення слів у власне онімному компоненті, наприклад: *на свѣатыхъ Симона и Юды мѣца октбра двадцать осмого днѣа* (с. 219).

Звертає на себе увагу й використання календарно-релігійної хрононімії в поєднанні з точною. У таких випадках, як засвідчують ділові документи Брацлавщини, писарі послуговувалися усталеною для того часу конструкцією «рік + назва місяця + день місяця», яка доповнювала геортонім, основною функцією якого була експлікація двох форм датування, зумовлена більшою орієнтацією тогочасного українця на народно-християнський календар, аніж на нумеративно-вербальний, що, проте, мав різний кількісно-лексемний ступінь вербальної репрезентації, наприклад: *Ако ж на выкупене того замку, мѣста и волости ншоє Веницкое а на отданѣ єму и потомком его суполна тоє всеє сумы пнзеи, вышеи реченоє, складаємъ рокъ певныи, то єст от днѣа и свѣта свѣтого Мартина римского свѣта, которое будѣт в року тепер идучом шестдѣсят осмом мѣца ноабра перво-гонадцат днѣа, за три годы, то єсть на таковое ж свѣто и денъ свѣтого Мартина, которое будѣт в року семдѣсят первомъ* (с. 164); *ярмарки // два в каждыи год мѣти, одинъ по Велицедни ѿ свѣатом Николи руского свѣата, которыи бываєтъ мѣца маѣа девѣатого днѣа, а другии на денъ свѣата Трѣхъ Кролеи* (с. 207); *ярмарки два в каждыи годъ, один на денъ свѣатого Петра въ оковахъ мѣца августа первого днѣа а другии на свѣатыхъ Симона и Юды мѣца октбра двадцать осмого днѣа* (с. 219) та ін.

Спорадично засвідчено назви постів у контексті точного датування, наприклад: *на рок и час певныи, то єсть ѿ Серѣдопостьи посту Великог(о) пришлог(о)* (с. 256).

Поодинокими випадками вживань репрезентовані народні назви церковних свят, зокрема номен *Великдень* та його деривати, що входять у структуру інших назв, наприклад: *передъ Великоднемъ* (с. 154); *в року нинѣшнемъ семдѣсятъ осмом мѣца марца двадцать осмого днѣа в пятницу Великоденную и другое на завтрѣе в субботу Великоденную статиса мѣло* (с. 224).

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 341
из 378](#)

Структурний аналіз геортонімів засвідчує, що, незважаючи на кількісний склад, утворені вони за двома основними моделями: 1) **генітивна модель** (*на завтра дна Благовещеня Пречисты Богородица* (с. 156); *на ден успени-а Пречистое, на ден свѣтого Стефана* (с. 201) та ін.); 2) **субстантивна модель** (*перед Великоднем* (с. 154); *в п-атницу Великодєньную, в субботу Великодєньную* (с. 319)).

Отже, ділова документація Брацлавщини другої половини XVI ст. свідчить про розгалужену систему геортонімів тогочасної української мови, якою, проте, писарі послуговуються не так активно, як у наступні періоди. Однак і це дозволяє простежити структурні трансформації, переважання для номінації одного з найбільших релігійних свят українців власне народної назви *Великдень*, семантичну і функційну синкретизацію.

Список використаної літератури

1. Історія української мови. Лексика і фразеологія / під ред. В. М. Русанівського. – Київ : Наук. думка, 1983. – 744 с.
2. Документи Брацлавського воєводства 1566–1606 років / упор. М. Крикун, О. Піддубняк ; вступ. М. Крикун. – Львів : Простір М, 2008. – 1218 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 342
из 378](#)

ОТОБЪЕКТНЫЕ НОМИНАЦИИ ТЕКСТИЛЯ ОТ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ БРЕСТЧИНЫ

Онимы – важный элемент языкового сознания любого народа, они участвуют в формировании языковой картины мира. Поэтому их исследование вызывает интерес у представителей разных наук, в т. ч. лингвистов.

Одним из активно развивающихся разрядов имен собственных стали наименования товаров, или **прагматонимы** (синонимичные термины – словесные товарные знаки, товаронимы и др.) [1, с. 28]. При создании словесных товарных знаков, отмечает в частности И. В. Крюкова, обращается внимание на их звучание и стилистические особенности. Прагматоним должен быть легкопроизносимым, запоминающимся; содержать смысловые ассоциации с именуемым объектом, быть понятен каждому адресату номинации; при этом имя не должно вызывать негативные эмоции. И, если название товара удачное, оно привлекает внимание потенциального покупателя, запоминается [2, с. 266–267].

Объектом нашего исследования стал один сегмент прагматонимии Брестчины – названия текстильных изделий (всего 258 единиц), собранные методом сплошной выборки с официальных сайтов ОАО «Бресттекстиль-торг» [3] и ОАО «Барановичское производственное хлопчатобумажное объединение» (оно известно под брендом «Блакiт») [4].

Любое название является в принципе мотивированным, поскольку при его создании имядатель всегда руководствуется определенными соображениями, движется конкретными мотивами. Декодирование имени, определение этих мотивов номинации позволяет «разглядеть» за названием те или иные намерения именуемого субъекта. Вслед за С. О. Горяевым зафиксированные имена собственные текстильных изделий мы разделили на отобъектно и неотобъектно мотивированные [5, с. 5].

Первые в нашей картотеке составляют 39 % от общего числа прагматонимов и ориентированы на отображение свойств, качеств, характеристик товара. При этом имядатель обращается к устоявшимся языковым традициям, затрачивая минимум номинативных усилий [6, с. 47].

Для рассматриваемых прагматонимов характерен определенный набор **тематических мотивов (мотивем)**. «Будучи предметом осознания, мотивемы оказывают реальное воздействие на номинацию и узуализацию и, возможно, формируют “мотивационное видение” предмета в момент его называния» [7, с. 23].

Для отобъектных номинаций текстильных изделий установлено шесть тематических мотивов: особенности изображения; цвет; высокое качество, статус изделия; состав; форма; предназначение.

Прагматонимы с мотивемой «**особенности изображения**» образуют самую многочисленную группу (69 %) и отсылают к принту именуемого текстильного изделия, вербализуя следующие особенности изображения:

1) «флора»: *скатерть «Цветочки»; спальный комплект, бязь «Миндаль»*. Подобные номинации распадаются на две подгруппы: онимы, восходящие к названиям цветов (*ткань х/б для столового белья, бязь*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 343
из 378

«Ландыши», «Пионы», «Орхидея»; кухонное полотенце «Маки», «Розочки» и др.), и имена, мотивированные названиями деревьев и кустарников: *спальный комплект, бязь «Бонсай»* (‘карликовое дерево’ [8]), «Ясмин» (‘жасмин’); *детский спальный комплект «Джунгли»* и др.; сюда же отнесли онимизированные номинации плодов деревьев и кустарников: *полотенце «Абрикос», «Вишня», «Малина», «Персик»*; *жаккард «Яблоко»*; *ткань вафельная «Гранат»* и др.;

2) «фауна»: *ткань х/б для столового белья, бязь «Бабочки», «Лебеди», «Мотыльки», «Wilder»* (от англ. *wilder* ‘дикий’; на текстильном изделии изображены дикие животные); *ситец «Совушка», «Божья коровка», «Зоопарк»* и др.;

3) «геометрические фигуры»: *ткань х/б для столового белья, бязь «Завитки», «Зигзаги», «Клетка», «Конфети»*;

4) «узоры»: *ткань х/б для столового белья, бязь «Арабеска»* (‘сложный узорчатый элемент в духе арабского стиля’); *спальный комплект, поплин «Меандр»* (‘распространённый тип ортогонального орнамента’); *скатерть «Орнамент»* и др.; в данную подгруппу отнесли и *ткань для столового белья, бязь «Манускрипт»* (‘древняя рукопись’; принт – старинные буквы);

5) «стилистика»: *ткань х/б для столового белья «Поэзия востока»* (на ткани изображены иероглифы и бамбук);

6) «космические объекты»: *ткань х/б для столового белья, бязь «Вега»* (‘самая яркая звезда в созвездии Лиры’), «*Звёздная россыпь»*; *постельное белье для подростков «Космос»*; *спальный комплект, сатин «Star»* (от англ. *star* ‘звезда’) и др.

Словесные товарные знаки с мотивемой «цвет» (16 %) неоднородны: одни колоронимы обозначают цвет прямо (*полотенце «Белое», «Лиловый», «Розовый», махровое полотенце «Зелень»*); *спальный комплект, поплин «Мердуа»* (‘желто-зеленый цвет’) и др.), вторые – метафорически: *полотенце «Фисташковый», «Бирюза», «Фуксия»*; *спальный комплект, сатин-жаккард «Мокко»* (1. ‘сорт кофе’; 2. ‘темно-коричневый цвет’); *бязь «Бордо»* (1. ‘сорт красного вина’; 2. ‘темно-красный цвет’); *махровое полотенце «Горький шоколад»* (изделие темно-коричневого цвета); пограничное положение между прямыми и метафорическими колоронимами занимает название *махровое полотенце «Зелёный мох»*.

Прагматонимы, объективирующие мотиву «высокое качество, статус изделия», немногочисленны (7 %) и восходят к апелляциям с положительной коннотацией: *ткань х/б для столового белья, бязь «Лиску»* (‘удачливый’), «*Эксклюзив»* (‘исключительный, неповторимый; единственный в своём роде’), «*Изыск»* (надо полагать, товар характеризуют особая утонченность и особое изящество), «*Оскар»* (оним, мотивированный названием престижной премии Американской академии киноискусства, указывает, что текстиль будет оценен самым взыскательным потребителем).

Мотивема «состав текстильного изделия» также не отличается продуктивностью (5 %): *столовый набор, лён «БиоЛен», ткань х/б для столового белья, бязь «Жаккард»* (‘одна из дорогостоящих тканей’), «*Жуи»*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 344
из 378

(‘натуральная хлопковая ткань’) и др.; сюда же условно включили *ткань х/б для столового белья, бязь «Деним»* (на изделии изображены джинсовые вставки).

Единичными примерами представлены мотивемы **«форма»** (1 %; *спальный комплект, бязь «Сириус»* – наволочка сшита в виде звезды) и **«предназначение»** (2 %): *поплин, ткань для столового белья «Честер»* (от названия сорта сыра), **«Трюфель»** (от номинации конфеты из ганаша, т. е. крема из шоколада, сливок и сливочного масла).

Следует отметить, что два последних примера входят в своеобразную переходную зону между разными группами отобъектных имен: в них «переплелись» тематические мотивы «предназначение» и «особенности изображение». Аналогично можно рассматривать и имена типа *ткань х/б для столового белья, бязь «Весёлые фрукты»*, *кухонное полотенце «Суши»* и др.

Таким образом, отобъектные названия текстильных изделий достаточно информативны, понятны потребителю, не требуют от имядателя особых номинативных усилий и потому востребованы в анализируемой прагматонимной подсистеме. В подобных словесных знаках именуемый субъект стремится создать образ товара, отражающий его значимые характеристики, делающий рекламируемое изделие в глазах потенциального покупателя привлекательным.

Список использованной литературы

1. Файзуллина, И. И. Номинации гастрономического дискурса: отражение в языковом сознании жителей полиэтничного города / И. И. Файзуллина. – Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5 (3). – С. 118–125.
2. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 360 л.
3. ОАО «Бресттекстильторг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brest-tt.by>. – Дата доступа: 20.02.2019.
4. Блакіт : интернет-магазин «Блакіт» – домашний текстиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blakit.by>. – Дата доступа: 17.02.2019.
5. Горяев, С. О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагматонимов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. О. Горяев. – Екатеринбург, 1999. – 165 л.
6. Крюкова, И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие : учеб. пособие по курсу / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с.
7. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998. – 375 л.
8. Словари и энциклопедии на Академикe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>. – Дата доступа: 16.05.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 345
из 378

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПАРАТИВЫ С ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ

Фразеологические компаративы, или устойчивые сравнения, – это особые языковые единицы, наделенные образным оценочным значением и специфической формой его выражения – в виде трехкомпонентной структуры (субъект сравнения – основание сравнения – объект сравнения). Субъектом компаративных фразеологизмов всегда является человек, даже если он не назван. Исследователи подчеркивают, что устойчивое сравнение функционирует не просто как способ наименования окружающей действительности, но и как весьма яркое средство ее оценки [1, с. 37]. Оценка в сравнении формируется благодаря части, где назван объект сравнения – своего рода эталон, с которым сравнивается субъект. Оценка бывает эмоционально-экспрессивной и всегда сопровождается образностью.

Рассмотрим сравнения, в которых описывается образ жизни человека, а объектом сравнения выступает носитель личного имени собственного. Материал для исследования (около 50 единиц) извлечен из «Краткого тематического словаря устойчивых сравнений», составленного Л. А. Лебедевой [2], а также из «Большого словаря русских народных сравнений», составленного В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [3].

Имена во фразеологии, как правило, являются прецедентными. Знания о носителе прецедентного имени, о ситуации, с ним связанной, о его характеристиках и т. п. проецируются на общее значение компаративного фразеологизма в виде смысловых ассоциативно-образных и оценочных экспрессивно-эмоциональных компонентов; стилистической окраски, обусловленной сферой использования прецедентного имени. Рассмотрим прецедентные имена, отмеченные в эталонной части компаративного фразеологизма. Известный исследователь Е. С. Отин среди прецедентных имён выделяет, прежде всего, узуальные – историко-культурные и литературные антропонимы, распространенные в мировой культуре. Однако возможны также имена, содержащие внутриязыковые коннотации, имеющие национально-специфическое содержание [4, с. 56–57].

Соответственно, в структуре устойчивых сравнений мы выделяем группу имён, содержание которых продуцирует историко-культурные ассоциации, общие для многих народов. Это структуры с прецедентными именами библейского характера, например: *жить, находиться, чувствовать себя как у Христа за пазухой; жить как библейский Адам в раю; мудрый как Соломон; поступать, судить как Соломон* ‘мудро, дальновидно’; *(различаться) как Давид и Голиаф* ‘о неравноценных по качествам и внешнему виду соперниках’; *бедный/нищий как Иов; как Фома неверующий*). Их оценочный характер, как правило, мотивирован оценкой персонажа в прецедентном тексте – Библии (*Соломон* – эталон мудрости; *Адам* – первый обитатель рая, *Иов* – эталон смирения и терпения, *Фома* – эталон недоверия).

Благодаря связи с текстом Книги Книг, сравнения с прецедентным именем в структуре обычно имеют коннотацию книжности, функционируют ограниченно. Однако сравнения с Адамом выходят за рамки книжного

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 346
из 378

употребления, имеют негативную оценку (*Адамом сидеть (лежать)* – ‘о больном человеке’), коннотации шутовскости, ироничности, свойственные разговорной речи: *жить как библейский Адам в раю* ‘о беззаботной, обеспеченной, счастливой жизни холостяка, одинокого мужчины’; *хозяин в доме [как] Адам во яру* ‘о благополучной и обеспеченной жизни настоящего хозяина у себя дома’. Причиной тому выступает более широкая известность имени первого человека Адама, чем Соломона, Давида или Голиафа. Выражение (*различаться*) как *Давид и Голиаф* вообще уже устарело.

Книжный характер имеют также сравнения, в которых объектом является мифологический персонаж, например, как *Янус двуличный*. Янус – имя персонажа древнеримской мифологии, представляемого с двумя лицами – юноши, смотрящего в будущее, и старца, взорающего на прошлое. Сложно объяснить появление коннотации отрицательного характера, но этот книжный образ стал символом неискреннего, лицемерного человека. Негативная оценка образа жизни находит воплощение в устойчивом книжном сравнении (*жить*) как *Ир*, так как характеризует крайне бедного мужчину (*Ир* – это персонаж древнегреческой мифологии, нищий человек в доме Одиссея). Использование названного сравнения ограничено.

Достоянием общей культуры человечества являются прецедентные имена, называющие прославленных исторических лиц: *Цицерон, Наполеон*. Возникшие на их основе сравнения обрели негативную оценочность (имеют помету *ирон.*): фразеологизмы *говорить, ораторствовать как Цицерон; речистый как Цицерон* иронично описывают многословного человека; (делать) как *Наполеон* используется для характеристики властолюбивого человека с диктаторскими наклонностями и манией величия. Отмечены и другие историко-культурные имена реальных людей: *богатый как Крез* ‘об очень богатом мужчине’; *глух как Бетховен* ‘о человеке, полностью потерявшем слух’. Функционирование этих книжных сравнений неравнозначно: имя Крѣза, лидийского царя, слывшего в античном мире баснословным богачом, стало эталоном состоятельного человека. Второе сравнение менее выразительно и употребительно, так как имя великого музыканта связывается только с его физической характеристикой.

Во второй группе устойчивых сравнений, имеющих национально-специфическое содержание, представлены имена русских исторических деятелей, номинации известных персонажей русского фольклора и героев русской литературы. Таково сравнение (*принимать*) как *Хрущёва*, которое шутивно используется, если речь идёт о торжественном, гостеприимном, радушном приёме кого-либо. Национально-специфический характер имеют названия объекта, выраженного фольклорными антропонимами (*ходить как Ваня-дурак; (одна) как Яга Ягишна* ‘о крайне одинокой женщине’; *красивый как Бова* – имя сказочного королевича) или литературными прецедентными именами: *скупой как Плюшкин, вкалывать (прост.) как папа Карло*. Такие имена в роли объекта сравнения формируют отчётливое негативно-оценочное содержание фразеологических компаративов, выступая эталоном определенных качеств (*Плюшкин* – эталон скупости, *папа Карло* – эталон неценённого трудолюбия).

Лингвокультурное содержание прецедентных имен в сравнениях, имеющих диалектный характер, обычно связывается с отрицательной оценкой, хотя мотивация эталонного имени иногда не ясна, ср.: *работает как Демид: весь день на солнышке лежит* (здесь характеристику Демиды сохраняет контекст); *На кого надея как на*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 347
из 378

Авдея ‘о человеке, на которого нельзя положиться’ (здесь неясно, каким был Авдей). Очевидно, имя сохранилось в составе сравнения из-за его рифмованной формы. Другие выражения (*грязный как Ахоня* ‘о неряшливом человеке’; *ходить как Вавила* ‘о неповоротливом человеке’) сохраняют образность и негативную оценочность благодаря форме имен, свойственной простолюдинам. Но обычно понять, почему фразеологическая единица зарождается в диалектах на основе того или иного имени-эталона, трудно в силу территориальной и временной ограниченности функционирования таких выражений.

Можно заключить, что устойчивые сравнения, в эталонной части которых содержится антропоним, различаются по характеру оценки и степени её выразительности – в силу историко-культурного содержания антропонима; по стилистической окраске – в силу сферы использования прецедентного имени; по активности функционирования – в силу известности источника, из которого произошло имя-эталон.

Список использованной литературы

1. Мокиенко, В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии / В. М. Мокиенко // Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллектив. монография / отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб. ; Грайфсвальд, 2016. – 278 с.
2. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : крат. темат. слов. / Л. А. Лебедева. – М. : Флинта, 2011. – 300 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
4. Отин, Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е. С. Отин // Вопр. языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–72.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 348
из 378](#)

Ш. Н. КЕМАЛОВ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, кандидат филологических наук, доцент

МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СОВРЕМЕННОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Антропонимическая картина специфична не только для каждого народа, но и для разных периодов его истории. Кроме того, население любой страны неоднородно: оно состоит из людей различных национальностей, с разным социальным положением, принадлежащих к различным конфессиям и мн. др.

Исследованию антропонимии туркменского языка посвящено небольшое количество трудов, можно назвать лишь работы Ш. Аннаклычева «Мотивы выбора имен у туркмен» [1], С. М. Демидова «Туркменские имена» [2]. В то же время система туркменских личных имён достаточно сложна и интересна, обладает ярко выраженным синкретизмом, что вызвано сложностью этнических и исторических процессов, происходивших на территории Туркменистана.

Связи с ираноязычными соседями (персами, курдами) привели к появлению имен ираноязычного происхождения: *Рустем, Мерет, Дидар, Азат* и др. Арабы принесли новую религию – ислам, вследствие чего в туркменский антропонимикон вошел ряд имён арабского и семитского происхождения. Наиболее распространёнными в этой группе были имена основателя мусульманской религии Мухаммеда и одного из его первых преемников Али. В Туркменистане насчитывалось шесть социально-религиозных групп (ходжа, ших, сейит, махтум, ата, мюджевюр), что отразилось в антропонимии туркмен: *Ходжа, Ходжаберды, Шихберды, Магтым, Магтымгулы, Сейит, Атагельды, Атадурды* и др. Широко были представлены в ономастиконе религиозные титулы: *Молла, Ымам, Казы, Хаджи, Ходжа, Кэбе* и др. Причем основная масса арабских и персидских имен была адаптирована к туркменской фонетической системе. Например, имя *Мухаммед* [mu'hammad] встречается в вариантах *Мухаммет, Маммет, Магамет, Махмыт*, арабское имя *Авад* превратилось в *Овез*, персидское *Фархад* – в *Парахат* и *Перхат* и т. п. Всего в нашем материале 17 имен с арабскими и персидскими корнями встретились в двух и более вариантах.

Однако следует сказать, что туркменская традиция личных имён оказалась достаточно сильной, сохранилось большое число домусульманских имен. Имя может отражать место или время рождения, внешние признаки ребенка или качества личности, которые хотели бы в нем видеть родители.

Для того, чтобы выяснить, какие мужские антропонимы наиболее популярны в Туркменистане с конца XX в., мы изучили список граждан Туркменистана, приглашенных на обучение в учреждения образования Республики Беларусь (419 мужчин; 251 имя, включая варианты).

Самыми популярными оказались простые имена персидского происхождения *Мердан* и *Сердар* – они встретились по 12 раз. Три следующих по частоте имени тоже имеют персидское происхождение, но заимствованы в туркменский язык и как нарицательные существительные: *Довлет* (8, 'государство, благо'), *Довран* (7, 'управляющий'), *Мекан* (7, 'место, страна'). В сумме 8 раз встретились варианты *Мухаммет/ Маммет/*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 349
из 378

Магамет/ Махмыт (4/2/1/1). Имена *Мурат/Мырат* и *Эзиз/Азиз* арабского происхождения также встретилось 7 раз (1/6 и 5/2 соответственно). Среди имен, встретившихся 6 раз, только одно имеет чисто тюркское или тюрко-монгольское происхождение – *Батыр* ‘храбрец, герой’. Остальные два – *Ровшен* и *Мейлис* – восходят к персидскому языку, хотя последнее существует в туркменском языке и как нарицательное существительное в значении ‘вечеринка, пирушка’. По 5 раз встретились 5 имен, среди которых арабское *Керим*, персидские *Азат* и *Максат*, а также 2 сложных имени – *Акмырат* и *Атаджан*. Первые части данных имен туркменские, означают ‘белый, светлый’ и ‘отец, дед’ соответственно. Вторые части восходят к арабскому и персидскому языкам, но нарицательное существительное *jan* ‘душа, жизнь’ есть и в туркменском языке. Из 6 имен, встретившихся по 4 раза, 2 арабских (*Ахмет* и *Шохрат*), персидское *Парахат*, сложное туркмено-персидское *Гурбанмырат* и 2 туркменских: *Арслан* ‘лев’ и *Бегли* ‘богатый человек’.

Всего в нашем материале оказалось 28 простых и 24 сложных имени чисто тюркского происхождения. Среди них есть довольно необычные: *Балкан* и *Ахал* (названия велятов), *Италмас* (букв. ‘собака не возьмет’). Некоторые указывают, вероятно, на обстоятельства рождения: *Гурбангелди* (‘праздник’ и ‘родился’), *Чарыгелди* (‘четвертый’ и ‘родился’), *Бяшим* (‘пятый’). Но большинство являются выражением пожеланий родителей: *Уктам* ‘великодушный’, *Гюйч* ‘сила, мощь’.

Еще 28 имен начинаются тюркским корнем (*ата-*, *баба-*, *яз-* и др.), а завершаются арабским или персидским. В 13 словах первый корень восходит к арабскому или персидскому языкам, но функционирует и в туркменском как имя нарицательное (*ага-* ‘старший’ и др.). 32 сложных имени, напротив, начинаются с заимствованной части, а завершаются исконной (особенно часто *-гелди* ‘родился’ – 8 имен) или тюрко-персидской (*-джан* ‘душа, жизнь’ – 6). То есть 125 имен из 231 (без учета вариантов), более половины, можно считать собственно туркменскими образованиями, что свидетельствует о довольно большой самостоятельности туркменского мужского антропонимикона.

Список использованной литературы

1. Аннаклычев, Ш. Мотивы выбора имен у туркмен / Ш. Аннаклычев // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М. : Наука, 1970. – С. 201–205.

2. Демидов, С. М. Туркменские имена [Электронный ресурс] / С. М. Демидов. – Режим доступа: <http://infoabad.com/vs-o-turkmenistane/turkmenskie-imena.html>. – Дата доступа: 10.11.2018.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 350
из 378

О. Д. КОРОВА (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – О. А. Фелькина, кандидат филологических наук, доцент

ЖЕНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СОВРЕМЕННОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Личные имена являются частью лексико-семантической системы, функционируют в её рамках и одновременно весьма чутко реагируют на любые изменения, происходящие в обществе. Сложная, богатая событиями история Туркменистана отразилась на его антропонимиконе, сделав его чрезвычайно интересным источником изучения.

Мы предприняли попытку исследовать личные женские имена на основе списков туркменских девушек, получивших в 2018 году визу для обучения в белорусских вузах.

Соседство с персами и курдами привело к заимствованию в туркменский язык ряда иранских женских имен – в нашем материале их 32: *Бахар* ‘весна, цветение’, *Зарина* ‘золотая’, *Гунча* ‘бутон цветка’, *Дунья* ‘планета Земля, мир’, *Зохре* ‘планета Венера’, *Ширин* ‘сладкая’, *Махым* ‘моя луна’ и т. д. Фонетический облик некоторых имен изменился в результате освоения: *Говхер* (от перс. *Гаухар* ‘алмаз, бриллиант, драгоценность; жемчужина’), *Дилрабо* (от перс. *Дильруба* ‘покоряющая душу’; красавица, возлюбленная; пленительная, увлекательная, восхитительная’), *Нигара* (от перс. *Низяр* ‘картинка’), *Билбил* (от перс. *Бульбуль* ‘соловей’), *Дилором* (от перс. *Диларам* ‘улада сердца’).

Однако многие личные имена омонимичны заимствованным из персидского языка нарицательным существительным, а потому воспринимаются как исконные: *Адалат* – *adalat* ‘справедливость’, *Айна* – *ayna* ‘стекло, зеркало’, *Джахан* – *jahan* ‘мир’, *Зергул* – *zer* ‘золото’ + *gül* ‘цветок, роза’, *Гулджан* – *gül* ‘цветок, роза’ + *jan* ‘душа, жизнь’, *Гулджахан*, *Хурма*, уже упомянутое *Билбил* и др. Правда, имя собственное может фонетически отличаться от нарицательного существительного того же происхождения: *Умида* (женская форма от *Умид*) – *umud* ‘надежда, чаяние’.

Персидские корни часто включаются в сложные слова вместе с тюркскими. Например, корень *гул*–: *Гулишат* – туркм. *şat-* ‘радость, счастье’, *Арзыгул* – туркм. *arzuw* ‘мечта, желание, стремление’, *Багул/Бягуль* – туркм. *bag* ‘сад’ (‘садовый цветок, роза’). Только с первой частью *гул*– в нашем материале 18 женских имен и еще 8 с конечной. Туркменские корни *ак* ‘белый, светлый’, *ау* ‘луна’ сочетаются с персидской второй частью: *Аксолтан*, *Айсолтан*.

Арабы принесли новую религию – ислам, получившую с течением времени неограниченное господство. А через религию вошел в употребление целый поток мусульманских имен, арабских или семитских по своему происхождению: имя жены Мухаммеда *Хатыджа*, *Зияда* ‘повышение; возрастающая, превосходящая, превосходная’, *Камила* ‘идеальная; совершенная’, *Малика* ‘правительница; царица’, *Назира* ‘предвещающая, дальновидная, наблюдающая’, *Саодат* ‘счастливая’, *Сурай* ‘созвездие Плеяд (телец)’, *Фарида* ‘редкостная, неповторимая, особая, драгоценная’ и др. Арабские имена в туркменском языке подвергаются фонетическому освое-

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 351
из 378

нию: *Патма* (от араб. *Фатима*, имя дочери Пророка Мухаммада), *Эмина* (от араб. *Амина* ‘находящаяся в безопасности; надежная, верная, достойная доверия’), *Дженнет* (от араб. *Джаннат* ‘рай, райская’), *Зылыха* (от араб. *Зулайха* ‘обладающая достоинством’), *Абадан* (от араб. *Абадия* ‘поклоняющаяся Богу’). А иногда параллельно встречаются и близкая к исходной, и фонетически освоенная формы: *Джамал* и *Джемал*, *Лейла* и *Лейли*. Как и в случае с персидскими заимствованиями, в туркменском языке могли оказаться оба арабских слова – личное имя и нарицательное существительное (*Тавус* – *tavus* ‘павлин’), но таких примеров существенно меньше.

Однако среди туркменских личных имен сохраняется множество домусульманских, исконно-тюркских. В них часто заключены пожелания красоты, счастья и других благ: *Гозел* ‘красавица; прекрасная, красивая; хорошенькая; славная’, *Гюнеш* ‘солнце’, *Менли* букв. ‘с родинкой’ в значении ‘счастливая и красивая’, *Алтынай* ‘золотая луна’. Девочек часто называют именами птиц: *Лачын* ‘сокол’, *Сулгун* (*sülgün*) ‘фазан’, *Билбил*, *Тавус* и др. Еще чаще женские имена происходят от названий цветов и других растений: *Селби* ‘кипарис’, *Гулалек* ‘цветок мак’, *Багул/Бягуль* и др.

Значительную группу составляют женские имена с мужской основой *огул* ‘сын, мальчик’ (*Огулджан*, *Огулшат* и под., в нашем материале 8 имен) – так суеверные родители надеются повлиять на судьбу в тех семьях, где рождаются только девочки или родившиеся мальчики не выживают.

Женские личные имена современного Туркменистана отражают не только его историю, религиозные и культурные традиции, но и родительскую любовь, мечты о счастье своих дочерей.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 352
из 378

Я. С. ЛАДУТЬКО (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, кандидат филологических наук, доцент

ЭРГОВИКОНИМИЯ БРЕСТЧИНЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Богатство природных объектов, материальной и духовной культуры Беларуси способствует развитию внутреннего и внешнего туризма. Одно из новых и перспективных его направлений – агротуризм, ключевыми субъектами которого стали агроусадьбы: их только на Брестчине более 250.

Новые реалии в жизни Брестского региона привели к расширению его ономастического пространства, формированию целой онимической подсистемы – эрговиконимной. **Эрговиконимы** (имена собственные сельских коммерческих предприятий [1, с. 145]) как «портрет» многих тенденций, свойственных русскому и белорусскому языкам, современной речевой коммуникации, представляют собой обширное поле для лингвистического анализа в разных аспектах: номинативном, онимообразовательном, лингвокультурологическом и др.

Имена собственные в целом «обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка»; более того, национально-культурный компонент свойствен именам собственным даже больше, чем апеллятивам [2, с. 56]. Лингвокультурологический поход к онимам позволяет рассматривать их, в частности, как результат вербализации различных **культурных кодов** (КК).

В. В. Красных определяет код культуры как сетку, которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» [3, с. 5]. КК занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются структурообразующими элементами последнего. Сама культура при этом выступает как совокупность различных кодов [4, с. 39]. Лингвистическая наука выделяет целый ряд КК (список вариативен у разных авторов и открыт): фитоморфный, цветовой, антропоморфный, гастрономический, теоморфный и др. Среди базовых называют соматический, временной, предметный, биоморфный, духовный, пространственный КК [5, с. 202].

Данное исследование посвящено объективации в названиях сельских туристско-рекреационных объектов (ТРО) Брестчины предметного КК (связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру [3, с. 12]), точнее, отражению в эрговиконимах разнообразия мест проживания, особенностей белорусской (шире – славянской) сельской жизни. В 43 зафиксированных именах ТРО отмечены две группы объективируемых анализируемый КК лексем (и производных от них): названия типа жилища и названия типа поселения. Все эти номинации связаны с понятием «дом», который для белорусов является символом величайшей ценности.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 353
из 378](#)

К названиям типа жилища относятся:

– *дом*, бел. *хата* ‘жилое помещение с печью у белорусов, русских и украинцев’. Жилищу они придавали особое значение, поскольку по нему складывалось представление о материальном достатке рода. С домом связаны многочисленные ритуалы, направленные на защиту от злых духов, на обеспечение счастья, уюта. Включение данной лексемы в эрговиконим обещает гостям ТРО отдых в традиционном деревенском доме, где они будут чувствовать себя как дома: «*Домик в саду*» (д. Тюхиничи, Брест. р-н), «*Дом охотника*» (д. Каменная, Каменец. р-н), «*Добра хата*» (д. Прилепы, Иван. р-н), «*Крайняя хата*» (д. Гусак, Малорит. р-н) и др.;

– *гостевой дом* ‘частное домовладение, владелец которого сдает его в наем / в аренду целиком или покомнатно, в котором создаются условия проживания, приближенные к домашним’: «*Беловежская гостевая*» (д. Новицковичи, Каменец. р-н). В эрговикониме компонент *дом* опущен, адъектив согласуется с родовым термином имени собственного – *усадьба*;

– *изба* ‘деревянный бревенчатый дом в сельской лесистой местности России’; номинация с экспрессивным суффиксом ассоциируется с русскими сказками: «*Избушка на берегу Припяти*» (д. Курадово, Пинск. р-н).

Номинациями типа поселения являются:

– *село* ‘древнейший и наиболее распространенный в историческое время тип поселения, являлось своего рода административным центром, где обычно находились волостное правление, школа и церковь’ [6, с. 115]: «*На краю сяла*» (д. Чемелы, Ивацевич. р-н);

– *двор* ‘место со всеми хозяйственными постройками’: «*Дворик*» (д. Замошье, Баранович. р-н), «*Медный двор*» (д. Медно, Брест. р-н), «*Сосновый двор*» (д. Прилуки, Брест. р-н) и др. Особо следует остановиться на языковой игре в эрговикониме «*Гасцінны двор*» (д. Дайнова-1, Пружан. р-н): в устаревшем названии (не поселения, а торговых рядов в специально построенном здании) бел. *гасціны двор* прилагательное заменили на омофон *гасцінны* ‘гостеприимный’;

– *заезд* ‘устар. постоялый двор’ [7]: «*Заезд Зубачи*» (д. Зубачи, Берез. р-н);

– *фольварк*, бел. *фальварак* ‘дом с хозяйственными постройками, устраивался возле водоема или леса; небольшая усадьба, хутор’ [7] (фольварки были широко распространены на территории Польши и в границах бывшего ВКЛ): «*Фальварак ля возера*» (д. Мицкевичи, Баранович. р-н);

– *маёнтак* ‘имение, целый комплекс жилых и вспомогательных построек своеобразной архитектуры – иногда с отдельно стоящими беседками над водоемами (часто над прудами), с площадками для увеселения и отдыха, было окружено садом, парком, лесопарком’ [6, с. 119]: «*Завышанскі маёнтак*» (д. Завышье, ул. Завышанская, Иван. р-н), «*Польский маёнтак*» (д. Белая, Каменец. р-н) – прилагательное *польский* отсылает, думается, не только к периоду распространения фольварка как типа поселения, но и к месту расположения ТРО: через деревню Белая давным-давно проходили торговые пути между *Польшей* и Беларусью;

– *хутор* ‘место, которое отдалено от основного поселения’ (массовое распространение хуторов в Западной Беларуси пришлось на 1930-е гг.; в настоящее время происходит реанимация хуторов, в т.ч. и в виде ТРО):

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 354
из 378

«Хуторок» (д. Заречье, Берез. р-н), «Хуторок Званца» (д. Селище, Дрогич. р-н), «Хутор Столинский» (хуторок Столинский, Стол. р-н), «Старый хутор» (д. Скураты, Ивацевич. р-н);

– *усадьба*, бел. *сядзіба* ‘жилой дом с примыкающими надворными постройками и угодьями, представляющий собой отдельное хозяйство, преимущественно в сельской местности’ [7]: «Владимирская *усадьба*» (д. Пожежин, Малорит. р-н), «*Сядзіба ў соснах*» (д. Петровичи, Жабинк. р-н);

– *агроусадьба* ‘место проживания и отдыха агротуристов’ (самый молодой тип поселения): *Агроусадьба в д. Ужово* (Малорит. р-н), *Агроусадьба в Малорите*.

Таким образом, рассмотренные эрговиконимы относятся к «культурноносным» языковым единицам, репрезентируют экстралингвистическую информацию об исторических типах жилища и типах поселения на территории Брестчины, Беларуси.

Список использованной литературы

1. Разумов, Р. В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // Ярослав. пед. вестн. – 2013. – Т. 1 : Гуманитарные науки, № 1. – С. 145–149.

2. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.

3. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. : В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.

4. Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / Отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.

5. Дормидонтова, О. А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) / О. А. Дормидонтова // Вестн. ТГУ. – 2009. – Вып. 9 (77). – С. 201–205.

6. Шарухо, И. Н. Исторические типы сельского расселения Беларуси: культурно-географические особенности [Электронный ресурс] / И. Н. Шарухо. – Режим доступа: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_05/prj_05_20.pdf. – Дата доступа: 05.05.2019.

7. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>. – Дата доступа: 05.05.2019.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 355
из 378

Д. Д. МИНЬКЕВИЧ (г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

Научный руководитель – А. Ч. Рыжкович, кандидат филологических наук, доцент

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ С ЛЕКСЕМОЙ ГРОДНО И ЕЕ ПРОИЗВОДНЫМИ

В связи с особенностями современного рынка товаров и услуг важными для их продвижения стали такие понятия, как «имидж», «бренд» и «позиционирование», возросло внимание к названиям организаций. Развиваются технологии нейминга как процесса создания имени организации или торговой марки, имплицитно содержащего как правильное позиционирование, так и эффективную коммуникацию [1, с. 260]. Вполне закономерен интерес к таким языковым единицам и в лингвистике.

Одним из типов рекламных номинаций являются эргонимы. Эргоним – это «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 166]. Объектом изучения нашего исследования являются эргонимы, содержащие лексему *Гродно* и ее производные.

Из 7098 организаций Гродненского региона 218 (3 %) содержат в своем названии лексему *Гродно* или ее производные. В абсолютном большинстве таких эргонимов лексема *Гродно* или производное от нее стоит в препозиции (159 употреблений – 73 %) и используется в полной форме (208 употреблений – 95,4 %). Таким образом фирмы определяют свое местоположение и позиционируют себя как базирующиеся в городе Гродно.

Среди эргонимов с лексемой Гродно и ее производными нами выявлено 10 словообразовательных моделей:

Первая модель представляет собой сложение целых слов со слитным написанием. Организации с таким названием представляют в основном сферу обслуживания, например, *ГродноТурист*; *ФортостГродно*; *ГродноЛизинг*; *Гроднопрокатсервис*; *ГРОДНОРЫБА*; *Гроднокнига* и др. (всего 18 единиц – 8,25 %).

Вторая модель – сложение целых слов с полуслитным написанием: *Гродно-Азот*; *Гродношина-Сервис*; *БЕЛЫЕ РОСЫ-ГРОДНО*; *ВИТАК-ГРОДНО*; *Альфа-Калор-Гродно* (всего 8 единиц – 3,7 %).

Третья модель представляет собой соединение целых слов с отдельным написанием: *Гродно Плюс*; *Айсити Гродно*; *Силган Метал Пэкэджинг Гродно*; *Металлисет Гродно*; *Макрон Гродно*; *Вечерний Гродно*; *Твой город Гродно*; *Радио Гродно* (всего 9 единиц – 4%). Данные эргонимы обозначают организации сферы обслуживания и средства массовой информации.

Четвертая модель включает в себя единицы, образованные при помощи соединения целых/усеченных слов с написанием через точку: *Hrodna.life*; *Гродно.org* (всего 2 единицы – 0,9 %). Данную модель используют новостные интернет-порталы, так как написание через точку напоминает форму указания сайта – имя и домен. Таким образом подчеркивается их принадлежность к сфере Интернет-коммуникации.

К **пятой** модели относятся эргонимы, образованные сложением сокращенных и целых слов, причем их количество может варьироваться от двух до пяти: *Гродлайт*; *ВелоГродно*; *Гродножилстрой*; *ГродноАвто-*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 356
из 378

Помощь; Гродно АТЭП; АТЛАНТ-ЗКВ-ГРОДНО и др. (всего 65 единиц – 29,8 %). Количество слов зависит от специфики организации.

Шестую модель образуют сложносокращенные эргонимы: *Гровет* (Гродненская ветеринарная клиника); *Гродсинт* (заправка картриджей).

Седьмая модель – это сочетание относительного прилагательного *гродненский* в препозиции с наименованиями, определяющими деятельность организации: *Гродненская городская инспекция природных ресурсов и охраны окружающей среды; Гродненский областной суд; Гродненский городской исполнительный комитет, Гродненский РОЧС* и др. (всего 98 единиц – 45%). Эта модель является самой распространенной, т. к. ее формируют эргонимы – названия государственных организаций и структур районного, городского и областного уровней (наименования данной группы идентичны именам организаций в других регионах Беларуси). Особняком стоит эргоним *Гродзенскі зялёны партал*, не являющийся названием государственной организации, к тому же это единственное белорусскоязычное наименование и . Стоит отметить, что первоначально организация называлась «Зеленый портал Гродненщины».

Структурные элементы **восьмой** модели – название организации и словосочетание *по Гродненскому (-ой) району (области): Транспортная инспекция по Гродненской области; Государственная служба медицинских судебных экспертиз управление по Гродненской области; Экономический суд Гродненской области; Управление департамента финансовых расследований КГК РБ по Гродненской области; Жилищно-коммунальное хозяйство по Гродненской области; Прокуратура Гродненской области* (всего 6 единиц – 2,8%). Эта модель также служит для наименования государственных структур, но количество представляющих ее эргонимов меньше в сравнении с предыдущей группой. Это, думается, обусловлено наличием в структуре эргонимов первичного предлога *по*.

Имена **девятой** модели состоят из наименования организации и словосочетания *Гродненского облисполкома: ГАИ УВД Гродненского Облисполкома; Управление здравоохранения Гродненского облисполкома* (всего 2 единицы – 0,9 %).

Десятая модель представлена одиночными употреблениями лексемы *Гродно* как названия организации: телерадиокомпания «*Гродно*» и др. (всего 2 единицы – 0,9 %)

В некоторых наименованиях слово «Гродно» сокращается до «Грод» или «Гро» в препозиции: *Гровет; Гродсинт; Гродвижн; Гровенда* (всего 10 единиц). Выявлены также эргонимы, в которых лексема *Гродно* написана латиницей посредством транслитерации с русского (*NewGrodnо*) или белорусского (*Hrodna.life*) языка. Данный прием используют при наименовании порталов, чтобы максимально адаптировать названия к условиям Интернет-коммуникации.

Таким образом, использование в наименовании организации лексемы *Гродно* и ее производных является важной частью имиджа и позиционирования организаций. Существует множество способов использовать данные слова. Наиболее распространенными являются употребление целой лексемы в препозиции (187 организаций) или постпозиции (31 организация); сокращение слова *Гродно* до *Грод* (*Гродсинт*) или *Гро* (*Гровет*), стоящих в препозиции; использование прилагательного *гродненский* в препозиции, словосочетаний *по Гродненскому (-ой)*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 357
из 378

району (области), Гродненского Облисполкома в постпозиции; написание слова *Гродно* латиницей путем транслитерации с русского (*NewGrodno*) или белорусского (*Hrodna.life*) языка. Самую многочисленную группу образуют эргонимы, структура которых включает сочетание относительного прилагательного *гродненский* в препозиции с наименованиями, определяющими деятельность организации.

Список использованной литературы

1. Вегенер, Ю. С. Нейминг в системе формирования и продвижения бренда / Ю. С. Вегенер // Омский науч. вестн. – 2012. – № 1 (105). – С. 260–262.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 170 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 358
из 378](#)

Ю. В. НОВОГРАН (г. Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

Научный руководитель – Н. А. Данилович, доктор филологических наук, профессор

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ТОПОНИМИЧЕСКИМ И АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТАМИ

Изучение топонимов и антропонимов в составе интернациональных фразеологизмов является актуальным как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Под интернациональными фразеологизмами в данной статье мы понимаем, согласно Л. М. Шиховой, «относительно устойчивые, раздельнооформленные, имеющие (как правило) целостное, по преимуществу образное значение, единицы языка, принадлежащие к общеэтимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению или сходных по своему историческому развитию» [1, с. 57].

Одними из основных источников интернациональной фразеологии являются Библия и мифология. Возникнув в каком-либо одном языке, такие фразеологизмы впоследствии переходили как кальки или полукальки в другие языки. Именно общий (интернациональный) фонд фразеологизмов-библеизмов и фразеологизмов-мифологизмов русского, белорусского и английского языков послужил материалом исследования в данной статье. С этой целью были использованы следующие фразеографические источники: «Словарь русской фразеологии» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [2] «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» И. Я. Лепешева [3], «Oxford Dictionary of English Idioms» («Оксфордский словарь английских идиом») [4], словарь «Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках» Д. Балаковой, Х. Вальтера, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовской, Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко [5], «Большой англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [6], «Russian-English dictionary of idioms» («Русско-английский словарь фразеологизмов») С. Любенски [7], «Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў» И. Я. Лепешева [8].

Рассмотрим топонимы и антропонимы в составе интернациональных фразеологизмов и проведем их этимологический анализ.

Например, имена собственные содержат такие фразеологизмы, как рус. *Гог и Магог* – бел. *Гог і Магог* – англ. *Gog and Magog*. Они имеют значение ‘человек, вызывающий ужас и наводящий страх’ [2, с. 117]. В Библии упоминается Гог как свирепый царь и его царство Магог, где жил дикий, беспощадный народ. Таким образом, в данном фразеологизме есть антропоним рус. *Гог* – бел. *Гог* – англ. *Gog* и топоним рус. *Магог* – бел. *Магог* – англ. *Magog*. Кроме того, в английском языке выражение *Gog and Magog*, по А. В. Кунину, имеет следующее значение: «Две статуи в Лондонской ратуше. По одной из английских легенд, два оставленных в живых потомка гигантов были привезены в цепях в Лондон и поставлены на страже у королевского дворца» [6, с. 324].

Фразеологизмы рус. *прокрустово ложе* – бел. *пракрустава ложка* – англ. *Procrustean bed* со значением ‘мерка, под которую стремятся насильственно подогнать, приспособить то, что не подходит под нее’ также

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 359
из 378

содержат в себе компонент-антропоним. Согласно мифам Древней Греции, Прокруст – великан-разбойник, который «насильно укладывал путников: тем, кому ложе было коротко, обрубал ноги; тех, кому было длинно, вытягивал. Отсюда имя Прокруст (букв. растягивающий)» [2, с. 247].

К Новому завету восходят фразеологизмы-интернационализмы рус. *беден как Лазарь* – бел. *бедны як Лазар* – англ. *a poor Lazarus* с компонентом-антропонимом рус. *Лазарь* – бел. *Лазар* – англ. *Lazarus*. «В притче о нищем Лазаре рассказывается, как тот лежал в струпьях у ворот богача и мечтал напитаться хоть крохами, падающими с его стола» [5, с. 73]. Отсюда и значение фразеологизмов – ‘крайне бедный, нищий, жалкий и больной человек’ [2, с. 330]. Стоит отметить, что в английском языке есть также фразеологизм *a Lazarus rising from the dead* (букв. некий Лазарь, восставший из тьмы), который означает ‘someone who makes a comeback from obscurity’ (букв. ‘тот, кто возвращается из тьмы’) [5, с. 73], который не стал интернациональным. А в русском и белорусском языках выявлены фразеологизмы рус. *Лазаря неть* – бел. *Лазара нець* с компонентом рус. *Лазарь* – бел. *Лазар* в значении ‘прибедняться, плакаться’ [2, с. 330]. Такие фразеологизмы распространены только в восточно-европейских языках [8, с. 228].

Топонимический компонент имеют в своем составе такие фразеологизмы-интернационализмы, как рус. *вавилонское столпотворение* – бел. *вавілонскае стоўпатварэнне* – англ. *the building of the Tower of Babel*, означающие ‘полную неразбериху, беспорядок, столпотворение’ [5, с. 145]. Библейский сюжет говорит о том, как жители древнего города Вавилона (в современном Ираке) задумали соорудить огромную башню, вплоть до самого неба. Когда строители начали работу, разгневанный Бог «смешал» их языки, и они заговорили на разных языках, не понимая друг друга. Люди не смогли продолжить строительство, так как возник хаос.

Полукальками французского выражения *trompette de Jericho* являются интернациональные фразеологизмы рус. *иерихонская (иерихонская) труба* – бел. *іерыхонская (ерыхонская) труба* – англ. *the trumpet of Jericho* ‘громкий, трубный голос’. Источник фразеологизма – библейский текст. Здесь повествуется, как израильтяне, освободившись из египетского плена, устремились в Палестину и по дороге осадили город Иерихон. Стены города были очень сильны, и, казалось, их невозможно разрушить. Но когда все затрубили в священные трубы, то стены обвалились и город был взят [2, с. 574].

Топонимы Содом и Гоморра легли в основу библейских фразеологизмов рус. *Содом и Гоморра* – бел. *Садом і Гамора* – англ. *Sodom and Gomorrah*, обозначающих ‘крайнее безобразие, беспорядок, хаос’, а в русском языке еще и ‘разврат, пьянство и т. п., царящие где-л.’ [5, с. 136]. В Библии рассказывается о судьбе двух соседних городов древней Палестины – Содома и Гоморры. В этих городах воцарились беспорядок, разврат, и Бог огненным дождем и землетрясением решил наказать грешников [2, с. 539].

Таким образом, анализ интернациональных фразеологизмов с антропонимическим и топонимическим компонентами дает возможность сделать вывод, что преобладающей является группа выражений с личными именами собственными или образованиями от них прилагательными. Больше количество топонимов обнаружено во фразеологизмах библейского происхождения.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 360
из 378

Список использованной литературы

1. Шихова, Т. М. Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах / Т. М. Шихова. – Архангельск : Помор. ун-т, 2005. – 218 с.
2. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии . ист.-этимолг. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў.– Мінск : Беларус. энцыкл., 2008. – 2 т.
4. Cowie, A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – Vol. 2. – 685 p.
5. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова [и др.]. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
6. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
7. Lubensky, S. Russian-English dictionary of idioms / S. Lubensky. – New Haven : Yale University Press, 2013. – 992 с.
8. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

[Страница 361
из 378](#)

І. У. ПАТАПЧУК (г. Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ЖАНРАЎТВАРАЛЬНАЯ РОЛЯ ПАЭТОНІМАЎ У АЎТАРСКІХ КАЗКАХ РАІСЫ БАРАВІКОВАЙ І БРАТОЎ ДЭБІШАЎ

Дзяцінства з’яўляецца адным з важных этапаў жыцця са значнай праекцыяй на наступную біяграфію чалавека. Кніга для маленькага чытача – люстэрка навакольнага жыцця, акно ў свет. Ад таго, якія кнігі першымі трапяць у рукі дзіцяці, у значнай меры будуць залежаць яго далейшыя літаратурныя схільнасці, яго стаўленне не толькі да выбару для чытання новых твораў, але і да выбару мэты жыцця, выбару героя, на якога дзіця захоча быць падобным. Актуальнасць прадстаўленага даследавання абумоўлена ростам інтарэсу да дзіцячай літаратуры, якая ўяўляе сабой культурны феномен, а таксама недастатковай вывучанасцю анамастычных адзінак у мастацкіх тэкстах для дзяцей. Плённа працуюць у жанры аўтарскай казкі, адрасаванай дзецям, вядомыя берасцейскія пісьменнікі Раіса Баравікова і Анатоль і Васіль Дэбішы, якія асучасніваюць традыцыйныя міфалагічныя і казачныя матывы. Творы згаданых аўтараў блізкія па тэматыцы. Пісьменнікі апавядаюць не толькі пра магію, міфалагічных істот, але пра сям’ю, узаемаадносіны паміж роднымі і блізкімі людзьмі, сябрамі, аднакласнікамі. Маленькія персанажы, а разам з імі і чытачы, назіраючы падзеі айчыннай і сусветнай гісторыі, сучаснага жыцця і будучыні, вучацца шанаваць бацькоў, паважаць настаўнікаў, наладжваць адносіны з сябрамі, шчыра выражаць пачуцці, «галоўнае сярод якіх называецца любоўю да ўсяго, што нам заўсёды дорага і блізка» [1, с. 5]. Ствараючы яркія і запамінальныя карціны жыцця, берасцейскія пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць вобразна-выяўленчыя магчымасці такога насычанага культурна-гістарычнай інфармацыяй складніка мовы, як уласныя імёны. Сукупнасць усіх імёнаў мастацкага тэксту стварае **анамастычную прастору**, або **анамастыкон**, твора.

Большасць антрапонімаў аўтарскіх казак з’яўляюцца **гаваркімі імёнамі** – згорнутамі апісаннямі знешнасці, характару, падзей жыцця герояў. Напрыклад, гаваркое празванне *Мамурык* сведчыць пра месца жыхарства маленькага астранаўта: *Завуць яго Мамурык. І шукаць яго трэба на планеце Мамурыя, дзе заўсёды жылі і, напэўна, жывуць і цяпер – мамуры* [2, с. 3]. Кіраўнік школы, які вучыць жыхароў планеты мудрасці, атрымаў імя *Вялікі Мамур*. Характарыстыкай паводзінаў краўца, героя «Казак з гербарыя» Р. Баравіковай, з’яўляецца імя *Дрэмллік: Карлік у весь час шыў і шыў. І здаралася так, што шые ён чарговую сукенку ці капялюшык і задрэмле на хвіліну. Потым уздрыгне, расплюшчыць вочы і зноў бярэцца за шытво. Адноўчы Ятранка ўбачыла, як задрамаў карлік і пачала яго жартаўліва зваць Дрэмлікам* [3, с. 50]. Манеру маўлення героя «Казак з гербарыя» перадае мянушка: *У таго князя была мянушка Даражэнька. Гэта таму, што да ўсіх ён звяртаўся са словам «даражэнькі»* [3, с. 91].

Немалаважную ролю ў фантастычным свеце Р. Баравіковай адыгрываюць вобразы жывёл і птушак. Іх найменні – **заонімы** – таксама з’яўляюцца **прамагаваркімі паэтонімамі**. Кароль і прынцэса мышынага царства, персанажы «Казак з міфалагічнага люстэрка», носяць празванні *Паднор* і *Паднорка*. Замалёўкай

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 362
из 378

характару начніцы з'яўляецца празванне *Брыся*: *Адразу трэба растлумачыць, чаму маленькую начніцу Натэрэру назвалі – Брыся. Было гэта вось як. З самага пачатку пасля свайго нараджэння маленькая начніца была вельмі гарэзлівай, а да таго і надта цікаўнай. Усё прыцягвала яе ўвагу. І калі гэтая цікаўнасць рабілася проста нясцерпнай, тата тупаў нагою і строга загадваў маленькай начніцы: «Брысь! Брысь адсюль!» [2, с. 10]. Дзейнымі асобамі казак з'яўляюцца звышнатуральныя істоты, надзвычайнай сутнасці якіх адпавядаюць арыгінальныя імёны: *Мупсякарнашжабулвак* – залатое дзіця маленькай, маленькай планеты суор'я Гончых Псоў [3, с. 50].*

Складнікамі анамастыкону казак з'яўляюцца **фітонімы** – найменні раслін: *Эфіюпка чарнушка, Астранцыя Вялікая, Эспарцэт фіялетава, Пальчатакарэннік, кветкі Жальбы*. Часта гэта **гаваркія празванні**: *Паўсюдна вакол цясніны растуць кветкі Жальбы. Яны дораць мамурам смутак. Сёння раніцай я адчуў, што мне не хапае смутку* [2, с. 15].

Эфект праўдзівасці падзей, якія адбываюцца ў казках Р. Баравіковай, фарміруецца за кошт увядзення на старонкі твораў геаграфічных назваў. Гэта **тапонімы** – найменні рэальных гарадоў, рэк, мораў (*Зорны гарадок, Мінск, Белавежская пушча, Налібоцкая пушча, Нёман, Аланка, Атлантычны акіян*), **урбанімы** – назвы плошчаў, раёнаў, вуліц (*праспект Пераможцаў у Мінску*), **касмонімы** – назвы аб'ектаў касмічнай прасторы (*Галактыка, Космас, Зямля, Сонца*). Побач з найменнямі рэальных геаграфічных і касмічных аб'ектаў у казках існуюць найменні мясцін, створаных фантазіяй аўтаркі: *Фіялетава планета, Планета Пяшчаных ураганаў, Планета Сапфіраў, Планета Шэрай непрыветнасці і інш.* На старонках казак нярэдка раскрываецца ўнутраная форма гаваркіх найменняў касмічных аб'ектаў: *Гэта Круг Радасці. Сюды дарослыя мамы прылятаюць, калі ім сумна. Ты бачыш, нібыта мільёны ззяючых вачэй глядзяць на нас. І ў гэтых вачах столькі радасці, што яна перадаецца кожнаму, хто паглядзіць у гэтыя вочы* [2, с. 14].

На думку герояў «Казак з міфалагічнага люстэрка» Р. Баравіковай і зборніка «Белабог» братоў Дэбішаў, звышнатуральнымі істотамі – кашэчым каралём *Вяргінам, Дамавухай, Паветрыкам, Русалкай, Жыжалем*, у якіх верылі нашы продкі – напоўнены свет чалавека ХХІ стагоддзя: кароль катой уносіць сваркі ў жыццё шматпавярхоўкі, парадак у кватэры дапамагае падтрымліваць *Дамавуха*, капялюшык з галавы зрывае гарэзлівы *Паветрык*. У апаведзе пра жыццё добрых і злых духаў выкарыстоўваюцца **міфонімы**: *Дамавуха* – лагодны дух, які спрыяе ладу ў добрай хаце. *Істота нізенькая, тоўсценькая, што бочачка, у доўгай спадніцы з шырокаю фальбонаю ды ў чырвонай кофце з брызжыкамі* – шчыльна занавесіла акно і скіравалася да дзвярэй [1, с. 25]; *У балотнай каламуці пасяліўся Баламуцень: твар азызлы, жоўта-буры – гразь з яго цурком цячэ, з-пад навіслай тоўстай скуры не відаць амаль вачэй* [4, с. 10]; *Да нас таемнаю сцяжынкай, нябачнаю, прыходзіць ён, а з ім празрыстай навуцінкай да дзетак прыплывае сон. Прышоў паціху каля хатаў, паслаў усюды туманы Баюн* – дзядуля зухаваты – і добрыя пакінуў сны [4, с. 14]. Светапогляд продкаў адлюстроўваюць ужытыя ў кантэксце твораў братоў Дэбішаў **геаргонімы** – найменні свят: *Ад хаты да хаты блукае штодзень з шумлівай гурмою вясёлы Аўсень. Ваўкі з ім, мядзведзі, буслы-вестуны – пяюць веселяцца і скачуць яны. Іх кожны вітае, і кожны ім*

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 363
из 378

рады, бо **Святкі** сягоння, бо заўтра – **Каляды**, і ў кожны святочны і радасны вечар Аўсень весяліцца пад шкурай авечай і зычыць дастатку... За жменяю жменю цукеркі кладуць людзі ў торбу Аўсеню [4, с. 18].

У кантэксте казак Р. Баравіковай і братаў Дэбішаў насычаныя культурна-гістарычнай інфармацыяй паэтонімы з'яўляюцца сродкам, які стварае маляўнічыя партрэты герояў, замалёўкі жыцця Зямлі і іншых планет, карціны сівой мінуўшчыны і захапляльнай будучыні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Баравікова, Р. Пра кашэчага караля Вяргіна і мышку Паднорку: казкі з міфалагічнага люстэрка / Р. Баравікова. – Мінск : Звязда, 2017. – 121 с.
2. Баравікова, Р. Дзве аповесці пра міжпланетнага пажарніка і казка пра жабяня Квыш-Квыш / Р. Баравікова. – Мінск : Юнацтва, 1996. – 100 с.
3. Баравікова, Р. Казкі з гербарыя / Р. Баравікова. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2008. – 144 с.
4. Дэбіш, А. І. Белабог : вершы / А. І. Дэбіш, В. І. Дэбіш. – Брэст : Брэст. друк., 2018. – 64 с.

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Вперед](#)

[Назад](#)

Страница 364
из 378

Т. Ю. ЯЦКЕВИЧ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, кандидат филологических наук, доцент

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАЗВАНИЙ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ: ПЕРВИЧНЫЕ ЭРГОНИМЫ

Активизация творческого потенциала человека, внимание к индивидуальному, личностному началу, нежесткая цензура характерны для XXI в. Социально-экономическая ситуация способствует появлению различных творческих объединений, каждое из которых проходит этап номинации. Исследователи определяют номинацию как образование языковых единиц, характеризующихся назывной функцией, как присвоение имени, процесс наименования. Собственные имена деловых объединений людей, в т. ч. союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков, обозначаются термином **эргоним** [1, с. 22, с. 166].

Наименования деловых объединений как эргонимическая подсистема (в целом периферийные разряды онимов) отличаются слабой структурированностью и системностью. Для создания подобных номинаций имядатели используют гетерогенные вербальные (и невербальные) средства, а в качестве имен собственных выступают достаточно разнообразные языковые единицы.

В лингвистической литературе сформировалось несколько подходов к пониманию семиотических типов номинаций, к их первичности/вторичности. У Н. В. Подольской читаем: «Первичное имя – имя, возникшее непосредственно из аппелятива и имеющее форму, идентичную с аппелятивом. Непервичное (вторичное) имя – любое имя, образованное от другого собственного имени» [1, с. 89, с. 109]. Б. А. Серебренников первичные/вторичные номинации характеризует так: «Форма, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях, может быть названа основной формой, или... первичной, или прямой номинацией. Однако в силу языковой асимметрии одна и та же форма может приспособливаться для обозначения иных объектов или выполнения иных функций, в то время как, с другой стороны, данный объект может получать иное наименование. Так образуются в семасиологическом аспекте – вторичные функции, а в ономасиологическом – вторичные, или косвенные, номинации» [2, с. 243].

В контексте нашего исследования интересной является типология онимов О. Е. Яковлевой. Она опирается на классификацию элементарных знаков американского семиотика Ч. Пирса и описывает имена собственные (прагматонимы), учитывая два параметра: 1) первичность, вторичность и прецедентность, определяющие отношение имени к системе языка; 2) иконичность, индексальность и символичность, характеризующие дономастическое значение онима [3, с. 11]. Данный подход и послужил основой для анализа имен собственных музыкальных коллективов г. Минска (всего 397 онимов) в семиотическом аспекте.

В данной статье речь пойдёт о первичных эргонимах, в качестве которых выступают новые, не существовавшие ранее в русском (белорусском) языке единицы (их 42). Первичные имена собственные в свою очередь распадаются на два типа: иконический и индексальный.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 365
из 378

Эргонимы **иконического типа** (36 единиц, 85,7 %) – словесные знаки, воздействующие на адресата главным образом посредством плана выражения. Ведущую роль в восприятии онима играет его звуковая/графическая оболочка. Такие имена характеризуются искусственностью (в этом их первичность); связь музыкального коллектива с его названием носит метафорический характер (в этом – иконичность онима).

В ряде анализируемых эргонимов доминирует план выражения. Например: музыкальная группа «*Племя*» – номинация представляет собой результат гибридизации [4, с. 212], т. е. оним подан смесью латиницы и кириллицы; «*Bod!es*» – номинация образована с применением параграфемки, т. е. путем нестандартного использования знака препинания ! вместо буквы *i* (мотивирующее в переводе с англ. означает ‘тела’); «*ReIikt*» – как и в предыдущем примере, вместо буквы *l* употреблен параграфемный элемент (математический символ) *l*; «*CherryVata*» – название-алогизм образовано интеграцией (снятием междусловного пробела) между англ. *cherry* ‘вишня’ и транслитерированным рус. *vata*; «*IQ48*» – в качестве названия выступает обозначение количественной оценки уровня интеллекта человека (при этом буквы сращены с математическими символами). Что касается последнего примера, по словам фронтмена группы, имя было придумано случайно на лекции по психологии, кроме того, «люди с IQ 48 очень веселые» [5].

К данному типу первичных номинаций можно отнести также некоторые эргонимы с затемненной внутренней формой. Например, расшифровка названия метал-группы «*Dymna Lotva*» у адресата номинации вызывает затруднения; однако имядатели, по всей видимости, имели в виду деревню *Лотва* в Минской области (почему она *дымная*, нам неизвестно). По поводу мотивирующей базы наименования музыкальной группы «*Sameli*» можно выдвинуть несколько предположений: 1) *Самели* – мужское имя, 2) англ. *sameliness* ‘однообразие, монотонность’, 3) слово, наиболее вероятно, выбрали в качестве названия из-за благозвучности. Последнее, вероятно, относится и к эргониму «*Fevilance*» – он представляет собой приятный для слуха набор звуков.

Эргонимы **индексального типа** (6 единиц, 14,3 %) представлены неологизмами русского/белорусского языков, искусственно созданными путем деривации, в т. ч. окказиональной. Например, фронтмен поп-панк-группы «*Леприконсы*» поясняет название следующим образом: «В греческой мифологии был бог тупости, веселья и разврата. И звали его Леприкон. А еще как-то совершенно случайно смотрели “ужастик”, который так и назывался – “Леприкон”. А играл тогда хардкор, панк-рок. Словом, это было НАШЕ название!» [6]. Способ образования эргонима можно определить как изменение фонемного состава мотивирующего слова (добавление фонемы *c*) [7, с. 54] и плюрализация (образование имени в форме множественного числа) [4, с. 207]. Другие примеры: «*Детидетей*» – номинация образована интеграцией; «*ПараЛель*» – мотивирующее *параллель* преобразовалось в сращенное словосочетание ‘*пара лель*’, использована также капитализация, т. е. шрифтовыведение (прописная буква *Л*); «*МанекенЫ*» – оним демонстрирует комбинацию капитализации (прописная *Ы*) и плюрализации; «*Небеда*» – эргоним образован интеграцией (можно говорить и о префиксации).

Таким образом, первичный семиотический тип названий музыкальных коллективов г. Минска не является продуктивным. Однако подобные эргонимы демонстрируют лингвокреацию имядателей, стремление создать яркое, оригинальное, запоминающееся название; особое внимание к плану выражения позволяет именам

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 366
из 378

собственным достаточно успешно выполнять функции не только номинативную, дифференцирующую, но и языкового воздействия (она в свою очередь включает ряд частных функций: эмоциональную, аттрактивную, мнемоническую, игровую), эстетическую, экспрессивную, характерологическую и др.

Список использованной литературы

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 199 с.
2. Серебренников, Б. А. Языковая номинация (Общие вопросы) / Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 360 с.
3. Яковлева, О. Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Е. Яковлева. – Новосибирск, 2006. – 21 с.
4. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных имен / Т. П. Романова // Вестн. СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.
5. IQ48 [Электронный ресурс] // Музыкальная газета. – Режим доступа: <http://www.nestor.minsk.by/mg/articles/2002/27/0900.html>. – Дата доступа: 14.11.2018.
6. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 23.11.2018.
7. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. : Астра-семь, 1996. – 221 с.

Начало

Содержание

Вперед

Назад

Страница 367
из 378

Т. Ю. ЯЦКЕВИЧ (г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина)

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, кандидат филологических наук, доцент

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ НАЗВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ ГОРОДА МИНСКА

В современной ономастике заметное место занимают работы, посвященные наименованиям деловых объединений людей. Наиболее активно эргонимия изучается российскими лингвистами (Г. Н. Алиева, Ф. Ф. Алистанова, А. В. Беспалова, Е. С. Бутакова, Н. А. Гусейнова, Г. А. Донскова, А. М. Емельянова, М. В. Китайгородская, И. В. Крюкова, М. Я. Крючкова, Н. В. Носенко, А. В. Суперанская, Т. П. Романова и мн. др.) и преимущественно на онимном материале разных городов России (Волгоград, Екатеринбург, Москва, Омск, Санкт-Петербург, Уфа и др.). В Беларуси также ведутся исследования эргонимикона нашей страны (И. О. Гапоненко, В. М. Генкин, Л. А. Годуйко, О. Б. Переход, Е. В. Тихоненко, Е. О. Сапегина, Т. Б. Хоанг и др.). Обращает на себя внимание тот факт, что чаще всего объектом лингвистического описания становятся имена коммерческих деловых объединений людей (магазинов, объектов общественного питания, туристических, физкультурно-оздоровительных и прочих организаций).

Номинации творческих коллективов людей, в частности музыкальных, также попали в поле научного интереса ономастологов (диссертация М. Б. Дюжевой «Лингвокультурологические аспекты англоязычных названий музыкальных групп»; статьи Н. И. Григорьевой «Эргоним как источник культурно-эстетической информации (на материале названий российских рок-групп)», Д. В. Пьянковой «Названия музыкальных коллективов рок- и “хэви-метал”-направлений в ономасиологическом аспекте», М. Олейника «Названия музыкальных кавер-групп Люблинского воеводства», Е. С. Плешкова «Функционально-семантические особенности англоязычных названий музыкальных групп, альбомов и песен» и нек. др.). В то же время работы белорусских авторов, посвященные именам творческих объединений как эргонимной подсистеме в целом, их функционированию в ономастическом пространстве Беларуси, выявлены не были. Всё это, а также динамичное развитие подобных номинаций (их особенности обусловлены реалиями нового времени, своеобразием музыкального дискурса) подтверждает актуальность нашего исследования.

В научной литературе эргонимы анализируются в разных аспектах: номинативном, словообразовательном, структурном, функциональном, лингвокультурологическом и др. Мы, вслед за О. Е. Яковлевой, рассматриваем имена собственные как семиотические знаки [1].

Эргонимы в нашей картотеке (397 названий музыкальных коллективов г. Минска, отобранных из различных интернет-ресурсов) по отношению к языковой системе составляют три группы: номинации первичные, вторичные и прецедентные. Остановимся на последних.

Прецедентная номинация – это преобразование распространенных в данном языковом коллективе сложных знаков. Они являются основными, ядерными элементами когнитивной базы, совокупности знаний, представлений всех говорящих на данном языке [2, с. 82]. Прецедентность тесно связана с фоновой информацией – «это социо-

[Начало](#)

[Содержание](#)

[Назад](#)

[Страница 368
из 378](#)

культурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [3, с. 87].

Известность прецедентных феноменов всем или большинству носителей языка, социокультурный фон которых совпадает с таковым у номинатора, делает их (прецедентизмы) востребованными и в искусственной номинации (в т. ч. в анализируемом ее сегменте). Нами выявлено 34 прецедентных эргонима, среди которых 22 (65 %) – символы мировой культуры; 12 (35 %) – символы белорусской культуры.

Прецедентные эргонимы – символы мировой культуры (отдельное место в их кругу занимают символы русской культуры) представляют собой самые разнообразные ПФ: имена богов, известных персонажей, названия произведений искусства, праздников, номинации географических, космических объектов и т. д. Например: рок-группа «*Trubetskoy*» – Никифором Ляпис-Трубецким зовут героя романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»; инструментальное трио «*Князь Мышкин*» названо по имени главного персонажа романа Ф. М. Достоевского «Идиот»; «*Без Билета*» / «*beZ bileta*» – название является цитатой из песни «Прохожий» культовой группы «Кино» (*На концерты я хожу без билета, осенью, зимой хожу, весной и летом*); название хора БГПУ им. М. Танка «*GAUDEAMUS*» тоже цитата – словами *Gaudeamus igitur* начинается студенческий гимн на латинском языке. Эргоним «*Лекарство от меланхолии*» выбирался следующим образом: участники написали названия на листочках, и выпало это; имя показалось достаточно многогранным, многоплановым. Отметим, что аналогично называется сборник рассказов Р. Брэдбери (и подобная прецедентность наталкивает на мысль, что творчество рок-группы может стать тем самым *лекарством от меланхолии*; однако большинство песен рок-группы более чем меланхолично – это своеобразный юмор музыкантов [4]). Регги-группа «*Аддис-Абеба*» названа как столица Эфиопии, которая, в свою очередь, является родиной последнего эфиопского императора Хайле Селассие I, до коронации известного как Рас Тафари Маконнен (именно в его честь названо религиозное движение растафарианство, связанное с регги-музыкой). Название рок-группы «*Yellow Brick Road*» (англ. ‘дорога, вымощенная желтым кирпичом’) связано с книгой «Удивительный волшебник из страны Оз» Л. Ф. Баума – это один из элементов ландшафта сказочной страны. Название рок-группы «*ULIS*» совпадает с заглавием романа Дж. Джойса, наименование образцового хора «*Алые паруса*» отсылает к повести-феерии А. Грина; рок-н-ролл-группа «*Loony Tunes*» называется так же, как мультсериал от Warner Bros. Имя «*Закон Гука*» восходит к физическому термину *закон Гука* – это утверждение, что деформация, возникающая в упругом теле (пружине, стержне и т. п.), пропорциональна приложенной к этому телу силе [5]. Интересно, как высказывается о жизни лидер пост-панк-группы: «Унутры кожнага чалавека існуе спружына, гэта тое, як твой унутраны свет рэагуе на рэчаіснасць вакол цябе. Гэта закон чалавечага існавання: трэба ўвесць час рэагаваць на тое, што навокал. Як націснеш на спружыну ўнутры – так і атрымаеш у адказ. Вібравыі і бесперапынныя змены і ваганні – аснова жыцця. Спружына ўнутры, тое, што прымушае чалавека жыць, рухацца наперад, думаць, хацець, марыць і ісці за сваёй марай» [6]. Эргоним «*Merry Poppins*» (изначально – «*Мэри Поппинс*») был выбран в честь няни-волшебницы, героини повестей П. Трэверс (любимый сказочный персонаж всей *синти-поп-группы* [7]); название студии эстрадного вокала «*Аэлита*» – имя принцессы красной планеты *Аэлита* из одноименного романа

Начало

Содержание

Назад

Страница 369
из 378

А. Толстого, оно переводится как ‘последний свет звезды’ (но даже если адресат этого не знает, то перлокутивный эффект все равно будет достигнут за счет благозвучности онима); метал-группа «*Kliodna*» названа в честь кельтской богини красоты, моря и загробной жизни; поп-рок-группа «*Kaccuoneя*» – по названию созвездия Северного полушария неба.

Прецедентные эргонимы – символы белорусской культуры также преимущественно образуются трансонимизацией, в качестве источника для них выступают мифология, фольклор, этнография, история нашей страны. Например: метал-группа «*Трызна*» – тризной (бел. *трызной*) именуется часть традиционного погребального обряда у восточных славян; блэк-пэйган-фолк-метал-группа «*Kamaedzitsa (Камаедзіца)*» – от названия народного праздника, связанного со встречей весны и пробуждением медведя; народный ансамбль народной музыки «*Рогнеда*» – в честь *Рогнеды Рогволодовны*, полоцкой княжны; фэнтэзи-фолк-группа «*Nevrída*» – имя апеллирует к белорусской Атлантиде, родине народа невров; поп-рок-группа «*Крамбамбуля*» – от номинации белорусского алкогольного напитка, настойки на меду и пряностях. Вокалист альтернативной рок-группы «*МУТНАЕВОКА*» Е. Змушко так объясняет выбор эргонима: «...Это прежде всего белорусский исторический литературный образ, который использовали в своих произведениях еще Кастусь Акула, Янка Купала, Францишек Алехнович и еще многие другие. Это большой, глубокий образ, не только передающий горькую долю – это выражение стало характерным для белорусской литературы и белорусского искусства. А если мы немного узнаем о более поздних временах – был такой фольварек, кофейня, которая называлась “Мутнае вока”... Короче говоря, дело в том, что это такой емкий образ, под которым можно подразумевать все что угодно. Это может быть как счастье, так и падение, как богатство, так и бедность, – это просто естественное человеческое состояние. А вообще этот образ соответствует белорусской нации, как никакой другой» [8].

В целом проанализированные названия музыкальных коллективов представляются интересными, требующими осмысления, обращают и адресатов, и адресантов номинации к широкому культурному фону и еще раз подтверждают: прецедентные онимы выступают как «один из способов хранения и передачи информации, особым образом структурированное знание, обладающее культурно специфическими коннотациями и значительным прагматическим потенциалом» [9, с. 4].

Список использованной литературы

1. Яковлева, О. Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Е. Яковлева. – Новосибирск, 2006. – 21 с.
2. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1997. – С. 82–103.
3. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 224 с.
4. Лекарство от меланхолии [Электронный ресурс] // Музыкальная газета. – Режим доступа: <http://www.nestor.minsk.by/mg/2005/01/mg50183.html>. – Дата доступа: 14.11.2018.
5. Закон Гука [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_Гука. – Дата доступа: 14.11.2018.

Начало

Содержание

Назад

Страница 370
из 378

6. Закон Гука [Электронный ресурс] // Вконтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/zakonguka>. – Дата доступа: 14.11.2018.

7. Merry Poppins [Электронный ресурс] // Музыкальная газета. – Режим доступа: <http://www.nestor.minsk.by/mg/bonus/2006/01/1303.html>. – Дата доступа: 23.11.2018.

8. Наш НеФормат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nneformat.ru>. – Дата доступа: 16.11.2018.

9. Нахимова, Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 45 с.

Начало

Содержание

Назад

Страница 371
из 378

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ.....	5
Кунштель А. А. Адъективная палитра лирики А. Ахматовой	5
Попов А. С. Репрезентация темы поведения солдата во время боевых действий в материалах авторского проекта В. Сарычева.....	9
Цюшкевіч А. А. Моладзевы слэнг у сучаснай лінгвістыцы	12
Юнаш А. Н. Лексема <i>дом</i> в интернет-ресурсах	14
СЕКЦИЯ 1. БРЕСТ И БРЕСТЧИНА В ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ	18
Барздыка П. А. Вобраз Белавежскай пушчы ў публіцыстыцы У. Караткевіча	18
Белов Д. В. Тематико-проблемное поле авторских проектов газеты «Кобрынскі веснік»	21
Бурштын А. В. Асаблівасці гаворкі вёскі Ляхаўцы Маларыцкага раёна.....	24
Грыгорык М. М. Паняцце часу ў паэзіі М. Купрэева (на матэрыяле зборніка «Правінцыйныя фантазіі»).....	29
Дакукін А. Д. Пункціры А. Разанава: адметнасці лексікі	32
Капуза Я. В. Структурные особенности газетного заголовка как идеологического маркера эпохи (на примере областной газеты «Заря»).....	35
Кепин А. Л. Номинация культовых сооружений Бреста и Могилёва: сравнительно-сопоставительный аспект..	38
Кулічык В. Р. Культурна-гістарычная спецыфіка антрапанімікону аповесці А. Бензерука «Мячы Грунвальда, альбо дванаццаць абаронцаў караля».....	41
Назаранка А. М. Гаваркія прозвішчы ў кантэксте аповесці Уладзіміра Дамашэвіча «Кожны чацвёрты»	44
Новак А. В. Пинск и пинчуки глазами русских писателей и публицистов.....	46
Шпарло В. Н. Проблемно-тематическое поле контента областной газеты «Заря»	49
СЕКЦИЯ 2. СЛОВО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ.....	52
ПОДСЕКЦИЯ 1. СЛОВО В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ.....	52
Авезметов О. Д. Переносные наименования лица (лексико-стилистический аспект)	52

Начало

Страница 372
из 378

Валько М. А. Слова як асноўны фактар псіхасаматычных захворванняў	54
Вецік Я. В. Канцэпт «час» у мастацкім кантэксце: структурна-семантычны аналіз.....	56
Дорош Н. Л. Номинативные ряды глаголов со значениями ‘действовать где (место)’, ‘локализовать объект где (место)’ в русском и белорусском языках	59
Лукашевич Т. Ю. Общая лексика онлайн-игр как основа социолекта геймеров.....	61
Мазурук І. М. Семантычныя групы безэквівалентнай беларускай лексікі.....	64
Мостыко Н. Н. Стилистически маркированная лексика в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой	67
Наумова С. А. Актуализация заимствованной лексики в СМИ.....	71
Неменкина М. А. Немецкоязычный лингвострановедческий словарь «Малые города Витебщины»: методика создания	73
Носик А. С. Лексика японского происхождения в русском языке (по материалам словарей).....	75
Пашкавец А. В. Лексіка-семантычнае поле канцэпта «хата» ў кантэксце рамана Г. Марчука.....	78
Степаненко Ю. Н. Экспрессивные словообразовательные типы в современном русскоязычном интернет-дискурсе	80
Степанова О. И. Нумерально-темпоральный номинативный тип нетерминологических нозологических наименований.....	83
Сюй Лан Культура межнациональных отношений как важнейшее ценностное качество в современном социуме	86
Сячко А. Ю. Змест канцэпту «радзіма» ў беларускамоўным выражэнні	89
Хомцова Е. В. Предпосылки исследования фаунистической лексики	92
ПОДСЕКЦИЯ 2. СЛОВО В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.....	94
Алиджанова А. Т. Безэквивалентные номинации деловых людей в русском и английском языках: историко-культурный аспект	94
Аннамовламова З. А. Этимология номинаций домашних животных в русском языке	97
Бабій М. О. Лексика на позначення напоїв у «Щоденнику» генерального хорунжого Миколи Ханенка	101
Баришнікова А. А. Nomina agentis у «Щоденнику» генерального хорунжого Миколи Ханенка	104

Начало

Страница 373
из 378

Божко Т. В. Риторика эпохи барокко как нормативно-дескриптивная инстанция культуры	107
Бойчик О. А. Змея как один из ключевых персонажей зооморфного кода русской культуры	110
Гомонов Р. Н. Стилистические функции личных местоимений в творчестве поэтов-«шестидесятников»	113
Гурбанова А. С. Клятва Гиппократов. История и современность	116
Долмат А. С. Азбучные истины: постижение себя и мира	119
Зуева Е. А. Паралексо-омонимичные отношения универбов в русском и белорусском языках (на материале толковых словарей)	121
Кульчицкая О. Д. Этимологические и функциональные особенности наименований одежды в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»	125
Лазаренко И. В. Имена числительные в публицистике XVIII века.....	128
Минко А. Г. К вопросу о способах категоризации действительности в области медицинских знаний носителями древнерусского языка (на материале памятников русской письменности XI–XVII вв.).....	131
Романко Я. С. Семантический профиль концепта «здоровье» в языковой картине мира русских (на материале сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»).....	134
Хомич Н. В. Языковые средства выражения образа Петербурга в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»...	137
Цырыльчук Д. Г. Динамика ассоциативных связей в русском языке (на материале слов <i>мать</i> и <i>отец</i>).....	140
ПОДСЕКЦИЯ 3. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И МИРОВОСПРИЯТИЯ НАРОДА	143
Аннаева С. М. Фразеологизмы со значением «семья» в русском и туркменском языках	143
Атаджанова С. М. Русские фразеологизмы, связанные с мимикой человека.....	145
Вабішчэвіч В. М. Устойлівыя выразы ў народна-дыялектным маўленні	147
Гегеня Г. А. Прыказкі як выразнікі камунікатыўных інтэнцый у літаратурным кантэксте	150
Гопта В. Фразеологизмы с соматическими компонентами в русском и словацком языках	153
Карнеева В. І. Выражэнне падтэкставай інфармацыі пры замене кампанента фразеалагізмаў у апавесці У. Караткевіча «Дзікае паляванне караля Стаха»	156
Кучарэнка А. С. Ацэначныя прыказкі ў літаратурным кантэксте	159

Начало

Страница 374
из 378

Сапардурдыева Э. О. Классификация фразеологизмов со значением отрицательных эмоций в русском языке.....	162
Сапарова Д. Г. Фразеологизмы с названиями головных уборов в русском языке	165
Столярова А. Н. О неофраземах в публицистических текстах.....	167
СЕКЦИЯ 3. СЛОВО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	170
Герасімава А. А. Моўныя сродкі выражэння ацэнкі ў творах Міхася Стральцова	170
Гуриш Р. Г. Морфологические особенности идиостиля И. С. Тургенева (корпусное исследование повести «Ася»).....	173
Канановіч П. І. Параўнальныя канструкцыі ў мастацкім радку В. Быкава.....	176
Колядюк М. И. Языковые особенности верлибров Карена Жангирова.....	179
Крупская М. В. Лексіка-стылістычная арганізацыя вобраза аўтара ў рэпартажы.....	181
Куликова О. Ю. Языковая картина мира как основа формирования этнической идентичности	183
Кушникова Ю. А. Лексическая экспликация образа любви в идиостиле Ф. И. Тютчева	186
Логош О. А. Колоронимы в идиостиле В. Б. Кривулина	189
Макарэвіч В. А. Параўнальныя канструкцыі ў мастацкім радку Янкі Брыля.....	192
Нестерук А. Г. Анализ женского речевого портрета (на материале рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья»).....	195
Павлюковец А. Н. Жанровое воплощение гендерных стереотипов на страницах СМИ Брестчины.....	199
Паржон Н. А. Канцэпт «беларус» у творчасці Івана Шамякіна	202
Саларьова А. В. Мовна особистість матері в п'єсі Павла Ар'є «На початку і наприкінці часів»	205
Синкевич В. А. Языковая личность журналистки Анны Виленцевич (Каспер) в аспекте тропики.....	207
Сусан АлакORN Роль поликультурных знаний в формировании вторичной языковой личности.....	209
Тітова Т. В. Семантико-стилістичний аналіз антонімів у романі Валер'яна Підмогильного «Місто»	212
СЕКЦИЯ 4. СЛОВО В АСПЕКТЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	215
Аннасахедова Б. Т. Понятие «обзорная тема» и специфика ее изучения в школьном курсе русской литературы.....	215
Атаджанова С. М. Изучение пьесы-сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» в 5 классе.....	217

Начало

Страница 375
из 378

Ачылова Д. Н. Личные имена существительные: соотношение рода и пола.....	219
Ашырова О. И., Джораева Б. Д. Приемы осмысления учебно-научного текста: опыт первокурсников	221
Бонда О. С. Нестандартные задания по фразеологии в контексте формирования лингвокультурологической компетенции учащихся 5 класса	224
Лада А. И. О некоторых особенностях текстового сопровождения интерфейса банкоматов Республики Беларусь.....	227
Мухыев Н. А., Ибрагимов И. В. Текстовая организация русскоязычного интерфейса некоторых почтовых интернет-систем.....	230
Овезова Н. Е. Виды речевой деятельности в учебной деятельности иностранного студента-первокурсника.....	233
Отузов Х. А. «Музыкальные» задания на уроках русского языка	236
Пугачова Д. Г. Парушэнне арфаграфічнай і лексічнай нормы ў сучаснай беларускай прэсе.....	239
Рахманиязов Б. М. Работа над структурой научно-популярного текста на занятиях по русскому языку как иностранному	241
Сапарова Д. Г. Историческое прошлое на уроках в 5 классе (на примере изучения стихотворения «Бородино» М. Ю. Лермонтова).....	244
Сахатов Н. Т. Лингвистический анализ текста как средство развития письменной речи учащихся	247
Стручык-Долюк Э., Шаляст-Бытыс У. Обучение профессиональной лексике как необходимой составляющей обучения иностранному языку.....	250
Шаляст-Бытыс У., Стручык-Долюк Э. Профильные тексты и деловая документация как средство обучения лексике студентов специальности «Бизнес-русский»	253
СЕКЦИЯ 5. ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ТЕКСТА	
ПОДСЕКЦИЯ 1. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕСТОВ	
Березнева П. И. Детское «недетское» стихотворение: результат лингвистического анализа.....	256
Бондаренко О. О. Засоби ускладнення речення в Хмільницькому літописі.....	260
Буйкевіч Г. В. Жанр жыццёвай гісторыі ў сучасным друку (на матэрыяле газеты «Народная трыбуна»)	263
Гугнюк С. С. Іншамоўныя намінацыі раслін у паэтычным кантэксце Л. Дранько-Майсюка	266

Начало

Страница 376
из 378

Клімовіч Т. Т. Назвы дзікіх і культурных кустарнікаў у кантэксце рамана В. Адамчыка «Чужая бацькаўшчына»	268
Козлова Т. А. Семантические особенности языковых единиц, обозначающих моральные качества, в белорусском художественном тексте	271
Корнева А. А. Лексические средства в рекламном тексте	274
Кот Д. С. Изобразительно-выразительные языковые средства в повести И. С. Тургенева «Первая любовь».....	277
Кушникова Ю. А. Лингвистический анализ «Сказки о рыбке и рыбаке» монахини Евфимии (Аксаментовой)	280
Медведчук А. О. Відмінкова парадигма іменників у Чернігівському літописі	284
Осокина Е. Р. Парадигматические отношения лексических единиц в художественной речи (на примере поэтических текстов Е. Евтушенко)	287
Печёрина Е. А. Явление словообразовательной синонимии в публицистических текстах Максима Грека и И. С. Пересветова	290
Пивовар Л. Ю. Засоби вираження підмета у Хмільницькому літописі	292
Рудаченко Е. А. Заголовки в трансляциях телеканала Vital Sport	294
Сарока К. С. Выкарыстанне маладзёжнага слэнгу ў сучасных друкаваных СМІ Беларусі: стылістычны аспект (на матэрыялах газет «Переходный возраст», «Знамя юности»)	296
Янушэвіч Н. Н. Некаторыя асаблівасці ўжывання беларускай і рускай моў у двухмоўных СМІ Гродзеншчыны	299
ПОДСЕКЦИЯ 2. ТЕКСТ КАК ЦЕЛОСТНОЕ РЕЧЕВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ	301
Арэшка Ю. В. Тэма вайны ў афарыстыцы Васіля Быкава.....	301
Березнева П. И. Концепция героя в творчестве В. Шукшина.....	304
Бирук К. Ю. Философская основа поэзии старосимволистов	307
Вирковский Д. А. Художественная концептуализация истории в рассказах В. Ф. Тендрякова 1970–1980 гг. ..	310
Глухова Д. В. Способы репрезентации новостных порталов Lenta.ru и Tut.by в пространстве социальных сетей.....	312
Гончарова Н. А. Функционирование медиатекста в диджитал-маркетинге	315

Начало

Страница 377
из 378

Громков В. В. Жанровые стратегии газеты «Рекламный калейдоскоп» в освещении производственно-промышленной тематики	319
Зиновенко П. Ю. Роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина: преломление философских доктрин современности	322
Карпук С. О. Модус драматизма в сборнике «Вечер» А. Ахматовой	325
Павлюченко В. И. Проблемно-тематическое поле журналистского расследования в современных СМИ Беларуси	328
Швидченко А. Э. Природа жанра повести «Небесные тихоходы» М. Москвиной	331
СЕКЦИЯ 6. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В НОМИНАТИВНОМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ	334
Аннамовламова З. А. Туркменские мужские антропонимы мусульманского происхождения.....	334
Гурьянова А. В. Способы номинации туристических предприятий Брестчины: однословные эргонимы.....	337
Денисюк О. В. Геортонімікон ділової документації Брацлавщини другої половини XVI ст.....	340
Ермолова М. И. Отобъектные номинации текстиля от производителей Брестчины	343
Зелёнок Т. И. Фразеологические компаративы с именем собственным	346
Кемалов Ш. Н. Мужские личные имена в современном Туркменистане.....	349
Корова О. Д. Женские личные имена в современном Туркменистане.....	351
Ладутько Я. С. Эрговиконимия Брестчины как источник лингвокультурологической информации.....	353
Минькевич Д. Д. Словообразовательные особенности эргонимов с лексемой <i>Гродно</i> и ее производными	356
Новогран Ю. В. Интернациональные фразеологизмы с топонимическим и антропонимическим компонентами	359
Патапчук І. У. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у аўтарскіх казках Раісы Баравіковай і братоў Дэбішаў.....	362
Яцкевич Т. Ю. Семиотические типы названий музыкальных коллективов: первичные эргонимы.....	365
Яцкевич Т. Ю. Прецедентные названия музыкальных коллективов города Минска	368

Начало

Страница 378
из 378